ЗАСНОВНИК І ВИДАВЕЦЬ: УНІВЕРСИТЕТ імені АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ

ISSN 2523-4463 (print) ISSN 2523-4749 (online) DOI 10.32342/2523-4463-2019-2-18

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ Заснований у жовтні 2010 р. Виходить 2 рази на рік

BULLETIN OF ALFRED NOBEL UNIVERSITY

СЕРІЯ

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

SERIES «PHILOLOGY»

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ, ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ ТА ЛІНГВОДИДАКТИКИ

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Програмні цілі – висвітлення результатів новітніх досліджень та досягнень філологічної науки за всіма напрямами і аспектами її розвитку та практичного застосування.

Для наукових працівників, фахівцівлінгвістів, літературознавців, перекладознавців, студентів, широкого кола науковців і дослідників всіх напрямів розвитку філології.

Матеріали публікуються змішаними мовами.

Журнал «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» затверджений у Переліку наукових фахових видань рішенням Атестаційної колегії Міністерства освіти і науки України (наказ від 24.10.2017 р. № 1413).

Журнал затверджено до друку і до поширення через мережу Інтернет за рекомендацією вченої ради Університету імені Альфреда Нобеля

(протокол № 7 від 31.10.2019 р.).

Програмні цілі — висвітлення результатів новітніх досліджень імені Альфреда Нобеля». Журнал «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля».

Серія «Філологічні науки» зареєстровано у міжнародних наукометричних базах і директоріях Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Index Copernicus, Science Index (РІНЦ) та індексується в інформаційно-аналітичній системі Національної бібліотеки України імені Вернадського та Google Scholar.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 22576-12476ПР від 20.02.2017 р.

РЕДАКЦІЙНА РАДА

Голова редакційної ради Б.І. ХОЛОД,

доктор економічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Заступник голови редакційної ради А.О. ЗАДОЯ, доктор економічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Члени редакційної ради

С.Б. ВАКАРЧУК, доктор фізико-математичних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля,

В.А. ПАВЛОВА, доктор економічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) А.А. СТЕПАНОВА, доктор філологічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) О.Б. ТАРНОПОЛЬСЬКИЙ, доктор педагогічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор серії

А.А. СТЕПАНОВА, доктор філологічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) Відповідальний секретар

О.М. ТУРЧАК, кандидат філологічних наук, доцент (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Члени редакційної колегії

А.В. АНІСТРАТЕНКО, кандидат філологічних наук, доцент (Буковинський державний медичний університет) Н.О. ВИСОЦЬКА, доктор філологічних наук, професор (Київський національний лінгвістичний університет)

я.В. ГАЛКІНА, кандидат філологічних наук, доцент (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) А.А. ЗЕРНЕЦЬКА, доктор філологічних наук, професор (Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, м. Київ)

Н.В. ЗІНУКОВА, кандидат педагогічних наук, доцент (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) О.О. КОРНІЄНКО, доктор філологічних наук, професор (Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, м. Київ)

А.В. ЛЕПЕТЮХА, кандидат філологічних наук, доцент (Харківський національний

педагогічний університет імені Г.С. Сковороди) О.І. МОРОЗОВА, доктор філологічних наук, професор (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)

В.Д. НАРІВСЬКА, доктор філологічних наук, професор (Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара)

В.Г. НІКОНОВА, доктор філологічних наук, професор (Київський національний лінгвістичний університет) Л.К. ОЛЯНДЕР, доктор філологічних наук, професор (Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки)

О.І. ПАНЧЕНКО, доктор філологічних наук, професор (Дніпровський національний університет

(Київський національний університет імені Тараса Шевченка)

Л.І. ТАРАНЕНКО, доктор філологічних наук, доцент (НТУУ «Київський політехнічний інститут

імені Ігоря Сікорського»)

О.Б. ТАРНОПОЛЬСЬКИЙ, доктор педагогічних наук, професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро) Т.В. ФІЛАТ, доктор філологічних наук, професор

(ДЗ «Дніпропетровська медична академія МОЗ України»)

Н.Л. ЮГАН, доктор філологічних наук, професор (Київський національний університет імені Тараса Шевченка)

EDITORIAL COUNCIL

Head of Editorial Council BORYS KHOLOD,
Doctor of Economics, Full Professor,
President of Alfred Nobel University

Deputy Head of Editorial Council ANATOLII ZADOIA

Doctor of Economics, Full Professor, Alfred Nobel University

Members of Editorial Council

SERGIY VAKARCHUK

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Full Professor, Alfred Nobel University

VALENTYNA PAVLOVA

Doctor of Economics, Full Professor, Alfred Nobel University ANNA STEPANOVA

Doctor of Philology, Full Professor, Alfred Nobel University **OLEG TARNOPOLSKY**

Doctor of Pedagogy, Full Professor, Alfred Nobel University

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

ANNA STEPANOVA

Doctor of Philology, Full Professor, Alfred Nobel University Executive Assistant

OLENA TURCHAK

PhD in Philology, Assistant Prof., Alfred Nobel University

Editorial Board Members

ANTONINA ANISTRATENKO

PhD in Philology, Associate Prof., Bukovinian State Medical University NATALIIA VYSOTSKA

Doctor of Philology, Full Professor, Kyiv National Linguistic University

YANA GALKINA

PhD in Philology, Associate Prof., Alfred Nobel University ALLA ZERNETSKAYA

Doctor of Philology, Associate Prof., National Pedagogical Dragomanov University

NATALIIA ZINUKOVA

PhD in Pedagogy, Associate Prof., Alfred Nobel University

OKSANA KORNIYENKO

Doctor of Philology, Full Professor, National Pedagogical

Dragomanov University ANASTASIIA LEPETIUKHA

PhD in Philology, Assistant Professor, H.S. Skovoroda Kharkiv

National Pedagogical University
OLENA MOROZOVA

Doctor of Philology, Full Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University VALENTINA NARIVSKAYA

Doctor of Philology, Full Professor, Oles Honchar Dnipro National University

VERA NIKONOVA

Doctor of Philology, Full Professor, Kyiv National Linguistic University LUIZA OLIANDER

Doctor of Philology, Full Professor, Lesya Ukrainka Eastern

European National University

OLENA PANCHENKO

Doctor of Philology, Full Professor, Oles Honchar Dnipro National

University IRYNA PRUSHKOVSKA Doctor of Philology, Associate Prof., Taras Shevchenko National

University of Kyiv LARYSA TARANENKO

Doctor of Philology, Professor, NTUU "Igor Sikorsky Kyiv

Polytechnic Institute

OLÉG TARNOPOLSKY

Doctor of Pedagogy, Full Professor, Alfred Nobel University TATYANA FILAT

Doctor of Philology, Full Professor, Dnipropetrovsk Medical Academy of Health Ministry of Ukraine

NATALIIÁ YUHAN

Doctor of Philology, Full Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv

© Вісник Університету імені Альфреда Нобеля, 2019

© Університет імені Альфреда Нобеля, оформлення, 2019

МІЖНАРОДНА РЕДАКЦІЙНА РАДА

М.П. АБАШЕВА, доктор філологічних наук, професор (Пермський державний гуманітарно-педагогічний університет, Російська Федерація)

Н.Л. БЛІЩ, доктор філологічних наук, професор (Білоруський державний університет,

Білорусь) ОКСАНА ВІЛЛІС, PhD з філології, доцент

(Гарвардський університет, США) М.К. ГОЛОВАНІВСЬКА, доктор філологічних наук, професор

(Московський державний університет

імені М.В. Ломоносова. Російська Федерація) О.В. ЛЕДЕНЬОВ, доктор філологічних наук, професор

(Московський державний університет

імені М.В. Ломоносова, Російська Федерація)

Г.Б. МАДІЄВА, доктор філологічних наук, професор

(Казахський національний університет

імені Аль-Фарабі, Казахстан) Г.Л. НЄФАГІНА, доктор філологічних наук, професор

(Академія Поморська в Слупську, Польща)

КЬОКО НУМАНО, магістр філології, професор

(Токійський державний університет

міжнародних досліджень, Японія) Н.Т. ПАХСАРЬЯН, доктор філологічних наук, професор

(Московський державний університет імені М.В. Ломоносова, Російська Федерація)

Л. СІРИК, доктор філологічних наук, професор

(Університет імені Марії Склодовської-Кюрі у Любліні,

А.Б. ТЕМІРБОЛАТ, доктор філологічних наук, професор (Казахський національний університет

імені Аль-Фарабі, Казахстан)

Т. ЯНСЕН, PhD з філології

(Університет Уельсу Трініті Сент Девід,

Велика Британія)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

MARINA ABASHEVA

Doctor of Philology, Full Professor, Perm State Humanitarian

Pedagogical University (Russian Federation)

NATALIA BLISHCH

Doctor of Philology, Full Professor, Belarusian State University (Relarus)

OKSANA WILLIS

PhD in Philology, Assistant Professor, Harvard University (USA)
MARIA GOLOVANIVSKAYA

Doctor of Philology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)

ALEKSANDR LEDENEV

Doctor of Philology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)

GULMYRÁ MADIYEVA

Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

GALINA NEFAGINA

Doctor of Philology, Full Professor, Pomeranian University in Slupsk (Poland) KYOKO NUMANO

Master in Philology, Full Professor, Tokyo State University of Foreign Studies (Japan) NATALYA PAKHSARYAN

Doctor of Philology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)

LUDMILA SIRYK Doctor of Philology, Full Professor, Maria Curie-Skłodowska

University in Lublin (Poland)

ALUA TEMIRBOLAT

Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National

University (Kazakhstan)

THOMAS JANSEN

PhD in Philology, Associate Professor, University of Wales Trinity Saint David (United Kingdom of Great Britain)

Усі права застережені. Повний або частковий передрук і переклади дозволено лише за згодою автора і редакції. При передрукуванні посилання на «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» обов'язкове

Редакція не обов'язково поділяє точку зору автора і не відповідає за фактичні або статистичні помилки, яких він припустився.

Редактори М.С. Кузнецова, О.О. Шевцова

Комп'ютерна верстка А.Ю. Такій

Підписано до друку 31.10.2019. Формат 70×108/16. Ум. друк. арк. 26,25. Тираж 300 пр. Зам. №

Адреса редакції та видавця:

49000, м. Дніпро, вул. Січеславська Набережна, 18. Університет імені Альфреда Нобеля

Тел/факс (056) 778-58-66. e-mail: rio@duan.edu.ua

Віддруковано у ТОВ «Роял Принт». 49052, м. Дніпро, вул. В. Ларіонова, 145. Тел. (056) 794-61-05, 04 Свідоцтво ДК № 4765 від 04.09.2014 р.

зміст

	КТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ А ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ	
	Гайдаш А.В. Діахронічна перспектива дискурсу старіння в літературі Західної Європи та США	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-1	8
	Оляндэр Л.К. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в новом прочтении: нюансы реалистического метода	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-2	28
	ІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ Синило Г.В.	
	Библия в мире Йенского романтизма	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-3	47
Ĉ	СПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ ХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР	
	Аслан 3.М. Роль Хуршидбану Натаван в формировании карабахской литературной среды XIX века	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-4	75
	Проблемы художественного осмысления исторической памяти в современной азербайджанской прозе	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-5	81
	Влияние азербайджанского устного народного творчества на современные языковые процессы DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-6	89
	Патлань Ю.В. Василий Ерошенко как создатель и руководитель первого Республиканского детского дома для слепых детей Туркменской ССР (1935—1945)	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-7	98
Â	КТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ А ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ	
888.68	Анненкова Е.С.	*******
	Внутри визуальных образов: «текст культуры» в повести Джона Фаулза «Башня из черного дерева»	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	139
	Білик Н.Л. Синестезія в романній творчості М. Павича: «Краєвид, мальований чаєм» DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-9	153
	Коврига Ю.В. «Пограничные ситуации» и их роль в выявлении подлинной сущности человека	100
	в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-10	161
	Лімборський І.В. Голос раба як голос «Іншого» у романі Лайли Лаламі «Мемуари мавра»	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-11	170
	Наривская В.Д. «Роман в письмах» И. Шмелева и О. Бредиус-Субботиной: парадоксы запахов и ароматов любви DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-12	177
	Педченко Е.В. Гендерно-вариативная репрезентация размышлений о любви Зинаиды Гиппиус	1//
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-13	186
	Полежаева Т.В. Басня и «басенная продукция» в современном интернет-пространстве	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-14	195

	Sukhenko I.M.Materialization of "The Invisible Nuclear" in U.S. Nuclear Fiction on ChernobylDOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-15Яловенко О.В.Концепт уявного дому і транскультурна парадигма в оповіданні Д. Лагірі «У пані Сен»DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-16	
Â	КТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ, ПНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ ТА ЛІНГВОДИДАКТИКИ	
	Лепетюха А.В. Поліпредикативні полісинонімічні висловлення (на матеріалі французької художньої прози XX — поч. XXI ст.)	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-17	. 221
	Паламар Н.І. Вступ похвальної промови як частина її структурно-композиційної побудови DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-18	. 232
	Protsenko I.Yu., Davtiants I.I. Transformaciones Semanticas de los Componentes del Sistema Linguístico del Paraguay	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-19	. 238
	Тимощук Н.М. Фразеологізми з компонентом-орнітонімом у лексичній системі англійської мови DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-20	2/10
	Томіленко Л.М.	. 243
	Релігійна лексика в українській перекладній лексикографії 1918–1933 років (на прикладі іменникі DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-21	
	Хаботнякова П.С. Прагматичний ефект актомовленнєвої реалізації біблійних образів-символів у містичних трилерах Френка Перетті	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-22	. 264
	Шум'яцька О.М. Емфатичне вибачення у німецькій лінгвокультурі	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-23	. 273
9000		
L	ІЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ	
	Pysmennyi T.E., Pliushchai A.A., Onishchenko M.Y. Interlingual Homonyms in Spanish and Italian: False Friends – Real Enemies of Translators	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-24	. 280
	Сопилюк Н.М., Царенко І.О. Компаративний аналіз систем машинного перекладу економічного дискурсу (на прикладі французько-українських мовних пар)	
	DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-25	. 289
	HANN APTORIA	207
	HAWI ABTOPN	
	OUR AUTHORS	. 299

CONTENTS

	OPICAL PROBLEMS OF THEORY OF LITERATURE AND LITERARY CRITICISM	
	Anna V. Gaidash Diachronic perspective on the aging discourse in the fictions of Western Europe and the USA DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-1	8
	Luiza K. Oliander M. Lermontov's novel "A Hero of Our Time" in new interpretation: nuances of realistic method DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-2	28
	ITERARY TRADITIONS: THE DIALOGUE OF CULTURES AND EPOCHS	
	Galina V. Sinilo The Bible in the world of Jena Romanticism DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-3	47
Â	SPECTS OF SOCIOCULTURAL PROBLEMATICS OF ORIENTAL LANGUAGES AND LITERATURE	
	Zenfira M. Aslan Role of Khurshidbanu Natavan in the formation of the Karabakh Literary media in the19th century DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-4	75
	Aslanova G. Nigar Artistic interpretation problems of historical memory in modern Azerbaijani prose DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-5	81
	Melek K. Mamedova Influence of Azerbaijani folklore on the modern language processes DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-6	89
	Vasily Eroshenko as founder and headmaster of the first Republican orphanage for blind children of the Turkmen SSR (1935–1945) DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-7	98
	OPICAL ISSUES OF AESTHETICS	******
Ž	ND POETICS OF A LITERARY WORK Olena S. Annenkova	
Δ	ND POETICS OF A LITERARY WORK	139
Δ	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153
<u> </u>	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153 . 161
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153 . 161 . 170
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153 . 161 . 170
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153 . 161 . 170
	Olena S. Annenkova Inside John Fowles' visual images: "text of culture" in John Fowles' short story "The Ebony Tower" DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8	. 153 . 161 . 170

Olha V. Yalovenko	
The concept of imaginary home in Jhumpa Lahiri's "Mrs. S	en`s"

	OPICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS ND LINGUOCULTUROLOGY	
	Anastasiya V. Lepetiukha Polysynonymic polypredicative utterances (on the material of the French fiction of the 20th – beginning the 21st centuries)	g of
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-17	22:
	Natalya I. Palamar "The introduction" as a part of compositional structure of the laudatory speech	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-18	232
	Igor Yu. Protsenko, Irina I. Davtiants Semantic transformations of the Paraguay linguistic system components	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-19	238
	Nataliia M. Tymoshchuk Phraseologisms with ornithonyms in the lexical system of the English language	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-20	249
	Liudmyla M. Tomilenko Religious vocabulary in the Ukrainian bilingual lexicography from 1918 to 1933 (a case study of nouns)	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-21	25
	Polina S. Khabotniakova Pragmatic effect of the speech-act realization of Biblical images-symbols in Frank Peretti`s mystical thriller	rs
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-22	264
	Oleksandra M. Shumiatska Emphatic apology in German linguaculture	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-23	273
П	RANSLATION STUDIES	
	Taras E. Pysmennyi, Aleksander A. Pliushchai, Marianna Yu. Onishchenko Interlingual homonyms in Spanish and Italian: false friends – real enemies of translators	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-24	280
	Nataliia M. Sopyluk, Ilona O. Tsarenko The comparative analysis of the machine translation systems of economic discourse (on the example of	
	French-Ukrainian language pairs)	
	DOI: DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-25	289

OUR AUTHORS 299

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 82.09(4+73):[316.34:613.98] DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-1

А.В. ГАЙДАШ,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської філології Київського університету імені Бориса Грінченка

ДІАХРОНІЧНА ПЕРСПЕКТИВА ДИСКУРСУ СТАРІННЯ В ЛІТЕРАТУРІ ЗАХІДНОЇ ЄВРОПИ ТА США

Актуальність вивчення дискурсу старіння зумовлена потребою розуміння збільшення середньої тривалості життя, що знаходить своє відображення у художній літературі. Дослідження віку та геронтологічні студії ХХ ст. вказують на необхідність соціопсихологічного та історикокультурного аналізу феномену старіння, осягнення якого неможливе без вивчення його діахронії у відповідному суспільстві з його особливою архітектонікою. Метою статті є окреслення основних віх суспільних та художніх репрезентацій старіння в західній цивілізації у діахронічній перспективі на основі філософських, антропологічних та історичних праць С. де Бовуар, Д.Х. Фішера, Т.Р. Коула та інших. Авторка простежує репрезентації літнього віку у знакових творах античності, Середньовіччя, Відродження, XVII, XVIII, XIX та XX ст. у в'язці з антропологічними спостереженнями окремого періоду. Релігійно-общинне розуміння старості простежується у західній цивілізації протягом від до-античних часів та до кінця XVII ст. Потім відбувається різкий перехід до науково-індивідуалістичного сприйняття геронтогенезу в Європі та США у період з XVIII по XX ст. З'ясовано, що домінантним аспектом дискурсу старіння в художній літературі впродовж тривалого часу був і залишається мотивний комплекс міжпоколіннєвих конфліктів. Сучасний же дискурс вікової динаміки старіння в художній літературі розробляє також репрезентації повсякденного життя літніх персонажів, відтворює їх місце й роль у соціумі, стосунки із сім'єю та питання трансцендентності. Висновуємо, що суспільне ставлення до геронтогенезу та його літературні вияви зазнавали драматичних, інколи полярних змін упродовж понад двох тисячоліть.

Ключові слова: дискурс старіння; діахронія; художня література; геронтогенез; міжпоколіннєвий конфлікт.

Актуальность изучения дискурса старения обусловлена необходимостью понимания увеличения средней продолжительности жизни, что находит свое отражение в художественной литературе. Геронтологические студии XX в. указывают на необходимость социопсихологического и историко-культурного анализа феномена старения, постижение которого невозможно без изучения его диахронии в соответствующем обществе с его особой архитектоникой. Целью статьи является определение основных вех общественных и художественных репрезентаций старения в западной цивилизации в диахронической перспективе на основе философских, антропологических и исторических трудов С. Де Бовуар, Д.Х. Фишера, Т.Р. Коула и других. Автор прослеживает репрезентации старости в знаковых произведениях античности, Средневековья, Возрождения, XVII, XVIII, XIX и XX вв. в связке с антропологическими наблюдениями каждого периода. Религиозно-общинное понимание старости прослеживается в западной цивилизации на протяжении от до-античных времен и до конца XVIII ст. Затем происходит резкий переход к научно-индивидуалистическому восприятию геронтогенеза в Европе и США в период с XVIII по XX в. Выяснено, что доминантным аспектом дискурса старения в художественной литературе на протяжении длительного времени был и остается мотив-

ный комплекс межпоколенческих конфликтов. Современный же дискурс возрастной динамики старения в художественной литературе разрабатывает также репрезентации повседневной жизни пожилых персонажей, воспроизводит их место и роль в социуме, отношения с семьей и вопросы трансцендентности. В статье демонстрируется, что общественное отношение к геронтогенезу и его литературные проявления испытывали драматические, иногда полярные изменения на протяжении более двух тысячелетий.

Ключевые слова: дискурс старения; диахрония; художественная литература; геронтогенез; межпоколенческий конфликт.

еронтологічні студії XX ст. перетворили старіння на соціопсихологічний та історикокультурний феномен, осягнення якого неможливе без вивчення його діахронії у відповідному суспільстві з його особливою архітектонікою. Дедалі більше сучасних вчених вивчають репрезентації досвіду літнього віку та процесів старіння на матеріалі художніх творів, написаних у різні історичні періоди. Такі науковці, як Сьюзен Лансер [23], Марк Сенді [29], Лінда Претт [27], Емі Каллі [15], Лючінда Расмуссен [28], Джина Стемм [32], Девід Феллон [18] і Джонатан Шіерс [19], Маргарет О'Ніл і Міхаела Шраге-Фру [25] активно досліджують діахронічні аспекти дискурсу старіння у різних національних літературах. На основі філософських, антропологічних та історичних праць С. де Бовуар, Д.Х. Фішера, Т.Р. Коула та інших окреслюємо основні віхи суспільних та художніх репрезентацій старіння в західній цивілізації у діахронічній перспективі [13; 20; 14], оскільки «образи старості та старіння (у різних художніх текстах — А.Г.) великою мірою зумовлені їхньою історичною та культурною обстановкою: вони можуть значно відрізнятися залежно від часу та місця» [21, с. 14]. Вчені спираються на трансцендентний, суспільний та індивідуальний стрижні для окреслення історії старіння.

За С. де Бовуар, в історії західної цивілізації існує два протилежні погляди на літній вік: за першим (юридичного моралізму) старість шанувалася, за другим (поетичним) — зневажалася. Водночас об'єктивну її картину за наявними даними змалювати неможливо, адже згадки про геронтогенез стосувалися лише представників привілейованих класів (про що пишуть також Фішер і Коул), у решті випадків літня людина залишалася на узбіччі суспільного інтересу, а тому проблема старості — це значною мірою проблема державного устрою й соціальних цінностей [13, с. 89]. Зауважимо, що така нерівномірність у вивченні геронтогенезу та процесів старіння спостерігається у всіх проаналізованих працях (Коул, Фішер). Особливо це стосується теми старіння жінки, для якої цей процес був протягом століть причиною збентеження, сорому й навіть ганьби: жінка всіляко намагалася приховати свій вік і виглядати молодше, аби бути бажаною і не перетворитися на невидимку. Це питання докладно розглянуте у праці Дж. Кінг «Дискурс старіння у художній літературі та фемінізм: невидима жінка» (2013), відправною точкою історико-культурного аналізу якої є середина XIX ст.

С. де Бовуар заявляє про ставлення до старості в сучасному їй суспільстві як до скандальної теми, «ганебної таємниці, про яку не варто говорити» [13, с. 1]. І це при тому, що, як зазначає філософиня, «немає нічого більш передбачуваного, ніж старість» [13, с. 4]. Літні люди у суспільстві є верствою упослідженою, і цей статус надійно закріплений у свідомості через набір стереотипів, у мовленні – через дискримінаційні кліше, які позиціонують літню людину як Іншого, не таку як усі [13, с. 3]. Старості досягають усі живі істоти, але людина старіє дещо по-іншому: вона переживає значно більше змін. Старість – це не просто поступова біологічна інволюція, це й втрата соціального статусу, який давали здібності, самостійність, фізичні дані. Цитуючи Леві-Строса, де Бовуар згадує, що серед індіанців намбіквара ознаки «молодий» та «вродливий» передаються тим самим словом, така ж ситуація – з лексичною одиницею «старий» / «потворний» [13, с. 5], що свідчить про несумісність старості й краси. Існують племена, члени яких ще донедавна вбивали своїх старих родичів, які ставали надто важким тягарем для громади [13, с. 6], що свідчить про їхню маргіналізацію й знецінення їхньої екзистенції. Подібні феномени підтверджують думку дослідниці про те, що старість це не тільки фізіологічне явище, а й великою мірою соціальний конструкт, адже «у старості, як і у будь-якому іншому віці, статус людини визначається суспільством, до якого вона належить» [13, с. 9].

Т. Коул стверджує, що проблема у поглядах на старіння криється у тому, що геронтологічним працям, виконаним у межах суспільних теорій та медичної практики, бракує екзистенційної перспективи. Втрачається усвідомлення буттєвого значення старості і людей похилого віку як для соціуму, так і для самих себе. Це свідчить про моральну і духовну кризу: літні люди вважають своє існування не цінністю, а обтяжливим клопотом для рідних та близьких, які, власне, часто й самі так думають. Крім того, людей третього віку розглядають і як тягар для держави, яка змушена витрачатися на їхнє утримання, — усе це й визначає екзистенційну кризовість старості. Дослідник закидає геронтології звинувачення у потрактуванні пізньої зрілості як різновиду хвороби, яку треба вилікувати, тоді як геронтогенез насправді — складний період життя, який є значущим сам по собі [14, с. 201, 211, 238]. Тож проблема старіння поступово набуває виразного екзистенційного звучання, через що письменники XX ст., у працях яких по-новому зазвучала тема цінності людського життя у зв'язку з пережитими потрясіннями початку і середини століття, зокрема двома світовими війнами, не лишаються до неї байдужими.

Також Коул вибудовує своє геронтологічне дослідження на архетипній метафорі життя-подорожі. У старінні він простежує кілька етапів — молодий «третій» літній вік, пізній «четвертий» літній вік та термінальний етап (або «перехід до смерті») [14, с. хvііі]. При цьому дослідник спирається не так на науково-медичне потрактування старіння (вивчення соматичних станів), у якому вбачає джерело негативної стереотипізації похилого віку, як на його морально-екзистенційні виміри. Це стає дороговказом для простеження еволюції концепту старості в американському суспільстві колоніального та післяреволюційного періоду.

Старість – це останній етап життя людини, на якому її організм і особистість продовжують змінюватися, адже зміна є одвічним законом життя [20, с. 100], а власне життя є «нестабільною системою, яка постійно втрачає баланс та постійно його відновлює», тоді як «інерція синонімічна смерті та небуттю» [13, с. 11]. Власне, якщо старіння – це також зміни, то технічно ми старіємо від дня нашого народження: наприклад, акомодація ока у людини і сприйняття високих звуків починають погіршуватися з 10 років, а з 12 років слабшає неструктурована пам'ять [13, с. 12]. Розбіжності між фізичними та психічними аспектами розвитку людини існують на всіх етапах онтогенезу. І протягом усього часу свого життя, зокрема і в старості, людина змінюється – це спостереження було зроблене людством давно і стосувалося не тільки фізичних, а й духовних аспектів. Так, ще у Платоновому «Бенкеті» йдеться про те. що «людина, наприклад, від дитинства і до старості вважається тією ж особою. але ніколи не буває тією самою, хоча і вважається колишньою, вона завжди оновлюється, щось неодмінно втрачаючи, чи то волосся, плоть, кістки, кров або взагалі все тілесне, та й не тільки тілесне, а й те, що належить душі: ні в кого не лишаються незмінними ні його звички й норов, ні погляди, ні бажання, ні радості, ні біди, ні страхи, завжди щось з'являється, а щось втрачається» [7]. Тож старіння — це не тільки втрати і занепад, а й здобутки.

Гуманітарії одностайні в тому, що старість і старіння слід досліджувати як сукупність різноманітних чинників, обумовлених не тільки біологічно чи психологічно, а й культурно [13; 14; 20; 9], оскільки уявлення про «період згасання» значною мірою сформоване самим людством ще в давні часи. Втім справжнім «згасанням» період геронтогенезу став тільки останніми століттями, і значною мірою – через відрив від практичної діяльності. Гіппократ, перетворивши медицину на науку й водночас мистецтво, першим порівняв етапи життя людини з чотирма порами року й уподібнив старість зимі. Свої загальні спостереження про старіння він подав у «Афоризмах», де зазначив, що не слід змінювати звичного способу життя при наближенні літнього віку, зокрема не варто кидати й свій рід занять [13, с. 17]. З його ж висловленнями можна пов'язати і уявлення про старість як поступове згасання, оскільки Гіппократ вважав старіння втратою «природного жару». Філософ зазначав, що «зменшення тепловіддачі в старості свідчить про зміну процесів обміну (їхнє уповільнення)». Цікаво, що «якщо припустити, що "тепло" синонім "енергії", а згідно із сучасними теоріями в основі старіння дійсно може лежати погіршення здатності клітини до вироблення енергії внаслідок нагромадження молекулярних ушкоджень, то теоретичні викладки античних філософів виявилися недалекими від істини» [9, с. 134]. У ІІ ст. н. е. римський медик Гален трактував старість як помежів'я між хворобою та здоров'ям [13, с. 18]. Як і Гіппократ, він радив у пізній зрілості продовжувати повсякденну діяльність. С. де Бовуар відзначає, що європейці дотримувалися цієї поради аж до XIX ст. Гуманітарії з питань старості й старіння починають свої дослідження від часів зародження західної цивілізації (в діахронії). О. Шипілов зазначає, що для патріархального (архаїчного) суспільства літня людина «через свою порівняльну перевагу у віці майже автоматично виступає володарем влади/авторитету (auctoritas)» [10]. Фішер відзначає такі важливі особливості старіння у примітивних та доісторичних спільнотах: 1) лише незначна кількість людей доживали до 50 років; 2) ці люди були наділені «авторитетом священного обов'язку» (суспільні звичаї тих часів майже незмінно включали високу повагу до старших); 3) крім ролі «старійшин», літні особи наділялися «містичністю»: вони перебували у стані сну, майже мертві, а оскільки вони не приносили користі суспільному добробуту та не могли доглядати себе, їх часто знищували [20, с. 6–9; 13, с. 102]. Повага до старих членів громади зберігалася, доки вони передавали досвід та набуту мудрість молодшим поколінням, і важливу роль відігравала пам'ять; тоді як стареча деменція «глибоко загрожувала соціальному устрою, залежному від мудрості старійшин» [20, с. 10].

Поступ культури старіння Фішер вбачає у традиціях давньогрецької цивілізації та пізньоримської імперії. З розвитком письма зникає необхідність у передаванні знань посередництвом пам'яті старшого покоління. Отже, глибока старість більше не становить загрози соціальному розвитку; крім того, примітивна практика геронтоциду стає забороненою. У східній Європі римляни розробляють систему будинків для заможних старих — герокомії (прототипи сучасних геріатричних закладів), тоді як для літніх рабів і слуг «старість була настільки жорстокою, що передчасна смерть вважалася благословінням» [20, с. 13]. На державному рівні римський сенат (senex — у віці) та спартанська герусія (gera — старий) були двома формами управління, в яких літні діячі керували з використанням свого вікового досвіду і не залишали своїх посад до смерті. Таким чином, в античних містах геронтогенез означав, по суті, «право займати певну посаду» [13, с. 100]. Молодь не допускалася до важливих державних посад з метою збереження усталеного порядку, а «старість вселяє до себе повагу, якщо захищається сама, якщо зберігає свої права, якщо не перейшла ні під чию владу» [10].

Наведемо припущення де Бовуар про асоціацію літнього віку в гомерівських текстах скоріше з поняттями честі та мудрості, ніж з владою (на прикладі образу Нестора). Водночас дослідниця звертає увагу й на висміювання старих дійових осіб, зокрема троянських демогеронтів. Аристотель вважає, що старі гомерівські персонажі (наприклад, Пріам і Нестор) жалюгідні тому, що вони більше не є вправними воїнами, як у молодості [цит. за 29, с. 60]. У творах давніх греків поняття віку несе символічну цінність, а бінарна опозиція молодості / старості співвідноситься з концептуальними структурами — владою / безпомічністю, традиціями / інноваціями, мораллю / корупцією, безглуздістю / мудрістю, діяльністю / спогляданням [17, с. хvіі]. Загалом, за Фолкнером, у давньогрецькій літературі тема старості є дуже поширеною, а характер її репрезентацій незмінно похмурий і негативний [17, с. хіі]. Дослідник стверджує, що жоден із її важливих представників не оминув цю тему своєю увагою, бодай частково. Фолкнер спостерігає песимізм навіть на рівні мови: так, у репрезентаціях літнього віку в творчості Гомера і Гесіода домінують негативні епітети ненависний, проклятий, важкий, сумний [17, с. хіі]. Старість займає маргінальне місце у давньогрецькому суспільстві та художній літературі.

3 одного боку, в окремих художніх текстах античного періоду літніх персонажів відтворювали з шаною і великою повагою (трагедії Есхіла, Софокла, Еврипіда); з іншого — через міжпоколіннєві конфлікти література була сповнена гострою і гіркою сатиричністю, спрямованою на літніх осіб, репрезентованих як порочних тиранів (комедії Аристофана й Плавта). Та навіть у негативному відтворенні геронтогенезу Фішер вбачає вияви шани, оскільки «сатиру зрідка використовують проти слабких; її сила виходить з піднесення її об'єкта» [20, с. 16]. Полярність у ставленні до літнього віку присутня у драмах Есхіла «Агамемнон» та «Перси»; трагедії Софокла «Едів в Колоні»; драмах Еврипіда «Алкеста», «Гекаба» та «Троянки». На думку де Бовуар, перші трагіки наділяють своїх старців надлюдськими величчю та гідністю в поєднанні з гіркою журбою через усвідомлення невблаганності фатуму, що надає їм майже релігійної святості. Еврипід же конструює своїх літніх дійових осіб безнадійно песимістичними [13, с. 104]. Антична комедія і зовсім стигматизує старіння: літні персонажі мають другорядні ролі в комедіях Аристофана («Арахнянки», «Хмари»,

«Оси», «Лісістрата», «Плутос», «Жінки в народних зборах»), утілюючи «гріхи й дурощі пізньої зрілості». Старість у згаданих вище творах є привидом для знущань. За допомогою психоаналізу де Бовуар припускає, чому геронториси фізичної слабкості й розпусти наводнювали античну комедію: «Комплекс кастрації не можна розв'язати повністю, адже для зрілого чоловіка вигляд немічного старого викликає занепокоєння щодо власної потенції. У цьому старому він ненавидить власне майбутнє, заперечуючи його сміхом — так він легко переконує себе, що ніколи не стане подібною гротескною фігурою на сцені» [13, с. 107]. Не менш жорстокі (різкі, категоричні) репрезентації геронтогенезу сповнюють комедії Менандра. На прикладі двох полярних (по-театральному стереотипних) старих драматург моделює варіанти міжпоколіннєвих конфліктів у «Самії». Продовжуючи розвивати «чорнобілий» (схематичний, в кращих традиціях Аристофана) образ літнього чоловіка, Менандр наділяє своїх старших дійових осіб мудрістю та добротою [13, с. 108].

Античні філософи замислювалися про старість і старіння, інколи висновуючи полярні ідеї. Якщо автор «Держави» через досвід Кефала репрезентує процес старіння як час спокою й звільнення від пристрастей попередніх вікових етапів, підносячи асексуальність пізньої зрілості як перевагу, то Аристотель висловлює інші думки з цього приводу у «Риториці»: слід уникати фізичної інволюції задля збереження щастя у старості. У розділі «Риси характеру, властиві старості» переваги геронтогенезу, які підносить Платон, Аристотель пояснює розчаруваннями літньої людини впродовж життєвого шляху, та вважає скоріше недоліками. У «Нікомаховій етиці» філософ ставить старіння та смерть в один семантичний ряд та відносить до речей, які відбуваються з людиною несамохіть, незалежно від її волі, відмовляє старим людям у дружбі, оскільки літні люди не приносять насолоди, і взагалі старість робить людей скупими, хоча і стверджує, що «всякому старшому виявляють шану по його віку, встаючи йому назустріч, усаджуючи його за стіл і таке інше» [0]. Х. Смолл висновує, що цим твором давньогрецький філософ маніфестує «звичайне, все ще незмінне уявлення про старість з точки зору етики, в якій довголіття менш за все пов'язано зі щастям, а здебільшого є початком трагедії» [29, с. 67].

В Римській імперії шану мали лише заможні літні римляни, чия приватна власність гарантувалася законом [13, с. 113]. Важливою філософською працею доби є «Діалог про старість» (Катон Старший) Цицерона, в якій автор підносить значущість геронтогенезу в житті людини та політичну мудрість й цінність для суспільства старших громадян. Плавтівський геронтопортрет старого, запозичений від давніх греків під іменем Каснера або Паппуса, є завжди посміховиськом як у себе вдома, так і серед сусідів («Віслюки», «Касіна», «Купець», «Сестри Вакхіди»). Водночас Плавт створює низку доброзичливих старих дійових осіб (Евкліон у «Скарбі», Періплектомен у «Хвальковитому воїні» та ін.). Драматургія Плавта й Теренція («Андріянка», «Брати», «Форміон») утверджує повагу до літнього віку в тому випадку, якщо старі дійові особи не зловживають своїм авторитетом задля вдоволення власних пороків [13, с. 117].

На формування культурно-історичного тла **Середніх віків** у сприйнятті старіння вплинуло вторгнення варварів у Західно-Римську імперію та становлення світової релігії християнства. Перший чинник імплементував міжпоколіннєві конфлікти, переможцями яких ставали молодші генерації, підносячи таким чином культ молоді. З одного боку, значною заслугою християнської церкви були розбудови притулків і лікарень та запровадження милостині, чим користалися літні мешканці Європи. З іншого боку, хоча християнські служителі і спиралися на заповіді Закону Божого, зокрема шанування батьків, утім аскетичний та доволі фанатичний дух доби Середньовіччя не сприяв формуванню культу сім'ї [13, с. 126]. Крім того, ідея скидання з престолу як символічне передавання влади від батька до сина, що лежить в основі християнської ідеології, посилила міжпоколіннєве непорозуміння. Тоді як концепція Священної Трійці виявилася занадто складною для пересічних парафіян у середньовіччі, у взаємовідносинах Бога-Отця та Бога-Сина зрозумілим став образ Ісуса Христа, який згодом набув верховної влади, що помітно в образотворчому мистецтві та церковно-повчальній літературі [13, с. 133—134].

В. Робак доводить, що, на відміну від ставлення до пізньої зрілості в античності, представники старшого віку в період Середньовіччя зневажалися: «переваги старості в епоху жорстокості та насильства нічого не значили. Соціально значущими стали інші статусні ха-

рактеристики — передусім багатство, походження. У суспільному житті тієї епохи старша вікова когорта людей практично була непомітною. Про них важко знайти згадку у джерелах того часу, вони не розглядались як окрема соціальна група. У соціальній ієрархії вони перебували на самому дні, а з точки зору права не мали жодних привілеїв. Хоча старші люди стояли на чолі духовенства, Церква трактувала їх суворо» [7, с. 76].

Отже, під час раннього періоду Середньовіччя старі були майже повністю виключені з громадського життя [13, с. 127]. З 1000 р. у жестах (фр. chansons de geste) та придворних романсах відсутні будь-які ознаки старіння: хоча їхні персонажі довгожителі, роки ніяк на них не впливають (наприклад, королю Артуру більше 100, вік Ланселота, Гвіневри і Гавейна коливається між 60 та 80 роками). Додамо, що, за де Бовуар, схожа тенденція ігнорування старіння існує у текстах трилерів та коміксів XX ст. На прикладі іспанського героїчного епосу («Пісня про Мого Сіда») дослідниця висновує, що героїзм дійових осіб був доступний молоді, тоді як літні персонажі були усунуті від активних дій. Більше того, у західній культурі стає популярною легенда про короля Ліра (протосюжет шекспірівської трагедії), яка відображала реальний стан речей у міжпоколіннєвій взаємодії — спадкоємці часто зневажливо ставилися до позбавленого статків батька [13, с. 131].

Від часів античності геріатрія не надто цікавила мислителів. Фішер припускає, що за часів Середньовіччя досвід старіння в Європі зазнав змін, зокрема середня тривалість життя дещо знизилася [20, с. 17]. То були часи переважно молоді, а процеси старіння відбувалися надто швидко. У поезії вагантів та голіардів виразно лунають мотиви сагре diem та страху старіння у таких рядках збірки «Карміни Бурани»: «Школяр іде на хитрощі... / Не так було в минулому, / Яке давно забули ми: / Тоді ми не лінилися — / Аж до сивин училися... / Що вчителі теперішні — / Пташата неоперені, / Сліпих ведуть сліпенькії...» (Занепад освіченості); «Серце слабне, кров не грає, / Минаються радощі: / Старість люта нас лякає / І хвороби старості» [6, с. 388–389]. Ф. Арьєс посилається на геронтопортрет відразливого старого покрученого горбуна з жовтими поодинокими зубами, змальованого французьким поетом Е. Дешаном (XIV ст.): «Запахи гниття пронизують його ослабле тіло, яке нездатне більше їх стримати. Такі ознаки навислої смерті» [1]. Інші ознаки старіння присутні в поезії Ф. Війона, зокрема у «Скарзі красуні зброярки», стара героїня якої гірко оплакує молодість, ледве утримуючись від самогубства: сиве волосся, гнилі зуби, зморшки, згаслий погляд, обвисле тіло (розділ «Іконографія macabre»).

Та попри це авторитет геронтократії підтримувався християнською церквою на чолі з інститутом папства. Подібно до античності у середньовіччі шанувалися лише представники еліти у літньому віці. Схоласти середньовіччя, трактуючи людське життя як серію короткочасних етапів, більше цікавилися проблемами вічності, а не питаннями довголіття [14, с. 33]. У цей час захоплюються паломництвами, що породжує метафору життя-мандрівки: фізичної і духовної. У цей період концепт часу набуває дедалі чіткіших обрисів. З'являються перші механічні годинники, інстальовані у церквах та ратушах для точного вимірювання часу, що було необхідно для здійснення торговельних угод: раніше аморфні уявлення про час почали набувати конкретики. Його символи у пізній середньовічній іконографіці асоціювалися зі смертю, занепадом та крахом (наприклад, фігури Батька-Часу чи Женця-Часу у слов'янській міфології мали вигляд скелета з косою або старого з книгою [1]).

У літературі пізнього середньовіччя відчутне протиставлення мудрої старості наївності дитинства та прагнення «представників молодшого віку досягти духовного стану літніх людей» [14, с. 8]. Прочитуємо таке ідеологічне потрактування літнього віку в трактаті Данте «Convivio», що являє собою своєрідний діалог із «De Senectute» Цицерона. Це світовідчуття різко контрастує з ейджистськими стереотипами сьогодення, коли імітація старшими людьми поведінкових моделей молодших вікових груп нав'язується культурою. Додамо, що за часів середньовіччя геронтогенез почали усвідомлювати як «специфічний період людського буття, коли людина відходить від активної діяльності і їй має бути забезпечений належний догляд» на основі професійних об'єднань та за допомогою церкви [7, с. 75—76].

До середини XVI ст. жінки були відсутні як у філософських роздумах, так і на зображеннях середньовічної іконографіки [14, с. 26]. Аксіомою стає твердження, що зовнішня краса прирівнюється до краси духовної, внутрішньої, а тому літня жінка мала залишатися максимально невидимою у суспільстві, аби не привертати увагу до своєї «потворності».

Хоча за часів раннього Відродження інтерес до геріатрії дещо посилюється, питання старості та старіння обходять мовчанням упродовж XIV—XV ст. Пізня зрілість згадується у в'язці зі смертю: так, у праці Ж. Жерсона надаються інструкції літній людині при підготовці до останнього часу [13, с. 141]. Люка Демонтіс досліджує міфи безсмертя та довголіття, популярні ще за часів античності та Середньовіччя: зокрема мапу Волспергера (1448) із зображенням острова в Атлантичному океані, де наче не було старіння і смерті, та «фонтан молодості». Міфи про недосяжні для більшості європейців місця підтримували віру у довголіття та стимулювали спроби запобігання хворобам, пов'язаним з віком [16]. Водночас Демонтіс наводить дані пізньосередньовічних та ренесансних трактатів (А. де Вілланова – 1544, Л. Корнаро – 1558, Р. Бейкон – 1683), автори яких досліджували механізми старіння та шукали наукових методів збільшення тривалості життя [15]. Трактат св. Роберто Белларміна «Про мистецтво благої смерті» (1620) наводить Ф. Арьєса на такі висновки: «Минули часи могутніх старців з білосніжними бородами, як описують Карла Великого епічні поети, людей похилого віку, які розсікали своїм мечем ворогів надвоє, й були на чолі великих армій або мудро вершили правосуддя. Перед нами епоха гравюр «Сходи життя», де останні яруси зайняті відразливими розвалинами, немічними, поснулими, які впали у дитинство. Хворий лежить у ліжку. Він ось-ось помре, і, проте, нічого особливого в цей момент не відбувається, нічого, що нагадувало б великі драми, в кімнаті вмираючого в трактатах artes moriendi XV ст.» [1].

Якщо життєвий цикл у Середньовіччі уявляли у формі кола, то від XVI ст. провідною його метафорою стала піраміда або сходи, що ведуть нагору у центрі, а далі спадають. Так, німецький драматург П. Генгенбах у п'єсі «Десять вікових етапів» (1515) показав життя людини у вигляді кар'єрних сходів, кожна сходинка яких регламентована чеснотами та недоліками. Тож поступово формувалася нова когнітивна мапа життєвого курсу людини: «Час набуває нового, більш проникливого значення... акцент робиться на здоров'ї та контролі тіла» [14, с. 23]. Образ сходів, які підіймаються та спадають, виник на ідеях гріховності, мінливості та швидкоплинності, одночасно створює ілюзію довголіття та впорядкованості життєвих етапів [14, с. 26]. Таким чином, цей мотив трансформує відчуття збентеження та дезінтеграції, властиві віковій ідеології XVI та початку XVII ст. Новий погляд на ієрархію вікових етапів, зокрема на пізню зрілість, пропонує ідеал визначеності та безпечного плину життя. В художніх текстах Дж. Боккаччо і Дж. Чосера з можновладними й безглуздими похилими рогоносцями, поезії Війона з потворними літніми чоловіками, комедії дель арте зі старим Панталоне, спостерігаємо наслідування традицій давньоримської сатири. До цієї групи текстів реалістично-песимістичного відтворення ренесансного геронтогенезу де Бовуар додає популярну легенду про Велізарія, якого було позбавлено статків та осліплено у старості (насправді цей візантійський полководець до смерті залишався зрячим). Легенда про нього уособлювала нещастя дуже пізньої зрілості, сповненої залежності, немічності та страждань. За часів античності та середньовіччя сформувався «містичний зв'язок між старістю та сліпотою», в якому незрячість символізувала розсуспільнення. До того ж через катаракти та відсутність офтальмології багато старших людей насправді були сліпими [13, с. 144]. У негативному руслі репрезентують геронтогенез поети XV-XVI ст., не приховуючи відрази перед фізіологією старості: акцентувалися зів'ялість, руйнівні наслідки хвороби або безсоння, поодинокі зуби, задишка. За Арьєсом, на тогочасних поетів впливала епоха з «більш жорстокою і більш реалістичною уявою розкладання трупів або всього ницого, що знаходиться всередині людського тіла» [1].

У цей же час у збірці «Приватні бесіди» Еразм Роттердамський за допомогою полілогічної нарації викладає свої погляди на старіння обох статей. Гуманіст розглядає геронтогенез із середини (в першу чергу як стан душі Глікіона), а не зовні (фізіологічні вияви у незадоволеного Полігама). Вчений конструює ідеальний геронтопортрет в образі Глікіона, який дотримується помірності в старості та виглядає дещо молодше за своїх однолітків (Євсевія, Пампіра та Полігама). У художніх репрезентаціях старіння особливому зневаженню піддавалися літні жіночі персонажі, починаючи з титульної дійової особи драматизованої новели «Селестіна» (Ф. де Рохаса). Вперше протагоністом літературного твору виступає літня жінка (звідня й колишня повія), уособлюючи прагматизм, скупість, хтивість, розрахунок – негативні риси, якими часто необґрунтовано наділяють пізню зрілість.

Попри цей комплекс характеристик Селестіна демонструє активну стратегію старіння, хоча її доля обривається трагічно. У вірші Ж. дю Белле «L'Antérotique de la vieille et de la jeune» поет нищівно критикує колишню брудну й хтиву повію, яка лицемірно демонструє крайню побожність, вводячи бінарну опозицію молодості / старості, яку підхоплюють сучасники поета — А. д'Обіньє́, К. Маро, Ф. Депорта. Єдиним захисником літнього жіноцтва у Відродженні де Бовуар вважає П. Брантома, який в автобіографічній книзі «Життя галантних дам» стверджує любовні втіхи у пізній зрілості, оскільки старші жінки ще можуть залишатися прекрасними та коханими і після 70-річного рубежу [13, с. 151].

В італійській комедіа дель арте утверджуються такі стереотипи літніх дійових осіб: Панталоне, завжди закоханий, його друг Лікар, йолоп, та стара звідниця (Н. Мак'явеллі, Рудзанте). П'єси XVI ст. висміювали нуворишів, зокрема тенденцію останніх «купляти» собі молодих дружин: гіпертрофовані й карикатурні образи старих були безпосередньою реакцією глядацької аудиторії та драматургів, чиї численні твори з варіаціями наведених вище персонажів користувалися великою популярністю.

Підбиваючи підсумок у ставленні західної цивілізації до геронтогенезу й старіння, де Бовуар доводить: «стара людина не була справжньою людиною, власне людиною, а радше людською межею; вона перебувала на периферії людського стану; вона не була визнана у самій собі» [13, с. 163]. При вивченні пізньої зрілості історичних осіб Англії і літературних персонажів британських письменників на зламі XVI—XVII ст. К. Мартін висновує, що процеси старіння в той час усвідомлювали на індивідуальному та колективному рівнях. Більше того, вівся супротив проти індивідуальних соматичних трансформацій, проти суспільних переконань, що старість апріорі означає втрату фізичних і розумових здібностей, проти вимог «розсуспільнення» літніх англійців із дотриманням пристойної поведінки. Будь-які спроби старших людей ігнорувати вимоги часу сприймалися з презирством і висміюванням [24]. Драма епохи Реставрації та єлизаветинського театру засвідчує цю тенденцію п'єсами Дж. Чапмена «Сліпий жебрак з Олександрії», Дж. Марстона «Незадоволений», Т. Міддлтона «Спіймати старого», Б. Джонсона «Вольпоне або Лис», «Варфоломіїв ярмарок», В. Шекспіра «Венеціанський купець», К. Марлоу «Мальтійський єврей» тощо.

Винятком з цієї ситуації на межі XVI–XVII ст. стала шекспірівська трагедія «Король Лір». Х. Сміт доречно наводить наукову працю сучасника Шекспіра Андреаса Лаурентіса «Міркування про збереження зору: хвороби меланхоліків; інфлюенція і старість», яка демонструє інноваційне для свого часу розуміння старіння як гетерогенного процесу, схоже на сучасні геронтологічні інтерпретації літнього віку [31, с. 235]. І хоча Бард неодноразово створював шляхетні геронтопортрети у своїх драматичних текстах (Джон Гонт у «Річарді ІІ», королева Маргарита у «Річарді III»), лише у «Королі Лірі» літній герой стає центральним персонажем, який уособлює людяність та «весь абсурдний жах нашого існування» [13, с. 165]. Де Бовуар вбачає типологічну паралель між трагедіями Софокла та Шекспіра у мотивах блукання-поневіряння (зокрема й ментального), що ще рельєфніше конструює іншість старих Едіпа у Колоні, Глостера та Ліра в англійському степу, та божевілля, яке античність та Середньовіччя наділяли сакральними й пророчими якостями [13, с. 166]. Оскільки кожне гуманітарне (і деякі медичні) дослідження старіння й літнього віку так чи інакше апелює до шекспірівської трагедії, формуючи значне інформаційне поле, окреслимо деякі проблеми геронтогенезу, розроблені британським драматургом. З точки зору геронтосоціології трагедія В. Шекспіра «Король Лір» постає у ракурсі міжпоколіннєвого конфлікту як проблемно-семантичного аспекту вікової динаміки дискурсу старіння. Геронтоперсонажі доби Відродження (власне король та граф Глостер) репрезентовані амбівалентно, через що і виникає прірва між поколіннями у двох сюжетних лініях. У контексті міфологічної критики динаміка старіння (драматичної еволюції) дозволяє говорити про появу в обох персонажів геронторис архетипу мудрого старого у фіналі трагедії. Можливість гармонізації стосунків між поколіннями вбачається у застосуванні Шекспіром персонажів-медіаторів (зокрема Едгара), що спостерігаємо у подальшій історії європейської та американської літератури у творах із проблемами літніх батьків та їхніх дорослих дітей.

У **XVII** ст. політична і державна влада в Західній Європі перебувала в руках молоді (за винятком правління Луї XIV та інституту папства). Цей час був надзвичайно важкий для літніх людей: на 40-річних дивилися як на престарілих, а для 50-річних не було місця у

соціумі [13, с. 167—168]. Прочитуючи Лафонтена, Ф. Арьєс викриває жорстоке ставлення тогочасного суспільства до старших людей, які прагнули довгого життя: «Найбільше схожий на мерця більше всіх не хоче вмирати» [1]. Особливо потерпали літні жінки — в художній літературі Ф. Кеведо глузував з відьом, економок та дуеній, образи яких уособлювали для іспанця старість. У французькому театрі Ж.-Ж. Мольєр наслідував традиції Теренція й Плавта, акцентуючи міжпоколіннєві конфлікти при конструюванні образів старих дійових осіб: Сганарель у «Шлюбі з примусу», Герон у «Витівках Скапена», Гарпагон у «Скнарі» постають недовірливими й нерозумними, кмітливими й довірливими, залякуючими й боязкими літніми чоловіками.

У той же час П. Корнель конструює піднесені літні персонажі у своїй творчості («Сід», «Горацій», «Пульхерія»). Драматург не просто лобіює гідне місце літній людині в сучасному йому суспільстві, а «вимагає право на любов до старіючої особи» [13, с. 173]. П'єси П. Корнеля, ідеї Ш. Сент-Евремона, поезія Ф. Мейнарда вперше репрезентують доволі вишуканий образ літнього чоловіка у літературі XVII ст.

Пуританство відіграє важливу роль у шанобливому ставленні до літнього віку в XVII ст. Особливе піднесення літнього віку має місце в колоніальній Америці та згодом новоутвореній незалежній державі. Д. Фішер стверджує, що серед колоністів до 65-річного віку доживали лише 2 відсотки населення, тоді як у другій половині ХХ ст. цей віковий рубіж долає понад 20 відсотків американців. Дослідник наводить чимало дидактичної літератури (переважно проповідей), покликаної пояснити ставлення до старшого віку, найвідомішими авторами якої є Інкріз та Коттон Мезери, Дж. Ортон та ін. [20, с. 29]. Від молоді очікувалися повага, шана, зобов'язання, поклоніння та благоговіння; від американців старшого віку чекають поблажливості до молоді. Художні репрезентації цього Фішер знаходить у текстах пуританського характеру, наприклад, поезії Енн Бредстріт («Споглядання», 1678). Пізня зрілість символізувала для пуритан Божий дар та була особливим знаком. І старість була знаком обраних [20, с. 33]. Якщо ж американець помирав передчасно, його було автоматично віднесено до категорії грішників. Однак містичність літнього віку (присутня ще в доісторичних суспільствах) мала і зворотний бік: так, відьмацтво асоціювалося переважно зі старістю та жінками. Та попри цей бік пуритани щиро підносили літній вік: «У наші світські часи ми кажемо, що Бог схожий на старого чоловіка; пуритани казали, що старі чоловіки схожі на Бога» [20, с. 35]. Ще одним цікавим прикладом пуританської вікової іконографіки є образ ангела за подобою 70-річного чоловіка [20, с. 33]. Фішер стверджує, що повага до старості зберігалася і певний період часу після Війни за незалежність. Одним з очевидних виявів шани було відведення найкращих місць під час церковних богослужінь не найбагатшим або найвідомішим прихожанам, а найстарішим. Церковні старійшини та директори шкіл виконували свої обов'язки до останнього дня. На прикладі кар'єрних шляхів таких пуританських діячів, як Дж. Вінтроп, В. Бредфорд, Р. Вільямс та В. Бірд Фішер доводить, що пізня зрілість відкривала шлях до політичної влади [20, с. 48].

Водночас піднесення літнього віку було примусовим з економічних причин. Міжпоколіннєві конфлікти виникали через володіння земельними ресурсами, що гарантувало старшим американцям силу та владу [20, с. 52]. Подібну тенденцію спостерігає й Ф. Арьєс: «В урбанізованому і осілому світі XV—XVII ст. люди років 50, що вважалися тоді старими, намагалися якомога довше зберігати економічну активність і тримати управління своїм майном у власних руках» [1]. У XVII ст. літні американці майже ніколи не жили на самоті. Традиційна сім'я налічувала три покоління, і саме молодші залежали від найстаріших, а не навпаки [20, с. 56]. Таким чином, повноваження та привілеї старших генерацій були міцно закріплені у суспільстві. Шанування літнього віку, таким чином, створювало суспільну безперервність, стабільність, баланс і порядок [20, с. 58—59].

Не існувало поняття «виходу на пенсію» у літньому віці, адже старші люди через виснажливу працю просто не доживали до «пенсії». Правило «старша людина означало краща, а найстаріша — найкраща» [20, с. 60] розповсюджувалося лише на соціальний прошарок заможних пуритан. Фішер констатує той факт, що незаможні старі американці, зокрема овдовілі жінки, зазнавали презирства з боку суспільства. У XVII ст. фізичний стан багатьох американців у старості був відзначений хворобами. Утім вони найбільше страждали духовно, ніж фізично, часто через відчуття самотності [20, с. 68]. Попри це від них очікували

енергійності та активності, зокрема в громаді. Оскільки молоді не дозволяли займати керівні посади (а літнім громадянам їх залишати), у суспільстві назрівали обурення та ворожість, формуючи відкриті міжпоколіннєві конфлікти [20, с. 69]. Тим часом соціальне обурення знаходило вихід у театральних виставах британських драматургів у себе на батьківщині та в Америці: в комедіях періоду Реставрації «дратівлива старість» була об'єктом гострої сатири, подібно до п'єс Аристофана та Плавта в античності. Геронтогенез у творах Дж. Ванбру «Скривджена дружина», В. Вічерлі «Кохання у лісі», В. Конгріва «Старий холостяк», комедіях Афри Бенн демонструє неприховані ейджистські стереотипи – експлуатацію молодих людей багатими, жадібними, розпусними й безсоромними скнарами. Ці імпліковані атаки на літній вік (за Фішером, глузування є формою люті [20, с. 70]) існували тривалий час поруч із формальним піднесенням старших членів громади. У ранньоамериканській культурі тема старого скнари була одним із популярних і рекурентних мотивів. У спілкуванні з молоддю літні американці відчували емоційну дистанцію. Відкрита ворожість була заборонена, однак і теплі почуття не заохочувалися. У XVII ст. старі американці часто скаржилися, що почували себе чужинцями у власній громаді, вигнанцями власного часу [20, с. 72]. Старіння в пуританській Америці було сповнене душевного болю. Фішер вбачає іронію в тому, що «надзвичайна соціальна сила літніх громадян супроводжувалася нищівною психічною слабкістю. Старість була піднесена законом і звичаєм, але уражена у самісіньке серце» [20, с. 73]. Ця амбівалентність зберігалася впродовж наступних двох століть. Водночас Війна за незалежність принесла зміни до пуританського піднесення літнього віку, випустивши зі скриньки Пандори міжпоколіннєві конфлікти, спричинені питаннями влади і незалежності.

У Новому Світі життєвий цикл колоніального періоду визначає сформована в середньовічній Європі метафора подорожі відкриття або духовного паломництва [14, с. 34]. Коріння набожності пуритан Е. Елліотт вбачає у новоанглійському кальвінізмі, побудованому на принципах «єдності, тяжкої праці та самозречення», поєднанні віри та оптимізму [5, с. 244, 257]. Т. Денисова, окреслюючи коло засадничих ідей пуританської традиції США, зазначає: «Чітка релігійна ідеологема визначила спіритуалістичну тональність всієї, навіть найпрактичнішої діяльності колоністів, виокреслила низку провідних, визначальних для становлення громадинації-держави параметрів. Комплекс пуританства служив водночас і релігійним (теософським) ядром, і організатором соціокультурної історико-політичної його оболонки» [4, с. 37].

Очевидно, що життєвий шлях, як і духовне паломництво пуританина, були чітко детерміновані церквою. Оскільки кінцевою метою життєвої подорожі була підготовка до смерті та зустріч із Всевишнім, то літній вік здебільшого трактували як знак обраних [14, с. 38]. Віруючі пуритани продовжували розвиватися навіть у пізній зрілості, адже релігійні постулати створювали сприятливі умови для реалізації духовних та емоційних потреб літнього населення. Крім Біблії, яка була «взірцем для структурування життя в усіх його різновидах» [4, с. 37], Т.Р. Коул говорить про популярність серед пуритан роману-алегорії «Подорож пілігрима» (1678) Джона Баньяна. З точки зору динаміки старіння важливою є друга частина книги «Христіана та її діти» (1684), головна героїня якої завершує своє паломництво у літньому віці. Показ геронтогенезу витриманий у дусі пуританської парадигми суперечності духу й тіла: Христіана уособлює водночас фізіологічні обмеження та духовне зростання старості. Надалі, як зазначив Т. Коул, відокремлення емоційного розвитку від інволюційних змін стане нормою у протестантській Америці [14, с. 47], зумовлюючи ейджистську стереотипізацію.

Хоч пуритани сприймали старіння як «священне паломництво до Бога» й шанували літніх людей, старість проте не гарантувала поваги, влади або благополуччя, особливо для жінок, яких у старості часто зневажали, оскільки «відокремлення духовного зростання від фізичного старіння набуло поширення в протестантській Америці» [14, с. 47–49]. Запорукою щасливої старості вважалася незалежність літніх батьків від дорослих дітей: багатодітні родини перших поселенців мали достатньо території для окремого проживання. Водночас вони зберігали тісний зв'язок з родинами своїх дітей і онуками. Самотніх літніх батьків не залишали самих по собі: вони отримували соціальні виплати і мали певні громадські обов'язки [14, с. 51]. Високого статусу набули забезпечені вдови, тривалість життя яких значно перевищувала тривалість життя чоловіків.

Поліпшення гігієни у XVIII ст. привело до збільшення та омолодження населення і подовження тривалості життя по всій Європі: все більше європейців доживали до 80-річних та

навіть 100-річних ювілеїв [13, с. 180]. Це сприяло активній динаміці старіння — відвідування літніми людьми громадських заходів, театральних вистав, художніх салонів. Так, зростаючий середній клас забезпечив себе ідеологією, яка надавала більшу цінність старості [13, с. 182]. Формується новий тип літнього європейця — купця, «друга людства», «шукача пригод», «мирного героя з палицею замість меча», який живе спокійним сільським життям та понад усе цінує моральні принципи [13, с. 182]. Наприклад, в Італії роль купецького стану була провідною попри той факт, що політичну владу утримувала аристократія. Купець символізував втілення здорового глузду, прямолінійності та чесності [13, с. 188]. Бовуар вважає XVIII ст. епохою відкриттів часу й простору, а не лише цивілізованої дорослої людини: європейці середнього віку впізнавали себе у старих, якими вони самі мали стати одного дня. У пізній зрілості голова родини продовжував контролювати своє майно, насолоджуючись стабільним економічним становищем.

К. Густафсон стверджує, що у XVIII ст. вік здебільшого вважався радше фізіологічною реальністю, ніж соціальним конструктом [22, с. 528]. У першу чергу, це стосувалося літніх жінок, які у старості, як правило, переживали чоловіків: «зовнішність старіючих жінок оцінювали на порядок пристрасніше» [22, с. 531]. Наприклад, в Англії основними маркерами геронтогенезу впродовж століття були стан здоров'я та зовнішність літньої людини [22, с. 531]. Не дивно, що акцент на соматиці призводить до стигматизації старіння. За Густафсон, літні літературні персонажі доби (наприклад, мадам Дюваль у романі Ф. Берні «Евеліна») піддаються насмішкам саме через вікову приналежність, хоча вони були б ідентифіковані в сучасній науці про літературу як дійові особи середнього віку [22, с. 534].

У французькому театрі викристалізовується інший образ літньої людини. У деяких п'єсах П. Бомарше діють старі чоловічі персонажі, наділені внутрішніми пристрастями, що дивує їхнє оточення [13, с. 185]. Утім у «Севільському цирюльнику» Бартоло є стереотипним закоханим подібно до мольєрівських стариганів. В італійському театрі образ Панталоне, який у XVI та XVII ст. традиційно зображувався відразливим і хтивим купцем, зазнав значних трансформацій. Хоча у своїй ранній творчості К. Гольдоні наслідував традиції комедії дель арте і його версії Панталоне були вкрай непривабливі, у творах зрілого періоду драматург репрезентує літні чоловічі образи з великою повагою (однак не без іронії) [13, с. 188]. Так, відомий з часів Дж. Чосера персонаж заможного літнього купця набув ще більшої популярності – оточуючі дедалі більше його поважали, чим старішим він ставав. Проте у низці провідних художніх творів доби є сумні репрезентації старіння та літнього віку. Так. у трагедії «Фауст» Гете конструює літній вік незначним і байдужим періодом життя, повним розчарувань. У романістиці Дж. Свіфта формується найжорстокіший геронтопортрет доби: старіння безсмертних струльдбругів є викликом просвітницькій вірі у прогрес та розум. Доречною здається паралель, проведена де Бовуар, між жахливою картиною геронтогенезу вічних лагнежців та пізньою зрілістю власне Свіфта, сповненої страждань через катастрофічний фізичний та емоційний стан письменника [13, с. 189].

У Сполучених Штатах Д. Фішер відзначає період з 1770 по 1820 рр. як революційний у контексті динаміки старіння. Перші сигнали з'являються вже у середині XVIII ст.: так, місця у церквах не відводили найстарішим прихожанам, а продавали з аукціону, підносячи капітал, а не плюралістичну систему цінностей. За цей 50-річний проміжок американської історії влада вперше висуває вимогу виходу на пенсію державним службовцям у визначеному віці (наприклад, головам судової присутності у 70 років [20, с. 80]). Виникає проблема визначення віку, адже в пуританській Америці громадяни здебільшого не знали власного віку або прагнули представляти себе старішими, ніж були насправді, на відміну від американців XIX і XX ст. [20, с. 84]. Вияви цього закодовані в одязі: у XVII–XVIII ст. моду літніх громадян намагалася імітувати молодь. Білі перуки (під сивину), сюртуки з вузькими й покатими плечима та надмірно розширеними талією й стегнами мали створювати враження людини, схиленої багато років. Цей тренд, що лестив пізній зрілості, змінився на зовсім протилежну тенденцію на початку XIX ст. Крій одягу повужчав, були популярні корсети як для жінок, так і для чоловіків [20, с. 87]. Важливу відмінність від пуританського піднесення літнього віку спостерігаємо в мові — з втратою поважності свого статусу старші американці почали зазнавати ще більшої вербальної зневаги. Так, старець, що в шекспірівському вокабулярі мав значення «благородна стара людина», в XIX ст. вживається негативно (табл. 1).

Таблиця 1

Номінація людей літнього віку в англійські мові до XIX і в XIX ст.

Оксфордський словник англійської мови (до XIX ст.)	Український переклад	Оксфордський словник англійської мови (XIX ст.)	Український переклад
Greybeard = honorable old man	Старець	Negative connotation	Негативне значення
Greybeard counsell = wisdom	Рада старійшин	Negative connotation	Негативне значення
Old guard (1815) = descriptive phrase worn as a decoration	Елітні військові формування ветеранів	Old guard (1880) = reactionary, corrupt and aged politicians	«Стара гвардія», впливова група людей консервативних поглядів
Superannuated = refres to people of various ages who were disqualified from some particular service or activity by reason of their age: maids in their 40s, courtiers in their 20s, teen boys who had passed the age for school admission	Звільнений, виключений зі школи як переросток	Superannuated = refers to men and women in their 60s and implies a kind of generalized competence	Звільнений у зв'язку з літнім віком, застарілий
Beldam = an honorable title for grandmother (XVIII ст.)	Почесний титул бабусі	Beldam = a pejorative term meaning hag or virago	Принизливе звернення на кшталт «карга» або «мегера»

З'являються нові лексичні одиниці для знущання над геронтогенезом: «codger» (ексцентричний старий, скнара), «old cornstalk» (старий невдаха), «old goat» (старий розпусник), «fuddy-duddy» (буркотун, критикан), «granny» (немічний старий), «mummy» (потворний старий), «geezer» (хрич, дідуган), «goose» (дурний старий), «galoot» (старий незграба), «bottle-nose» (старий пияка), «backnumber» (ретроград, відсталий). Водночас зникають такі номінації «progenitor» (родоначальник), «grandame» пращур по жіночій лінії, «grandsire» пращур по чоловічій лінії, «forefather» праотець (засновник роду) тощо [20, с. 92].

XIX ст. стало плідною ерою для наукового розроблення теми старості й процесів старіння, і поруч з вивченням медичних аспектів почали з'являтися дослідження гуманітарного профілю, які вже на початку ХХ ст. сформувалися у трьох напрямах — біології, психології та соціології. У цей час було підмічено, що якщо підвищений кров'яний тиск небезпечний для середнього віку, то для літніх людей це переважно безпечно; люди старшого віку легше переносять інфекцію, ніж молодь; спростований діагноз «смерть від старості» — літні люди помирають від хронічних захворювань [13, с. 28]. В усіх європейських країнах мав місце надзвичайно великий приріст населення, у тому числі й літнього. Крім того, стали розрізняти хронологічний (паспортний) та біологічний вік людини; виявили, що на старіння впливає низка чинників: стан здоров'я, спадковість, довкілля, емоційні стани, колишні погані звички та рівень життя.

Через промислову революцію, урбанізацію та формування пролетаріату [13, с. 192] становище літніх робітників стає катастрофічним, оскільки вони не можуть пристосуватися й впоратися з пришвидшеним ритмом праці. Науковці (Бовуар, Коул, Фішер) відзначають значне зростання старих волоцюг і жебраків та загалом знедолених людей похилого віку (Англія, Франція). Подібно до короля Ліра з однойменної трагедії, фізично ослабленим батькам доводилося віддавати капітал дітям, а останні утримували їх, знущаючись, упроголодь [13, с. 194]. Є чимало прикладів художнього відтворення цього мотиву у французькій літературі: «Eusèbe Lombard» А. Тер'є, «Autour du clocher» Г. Февре та Л. Депреза, «L'Aveugle» Р. Мезруа, «Le Père Amable» Г. Мопассана. Найпотужнішим виявом міжпоколіннєвого конфлікту є інтертекстуальний роман Е. Золя «Земля», сучасна версія трагедії короля Ліра у XIX ст. Де Бовуар переконана у випадках батьковбивства, посилаючись на твердження історика Ж.Е. Боннемера, що старих людей часто ховали ще напівживими [13, с. 195]. За-

гальноприйнятою була порада літним громадянам не ділити майно між своїми дорослими дітьми за життя.

Отже, духовні та психологічні чинники, дискомфорт, незадоволеність життям, страх і постійна занепокоєність у старості мають негативні фізичні наслідки, що фактично призводять до смерті [13, с. 31]. У XIX ст. було зосереджено увагу на соціальному вимірі старіння: увагу дослідників привернуло послаблення адаптації до нових ситуацій та супротив змінам. Проте було доведено, що чим вищий інтелектуальний рівень людини, тим менше помітна тілесна інволюція. Твердження де Бовуар про активність та незатьмарений розум багатьох літніх людей до самої смерті є революційним у контексті вікових стереотипів її доби. Вона зазначила: «Допоки дух зберігає гармонію та наснагу, людина має добре фізичне здоров'я: щойно інтелект зазнає потрясінь, фізичний стан погіршується» [13, с. 32]. Одним із важливих письменників XIX ст., який сприяв позитивній динаміці старіння в літературі, є В. Гюго. У поезії «Легенда віків» та романі «Знедолені» він створює епічні геронтопортрети, надаючи літнім героям благородство духовних рис. Поетична збірка «Мистецтво бути дідом» одразу здобула популярність у французів, започаткувавши новий мотив у літературі – взаємодія літніх людей з онуками. Загалом репрезентації літнього віку та старіння побутують у творах усіх видатних письменників ХІХ ст. (Ф.-Р. Шатобріан, Ч. Діккенс, О. Бальзак, Г. Флобер), виписані переважно у реалістичному ключі.

Кардинальні зміни у процесах старіння відбуваються у західній цивілізації при переході від аграрного суспільства до індустріального: завдяки гігієнічній профілактиці значно збільшилася кількість людей літнього віку; через нові економічні технології сформувалися нові професії та зникли старі (що призвело до втрати робочих місць, доходу та статусу літніх громадян, як, наприклад, у драмі «Ткачі» Гауптмана); внаслідок потужної урбанізації відбувся відтік молоді із сільських місцевостей, зник інститут розширеної родини (співіснування декількох поколінь в одному господарстві) та натомість виникла нуклеарна сім'я (батьки – діти); нарешті, стрімкий розвиток масової освіти й писемності практично позбавив старших людей шанування, відібравши в них перевагу знань і мудрості [20, с. 21]. Старість все більше асоціюється із втратою патріархальної влади, усвідомлення чого формує новий тип літньої людини в англо-американській літературі: персонажі С. Колріджа («Поема про Старого Мореплавця»), В. Вордсворта («Старий жебрак з Кемберленду», «Подорож старого», «Саймон Лі, старий мисливець»), В. Ірвінга («Ріп Ван Вінкль») уособлюють маргіналізований й безпритульний образ Іншого, подібно до Едіпа в Колоні [14, с. 74–76]. Попри це, вважає Ф. Арьєс, «у XVIII – на початку XIX ст. прекрасний сивий патріарх з картин Жан-Батіста Ґреза замінив собою старезного огидного старого з пізньосередньовічної поезії. Прекрасна старість більше відповідала романтичній темі прекрасної смерті» [1].

Хоча у XIX ст. знання про старість і старіння залишалися доволі обмеженими, у своєму огляді європейської ментальності Нового часу Б. Бастль стверджує, що тема віку людини (і, зокрема, старості) потрапляє в центр уваги західної думки саме у цьому столітті. Додамо, що іронічність, притаманна потрактуванню вікових питань, зникає лише у XX ст., «коли насправді реальною стала можливість разом дожити до старості» [2, с. 264].

І в Європі, і в США стрімке демографічне зростання старіння у XIX та XX ст. завдячує великою мірою дотриманню санітарних норм [20, с. 106]. Якщо в ранньоамериканському суспільстві батьки помирали, коли молодша дитина ще жила разом з ними, то з XIX ст. наймолодша дитина залишала батьківський дім, коли матері й батькові було лише за сорок. З'явився проміжний період між зрілістю та старістю — пізня зрілість. Фішер висновує, що відтоді (після різкого зменшення смертності у дитячому віці) старість почали стереотипно асоціювати зі смертю: «Цей зв'язок до певної міри завжди існував: пуританський священик зауважив у XVII ст., що всі люди можуть померти, але старі люди повинні» [20, с. 108]. Філософію піднесення та авторитету літнього віку підточили токвілевська концепція рівності та ідея свободи, руйнуючи колективне свідоме пуританської громадськості (на якому базувалася влада старійшин) через нівелювання ролі індивідуальності в родині, місті, церкві [20, с. 109].

На рубежі XVIII—XIX ст. американці кардинально змінюють своє ставлення до літнього віку та старіння: ще донедавна пуританське піднесення пізньої зрілості набуло ознак формальності, виявивши приховану ворожнечу та навіть ненависть до старості [20, с. 101].

У цей час у Старому і Новому світах почали активно з'являтися численні розвідки, присвячені геронтологічним питанням. Американські праці складаються з текстів документальної й художньої літератури: зокрема антології, які містять «коштовності» для старших американців — метафора, запозичена з назви типової для XIX ст. антології С.Д. Лентропа «П'ятдесят років і далі; або зібрання коштовностей для літніх людей» (1881). У таких збірках побутували поради для американців старшого віку та історії пізньої зрілості: «Looking Toward Sunset» Л.М. Чайлд (1865), «Light at Evening Time» (1871) С. Холмса, «After Noodtide» (1888) М.І. Вайт, «Nearing Home» (1868) В.К. Шенк, «Sunset Hours of Life» (1875) С.С. Нурс, «The Aged Christian's Cabinet» (1829) Дж. Стенфорда, «The Infirmities and Comforts of Old Age» (1802) Дж. Летроп. Втім спроби піднесення пізньої зрілості у текстах XIX ст. виявилися марними: якщо літературні праці XVII ст. приписували літнім американцям активну суспільну роль, то у наведених вище творах домінує протилежна тенденція, що демонструє старіння як час спокою та усамітнення (англ. disengagement означає розрив між індивідом та суспільством), безтурботності та миру [20, с. 122].

3 кінця XVIII ст. розпочинається культ молоді в США. Із збільшенням літніх американців до старості почали ставитися з підвищеним презирством. Якщо для пуритан старіння було сповнене динаміки й сакральності, то для трансценденталістів це був процес занепаду. Наведемо фрагмент негативного трактування старості трансценденталістом Г.Д. Торо у першому розділі його знаменитого «Волдену або життя у лісі» («Walden or Life in the Woods», 1854): «Багато що з того, що літні люди вважають неможливим, ви пробуєте зробити – і воно виявляється можливим. Старому поколінню – старі справи, а новому – нові... Старість годиться в наставники не більше, якщо не менше, ніж юність, – вона не так багато чому навчилася, скільки втратила. Я не впевнений, що навіть наймудріший з людей, проживши життя, збагнув щось, що має абсолютну істинність. По суті, старі люди не можуть дати молодим справді цінних порад; для цього їхній досвід був надто обмежений, а життя склалося дуже невдало; але це вони пояснюють особистими причинами; до того ж всупереч їхньому досвіду в них могли зберегтися залишки віри, і вони просто менш молоді, ніж були. Я прожив на нашій планеті 30 років і ще не чув від старших жодної цінної або навіть серйозної поради» [11, с. 389–390]. Здається, сучасники письменника розділяють його потрактування геронтогенезу, хоча поряд з негараздами старіння (хвороба, консерватизм, бездіяльність) Р.В. Емерсон формує позитивний бік літнього віку: «Допоки ми спілкуємося з тим, що підноситься над нами, ми не старіємо, навпаки, ми молодшаємо» [11, с. 232–233]. Таким чином, засновник трансценденталізму лобіює активну стратегію старіння: акцентуючи готовність молодості поглинати нові знання, мислитель закликає старість наслідувати цей приклад. У гаслі «Не дайте старості прокрастися в людський розум!» Емерсон підносить американський дух.

Ейджистські умонастрої Торо пізніше підхоплює В. Вітмен у циклі «Дні сімдесятиріччя» та есе «Відповідь старого». Потужний вплив трансценденталістської філософії та відмову у традиційній пуританській повазі до старійшин заперечують твори «The Grey Champion» ("Twice Told Tales") та «Експеримент доктора Гайдеггера» Н. Готорна та «Morituri Salutamus» Г.В. Лонгфеллоу, в яких американські романтики не розділяють погляди Торо на пізню зрілість. Як зауважує Фішер, «повага до літнього віку лежала в основі суспільства XVII ст.; в XIX ст. старість перебувала все частіше на задвірках суспільства» [20, с. 122]. Тому, наприклад, у популярній комедії XIX ст. А.К. Моуетт «Мода» дійові особи похилого віку все ще стереотипно зображені або як уособлення мудрості, або як об'єкти глузування. Соціум ще довго зберігав такий полярний підхід до питання старіння, сприймаючи літніх людей або з особливим пієтетом, або зі зневагою.

Якщо за пуританської парадигми духовний розвиток був діалектично пов'язаний із «фізичним занепадом» [14, с. 47], то у вікторіанській культурі таке сприйняття й тлумачення людського життя було втрачено, і внаслідок дихотомізації екзистенційної єдності сформувалися опозиції міць / слабкість, розвиток / занепад, надія / смерть. Наступну формулу було виведено для ілюстрації ставлення до старіння за вікторіанської доби в США: той, хто жив, важко працюючи, у вірі і самоконтролі, міг заслуговувати на здоров'я й незалежність наприкінці життя, так само як і на швидку, безболісну та природну смерть; тоді як ледарі, розпусники та невіруючі були приречені на передчасну смерть або жалюгідну старість [14, с. 91, 94].

Як видно з наведених вище положень, кожна культурна епоха має власні парадоксальні уявлення про геронтогенез. Скрізь він неодмінно пов'язаний з амбівалентністю, одночасно концентруючи у собі досвід і страждання, духовне зростання й фізичний занепад, пошану й незахищеність. Спроби розмежування подібних бінарних опозицій щодо пізнього зрілого віку може привести до стереотипізації літніх людей, що, власне, і відбувалося у другій половині XIX ст. у США – час, який Т. Коул назвав періодом біфуркації старіння або зміни сталого режиму роботи соціальної системи. Багатогранний процес старіння вікторіанська мораль звела до низки полярних позитивних та негативних стереотипів, сформувавши цим підґрунтя для ейджизму ХХ ст. Екзистенційна цілісність пуританської традиції внаслідок потужного матеріального прогресу була фактично знівельована відокремленням у розумінні старості міцності від слабкості, змужніння від ослаблення, надії від смерті [14, с. 74]. Т. Коул неодноразово підкреслює, що хоча поглиблене вивчення геронтогенезу за останню чверть ХХ ст. сприяло висвітленню окремих аспектів старіння та вирішенню низки пов'язаних із цим процесом проблем, менше з тим дослідження «третього віку» у США залишаються відірваними від вікового контексту до 1920-х рр.: «через відсутність культурно переконливих та життєздатних вікових схем розуміння старшого віку американським середнім класом зводилося до моделі довічного середнього віку без будь-якого зв'язку з дитинством та старістю» [14, с. 11, 241].

Розвиток урбанізації у XX ст. призводить до зникнення інституту патріархальної родини. Усі політичні перевороти та рухи очолювала молодь — російську революцію, італійський фашизм, нацизм, китайську та кубінську революції, алжирську війну за незалежність. У той час літні лідери пасивно займали високі пости, за окремими винятками (В. Черчіль звільнився з посади прем'єр-міністра Великої Британії у 81-річному віці, К. Аденауер — з посади канцлера ФРН у 87 років). Де Бовуар зауважує, що інтерес до старості помітно знижується, оскільки досвід старіння було дискредитовано: «Сучасне технократичне суспільство вважає, що знання не накопичуються з роками, а застарівають. Літній вік означає дискваліфікацію: старість не є перевагою» [13, с. 210].

Фішер висновує, що лише на початку XX ст. американці почали розглядати літній вік як соціальну проблему (серед низки інших), відстаючи законодавчо від більшості європейських країн, які, наприклад, здійснювали обов'язкове страхування за віком з 1889 р. у Німеччині, 1906 р. в Австрії, 1908 р. в Англії, 1910 р. у Франції, 1912 р. в Румунії, 1913 р. в Швеції. Першу чверть XX ст. літні громадяни у США переважно потерпали від бідності та злиднів. Приватні пенсійні виплати були поодинокими. Федеральним урядом не було передбачено пенсійної системи для співробітників. І лише у 1930 р. Американська федерація праці підтримала обов'язкове страхування за віком, а впродовж наступних трьох років більшість штатів його запровадили [20, с. 174—176]. А в 1935 р. був розроблений найважливіший в американській історії проект з літнього віку—закон про соціальне забезпечення (базове право на пенсію у старості). З прийняттям цього закону у мистецтві образи людей похилого віку стали виписувати у світліших барвах завдяки поліпшенню економічного і фізичного здоров'я літнього населення.

Протягом XX ст. формується неабияка кількість груп впливу, асоціацій, рад та партій з питань літнього віку (найвідоміші — Gray Panthers), які активно лобіюють інтереси американців пенсійного віку. Ще однією видатною правовою подією став Закон про літніх американців (1965), перша федеральна ініціатива, спрямована на надання комплексних послуг для старших людей. Із запровадженням концепції «успішного старіння» пуританська теза «довге життя — це гарне життя» знову стає актуальною [20, с. 188]. У результаті американці почали формувати здорову, продуктивну, корисну, щасливу, заможну, творчу, політично і навіть сексуально активну людину літнього віку [26, с. 39]. Та разом з тим реальність визначала і поглиблення конфлікту між представниками різних поколінь та зростання самотності літньої людини.

За Фішером, фізичні страждання старіння, настільки сильні в Америці XVII ст., значно зменшилися у XX ст., чому також посприяло формування та розвиток геронтології. Крім того, вдосконалення окулярів, зубних імплантів, слухових апаратів та інших ортопедичних пристроїв суттєво змінили соматику геронтогенезу [20, с. 190]. Наприкінці XX ст. основною потребою геронтології є протистояння ейджистським стереотипам (доволі потужним у США) і врівноваження потреб літнього населення з потребами інших вікових генерацій.

У знакових працях західної художньої літератури XX ст. процеси старіння та геронтомотиви зрідка були центральними. Так, винятками є роман-епопея «У пошуках втраченого часу» М. Пруста, «Фальшивомонетники» А. Жида та повість Е. Хемінгвея «Старий і море» з емерсонівським інтертекстом (есе «Кола»). Хоча у соціальному, психологічному та біологічному аспектах процеси старіння збагатилися з плином часу, у художніх репрезентаціях літніх персонажів домінує стереотипність: «не має значення, якщо вони суперечливі – вони настільки заяложені, що їх просто повторюють і всім байдуже. адже ніхто не звертає уваги» [13, с. 211]. Фішер прочитує у хрестоматійному тексті Хемінгвея дихотомію молодості / старості, боротьба яких приводить до тріумфу першого елемента цієї бінарної опозиції. В інших репрезентаціях старіння та пізньої зрілості в американській літературі попереднього століття переважають, на думку Фішера, емоційні зображення немічності, порожнечі та залежності геронтоперсонажів від молодших поколінь («Грона гніву» Дж. Стейнбека, «Смерть найманця» Р. Фроста, «Геронтіон» Т.С. Еліота) [20, с. 125]. Відокремлено побутують зображення геронтопортретів доби митцями театру абсурду, у творах яких відсутня динаміка старіння. Абсурдистів не цікавість старість, як сховане під мішурою життя, або літні персонажі. Е. Йонеско та С. Беккет конструюють процеси старіння та геронтопортрети з метою передати своє бачення існування людства загалом.

Оскільки від часів Реформації та до початку Першої світової війни у Західній Європі філософська думка неухильно підточувала античне та середньовічне розуміння процесу старіння як містичної частини одвічного стану речей, відтоді за цей тривалий період старість і старіння розглядалися з раціональної та наукової точок зору. І лише епоха постмодернізму знову привернула увагу до духовних аспектів літнього віку. Т.Р. Коул вважає, що наприкінці ХХ ст. культуру старіння у США ускладнюють такі маркери: доступність довголіття, світові фінансові кризи, швидкий розвиток біомедичних технологій та культурна криза медицини, спричинена руйнацією колись відносно цілісного християнського світогляду [14, с. хх]. Вивчення процесів геронтогенезу переважно підпадає під сферу досліджень економічних, соціальних та природничих наук, які не лише тлумачать, але й намагаються регулювати ці процеси. При згадуванні «проблеми» старості, яку вчені з відповідних галузей науки (медицина, фармакологія, психологія, соціологія), вважається, можуть розв'язати, для пересічного загалу гуманітарне пізнання періоду пізнього дорослого віку до недавнього часу не становило актуальності. Акцент на соматиці без належної уваги до духовних питань у вивченні завершального етапу людського життя призводить до дисоціативності, розділення душі й тіла.

Попри це останні десятиліття XX та перші десятиліття XXI ст. демонструють посилення уваги до літнього віку та процесів старіння у художній літературі. Репрезентації пізньої зрілості є різноманітними, часом полярними, а їх кількість щороку збільшується. Частотними маркерами дискурсу старіння у таких творах є «перегляд життя» літніми протагоністами, який реалізується різноманітними типами спогадів; комплекс міжпоколіннєвих конфліктів; топос геріатричних закладів; взаємодія еротико-танатичних первнів; смисложиттєва функція творчості в існуванні літніх персонажів.

Дискурс вікової динаміки старіння в художній літературі Західної Європи та США діахронічно окреслений крізь призму антропологічних спостережень основних історичних періодів. В античні часи, хоча окремі вияви старіння і ставали предметом сміху в комедіях, наприклад, Аристофана, але здебільшого старість поважали як втілення мудрості, а тому літня людина посідала панівні місця в соціальній ієрархії. Навіть у добу Середньовіччя старість певний час продовжувала мислитися як благословення, адже довголіття — то був дар Божий. Однак поступово відродження культу тілесної краси перетворило старість з її невідворотними тілесними змінами на щось ганебне, а літніх людей спонукало не виходити «на денне світло». На соціальному узбіччі вони перебували протягом кількох століть, залишаючись під тиском ейджистських стереотипів, сила якого була настільки великою, що призвела до поступової самостереотипізації і знецінення ними власного буття. Релігійнообщинне розуміння старості простежується у західній цивілізації протягом від доантичних часів та до кінця XVII ст. Потім відбувається різкий перехід до науково-індивідуалістичного сприйняття геронтогенезу в Європі та США у період з XVIII по XX ст. Продемонстровано, що домінантним аспектом дискурсу старіння в літературі Західної Європи та США за всю

історію був і залишається мотивний комплекс міжпоколіннєвих конфліктів. Сучасний же дискурс вікової динаміки старіння в художній літературі розробляє також репрезентації повсякденного життя літніх персонажів, відтворює їх місце й роль у соціумі, стосунки із сім'єю та питання трансцендентності. Висновуємо, що суспільне ставлення до геронтогенезу та його літературні вияви зазнавали драматичних, інколи полярних змін упродовж понад двох тисячоліть.

Список використаної літератури

- 1. Арістотель. Нікомахова етика [Електронний ресурс] / Арістотель. Режим доступу: http://www.aelib.org.ua/texts/aristoteles_nicomachean_ethics_ua.htm (останнє звернення 09.08.2019).
- 2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти [Електронний ресурс] / Ф. Арьес. Режим доступу: http://yakov.works/history/18/general/e_0.htm (останнє звернення 09.08.2019).
- 3. Бастль Б. Новий час / Б. Бастль // Історія європейської ментальності. Львів: Літопис, 2004. С. 263—271.
- 4. Денисова Т. Пуританська традиція як плідна тенденція в літературі США / Т. Денисова // Американські літературні студії в Україні. 2004. Вип. 1. С. 36—43.
- 5. Елліотт Е. Ці неупокорені пуритани, які вижили у канонічних війнах / Е. Елліотт // Американські літературні студії в Україні. 2004. Вип. 1. С. 240—257.
- 6. Література західноєвропейського середньовіччя: навч. посібник для студентів гуманітарних факультетів з курсу «Історія зарубіжної літератури» / за ред. Н.О. Висоцької. Вінниця: НОВА КНИГА, 2003. 464 с.
- 7. Платон. Бенкет [Електронний ресурс] / Платон. Режим доступу: http://booksonline.com.ua/view.php?book=174485 (останнє звернення 09.08.2019).
- 8. Робак В.Є. Соціально-геронтологічні аспекти сприйняття старості в епоху Середньовіччя / В.Є. Робак // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. 2013. № 1. С. 72—77.
- 9. Тополь О.В. Філософія похилого віку: екзистенційний та соціокультурний вимір: дис. ... д-ра філос. наук / О.В. Тополь. Київ, 2013. 392 с.
- 10. Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях [Електронний ресурс] / М.Т. Цицерон. Режим доступу: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423060633 (останне звернення 09.08.2019).
- 11. Шипилов А.В. «Старость» в прошлом и настоящем. Возраст и общество: старость как социокультурный феномен [Електронний ресурс] / А.В. Шипилов. Режим доступу: www.culturalnet.ru/main/getfile/1135 (останне звернення 09.08.2019).
- 12. Эмерсон Р. Эссе. Уолден, или Жизнь в лесу / Г. Торо, Р. Эмерсон. М.: Художественная литература, 1986. 639 с.
- 13. Beauvoir S. The Coming of Age / S. Beauvoir. New York: W.W. Norton and Company, 1996. 585 p.
- 14. Cole T.R. The Journey of life. A Cultural History of Aging in America / T.R. Cole. Cambridge: Cambridge UP, 1992. 260 p.
- 15. Culley A. 'A journal of my feelings, mind & Body': Narratives of Ageing in the Life Writing of Mary Berry (1763–1852) / A. Culley // Romanticism. 2019. Vol. 25, no. 3. P. 291–302.
- 16. Demontis L. Comparative Analysis of Medieval and Modern Scientific Research on Ageing Reveals Many Conceptual Similarities [Електронний ресурс] / L. Demontis // Gerontology & Geriatric Research. 2015. Режим доступу: http://dx.doi.org/10.4172/2167-7182.1000216 (останне звернення 09.08.2019).
- 17. Falkner T.M. The Poetics of Old Age in Greek Epic, Lyric, and Tragedy / T.M. Falkner. Norman: University of Oklahoma Press, 1995. 342 p.
- 18. Fallon D. 'Can you say I am an old man?': Sentiment and the Mask of Ageing in Thomas Holcroft's Duplicity (1781) / D. Fallon // Romanticism. 2019. Vol. 25, no. 3. P. 237–248.
- 19. Fallon D. Romanticism and Ageing: An Introduction / D. Fallon, J. Shears // Romanticism. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 217–224.
- 20. Fischer D.H. Growing Old in America. The Bland-Lee Lectures delivered at Clark University / D.H. Fischer. Oxford: Oxford UP, 1978. 283 p.

- 21. Gramshammer-Hohl D. Aging Research and Slavic Studies (Introduction). Aging in Slavic Literatures: Essays in Literary Gerontology / D. Gramshammer-Hohl. Bielefeld: Transcript Verlag, 2017. P. 9—15.
- 22. Gustafson K. Life Stage Studies and the Eighteenth Century: Reading Age in Literature / K. Gustafson // Literature Compass. 2014. Vol. 11, no. 8. P. 528–537.
- 23. Lanser S.S. Aging with Austen / S.S. Lanser // Publications of the Modern Language Association of America. 2018. Vol. 133, no. 3. P. 654–660.
- 24. Martin C. Constituting Old Age in Early Modern Literature from Queen Elizabeth to "King Lear" / C. Martin. Amherst: University of Massachusetts Press, 2012. 240 p.
- 25. O'Neill M. Women and Ageing: Private Meaning, Social Lives / M. O'Neill, M. Schrage-Fruh // Life Writing. 2019. Vol. 16, no. 1. P. 1–8.
- 26. Palmore E.B. Encyclopedia of Ageism / E.B. Palmore. New York: The Haworth Pastoral Press, 2005. 347 p.
- 27. Pratt L. Robert Southey and his Age: Ageing, Old Age and the Days of Old / L. Pratt // Romanticism. 2019. Vol. 25, no. 3. P. 271–280.
- 28. Rasmussen L. From Girl to Grotesque: Exploring the Intersection of Ageing, Illness, and Agency in Auto/biographical Narratives about Seventies Icon Farrah Fawcett / L. Rasmussen // Life Writing. 2019. Vol. 16, no. 1. P. 37–50.
- 29. Sandy M. 'Strength in What Remains Behind': Wordsworth and the Question of Ageing / M. Sandy // Romanticism. 2019. Vol. 25, no. 3. P. 261–270.
  - 30. Small H. The Long Life / H. Small. New York: Oxford UP, 2007. 360 p.
- 31. Smith H. Bare Ruined Choirs: Shakespearean Variations on the Theme of Old Age / H. Smith // Huntington Library Quarterly. 1976. Vol. 39, no. 3. P. 233–249.
- 32. Stamm G. Embodiment and Aging in Le Ravissement de Lol V. Stein / G. Stamm // Mosaic A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature. 2018. Vol. 51, no. 2. P. 91–105.

DIACHRONIC PERSPECTIVE ON THE AGING DISCOURSE IN THE FICTIONS OF WESTERN EUROPE AND THE USA

Anna V. Gaidash, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: a.haidash@kubg.edu.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-1

Key words: aging discourse; diachronic perspective; fiction; late adulthood; intergenerational conflict.

The relevance of the aging discourse is driven by the need of understanding the increase in life expectancy that is reflected in recent fiction. Age studies and gerontological studies of the 20th century recommend socio-psychological and historical-cultural analyses to comprehensively cover the phenomenon of aging. To achieve this goal is possible with the help of diachronic consideration of the subject of a certain society with its specific features. The purpose of the article is to outline the main milestones of social and artistic representations of aging in Western civilization in a diachronic perspective, based on the philosophical, anthropological and historical works of de Beauvoir, D.H. Fischer, T.R. Cole etc. They discern opposing attitudes towards the elderly in the history of Western civilization: reverence as much as neglect. At the same time in the framework of the available data a straight story cannot be written, because the references to late adulthood concerned mainly the representatives of the privileged classes. The elderly representatives of other social strata stayed on the margins of society and public interest. Therefore the challenges of old age are a significant problem of governmental and social concerns. This is especially true of the aging women who perceived their physiological and psychological transformations in old age as a source of embarrassment, shame, and disgrace for centuries. Yet the period of late adulthood has turned into "decline" even more conspicuously in recent centuries largely due to the disengagement of the elderly from their practical activities. The author traces the representations of old age in the landmark works of antiquity, the Middle Ages, the Renaissance, 17th-20th centuries in junction with anthropological observations of a particular period. The religious and communal understanding of late adulthood can be traced in Western civilization from the time of antiquity to the end of the 16th century. Then there is a sharp transition to a scientifically-individualistic perception of old age in Europe and the USA in the period from the 18th to the 20th centuries. The author claims that the dominant aspect of the aging discourse in fiction for a long time has been and remains the motive complex of intergenerational conflicts. Apart from that a contemporary discourse of the dynamics of aging in fiction also develops representations of the routine life of elderly characters, their social statuses, relations within their families and issues of transcendence. The methods used in the paper are mixed: historical data processing, analyses of interdisciplinary resources (anthropology, literary gerontology, social gerontology, age studies). The results can be practical for classes of theory of literature and social gerontology. The findings of the paper conclude that societal attitudes toward old age and aging and its literary manifestations have undergone dramatic, sometimes polar, transformations over more than two millennia.

References

- 1. Ar'es, F. Chelovek pered licom smerti [The Hour of Our Death]. Available at: http://yakov.works/history/18/general/e 0.htm/ (Accessed 9 August, 2019).
  - 2. Aristotel'. Nikomakhova etyka [The Nicomachean Ethics]. Kyiv, Akvilon-Plius Publ., 2002, 480 p.
- 3. Bastl', B. Novyj chas [New Age]. Istoriia ievropejs'koi mental nosti [History of European Mentality]. Lviv, Litopys Publ., 2004, pp. 263-271.
  - 4. Beauvoir, S. The Coming of Age. New York, W.W. Norton and Company, 1996, 585 p.
- 5. Ciceron, M.T. *O starosti*. *O druzhbe*. *Ob objazannostjah* [On Old Age. On Friendship. On Divination]. Available at: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423060633 (Accessed 9 August, 2019).
- 6. Cole, T.R. The Journey of life. A Cultural History of Aging in America. Cambridge, Cambridge UP, 1992. 260 p.
- 7. Culley, A. 'A journal of my feelings, mind & Body': Narratives of Ageing in the Life Writing of Mary Berry (1763-1852). In: Romanticism, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 291-302.
- 8. Demontis, L. Comparative Analysis of Medieval and Modern Scientific Research on Ageing Reveals Many Conceptual Similarities. Gerontology & Geriatric Research, 2015. Available at: http://dx.doi.org/10.4172/2167-7182.1000216 (Accessed 9 August, 2019).
- 9. Denysova, T. *Purytans'ka tradytsiia iak plidna tendentsiia v literaturi SShA* [Puritan Tradition as productive Tendency in American Literature]. *Amerykans'ki literaturni studii v Ukraini* [American Literary Studies in Ukraine]. 2004. no. 1. pp. 36-43.
- 10. Elliott, E. Those Irrepressible Puritans: Canon War Survivors. In: *Amerykans'ki literaturni studii v Ukraini* [American Literary Studies in Ukraine], 2004, no. 1, pp. 240-257.
- 11. Emerson, R., Thoreau, H. Essays. Walden; or, Life in the Woods. Moscow, Hudozhestvennaya litertura Publ., 1986, 639 p.
- 12. Falkner, T.M. The Poetics of Old Age in Greek Epic, Lyric, and Tragedy. Norman, University of Oklahoma Press, 1995, 342 p.
- 13. Fallon, D. 'Can you say I am an old man?': Sentiment and the Mask of Ageing in Thomas Holcroft's Duplicity (1781). In: Romanticism, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 237-248.
- 14. Fallon, D., Shears J. Romanticism and Ageing: An Introduction. In: Romanticism, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 217-224.
- 15. Fischer, D.H. Growing Old in America. The Bland-Lee Lectures delivered at Clark University. Oxford, Oxford UP, 1978, 283 p.
- 16. Gramshammer-Hohl, D. Aging Research and Slavic Studies (Introduction). In: Aging in Slavic Literatures: Essays in Literary Gerontology. Bielefeld, Transcript Verlag, 2017, pp. 9-15.
- 17. Gustafson, K. Life Stage Studies and the Eighteenth Century: Reading Age in Literature. In: Literature Compass, 2014, vol. 11, no. 8, pp. 528-537.
- 18. Lanser, S. S. Aging with Austen. In: Publications of the Modern Language Association of America, 2018, vol. 133, no. 3, pp. 654-660.
- 19. Martin, C. Constituting Old Age in Early Modern Literature from Queen Elizabeth to "King Lear". Amherst, University of Massachusetts Press, 2012, 240 p.
- 20. O'Neill, M., Schrage-Fruh M. Women and Ageing: Private Meaning, Social Lives. In: Life Writing, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 1-8.
  - 21. Palmore, E.B. Encyclopedia of Ageism. New York, The Haworth Pastoral Press, 2005, 347 p.
- 22. Platon. Benket [The Symposium]. Available at: http://booksonline.com.ua/view.php?book=174485 (Accessed 9 August, 2019).
- 23. Pratt, L. Robert Southey and his Age: Ageing, Old Age and the Days of Old. In: Romanticism, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 271-280.
- 24. Rasmussen, L. From Girl to Grotesque: Exploring the Intersection of Ageing, Illness, and Agency in Auto/biographical Narratives About Seventies Icon Farrah Fawcett. In: Life Writing, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 37-50.
- 25. Robak, V.Ye. *Social'no-gerontologichni aspekti sprijnjattja starosti v epohu Seredn'ovichchja* [Social and gerontological aspects of perception of old age in the Middle Ages]. *Naukovi zapysky Ternopil's'koho natsional'noho pedahohichnoho universytetu* [Scholarly works of Ternopil National Pedagogical University], 2013, no. 1, pp. 72-77.

- 26. Sandy, M. 'Strength in What Remains Behind': Wordsworth and the Question of Ageing. In:
- Romanticism, 2019, vol. 25, no. 3, pp. 261-270. 27. Shipilov, A.V. *"Starost'" v proshlom i nastojashhem* ["Old Age" in Past and in Present]. Available at: www.culturalnet.ru/main/getfile/1135/ (Accessed 9 August, 2019).
  - 28. Small, H. The Long Life. New York, Oxford UP, 2007, 360 p.
- 29. Smith, H. Bare Ruined Choirs: Shakespearean Variations on the Theme of Old Age. In: Huntington Library Quarterly, 1976, vol. 39, no. 3, pp. 233-249.
- 30. Stamm, G. Embodiment and Aging in Le Ravissement de Lol V. Stein. In: Mosaic A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature, 2018, vol. 51, no. 2, pp. 91-105.
- 31. Topol', O.V. Filosofiia pokhyloho viku: ekzystentsijnyj ta sotsiokul'turnyj vymir. Diss. dokt. filos. nauk [Philosophy of Old Age: existential and socio-cultural dimensions. Dr. philos. sci. diss.]. Kyiv, 2013, 392 p.
- 32. Vysots'ka, N.O. Literatura zakhidnoievropejs'koho seredn'ovichchia [Medieval Literature of Western Europe]. Vinnytsya, Nova Knyha Publ., 2003, 464 p.

Одержано 5.09.2019.

УДК 82-32

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-2

л.к. оляндэр,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянской филологии Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (г. Луцк)

РОМАН М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В НОВОМ ПРОЧТЕНИИ: НЮАНСЫ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Рассмотрен гипотетический взгляд О. Богдановой на эволюцию замысла в романе М. Лермонтова «Герой нашего времени», взятый в контексте современного лермонтоведения как звено дальнейшего проЯснения [графика Т. Гундоровой] некоторых сторон развития реализма в русской литературе XIX в.: от А. Пушкина через М. Лермонтова к Л. Толстому и Ф. Достоевскому. Указывается, что приверженец Петербургской филологической школы –О. Богданова – вступает в диалогическое поле лермонтоведения. Акцентировано то, что аналитическое повторное прочтение (по чичеринскому типу) вариантов «Героя нашего времени» осуществляется О. Богдановой элементами «утонченности и стилистического микроанализа» (В. Маркович). Подчеркнута сосредоточенность на словах век и время, мысль об изменении лермонтовского первоначального замысла – показать героя 1812-1825 гг. Заострено внимание на двух Печориных, на творческом «диалоге» Лермонтова с Пушкиным, на том, что О. Богдановой обоснованно выделен Казбич как вторичный («фиктивный») нарратор. Анализируются богдановские подходы к механизму лермонтовской полидетерминации, косвенные пути демонстрации превращения героя ... века, каким был Печорин перед прибытием на Кавказ и первоначально на Кавказе, – в героя ... времени. Отмечено, что проблема рассматривается и по горизонтали жизни героя, взятой в исторической атмосфере постдекабристского времени, и по вертикали, ведущей к нашей современности, в т. ч. и в онтологическом аспекте. Раскрывается смыслообразующая роль богдановского дискурса.

Ключевые слова: дискурс, герменевтика, герой начала XIX в., герой нашего времени, интенции, метатекст, подтекст, текст, М. Лермонтов, А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой.

Розглянуто гіпотетичний погляд О. Богданової на еволюцію задуму в романі М. Лермонтова «Герой нашого часу», взятий у контексті сучасного лермонтознавства як ланки подальшого про-Яснення [графіка Т. Гундорової] деяких сторін розвитку реалізму в російській літературі XIX ст.: від О. Пушкіна через М. Лермонтова до Л. Толстого і Ф. Достоєвського. Вказано, що прибічниця Петербурзької філологічної школи – О. Богданова – входить у діалогічне поле лермонтознавства. Акцентовано те, що аналітичне повторне читання (за чичерінським типом) варіантів «Героя нашого часу» здійснюється О. Богдановою елементами «витонченості і стилістичного мікроаналізу» (В. Маркович). Підкреслено зосередженість на словах століття і час, думку про зміну лермонтовського початкового задуму – показати героя 1812-1825 рр. Загострено увагу на двох Печоріних, на творчому «діалозі» Лермонтова з Пушкіним, на тому, що О. Богдановою обґрунтовано виокремлення Казбіча як вторинного («фіктивного») наратора. Аналізуються богдановські підходи до механізму лермонтовської полідетермінації, опоседковані шляхи демонстрації перетворення героя XIX ст., яким був Печорін перед прибуттям на Кавказ і спочатку на Кавказі. — в героя часу. Зауважено, що проблема розглядається і по горизонталі життя героя, взятій в історичній атмосфері постдекабристського часу, і по вертикалі, що веде до нашої сучасності, у т. ч. і в онтологічному вимірі. Розкривається смислотворча роль богдановського дискурсу.

Ключові слова: дискурс, герменевтика, герой початку XIX ст., герой нашого часу, інтенції, метатекст, підтекст, текст, М. Лермонтов, О. Пушкін, Ф. Достоєвський, Л. Толстой.

Какие силы были у этого человека... Каждое его слово было словом человека власть имеющего... Вот в ком было это вечное, сильное искание истины. Если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский. Вот в ком было это вечное, сильное искание истины! Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу, как власть имеющий. У него нет шуточек... шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего.

Лев Толстой

Вопрос об истине не является более вопросом о методе, это – вопрос о явлености бытия для сущего, чье существование заключается в понимании бытия. Поль Рикёр. Конфликт интерпретаций [31, с. 141]

Но если смерть Пушкина была великим несчастьем для России, то смерть Лермонтова была уже настоящей катастрофой, и от этого удара не могло не дрогнуть творческое лоно не только Российской, но и других метакультур. Миссия Пушкина, хотя и с трудом и только частично, но все же укладывается в человеческие понятия; по существу, она ясна. Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок нашей культуры.

Даниил Андреев. Из книги «Роза мира» [1, с. 453]

ихаил Юрьевич Лермонтов остался бы на долгие времена, может быть, даже, к сожалению, среди великих поэтов мира поэтом-вещуном, если бы написал только эти строки, с их вечным и неразрешимым вопросом:

И с грустью тайной и сердечной Я думал: жалкий человек, Чего он хочет?.. небо ясно, Под небом места много всем, Но беспрестанно и напрасно Один враждует он – зачем? [13, т. I, с. 374]

Однако он создал нечто такое, благодаря чему был и есть недосягаемым и неразгаданным, но всегда в центре внимания, о чем ярко свидетельствует статья В. Марковича «М. Лермонтов и его интерпретаторы» (2002), где дан глубокий анализ критических и литературоведческих работ, начиная с момента первых откликов и кончая рубежом XX—XXI вв.

Цель состоит в том, чтобы аналитически рассмотреть гипотетический взгляд О. Богдановой на формирование замысла романа «Герой нашего времени» в контексте современного лермонтоведения как звено дальнейшего проЯснения [графика Т. Гундоровой] некоторых сторон развития реализма в русской литературе XIX в.: от А. Пушкина через Ю. Лермонтова к Л. Толстому и Ф. Достоевскому.

Сегодня, чтобы обратиться к творчеству М.Ю. Лермонтова, нужно иметь большую смелость: о великом поэте столько написано и столько сказано, включая емкую по своему содержанию оценку Л. Толстого, что, кажется, трудно найти хоть одно еще никем не произнесенное слово. В доказательство достаточно назвать такие издания, как юбилейный сборник «Венок Лермонтову» (М.; Пг., 1914), «Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове (1917—1977 гг.)» (Л., 1980), «Лермонтовская энциклопедия» (1981), «Михаил Лермонтов: pro et contra» (2002), «М.Ю. Лермонтов: pro et contra: антология» (2014) и др.

Последние два издания особенно ценны тем, что в них воссоздано диалогическое поле, представляющее собой пространственно-временной континуум. На этом (поли)диалогическом поле звучат во взаимодействии — в созвучии и отталкивании — голоса, отражающие специфику жизни творчества М. Лермонтова в различные эпохи, особенно в моменты кризиса.

Однако безграничность и глубина тайны лермонтовского слова неизмеримо велика и позволяет, обнаруживая никем еще не замеченные грани творчества поэта, драматур-

га и романиста, сказать о нем новое слово и, избегая схематизации — от чего предостерегал В. Маркович [22], — интерпретировать наследие писателя без упрощения художественно-эстетического процесса [17, с. 4]. Об этом свидетельствуют диссертации XXI в., прежде всего докторские — «Пушкинская и лермонтовская разновидность русского романтизма в их художественном своеобразии» В.В. Липича [17], «Творческая логика М.Ю. Лермонтова» С.В. Савинкова [32], «Философско-религиозная проблематика в русской литературе 1830—1840 гг: Пушкин, Лермонтов, Гоголь» Л.В. Жаравиной [10] и др. — устремленные к решению проблем, связанных со спецификой художественно-философской системы М. Лермонтова, в том числе и в её онтологических аспектах. В этом отношении особый интерес вызывает и диссертация И.А. Киселёвой «Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система», в который достигается цель:

«...создание целостной концепции творчества Лермонтова как динамично развивающейся художественной модели мира, в основе которой лежит религиозно-философский и эстетический диалог поэта с ценностной шкалой христианской культуры» [11, с. 7].

Охватывая широкий спектр осмысления лермонтовского феномена, И. Киселева, в частности, отмечает и особенности ракурсов его видения:

«Традиционно, начиная с работ В.Г. Белинского, В.О. Ключевского, П.А. Висковатого, — пишет исследовательница, — творчество Лермонтова осмысливалось как плод русского национального мироощущения, преломленного опытом начала девятнадцатого столетия. Неотъемлемым признаком эпохи 1830-х годов явилась рефлексия, которая, будучи включенной в религиозно-философский контекст, дает возможность понимания сущего. Рефлексия, являясь связью между пониманием образа и самопониманием, позволяет «реинтегрировать семантику в онтологию» (Поль Рикер), допускает многоплановость текста, возможность как буквального, так и духовного его понимания. Результаты данного исследования доказывают, что лермонтоведение обладает большим потенциалом для развития подобного подхода и основу его методологии должны составить герменевтическое прочтение произведений и, набирающий силу в последнее десятилетие, аксиологический метод (В.Н. Аношкина, И.А. Есаулов, В.Е. Хализев и др.). Именно методологические находки этих направлений оказываются наиболее плодотворными при изучении лермонтовского творчества как целостной религиозно-философской системы» [11, с. 8].

Но и это только один из ракурсов рассмотрения творчества М. Лермонтова, ибо прав П. Рикёр, когда говорил:

«Экзегеза уже приучила нас к мысли о том, что один и тот же текст имеет несколько смыслов, что смыслы эти наслаиваются друг на друга, что духовный смысл может быть «передан» (translata signa у св. Августина) историческим или буквальным смыслом путем их приращения; Шлейермахер и Дильтей в равной мере научили нас рассматривать литературные тексты, документальные свидетельства и памятники как письменно зафиксированные выражения жизни; истолкование проделывает путь, обратный этой объективации жизненных сил в психических, а затем и в исторических связях; эта объективация и эта фиксация образуют другую форму передачи смысла [31, с. 43].

И не случайно О. Богданова, исходя из аксиологических и герменевтических методологий, свое вступление начала с *повторного* – по типу чичеринского – *прочитывания*, а значит, и переживания вновь вариантов лермонтовского романа, и дальнейшее познание через него:

«Роман М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени", как известно, имел, – пишет она, – несколько редакций: по утверждению специалистов, как минимум четыре – и следы этих вариантов в той или иной мере хранит в себе канонический текст. Сопоставление существующих редакций и сравнение их с окончательным текстом романа позволяет и теперь, спустя более полутора сот лет после появления произведения, приоткрывать новые, незамеченные прежде романные смыслы» [5, с. 76].

Очевидно, что исследовательница идет путем обогащения понимания «Героя нашего времени» и осознания познавательной функции романа, значение которой со временем возрастает. Акцентирование временной дистанции принципиально важно: это одно из основных положений — наряду с особенностями мировоззрения и эстетического сознания определяющих поле зрения.

Приверженная к традициям Петербургской филологической школы — будь то В.Э. Вацуро, В. Мануйлов или В. Маркович, О. Богданова, как и они, очень осторожно и обосновано связывает творчество поэта с его личными переживаниями. Она придерживается той же сдержанной методологии введения автобиографического материала в анализ художественного произведения, что и В. Вацуро, писавший, например, о «Штоссе» так:

«Последняя повесть Лермонтова <...> ...uнтерес к проблематике фантастических повестей, — пишет ученый, — мог поддерживаться у него тесным общением с Ростопчиной и Жуковским» (курсив мой — Π .O.) [6, с. 12].

Слова *интерес* и *общение* — это ведь и коды интеллектуального и эмоционального переживания. Что касается В. Марковича, то он дает почувствовать личные переживания не только М.Ю. Лермонтова, но и его критиков.

Аналитическое повторное прочтение О. Богдановой осуществляется, говоря словами В. Марковича, элементами «утонченности и стилистического микроанализа» вариантов романа «Герой нашего времени». Сосредоточив внимание на словах век и время, исследовательница последовательно развивает свою мысль об изменении первоначального замысла — показать героя 1812—1825 гг.

Но, как говорит Х. Ортега-и-Гассет:

«...слово – это не просто единица лексикона, но прежде всего то значение, которое с ней ассоциируется. Разговор о словах – это разговор о значениях, то есть о понятиях, если говорить языком традиционной логики. А... значение есть не что иное, как интенция...» [27].

Х. Ортега-и-Гассет, говоря это, характеризовал метафору, но его мысль распространяется в определенной степени на все средства словесного выражения. И благодаря тому, что и в «Герое нашего времени» речь идет непосредственно о значениях, его текст обретает определенную самостоятельность, которая воздействует на реципиента, находящегося в разных эпохах. Словосочетания наш век и наше время не являются метафорами, но именно замена одного на другое скорректировала ту цель, которую М. Лермонтов уяснял для себя в процессе формирования своего замысла. Безусловно, то, что название романа менялось, лермонтоведение отмечало. Вероятно, как пишет Б.Т. Удодов, ссылаясь на Э.Г. Герштейн, в редакции 1839 г., «роман получил назв[ание] "Один из героев начала века" [возможно, "нашего века"]» [14, с. 108]. Но О. Богданова рассмотрела смену названий как факт, свидетельствующий об изменении самого замысла. Более того, она не только раскрывает наличие этого процесса, но и «показывает» его.

Выясняя причины смены названий, О. Богданова отмечает, что:

«Для Лермонтова и его современников "герой нашего времени" не был равен "герою века", ибо в последнем случае речь должна бы идти о высоких помыслах людей преддекабристской и декабристской эпохи, а не периода николаевской реакции. Т. е. выбор хронотопа романа — прежде всего времени — и его последующие изменения не случайны. *Место* действия — Кавказ — концептуально. <...>

Лермонтов намеревался написать роман о *герое*, одном из тех людей *начала века*, с которыми ему довелось познакомиться в 1837 г., когда после смерти Пушкина и в связи с появлением предосудительного стихотворения "Смерть поэта" сослан на Кавказ» [5, с. 77].

Тут надо отметить, что пушкинская линия, хотя и не акцентируется, тем не менее четко прослеживается. В доказательство только несколько примеров, свидетельствующих о частотности упоминания в различных контекстах имени поэта:

«...Кавказ неизменно напоминал Лермонтову о Пушкине» [5, с. 77].

«Первоначально складывается впечатление, что рассказ (Максима Максимовича – Π .O.) ведется в традиционном литературном романтизированном ("марлинизированном" – A.C. Пушкин) ключе» [5, с. 81].

«В конце 1830-х гг. Лермонтов вслед за Пушкиным был устремлен к новой, современной манере письма» [5, с. 82].

«Когда Пушкин создавал образ Татьяны...» [5, с. 101]. «Имя Пушкина и образы его...» [5, с. 117].

Но – что особенно значимо – рассматривая А. Пушкина и М. Лермонтова в одном контексте, О. Богданова представляет изображение странного человека обоими писателями как диалектическое художественное двуединство. Известно, что В. Липич, интерпретируя пушкинский и лермонтовский психологизм, стремился, без противопоставления, «выявить сущность и особенность романтического мышления, мировидения, жизневосприятия каждого из поэтов, их личностный художественный субъективизм и в то же время объективную историческую детерминированность» [17, с. 6; подробно: 15; 16]. А О. Богданова, разрабатывая тему эволюции самого замысла, одновременно выявляет, как «романтическое мышление» через Жан-Жака Руссо, «Кавказского пленника» своею сущностью оказывало воздействие на отношение человека (литературного героя) с миром – исключением не стал даже бывалый кавказец, «простодушный» [5, с. 37], Максим Максимыч (это, по определению С. Савенкова, есть и другие оценки, о чем будет сказано ниже). И хотя О. Богданова не вступает непосредственно в диалог ни с В. Липичем, ни С. Савенковым, но сами эти три концепции находятся между собой в таких дилогических отношениях, которые требуют особого рассмотрения. Поэтому ограничившись теперь лишь констатацией самого факта их наличия, отметим еще одну специфическую черту названных тут научных текстов способность стимулировать самостоятельную, креативную мысль реципиента. Так, богдановские акценты на стихотворение М. Лермонтова «На смерть поэта» и роман А. Пушкина «Евгений Онегин» кажутся особенно важными, потому что благодаря этому не только лермонтовский художественный, но и богдановский научный текст, обладая подтекстовым содержанием и не отвлекая от логики изложения магистральной мысли, стимулирует зарождение добавочных интенций. В результате в подтексте маячит проблема «отцов и детей»¹: она вроде и есть, но вроде бы и нет. И то, что она «маячит» глубоко в подтексте «Героя нашего времени» - стоит лишь взять роман в лермонтовском гипертексте, - позволяет глубже осмыслить раскрытую О. Богдановой диалектику самого замысла, его «тектонический сдвиг». Становится очевидным, что Печорин с М. Лермонтовым, как когда-то Татьяна Ларина с А. Пушкиным, тоже «выкинул шутку»: появился одним человеком – героем века,

Вопрос к героическим «отцам» был от лица нового поколения... А в ответ был услышан не только рассказ, но и убийственный приговор недостойным «детям»: «Богатыри – не вы!».

¹То, что проблема «отцов и детей» (О. Богдановой она акцентирована еще в статье об А. Грибоедове) так или иначе обозначалась в творчестве М. Лермонтова. Поднималась она поэтом «дифференцированнее», чем у И. Тургенева, ибо отношения были неоднородны, а то и диаметрально противоположны. Чтобы убедиться, достаточно вспомнить и сопоставить его стихотворения «На смерть поэта» (1937) и «Бородино» (1837), которые в первую очередь говорят, что он дифференцированно оценивал сначала «отцов». В первом случае в заключительной строфе стихотворения «На смерть поэта» говорится: «А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов…». Во втором возникает из лермонтовского «Бородино»:

⁻ Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана? Ведь были ж схватки боевые, Да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия Про день Бородина! — Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы! [13, т. I, с. 300]

а в ходе развития повествования «странный человек», тот, которого позже назвали «лишним», предстал другим [5, с. 79]². Это обстоятельство вызывает вопрос: не нуждается ли вывод О. Богдановой в некоторой корректировке? Завершая первый раздел своей статьи, исследовательница пишет:

«…сопоставление различных редакций романа Лермонтова — "Один из героев начала века" и "Герой нашего времени" позволяет увидеть разность характера Печорина, точнее — разглядеть фактически двух Печориных, героев двух разных эпох, и вместе с осмыслением их характеров проследить историю творческих замыслов писателя и уловить динамику их изменений, оказаться на уровне мысли художника» [5, c. 118].

Вдумываясь в цитируемый фрагмент богдановского текста, нетрудно заметить, что с протагонистом романа действительно произошла метаморфоза. Он оказался в кризисном хронотопе: вдруг! – стал иным. Однако при всем при том Печорин все же остается Печориным, пусть и личностно измененным. Обычно в таких случаях принято говорить: «но это уже не тот человек».

Нельзя сказать, что до О. Богдановой никто метаморфозы, происшедшей с лермонтовским романтическим героем, не замечал. Уже В. Мануйлов, отмечая новые его качества, писал:

«...следует видеть и большую сложность образа Печорина, более детальный и конкретный анализ диалектики его душевной и духовной жизни, его внутренних монологов, его потока сознания» [21, с. 665].

Но мануйловская мысль, к которой, кажется, приближена мысль О. Богдановой, – несколько иная: у В. Мануйлова речь идет о диалектике печоринской натуры, а не о двух Печориных.

И тем не менее богдановская формулировка, исключающая переходную стадию между «двумя Печориными» — и нова, и верна по самой своей сути. При этом необходимо отметить значимость акцентуации на доминантном понимании слова «скука» — «не была выражением праздности или лености» [5, с. 79] — в контексте того времени. И цитируемое пушкинское высказывание: «скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа» [5, с. 79], — благодаря слову мыслящий, служит опорой для понимания художественной оправданности в системе романа появления иного Печорина.

Немалая заслуга О. Богдановой заключается в том, что она, говоря о *двух* Печориных, достигает двух решений. Во-первых, исследовательница наталкивает на предположение, что сам М. Лермонтов, зная судьбу П. Чаадаева, мог пережить и в себе разительную пере-

Я, веруя твоим словам, Глубоко в сердце погрузился. Однако же нашел я там, Что ум мой не по пустякам К чему-то тайному стремился.

К тому, чего даны в залог С толпою звезд ночные своды, К тому, что обещал нам бог И это б уразуметь я мог Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав Меня грызет от колыбели И в жизни зло лишь испытав, Умру я, сердцем не познав Печальных дум печальной цели [13, т. I, с. 57–58].

 $^{^2}$ Лирический герой М. Лермонтова в стихотворении «Н. Ф. И.» (1830) созвучен с Печориным и ставит схожие вопросы, что и он, — о предназначении человека:

мену, в своем мироощущении и в мироощущениях своих предшественников³; во-вторых, он, который без всяких затруднений мог бы передать «диалектику душевной и духовной жизни», не безосновательно отказывается идти этим путем. И причина такого отказа, видимо, кроется в том, что не диалектика интересовала его в данный момент, а разрыв поколений, образовавшаяся пропасть между ними. Вероятно, ему важнее было показать ту пропасть, которая нашла свое выражение в «Думах» и в строках «Бородино»: «Богатыри не вы...». Тут надо отметить, что М. Лермонтов, будучи, как и Т. Шевченко⁴, живописцем, а это говорит о том, что его пейзажные картины – в т. ч. явленые в слове – выступают, как текст, который кроме всего требуется прочитать и через перспективу, цвет, свет и тьму («Тамань»)... И читается пейзаж, который всегда больше, чем описание природы, во всей своей сложности: Кавказ прежде всего сам по себе предстает реалистически в полной красе своей и величии, но в то же время и в романтизированном, художественно-философском миропредставлении (офицер-журналист, Григорий Александрович Печорин) и в «прозаическом», обыденно-трезвом представлении, но все-таки тоже в некоторой романтической окраске, навеянной А. Бестужевым-Марлинским (Максим Максимыч). Одновременно, несмотря на отсутствие аллегорий, образы пропасти и обрывов вызывают у реципиента интенции относительно душевного кризиса лермонтовского поколения с его вопросом: зачем жил? Об этом пишет – и верно пишет – Е. Михайлова:

«Лермонтов мощно отразил это «переходное состояние человеческого духа», рвущего путы старых, сковывавших его понятий, но еще не находящего новых положительных основ своего мироотношения» [26, с. 620].

Но Е. Михайлова не замечает того, что граница между мироощущениями двух поколений образовалась не где-то вне, а в душе самого Печорина. Он приехал на Кавказ героем начала века, «странным человеком» – это, по Богдановой, «слово-сигнал» [5, с. 79], – героем Александровской эпохи, а уехал героем нового времени, вернее, безвременья, которое самим М. Лермонтовым не могло быть названо возвышенной эпохой. А это, в свою очередь, тоже требует акцентирования. И О. Богданова успешно разрешила сложную задачу одной итоговой фразой, предельно точно определив результат психических процессов, произошедших в Григории Александровиче Печорине. Это в его душе будто бы все оборвалось: «и герой Александровской эпохи был вытеснен героем (антифразис) эпохи николаевской» [5, с. 80]. Надо сказать, что вначале критика в лице В.Т. Плаксина констатировала – возможно, видя в этом лермонтовское упущение – лишь «несовпадение образов главного героя в "Бэле" и "Тамани"» [14, с. 109].

³ Сравнение с Чацким в лермонтоведении разноаспектно. Однако, на наш взгляд, могут быть интенции в связи с монологом грибоедовского героя: «Карету мне, карету!». Особенностью реализма позднего периода стал особый интерес к личности героя, его противостоянию общественному укладу. Чацкий стал прообразом Печорина. Он вступил в острый конфликт со своей социальной средой и отказался от нее, поняв бессмысленность борьбы с косным, отсталым обществом. Образ Печорина — это развитие персонажа Грибоедова. Лермонтов исследовал психологию лишнего человека в период, когда декабристское движение было разгромлено. Печорин силой обстоятельств покидает «светское общество» и оказывается в чуждой, экзотической для него обстановке. Кавказ, любовь черкешенки, таинственность, неожиданная развязка в русле романтических произведений привели некоторых исследователей к выводам, что произведение Лермонтова принадлежит течению романтизма. Разгоревшаяся между исследователями полемика окончательно так и не поставила точку, хотя большинство лермонтоведов признало, что роман «Герой нашего времени» принадлежит школе реализма с некоторым влиянием идей романтизма.

⁴ Тема сопоставления творчества — в том числе и живописного — М. Лермонтова и Т. Шевченко не является новой, но, на наш взгляд, она глубоко разработана И.М. Дзюбой. Одновременно украинский ученый высказал немало оригинальных мыслей о творчестве русского поэта. Здесь приведем лишь одну из них на языке оригинала. Анализируя Лермонтовскую поэму «Измаил-Бей» и приведя в пример строки из него, которыми черкес упрекает царского офицера: «Зачем ты не возненавидел, / Какою грубостью своей / Простой народ тебя обидел?», — ученый пишет: «Це вже наближається до Шевченковського: "Чурек и сакля — все твоє; / Воно не прошене, не дане…" Лермонтов ще не дав на ці запитання такої безстрашної відповіді, як Шевченко, але поставити її так, як поставив Лермонтов, — на той час та ще в його колі було немало» [9, с. 309].

Статья О. Богдановой делится на шесть фрагментов. И первый из них, в котором осуществлен детальный анализ вариантов романа, являясь по сути своей завершенным фрагментом, могущим существовать отдельной, самодостаточной статьей, одновременно предстает тезисом, требующим раскрытия. И в достижении этой цели ключевую роль играет второй фрагмент, посвященный нарраторам. Соглашаясь с утверждениями исследователей, что в лермонтовском романе реальны не три, а только два нарратора, т. к. Максим Максимыч является вторичным нарратором, О. Богданова впервые и не без оснований выделяет еще одного вторичного («фиктивного») нарратора – Казбича [5, с. 80], что, на наш взгляд, имеет принципиальное значение. Рассказ Казбича, носящий в себе черты исповедальности, раскрывает душу черкеса изнутри, его безграничную и природную тягу к свободе. И в «песне-притче о коне, о возлюбленной и горской воле» [13, т. II, с. 80] сравниваемый с птицей Карагез – он «летит, развевая хвост, вольный как ветер», – это и метафорический образ, выражающий эту свободу. Говоря о ментальности черкесского народа и его свободолюбии, на наш взгляд, с этой стороны необходимо рассмотреть и характер Бэлы, и ее понимание любви. Ведь так много написано о пушкинской Татьяне Лариной, и так мало – и односторонне о Бэле. Казалось бы, значительный шаг в этом направлении должен быть сделан Г.В. Воловым в диссертации «Художественный подтекст как средство раскрытия характеров героев в повестях "Бэла" и "Максим Максимыч" в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени" »⁵, но нет:

⁵ На сегодняшний день литературоведение все чаще уделяет внимание необходимости глянуть на художественное произведение с позиций ментальности того народа, который и представляет национальный писатель. Это дает представление о том, как «живет» и прочитывается тот или иной текст в инонациональном сознании.

Г.В. Воловой подходит к образной системе романа с позиции горца, что дает ему возможность, на наш взгляд, более точно прочитать подтекст «Героя нашего времени», а значит, и оценить способность М. Лермонтова глубоко понимать другого, народ, обладающий своей ментальностью. Концепция Г. Волового — это взгляд со стороны кавказца. Чтобы избежать голословности, приведем три обширных выдержки из его диссертации.

[«]Выявление художественного подтекста особенно актуально, когда автор целенаправленно вкрапливает его в свое произведение. Кроме того, существуют подсказки и намеки писателя, указывающие на подтекст. Например, ситуация, когда герои не могут открытым текстом выражать свои мысли. Такую ситуацию создает Лермонтов на свадьбе, когда Печорин впервые видит Бэлу. В его честь она поет песню. «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройней их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Казалось бы, несложная для понимания песня. Бэлу поразил русский офицер. Он стройней, чем молодые джигиты, а значит, в ее понимании, красивей и желанней. Она выражает свое восхищение Печориным. Сравнивая его с тополем, которому «не цвести в нашем саду», девушка говорит о невозможности их отношений. Она понимает, что молодой русский офицер из другого мира, что горское общество не приемлет вторгнувшихся в его жизнь чужаков. Кроме того, она хорошо понимает, что догмы мусульманской религии никогда не позволят ей соединить свою судьбу с не мусульманином. Так можно интерпретировать имплицитное содержание поступка Бэлы. Но существуют еще два уровня художественного подтекста, только еще на более глубоком уровне. Первый следует из самой ситуации исполнения песни. Бэла поет не заранее подготовленную песню, а импровизацию, которую сочинила тут же на свадьбе, наблюдая за Печориным. Это позволяет сказать о незаурядном поэтическом даре горянки. Умение слагать стихи делает ее более привлекательной в глазах Печорина, который сам владел художественным словом и ценил литературу. Кроме того, великолепным сложением песни она в очень небольшие мгновения сумела раскрыть свою поэтическую душу. Это, разумеется, также оказало влияние на выбор Печорина, помимо незаурядных данных девушки. Другой уровень выявления художественно подтекста отражает саму цель исполнения песни. Для определения более важного, центрального содержания в сообщении или тексте существует научный термин, закрепленный за понятием актуальный смысл. Актуальный смысл не может существовать вне субъекта его реализовавшего. Это та информация, ради которой и делается высказывание. Актуальный смысл сообщения Бэлы, адресованного Печорину, если исходить из первого уровня выявления художественного подтекста, заключается в том, чтобы проинформировать о невозможности их дальнейших отношений. Действие нелогичное. Что заставило княжескую дочь подойти к незнакомому мужчине, чужеземцу, реальному врагу ее родичей, и, хотя в иносказательной форме, в окружении ее родственников выразить свою симпатию? Действия Бэлы только на первый взгляд кажутся нелогичными. Чтобы понять смысл обращения к Печорину, необходимо хорошо знать обычаи, бытовавшие в то время. На Кавказе испокон веков существовал обычай, когда невесту похищали из родного дома против воли родителей. В дальнейшем похищенная девушка становилась женой, и на этом конфликт между родом похитителя и родителями девушки заканчивался. У Бэлы был конкретный план – дать понять молодому человеку свое желание соединить с ним свою судьбу. Она как бы говорит: ты мне нравишься, но существуют много препятствий, если ты сможешь преодолеть их, то я буду рада быть с тобой. Дальше уже все зависит от желания Печорина. «Печорин встал, поклонился ей, приложил руку ко лбу и сердцу» [7].

он лишь краем коснулся этой проблемы, и неслучайно официальные оппоненты упрекнули его в нераскрытости характера Бэлы [28].

А между тем, Бэла — не жертва: она сама выбрала Печорина, полюбив его с первого взгляда, дав понять ему об этом в своей импровизационной песне и, как заметил В. Воловой, хотела, чтобы ее — по кавказскому обычаю — похитили [7]. Кроме того, Бэла оставалась независимой как личность в своей любви, признавая в ней искренность. Она требовала уважения своего человеческого достоинства, указывая на знатность своего рода.

«Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это так будет, то я сама уйду... я не раба его – я княжеская дочь!..» [13, т. II, с. 606].

В ее фразе возмущение выражено по возрастающей: вначале — это покорность жены воле мужа: «кто мешает отослать меня...», а затем — решимость на собственный поступок, свершаемый по личной воле: «сама уйду!». И не просто уйдет, а величаво, как власть имеющая княгиня.

Бэла предстает в лермонтовском тексте целостной и смелой личностью. Именно это и заметил в ее сверкнувших глазах Максим Максимыч, но истолковал по-своему: «И в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь» [13, т. II, с. 607]. Частотность слов: разбойник, разбойничий, разбойники, сказанных Максимом Максимычем в адрес горцев, велика. О. Богданова отмечает это с целью доказать воздействие штампов романтической литературы на видение инонационального характера. Но роль большой частотности этих штампов, как и других приемов, у М. Лермонтова полифункциональна. И тут важен еще и контекст употребления таких определений. Иногда Максим Максимыч, отмечая умение чеченцев-разбойников воевать, произносил слово «разбойник» с восторгом: «...молодцы!». Вот и теперь сказанное в адрес Бэлы словосочетание «разбойничья кровь» не носило следов осуждения. Скорее, они были признанием непокорности народа, его отваги, независимости и свободолюбия. И характер Бэлы оттенял эти качества.

В результате с большей отчетливостью проясняется Лермонтовская особенность так моделировать реальную действительность, чтобы она органично предстала целостно, но одновременно и в разных ракурсах⁶. И второй фрагмент богдановской статьи интересен не только тем, что поданные в нем в контрастном сопоставлении характеристики нарраторов и жанровых черт служат осмыслению их предназначения в художественной системе романа:

«Совмещение приемов жанровых черт, — пишет О. Богданова, — путевых записок восторженного романтика и бытовой повести, рассказанной бывалым служивым солдатом-кавказцем, продолжало силовое напряжение от разности воспринимающих сознаний и одновременно формировало реалистическую объективность, обусловленную развенчанием привычных парадигм и схем» [5, с. 84].

Словосочетание «силовое напряжение», заставляя сопереживать Максиму Максимычу, у которого в голове не укладывается реакция Печорина на смерть Бэлы, одновременно

⁶ М. Лермонтов, моделируя действительность, создал яркие людские типы и типы их поведения. И как художественная объективность они могут быть восприняты даже с диаметральных точек зрения. Но это видение реального образа реципиентом, и как видение объективно существующее и не является произвольным. Сам текст дает все основания. И тут выявление художественного подтекста особенно актуально и уместно. Однако следует помнить, что не каждое мнение можно предъявлять видением самого М. Лермонтова. С позиций кавказца не Печорин – носитель зла (думается, что это понимание не чуждо и М. Лермонтову), а Максим Максимыч (а это понимание реципиента, вероятно, может стать предметом дискуссии).

[«]Образ Максима Максимыча в контексте исторической эпохи, – пишет В. Валовой, – приобретает зловещий оттенок. Это служака до мозга костей преданный своему «долгу». Это опора самодержавия. Максимы Максимычи нужны были царизму для осуществления колонизаторской политики на Кавказе. Для подавления свободолюбивых народов империи нужны были такие преданные готовые выполнить любой приказ офицеры. На них опиралась мощная российская армия. Вот почему Максим Максимыч был многократно восхвален ура-патриотами так называемого лагеря «официальной народности» [7].

приводит к потрясению от восприятия неожиданного печоринского смеха... Но смех Печорина страшен, страшен и не однозначен. Вот встает вопрос: почему, над чем или над кем смеялся он? С одной стороны — это смех печоринского прозрения и безнадежности, момент истины для него, точка отсчета до момента «моментального» перевоплощения из *героя века* в *героя иного времени*. С другой стороны — это смех человека, стоящего перед фатумом с ясным пониманием его неотвратимости. Возможно, и эта сцена оказала влияние на вывод Д. Ранова:

«В мире присутствует некое разумное начало, трансцендентное по своему характеру. Руководствуясь собственными, лишь ему известными целями, оно влияет определенным образом на человеческое существование. На наш взгляд, термин «судьба» употребляется здесь именно в метафизическом смысле, как неподдающаяся познанию внешняя сила, влияющая своими действиями на ход человеческой жизни» [30, с. 19].

Далее идет анализ повести «Фаталист», но прежде чем перейти к нему, необходимо остановиться на печоринской биографии, которую он рассказывает Максиму Максимычу. Это – только кажимость исповеди: на самом деле он для самого себя мысленно обозревал свою жизнь, сознавая всю бессодержательность и бесцельность и, как писал Б. Удодов, ее трагикомизм [14, с. 108]. Говоря языком современных методологий, (квази)исповедь Печорина является легко узнаваемым интертекстом [23]: в ней легко угадывается Евгений Онегин. Внешняя разница заключается в том, что жизнеописание Онегина идет от автора-нарратора, а Печорин повествует сам о своей жизни, пытаясь найти ответ: зачем жил? Где-то в глубинах своей души он, рефлексируя, все-таки хотел думать, что есть для него предначертание свыше. Но, если рассматривать романный текст «Героя нашего времени» с учетом подтекстового, метатекстового пространств и ассоциативных связей, которые вызываются существующими кодами, то нарративные функции значительно расширяются. Вступая в творческий диалог с А. Пушкиным – всякая интертекстуализация, по М. Бахтину, является диалогом – М. Лермонтов тем самым углубляет и понимание Онегина как типа странного человека. Писатель, провоцируя рядоположение текстов своего и пушкинского романа, понуждает реципиента сопоставлять их и находить новые пути к раскрытию глубин художественно-философской мысли. Богдановский дискурс активно способствует этому тем, что не ограничивается, казалось бы, самодостаточной формулировкой: «"Автобиография" Печорина <...> до деталей совпадает с биографией поколения начала века. Свидетельство тому – классические тексты русской литературы»⁷ Но О. Богданова сочла необходимым назвать основные этапы автобиографии героя, выделяя узловые моменты психологических состояний – каждый из них порог – обозначающий этапы пути, ведущего к пресыщению. Все сначала шло по возрастающей степени успеха: «...стал наслаждаться...», «пустился в большой свет...», «влюблялся в красавиц и был любим»... И вдруг, как оборвалось: «...их любовь только раздражала», «стал читать, учиться», «видел, что ни слава, ни счастье нисколько от них не зависят...», «Тогда мне стало скучно...».

И если ранее исследователи лишь называли произведения писателей, содержащие отклик на лермонтовский роман, то О. Богданова на каждый из моментов находит персонажный прототип, состояние души которого этому моменту соответствовало. Диапазон оказался чрезвычайно широк – Онегин, Чацкий, князь Федор, двоюродный брат Скалозуба, Молчалин...

Привлекает внимание конструкция богдановской фразы, указывающей на возникновение ассоциативной связи между образами – лермонтовским Печориным и толстовским Пьером Безуховым:

«"В первой моей молодости <...> я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги..." – и в сознании возникает образ героя "Войны и мира" Л.Н. Толстого, "де-

⁷ Круг произведений, которые разнопланово «откликаются» на роман «Герой нашего времени», очень широк, и он обозначен Б. Удодовым [14, с. 110]. Выбор же О. Богдановой – «Война и мир» Л. Толстого, «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Горе от ума» А. Грибоедова – обусловлен ее задачей – подчеркнуть типичность образа жизни героя века.

кабриста" (по первоначальному названию романа) Пьера Безухова, с его кутежами и мальчишескими попойками 1805 г. в Петербурге и Москве» [5, с. 86].

Смысловая весомость дискурса заключается в том, что так акцентируется детерминирующая роль времени: эпоха 1812 г., которая своими вызовами предотвратила превращение Пьера Безухова в Печорина.

И благодаря этому со всей очевидностью видится, что приведенная О. Богдановой печоринская автобиография не является простой иллюстрацией: так подчеркивается сила обобщения и всеохватность типичности печоринского образа, что усилится образами странствующего офицера и Грушницкого.

Однако к сказанному исследовательницей в развитие ее подхода необходимо, видимо, напомнить еще одну парадоксальную пушкинскую фразу, относящуюся к описанию кабинета (комнаты для работы!) Евгения Онегина: «Одет, раздет и вновь одет» [29, т. V, с. 10]. При сопоставлении пушкинского и лермонтовского текстов фраза обнаруживает глубокий философский смысл, отчетливо проявляя диалектическое двуединство образов: печоринского предшественника Евгения Онегина и последующего за ним Григория Печорина, ею подчеркивается бессмысленность бесцельной жизни этих героев, трагизм их существования. Они не могут сказать о себе так, как говорил пушкинский лирический герой, обращаясь к Чаадаеву, со словами: «Любви, надежды, тихой славы / Недолго тешил нас обман...»:

Но в нас горит еще желанье; Под гнетом власти роковой Нетерпеливою душой Отчизны внемлем призыванье.

И они не могут обратиться друг к другу с пылким призывом:

Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы! [29, т. I, с. 346].

Неслучайно О. Богданова, «нарушая» в ходе анализа установленную композицию повестей в романе, идет за порядком их публикаций — «Фаталист» был напечатан вслед за повестью «Бэла». Она тем самым достигает нужного эффекта: проясняет этапность происходящей с Печориным метаморфозы, вернее, обозначает парадигму ее, ибо теперь он, с одной стороны, предстает в «Бэле» как бы «предшественником Вулича», его «пред-ступенью» в представлениях о жизни и мыслях. С другой стороны, он оказался «пост-ступенью»: не последователем «мудрых людей»: самого себя прежнего и Вулича, а — по его же признанию — «жалким потомком», цинично иронизирующим теперь над его трагедией и нелепой смертью: заколот, как свинья, пьяным казаком. Отсюда О. Богданова делает относительно Печорина вывод: «он герой не начала века, но века настоящего».

Но одновременно, исходя из «сюжетно-фабульной стороны» романа, О. Богданова допускает возможность предположить, что «в "Фаталисте" Печорин еще не успел, как Вулич, разочароваться в любви дикарки. Напротив, он весело волочится за молодой простушкой, казачкой Настей. Такое предположение дает возможность утверждать, что Печорин еще находится «в точке хронотопа, предшествующей драматическим событиям главы "Бэла"» [5, с. 94], тогда как Вулич уже миновал не только эту точку хронотопа, но и ту, в которой Печорин окажется после истории с Бэлой. Судьба Вулича была своеобразным предсказанием судьбы Печорина, который в повести «Бэла» возлагал надежды на путешествие: но по окончанию странствия в Персию его ожидала в пути, видимо, тоже нелепая смерть. Как видим, такое предположение проливает свет на печоринскую обреченность.

Однако этим, если внимательно вдуматься в текст, роль такого *предположения*, вроде бы обоснованного строением сюжета, не только исчерпывается, но приобретает иную направленность:

«Но и тогда, — пишет О. Богданова, — более важным для понимания истории замысла романа оказывается не хронология событий, а интенция автора, начавшая себя обнаруживать в "Фаталисте", — намерение развести Печорина и Вулича. Если герой первой по времени написания повести «Бэла» мог быть, и, вероятно, задумывался как герой начала века, т. е. условно сближался с Вуличем, был сроден ему, то Печорин второй опубликованной повести — "Фаталист" — уже наделяется писателем отличными от прежнего Печорина чертами характера, шел иным путем: оказывался в историческом пространстве повести не до Вулича, а после него» [5, с. 94].

Обращаясь к богдановскому анализу «Фаталиста», нельзя пройти мимо такого ее замечания философского характера:

«В связи с вопросом о предопределении, который становится предметом спора-пари между героями "Фаталиста", — пишет О. Богданова, ссылаясь на Б. Эйхенбаума, В. Мануйлова и других исследователей, — необходимо заметить, что в начале XIX в. за представлением о роке стояла целая философская (отчасти историческая) теория... теория предопределения стала одной из "острейших декабристских тем" <...>» [5, с. 91].

Отмечая, что декабристы «воспринимали себя в руках судьбы» [5, с. 91], подчеркивая при этом иное, ироничное отношение к року Печорина, который, глядя на то, как «звезды спокойно сияли на темно-голубом небосводе» [13, т. II, с. 715], думал: «И что ж? Эти лампады зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником» [13, т. II, с. 716], — О. Богданова заостряет внимание на двух неожиданных моментах. Оба момента возникают как кризисный хронотоп: вдруг! При этом статья О. Богдановой согласуется со статьей В. Вацуро «Последняя повесть Лермонтова», посвященной повести «Штосс». И в этом взаимодействии проблема получает дополнительное освещение.

Во-первых, примечательна

«...контрапунктная инвектива "А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже собственного счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою..."» [5, с. 92].

И тут не только словосочетание «жалкие потомки» ассоциативно отправляет мысль к лермонтовскому стихотворению «На смерть поэта»: «А вы, надменные потомки...» [13, т. І, с. 98], т. е. к А. Пушкину⁸, но сама интонация... ее энергия, которая и проясняет глубину печоринского трагизма, иногда даже кажется, что его ирония не суть, а маска, скрывающая за собой трагедию души Печорина.

И тут возникает вопрос, что же дает рядоположение статей О. Богдановой и В. Вацуро, который включил «Фаталиста» в широкий литературный, в т. ч. и европейский контекст:

«Основа композиции «Фаталиста», — писал ученый, — необъяснимое в целом сцепление случайных событий — излюбленный сюжетный прием фантастических повестей, широко применявшийся, в частности, Гофманом («Zusammenhang der Dinge») и прекрасно известный русским новеллистам начиная с 1810-х годов (он есть и у Марлинского, и у Одоевского, и в «Пиковой даме» Пушкина). С этим приемом теснейшим образом связан прием «двойной мотивировки» [6, с. 8].

⁸ Надо сказать, что реминисценции из Пушкина, его романа «Евгений Онегин» чрезвычайно часты. Иногда это намек, как в «Тамани», например: «Правильный нос в России реже маленькой ножки» [13, т. I, с. 633]. Ср.: «Люблю их ножки; только вряд / Найдете вы в России целой / Три пары стройных женских ног» [29, т. V, с. 23].

Оставив в стороне мысль о «двойной мотивировке» — очевидно, что она оттеняет это же и в богдановской статье, — необходимо сосредоточиться на пушкинской «Пиковой даме», на осмыслении *игры* как мировоззренческой и мироповеденческой позиции, приведя еще один фрагмент из статьи Вацуро:

«Переходя к мотивам более частным, – говорит он, – мы должны отметить в «Фаталисте» мотив «роковой» карточной игры. Роль его в новелле существенна. Вулич — игрок, неудачливый, но страстный, не оставляющий тальи даже под пулями противника. Его испытание судьбы также есть форма игры, «лучше банка и штосса». Мотив игры в «Штоссе» соотносится не только с наиболее очевидным аналогом – в «Тамбовской казначейше»; он включается в целый ряд вариаций, до "Маскарада" и "Фаталиста"» [6, с. 9].

Здесь словосочетание: «Его испытание судьбы также есть форма игры», — у информированного читателя ассоциативно соотносится и с пушкинской повестью, и ее свободной интерпретацией в опере П. Чайковского «Пиковая дама» [19], где автором либретто М. Чайковским возведены во главу угла не «нравы общества», а «трагедия личности, любви и фатума» (М. Чайковский). В этой ситуации внимание привлекает ария Германа: «Что наша жизнь? Игра! / Добро и зло — одни мечты!..». Заметим, что прозвучавшие в ней слова не только раскрывают коды многоуровневой — по заключенным в ней смыслам — пушкинской повести, но и соотносятся с кодами романа М. Лермонтова «Герой нашего времени». Печорин в повести «Мэри», как отмечает О. Богданова, уже не «искал смысла жизни», как Печорин в «Бэле», а «реализовал смысл существования» [5, с. 99]. Приведенная в доказательство фраза говорила о том, что Печорин — герой времени тоже играл жизнью, но не ва-банк, как герой века Вулич. Теперь печоринским, по его же признанию, девизом стало:

«Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, – вот что называю жизнью» [5, с. 99].

В метатекстовом пространстве ассоциативно фразу: «Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд», — даже ритм схожий — «сопровождает» германовское: «Так бросьте же борьбу, / Ловите миг удачи!». Однако и в опере пушкинское раскрытие «нравов общества» не исчезает, оно только отодвигается на второй план. В тексте же М. Лермонтова — богдановская статья всей своей логикой усиливает понимание — выражение «трагедия личности, любви и фатума» и воплощение «нравов общества» тесно переплетаются.

Не менее важна, на наш взгляд, и мысль В. Вацуро о том, что:

«...фигуры Ростопчиной и кн. В.Ф. Одоевского должны в первую очередь привлечь наше внимание — не только потому, что с ними Лермонтов сошелся короче и теснее, чем с другими, но в первую очередь потому, что оба они в 1838—1841 гг. были острейшим образом заинтересованы проблемами "сверхчувственного" в общемировоззренческом и фантастического — в литературном планах» [6, с. 3].

⁹ На наш взгляд, С. Лысенко высказала ряд мыслей, имеющих методологическое значение и раскрывающих большие перспективы для постижения сокрытых за кодами смыслов в художественных текстах. Необходимо указать на два положения, позволяющие значительно расширить контекст, в котором рассматриваются сопоставляемые произведения. И в первую очередь это важно для понимания таких творчески разносторонних личностей, как А. Пушкин и М. Лермонтов. В результате подходов, на которые указывает С. Лысенко то, что может показаться крайне субъективным, на деле имеет все объективные основания для того, чтобы быть озвученным.

Первое положение: «...интерпретация способна выступить как соотнесение произведения с разными областями реальности [18, с. 14].

Второе положение: «...многие новые (точнее, кажущиеся таковыми) смысловые мотивы партитуры присутствуют в глубинных уровнях смысловой структуры, в «складках текста» (Ж. Деррида) повести Пушкина, «ожидая» своего будущего осмысления [18, с. 29].

Полагаем, что эти положения должны быть в дальнейшем теоретически осмыслены, что, безусловно, позволит идти дальше «вслед за Лермонтовым», развивая то, что было сделано В. Мануйловым [20].

Рядоположение статьи В. Вацуро со статьей О. Богдановой дает возможность на метатекстовом пространстве развить интенции о необходимости для М. Лермонтова присутствия Пушкина, его отсутствие он, видимо, как-то компенсировал последним пушкинским окружением... Многочисленные реминисценции в романе «Герой нашего времени» говорят об этом же.

Надо сказать, что пушкинское: «Жизнь, зачем ты мне дана?» – тоже находит свой отклик и в «Тамани», и в *Предисловии*, в размышлении офицера-путешественника над печоринским дневником:

«История души человеческой, – думает он, – хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [13, т. II, с. 625].

Это фактически парафраза из «Путевых заметок» (Die Reisenlider) Г. Гейне. Почти одновременно к этой мысли немецкого поэта обратится и А.И. Герцен в «Записках одного молодого человека» (1841). Факт далеко не случайный. Как известно, М.М. Бахтин установил, что два сопоставленных высказывания, касающиеся одной темы (мысли) и принадлежащие людям, совершенно не знающим ничего друг о друге, неминуемо вступают между собой в диалогические отношения [2, с. 293]. Но не менее известно и то, что всякая высказанная мысль — особенно с ярко выраженным интертекстуальным характером, — взаимодействуя с предшествующей мыслью, провоцирует реакцию реципиента последующих эпох. И цитируемая тут фраза из *Предисловия* в наше время благодаря заостренности в ней внимания на «истории души человеческой» вызывает по ассоциации мысли о необходимости вкоренять в сознание нашего современника мысль о ценности единичной жизни, познать самого себя, осмыслить путь от М. Лермонтова до экзистенциализма «сына эфира» — Н. Бердяева [2, с. 56], — до его понимания свободы человека как творчества, к Сартровской свободе выбора.

В эпилоге своей статьи О. Богданова приводит воспоминания В. Белинского о М. Лермонтове, где есть и такие слова: «Он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох русского общества (Екатерины II, Александра I и настоящего времени)» [5, с. 118]. Как видим, тут снова образовалось диалогическое поле, куда ассоциативно втягивается голос В. Мануйлова:

«Лермонтову, – писал ученый, – не было суждено дожить до такого спокойного и широкого течения реки жизни, так и не встретился он с Толстым в Ясной Поляне, а ведь такая встреча вполне была возможной» [20, с. 19].

Но Л. Толстой с ним «встретился» и принял от него, как и Ф. Достоевский, эстафету, только иначе.

В итоге надо сказать, что дискурс О. Богдановой, в отличие, например, от дискурса В. Мануйлова, который в статье «Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? (полемические заметки)» выступает решительным оппонентом В. Марковича, направлен на (поли)диалог. Богдановский голос откликается на разные голоса и звучит в диалогическом континууме как «звено в смысловой коммуникации» (М. Бахтин), как «диалог диалогов» (В. Библер). Выдвинув проблему специфики формирования лермонтовского замысла в романе «Герой нашего времени», О. Богданова вступает прежде всего в диалогические отношения с В. Мануйловым, утверждавшим — и не без основания — целостность замысла «Героя нашего времени» [20, с. 5], стремление М. Лермонтова

«полнее и объективнее показать героя, как со стороны, так и изнутри, объяснить болезнь века, которая точит его и, пройдя через критический и самокритический анализ, дать морально-этическую оценку этой трагической и типичной для своего времени личности» [20, с. 6].

О. Богданова, внося свою лепту в лермонтоведение и не отрицая целостности лермонтовского замысла, через текстовый анализ раскрывает диалектику этого единства — путь от

первоначального стремления воплотить *героя начала века* до его «претворения» в свою противоположность — в *героя нашего времени*. Но одновременно эти два типа, *два Печорина* предстают как взаимоисключение в парадигме: «мудрые люди» — «жалкие потомки». И если о них сказать словами, знавшего поэзию М. Лермонтова и тоже разрабатывавшего тему Кавказа — глубокий сопоставительный анализ осуществлен И. Дзюбой [8, с. 188; 9, с. 309—311 и др.] — Т. Шевченко: «Славних прадідів великих / Правнуки погані», — то в метатексте начинает «маячить», как и у А. Грибоедова [5, с. 3, 43], проблема «отцов и детей».

Характеризуя этапность формирования лермонтовского замысла, О. Богданова приводит к пониманию того, что этот процесс становится и приемом художественного «исследования» трансформации *героя века* в *героя времени*, способом его воплощения.

Ее концепция согласуется с результатами современных исследователей. В частности, можно указать на диссертацию Д. Ренова «Проблема «внутреннего человека» в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"» (2016), где утверждается, что М. Лермонтов трактовал поведение человека как полидетерминированное, а мотивы действия персонажей как не статичные, используя при этом ситуационную мотивацию. При этом писатель демонстрировал влияние внешних условий на деятельность человека, не забывая подчеркивать не изолированность «внутренней и ситуационной мотивации друг от друга» [30, с. 13].

Однако принципиально важно то, что уже сама богдановская постановка проблемы трансформации лермонтовского замысла в ходе ее решения выполняет добавочную смыслообразующую функцию. Непосредственно раскрывая механизм лермонтовской полидетерминации, О. Богданова косвенно демонстрирует превращение героя века, каким был Печорин перед прибытием на Кавказ и первоначально на Кавказе, — в героя времени частично в повестях «Бэла» и «Фаталист» и окончательно в повести «Мэри». При этом проблема рассматривается и по горизонтали жизни героя, взятой в исторической атмосфере постдекабристского времени, и по вертикали к нашей современности, в т. ч. онтологическом аспекте. Странствующий офицер, слушавший рассказ Максима Максимыча, — это своеобразный двойник Печорина-героя века, а в процессе чтения дневника и раздумий над ним — это уже и (пред)Печорин — герой нашего времени.

В свете богдановской концепции, обоснованной новым ракурсом видения, *Предисловие* перед печоринским дневником является не только продолжением размышлений этого офицера, вставшего перед вопросом автора дневника: зачем дана ему жизнь? — но и своеобразной провокацией, заставляющей и читателя тоже задуматься над своим предназначением и предназначением человека на Земле и в Мироздании. Тут уместно вспомнить мысли белорусского ученого И.Ф. Штейнера:

«Наследие для нас, — пишет он, — все еще мероприятие, условный фактор культурной жизни и фактор сознания. Чтобы оно стало реальностью, ему необходимо находиться не только *там,* но и *здесь*, не только в горизонтальном пласте своей исторической эпохи, но и в *вертикали* постоянного диалога с последующими поколениями» [34, с. 34].

О. Богданова подходит к лермонтовскому творчеству с аналогичных позиций, опирается на современные методологии исследования, что и позволяет ей раскрыть новые грани смыслов, заключенных в романе «Герой нашего времени».

Список использованной литературы

- 1. Андреев Д.Л. Из книги «Роза мира» / Д.Л. Андреев // Михаил Лермонтов. Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. С. 453–460.
- 2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 424 с.
  - 3. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. М.: Книга, 1991. 446 с.
- 4. Библиография литературы о М.Ю. Лермонтове (1917–1977 гг.) / сост. О.В. Миллер; ред. В.Н. Баскаков АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). Л.: Наука, 1980. 518 с.
- 5. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX середины XX вв. / О.В. Богданова. СПб.: ИПК Береста, 2017. 560 с.

- 6. Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова [Электронный ресурс] / В.Э. Вацуро. Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/ upload/main/46_vazur.pdf (Последнее обращение 29.08.2019).
- 7. Воловой Г.В. Художественный подтекст как средство раскрытия характеров героев в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: дисс. ... канд. филол. наук / Г.В. Воловой. Махачкала, 2003. 114 с.
- 8. Дзюба І. 3 криниці літ: у 3 т. / І. Дзюба. К.: Вид. дім Києво-Могилянська академія, 2006. Т. І. Статті. Доповіді. Рецензії. Передмови. Дещо про добрих сусідів і духовну рідню. 975 с.
- 9. Дзюба І. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І. Дзюба. К.: Вид. дім Києво-Могилянська академія, 2008. — 718 с.
- 10. Жаравина Л.В. Философско-религиозная проблематика в русской литературе 1830—40-х годов: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь: автореф. дисс. ... дра. филол. наук. Волгоград, 1996. 37 с.
- 11. Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / И.А. Киселёва. М., 2011. 44 с.
- 12. Кузьмин А.И. Героическая тема в русской литературе / А.И. Кузьмин. М.: Просвещение, 1974. 304 с.
- 13. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. / М.Ю. Лермонтов. Л.: Художественная литература, 1970.
- 14. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 781 с.
- 15. Липич В.В. Художественно-эстетическое своеобразие романтизма М.Ю. Лермонтова / В.В. Липич // Актуальные проблемы социологического знания. М.: Прометей, 2005. Вып. XXIX. С. 145—153.
- 16. Липич В.В. А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов: две грани русского романтизма / В.В. Липич. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 348 с.
- 17. Липич В.В. Пушкинская и лермонтовская разновидность русского романтизма в их художественном своеобразии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / В.В. Липич. Москва, 2006. 40 с.
- 18. Лысенко С.Ю. Синтетический художественный текст как феномен интерпретации в музыкальном театре: автореф. дисс. ... д-ра искусствовед. / С.Ю. Лысенко. Новосибирск, 2014. 47 с.
- 19. Лысенко С.Ю. Опера П. Чайковского «Пиковая дама» как феномен художественной интерпретации: синергетический аспект / С.Ю. Лысенко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 134–149.
- 20. Мануйлов В.А. Вслед за Лермонтовым / В.А. Мануйлов // Звезда. 1978. № 8. С. 31—45.
- 21. Мануйлов В.А. Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? (полемические заметки) / В.А. Мануйлов // Михаил Лермонтов: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. С. 658—666.
- 22. Маркович В.М. Лермонтов и его интерпретаторы / В.М. Маркович // Михаил Лермонтов: pro et contra. СПб.: Издательство РХГА, 2002. С. 7–52.
- 23. Мейер Г.А. Фаталист (К **150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова) / Г.А. Мей**ер // Михаил Лермонтов: pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. С. 884—900.
- 24. Михаил Лермонтов: pro et contra / под ред. В.М. Марковича. СПБ.: Изд-во РХГА, $2002.-1008~\mathrm{c}.$
- 25. М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / под ред. С.В. Савинкова. СПб.: РХГА, 2014. 998 с.
- 26. Михайлова Е.Н. Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения <отрывки> / Е.Н. Михайлова // Михаил Лермонтов: pro et contra. СПб.: Издво РХГА, 2002. С. 620—634.
- 27. Ортега-и-Гассета X. Две великих метафоры [Электронный ресурс] / X. Ортега-и-Гассет. Режим доступа: https://studfile.net/preview/6722589/ (последнее обращение 29.08.2019).

- 28. Официальный отзыв ведущей организации Институт языка, литературы и искусств им. Г. Цадасы ДНЦ РАН о диссертации Волового Г.В. «Художественный подтекст как средство раскрытия характеров героев в повестях "Бэла" и "Максим Максимыч" в романе М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proza.ru/2009/02/12/381 (последнее обращение 29.08.2019).
- 29. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1958.
- 30. Ренов Д.М. Проблема «внутреннего человека» в романе М.Ю Лермонтова «Герой нашего времени»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Д.М. Ренов. Тверь, 2006. 20 с.
- 31. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле. 2002. 624 с.
- 32. Савенков С.В. Творческая логика М.Ю. Лермонтова: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / С.В. Савенков. Воронеж, 2004. 38 с.
- 33. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля / А.В. Чичерин. М.: Художественная литература, 1985. 447 с.
- 34. Штейнер И.Ф. Криница, из которой пил святой: философия поэзии Алеся Рязанова / И.Ф. Штейнер. Минск: РИВШ, 2010. 162 с.

M. LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME" IN NEW INTERPRETATION: NUANCES OF REALISTIC METHOD

Luiza K. Oliander. Lesya Ukrainka Eastern Europian National University (Ukraine) E-mail: olk32@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-2

Key words: discourse, hermeneutics, a hero of the beginning of the century, a hero of our time, intentions, metatext, subtext, text, M. Lermontov, A. Pushkin, F. Dostoevsky, L. Tolstoy.

The article deals with the hypothetical view of O. Bogdanova on the evolution of conception in Lermontov's novel "Geroy nashego vremeni" ("A Hero of Our Time"), taken in the context of modern Lermontov study as a link in further clarification of some aspects of realism development in Russian literature of the 19th-century; from A. Pushkin through M. Lermontov to L. Tolstoy and F. Dostoevsky. It is pointed out that O. Bogdanova, as an adherent of the St. Petersburg Philological School, enters into the dialogical field of Lermontov study, created by many publications: "Venok Lermontovu" ("Wreath to Lermontov") (1914), "Bibliografiya literatury o M.Yu. Lermontove (1917–1977)" ("Bibliography of Literature about M.Yu. Lermontov (1917-1977)") (1980), "Lermontovskaya entsiklopediya" ("Lermontov Encyclopedia") (1981), "Mikhail Lermontov: pro et contra" (2002), "M.Yu. Lermontov: pro et contra: antologiya" ("M.Yu. Lermontov: pro et contra: anthology") (2014) et al., as well as doctoral dissertations by V. Lipich, S. Savinkova, L. Zharavina and others. It is emphasized that O. Bogdanova's analytical re-reading (by Chicherin type) is performed, as V. Markovich said, by the elements of «sophistication and stylistic microanalysis» of the novel "Geroy nashego vremeni" ("A Hero of Our Time") versions. It is proved that the researcher, focusing on the words century and time, is developing her idea of changing Lermonov's original conception - to show the hero of 1812-1825. Attention is focused on two Pechorins and on the creative "dialogue" between Lermontov and Pushkin. It is emphasized that O. Bogdanova, with full justification, highlighted as a secondary ("fictitious") narrator - Kazbich. Bogdanova's approaches to the mechanism of Lermontov's polydetermination are analyzed, indirect ways of demonstrating the transforming a hero of the 19th century, like Pechorin was before arriving in the Caucasus and initially in the Caucasus, into a hero of the time — partly in the novel "Bela", mainly in "Fatalist" and finally in the novel "Mary". It is noted that the hero's life is considered both horizontally, taken in the historical atmosphere of the post-Decembrist time, and vertically, leading to our time, including the ontological aspect. The senseforming role of Bogdanova's discourse is revealed.

References

- 1. Andreev, D.L. *Iz knigi "Roza mira"* [From the book "The Rose of the World"] *Mihail Lermontov. Pro et contra* [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, pp. 453-460.
- 2. Bahtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 424 p.
  - 3. Berdyaev, N.A. Samopoznanie [Self knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 446 p.

- 4. Miller, O.V. (ed.). *Bibliografiya literatury o M.Yu. Lermontove (1917–1977 gg.)* [The bibliography of the literature on M.Yu. Lermontov (1917-1977)]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, 518 p.
- 5. Bogdanova, O.V. Sovremennyj vzglyad na russkuyu literaturu XIX serediny XX vv. [Modern view at the Russian Literature of the 19th the middle of the 20th centuries]. Saint Petersburg, IPK Beresta Publ., 2017, 560 p.
- 6. Vacuro, V.E. *Poslednyaya povest Lermontova* [Lermontov's last story]. Available at: http://russianway.rhga.ru/upload/main/46 vazur.pdf (accessed 29 August 2019).
- 7. Volovoj, G.V. Hudozhestvennyj podtekst kak sredstvo raskrytiya harakterov geroev v povestyah "Bela" i "Maksim Maksimych" v romane M.Yu. Lermontova "Geroj nashego vremeni". Diss. kand. filol. nauk [Art implied sense as means of disclosing of heroes` characters in stories "Bela" and "Maxim Maksimych" in M.Yu. Lermontov`s novel "Hero of our time". Cand. philol. sci. diss.]. Mhachkala, 2003, 114 p. Available at: https://www.proza.ru/2009/02/12/381 (accessed 29 August 2019).
- 8. Dzyuba, I.Z *krinici lit: u 3 tomah* [From ages depository: in 3 volumes]. Kiev, Vydavnychy dim Kiyevo--Mogilyanska akademiya Publ., 2006, vol. I, 975 p.
- 9. Dzyuba, I. *Taras Shevchenko. Zhittya i tvorchist* [Taras Shevchenko. Life and work]. Kiev, Vydavnychy dim Kiyevo-Mogilyanska akademiya Publ., 2008, 718 p.
- 10. Zharavina, L.V. Filosofsko-religioznaya problematika v russkoj literature 1830-40-h godov: A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Philosohian and religious problematics in the Russian Literature of the 1830-40th years: A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol. Extended abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd, 1996, 37 p.
- 11. Kiselyova, I.A. *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [M.Yu. Lermontov's work as religious-philosophical system. Extended Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011, 44 p.
- 12. Kuzmin, A.I. *Geroicheskaya tema v russkoj literature* [Heroic subject matter in the Russian literature]. Moscow, Prosvescheniye Publ., 1974, 304 p.
- 13. Lermontov, M.Yu. *Sochineniya: v 2 tomah* [Works: in 2 volumes]. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970.
- 14. Manujlov, V.A. (ed.). *Lermontovskaya enciklopediya* [Lermontovian encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1981, 781 p.
- 15. Lipich, V.V. *Hudozhestvenno-esteticheskoe svoeobrazie romantizma M.Yu. Lermontova* [Art-aesthetic originality of M.Yu. Lermontov's romanticism]. *Aktualnye problemy sociologicheskogo znaniya* [Actual problems of sociological knowledge]. Moscow, Prometey Publ., 2005, issue 29, pp. 145-153.
- 16. Lipich, V.V. A.S. Pushkin i M.Yu. Lermontov: dve grani russkogo romantizma [A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov: two sides of Russian romanticism]. Belgorod, Izdatelstvo BelGU Publ., 2005, 348 p.
- 17. Lipich, V.V. *Pushkinskaya i lermontovskaya raznovidnost russkogo romantizma v ih hudozhestven-nom svoeobrazii*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Pushkinian and Lermontovian version of Russian romanticism in their art originality. Extended abstract of Dr. Philol. sci. diss.]. Moscow, 2006, 40 p.
- 18. Lysenko, S. Yu. *Sinteticheskiy hudozhestvennyj tekst kak fenomen interpretacii v muzykalnom teatre*. Avtoref. diss. dokt. iskusstvoved [The synthetic art text as a phenomenon of interpretation at musical theatre. Extended abstract of Dr. of Arts sci. diss.]. Novosibirsk, 2014, 47 p.
- 19. Lysenko, S.Yu. *Opera P. Chajkovskogo «Pikovaya dama» kak fenomen hudozhestvennoj interpretacii: sinergeticheskij aspekt* [P. Tchaikovsky`s opera "The Queen of Spades" as a phenomenon of art interpretation: synergetic aspect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 23, pp. 134-149.
  - 20. Manujlov, V.A. *Vsled za Lermontovym* [After Lermontov]. *Zvezda* [The Star], 1978, no. 8, pp. 181-194.
- 21. Manujlov, V.A. *Mozhno li nazvat Pechorina soznatelnym pobornikom zla? (polemicheskie zamet-ki)* [Whether it is possible to name Petchorin the witting apologist of a harm? (polemic notes)]. *Mihail Lermontov: pro at contra* [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, pp. 658-666.
- 22. Markovich, V.M. *Lermontov i ego interpretatory* [Lermontov and his interpretators]. *Mihail Lermontov: pro et contra* [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, pp. 7-52.
- 23. Mejer, G.A. Fatalist (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya M.Yu. Lermontova) [The Fatalist (To the 150 anniversary from the date of M.Yu. Lermontov's birth)]. Mihail Lermontov: pro et contra [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, pp. 884-900.
- 24. Markovich, V.M. (ed.). *Mihail Lermontov: pro et contra* [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, 1008 p.
- 25. Savenkov, S.V. (ed.). *M.Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya. T. 2* [Michael Lermontov. Pro et contra, anthology. Vol. 2]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2014. 998 p.
- 26. Mihajlova, E.N. *Ideya lichnosti u Lermontova i osobennosti ee hudozhestvennogo voplosheniya* <otryvki> [Idea of the person at Lermontov and features of its artistic realization <fragments>]. *Mihail Ler*-

montov: pro et contra [Michael Lermontov: Pro et contra]. Saint Petersburg, izdatelstvo RHGA Publ., 2002, pp. 620-634.

- 27. Ortega-i-Gasseta, H. *Dve velikih metafory* [Two great metaphors]. Available at: https://studfiles.net/preview/6722589/ (accessed 29 August 2019).
- 28. Oficialnyj otzyv vedushej organizacii Institut yazyka i literatury i iskusstv im. G. Cadasy Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk o dissertacii Volovogo G.V. "Hudozhestvennyj podtekst kak sredstvo raskrytiya harakterov geroev v povestyah 'Bela' i 'Maksim Maksimych' v romane M.Yu. Lermontova 'Geroj nashego vremeni'" [Official review of the leading organization G. Tsadasy Institute of language, literature and arts of Dagestan center of science of Russian academy of sciences on G.V. Volovoy's dissertation "Art implied sense as means of disclosing of heroes` characters in stories 'Bela' and 'Maxim Maksimych' in M.Yu. Lermontov's novel 'Hero of our time'"]. Available at: https://www.proza.ru/2009/02/12/381 (accessed 29 August 2019).
- 29. Pushkin, A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 tomah* [Complete works: in 10 volumes]. **Mo**scow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1956-1958.
- 30. Renov, D.M. *Problema "vnutrennego cheloveka" v romane M.Yu. Lermontova "Geroj nashego vremeni*". Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Problem of "the internal person" in M.Yu. Lermontov`s novel "Hero of our time". Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2006, 20 p.
- 31. Ricoeur, P. *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow, KANON-press-C; Kuchkovo pole Publ., 2002, 624 p.
- 32. Savenkov, S.V. *Tvorcheskaya logika M.Yu. Lermontova*. Avtoref. diss. dokt. filolol. Nauk [M.Yu. Lermontov's creative logic. Extended abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2004, 38 p.
- 33. Chicherin, A.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya* [Essays on history of Russian literary style]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, 447 p.
- 34. Shtejner, I.F. *Krinica, iz kotoroj pil svyatoj: filosofiya poezii Alesya Ryazanova* [Springlet from which drank sacred: Ales Ryazanov's philosophy of poetry]. Minsk, RIVSh Publ., 2010, 162 p.

Одержано 5.09.2019.

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 821.112.2.09.18'-1+821.411.16'02.09-141 DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-3

г.в. синило,

кандидат филологических наук, профессор кафедры культурологии, доцент кафедры зарубежной литературы Белорусского государственного университета (г. Минск)

БИБЛИЯ В МИРЕ ЙЕНСКОГО РОМАНТИЗМА

Целью данного исследования является определение значения Библии для религиозно-мистической философии романтиков и установление функций библейской архетекстуальности в их поэзии. Философско-теоретической базой исследования стала философия диалога М. Бубера, концепция «диалога книг» М.М. Бахтина и теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт).

Мы утверждаем, что мистическая философия и поэтика йенских романтиков ориентирована прежде всего на Библию – и как Откровение Божье, и как образец поэзии, выражающей «томление по Бесконечному», устремление к трансцендентному в сочетании с конкретно-чувственным отражением мира. В отличие от Гёте, видевшего в Библии историческую реальность и одновременно модель мироздания («второй мир»), романтики акцентируют именно второе. Библия является для них также идеальной моделью Книги как таковой, идеальной Книги, и все свои произведения они создают как своего рода «новую Библию». Для А.В. Шлегеля, а вслед за ним и для всех йенских романтиков библейская поэзия становится одним из образцов романтической поэзии, выражающей через чувственное сверхчувственное, исполненной динамики, отличающейся текучестью образов, – в противоположность «пластической» эллинской поэзии. Библия является также опорой мистического панентеизма романтиков (прежде всего Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, Л. Тика, Новалиса), усиленного воздействием Каббалы, панентеизма Б. Спинозы и мистического учения Я. Бёме, которому свойственно особое одухотворение природы и использование каббалистической любовно-эротической символики, опирающейся на топику Песни Песней и ее мистические интерпретации. Концепции Мировой Души, тождества природы и духа Ф. Шеллинга, единства религиозно-философского, научного и художественного познания Ф. Шлегеля и Новалиса, мистика природы и любви Л. Тика уходят корнями в Библию и выстроенную на ее основе систему панентеизма Спинозы и Бёме. Особое влияние на йенских романтиков оказывает пиетизм с его идеей чувственного постижения Бога.

Мы показываем, что роль особенно значимого архетекста для йенских романтиков играет Песнь Песней в единстве ее конкретно-чувственного и многочисленных мистических смыслов. Именно эта библейская книга стала «культовым» текстом еврейской и христианской мистики, в том числе и столь важной для йенских романтиков мистической философии Я. Бёме. С Песнью Песней связана чрезвычайно важная для мироощущения и поэтики йенских романтиков мистика любви и природы. В статье анализируется концепция любви в повести Ф. Шлегеля «Люцинда» и устанавливается связь ее поэтики с Песнью Песней. Мы утверждаем также особую значимость Песни Песней для творчества Л. Тика, что проявляется как на концептуальном уровне, так и на уровне сходных мотивов (общность весенних пейзажей, прекрасный лес как чертог любви, любовное томление, поиски и обретение друг друга влюбленными) и метафорики (яркие плоды как плоды любви, любовь как прекрасный плод). Немаловажную архетекстуальную роль играет для поэзии Л. Тика также Книга Псалмов.

Ключевые слова: йенский романтизм, Библия, «осевой» архетекст, Песнь Песней, Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель, Л. Тик, мистицизм, панентеизм, Каббала, Я. Бёме, пиетизм.

Метою дослідження є визначення значущості Біблії для релігійно-містичної філософії романтиків та установлення функцій біблійної архетекстуальності в їхній поезії. Філософсько-теоретичним підґрунтям дослідження стала філософія діалогу М. Бубера, концепція «діалогу книг» М.М. Бахтіна і теорія інтертекстуальності (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт).

У статті стверджується, що містична філософія і поетика єнських романтиків орієнтована передусім на Біблію – і як Одкровення Боже, і як зразок поезії, що виражає «томління за нескінченним», прагнення до трансцендентного у поєднанні з конкретно-чуттєвим відображенням світу. На відміну від Гете, який бачив у Біблії історичну реальність і водночас модель світобудови («другий світ»), романтики наголошують саме на другому. Біблія є для них також ідеальною моделлю Книги як такої, ідеальної книги, і усі свої добутки вони створюють як свого роду «нову Біблію». Для А.В. Шлегеля, а слідом за ним і для усіх єнських романтиків біблійна поезія стає одним із зразків романтичної поезії, що виражає надчуттєве через чуттєве, сповнена динаміки, відрізняється плинністю образів, – на противагу «пластичній» еллінській поезії. Біблія є також опорою містичного панентеїзму романтиків (передусім Ф. Шеллінга, Ф. Шлегеля, Л. Тіка, Новаліса), посиленого впливом Кабали, панентеїзму Б. Спінози та містичного учення Я. Бьоме, якому властиве особливе одухотворення природи та використання кабалістичної любовно-еротичної символіки, що спирається на топіку Пісні Пісень та її містичні інтерпретації. Концепції Світової Душі, тотожності природи і духу Ф. Шеллінга, єдності релігійно-філософського, наукового і художнього пізнання Ф. Шлегеля і Новаліса, містика природи і любові Л. Тіка сягають корінням в Біблію і побудовану на її основі систему панентеїзму Спінози і Бьоме. Особливий вплив на єнських романтиків робить пієтизм з його ідеєю чуттєвого осягнення Бога.

У статті демонструється, що роль особливо значущого архетексту для єнських романтиків відіграє Пісня Пісень в єдності її конкретно-чуттєвого та численних містичних смислів. Саме ця біблійна книга стала «культовим» текстом єврейської і християнської містики, в тому числі і такої важливої для єнських романтиків містичної філософії Я. Бьоме. З Піснею Пісень пов'язана надзвичайно важлива для світовідчуття і поетики єнських романтиків містика кохання і природи. У статті аналізується концепція любові в повісті Ф. Шлегеля «Люцинда» і встановлюється зв'язок її поетики з Піснею Пісень. У статті також стверджується особлива значущість Пісні Пісень для творчості Л. Тіка, що проявляється як на концептуальному рівні, так і на рівні схожих мотивів (спільність весняних пейзажів, прекрасний ліс як чертог кохання, любовне томління, пошуки і знаходження один одного закоханими) і метафорики (яскраві плоди як плоди кохання, кохання як прекрасний плід). Важливу архетекстуальну роль відіграє для поезії Л. Тіка також Книга Псалмів.

Ключові слова: єнський романтизм, Біблія, «осьовий» архетекст, Пісня Пісень, Ф. Шеллінг, Ф. Шлегель, Л. Тік, містицизм, панентеїзм, Кабала, Я. Бьоме, пієтизм.

дной из актуальных проблем современного литературоведения является выявление связей художественной литературы с «осевым» архетекстом европейской культуры и литературы (шире – культуры иудейско-христианского ареала) – Библией. Под «осевым» архетекстом мы понимаем древний «текст-в-начале», обладающий повышенной аксиологической и эстетической значимостью, высокой степенью реинтерпретируемости, являющийся важнейшим источником интертекстуальных связей, выполняющий смысло- и текстопорождающую функцию и являющийся генеральным «текстом-кодом» (Ю.М. Лотман), необходимым для дешифровки текстов той или иной культуры. При всей архетекстуальной значимости для европейской литературы античного наследия (особенно гомеровского эпоса и литературы эпохи классики), «осевым» архетекстом для нее была и остается Библия. Неслучайно У. Блейк назвал Библию «Великим Кодом Искусства», а выдающийся литературовед и теоретик литературы, создатель «архетипической критики» Н. Фрай (N. Frye) использовал это определение в заглавии своей известной книги «Великий Код. Библия и литература» (1982) [1; 2]). Всю европейскую литературу пронизывает своеобразный библейский «код», знание которого необходимо для «дешифровки» многих художественных произведений. В коллективном труде немецких ученых «Книга в книгах: взаимодействия Библии и литературы» («Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur», 2012) отмечается: «Интерес к Библии растет. Соотношение библейского и литературного текста становится одним из наиболее сложных исследовательских полей литературоведения и культурологии» [3, S. 3]. Эту мысль подтверждает значительное количество новейших исследований, посвященных рецепции Библии в немецкой литературе, особенно в литературе XX в. [3–8].

Следует подчеркнуть, что Библия сама является литературным произведением, вобравшим в себя религиозно-художественное творчество еврейского народа на этапе Древ-

ности (2 тыс. до н. э. – II в. н. э.). Н. Фрай отмечает, что «ни одна книга, имеющая столь неординарное литературное воздействие, не может сама не обладать литературными достоинствами. Но столь же очевидно и то, что Библия – это нечто "большее", чем литературное произведение...» [9, с. 182]. Безусловно, Библия – нечто «большее», но, тем не менее, сакральное слово в ней неотделимо от художественного, более того – выполняет сакральную функцию в значительной степени в силу своей художественности. Обретение библейскими текстами статуса Священного Писания, как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, «отнюдь не помешало войти в канон произведениям светских жанров – исторической хронике, скептической афористике житейского опыта, любовно-свадебной песне и т. д. Канон оказался построенным как маленькая литературная "Вселенная", включающая самые разные тексты – однако в прямом или косвенном, изначальном или вторичном соотнесении с религиозной идеей» [10, с. 271]. Подход к Библии как к эстетическому феномену, как к древней поэзии, сложившейся в определенном культурно-историческом контексте, был обоснован в конце XVIII в. именно в Германии, выдающимися писателями, мыслителями и библеистами И.Г. Гердером и И.В. Гёте. Ныне он является общепризнанным в литературоведении и библеистике (см. [10-14]).

Для ряда эпох европейской культуры, по мысли С.С. Аверинцева, «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [14, с. 189]. В числе таких эпох – и рубеж XVIII–XIX вв., время становления романтизма, для которого библейская поэтика оказывается более значимой, чем античная, что особенно наглядно проявляется в его первой (и самой яркой) фазе – йенском романтизме. Как немецкий романтизм в целом, так и йенский романтизм, равно как и творчество его отдельных представителей, давно стали объектами пристального внимания как западных (прежде всего, конечно же, немецких), так и российских литературоведов, особенно начиная с 1990-х гг. Отметим лишь наиболее значительные исследования немецких литературоведов конца XX – начала XXI в. [15-25]. В советской и постсоветской науке изучением немецкого романтизма занимались и занимаются многие ученые, в том числе выдающиеся германисты В.М. Жирмунский, Н.Я. Берковский, Н.И. Балашов, А.С. Дмитриев, А.В. Карельский, А.В. Михайлов, А.А. Гугнин, Д.Л. Чавчанидзе, на рубеже ХХ–ХХІ вв. – А.Б. Ботникова, А.Л. Вольский, В.И. Грешных, Т.А. Зотова, Н.Н. Мисюров, Е.А. Панова и др. В их работах немецкий романтизм, в том числе и йенский, получил глубокое и многостороннее освещение. Однако для советского литературоведения была практически запретной тема религиозно-мистических взглядов йенских романтиков, начало изучения которых в российской дореволюционной науке положил своими блистательными книгами В.М. Жирмунский [26–28]. Аспект, связанный с религиозными взглядами и мистическим мироощущением йенских романтиков, давно исследующийся в западной науке, по-прежнему недостаточно раскрыт в постсоветском литературоведении (его касаются в своих работах лишь Н.Н. Мисюров [29], В.Б. Микушевич [30; 31], А.Е. Махов [32]). Однако и в немецком (и, шире, западном), и в российском литературоведении до сих пор отсутствуют работы, посвященные рецепции Библии в творчестве йенских романтиков и, в частности, архетекстуальной функции в их поэзии лирических книг Библии (Псалтири, Песни Песней, Екклесиаста). В силу этого тема настоящего исследования представляется актуальной.

Цель исследования состоит в уточнении специфики рецепции Библии в мире йенского романтизма, выявление ее функции в качестве архетекста в произведениях йенских романтиков (прежде всего Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, Л. Тика). Философско-теоретической базой исследования послужили философия диалога М. Бубера, концепция диалога культур М.М. Бахтина и В.С. Библера, в частности «диалога книг» (М.М. Бахтин), теория интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женнет). Мы полагаем, что к системе интертекстуальных связей, наиболее четко описанных Ж. Женнетом (собственно интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность), следует прибавить архетекстуальность — связь текста с древним текстом-образцом, «текстом-кодом» (Ю.М. Лотман), необходимым для дешифровки более позднего текста. Основные методы исследования — культурно-исторический, герменевтический, метод «архетипической критики» (Н. Фрай), структурно-семиотический метод (Ю.М. Лотман) и метод целостного анализа художественного текста.

Романтизм, родившийся и философски глубоко обоснованный в Германии, чрезвычайно обязан Библии и дал новое прочтение ее поэзии. В этом он продолжает линию Просвещения, особенно поздней его фазы, с которой он в целом связан преемственностью многих идей и художественных открытий. Российская исследовательница И.А. Тертерян справедливо указывает: «Романтизм невозможно понять без правильной оценки его отношения к предшествующему этапу литературной истории. Хотя романтизм в существенных своих чертах был реакцией на Просвещение и в особенности на просветительский рационализм... < ... > все же на деле романтики больше взяли, чем отбросили из наследия XVIII в. Невозможно представить себе романтизм без руссоистской антропологии с ее культом чувства и природы, с идеей "естественного человека", сохраненной романтиками, без психологических открытий "Исповеди" Руссо и "Племянника Рамо" Дидро, без культурологических идей Вико и в особенности Гердера» [33, с. 16].

Последнее замечание особенно верно, но к влиянию на романтиков идей Гердера необходимо прибавить также воздействие на них сентиментализма в целом и особенно немецкого – прежде всего Клопштока и штюрмерской литературы, а также Гёте и Шиллера периода веймарского классицизма и художественного универсализма. В.М. Жирмунский еще в начале XX в. отметил: «Романтизм является непосредственным продолжением и развитием идей "Бури и натиска". Подобно этой эпохе, он начинает пламенным приятием жизни. В то время как сами "бурные гении»" в лице Гёте и особенно Шиллера вступают на путь классицизма и философского идеализма и тем самым отрекаются от своих прежних идеалов, романтики остаются прежде всего реалистами, проповедниками непосредственного чувства жизни» [27, с. 21]. Следует заметить, что «реализмом» В.М. Жирмунский именует мистическое панентеистическое мироощущение, свойственное романтикам (прежде всего йенским), и слегка оспорить «отречение» от своих идеалов Гёте: он до конца жизни, меняясь как художник, хранил верность панентеизму Спинозы и Я. Бёме, который также оказывает сильное воздействие на романтизм. Достаточно вспомнить Вечно-Женское (Ewig-Weibliche) в финале «Фауста» – Вечную Женственность, образ каббалистической Шехины, имманентности Бога миру, Мировой Души, женского начала в Боге, самой Любви, пронизывающей мироздание и обусловливающей его целостность и взаимосвязь всего сущего. С другой стороны, В.М. Жирмунский совершенно справедливо подчеркивает значение идейно-эстетических завоеваний сентиментализма для становления и штюрмерского движения, и романтизма: «Тот глубокий переворот в духовной жизни Германии, который известен под именем эпохи "бури и натиска", был подготовлен волной сентиментализма, прошедшей в середине XVIII века через все европейские культуры. Разочарование в разуме как единственном руководителе на жизненном пути и в рассудочной культурности Нового времени привело людей к превознесению природы и непосредственного чувства, не прошедшего через рассудочные определения. Но если разум не имеет права судить разнообразную жизнь, отражающуюся в чувствах человека, то вся жизнь, живая, изменчивая, несогласуемая с логическими определениями, становится целью и высшим принципом мировоззрения. <...> Жизни, жизни! Всей полноты, всего разнообразия всех противоречий жизни! Таково главное требование, основная идея гётевского Фауста, зародившегося в эту эпоху» [27, с. 11].

Переживание полноты жизни в ее внутренних борениях, ощущение причастности «жизни божески-всемирной» (Ф.И. Тютчев), стремление постичь мировое целое и законы движения мирового духа объединяет — при всех различиях их мировидения — Гёте, Гёльдерлина и романтиков. Неслучайно крупнейшим философом романтизма стал Фридрих Шеллинг, который в годы учебы в Тюбингенском университете жил в одной комнате с Гёльдерлином (как и Гегель) и испытал влияние его идей — особенно идей тождества духа и природы, философского и художественного познания, особой роли поэта (художника), охватывающего своей душой мировое целое и постигающего его с помощью гениальной интуиции. С идеей синтеза и взаимосвязи всего сущего, восходящей к панентеизму Я. Бёме и Б. Спинозы, связана и идея «органической формы», обоснованная А.В. Шлегелем: произведение искусства должно быть подобно творению природы, рождающемуся и растущему, повинуясь заложенному в нем замыслу Творца и внутреннему импульсу; оно должно представлять собой нерасчленимое единство формы и содержания. «Таким,

по мнению романтиков, было символическое искусство мифологического типа, — пишет И.А. Тертерян. — Одна из определяющих черт романтизма — осознанное стремление к созданию обобщенных символических образов. Романтиков привлекали мифы: библейские, античные, средневековые, фольклорные — и они их многократно переосмысляли и обрабатывали. Но главное — они хотели дать свои образы-мифы. "Мы можем утверждать, что всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию... Достаточно вспомнить "Дон Кихота", чтобы уяснить себе понятие мифологии, созданной гением одного человека", — наставлял романтиков Шеллинг, детально разработавший теорию литературного мифотворчества» [33, с. 18]. Действительно, романтикам удалось создать новые мифологические образы — Голубой Цветок и Генрих фон Офтердинген у Новалиса, Старый Мореход у Кольриджа, Каин и Манфред у Байрона, Моби Дик у Мелвилла и др. Часто опорой для романтиков была именно библейская мифология.

Библия служит для романтиков гарантом целостности мира и достижимости гармонии, и еще более становится таковым тогда, когда усиливается романтическое двоемирие, расколотость мира на мир идеальный и не соответствующий ему мир земной, особенно социум. Но даже отворачиваясь от мира, презирая его, бунтуя против него, романтики и их герои тосковали по утраченной целостности, сохраняли жажду гармонии. Эталоном и залогом этой гармонии для них был не столько идеализированный мир эллинской культуры, сколько библейский универсум, являющийся символом мироздания в его целостности. Сознавая шаткость концепции самодостаточности личности, своеобразного гениоцентризма, романтики искали опору в Библии и христианских ценностях. «С ощущением непрочности романтических утопий часто связано обращение к христианской этике (Шатобриан, Ламартин, затем Ламенне, Киркегор)», — отмечает И.А. Тертерян [33, с. 25]. Это в первую очередь касается и немецких романтиков.

Раньше всего взгляд на Библию как книгу, несущую в себе универсум и являющуюся прообразом абсолютной Книги, выразили первопроходцы романтизма — йенские романтики. Универсальность, способность постигать мир в его многогранности и целостности является одной из ведущих черт романтической поэзии, и в этом плане романтики многое взяли у Гердера и Гёте, и не только у юного, но и у зрелого и позднего Гёте, равно как интерес Гёте к Востоку, его художественный универсализм, его концепция мировой литературы были в значительной степени стимулированы контекстом романтизма. Безусловно, именно у Гердера и Гёте романтики унаследовали интерес к Библии. При этом их подход к ней в чем-то был сходен, а в чем-то отличался от гётевского. Гёте, видя за текстом Библии полнейшую историческую конкретность, вместе с тем сохраняет представление об универсальности Библии как Книги книг, как Книги, несущей в себе образ универсума. Такой взгляд сближает его позицию с позицией романтиков и опирается на родившееся глубоко в недрах еврейской культуры уподобление мира книге, а книги – миру (для Гёте Библия – «словно второй мир»). Романтики видят в Библии не столько историческую конкретность (такой подход обнаруживается у некоторых поздних романтиков – прежде всего у Байрона и Гейне), сколько именно символическую модель универсума, идеал всякой истинно романтической книги. А.В. Михайлов отмечает по этому поводу: «Для романтиков, с иного конца, мир в своем развитии, в своей истории словно проецируется в книгу, а потому наряду с исторически сложившейся Библией необходимо мыслить еще более абсолютную и универсальную *книгу* (курсив автора. – Γ .C.)» [34, с. 770]. В подкрепление исследователь приводит суждения Фридриха Шлегеля (Friedrich Schlegel, 1772–1829), одного из первых теоретиков романтизма, основателя Йенского кружка: «Библия – центральная литературная форма и, следовательно, идеал всякой книги» (письмо Новалису от 2 декабря 1798 г.); «В виде Библии явится новое вечное Евангелие, о котором пророчествовал Лессинг, – но не как отдельная книга в обычном смысле. <...> Или разве есть другое слово, чтобы отличить идею бесконечной книги от книги обыкновенной, кроме Библии, т. е. Книги вообще, абсолютной Книги? <...> ...в совершенной литературе все книги должны составлять только одну Книгу, и в такой вечно становящейся Книге будет содержаться Евангелие человечества и культуры» («Идеи», фрагмент 95-й, 1800) (цит. по: [34 с. 770–771]). Одновременно с Ф. Шлегелем, в процессе «симорганизации», «симфилософствования», «симэволюции» (слова, придуманные Ф. Шлегелем для обозначения дружеского обмена мыслями, сотворчества) Новалис приходит к проекту «новой Библии как идеала любой книги» (цит. по: [35, с. 157]). 7 ноября 1798 г. он сообщает Ф. Шлегелю: «Теория Библии, будучи развита, дает теорию писательства или словотворчества вообще, которая одновременно занимается символическим, непрямым конструированием творческого духа» (цит. по: [35, с. 157]).

При этом романтики, вслед за Гёте и параллельно с ним, видят существенные отличия в установках и ведущих принципах античной и библейской поэзии, но по-своему осмысливают их. Так, Ф. Шлегель в работе «Об изучении греческой поэзии» («Über das Studium der griechischen Poesie», 1797), отталкиваясь от идей Винкельмана, Гёте, Гердера, Шиллера и под воздействием исследования Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии», говорит о различиях между античной и современной (романтической) поэзией. По его мнению, античная поэзия выразила эталон гармонии, красоты, совершенства, но современная все равно превосходит ее, потому что связана с упорным, часто мучительным поиском недостижимого, устремленностью в бесконечное, к постижению трансцендентного. Поначалу критиковавший религию, мистицизм, гернгутерство Новалиса как «абсолютную мистику», «философию чувства» Ф.Г. Якоби (статья «"Вольдемар", роман Якоби»), Ф. Шлегель постепенно приходит к приятию интуитивизма Якоби, к убежденности, что «в человеке имеется Божественное начало» и что необходимо «броситься в лоно Божественного милосердия».

В ликейских «Критических фрагментах» («Ликей», 1797), разрабатывая концепцию романтической иронии, Ф. Шлегель говорит о возвышении искусства над «всем обусловленным», над обыденностью, о свободе художника от действительности, создаваемой благодаря иронии, ибо она «свободнейшая из вольностей, так как посредством иронии человек поднимается над самим собой» (фрагмент 108-й; цит. по: [36, с. 103]). Далее субъективистская теория иронии получает развитие в атенейских «Фрагментах» («Атенеум», 1798) Ф. Шлегеля. Он пишет, что только романтическая поэзия «бесконечна, так как она одна свободна и признает своим высшим законом, что воля поэта не терпит над собой никакого закона» (фрагмент 116-й; цит. по: [36, с. 106]). Такое определение, безусловно, полемически направлено против нормативной эстетики классицизма и подразумевает обращение к библейской эстетике, выдвигающей в качестве меры безмерность. В этом же знаменитом фрагменте Ф. Шлегель настаивает на том, что главный путь развития поэзии – это путь «от внешнего к внутреннему», а ее высший закон – «воля поэта». Однако этот резкий субъективизм (тем не менее предполагающий, что за волей поэта стоит Божественная воля) не противоречит пониманию объединяющей, универсальной роли поэзии, которая «парила бы между объединением и разделением философии и поэзии, практики и поэзии... и приходила бы к полному объединению» (цит. по: [36, с. 106-107]. Подобное единство («универсальная поэзия», которая и есть поэзия романтическая) встречается, по мысли Ф. Шлегеля, только у древних (фрагмент 252-й), и не только у греков, но и у многих других народов (например, индийцев, культуру которых он изучал особо), и прежде всего – у древних евреев, в Библии, представляющей весь мир как пронизанный Духом Божьим и Божественной Любовью.

Как известно, отправной точкой формирования концепции романтической иронии для йенских романтиков стали ранние произведения И. Фихте, особенно его «Наукоучение» («Wissenschaftslehre», 1794). Фихте преподавал философию в Иене в 1794–1799 гг., и в 1796–1797 гг. с ним поддерживал дружеские отношения Ф. Шлегель. Последнего увлекли идеи Фихте о свободе Я, которое несет в себе весь мир, творит его в виде не-Я и властвует над ним. При этом под Я Фихте понимал не эмпирическое Я, но некое единое абсолютное Я, создающее как не-Я в целом, так и все индивидуальные человеческие Я. Ф. Шлегель, в сущности, перенес свойства абсолютного Я Фихте на конкретную индивидуальность, на Я художника, что и дало импульс становлению теории романтической иронии, утверждавшей право художника не подчиняться произволу этого мира, тотально иронизировать над ним и самим собой, пересоздавать его. Однако уже к концу 1790-х гг. позиции романтиков и Фихте расходятся. В заметках «Дух "Наукоучения" Фихте» («Geist der Fichteschen Wissenschaftslehre») Ф. Шлегель замечает: «Фихте недостаточно абсолютный идеалист... Мы то с Гарденбергом обогнали его» (цит. по: [36, с. 108]). Когда в 1798 г. возникает Йенский кружок и у братьев Шлегелей завязывается дружба с Ф. фон Гарденбергом (Новали-

сом), Л. Тиком, Ф. Шеллингом, Ф. Шлейермахером, на романтиков уже гораздо больше влияет «философия чувства» Ф. Якоби, панентеизм Б. Спинозы и Я. Бёме и трансцендентальный идеализм Ф. Шеллинга.

Концепция Ф. Шеллинга представляет собой новую вариацию панентеистической философии, исходящей из тезиса: «Всё – в Боге, и Бог – во всем». Неслучайно при создании своей натурфилософии он опирался на идеи Б. Спинозы и Я. Бёме, а также на панентеистическое учение Каббалы, особенно Лурианской, созданной в XVI в. Йицхаком (Исааком) Лурией, получившей широкое распространение и привлекшей в свое время Я. Бёме, считающегося основоположником христианской Каббалы. Фрагменты главного трактата Каббалы — «Книги Сияния» (Сэфер źа-Зоźар), представляющей собой гигантский по размерам (три тысячи страниц рукописного текста) мистический роман на арамейском языке, написанный в XIII в. испанским каббалистом Моше де Леоном, были еще в эпоху Позднего Ренессанса переведены на латинский язык. Авторство Моше де Леона доказал выдающийся немецко-еврейский исследователь мистики Г. Шолем, впервые серьезно и всесторонне изучивший тексты Каббалы и реабилитировавший ее перед лицом еврейских и европейских интеллектуалов, ибо до этого она воспринималась лишь как суеверие и мракобесие (см. [37]).

Мировоззрение Каббалы представляет собой вариант панентеизма в рамках строгого монизма: трансцендентный, абсолютно непостижимый Бог (Эйн-Соф 'Бесконечный'; понятие, коррелирующее с представлением о Бесконечном у романтиков, особенно у Новалиса) перебрасывает мост через бездну трансцендентности, творя мир из глубины Своих творческих сил, эманируя Свою энергию миру и вступая в диалог со Своим творением. Эманация Божества, циркулирование Божественной энергии в мире и далее поддерживает его существование, целостность универсума. Мир пронизан дыханием Божьим, существует в Боге, Бог же заявляет о Себе через мир, делая человека главным партнером по гармонизации мира и его Спасению. С точки зрения Каббалы зло не имеет онтологических корней: это всего лишь недостаток Божественного добра, искры Божественного света, попавшие во власть грубых материальных сил (клиппот 'скорлуп') в результате грехопадения человека и продолжающихся грехов людей. Поэтому задача человека – высвобождать искры света из плена деструктивных сил и возносить их престолу Всевышнего – Источника всего сущего. Особенно Лурианская Каббала делает акцент на важной миссии каждого человека, живущего по заповедям Божьим и творящего действенное добро, в деле возвращения мира к первоначальной гармонии (*тиккун ѓа-олам* – букв. с иврита «исправление [реинтеграция] мира»). Задача человека – не презирать и преодолевать материальное (в том числе плотское), но одухотворять его. Каббала исходит из того, что мир насквозь одухотворен, пронизан Духом Божьим, который и есть «вселенной внутренняя связь» (слова гётевского «Фауста»; Гёте всерьез интересовался мистическими учениями, в том числе Каббалой). Именно идея мнимости границы между материальным и духовным, признание главенства духа, идея бесконечной мировой взаимосвязи привлекли к учению Каббалы Я. Бёме и Б. Спинозу, которые соединили мистический опыт с опытом естественных наук, рациональным изучением природы. Эта парадигма оказалась актуальной и для Ф. Шеллинга. Ныне связь философии Шеллинга с Каббалой, особенно с учением И. Лурии о *цимцум* – «сжатии» Бога и Его бесконечной «пульсации», эманации в мир, является уже доказанной (см. [37, с. 335; 38]).

В работе «Идеи к философии природы» («Ideen zu einer Philosophie der Natur», 1797) Ф. Шеллинг развивает идеи тождества материи и духа, точнее — одухотворенности материи, ее растворения в духе. Материя предстает как «видимый дух», в ней отражается и через нее выражается Мировая Душа. Это учение, как уже отмечалось, опирается также на прозрения Ф. Гёльдерлина, на его мифопоэтическое и философское учение о Мировом Духе (Weltgeist), пронизывающем вселенную, придающем ей единство и постигаемом интуитивно гениальными поэтам. Тем не менее в мировоззрении Гёльдерлина гораздо больше, по выражению Р.М. Рильке, «доверия к земному», в то время как Ф. Шеллинг и вслед за ним йенские романтики постепенно уходят в область сверхчувственного, мистического, которое и осознается как главный предмет поэзии. Связь между миром ноуменальным (Божественным, незримым духом) и феноменальным (миром явлений, «видимым духом») открывается романтикам во всеохватывающем чувстве любви к миру (Weltgefühl), которое

порождается ощущением присутствия Божества в природе. Философию Шеллинга можно назвать своеобразной «религией природы», в которой все стадии развития природы понимаются как ступени развития Мировой Души. «В самом Шеллинге, – пишет В.М. Жирмунский, - жило непосредственное поэтическое чувство природы: вот почему его философские произведения похожи на поэмы. Он долго носился с планом большого эпоса о мироздании: отдельные стихотворения его являются как бы отрывками такого эпоса и выдают его романтическое отношение к жизни. В "Эпикурейском исповедании Гейнца Видерпорета" он противопоставляет трансцендентной религии свою религию природы. В природе – вся правда, и нет в ней ничего ложного. Она – открытая тайна, бессмертная поэма. Все пристальнее всматривается философ в ее глубокие черты и видит, как она говорит с ним на языке символов, "образов и форм". "Только та религия истинна, которая открывается нам в камне и в сплетении мхов, в цветах, и металлах, и во всех вещах, в воздухе и в свете, на всех высотах и во всех глубинах". Это непосредственное чувство природы всего лучше объясняет роль Шеллинга в развитии идеалистической философии. Его задачей было написать историю сознания, его развития от бессознательных природных форм к свободе человеческого духа. Рассмотрение всей природы как единого организма, всех физических явлений как "категорий природы" на ее пути к сознанию было тем подвигом, который возвратил внешнему миру реальность, утраченную им в философии Фихте» [27, с. 48-49]. Глубокое мистическое чувство природы, насквозь пронизанной дыханием Бога, открывающей человеку путь к единой Мировой Душе, свойственно йенским романтикам, особенно Л. Тику и Новалису.

Кроме того, важнейший путь постижения трансцендентной сущности бытия, слияния с Мировой Душой йенские романтики видели в любви к женщине. Следует отметить, что мистики-каббалисты также видели в верной супружеской любви путь приобщения к Божественному миру, более того – приписывали ей теургическое значение в процессе реинтеграции мира. Однако в отличие от них, как и в отличие от Гёльдерлина, видевшего в любви великую силу, обеспечивающую единство вселенской жизни, мирской и духовной, романтики, особенно поздние, не испытывали доверия к земной жизни, но исходили из мучительного разрыва земного и духовного. Неслучайно главным обозначением их отношения к миру стало «томление» (die Sehnsucht) – любимое слово романтиков, означающее неопределенное и трудно выразимое состояние души: и страсть, и страдание, и тоску, и стремление без надежды на осуществление, бесконечную неудовлетворенность души, в общем – то томление духа, о котором говорит Екклесиаст. Отсюда и проистекает романтическое двоемирие, разрыв между миром ноуменальным и миром явлений, миром идеальным (духовным) и миром материальным (вещественным) – та, по выражению Г. Гейне, «мировая трещина», которая «проходит через сердце поэта». Однако йенские романтики, остро осознавая разъединенность мира, стремились к целостности и полагали, что именно поэт может выразить ее в своем произведении, уловить Божественное, бесконечное в природном, конечном. В этом, согласно Шеллингу, и есть суть настоящего искусства. В «Системе трансцендентального идеализма» он пишет: «В произведении искусства отражается тождество сознательной и бессознательной деятельности. <...> Художественное творчество всегда исходит из бесконечной самой по себе разъединенности двух деятельностей, обособленных друг от друга в каждом свободном продуцировании. Поскольку же в художественном произведении они должны быть представлены объединенными, то в нем бесконечное выражено в конечном. Но бесконечное, выраженное в конечном, есть красота» [39, с. 478–479].

Влияние Ф. Шеллинга особенно ощутимо в последней важной теоретической работе Ф. Шлегеля — «Разговор о поэзии» («Gespräch über die Poesie»), представляющей собой четыре этюда в форме монологов участников философской беседы, за которыми проступают реальные черты членов Йенского кружка: монолог «Эпохи развития поэзии» произносит Андреа (Ф. Шлегель), «Речь о мифологии» — Лудовико (Шеллинг), «Письмо о романе» — Антонио (Шлейермахер), «О различии стиля в ранних и позднейших произведениях Гёте» — Маркус (А.В. Шлегель). В беседе принимает участие также Лотарио (Новалис). Лудовико (Шеллинг) говорит о том, что мифология была основой и средоточием античной поэзии и что для поэзии современной такой основой должна стать новая мифология — «реализм»,

«величайший феномен нашего века». Речь идет о мистической философии и поэзии, которая «должна покоиться на гармонии идеального и реального». При этом «реальное» на языке Ф. Шлегеля не имеет никакого отношения к отражению действительности: Лудовико утверждает, что «простое воспроизведение людей, страстей, отношений поистине не имеет никакого значения» и что предназначение искусства заключается в «благостном отражении Божества в человеке» (цит. по: [36, с. 111]). Таким образом, утверждается религиозно-мистическое и символическое начала как основные в романтизме. При этом в поисках «высшего романтического» Лудовико советует обратиться к фантастике (т. е. воображению, символичности и установке на выражение сверхчувственного) литератур Востока.

На мировоззрение романтиков оказало влияние сочинение Ф. Шлейермахера «Речи о религии к образованным людям из числа ее отрицателей» («Reden über die Religion an die Gebildeten unter ihren Verächtern», 1798). Как известно, Шлейермахер стал основоположником герменевтики, непосредственно оттолкнувшись от герменевтики Священного Писания, и придавал исключительное значение символичности искусства, которое должно быть согласовано с мистическим духом Божественной любви и косвенно выражать непостижимое — имманентность Бога миру. Поэтому Антонио утверждает: «Только фантазии дано постигнуть загадку этой любви и воспроизвести ее как загадку... Божественное в сфере природы может быть выражено лишь косвенным путем» (цит. по: [36, с. 113]).

В поздних работах Ф. Шлегеля, прежде всего в «Истории древней и новой литературы» («Geschichte der alten und neuen Literatur», 1815) и «Философии истории» («Philosophie der Geschichte», 1829), обнаруживается все большее сближение с христианством, а значит — с Библией, все больший интерес к культурам Востока. Их изучение, по мнению мыслителя, должно стать противовесом влиянию античной культуры с ее политеизмом и материализмом. Он пишет о греках и римлянах: «Многие народы древности, великие и знаменитые, остановились на сей точке язычества, совершенно материалистического, и никогда не возмогли вознестись выше оной» (цит. по: [36, с. 115]). Ф. Шлегель полагает, что наука в Новое время развивалась как «решительный материализм» именно под влиянием античного политеизма. «Романтическое» для него становится синонимом христианского, и Шекспир как «романтический» поэт, но все же «поэт-скептик», теперь стоит ниже Кальдерона, который «по превосходству стихотворец христианский и поэтому именно наиболее романтический» (цит. по: [36, с. 132]). Показательно: поэтика Кальдерона очень многим обязана библейской поэтике, его произведения неразрывно связаны с библейскими смыслами, пронизаны библейским мотивами и аллюзиями.

Таким образом, романтики ощущают особую близость себе библейского миросозерцания и библейской поэтики, устремленной к выражению трансцендентного. Более того, они осознанно противополагают эту поэтику «пластической» и «чувственной» эллинской поэтике. Неслучайно в «Чтениях о драматическом искусстве и литературе» («Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur», 1807; изд. 1809–1811) Август Вильгельм Шлегель (August Wilhelm Schlegel, 1767–1845) указывает, что греки «создали поэтику радости», что их искусство выразило «сознание гармонии всех сил», и подчеркивает чувственный характер греческой культуры: «Как далеко ни заходили греки в область прекрасного и даже нравственного, все же мы не можем приписать их культуре более высокого значения, нежели значение просветленной и облагороженной чувственности. <...> Они не стремились ни к какому иному совершенству, кроме того, которого они действительно могли достигнуть собственными силами» (цит. по: [36, с. 120]). По мысли А.В. Шлегеля, греческая культура ориентирована на достижимое, конечное, в то время как романтизм связан с созерцанием бесконечного, с христианством, после появления которого «все переменилось: созерцание бесконечного уничтожило конечное... только в потустороннем мире встала заря истинного существования» (цит. по: [36, с. 120]). Теоретик романтизма определяет основной принцип романтической поэзии как «мистический», ибо в окружающем мире романтик видит «сверхъестественные силы, которым также присуще нечто Божественное» (цит. по: [36, с. 120]). По его мнению, греческая поэзия была поэзией радости и обладания, весьма конкретно представлявшей свой идеал, а романтическая, напротив, - поэзия, стремящаяся к бесконечному, недостижимому, поэзия «томления».

Характер греческой поэзии определен А.В. Шлегелем как «пластический» (plastisch), а романтической — как «живописный» (pittoresk), но при этом мыслитель подчеркивает,

что образы романтической поэзии не имеют четких очертаний: они овеяны дымкой грез и словно бы «проступают» из глубин бесконечности. Он объясняет это тем, что современные народы пришли к сознанию своей раздвоенности, утратили целостность и гармоничность, присущие грекам. Истоки романтической поэзии А.В. Шлегель усматривает в Средневековье (для него это время веры, рыцарства, любви и чести), основой культуры которого явилось христианство, а также древнее германское наследие: «Наряду с христианством, культура Европы с начала Средних веков переживает влияние северогерманских завоевателей, вливших новую жизненную струю в вырождающееся человечество» (цит. по: [36, с. 121]). В авторизованном французском переводе своей работы («Cours de littérature dramatique», 1814) А.В. Шлегель прямо говорит, что «современная поэзия религиозна» (la poésie modern est religieuse; цит. по: [36, с. 120]). Это непосредственно влияет на свойственное романтикам отождествление «современного» в литературе с «романтическим», которое понимается как связанное с христианством и рыцарством и противопоставляется «классическому», связанному с язычеством и античностью. Подобное понимание, важное для всей концепции романтизма, отражено, например, в книге Ж. де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), написанной под непосредственным влиянием А.В. Шлегеля, с которым французскую писательницу связывали дружеские отношения (с 1804 по 1817 г. он был воспитателем ее детей и сопровождал ее во время путешествий в Италию и Россию). Эталоном «романтической» поэзии в прошлом для А.В. Шлегеля были Шекспир (его переводы семнадцати произведений Шекспира способствовали тому, что тот стал для современников «немецким» поэтом) и Кальдерон, драмы которого также активно переводит А.В. Шлегель.

Участник Йенского романтического кружка Вильгельм Вакенродер (Wilhelm Wackenroder, 1773–1798), близкий друг Л. Тика, оказавший на него значительное влияние (им вдохновлено и в значительной степени в сотрудничестве с ним создано главное произведение Тика – роман «Странствования Франца Штернбальда»), также размышлял о религиозной природе искусства. В его «Сердечных излияниях монаха, любителя искусства» («Herzenergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders», 1797) целостное познание мира в искусстве обозначено как «религиозное». Согласно Вакенродеру, Бог говорит языком сотворенной Им природы, а художник, обладающий даром Божьим, осененный особым вдохновением, – языком искусства. В сущности, искусство и есть чудесный язык Божий. Наслаждение искусством Вакенродер сравнивает с состоянием человека во время молитвы: настоящие произведения искусства «выходят за пределы обыкновенного и повседневного, и мы должны возвыситься до них всем нашим сердцем, дабы они предстали нашим замутненным глазам такими, какие они есть в силу своего возвышенного существа» (здесь и далее перевод С.С. Белокриницкой) [40, с. 74]. Он полагает важнейшим внутренний, сокровенный смысл произведения, который в подлинном искусстве невозможно исчерпать. Поэтому недостаточно просто видеть шедевры великих художников: они существуют «не для того, чтобы их видел глаз, а для того, чтобы мы входили в них с расположенным к ним сердцем, чтобы в них жили и дышали. <...> Нам кажется, что мы проникаем в них все глубже, и тем не менее они все время снова и снова волнуют наши чувства, и мы не видим никакой границы, достигнув которой мы бы считали, что наша душа исчерпала их» [40, с. 75-76]. Таким образом, служение искусству сродни служению Богу, а постижение его так же бесконечно, как постижение Бога. Более того, и творческое озарение, и восприятие искусства подобны откровению. Безусловно, религиозность Вакенродера, как и других романтиков, несводима ни к какой ортодоксии. Опираясь на универсализм Библии в подходе к человеку, являющемуся прежде всего «сыном Божьим», на ее идею единого происхождения всех людей, равенства всех народов перед Богом, а также продолжая гуманистические идеи Гердера (также опиравшегося на Библию), Вакенродер в заметке «Несколько слов о всеобщности, терпимости и любви к ближнему в искусстве» защищает исторический подход к искусству каждого народа и каждой эпохи, равное право на существование искусства разных народов.

В основе романтизма, как убедительно показал В.М. Жирмунский, лежит мистическое чувство — «живое, положительное чувство присутствия бесконечного, Божеского во всем конечном...» [27, с. 3]. Исследователь утверждает: «Глубокое мистическое чувство харак-

терно для немецких романтиков на всем протяжении их творчества. Обращаясь к их переписке, мы отмечаем уже в самом начале 90-х годов такие выражения, как "горячая жажда вечности", "стремление к недостижимому", "любовь к не имеющему имени", "тоска по Богу". В 1793 году Фр. Шлегель пишет своему брату: "Все величие человека — в силе и желании стать подобными Богу и всегда иметь бесконечное перед глазами". И Новалис, утешая своего друга, говорит ему: "бросься в объятия природы", "верь, а потом уже рассуждай". Вот почему совершенно неправильно считать исходным моментом религиозных и мистических интересов в кругу первых романтиков год появления "Речей о религии" Шлейермахера. Эти речи представляют собой момент сознания того глубокого мистического движения, на почве которого развивается романтизм и которое является его внутренней сущностью» [27, с. 4—5]. Исследователь точно отмечает наиболее устойчивые, повторяющиеся выражения романтиков, несущие в себе их главные установки: heißer Durst nach Ewigkeit «горячая жажда Вечности», Streben nach dem Unerreichbaren «стремление к Недостижимому», Liebe zu dem Namenlosen «любовь к Безымянному», Einsicht in der Geist der Welt «постижение Мирового Духа», Sehnsucht nach Gott «тоска [томление] по Богу».

В.М. Жирмунский справедливо указывает, что «богатая мистическая традиция немецкой литературы, особенно начала XVIII в., делает возможными самые разнообразные источники романтического мистицизма. Вместе с тем вполне самостоятельное развитие романтического чувства часто приходит к выводам, совершенно аналогичным обычным мистическим учениям, и находит в них впоследствии свое обоснование» [27, с. 25]. Среди тех феноменов духовной жизни Германии, которые дали импульс становлению романтического мистицизма, безусловно, одно из первых мест занимает пиетизм, сложившийся в 70-е гг. XVII в., достигший своего расцвета в XVIII в., существующий и поныне, и в первую очередь такое его ответвление, как гернгутерство, основанное графом Цинцендорфом и породившее яркие формы религиозного энтузиазма (показательно, что из семей гернгутеров происходили Новалис и Шлейермахер). Пиетизм породил религиозно-мистическую поэзию Клопштока, которую также можно считать одним из истоков не только штюрмерской, но и романтической поэзии. Вторая половина XVIII в. стала для Германии временем еще более широкого развития иррационалистических, интуитивистских, мистических течений. Все более мистический характер принимает пиетизм, направленный на воспитание в человеке способности ощутить присутствие Бога в собственной душе. Так, «Признания прекрасной души» писателя-пиетиста И.Г. Юнг-Штиллинга И.В. Гёте включит в «Годы учения Вильгельма Мейстера». И он же изобразит во второй части дилогии о Вильгельме Мейстере деятельность идеального масонского братства в виде «Общества башни». Мистическая философия масонства получает в это время широкое распространение. Жан-Поль Рихтер пишет роман «Таинственная ложа», Шиллер создает своего «Духовидца», Захария Вернер – «Сыновей долины». Последний, как указывает В.М. Жирмунский, даже «спрашивает в одном письме, не составляют ли йенские романтики тайной секты и когда они перейдут от писания стихов к великому жизненному делу» [27, с. 23]. Многие образованные немцы того времени, в том числе Лессинг, Виланд, Гердер, Гёте, были членами масонских лож. Итак, сама атмосфера времени заставляла романтиков вглядываться в жизнь как в Тайну и искать во всем конечном проявление Бесконечного. Для них оказываются чрезвычайно важными и розенкрейцеры (особенно И.В. Андреэ с его «Химической свадьбой Кристиана Розенкройца»), и великие поэты-мистики XVII в. (в первую очередь Ангелус Силезиус), но прежде всего – Якоб Бёме, вдохновлявший и розенкрейцеров, и Ангелуса Силезиуса, и К. Кульмана. Мистическая философия Я. Бёме получает новое осмысление у романтиков. При этом «осевым» архетекстом для всех этих мистических учений была Библия, к которой романтики обращаются и прямо, и опосредованно (прежде всего через философию Я. Бёме).

Определяя романтизм как «своеобразную форму развития мистического сознания» [27, с. 6], среди его важнейших черт В.М. Жирмунский называет мистику природы и мистику любви. В силу этого особенно значимой из библейских книг, помимо, естественно, Евангелий, является Песнь Песней, в которой предстает чарующий мир природы, где сквозь каждый феномен сквозит Божественная сущность, и которая воспевает страстную и святую любовь, определяя ее как «Божье пламя» (Песн 8:6). Песнь Песней соединяет в себе эроти-

ку и святость, освящает телесность и закономерно получает в религиозной традиции – еврейской, а вслед за ней и христианской – различные аллегорические и мистические интерпретации, хотя, возможно, уже в той окончательной версии библейской поэмы, которая была создана неизвестным поэтом-профессионалом в V или IV в. до н. э., были заложены мистико-аллегорические смыслы. Песнь Песней понимается как аллегория любви между Всевышним и Общиной Израиля в еврейской традиции, Христом и Церковью Христовой – в христианской, в обеих традициях – как история поисков душой Единственного Возлюбленного – Бога, соединения с Ним в союзе любви. В христианской традиции Песнь Песней получает также особое мариологическое прочтение и понимается как описание таинства Непорочного зачатия и Боговоплощения. Для уяснения особой важности для романтиков Песни Песней необходимо помнить о том, что она получила особое прочтение в мистике Каббалы: текст понимается как описание великой тайны внутренней жизни Бога – священный брак Царя и Его Царицы (Шехины), как единение в Боге мужского и женского начал, являющееся гарантом мировой гармонии. Все разрывы и драматические изломы истории трактуются каббалистами как следствие разлуки Всевышнего и Шехины. Отсюда постулируется особая задача каждого человека: соблюдением заповедей, праведными поступками и верной супружеской любовью приближать приход Мессии и гармонизацию мира. Таким образом, каббалисты прозревают мистическую тайну пола, любви не только как духовного состояния, но и как физического акта. Особенно акцентирует теургическое значение физической близости супругов Лурианская Каббала. Все это так или иначе, если не прямо, то опосредованно, отзывается в романтической концепции любви, согласно которой только через любовь можно познать тайны бытия. «Брак – это высшее таинство», – утверждает Новалис «Любовь – познанье тайны бытия», – формулирует Л. Тик в стихотворной драме «Октавиан». В понимании романтиков через любовь и любимого человека открывается Бог; любовь – это и есть религия. Так, в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» герой говорит своей возлюбленной Матильде:

О, возлюбленная, небо дало мне тебя для поклонения. Я молюсь тебе. Ты святая, ты возносишь мои желания к Богу; в тебе Он является мне, в тебе Он показывает мне всю полноту Своей любви. Что такое религия, если не беспредельное согласие, не вечное единение любящих сердец? Где сошлись двое, там Он среди них (перевод 3. Венгеровой) [41, с. 91].

Подлинная любовь в понимании романтиков, как и в Песни Песней, возможна только в единении духовного и телесного, поэтому она для них — «святая любовь» (heilige Liebe), но изображают они ее с яркой чувственностью, эротичностью. Вновь обратимся к словам В.М. Жирмунского: «Было бы совершенно неправильно представлять себе святую любовь, которую проповедовали романтики... как бесплотное поклонение женскому идеалу. Романтики для этого слишком люди нашего века. Чувственность играет в романтической любви очень большую, может быть, даже основную роль — но чувственность является как нечто святое и божественное, как откровение мистического переживания» [27, с. 79–80]. Ученый справедливо усматривает в этом первоначальное влияние «бурных гениев» (прежде всего Гёте), но особенно — В. Гейнзе с его обостренным чувственным гедонизмом, выраженным в романе «Ардингелло и блаженные острова» («Ardinghello und die glückseligen Inseln»). Но если для героя Гейнзе чувственное наслаждение является самоцелью, то для романтиков и их героев физическое наслаждение любовью служит проводником к самым великим тайнам бытия.

Одним из источников такого представления о любви является каббалистический миф о любовном союзе Бога и Его Шехины, своеобразно преломленный в философии Я. Бёме. На романтиков произвел особое впечатление фрагмент из «Авроры», в котором эротическим языком описывается происходящее в духовной сфере:

Когда восходит свет, то духи видят друг друга; и когда в свете сладкая родниковая вода проходит чрез всех духов, то они отведывают вкус друг друга; тогда духи становятся живыми, и сила жизни проникает все, и в этой силе они обоняют друг друга, и в этом кипении и проницании они осязают друг друга, и нет ничего, кроме сердечной любви и дружеского лицезрения, прият-

ного обоняния и вкушения и ощущения любви, блаженного целования, вкушения и пития друг от друга, и любовного прогуливания (здесь и далее перевод А. Петровского) [42, с. 113].

Вслед за этим Я. Бёме органично включает аллюзии на Песнь Песней, пронизанной благоуханиями и блаженством осязания любимого существа, вкушением сладостного вкуса любви:

То благодатная невеста, радующаяся о женихе своем, то любовь, радость и блаженство, то свет и ясность, то приятное благоухание, приятный и сладостный вкус. Ах, и вечно без конца! ...О любовь и блаженство! нет тебе конца, не видно тебе конца, твоя глубина неисследима; ты везде одна и та же... [42, с. 113].

Последние слова звучат как цитата из романа Ф. Шлегеля «Люцинда» («Lucinde», 1799), который особенно показателен для романтической концепции любви и который вызвал скандал и осуждение «целомудренно» настроенной публики и критики, осудившей его как «безнравственный». Безусловно, философ и писатель сознательно эпатировал публику, протестуя против общепринятого. Как известно, роман имеет автобиографическую основу, и вызовом обществу была личная жизнь Ф. Шлегеля, история его любви. В 1799 г. он вернулся в Йену из Берлина, где начал издание «Атенеума», со своей возлюбленной — Доротеей Фейт (D. Veit, 1763–1839), дочерью немецкого и еврейского философа, основоположника Гаскалы (еврейского Просвещения) Мозеса Мендельсона. Доротея, получившая при рождении имя Брендель, оставила своего мужа, берлинского банкира Симона Фейта (развелась с ним в еврейском религиозном суде), и последовала за Ф. Шлегелем, став его помощницей и музой, хозяйкой салона, в котором собирались романтики. Она обладала несомненным художественным дарованием: ее перу принадлежит фрагмент романа «Флорентин» («Florentin», 1801) и обработка сказания о Мерлине, включенного в «Собрание романтических поэм Средневековья» («Sammlung»). В 1804 г. Доротея приняла протестантизм и обвенчалась с Ф. Шлегелем, а затем, в 1808 г., вместе с ним перешла в католичество. Два сына Доротеи от первого брака – Йонас и Филипп Фейты – стали известными художниками, основоположниками движения назарейцев.

Доротея Шлегель стала наглядным воплощением нового типа свободной, эмансипированной женщины, наделенной талантом, художническим чутьем, ищущей самореализации в жизни и прежде всего в любви. Ее жизнь с Ф. Шлегелем в первый год их брака по естественному закону природы, по закону сердца и послужила канвой романа «Люцинда», описывающего любовные взаимоотношения Юлиуса и Люцинды. В романе отразилось то обожествление женщины и самой любви, которое было свойственно романтикам и которое действительно переживал автор романа. В нем идет речь о «религии любви» (die Religion der Liebe [43, S. 12]), а любовь получает эпитет «божественная» (göttliche Liebe); героиня ассоциируется с Богоматерью и именуется святой; все земное бытие воспринимается как «постоянное богослужение единственной любви» (das ganze Dasein ein steter Gottesdienst einsamer Liebe [43, S. 71].

Согласно замыслу Ф. Шлегеля, Люцинда — талантливая художница, которая, подобно своему возлюбленному Юлиусу, смело разорвала все путы и условности, чтобы жить самостоятельно и независимо. Юлий, долго искавший смысл жизни и томившийся по счастью, наконец нашел и то, и другое в любви: обрел свою «Вечную и единственную Возлюбленную» (die Eine ewig und einzig Geliebte [43, S. 5]). Герои открывают друг в друге всю полноту жизни. Юлиус говорит возлюбленной: Du hast durch mich die Unendlichkeit des menschlichen Geistes kennen gelernt, und ich habe durch dich die Ehe und das Leben begriffen, und die Herrlichkeit aller Dinge [43, S. 67] «Ты через меня познаешь бесконечность человеческого духа, а я через тебя постигаю брак, и жизнь, и красоту всех вещей» Возлюбленная стала для Юлиуса «посредницей» между его «расколотым Я и неделимым вечным человечеством» (eine Geliebte, die die Mittlerin war zwischen meinem zerstückten Ich und der unteilbaren ewigen Menschheit [58, S. 71]). Она же вместе с ним «проходит по всем ступеням

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод наш. – Г.С.

человечества от самой бурной чувственности к самой духовной духовности» (Durch alle Stufen der Menschheit gehst du mit mir von der ausgelassensten Sinnlichkeit bis zur geistigsten Geistigkeit und nur in dir sah ich wahren Stolz und wahre weibliche Demut [43, S. 11]). Через любимое существо любящий постигает единство конечного и бесконечного, человеческого и Божественного, и это чудо открывается ему не по ту сторону бытия, а в этом мире, в настоящем:

Die Liebe ist nicht bloß das stille Verlangen nach dem Unendlichen; sie ist auch der heilige Genuß einer schönen Gegenwart. Sie ist nicht bloß eine Mischung, ein Übergang vom Sterblichen zum Unsterblichen, sondern sie ist eine völlige Einheit beider. Es gibt eine reine Liebe, ein unteilbares und einfaches Gefühl ohne die leiseste Störung von unruhigem Streben. Jeder gibt dasselbe was er nimmt, einer wie der andre, alles ist gleich und ganz und in sich vollendet wie der ewige Kuß der göttlichen Kinder [43, S. 60].

Любовь — это не просто тихое томление по Бесконечному; она также священное наслаждение прекрасным настоящим. Это не просто смесь, переход от смертного к бессмертному, но полное единство обоих. Есть чистая любовь, неделимое и простое чувство без малейшего вмешательства беспокойного стремления. Каждый дает то же, что берет, один, как другой, все то же самое, завершенное и совершенное в себе, как вечный поцелуй божественных детей.

Ф. Шлегелю очень дорога мысль об андрогинности человека, восходящая, с одной стороны, к мифу, пересказанному Платоном в «Атлантиде», с другой – к библейскому представлению, развитому в древних постбиблейских комментариях, о слиянности в Адаме Первоначальном мужского и женского начал. Создав Еву, Бог отделил женское начало от мужского, чтобы человек увидел себя в зеркале Другого, открыл себя как личность в общении с таким же, как он, но другим. Разделение на женщин и мужчин принесло в мир любовь, через которую преодолевается ограниченность и изолированность одинокого человеческого существования и обретается — и в духовном, и в телесном плане полнота Адама Первоначального. В этом назначение брака и семьи, ведь прежде всего в детях муж и жена становятся «одной плотью» (Быт 2:24).

Благодаря любви к Люцинде Юлиус открывает для себя смысл брака:

Es ist Ehe, ewige Einheit und Verbindung unsrer Geister, nicht bloß für das was wir diese oder jene Welt nennen, sondern für die eine wahre, unteilbare, namenlose, unendliche Welt, für unser ganzes ewiges Sein und Leben [43, S. 11].

Это – брак, вечное единение и связь наших душ, не только на то, что мы называем этим или иным миром, но на истинное, нераздельное, невыразимое, бесконечное существование, на все вечное бытье и жизнь (перевод В. Жирмунского) [27, с. 88].

Приведя эти слова, В.М. Жирмунский замечает: «...роман прославляет брак, а не направлен против него, как думали. <...> мы входим в область мистических взглядов на любовь, и все любовные переживания и все чувственные порывы этого романа... становятся святыми» [27, с. 88–89]. Действительно, описание любовных объятий и ласк наполнено в романе не только эротикой, но и религиозным чувством, а точнее – тем единством любви и святости, которым отличается библейская Песнь Песней. Чувственное наслаждение предстает как «духовное сладострастие» (die geistige Wollust), а духовное – как «чувственное блаженство» (die sinnliche Seligkeit):

Aber gern und tief verlor ich mich in alle die Vermischungen und Verschlingungen von Freude und Schmerz, aus denen die Würze des Lebens und die Blüte der Empfindung hervorgeht, die geistige Wollust wie die sinnliche Seligkeit. Ein feines Feuer strömte durch meine Adern; was ich träumte, war nicht etwa bloß ein Kuß, die Umschließung deiner Arme, es war nicht bloß der Wunsch, den quälenden Stachel der Sehnsucht zu brechen und die süße Glut in Hingebung zu kühlen; nicht nach deinen Lippen allein sehnte ich mich, oder nach deinen Augen, oder nach deinem Leibe: sondern es war eine romantische Verwirrung von

allen diesen Dingen, ein wundersames Gemisch von den verschiedensten Erinnerungen und Sehnsuchten. <... > wir umarmten uns mit eben so viel Ausgelassenheit als Religion [43, S. 6–7].

Но с радостью и глубиной я погрузился во все смешения и переплетения радости и боли, из которых исходит пряность жизни и расцвет ощущений, духовная страсть как чувственное блаженство. Прекрасный огонь струился по моим венам; то, о чем я мечтал, было не просто поцелуем, объятием твоих рук, это было не просто желание вырвать мучительное жало тоски и охладить сладостный жар в преданности; не только твоих губ, не только твоих глаз, не только твоего тела жаждал, но это было романтическое смешение всех этих вещей, удивительная смесь самых разных воспоминаний и стремлений. <...> мы обнимали друг друга с такой же необузданностью [буйным весельем], как и в религии.

Последняя фраза звучит парадоксально, но только на первый взгляд. Ф. Шлегель утверждает здесь свою заветную мысль: только в любви совершается истинное служение Богу и истинное Его постижение, только через любовь человек ощущает связь с Бесконечным и Вездесущим — то, что и называют религией (здесь можно усмотреть аллюзию и на цитировавшийся фрагмент из «Авроры» Я. Бёме о слиянии в объятиях и поцелуях ангелов). Для него подлинная религия — религия любви: So schlingt die Religion der Liebe unsre Liebe immer inniger und stärker zusammen [43, S. 12] «Так переплетает религия любви нашу любовь все глубже и сильнее». И хотя в романе нет прямых отсылок к Песни Песней, ассоциации с ней возникают неизбежно — благодаря тому синтезу целомудрия и эротики, конкретности изображения и символики, благодаря текучей пластичности описаний, которые свойственны стилю библейской поэмы и стилю «Люцинды»:

Er konnte nicht widerstehn, er drückte einen schüchternen Kuß auf die frischen Lippen und die feurigen Augen. Mit ewigem Entzücken fühlte er das göttliche Haupt der hohen Gestalt auf seine Schulter sinken, die schwarzen Locken flossen über den Schnee des vollen Busens und des schönen Rückens... [43, S. 53].

Он не удержался, он застенчиво поцеловал свежие губы и огненные глаза. С вечным восторгом он почувствовал, как божественная голова высокой фигуры опускается на его плечо, как черные кудри стекают по снегу полной груди и красивой спине...

Кроме того, в романе любовь не раз уподобляется пламени, которое невозможно погасить, которое имеет Божественную природу (ср. *Песн 8:6*: ... Жаром жжет – Божье пламя она – / И не могут многие воды любовь погасить... (перевод И. Дьяконова) [44, с. 81]), так что герой хочет быть жрецом этого Божественного огня:

...das Feuer der Liebe ist durchaus unverlöschlich, und noch unter der tiefsten Asche glühen Funken. Diese heilige Funken zu wecken, von der Asche der Vorurteile zu reinigen, und wo die Flamme schon lauter brennt, sie mit bescheidenem Opfer zu nähren; das wäre das höchste Ziel meines männlichen Ehrgeizes. <...> Es ist die älteste kindlichste einfachste Religion, zu der ich zurückgekehrt bin. Ich verehre als vorzüglichstes Sinnbild der Gottheit das Feuer; und wo gibts ein schöneres, als das was die Natur tief in die weiche Brust der Frauen verschloß? – Weihe du mich zum Priester... [43, S. 23].

...огонь любви неугасим, и даже под глубоким слоем пепла пылают искры. Разбудить эти священные искры, очистить их от пепла предрассудков и там, где пламя горит ярче, питать их скромной жертвой; это было бы высшей целью моего мужского честолюбия. <...> Это самая старая детская простая религия, к которой я вернулся. Я почитаю огонь как главный символ Божества; и где может быть что-нибудь прекраснее, чем то, что природа заключила глубоко в мягкой женской груди? Посвяти меня в жрецы...

В некоторых фрагментах романа Ф. Шлегель соотносит то невыразимое, неподвластное слову, что связано с любовью, с магией того слова, которое звучит в Писании. Например:

Glaube mir, es ist mir bloß um die Objektivität meiner Liebe zu tun. Diese Objektivität und jede Anlage zu ihr bestätigt und bildet ja eben die Magie der Schrift, und weil es mir versagt ist, meine Flamme in Gesänge auszuhauchen, muß ich den stillen Zügen das schöne Geheimnis vertrauen [43, S. 23–24].

Верь мне, все дело в объективности моей любви. Эту объективность и всякую склонность к ней подтверждает магия Писания, и так как я не могу вдохнуть мое пламя в песни, я должен безмолвно поверять прекрасную тайну.

Среди множества смыслов, скрытых в Песни Песней, для Ф. Шлегеля немаловажной оказывается ее мариологическая интерпретация, связанная с тайной Непорочного зачатия и Боговоплощения. Для Юлиуса его Люцинда постоянно ассоциируется с Мадонной: ... du seist ewig rein wie die heilige Jungfrau von unbeflecktem Empfängnis, und nichts fehle dir zur Madonna wie das Kind [43, S. 64] «...вечно чиста, как Святая Дева в Непорочном зачатии, и только младенца недостает тебе, чтобы быть Мадонной». Когда же герой узнает, что Люцинда должна стать матерью, его радости и восторгу нет предела, и он вновь уподобляет возлюбленную Мадонне. Юлиус мечтает, чтобы в том святилище, каким для него является брак, Люцинда стала и матерью, и «Вечной Невестой» (die mir ewig Braut sein wird [58, S. 62]), и эта фраза также «включает» топику Песни Песней в ее мистической интерпретации. Следует напомнить, что в каббалистической «Книге Сияния», как и в «Авроре» Я. Бёме, Утренняя Заря является символом Божьего Присутствия в мире (Шехины). Вечной Женственности, которая в христианской мистике соединяется с образом Богоматери. Обожествляя свою возлюбленную, Юлиус ощущает в себе свою «прелестную Мадонну» и ее «мягкую [милосердную] Божественность» (...holdselige Madonna! und Dich und Deine milde Göttlichkeit in mir [43, S. 71]). Он верит: In goldner Jugend und Unschuld wandelt die Zeit und der Mensch im göttlichen Frieden der Natur, und ewig kehrt Aurora schöner wieder [43, S. 60] "B золотой юности и невинности шествует время и человек в божественном мире природы, и вечно возвращается еще более прекрасная Аврора" (здесь нельзя не усмотреть открытой отсылки к «Авроре» Я. Бёме).

«Люцинду» Ф. Шлегеля можно рассматривать как роман воспитания, где главным элементом, формирующим душу, устраняющим обособление человека от мира, от полноты жизни, является любовь. И вопреки мнению публики (в том числе и друзей по Йенскому кружку), холодно встретившей «Люцинду», Ф. Шлейермахер в работе «Доверительные письма по поводу "Люцинды"» («Vertraute Briefe über Lucinde», 1799) защищал ее серьезный духовно-этический смысл: «Через любовь это произведение становится не только поэтичным, но также религиозным и нравственным. Религиозным — поскольку любовь всегда стоит здесь на той точке зрения, откуда через всю жизнь она смотрит в бесконечное. Нравственным — поскольку от любимого существа она распространяется на весь мир и для всех, как и для себя, требует свободы от всех неподобающих ограничений и предрассудков» (перевод В.М. Жирмунского; цит. по: [27, с. 90]). Выразить эти смыслы Ф. Шлегелю помогла, помимо прочего, архетекстуальная связь с Песнью Песней и ее мистическими интерпретациями.

С течением времени Ф. Шлегель все больше эволюционировал в сторону отказа от поэзии в пользу официальной (католической) религии, в сторону чистого религиозного мистицизма и интуитивного постижения Бога уже не в природе, а в Самом Боге, в глубинах собственного Я. В 1808 г. он принимает католичество, и главным содержанием его жизни становится религия, религиозная проповедь, поиски бесконечного в Боге. «Религия для Фр. Шлегеля — не отдельное направление человеческой души, как для Шлейермахера; она — главный и единственный предмет его интереса, она — "всеоживляющая Мировая Душа для человеческого развития, четвертый, невидимый элемент в философии, этике и поэзии" ("Ideen", 4). <...> ...религиозная вера становится единственным содержанием духовных интересов Фр. Шлегеля. И на всю жизнь он смотрит теперь как на религиозное дело. Не рассуждая, только веря, он будет работать на ниве Господней. Пройдя через самые индивидуалистические пути религиозных исканий, его душа, жаждущая безграничного, приходит к бесконечному отречению от воли своей перед Богом» [27, с. 182].

С ранних лет «томление по Бесконечному» (Sehnsucht nach dem Unendlichen) было свойственно Ф. Шлегелю и его друзьям по Йенскому кружку. Они открывают это томление как кардинальное свойство человеческой натуры. Задолго до того, как Ф. Шлегель связал свою жизнь с Католической Церковью, до появления «Речей о религии» Ф. Шлейермахера он мечтал о новой религии. В письме Новалису от 20 октября 1798 г. Ф. Шлегель сообща-

ет о своем решении создать новую Библию и разъясняет это в письме от 2 декабря того же года: «Есть предметы, недостижимые для философии и поэзии. Таким предметом является Бог, о котором у меня сложилось совершенно новое представление. Важнейшая заслуга Канта и Фихте в том, что они доводят философию как бы до порога религии и здесь останавливаются. <...> Я хочу основать новую религию, или, вернее, помочь ее появлению: ибо и без меня она придет и победит» (цит. по: [27, с. 155]). Эта идея, как известно, увлекала и Новалиса, который создавал все свои произведения как некую «новую Библию».

И Ф. Шлегель, и Ф. Шлейермахер, и Новалис, как некогда Г.Э. Лессинг в «Воспитании рода человеческого», видя в христианстве религию, наиболее близкую им и наиболее приблизившуюся к идеальной, мечтают, тем не менее, о некоей всеобъемлющей религии будущего, включающей в себя истинные религиозные порывы и искания всего человечества. Но, как справедливо отмечает В.М. Жирмунский, «католическое христианство не разрешило, а только покрыло собой бесконечные надежды и желания мистического верования романтиков. Просветление и принятие всей земной жизни – этот мистический реализм, – вера в божественность всякой плоти и способность ее быть хлебом и вином вечной жизни, мистическое значение половой любви и воли индивидуальной не находят себе места в исторически сложившемся христианстве. Может быть, тайный смысл христианства, еще не раскрытый в истории, примирит тело с душой, воплотит душу и одухотворит тело; может быть, он откроет святость всякой отдельной, даже богоборческой воли где-нибудь в таинственном, нам неизвестном слиянии и освятит любовь как самую светлую жертву земного» [27 с. 182–183]. Этот «тайный смысл христианства», мистическое значение любви, мистическое чувство природы получают особое развитие в творчестве талантливейших йенских романтиков – Л. Тика и Новалиса.

Мистика любви и мистика природы, архетекстуально связанные с Песнью Песней и метатекстами, написанными «на ее полях», ярко представлены в произведениях Людвига Тика (Ludwig Tieck, 1773–1853). В «Романтической школе» Г. Гейне писал о нем: «После Шлегелей одним из деятельнейших писателей романтической школы был господин Людвиг Тик. С ее именем на устах он боролся и писал стихи. Он был поэтом — имя, которого не заслуживал ни один из обоих Шлегелей. <...> Эта богатая душа была, собственно, той сокровищницей, из которой Шлегели оплачивали военные издержки своих литературных походов» (здесь и далее перевод А. Горнфельда) [45, с. 376, 380]. Братья Шлегели действительно были довольны тем, что обрели в Л. Тике подлинного поэта, своим творчеством подкреплявшего их идеи, — по выражению Ф. Шлегеля, «поэтизирующего поэта» (einen dichtenden Dichter). Гейне говорит: «...Тик... остается большим поэтом. Ибо он способен создавать образы и из его сердца льются слова, трогающие наши собственные сердца» [45, с. 383].

Большое влияние на Тика оказала мистическая философия Я. Бёме (неслучайно Новалис посвящает другу стихотворение «К Тику», являющееся особой интерпретацией личности, судьбы и учения «сапожника из Гёрлица»). Прежде всего на Тика воздействует то одухотворение природы, которое свойственно натурфилософии Бёме, восприятие ее как истинного храма Божьего. Через природу человеку открывается Бог, все мироздание пронизано Его дыханием. Все истинное знание уподобляется философом-мистиком «драгоценному дереву, растущему в прекрасном саду» [42, с. 3]. Таким прекрасным садом, образ которого восходит к библейскому Эдему и таинственному Саду любви и Богопознания из Песни Песней, представляется Бёме и все мироздание:

Теперь заметь, что ознаменовал я этим подобием: сад этого дерева знаменует мир; почва — природу; ствол дерева — звезды; ветви — стихии; плоды, растущие на этом дереве, знаменуют людей; сок в дереве знаменует ясное Божество. Теперь, люди созданы из природы, звезд и стихий: Бог же, Творец, господствует во всех, подобно как сок в целом дереве [42, с. 4].

В.М. Жирмунский пишет: «Мифологическая фантазия Бёме вносит в само Божество всю полноту земного существования; в Нем все поля, и леса, и цветы, в Нем все звуки и формы земли, в Нем радость и ликование весны, "любовь и ласковые взгляды, благоухание и приятный вкус, нежные поцелуи, еда, и питье, и любовные радости". "О, милая неве-

ста, как ты радуешься своему жениху: в тебе любовь, счастье и наслажденье, в тебе свет, и чистота, и благоуханье, и приятный и нежный вкус". "О, любовь и красота, нет тебе конца, не видно конца в тебе!" Религиозные представления христианства перемешиваются здесь с мистической теософией, продолжающей какую-то отдаленную традицию неоплатонизма и средневековой мистики» [27, с. 47]. Это совершенно верное и глубокое замечание, нуждающееся только в одном дополнении: мистика любви, присущая христианской традиции и основанная на мистической интерпретации Песни Песней (цитируемые В.М. Жирмунским пассажи из «Авроры» Я. Бёме несут в себе отзвуки топики и стилистики этой библейской книги), соединяется здесь с теософией Каббалы, видящей в Боге и созданном Им мире единение женского и мужского начал, и подобные пассажи есть в «Книге Сияния», для которой Песнь Песней является «культовым» текстом. Сходна и сексуальная метафорика, объясняющая возникновение мира в главном трактате Каббалы и у Я. Бёме: «Характерно также, что для объяснения происхождения мира Бёме употребляет символ половой любви и зачатия и что божественное бытие переживается им как бесконечная, ни с чем не сравнимая радость и полнота существования; в этом он опять особенно близок к романтическому пониманию» [27. с. 47-48].

Необычайная любовь к природе, способность остро и глубоко переживать ее красоту и ощущать в ней присутствие Божества была в характере самого Тика. Совершив путешествие по Гарцу, он пережил самое настоящее откровение, о котором не мог забыть до старости. Солнечный восход, увиденный им в горах Гарца, Тик причислил к «высшим мгновениям своего существования». Мистическое чувство природы Тик передал своим героям, в частности – главному герою его знаменитого романа «Странствия Франца Штернбальда. Повесть из немецкой старины» («Franz Sternbalds Wanderungen, eine altdeutsche Geschichte», 1798). В этом романе, написанном под воздействием идей Вакенродера и с его участием, речь идет об искусстве и художнике, об идеале художника, каким выступает Дюрер. Я считаю искусство залогом нашего бессмертия, тайным знаком, посредством которого Вечный Дух чудесным образом являет себя, – говорит Штернбальд (здесь и далее перевод С. Белокриницкой) [46, с. 94]. Но таким же, и еще большим, «тайным знаком» является для героя и его автора прекрасная природа, сотворенная великим Художником – Богом, чудесный одухотворенной лес, по которому странствует герой: Что за миры открываются в нашей душе, когда на смелом своем языке взывает к нам прекрасная природа, когда каждый звук ее касается нашего сердиа и приводит в движение все наши чувства [46. с. 15]. Беда людей заключается в том, что, занятые раздорами, войнами, погоней за богатством и успехом, они в суете этой жизни забывают язык природы, а вместе с тем забывают Бога.

Для Тика природа – иероглиф, обозначающий Бога, и живая воплощенная вера. Определяя его поэтику как «поэтику мистического чувства» [27, с. 26], В.М. Жирмунский отмечает, что «любовь к природе превращалась в жизненных переживаниях Тика в экстаз, в мистическое чувство присутствия в мире Божества» [27, с. 37]. В сонете «Поэт» («Der Dichter», 1804), рисуя картину чудесного весеннего леса, Тик говорит: Der Dichter fühlt von Gottheit sich berauschet [47, S. 76] «Поэт чувствует себя опьяненным Божеством». Картины леса у Тика, особенно в романе «Странствия Франца Штернбальда» повлияли на немецкую литературу и живопись: возник даже термин «штернбальдизировать». Эти картины проникнуты томлением по недостижимому, стремлением выразить Бесконечное в конечном – с полным ощущением, как слаб и недостаточен для этого человеческий язык. Слово «невыразимый» (unsäglich, unaussprechlich) – одно из самых излюбленных у Тика и других романтиков. Понимая, что, в сущности, только молчание полнее всего выражает тайну (как впоследствии у символистов, особенно у М. Метерлинка), романтики ищут слова и выражения, которые самим своим звучанием, растворенной в них музыкой могут передать их чувства, их томление. Роман Тика поэтизирует «томление» и проникнутые «томлением» романтические скитания. С поэзией «томления» связаны и стихотворения, включенные в роман и отмеченные особой музыкальностью, игрой созвучий, ритмов и рифм. В них звучание, создающее особое настроение, музыка стиха важнее смысла и, в сущности, предварен призыв П. Верлена «Музыки прежде всего!» и суггестивный принцип поэзии. Именно любовь соединяет все в природе, и через эту любовь являет себя Божество. Неслучайно в одном из стихотворных посвящений Новалису («An Novalis») он говорит: Es steigen alle Kräfte aus dem Kerne, / Und wurzeln in ihr stilles Herz zurücke, / So giebt Natur uns tausend Liebesblicke, / Damit der Mensch der Gottheit Liebe lerne [47, Tl. 2, S. 94] «Вздымаются все силы из зерна [семени] / И возвращаются назад, укорененные в ее тихом сердце. / Так дарит нам природа тысячу любовных взоров, / Чтобы человек научился Божественной любви».

Творчество Тика множественными нитями связано с Библией. Так, герои «Странствий Франца Штернбальда» обсуждают различные библейские сюжеты, библейских героев, которых запечатлели или собираются запечатлеть в своих произведениях художники. В уста Себастьяна (в его письме брату Францу) писатель вкладывает следующий пассаж:

Следуя твоим наставлениям, я часто читаю Священное Писание, и чем больше я его читаю, тем большей любовью к нему проникаюсь. Несказанную усладу доставила мне Книга Екклесиаста, или Проповедника, который так просто и возвышенно выражает все мои задушевные мысли; который разгадал всю тщету суетных трудов земных; который испытал все и во всем разглядел бренность и ничтожество, и познал, что сердце наше ни в чем не находит удовлетворения, и что вся погоня за славой, за величием и мудростью есть не что иное, как суета сует; который говорит: «Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими; потому что это — доля его» [46, с. 66].

Начав с этой цитаты (*Еккл 3:22*), Тик приводит обширный текст из Екклесиаста (*Еккл 1:3–9; 2:24; 9:2–10*), в котором особенно акцентируется призрачность надежд человеческих на счастье, общая участь праведного и нечестивого, но одновременно звучит призыв радоваться жизни, наслаждаться любовью и трудиться, исполняя свой долг. Фердинанд завершает это цитирование следующим резюме: *Дражайший Франц, сколь много дал мне этот урок, вот это – мудрость, выше которой никогда не шагнет человек* [46, с. 67]. Вероятно, и сам Тик неоднократно перечитывал Книгу Екклесиаста. Ее мотивы звучат в некоторых его стихотворениях, как, например, «Красота и преходящесть [быстротечность]» («Schönheit und Vergänglichkeit»):

Warum Klagen, daß die Blume sinkt / Und in Asche bald zerfällt: / Daß mir heut ein lüstern Auge winkt / Und das Alter diesen Glanz entstellt. // <...> Ach! Vergänglichkeit knüpft schon die Ketten, / Denen kein Entrinnen möglich bleibt, / Lieb' und Treue können hier nicht retten, / Wenn die harte Zeit Gesetze schreibt [47, S. 179–180].

Почему плачем, что вянет цветок / И скоро распадется в прах. / Что меня сегодня манит сладострастное око, / А возраст этот блеск отнимет. // <...> Ax! Быстротечность уже сплетает цепи, / Из которых невозможно ускользнуть, / Любовь и верность не могут здесь спасти, / Когда жестокое время пишет законы.

Но именно потому, что время так скоротечно, нужно радоваться жизни и любить, говорит поэт вслед за Екклесиастом: Darum geizen wir nach Küssen, / Beugen Schönen unser Knie, / Winke, Lippen, Lächeln grüßen / Allzuoft zur Freude nie [47, S. 180] «Вот почему мы жаждем поцелуев, / Склоняем колени перед красавицами, / Намеки, губы, улыбки приветствуем — / [Они] никогда не слишком часты для радости».

Тик однозначно выбирает радость жизни, которая переполняет все его пейзажи и в прозе, и в стихах. И эти пейзажи – преимущественно весенние, исполненные бурления всех природных сил, буйного цветения, восторга, в котором сливаются человек и природа, любви, пробуждающейся в сердце человека. Запомните: где любовь, там весна (перевод В. Микушевича) [46, с. 74], — говорит Тик в романе «Странствия Франца Штернбальда» (точнее — ...ist die Liebe nur da, / So bleibt euch der Frühling ewiglich nah! [48, S. 791] '...если только здесь любовь, / Тогда с вами вечно остается весна'). Эти весенние пейзажи неуловимо напоминают тот весенний фон — с расцветающими цветами, воркующими горлинками, благоухающими соцветиями винограда, наливающимися смоквами, с зеленым шатром леса, — на котором разворачивается история любви Песни Песней: Ибо вот, зима миновала, / Ливни кончились, удалились, / Расцветает земля цветами, / Время пения наступило, / Голос горлицы в земле нашей слышен, / наливает смоковница смоквы, / Виноградная лоза

благоухает... (Песн 2:11–13) [44, с. 70–71] и т. п. И практически непременно в тексты Тика включается тема поцелуев, столь важная для библейской книги (Пусть уста его меня поцелуют! (Песн 1:2) [44, с. 67] — этим страстным возгласом героини открывается текст. Один из многочисленных примеров такого весеннего пейзажа у Тика — стихотворение «Сладостное наказание» («Süße Ahndung»), включенное в пьесу «Принц Цербино» («Prinz Zerbino»):

Frühling wandelt durch die Matten, / Blumen unter seinem Fuß, / Dämmernd grün des Waldes Schatten, / Nachtigall gibt ihren Gruß. // Rückgezogen alle Gäste, / Lerchen in dem Himmelblau, / Wald begeht die frohen Feste, / Vöglein singen, rauschen Weste, / Duften Blumen auf der Au. / Ach, wie süß und holdes Sehnen / Nimmst gefangen meine Brust, / Leiden sind ihr unbewußt, / Wohlbewußt die Freudentränen. // Aus der Ferne kommt ein Grüßen, / Gastlich kehrt es bei mir ein, / Wohlbekannt mir ist der Schein, / Liebe läßt ihn niederfließen: / Rote Lippen, euer Küssen / Soll nun meine Andacht sein [47, Tl. 2, S. 208–210].

Весна странствует по горным лугам, / Цветы под ее стопой, / Сумеречно-зелена леса тень, / Соловей посылает свой привет. // Вернулись назад все гости, / Жаворонки в небесной голубизне, / Лес справляет веселые праздники, / Птички поют, шелестят ветры, / Благоухают цветы на лугу [в долине]. / Ах, какое сладкое и нежное томление / Пленяет мою грудь, / Страдания ей неизвестны, / Хорошо знакомы слезы радости. // Издалека приходит привет, / Гостепримно входит он в меня, / Хорошо знакомо мне сияние, / Любовь заставляет его разливаться: / Алые губы, ваши поцелуи / Да будут теперь мне молитвой (богослужением).

Всю природу у Тика буквально пропитывает любовь, охватывающая и человека, и в этих картинах явственно различимы эротические ноты. В.М. Жирмунский справедливо указывает: «...мистическое чувство того бесконечного, что проявляется во всем конечном, не приводит Тика к аскетическому отрицанию жизни. Наоборот, радость, переполняющая мир, чисто физическая, половая. Весной, когда во всей природе бродят рождающие соки, когда переполненная жизнь пляшет и радуется, как будто желая перейти через себя, сделаться значительнее, сильнее, слиться, превратиться в создавшего ее Бога, тогда она всего ближе человеческой душе и более всего обнаруживает свою тайну» [27, с. 42–43]. Подобных примеров в поэзии Тика великое множество. Любовное томление, сладостное желание, наслаждение разлиты в природе, и источник этого — Бог. В сонете «Музыка говорит» («Die Musik spricht», 1812), апеллирующем к библейскому контексту и открывающемся цитатой из Евангелия от Иоанна, поэт говорит:

Im Anfang war das Wort. Die ewgen Tiefen / Entzündeten sich brünstig im Verlangen, / Die Liebe nahm das Wort in Lust gefangen, / Aufschlugen hell die Augen, welche schliefen, // Sehnsüchtge Angst, das Freudezittern, riefen / Die seelgen Thränen auf die heilgen Wangen, / Daß alle Kräfte wollustreich erklangen, / Begierig, in sich selbst sich zu vertiefen. // Da brachen sich die Leiden an den Freuden, / Die Wonne suchte sich im stillen Innern, / Das Wort empfand die Engel, welche schufen; // Sie gingen aus, entzückend war ihr Scheiden. / Auf, Gottes Bildniß, deß dich zu erinnern / Vernimm, wie meine heilgen Töne rufen [47, Tl. 2, S. 3].

В начале было Слово. Вечные глубины / Воспламенились страстно желанием, / Любовь взяла Слово в плен наслаждения, / Открылись светло глаза, которые спали, // Томительный страх, трепет радости вызвали / Блаженные слезы на святых щеках, / Оттого что все силы сладострастно зазвучали, / Страстно желая в себя углубиться. // Тогда разбились страдания о радость, / Желание нашло себя в тихой внутренней глубине [сердцевине], / Слово ощутило ангелов, которые были созданы; // Они вышли наружу, восхитительным было их отделение. / Воспрянь, Божий образ, чтобы тебя вспомнить, / Внемли призыву моих святых звуков.

Нарисованная в этом сложном для перевода тексте картина достойна пера самого Я. Бёме, также описывающего, как из «огненных томлений» Божественной Любви рождаются ангелы. Согласно и Бёме, и Тику, Слово, которым творился мир, было Любовью (Божественным Логосом, воплотившимся в Иисусе Христе). И эта же Любовь — источник человеческой души, которая несет в себе образ Божий, которая способна воспринимать «святые звуки» и претворять их в поэзию.

Во многих стихотворениях Тика, например, в «Меланхолии» («Melankolie», 1795) утверждается, что «любовь наполняет своим звучанием все творение» (*Die Liebe, die der Schöpfung All durchklingt...* [47, Tl. 2, S. 228]. Божественный поток Любви, говорит поэт, устремляется с небес на землю и пробуждает человеческую душу, которая открывает для себя смысл жизни и растворяется в любви («Нежная отвага» – «Sanftmuth», 1802):

Durch die weiten Sternenräume / Dringt der liebevolle Sinn, / Und wie Engel steigen Träume / Auf der Leiter her und hin. // <...> Nun ist ihm die Welt entschwunden, / Ewig blickt das Auge süß, / Dessen Locken er empfunden, / Und sein Herz ist ihm gewiß. // Dieser fragt nach keinen Künsten, / Die ihm Welt und Zeit verheißt, / Er verschmacht't in Liebesbrünsten, / Und in Gott entfleußt der Geist [47, Tl. 3, S. 87–91].

Сквозь широкие звездные пространства / Пробивается исполненный любви смысл, / И, словно ангелы, восходят сны [мечты] / И нисходят по лестнице. // <...> Теперь мир для него исчез, / Вечно блистает сладостно взор, / Чей манящий зов он ощущает, / И его сердце ему верно. // Он не вопрошает никакие искусства, / Которые ему обещали мир и время, / Он изнемогает в любовной страсти, / И в Бога вливается дух.

Итак, через любовь человек постигает истинную сущность жизни и приобщается к Богу. По любви томятся и ищут ее странствующие герои Тика. Она осознается как главный плод жизненных исканий.

Практически всегда, когда Тик говорит о любви в конкретно-чувственном смысле, он не упускает из виду смысл мистический, опираясь, если не прямо, то косвенно, на любовную метафорику Песни Песней (особенно в изобилии представлены розы, лилии, гранаты) и на ее мистическую интерпретацию, преломленную через призму философии Я. Бёме. В посвящении Фридриху Шлегелю («An Friedrich Schlegel», по первой строке – Im Centro liegt das ew'ge Feu'r verhüllet... «В центре скрыт вечный огонь...») из цикла «Листки воспоминания» (Blätter der Erinnerung) Тик рисует космическую картину, достойную и автора «Книги Сияния», и «Авроры» Я. Бёме: вечный огонь, скрытый в центре мироздания, рвется навстречу Великому Отцу, который подчиняет его сладостной пульсации любви, чтобы сердце земли билось сладострастно, чтобы сквозь нее пробивались к голубому эфиру деревья и цветы. Однако мир без конца устремляется к первозданному хаосу, и его может сдержать только «священный плод» (die heil'ge Furcht – Богочеловек, Иисус Христос), но Невеста (человечество) уклоняется от свадебного пира (включается символика брачного пира, свойственная Песни Песней и Евангелиям и имеющая эсхатологический смысл): In's alte Chaos will die Welt zerrinnen, / Die heil'ge Furcht kann sie zurück nur halten, / Die Braut entzieht sich noch der Hochzeitsfeyer [47, Tl. 2, S. 93]. Но, как спасение, во всех явлениях природы и даже в «чистом гневе [Божьем]» просвечивает «огонь любви»: Im reinen Zorn glänzt oft das Liebesfeuer [47, Tl. 2, S. 93].

В некоторых своих стихотворениях Тик опирается в качестве архетекста на Книгу Псалмов. Такова его «Молитва» (Andacht), в которой звучат мотивы Псалма 19/18-го («Небеса восхваляют Вечного славу» – «Die Himmel rühmen des Ewigen Ehre»):

Wann das Abendroth die Haine / Mit den Abschiedsflammen küßt, – / Wann im prächt'gen Morgenscheine / Lerchenklang die Sonne grüßt – // O dann werf ich Jubellieder / In's Lobpreisen der Natur, / Echo spricht die Töne wieder, / Alles preißt den Ew'gen nur. // Mit den Quellen geht mein Grüßen, / Und das taube Herz in mir / Hat dem Gott erwachen müssen, / Der uns schirmet für und für. // Meereswogen laut erklingen, / In den Wäldern wohnt manch Schall: / Und wir sollten nicht besingen, / Da die Freude überall? [47, Tl. 1, S. 91–92].

Когда вечерняя заря рощи / Прощальным пламенем целует, — / Когда в великолепном утреннем сиянии / Звон жаворонков приветствует солнце — // О, тогда я испускаю ликующие песни / В хвалу природы, / Эхо повторяет звуки, / Все славит только Вечного. // Ключами бьет мой привет, / И застывшее сердце во мне / Пробуждается навстречу Богу, / Который нас защищает вновь и вновь. // Морские волны громко звучат, / В лесах множится звучание: / И разве мы не должны петь, / Когда радость повсюду?

В качестве архетекста для Тика здесь выступает немецкая духовная песня, прежде всего знаменитое песнопение К.Ф. Геллерта «Похвала Богу от природы» («Die Ehre Gottes aus der Natur»), также написанное по мотивам Псалма 19-го. В стихотворении Тика, особенно в его финале, очевидны также переклички с Б.Х. Броккесом, особенно с его ораторией «Услаждение слуха» («Vergnügung des Gehörs»), в которой звучит мысль о том, что человек не может молчать, просто обязан петь в ликующем хоре природы, славящей Бога.

Безусловно, Тик обращается и к генеральным евангельским смыслам, еще более усиливая их мистический подтекст и понимая Воскресение Христа как новое рождение Любви, преодолевающей смерть, как главный закон существования мироздания, как парадигму для каждой души, воспаряющей к Богу. В цикл «Элементы жизни» («Lebens Elemente») поэт включает стихотворение «Шаббат [Суббота]» («Sabbath»), в центре которого — преображение вселенской жизни через голгофскую жертву Христа и Воскресение. На первый взгляд, парадоксально, что текст назван не «Воскресение» (ведь этот день в христианской традиции и получил свое название в связи с Воскресением Иисуса), а «Суббота». Однако это соответствует библейским смыслам, в том числе и евангельским: Бог особо благословил Субботу, Седьмой день творения, как день святости и гармонии, и этот день имеет мессианский смысл. Царство Божье на земле связывается пророками и апокалиптиками с наступлением Субботнего тысячелетия — Мессианской эры, ликование которой и передает Тик в своем стихотворении:

Der Himmel lacht in seiner heitern Bläue, / Die Erde grünt in allen ihren Lichten, / Der Adler schwärmt in der azurnen Freye, / Und will den Fittig nach der Sonne richten; / Der Mensch empfängt von oben seine Weihe, / Vom Kreuze nieder will die Seele flüchten, / Der heil'ge Leichnam steigt aus den Gewanden, / Die Lieb' ist nun vom Grabe auferstanden. / Das neue Herz besucht die lichten Höhen, / Und findet dorten seine Jünger wieder; / Propheten lassen sich von oben sehen, / Mit Trösten lächelnd schauen sie hernieder. / Da sieht man das Panier des Friedens wehen, / Es singen Cherubim die heil'gen Lieder, / Das Kreuz, die Dornenkrone sind verschwunden, / Das Morgenroth entströmt den süssen Wunden [47, Tl. 1, S. 134–135].

Небо смеется в своей жаркой голубизне, / Земля зеленеет во всем своем блеске [во всех своих светах], / Орел парит в лазурном просторе / И направляет свои крыла к солнцу; / Человек получает свыше посвящение [освящение], / С креста сбегает вниз душа, / Святой покойник восстает из пелен, / Любовь восстает из гроба. / Новое сердце посещает сияющие высоты / И обретает там вновь своих апостолов; / Пророки смотрят с высоты, / С утешением, улыбаясь, смотрят они вниз. / Веют знамена мира, / Поют херувимы святые песни, / Крест, терновый венец исчезли, / Утренняя заря вытекает из сладостных ран.

Выражение «сладостные раны» вызывает дух и топику немецкой мистической поэзии XVII в. – Ангелуса Силезиуса и его учителя Фридриха Шпее, который писал о «сладостности страданий» и «страданиях в сладости». Несомненна и аллюзия на «Аврору» Я. Бёме: Утренняя заря (Das Morgenroth), окрашенная кровью Спасителя, выступает как символ и Мессианской эры, и Мировой Души.

Таким образом, в художественной системе Л. Тика значительную роль играет библейская архетекстуальность, и прежде всего связанная с Песнью Песней — как ее прямым любовно-эротическим смыслом, так и ее мистическими интерпретациями. Яркие конкретно-чувственные картины природы, отзывающейся чувствам человека и усиливающей их, предстающие в Песни Песней, как и сама любовь, понимаемая как «Божье пламя» и Божье чудо, как самый удивительный феномен бытия, находят многомерный отклик в прозе и поэзии Тика. Это проявляется на уровне сходных мотивов (общность весенних пейзажей, прекрасный лес как чертог любви, любовное томление, поиски и обретение друг друга влюбленными) и метафорики (яркие плоды как плоды любви, любовь как прекрасный плод). Мистика природы и мистика любовного чувства подпитаны панентеистической философией Я. Бёме, прежде всего его «Авророй, или Утренней зарей в восхождении». Образ Утренней зари как символа Любви, Мировой Души, Божьей имманентности миру, Мессианской эры часто встречается в лирике Тика, равно как ему чрезвычайно близко мистическое одушевление всей природы, ощущение присутствия в ней Божества. В поэзии Л. Тика присут-

ствуют также следы библейской архетекстуальности, связанные с Книгой Псалмов, а в качестве претекстов выступают немецкие духовные (церковные) песни. Духовные смыслы и поэтика тех же библейских книг — Песни Песней и Псалмов — оказываются очень значимыми и для Новалиса, что нуждается в отдельном исследовании.

Итак, можно утверждать, что мистическая философия и поэтика йенских романтиков ориентирована прежде всего на Библию – и как Откровение Божье, и как образец поэзии, выражающей «томление по Бесконечному», устремление к трансцендентному в сочетании с конкретно-чувственным отражением мира. В отличие от Гёте, видевшего в Библии историческую реальность и одновременно модель мироздания («второй мир»), романтики акцентируют именно второе. Библия является для них также идеальной моделью Книги вообще, идеальной Книги, и все свои произведения они создают как своего рода «новую Библию». Для А.В. Шлегеля, а вслед за ним и для всех йенских романтиков библейская поэзия становится одним из образцов романтической поэзии, выражающей через чувственное сверхчувственное, исполненной динамики, отличающейся текучестью образов, – в противоположность «пластической» эллинской поэзии. Библия является также опорой мистического панентеизма романтиков (прежде всего Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, Л. Тика, Новалиса), усиленного воздействием Каббалы, панентеизма Б. Спинозы и мистического учения Я. Бёме, которому свойственно особое одухотворение природы и использование каббалистической любовно-эротической символики, опирающейся на топику Песни Песней и ее мистические интерпретации. Концепции Мировой Души, тождества природы и духа Ф. Шеллинга, единства религиозно-философского, научного и художественного познания Ф. Шлегеля и Новалиса, мистика природы и любви Л. Тика уходят корнями в Библию и выстроенные на ее основе системы панентеизма Спинозы и Бёме. Особое влияние на йенских романтиков оказывает пиетизм с его идеей интуитивного постижения Бога. В силу этого Библия оказывается «осевым» архетекстом для творчества йенских романтиков. Важнейшую архетекстуальную роль выполняет в их произведениях Песнь Песней – как в ее прямом значении (любовно-эротическая поэма), так и в полноте ее мистических интерпретаций (отражение любви между человеческой душой и Богом; слияние мужского и женского начал в Боге; мариологическое прочтение). Топика и символика Песни Песней позволяет романтикам полнее выразить свою концепцию любви как общемирового закона и пути к Бесконечному, как единства духовного и телесного, сакральности самой плоти (это проявляется особенно ярко в романе Ф. Шлегеля «Люцинда» и в творчестве Новалиса, но также в прозе и поэзии Л. Тика). Кроме того, красочный мир природы, предстающий в Песни Песней и коррелирующий с историей любви, является для романтиков (особенно для Л. Тика и Новалиса) вдохновляющим образцом для воплощения в слове синтеза мистического чувства природы и любви. Песнь Песней присутствует в текстах романтиков на уровне скрытых аллюзий, реминисценций, мотивов, топосов (томление по возлюбленному, весеннее бурление чувств, любовь как «пламя Божье», топос Сада как локуса любви и Богопознания) и чаще всего в преломлении через мистическую топику Я. Бёме. Концепция Мировой Души Ф. Шеллинга и образ Софии в творчестве Новалиса опираются на каббалистическую концепцию Шехины (имманентности Бога миру), предстающей как Вечная Женственность и София Премудрость Божья, находящая также особое осмысление в мистике Я. Бёме.

Список использованной литературы

- 1. Frye N. The Great Code: The Bible and Literature / N. Frye. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 380 p. (1th Edition 1981).
  - 2. Фрай Н. Біблія і література / Н. Фрай. Львів: Літопіс, 2010. 362 с.
- 3. Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur / hrsg. von A. Polaschegg und D. Weidner. München: W. Fink, 2012. 397 S.
- 4. "Brennender Dornbusch und pfingstliche Feuerzungen". Biblische Spuren in der modernen Literatur / hrsg. von E. Garhammer, U. Zelinka. Paderborn: Bonifatius, 2003. 305 S.
- 5. Das Buch der Bücher gelesen. Lesarten der Bibel in den Wissenschaften und Künsten / hrsg. von S. Martus. Bern u. a.: P. Lang, 2006. 488 S.
- 6. Das Buch und die Bücher. Beiträge zum Verhältnis von Bibel, Religion und Literatur / hrsg. von B. Knauer. Würzburg: K&N, 1997. 189 S.

- 7. Die Bibel in der deutschsprachigen Literatur des 20. Jahrhunderts: in 2 Bde. Mainz: Matthias Grünewald, 1999. 1248 S.
- 8. Gellner Chr. Schriftsteller lesen die Bibel. Die Heilige Schrift in der Literatur des 20. Jahrhunderts / Chr. Gellner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. 224 S.
- 9. Фрай Н. Предисловие к книге «Великий Код. Библия и литература»: пер. с англ. / Н. Фрай // Вопросы литературы. 1991. № 9/10. С. 176–187.
- 10. Аверинцев С.С. Древнееврейская литература / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 271-302.
- 11. Аверинцев С.С. Истоки и развитие раннехристианской литературы / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 501–515.
- 12. Schökel L.A. Das Alte Testament als literarisches Kunstwerk / L.A. Schökel; übers. von K. Bergner. Köln: J. P. Bachem, 1971. 535 S.
- 13. Robertson R. Literature, the Bible as / R. Robertson // Interpreter's Dictionary of the Bible. New York: Abingdon Press, 1976. Vol. 3. P. 547–551.
- 14. Аверинцев С.С. Арфа царя Давида: У истоков древнейшей лирической традиции / С.С. Аверинцев // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189—195.
- 15. Petersdorff D. von. Mysterienrede: Zum Selbstverständnis romantischer Intellektueller / D. Petersdorff. Tübingen: De Greyter, 1996. IX, 447 S. (Reprint 2012).
- 16. Romantik: Epoche Autoren Werke / hrsg. von W. Bunzel. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2010. 240 S.
- 17. Steinig M. "Wo man singt, da lass' dich ruhig nieder...": Lied und Gedichteinlagen im Roman der Romantik / M. Steinig. Berlin: Frank und Timme, 2006. 600 S.
- 18. Ziolkowski T. Das Amt der Poeten. Die deutsche Romantik und ihre Institutionen / T. Ziolkowski. München: Deutsher Taschenbuch Verlag, 1994. 547 S.
- 19. Gebhardt A. Ludwig Tieck. Leben und Gesamtwerk des "Königs der Romantik" / A. Gebhardt. Marburg: Tectum, 1998. 365 S.
  - 20. Hädecke W. Novalis: Biographie / W. Hädecke. München: C. Hanser, 2011. 400 S.
- 21. Kasper N. Ahnung als Gegenwart. Die Entdeckung der reinen Sichtbarkeit in Ludwig Tiecks frühen Romanen / N. Kasper. Paderborn: W. Fink, 2014. 274 S.
- 22. Ludwig Tieck: Leben Werk Wirkung / hrsg. von C. Stockinger und S. Scherer. Berlin: De Gruyter, 2011. XVII, 845 S.
- 23. Rath W. Ludwig Tieck. Das vergessene Genie. Studien zu seinem Erzählwerk / W. Rath. Paderborn: Schöningh, 1996. 548 S.
- 24. Schneider P. Die Magie der Rhetorik: Poesie, Philosophie und Politik in Friedrich Schlegels Frühwerk / P. Schneider. Paderborn [u. a.]: Schöningh, 1999. 248 S.
- 25. Uerlings H. Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis: Werk und Forschung / H. Uerlings. Stuttgart: J.B. Metzler, 1991. X, 712 S.
- 26. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. СПб.: Типография Товарищества А.С. Суворина «Новое время», 1914. 207 с.
- 27. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика / В.М. Жирмунский. СПб.: Аксиома: Новатор, 1996. XL, 232 с.
- 28. Жирмунский В.М. Религиозное отречение в истории романтизма / В.М. Жирмунский. М.: Издание С.И. Сахарова, 1919. 101 с.
- 29. Мисюров Н.Н. «Истинная Церковь» немецких романтиков: Новая страница в истории романтической школы в Германии / Н.Н. Мисюров. Омск: ОГУ, 1998. 136 с.
- 30. Микушевич В.Б. Тайнопись Новалиса / В.Б. Микушевич // Новалис. Гимны к ночи. М.: Энигма, 1996. С. 10–45.
- 31. Микушевич В.Б. Миф Новалиса / В.Б. Микушевич // Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 189–217.
- 32. Махов А.Е. Реальность романтизма: Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков / А.Е. Махов. Тула: Аквариус, 2017. 305 с.
- 33. Тертерян И.А. Романтизм / И.А. Тертерян // История всемирной литературы: в 9 т. / редкол: С.В. Тураев (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1988. Т. 5. С. 16–27.
- 34. Михайлов А.В. Примечания / А.В. Михайлов // Гёте И.В. Западно-восточный диван / пер. В. Левика; изд. подгот. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М.: Наука, 1988. С. 709—878.

- 35. Шульц Г. Новалис, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Г. Шульц / пер. с нем. М. Бента. Челябинск: Урал LTD, 1998. 326 с.
- 36. Балашов Н.И. Фридрих Шлегель и иенские романтики; Август Вильгельм Шлегель; Вакенродер; Тик; Новалис / Н.И. Балашов // История немецкой литературы: в 5 т. М.: Издательство АН СССР, 1966. Т. 3. С. 97—148.
- 37. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Г. Шолем / пер. с англ. и иврита Н. Бартман, Н.-Э. Заболотной; под общ. ред. М. Яглома. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 510 с.
- 38. Kabbala und die Literatur der Romantik: Zwischen Magie und Trope / hrsg. von E. Goodman-Thau, G. Mattenklott und Chr. Schulte. Tübingen: Max Niemeyer, 1999. –VIII, 266 S.
- 39. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2 т. / Ф.В.Й. Шеллинг. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.
- 40. Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве / В.Г. Вакенродер; пер. С.С. Белокриницкой; стихотв. переводы В.В. Рогова. М.: Искусство, 1977. 263 с.
- 41. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген; Фрагменты; Ученики в Саисе / Новалис. СПб.: Евразия, 1995. 240 с.
- 42. Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Я. Бёме; пер. А. Петровского. М.: Политиздат, 1990. 415 с. (Репринт. изд. 1914 г.).
- 43. Schlegel F. Lucinde [Электронный ресурс] / F. Schlegel // Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. Erste Abteilung: Kritische Neuausgabe. Bd 5. München; Paderborn; Wien; Zürich, 1962. Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Schlegel,+Friedrich/Roman/Lucinde (дата обращения: 20.08.2019).
- 44. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М.: РГГУ, 1998. 343 с.
- 45. Гейне Г. Романтическая школа / Г. Гейне; пер. А. Горнфельда // Гейне Г. Собрание сочинений: в 6 т. / под общ. ред. А. Дмитриева, А. Карельского, Е. Книпович. М.: Художественная литература, 1982. Т. 4. С. 318–452.
- 46. Тик Л. Странствия Франца Штернбальда / Л. Тик / под ред. С.С. Белокриницкой, В.М. Микушевича, А.В. Михайлова. М.: Наука, 1987. 360 с.
- 47. Tieck L. Gedichte: in 3 Teilen [Электронный ресурс] / L. Tieck. Heidelberg: Lambert Schneider, 1967. Teil 1. 296 S.; Teil 2. 279 S.; Teil 3. 280 S. Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Tieck,+Ludwig/Gedichte (дата обращения: 21.08.2019).

THE BIBLE IN THE WORLD OF JENA ROMANTICISM

Galina V. Sinilo, Belarusian State University (Belarus). E-mail: sinilo@mail.ru DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-3

Key words: Jena Romanticism, The Bible, "axial" archetext, The Song of Songs, F. Schelling, F. Schlegel, L. Tieck, mysticism, panentheism, Kabbalah, J. Böhme, pietism.

One of the pressing issues of modern literary criticism is the identification of the links between fiction and the "axial" archetext of European culture and literature (more broadly, the culture of the Judeo-Christian area) – The Bible. By "axial" archetext we mean the ancient "text-in-the-beginning", which has increased axiological and aesthetic significance, a high degree of reinterpretability, which is the most important source of intertextual links, fulfills the meaning and text-generating function and is the general "text-code" (Yu.M. Lotman), necessary for decoding the texts of a particular culture. For all its archetextual significance for European literature of the ancient heritage (especially the Homeric epos and classics), The Bible was and remains the "axial" archetext for it. For a number of epochs of European literature, biblical poetics was more relevant than ancient. Among these eras is the era of Romanticism, which first arose and was theoretically substantiated in Germany.

The purpose of this paper is to determine the significance of The Bible for the religious and mystical philosophy of romantics and to establish the functions of biblical archetextuality in their poetry. The philosophical and theoretical basis of the study was the philosophy of dialogue of M. Buber, the concept of "dialogue of books" by M.M. Bakhtin and the theory of intertextuality (J. Kristeva, R. Bart, J. Genette).

We show that the mystical philosophy and poetics of Jena Romantics is primarily oriented to the Bible - both as the Revelation of God, and as a model of poetry expressing "longing for the Infinite" (Sehnsucht nach den Unendlichen), the striving for the transcendental in combination with a specificallysensual reflection of the world. Unlike Goethe, who saw The Bible as historical reality and at the same time a model of the universe (the "second world"), Romantics emphasize the latter. The Bible is also for them an ideal model of the Book in general, an ideal Book, and they create all their works as a kind of "new Bible". For A.W. Schlegel, and after him for all Jena Romantics, biblical poetry becomes one of the examples of romantic poetry, expressing through sensual supersensible, full of dynamics, characterized by fluidity of images, as opposed to "plastic" Hellenic poetry. The Bible is also a pillar of the mystical panentheism of the romantics (primarily F. Schelling, F. Schlegel, L. Tieck, Novalis), reinforced by the influence of Kabbalah, the panentheism of B. Spinoza and J. Böhme, who is characterized by a special spiritualization of nature and the use of the kabbalistic love erotic symbolism based on the topic of *The Song of Songs* and its mystical interpretations. The concepts of the World Soul, the identity of nature and the spirit of F. Schelling, the unity of religious, philosophical, scientific and artistic knowledge of F. Schlegel and Novalis, the mystic of nature and love of L. Tieck are rooted in The Bible and the systems of pantheism Spinoza and Böhme that are based on it. Pietism with its idea of sensual comprehension of God has a special influence on Jena Romantics.

We show that the role of a particularly significant archetext for Jena Romantics is played by *The Song of Songs* in the unity of its concrete-sensual and numerous mystical meanings. It was this biblical book that became the "cult" text of Jewish and Christian mysticism, including the mysterious philosophy of J. Böhme, which was so important for the Jena Romantics. With *The Song of Songs*, a mystic of love and nature, extremely important for the attitude and poetics of the Jena romantics, is connected. The paper analyzes the concept of love in F. Schlegel's novel "Lucinda" and establishes the connection of its poetics with the Song of Songs. We also affirm the special significance of *The Song of Songs* for the work of L. Tieck, which is manifested both at the conceptual level and at the level of similar motives (common spring landscapes, a beautiful forest as a hall of love, love languor, searches and finding each other in love) and metaphors (bright fruits as fruits of love, love as a beautiful fruit). *The Book of Psalms* also plays an important archetextual role for L. Tieck's poetry.

References

- 1. Frye, N. The Great Code: The Bible and Literature. Toronto, University of Toronto Press, 2006, 380 p. (1th Edition 1981).
- 2. Frye, N. *Velikiy kod: Bibliya i literatura* [The Great Code: The Bible and Literature]. Lviv, Letopis Publ., 2010, 362 p.
- 3. Polaschegg, A., Weidner, D. (eds.). *Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur* [The Book in books: Bible and Literature interactions]. Munich, W. Fink Publ., 2012, 397 p.
- 4. Garhammer, E., Zelinka, U. (eds.) "Brennender Dornbusch und pfingstliche Feuerzungen". Biblische Spuren in der modernen Literatur ["Burning Bush and Pentecost Fire tongues". Biblical traces in modern literature]. Paderborn, Bonifatius Publ., 2003, 305 p.
- 5. Martus, S. (ed.) Das Buch der Bücher gelesen. Lesarten der Bibel in den Wissenschaften und Künsten [The Book of Books read. Reading of the Bible in the sciences and arts]. Bern, P. Lang Publ., 2006, 488 p.
- 6. Knauer B. (ed.) *Das Buch und die Bücher. Beiträge zum Verhältnis von Bibel, Religion und Literatur* [The Book and the books. Research to the relationship between the Bible, religion and literature]. Würzburg, K & N Publ., 1997, 189 p.
- 7. Schmidinger, H. (ed.) *Die Bibel in der deutschsprachigen Literatur des 20. Jahrhunderts: in 2 Bde* [The Bible in German-language literature of the 20th century: In 2 Vol.]. Mainz, Matthias Grünewald Publ., 1999, 1248 p.
- 8. Gellner, Chr. Schriftsteller lesen die Bibel. Die Heilige Schrift in der Literatur des 20. Jahrhunderts [Writers read the Bible. The Holy Scriptures in the literature of the 20th century]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 2004, 224 p.
- 9. Frye, N. *Predislovie k knige "Velikiy Kod. Bibliya i literatura"* [Preface to the Book "The Great Code. The Bible and Literature"]. *Voporosy literatury* [Literature Issues], 1991, no 9/10, pp. 176-187.
- 10. Averintsev, S.S. *Drevneevreyskaya literatura* [Hebrew Literature]. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 tomah* [History of World Literature: in 9 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 1, pp. 271-302.
- 11. Averintsev, S.S. *Istoki i razvitie rannekhristianskoy literatury* [Origins and Development of the Early Christian Literature]. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 tomah* [History of World Literature: in 9 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 1, pp. 501-515.
- 12. Schökel, L.A. *Das Alte Testament als literarisches Kunstwerk* [The Old Testament as Literary Work]. Köln, J.P. Bachem Publ., 1971, 535 p.

- 13. Robertson, R. Literature, the Bible as. In: Interpreter's Dictionary of the Bible. New York, Abingdon Press, 1976, vol 3, pp. 547-551.
- 14. Averintsev, S.S. *Arfa tsarya Davida: U istokov drevneyshey liricheskoy traditsii* [The Harp of King David: At the Origins of the Oldest Lyrical Tradition]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1988, no. 6, pp. 189-191.
- 15. Petersdorff, D. von. *Mysterienrede: Zum Selbstverständnis romantischer Intellektueller* [Mystery Speech: On the Self-conception of Romantic Intellectuals]. Tübingen, De Greyter Publ., 1996, IX, 447 p. (Reprint 2012).
- 16. Bunzel, W. (ed.) *Romantik: Epoche Autoren Werke* [Romanticism: Epoch authors works]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft Publ., 2010, 240 p.
- 17. Steinig, M. "Wo man singt, da lass' dich ruhig nieder...": Lied und Gedichteinlagen im Roman der Romantik ["Where you sing, let yourself sit down quietly...": Song and poetic insertions in the Romanticism novel]. Berlin, Frank & Timme Publ., 2006, 600 p.
- 18. Ziolkowski, T. *Das Amt der Poeten. Die deutsche Romantik und ihre Institutionen* [The service of poets. German Romanticism and its institutions]. Munich, Deutsher Taschenbuch Verlag, 1994, 547 p.
- 19. Gebhardt, A. Ludwig Tieck. Leben und Gesamtwerk des "Königs der Romantik" [Life and Complete Works of the "King of Romanticism"]. Marburg, Tectum Publ., 1998, 365 p.
  - 20. Hädecke, W. Novalis: Biographie [Novalis: Biography]. Munich, C. Hanser Publ., 2011, 400 p.
- 21. Kasper, N. Ahnung als Gegenwart. Die Entdeckung der reinen Sichtbarkeit in Ludwig Tiecks frühen Romanen [Anticipation as present. The discovery of pure visibility in Ludwig Tieck's early novels]. Paderborn, W. Fink Publ., 2014, 274 p.
- 22. Stockinger, C., Scherer, S. (eds.) *Ludwig Tieck: Leben Werk Wirkung* [Ludwig Tieck: Life work effect]. Berlin, De Gruyter Publ., 2011, XVII, 845 p.
- 23. Rath, W. Ludwig Tieck. Das vergessene Genie. Studien zu seinem Erzählwerk [Ludwig Tieck. The forgotten genius. Studies on his narrative work]. Paderborn, Schöningh Publ., 1996, 548 p.
- 24. Schneider, P. *Die Magie der Rhetorik: Poesie, Philosophie und Politik in Friedrich Schlegels Frühwerk* [The magic of rhetoric: Poetry, philosophy and politics in Friedrich Schlegel's early work]. Paderborn, Schöningh Publ., 1999, 248 p.
- 25. Uerlings, H. *Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis: Werk und Forschung* [Friedrich von Hardenberg, called Novalis: Work und research]. Stuttgart, J.B. Metzler Publ., 1991, X, 712 p.
- 26. Zhirmunskiy, V.M. *Nemetskiy romantism i sovremennaya mistika* [German Romanticism and modern mysticism]. Saint Petersburg, Tipografiya Tovarishcestva A.S. Suvorina "Novoe vremya" Publ., 1914, 207 p.
- 27. Zhirmunskiy, V.M. *Nemetskiy romantism i sovremennaya mistika* [German Romanticism and modern mysticism]. Saint Petersburg, Axioma & Novator Publ., 1996, XL, 232 p.
- 28. Zhirmunskiy, V.M. *Religiosnoe otrechenie v istorii romantisma* [Religious renunciation in the history of Romanticism]. Moscow, S.I. Sakharov Publ., 1919, 101 p.
- 29. Misyurov, N.N. "Istinnaya Tserkov" nemetskikh romantikov: Novaja stranica vistorii romanticheskoj shkoly v Germanii [The True Church of German Romantics: A new page in the History of the Romantic School in Germany]. Omsk, Omsk State University, 1998, 136 p.
- 30. Mikushevich, V.B. *Taynopis' Novalisa* [The Cryptography of Novalis]. *Novalis. Gimny k Nochi* [Hymns to the Night]. Moscow, Enigma Publ., 1996, pp. 10-45.
- 31. Mikushevich, V.B. *Mif Novalisa* [Myth of Novalis]. *Novalis. Genrich fon Ofterdingen* [Heinrich von Ofterdingen]. Moscow, Ladomi & Nauka Publ., 2003, pp. 189-217.
- 32. Makhov, A.E. *Real'nost' romantizma: Ocherki dukhovnogo byta Evropy na rubezhe XVIII–XIX vekov* [The reality of Romanticism: Essays on the spiritual life of Europe at the turn of the 18th–19th centuries]. Tula, Akvarius Publ., 2017, 305 p.
- 33. Terteryan, I.A. *Romantism* [Romanticism]. *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 tomah* [History of World Literature: in 9 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 16-27.
- 34. Mikhaylov, A.V. *Primechanija* [Notes]. Goethe J.W. *Zapadno-vostochnyj divan* [West-Eastern Divan]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 709-878.
- 35. Schulz, G. *Novalis, sam o svidetel'stvuyushciy o sebe i o svoey zhisni* [Novalis, who testifies of himself and his life]. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 1998, 326 p.
- 36. Balashov, N.I. Friedrich Schlegel i ienskie romantiki; August Wilhelm Schlegel; Wackenroder; Tieck; Novalis [Friedrich Schlegel and Jena Romantics; August Wilhelm Schlegel; Wackenroder; Tieck; Novalis]. Istoriya nemetskoy literatury: v 5 tomah [History of German Literature: in 5 volumes]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., vol. 3, pp. 97-148.
- 37. Sholem, G. *Osnovnye techeniya v evreyskoy mistike* [Major Trends in Jewish Mysticism]. Moscow & Jerusalem, Mosty kultury & Gesharim, 2004, 510 p.
- 38. Goodman-Thau, E., Mattenklott, G., Schulte, Chr. (eds.). *Kabbala und die Literatur der Romantik: Zwischen Magie und Trope* [Kabbalah and the Literature of Romanticism: between magic and trope]. Tübingen, Max Niemeyer Publ., 1999, VIII, 266 p.

- 39. Schelling, F.W.J. *Sochineniya: v 2 tomah* [Works: in 2 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, vol. 1, 637 p.
- 40. Wackenroder, W.H. *Fantasii ob iskusstve* [Fantasy about Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, 263 p.
- 41. Novalis. *Heinrich von Ofterdingen; Fragmenty; Ucheniki v Saise* [Heinrich von Ofterdingen; Fragments; The Novices of Sais]. Saint Petersburg, Evrasiya Publ., 1995, 240 p.
- 42. Böhme, J. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Aurura or The rising of Dawn]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 415 p.
- 43. Schlegel, F. *Lucinde* [Lucinde]. *Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe* [Critical Friedrich Schlegel Edition]. Munich & Paderborn & Wien & Zürich, 1962, vol. 5. Available at: http://www.zeno.org/Literatur/M/Schlegel,+ Friedrich/Roman/Lucinde (Accessed 20 August 2019).
- 44. Diakonov, I.M., Kogan, L.E. (eds & trans.) *Vetkhiy Zavet: Kniga Placha; Ekklesiast; Pesn' Pesney* [The Old Testament: The Book of Lamentations; The Ecclesiastes; The Song of Songs]. Moscow, Russ. State Univ. for the Humanities Press, 1998, 343 p.
- 45. Heine, H. *Romanticheskaya shkola* [Romantic school]. Heine, H. *Sobranie sochineniy: v 6 tomah* [Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 4, pp. 318-452.
- 46. Tieck, L. *Stranstviya Franza Sternbalda* [Franz Sterbald's Wanderings]. Mosow, Nauka Publ., 1987, 360 p.
- 47. Tieck, L. *Gedichte* [Poems: in 3 Parts]. Heidelberg, Lambert Schneider Publ., 1967, part 1, 296 p.; part 2, 279 p.; part 3, 280 p. Available at: http://www.zeno.org/Literatur/M/Tieck,+Ludwig/Gedichte (Accessed 21 August 2019).

Одержано 17.09.2019.

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР

УДК 811.378.001.8

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-4

ORCID: 0000-0002-3581-9839

3.М. АСЛАН,

докторант кафедры истории азербайджанской литературы Бакинского Государственного Университета (Азербайджан)

РОЛЬ ХУРШИДБАНУ НАТАВАН В ФОРМИРОВАНИИ КАРАБАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX в. Хуршидбану Натаван (1832—1897), известная как Ханская дочь, сыграла важную роль в формировании литературной среды Карабаха. Ее литературная деятельность, серьезное участие в художественно-культурной жизни региона дали толчок к развитию культурной жизни Шуши и всего Карабаха. Литературный кружок «Маджлиси-Унс» осуществлял деятельность благодаря и ее усердной работе. Особую роль сыграли здесь произведения Хуршидбану Натаван, основанные на традициях диванной литературы и повлиявшие на возрождение литературной среды в Карабахе. Стихи «Я плачу», «Увы», «Не уходи», «Без тебя», «Гвоздика», «Вот бы случилось», «Я умираю», «Бюльбюль», «Что ж не наступает» и другие поэтические произведения представляли большой интерес. Поэты писали к ним подражания — стихи-незире. Объектом анализа в статье является художественное творчество Хуршидбану Натаван в контексте литературной среды Карабаха XIX в. Изложены основные принципы ее литературного творчества, основные факторы, повлиявшие на его характер. В частности проведена параллель между творчеством Физули и Натаван, обосновано глубокое влияние на неё особенностей поэтического мышления гениального поэта средневековья.

Ключевые слова: Карабах, Хуршидбану Натаван, литературная среда, диванная литература, газель.

У другій половині XIX ст. Хуршидбану Натаван (1832—1897), відома як Ханська дочка відіграда важливу роль у формуванні літературного середовища Карабаха. Її літературна діяльність, серйозна участь у художньо-культурному житті регіону дали поштовх розвитку культурного життя Шуши та усього Карабаха. Літературний гурток «Маджлісі-Унс» здійснював діяльність завдяки і її наполегливій праці. Особливу роль відіграли тут твори Хуршидбану Натаван, що грунтуються на традиціях диванної літератури і вплинули на відродження літературного середовища в Карабасі. Вірші «Я плачу», «Жаль», «Не йди», «Без тебе», «Гвоздика», «От би сталося», «Я вмираю», «Бюльбюль», «Що ж не настає» та інші поетичні твори являли великий інтерес. Поети писали до них наслідування — віршінезире. Об'єктом аналізу в статті є художня творчість Хуршидбану Натаван у контексті літературного середовища Карабаху XIX ст. Викладено основні принципи її літературної творчості, основні фактори, що вплинули її на характер. Зокрема проводиться паралель між творчістю Фізулі і Натаван, обґрунтовується глибокий вплив на неї особливостей поетичного мислення геніального поета середньовіччя.

Ключові слова: Карабах, Хуршидбану Натаван, літературне середовище, диванна література, газель.

уршидбану Натаван (1832–1897), азербайджанская поэтесса второй половины XIX в., известная как Ханская дочь, сыграла важную роль в формировании литературной среды Карабаха. Следует отметить, что литературное собрание «Маджлиси-Унс» осуществляло свою деятельность благодаря именно этой серьез-

ной и кропотливой работе: с 1872 г. литературное собрание возглавляла Хуршидбану Натаван, впоследствии оно продолжило свою деятельность во Дворце карабахского хана. «Маджлиси-Унс» означает сбор, собрание дружбы и общения. Поскольку заседания подобных литературных собраний также включали музыкантов и поэтов, это улучшило их работу и оказало глубокое влияние на содержание дискуссий» [5, с. 68]. Деятельность литературного совета «Маджлиси-Унс» была особенно бурной во времена правления Хуршидбану Натаван. «Натаван взяла на себя руководство и все расходы этого собрания, на котором с энтузиазмом собиралась шушинская интеллигенция. Наряду с поэтами, сюда приходили музыканты и певцы, проводились литературные и научные дискуссии о связи между поэзией и музыкой» [2, с. 184].

В возрождении литературной среды Карабаха в XIX в. особую роль сыграли стихотворные произведения Хуршидбану Натаван, основанные на традициях диванной литературы. Следует отметить, что Натаван начала свою творческую деятельность в 50-х гг. XIX в. Первые поэтические произведения, принесшие популярность Хуршидбану, за некоторыми исключениями не дошли до наших дней. Существует достаточно сведений о более позднем периоде творчества автора, после семидесятых годов, когда она подписывала свои произведения псевдонимом «Натаван». Газели, написанные за последние несколько лет поэтического творчества, представляют большой интерес по своему глубокому содержанию, простоте стиля и оригинальности.

Важной частью газелей Натаван является воспевание любви. В стихотворениях о любви традиционная тема выражается в новой форме, ином стиле. Газели автора привлекают внимание своим глубоким лиризмом. Эти газели, являющиеся высоким художественным выражением чистых и искренних чувств, есть лирическое отражение сокровищницы творчества художника слова, обладающего глубокой духовностью. Любовь, выраженная в стихотворении, не является продуктом абстрактных чувств и мыслей, это — поэтическое выражение реальных чувств, связанных с жизнью. Хуршидбану Натаван значительную часть стихов писала под влиянием «...классических художников, в особенности Мухаммеда Физули. Печальная, грустная жизнь поэтессы, упреки, от которых она страдала, переживания и дискомфорт сделали ее духовно близкой к Физули. Натаван видела в сердце мастера содержание своей души, выражение своих чувств, и потому ее произведения всегда были под влиянием поэтических особенностей поэзии Физули, художественной лексики, многих форм творчества этого гениального поэта [2, с. 185].

Стоит также отметить, что творчество под впечатлением идей Физули типично для любовной лирики Натаван. Как и в работах великого Физули, в газелях Натаван любовь представлена как божественное чувство, которое возвышает человека, превосходит смысл его жизни и доминирует в его душе и существовании. Поэт преклоняется перед святостью, величием, возвышенностью любви и понимает ее чистый и прекрасный дух как высшую ступень всех человеческих эмоций:

Любимая, от горя я избрал сей путь И замок слов опустошил я в скорбный месяц. И невозможно слиться мне в любви с тобой до конца света, Все потому, что потерял себя. Любви властитель мне принес смертельный приговор, Но не сбежал я, принял смерть и подчинился ей [3, с. 22].

Лирический герой газелей Натаван — это человек, который горит желанием видеть возлюбленную, пылающий от страсти и готовый к самопожертвованию. Он понимает, что жить мечтаниями о возлюбленной — это как божественный дар, судьба. Лирический герой, несмотря на все трудности, не унывает, верит, что момент настанет, когда он будет лицезреть свою любимую.

Тот, кто в тоске поддерживал меня, в разлуке, Скажу, что рада я, мечта, краса, дыхание мое. Я соловей, что от тоски зачах по розе, Стенаю я в стенах, что клетка для меня. Внутри душа моя больна, взывает, Как будто этим я смогу вернуть любовь [3, с. 20].

Исследователи подчеркивают, что «любовные газели Натаван также полны жалоб на жизнь, сожалением, мольбой, чувством разочарования, неудовлетворенностью временами, переживаемым периодом. Поэтесса, сочувствуя судьбе каждого соплеменника, советует не пасовать перед лицом социальной несправедливости, морального разложения, выступать против этого, бороться с угнетением и эгоизмом. Следует высоко ценить любовь и дружбу, жить с честью и достоинством. Поэтесса, которая не видела по жизни того, о чем мечтала, языком лирического героя сожалеет о том, что она пришла в этот мир, познала любовь» [2, с. 186–187]. И в самом деле, в большинстве газелей автора четко проявляется именно эта позиция. Этот аспект особенно заметен в газелях с редифом (повтором) «Прощай», «Вот бы случилось», «Привет, друг». Мысли возлюбленного, полные разочарования, боли, беспомощности, безнадежности являются своего рода завещанием автора:

Соперники не допустили, чтобы достигла я вершин Жизнь о тебе прошла в мечтах, в стенаниях, прощай! Нет ни терпения, ни мысли, ни сознанья, Рыдаю я, и слез поток, так уж прощай! И жизнь постылая, и нет совсем надежды, Лишь грусть идет на ум, грудь стеснена, прощай! [3, с. 66].

Газель с редифом Натаван «Вот бы случилось» написана в том же духе, с той же гармонией. Здесь идет обращение к Богу, лирический герой выражает протест против несправедливости, которая царит в мире, против попирания прав. Герой отмечает, что в этом мире, рядом со всеми радостями, идет горе, все встречи завершаются расставанием, и это печалит и расстраивает его. Он изображает то, что видит, переживает и чувствует, что выражается в виде страданий, мучений и печали:

Зачем мне быть, и миру этому зачем?
И не было бы печали мира!
Не воспламенился б мой язык огнем печали,
Душа не радовалась бы так любви!
Не была б стройна, как кипарис, так не были б глаза в печали,
И не склонился бы стан под дуновеньем ветра! [3, с. 51].

Отметим, что газель «Вот бы случилось» является одним из наиболее ценных образцов азербайджанской поэзии не только в творчестве Натаван, но и в поэзии всего XIX в. Не случайно народный поэт Азербайджана Самед Вургун высоко оценил это стихотворение в своей статье о поэтическом творчестве Натаван: «в этих горьких строках поэтессы мы видим, насколько было тесно людям, их мыслям и чувствам в тисках феодального мира. Их горе является одним из протестов против социальной несправедливости, человеческого рабства и унижения человеческого достоинства» [6, с. 51].

Однако наиболее впечатляющими являются созданные ею газели. Как известно, сын поэтессы Мираббас от второго мужа Сеида Гусейна в семнадцать лет заболел и умер. Это неожиданное горе потрясло ее до глубины души. В газелях «Как жаль», «Плач по умершему», «Не уходи», «Без тебя» и других она стремилась выразить свое неизбывное горе по ушедшему в мир иной, свои горькие и печальные мысли.

Прошла пора цветов, весенняя пора, как жаль, Остался соловей один, несчастен и хорош, о, как мне жаль! Ведь распустился здесь бутон, и в чести был, поверь, Но ветер, что повеял вдруг, сорвал его, как жаль! То тело, что прекрасно было, шелк его стеснял, Лежит в земле, с ней заодно, мне очень жаль! И Богом я молю, земля, побереги его, Могила эта для меня дороже, чем глаза, как жаль! [3, с. 63].

Обратимся к знаменитой газели с редифом «Умираю», которая занимает особое место в творчестве поэтессы. В этом произведении, являющимся ценным, неповторимым памятником классической азербайджанской поэзии, автор с большим искусством воплотила свою боль, тоску и страдания:

В груди моей печаль, тоска, я умираю, Я грудью полегла из-за тебя, поверь, я умираю. Я по ночам не сплю до самого утра, в тревоге, Душа ушла, но мысленно — с завитками волос, я умираю. Весной цветущей я была, листвой осенней стала, Грудь окровавлена, как мак весенний, умираю [3, с. 37].

Несомненно, эти печальные, грустные мотивы, нашедшие в поэзии свое художественное воплощение, были напрямую связаны с ее временем. Как верно подмечает акад. Б. Набиев, «...Даже ханская дочь Натаван, правительница большого региона, не был исключением и тоже жила жаждой свободы любви, жаловалась на женское бесправие, горько сетовала на свою эпоху» [4, с. 49].

Некоторые из стихотворений Хуршидбану Натаван были написаны в связи с отъездом ее второго сына Мехдигули, оставившего мать в неведении, тоске и долгой разлуке. Эти стихи также являются оригинальными поэтическими образцами, полными грусти и переживаний. Стихи, посвященные разлуке с детьми, как и произведения, посвященные смерти ее сына, были написаны в минорном тоне, словами, затрагивающими самые чувствительные струны души.

В печали я, ведь нет тебя, что ж не приходишь? Всегда стенаю, плачу я, но нет тебя, ты не приходишь. Устала насмерть я от жизни этой, от тоски, Стенаний не приемлет даже Бог, что ж нет тебя, Ты не приходишь [3, с. 56].

В газели с редифом «И плачу я» раскрываются те горькие чувства, которые переживает в себе молодая мать, потерявшая своего подросшего сына.

Разлука душу превратила в ад, я плачу, Не понимают все меня совсем, я плачу. И дом души моей от горя развалился, Дворец души не восстановлен, и я плачу. Осколков много, раны на душе остались, И чтоб не сделал, нет свободы, и я плачу [3, с. 37].

Один из исследователей поэзии Хуршидбану Натаван 3. Аскерли при анализе стихов поэтессы, посвященных трагической смерти ее сына Мираббаса, отмечает, что «эти стихи, являясь образцом высокого стихотворного искусства, по своему художественному содержанию, поэтической красоте привлекли внимание ряда художников слова XIX века, и ряд поэтов, в том числе Саид Азим Ширвани, Агаали бек Насех, Молла Ага Бихуд, Абульгасан Вагиф, Ибрагим бек Азер и другие написали подражания (тезкире) на такие стихи, как «Плачи по умершему», «Как жаль», «Не уходи», «Без тебя», «Умираю», «Соловей» [2, с. 185].

Определенную часть творчества Хуршидбану Натаван составляют поэтические образцы, написанные о природе, которые представляют особый интерес. Литературный опыт

показывает, что развитие художественной мысли и искусства слова связано именно с живой природой.

Поэты Азербайджана всегда испытывали влияние красот природы на свое творчество и пытались это объяснить. Многочисленные стихи о природе являются здесь одним из основных жанров поэзии. Литературный критик Р. Алиев пишет, что «... с древних времен природа была одним из важнейших источников духовной пищи, как бы крыльями для полета у поэтов: буколическая, пасторальная, идиллическая поэзия. Эти термины напоминают о древности и богатстве отношений между поэзией и природой. Это богатство нетрудно увидеть и в нашем классическом пейзаже. Природа всегда была одной из главных тем поэзии» [1, с. 48]. Примечательно, что творчество Натаван не является исключением в этом смысле, и стихи, написанные ею о природе, отличаются поэтическим своеобразием. Эти стихи также представляют интерес как яркие поэтические образцы, которые дают представление о естественной красоте Карабаха в конце XIX в.

Как верно подчеркивают исследователи, «это произведения, созданы, как художественное отражение мыслей поэтессы, вдохновленной красотой родной природы, и от них исходит очарование жизни, цветов, многоцветья. Поэт описывает внутренний мир искренне привязанного к красотам природы возлюбленного в тесной связи с его заботами и проблемами. Несмотря на то, что эти стихи посвящены красотам природы, они также содержат в себе определенное человеческое умонастроение. В них можно увидеть особенности человека и природы, несгибаемую, гордую нравственность, благородные и нежные чувства, страсть и любовь, протест, недовольство, слезы, мольбу, надежду, сокрушенность, жажду счастья [2, с. 188].

В стихотворении Хуршидбану Натаван с редифом «Гвоздика», написанном в оригинальном стиле, автор показал трепетное сердце поэта, постарался выявить внутреннюю любовную борьбу и страдания возлюбленного.

Полюбит кто еще тебя, гвоздика?
Ведь я влюблен в тебя, моя гвоздика!
Тебя увидел невзначай я в цветнике, гвоздика,
Влюбился сразу, понял я, гвоздика!
Стоишь ты в позе, подбоченившись, гвоздика,
Раздора повод меж цветами, ты, гвоздика! [3, с. 53].

Отметим, что и сегодня стихи Хуршудбану Натаван, написанные в стиле «дивана», остаются непревзойденными и привлекают внимание поклонников поэзии. Как отмечается в исследованиях, «основными качествами ее стиха являются тонкий поиск цели, глубокие чувства, сильная лирика, умение дойти до сердца путем поэтического неистовства, стройность поэтического изложения, разноцветье мысли, глубина смысла» [2, с. 190]. Оригинальное, уникальное творческое наследие поэтессы, владевшей традициями классической азербайджанской литературы и устной народной поэзии, сыграло важную роль в обогащении литературной среды Карабаха XIX в.

Список использованной литературы

- 1. Алиев Р. Природа поэзии / Р. Алиев. Баку: Язычи, 1982. 89 с.
- 2. Аскерли 3. Еще раз о Натаван / 3. Аскерли // Азербайджан. 2008. № 1. C. 183—190.
- 3. Натаван Хуршидбану. Сочинения / Хуршидбану Натаван. Баку: Лидер, 2004. 88 с.
  - 4. Набиев Б. Когда слова идут от сердца / Б. Набиев. Баку: Язычи, 1984. 284 с.
- 5. Султанлы В. Проблемы преподавания литературной критики / В. Султанлы. Баку: Азернешр, 2007. 124 с.
  - 6. Вургун С. Произведения: в 5 томах / С. Вургун. Баку: Шарг-Герб, 2005. Т. 5. 384 с.

ROLE OF KHURSHIDBANU NATAVAN IN THE FORMATION OF THE KARABAKH LITERARY MEDIA IN THE 19th CENTURY

Zenfira M. Aslan, Baku State University (Azerbaijan)

E-mail: zenfiraaslan@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-4

Key words: Karabakh, Khurshidbanu Natavan, literary environment, sofa literature, gazelle. In the second half of the 19th century, Khurshidbanu Natavan (1832-1897), known as the "Khan gizi" (the khan's daughter), played a significant role in the formation of the literary environment of Karabakh. Her literary activities, serious participation in the artistic and cultural life of the region gave impetus to the development of the cultural life of Shusha and the whole Karabakh. Majlis-i Uns ("Gathering of Friends") literature society continued its work thanks to her hard work. A special role was played by the works of Khurshidbanu Natavan, based on the traditions of divan literature, and influencing the revival of the literary environment in Karabakh. The poems "I am crying", "Regrets", "Don't go away", "Without you", "A carnation", "I wish it were", "I am dying," "Bulbul", "Well, doesn't come", and other poetic works introduced great interest in the literary environment. Poets wrote imitations to them – poems-nezira. In this article, the object of analysis in the literary environment context of Karabakh of the 19th century is the artistic work of Khurshidbanu Natavan. Here is described the basic principles of her literary work, the main factors affecting the essence of her work. Particularly, the author draws a parallel between the works of Fizuli and Natavan and substantiates the profound influence of the poetic thinking peculiarities of the brilliant poet of the Middle Ages and Natavan.

The poetic works of Khurshidbanu Natavan, based on the traditions of divan literature, played a distinctive role in the revival of the literary environment of Karabakh in the 19th century. It should be noted that Natavan began her creative activity in the 50s of the 19th century. The first poetic works that brought popularity to Khurshidbani, with some exceptions, did not survive today. There is enough information about the later period of the author's work, after the seventies, signed by the pseudonym "Natavan". Gazelles, written over the past few years of poetry, are fascinating in their profound content, simplicity of style and originality.

An important part of Natavan gazelles is the chanting of love. In love poems, the traditional theme is expressed in a new form, a different style. The author's gazelles attract attention with their deep lyricism. These gazelles, which are a high artistic expression of pure and sincere feelings, are a lyrical reflection of the treasury of creativity of the artist of the word, possessing deep spirituality. Love expressed in a poem is not a product of abstract feelings and thoughts, it is a poetic expression of real feelings associated with life.

References

- 1. Aliev, R. Priroda pojezii [The nature of poetry]. Baku, Yazychi Publ., 1982, 89 p.
- 2. Askerli, Z. *Eshhe raz o Natavan* [Once again about Natavan]. *Azerbajdzhan* [Azerbaijan], 2008, no 1. pp. 183-190.
  - 3. Natavan, H. Sochinenija [Works]. Baku, Lider Publ., 2004, 88 p.
  - 4. Nabiev, B. Koqda slova idut ot serdca [When words go from heart]. Baku, Yazychi Publ., 1984, 284 p.
- 5. Sultanly, V. *Problemy prepodavanija literaturnoj kritiki* [Problems of teaching of literary criticism]. Baku, Azerneshr Publ., 2007, 124 p.
  - 6. Vurgun, S. Proizvedeniya: v 5 tomah [Works: in 5 volumes]. Baku, Sharg-Gerb Publ., 2005, vol. 5, 384 p.

Одержано 5.09.2019.

УДК 811: 94(479.24)

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-5

н.г. асланова,

главный специалист отдела науки и инноваций Азербайджанского Государственного Педагогического Университета (г. Баку)

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ

В статье излагаются вопросы художественного анализа исторической памяти в азербайджанской прозе, прослеживаются современные подходы. Рассмотрены пути формирования новых подходов к идее исторической памяти в период независимости. Исторические события и факты становятся объектами художественного исследования в новой идеологической среде. Исторические реалии, национальные и нравственные ценности излагаются в современном понимании. Национальное мышление и национальная идентичность играют важную роль в исторической памяти, основанной на национальной идеологии. Обращение к памяти связано со стремлением людей к самосознанию. Художественная проза сыграла особую роль в возвращении многовековой исторической памяти народа. Идеологическое и художественное восприятие этой важной миссии в национальном сознании составляет проблематику прозы периода независимости.

В годы независимости социально-историческая, просветительская, познавательная роль и значение азербайджанской литературы просматривались в анализе и исследовании произведений как по форме, так и по содержанию. В годы независимости в образцах прозы, описывающих события разных исторических периодов, основной целью было восстановление целостности исторической памяти на основе идеологии азербайджанства. В этом смысле основной тематикой произведений, которые получили толчок через культурно-историческое существование национальной идеологии, идеологии азербайджанства, является именно историческая

Ключевые слова: азербайджанская проза, историческая память, судьба народа, художественный подход, нравственные ценности, национальное самосознание.

У статті розглядаються питання художнього аналізу історичної пам'яті в азербайджанській прозі, простежуються сучасні підходи. Проаналізовано шляхи формування нових підходів до ідеї історичної пам'яті в період незалежності. Історичні події та факти стають об'єктами художнього дослідження у новому ідеологічному середовищі. Історичні реалії, національні та моральні цінності викладаються у сучасному розумінні. Національне мислення та національна ідентичність відіграють важливу роль в історичній пам'яті, що базується на національній ідеології. Звернення до пам'яті пов'язане з прагненням людей до самосвідомості. Художня проза відіграла особливу роль у поверненні багатовікової історичної пам'яті народу. Ідеологічне та художнє сприйняття цієї важливої місії в національній свідомості становить проблематику прози періоду незалежності.

У роки незалежності соціально-історична, просвітницька, пізнавальна роль та значення азербайджанської літератури проглядалися в аналізі та дослідженні творів як за формою, так і за змістом. У роки незалежності у зразках прози, що описують події різних історичних періодів, основною метою було відновлення цілісності історичної пам'яті на основі ідеології азербайджанства. У цьому сенсі основною тематикою творів, що набули літературного життя через культурно-історичне існування національної ідеології, ідеології азербайджанства, є саме історична пам'ять.

Ключові слова: азербайджанська проза, історична пам'ять, доля народу, художній підхід, моральні цінності, національна самосвідомість.

роблематика, связанная с исторической памятью, занимает важное место в пути, пройденном современной азербайджанской прозой. Историческая память включает в себя процесс формирования и развития нации, ее самосознание. Обращение в художественной прозе к исторической памяти означает описание бытия народа, жизненный путь, пройденный и пережитый им, описание судьбоносных общественно-политических событий. В жизни каждого народа происходят исключительно сложные, противоречивые, исторически значимые события, которые определяют его будущее, и для прояснения их сущности следует обращаться не только к исторической науке. Указанная проблематика решается и уточняется также и с помощью художественной литературы, здесь делаются выводы, подводятся итоги. Помимо этого, в истории есть личности, чей жизненный путь и борьба предопределяют будущее народа, его судьбу, и потому они остаются в памяти людей навечно. Иногда требуются месяцы, годы и века, чтобы оценить эти события, заслуги людей, их совершавших. Порой информация о них окутана мраком, забвению предается даже то, что написано в книгах, высечено на камнях и зафиксировано в памятниках. Наряду с исторической наукой литература также стремится восстановить историческую память народа и прибегнуть к художественной памяти, чтобы вывести правду из сумерек истории.

В этом смысле существует определенная связь между художественным и научным мышлением; художественное мышление при помощи фактов, отраженных в реалиях, стремится восстановить историческую память, создать образы исторических личностей и событий. На авторе, так же, как и на историке, лежит, в соответствии с исторической памятью, ответственность за описание этих событий и исторических личностей, показ и оценка их заслуг перед временем. За восстановление исторической памяти в большей степени, чем другие сферы жизни, ответственна литература, особенно художественная проза. В основе национальной исторической памяти нашего народа лежит идеология азербайджанства и тюркизма, которая, в свою очередь, основана на идеях национального самосознания и национальной самобытности народа.

К понятию исторической памяти. Как известно, понятие исторической памяти значимо не только в социально-политическом и литературно-художественном смысле, но и на уровне философского осмысления. В литературном мире его проявление можно проследить во все периоды развития; нетрудно видеть, как классическое художественное наследие принимается от предшественников и воплощается в синтезе современности и новизны. Ведь «в литературе проблема передачи наследия является не прагматической, а метафизической проблемой, это вопрос существования. В целом «классические тексты» являются не только продуктом художественного мышления, но и «воплощенным, реализованным состоянием национального духа» [8].

Т. Саламоглу, взяв в наследственных связях за основу принцип историчности, подчеркивает, что «если литературный факт не совпадает с предшествующей ему историей, не зародился в ее «чреве», не живет в бытии закономерностей исторического развития, то он не может восприниматься и оцениваться как феномен национальной литературы» [8]. Как невозможно для художника добиться успехов, отстоять свой почерк и стиль без усвоения наследия своих предшественников, так и его произведения, их последующая судьба, жизненность, проповедуемые моральные и этические качества — гуманизм, патриотизм и др., без этого не смогут оказать должного воздействия на нравственно-этические чувства людей.

О динамике развития художественной прозы периода независимости. Прежде чем говорить о динамике развития художественной прозы периода независимости, желательно взглянуть на некоторые важные моменты азербайджанской прозы советского периода, ее положительные и отрицательные стороны, способы отражения жизни, которые так или иначе повлияли на современный литературный процесс, позиции писателя относительно литературного материала, то есть исторической памяти, взаимосвязи истории и современности и т. д. Как известно, написание исторических произведений требует от писателя высокого художественного и эстетического чутья, внимания и большой ответственности. В такой момент писатель, стремясь, независимо от положения людей, охватить их национальную психологию, этногенез и образ мышления, причем независимо от того, какой период он описывает, выступает с позиции художественно-эстетических и социальных идеалов об-

щества. Таким образом, писатель использует историческую память как средство, позволяющее ему проводить параллели между прошлым и настоящим общества, к которому он принадлежит сам.

После падения советского режима интерес к прошлому народа постоянно возрастал. С достижением независимости миссия по раскрытию исторических истин была возложена на авторов, которые жили и творили в этот период. В течение 70 лет советского тоталитарного общества литература была насильственно идеологизирована, а возможности художника свободно описывать настоящее и историческую память были ограничены. С расширением этих возможностей в период независимости авторы сосредоточились на прошлом, на исторической памяти и раскрытии генетической памяти людей; тем самым они заложили основу для нового этапа развития литературы.

Анализ особенностей развития национальной прозы 1990—2010-х годов показывает, что в это время писатели и поэты сформировали свой особый, творческий подход в изучении национальной исторической памяти. Поскольку эти писатели представляют разные поколения и отличаются по характеру своего творчества, разнообразие является ключевым качеством в концепте их исторической памяти. Это разнообразие прозы также обусловлено ее стилем и богатством художественного описания.

Исследования показывают, что к исторической памяти обращались несколько поколений писателей. Среди них такие авторы, как И. Шихлы, И. Гусейнов, А. Джафарзаде, А. Ниджат, М. Исмаилов, которые в произведениях советского периода создали оригинальный подход. Этот подход был продолжен в творчестве С. Ахмедлы, Анара, Эльчина, М. Сулейманлы. В то же время немало произведений представителей художественного творчества, таких как К. Абдулла, А. Рагимов, А. Аббас, Х. Мираламов, Н. Абдулрахманлы, Парвиз, Э. Гусейнбейли, И. Фахми, А. Карадарали, А. Шариф и др., посвящено историческим судьбам народа и проблеме национальной памяти.

Одной из примечательных особенностей художественной прозы периода независимости стало выдвижение на передний план общественного мнения, его более широкое изображение. Так, история людей, путь, пройденный ими, стал объектом анализа как в психолого-нравственном, так и в социально-политическом аспектах. Со времен становления художественной прозы Азербайджана, содержание и форма обращений к прошлому, к исторической памяти народа различались между собой.

Подчеркивая важность подхода к событиям, описанным в творчестве писателя с точки зрения исторических судеб народа, Я. Караев подчеркивает, что «все начинается не только с настоящей народности, но и подлинной обобщенности, то есть умения взглянуть на все с точки зрения народа, его оценки и выдвигаемые критерии. ... Лишь тогда любое раскрываемое событие, которое тесно связано с духовной жизнью и судьбой нации, принимает форму общенациональной и общечеловеческой моральной правды и переходит на уровень реальной художественной истины. Ведь лишь в этом случае индивидуальное художественное мышление писателя может составить единство с этой правдой, став ее закономерным продолжением» [5, с. 179].

Концепция исторической памяти постмодернизма является одной из основных черт современной литературной прозы. Современная азербайджанская проза сформировала независимый взгляд на историческую память в контексте новой идеологической среды, которая зародилась в период независимости, превращая факты и события в литературный текст. События в нашем национальном сознании также повлияли на художественное мышление, и в связи с этим были предприняты определенные усилия для восстановления исторической памяти.

В эту эпоху, наряду с новыми темами и проблемами в художественном поколении, историческая память, искаженная в советское время, снова становится объектом исследований. Несомненно, постмодернизм, одно из ведущих направлений художественной прозы независимости, по-своему оценивает идеи и положения исторической памяти. Стереотип нового взгляда постмодернизма на историю требует несколько иного подхода к прошлому. Здесь художественная проза оценивает историческую память не как прежде, традиционно, а по-новому. Наша национальная история, наша память, наша культура перевоплощаются в художественную эпическую форму, в мифы, эпосы в контексте современ-

ности. По словам литературоведа А. Гаджили, «...этническое мышление азербайджанцев весьма ретроспективно и в действительности заменяет реальную хронологию идеальным прошлым, воспоминаниями о сакральном прошлом, мифических предках и т. д. Тюрки оценивают человека на основе прошлого и настоящего опыта, исходя из образцов поведения и жизни далеких предков. Этническое мышление всегда исходит из жертвенного начала, получая особый импульс от культа предков, рода, старейшин, родного очага» [4, с. 5—6].

Коренной поворот художественного мышления эпохи независимости в подходе к человеческому фактору и событиям, динамике их развития и качественным изменениям, привел к выдвижению на первый план необходимости исследования в художественном восприятии личностных качеств людей, упора на психологические критерии, более подробного исследования проблем национальной идентичности, национального самосознания и т. д. Изменения в содержании национальной прозы вызывают необходимость изменения ее формы, идейно-художественного характера, обретения новых смыслов.

Возврат азербайджанской прозы периода независимости к исторической памяти ознаменовал собой возврат к традициям исследования исторической памяти. Были созданы произведения, которые, отражая историю азербайджанского народа, подтвердили преданность национально-моральным ценностям, способствовали формированию национального самосознания и чувству национальной идентичности, оставив глубокий след в общелитературном процессе.

В азербайджанской прозе всегда прослеживалась тематика народной памяти и исторического прошлого народа. Как подчеркивают исследователи, «без света прошлого, без усвоения исторической памяти, без совершенного вооружения арсеналом исторического мышления невозможно получить истинную картину сегодняшних реалий» [2, с. 52]. Следует отметить, что эти тенденции не проявлялись одинаково во все периоды формирования и развития прозы. По мере развития самой прозы отношение к понятию исторической памяти не было однозначным. В отношении авторов и исследователей к понятию исторической памяти также были различия, которые в разное время обсуждались литературной критикой.

Годы независимости отмечены значительными событиями, которые изменили общественно-политическую, культурную и историческую жизнь Азербайджана. Распад Советского Союза, проблемы раннего этапа независимости стали предметом пристального внимания современного общественно-политического, литературно-культурного мышления. Процессы, начавшиеся в азербайджанском обществе с 1980-х гг., Карабахская война, реалии нового общества — все это стало главными вопросами, занимавшими умы писателей. В новую эпоху проза пыталась восстановить историческую память, утраченную в советское время, превращая национальную генетическую память в литературный материал. Азербайджанская литература, будучи вынуждена долгое время оставаться в составе советской литературы, «в годы независимости сделала приоритетом восстановление контекста естественного историко-культурного развития, возвращение к утраченным в советское время их истокам, корням и основам» [3, с. 25]. Это именно то, что требуют от литературы современные исторические условия.

События 1990-х гг. в общественно-политической жизни Азербайджана выдвинули в национальной литературе новое богатство тематики, проблем и подходов. В этом смысле можно назвать ряд событий, вошедших в генетическую память народа и ставших предметом художественного анализа: это Карабахская война, трагедия 20 января, влияние глобализированного общества на литературную среду, пропаганда идеологии азербайджанства, морально-нравственные утраты и т. д. Эта проблематика в той или иной форме нашла свое отражение в рассказах С. Ахмедова «Толпа», «Любовь к загробной жизни», «Кайф», Анара «Гостиница», «Белый баран, черный баран», серия рассказов Эльчина «Беженцы», его же произведение «Знаменосец», такие произведения, как «Буквы в слове "армяне"», «Тимуриды» М. Сулейманлы, а также работы А. Масуда, М. Оруджа, А. Рагимова, Э. Гусейнбейли, Н. Абдулрахманлы, М. Бакирли, С. Агаяра и др.

Художественная проза периода независимости при воссоздании исторической памяти в контексте социальных реалий исходит из современного взгляда на исторические события. Она касается проблемы беженцев, участия людей в общественно-политических процессах и многих других вопросов.

История никогда не забывается, никогда не уходит из памяти. Национальная идентичность, чувство национального самосознания и привязанность к истокам являются основными факторами, определяющими существование нации. Потеря земли — это тяжелый удар по прошлому, настоящему и будущему людей. Но хуже всего — это потеря национальной памяти. В этом смысле Я. Караев обращает внимание на то, что «нация, историческая судьба, национальная идентичность которой подвергается испытанию, чтобы выжить, ставит на кон все, за исключением двух вещей: родной земли и национальной памяти (то есть культуры!). Тысячу раз жаль, что нашими последними потерями стали потеря земли и утрата культурных достояний. Вторая, то есть культурная потеря, является более серьезной, чем первая: потеря земли приводит к появлению беженцев и вынужденных переселенцев, а потеря памяти — к превращению народа в непомнящих свое историческое прошлое и отрицающих эту необходимость. Это дикость и варварство, откуда трудно вернуться к цивилизованности и культуре...» [6, с. 692].

Ослабление и потеря остроты исторической памяти означают начало народной трагедии. Народ Азербайджана, подвергавшийся агрессии на протяжении многих веков, всегда стоял на страже собственных этнических ценностей, придерживался своих национальных идеалов, демонстрируя связь с исторической памятью и родовыми корнями. Как подчеркивает Н. Джафаров, «народ Азербайджана, более других пострадавший от различного давления и вмешательства, терял территориальную целостность и политическое единство, но никогда не терял целостности своего исторического мышления. И на основе этого целостного мировосприятия, его научно-теоретического осмысления была разработана и развита идеология азербайджанства» [1, с. 4].

Задача восстановления утраченной исторической памяти. Ознакомление с различными образцами азербайджанской художественной прозы периода независимости позволяет сделать вывод о том, что проблема исторической памяти разрабатывалась здесь довольно активно. То, что в народной памяти крепко запечатлены исторические факты, также важно, как их рассмотрение и художественное осмысление. Перед художественной прозой стояла задача восстановления исторической памяти народа, которая была в значительной степени утрачена. Идейно-художественное восприятие этого важного вопроса в национальном сознании в этот период составили одну из важнейших проблем художественной прозы. Отсюда, наиболее важной задачей является возрождение исторической памяти, причем без искажений, в сознании читателя и восстановление здесь необходимых материалов с национальных позиций, на уровне генетической памяти.

Оценка в годы независимости исторических реалий в контексте национально-нравственных ценностей способствует выявлению и раскрытию подтекстовых слоев описания и изложения. Описывая события современной жизни в новом историческом контексте, к исторической памяти обращаются писатели всех поколений. Одной из главных задач при этом является сохранение в исторической памяти национально-нравственных ценностей. Современность и историческая память часто дополняют друг друга, причем это часто происходит в унисон. Как подчеркивает Я. Караев, «современность — это всегда отражение прошлого, а прошлое всегда видно в зеркале современности. Вернее, именно отношение к настоящему обусловливает отношение к прошлому. ... Современность помогает увидеть прошлое, а осознанные закономерности прошлого помогают понять современность, это даже помогает заранее сообщить ей о завтра» [6, с. 6].

Современность всегда занимала лидирующую позицию в художественном мышлении; если при описании любого события писатель не выступает с позиций действительности, то будущее художественного текста будет поставлено под сомнение. В этом смысле фактор современности занимает особое место в художественной прозе независимого исторического периода, в котором находится страна. Но поскольку современность является понятием с широким содержанием, писателям часто трудно определить ее границы. Сосредоточив внимание на проблеме современности, И. Шихлы говорит о существовании трех подходов к событиям: «...одним из подходов является безоговорочное принятие всего, без анализа социологического смысла того, что происходит вокруг нас, без понимания социальной и философской природы этих событий. Это согласие по всем вопросам, без изучения факторов и связанных с ними культурно-нравственных процессов; дру-

гой подход связан с отрицанием всего, а третий, наиболее важный — это аналитический подход» [7, с. 155].

Аналитический подход к событиям, открывая перед литературной средой более широкие возможности, способствует становлению подлинного искусства; при этом писатель, внедряясь в глубинные слои социально-политических, нравственных проблем, выявляет причины их формирования, характер их влияния на социальные процессы и способы их устранения.

Сочетание исторической памяти и современности является одной из важнейших черт современной художественной прозы. В большинстве тем, разрабатываемых в художественной прозе, четко прослеживается связь между историей и современностью. Подобно тому, как эти произведения отличаются друг от друга с точки зрения темы и идеи, изображение исторической памяти столь же разнообразно. В целом формы и методы восприятия исторической памяти в художественном мышлении стали фактором, обогащающим современную художественную прозу.

На основе исследований было выявлено, что описание исторической памяти в азербайджанской художественной прозе шло в нескольких направлениях, по которым можно сделать следующие выводы.

Историческая память не была представлена на всех этапах художественной прозы. В этом смысле ссылки на литературные источники прозы играют большую роль в объяснении способов описания исторической памяти. Историческая память в трудах Ю.В. Чеменземинли, М.С. Ордубади, М. Джалала, Х. Мехди, Абульгасана, С. Рагимова, А. Велиева и других авторов направлена на описание стиля мышления и образа жизни людей. Однако поскольку советская идеология не позволяла писать историю народов, в то время многие реалии не нашли своего описания.

С окончанием сталинской эпохи, с 1950-х гг., в прозе было широко распространено изображение патриархальной жизни, создание человеческого характера, других, заслуживающих внимания, тенденций. В центре внимания прозы, описывающей проблемы исторической памяти, поставлены национальные характеры, которые формируются на национально-исторической основе.

Художественное изображение октябрьской, апрельской революций, гражданской войны, Великой Отечественной войны и Советской власти, характерные для советского периода, в прозе национальной независимости заменяются темой войны и беженцев в Карабахе. В большинстве прозаических примеров тоталитарной эпохи взгляды авторов на события формировались под влиянием советской идеологии, вдали от национальных реалий, явно прослеживалась тенденция к плакатному изображению.

В последующих литературных процессах описание исторической памяти и прошлого также было на первом плане. В литературной среде 1960-х гг. внимание обращается на возвращение к проблематике исторической памяти, формирование нового взгляда на национальную историю и новых подходов. В связи с этим творчество С. Ахмедова, Анара, Эльчина, А. Джафарзаде, А. Ниджата направлено на отражение проблем современной эпохи через выявление ее специфики, отдельных моментов и современных подходов к историческому материалу.

Сравнения и параллели с художественным восприятием проблем исторической памяти в разные периоды жизни позволяют предположить, что всесторонний анализ социальных, политических и моральных аспектов жизни в контексте исторической памяти в прозе независимости позволил устранить необъективную, одностороннюю характеристику советской эпохи.

В азербайджанской художественной прозе при обращении к прошлому главной ее чертой стала растущая тенденция постмодернизма. Деконструкция прошлого в произведениях К. Абдуллы, Анара, И. Фахми, Парвиза, Х. Херисчи, А. Шарифа и других привлекает внимание как пример национального постмодернизма. В современном постмодернизме, который наиболее распространен в мировой литературе, можно увидеть синтез стилей, времен, жанровое смешение.

Передача исторических реалий, фактов и известных истин посредством литературы так же важна и актуальна, как и их сохранение в исторической памяти. Необходимо об-

ратить пристальное внимание на восприятие литературной панорамы исторического периода, целостность исторической памяти. В годы независимости социально-историческая, просветительская, познавательная роль и значение азербайджанской литературы просматривались в анализе и исследовании произведений как по форме, так и по содержанию. В годы независимости в образцах прозы, описывающих события разных исторических периодов, основной целью было восстановление целостности исторической памяти на основе идеологии азербайджанства. В этом смысле основным предметом произведений, которые получили толчок через национально-историческое существование национальной идеологии, идеологии азербайджанства, является именно историческая память.

Превращение в литературной среде проблемы идеологии государственности, пропаганды идеи азербайджанства в предмет воспевания и пропаганды смогло изменить двойственное отношение, в целом советскую идеологию, существовавшую до независимости.

Историческая память является одной из главных черт азербайджанской прозы XX в., и есть один из компонентов, обогативших ее идейно-эстетическую сущность, скрытую в глубине художественной прозы и проявляющуюся в содержании произведения. Однако в целом подход к концепции исторической памяти был неоднозначным. В частности между писателями, исследователями и историками иногда возникали разногласия по поводу описания исторических реалий.

Список использованной литературы

- 1. Джафаров Н. Современность историчности... и историчность современности / Н. Джафаров. Баку: Наука и образование, 2011. 200 с.
- 2. Литературный процесс-78: проза, поэзия, драматургия / под ред. М. Джефера, К. Талибзаде, Я. Ясминзаде. Баку: Эльм, 1979. 158 с.
- 3. Алышаноглу Т. Азербайджанская литература в годы независимости / Т. Алышаноглу. Баку: Ганун, 2013. 216 с.
  - 4. Гаджили А. Морфология выбора / А. Гаджили. Баку: Мутарджим, 2010. 132 с.
  - Караев Я. Критерий личность / Я. Караев. Баку: Язычы, 1988. 457 с.
  - 6. Караев Я. История: вблизи и издалека / Я. Караев. Баку: Сабах, 1995. 712 с.
  - 7. Шихлы И. Всегда в поиске / И. Шихлы. Баку: Язычи, 1988. 360 с.

ARTISTIC INTERPRETATION PROBLEMS OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN AZERBAIJANI PROSE

Aslanova Nigar Galib, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan)

E-mail: a.q.nigar@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-5

Key words: Azerbaijani prose, historical memory, the fate of the people, artistic approach, moral values, national identity.

The article outlines the issues of artistic analysis of historical memory in Azerbaijani prose, traces modern approaches. The ways of forming new approaches to the idea of historical memory in the period of independence are considered. Historical events and facts become objects of artistic research in a new ideological environment. Historical realities, national and moral values are stated in the modern sense. National thinking and national identity play an important role in historical memory based on national ideology. The appeal to memory is connected with the desire of people for self-awareness. Artistic prose played a special role in the return of the centuries-old historical memory of the people. The ideological and artistic perception of this important mission in the national consciousness is the problem of prose of the period of independence.

The concept of the historical memory of postmodernism is one of the main features of modern literary prose. Modern Azerbaijani prose has formed an independent view of historical memory in the context of a new ideological environment that originated in the period of independence, turning facts and events into a literary text. Events in our national consciousness also influenced artistic thinking, and in connection with this, certain efforts were made to restore historical memory.

In this era, along with new topics and problems in the artistic generation, historical memory, distorted in Soviet times, again becomes the object of research. Undoubtedly, postmodernism, one of the leading trends in the artistic prose of independence, in its own way evaluates the ideas and positions of historical memory. The stereotype of a new view of postmodernism on history requires a slightly different approach to the past. Here, artistic prose evaluates historical memory not as before, traditionally, but in a new way. Our national history, our memory, our culture are transformed into an artistic epic form, into myths, epics, in the context of modernity. The transmission of historical realities, facts and known truths through literature is as important and relevant as their preservation in historical memory. It is necessary to pay close attention to the perception of the literary panorama of the historical period, the integrity of historical memory. During the years of independence, the socio-historical, enlightening, cognitive role and significance of Azerbaijani literature was seen in the analysis and research of works, both in form and content. During the years of independence, in the prose samples describing the events of different historical periods, the main goal was to restore the integrity of historical memory based on the ideology of Azerbaijanism. In this sense, the main subject of the works that received the impetus through the national-historical existence of national ideology was precisely historical memory.

References

- 1. Dzhafarov, N. *Sovremennost' istorichnosti... i istorichnost' sovremennosti* [The present of historicity... And historicity of the present]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2011, 200 p.
- 2. Dzhefera, M., Talibzade, K., Jasminzade, Ja. (eds.). *Literaturnyj process-78: proza, pojezija, dramaturgija* [Literary process-78: prose, poetry, dramatic art]. Baku, Jelm Publ., 1979, 158 p.
- 3. Alyshanoglu, T. *Azerbajdzhanskaja literatura v gody nezavisimosti* [Azerbaijani literature within Independence]. Baku, Ganun, Publ. 2013, 216 p.
  - 4. Gadzhili, A. Morfologija vybora [Morphology of a choice]. Baku, Mutardzhim Publ., 2010, 132 p.
  - 5. Karaev, Ja. Kriterij lichnost [Criterion the person]. Baku, Jazychy Publ., 1988, 457 p.
  - 6. Karaev, Ja. Istorija: vblizi i izdaleka [History: close and from apart]. Baku, Sabah Publ., 1995, 712 p.
  - 7. Shihly, I. Vsegda v poiske [Always in search]. Baku, Jazychi Publ., 1988, 360 p.

Одержано 17.09.2019.

УДК 80-341

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-6

ORCID: 0000-0002-3616-5945

М.Х. МАМЕДОВА,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры азербайджанского языка и технологии его преподавания Азербайджанского Государственного Педагогического Университета (г. Баку)

ВЛИЯНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Необходимость изучения влияния азербайджанского устного народного творчества на современные языковые процессы определена его значением в формировании национального самосознания, обогащении творческого потенциала людей и расширении их мировоззрения. В целом совершенствование владения языком влияет на духовный мир человека, на культуру общения, на его отношение к миру. Вместе с тем современный азербайджанский язык подвержен влиянию социальных сетей, широкой миграции его носителей, городского образа жизни. Все это разобщает людей, лишает их непосредственного общения. В статье показано, что на протяжении последних полутораста лет язык жителей страны подвергся значительным изменениям, связанным с упрощением и обеднением языкового состава. Фольклор, устная народная литература все меньше усваиваются носителями языка, поскольку они перестают жить в сознании людей. Сегодня языковое богатство фольклора сохранилось лишь в записях сказителей. Из года в год уменьшается число применяемых оборотов и выражений, излагаемых сказаний и легенд. Предлагается ввести ряд мер по пропаганде и изучению образцов устного народного творчества в СМИ, через систему образования, выработку делового общения и т. д. Каждый стиль современной устной речи должен быть обогащен на основе фольклорного словаря.

Ключевые слова: азербайджанский язык, устное народное творчество, современные языковые процессы, фольклорные жанры, духовная культура.

Необхідність дослідження впливу азербайджанської усної народної творчості на сучасні мовні процеси визначена її значущістю у формуванні національної самосвідомості, збагаченні творчого потенціалу людей та розширенні їх світогляду. У цілому вдосконалення володіння мовою впливає на духовний світ людини, на культуру спілкування, на її ставлення до світу. Разом с тим сучасна азербайджанська мова піддана впливу соціальних мереж, широкій міграції її носіїв, міського образу життя. Усе це роз'єднує людей, позбавляє їх безпосереднього спілкування. У статті показано, що протягом останніх півтораста років мова мешканців країни була піддана значним змінам, пов'язаним із спрощенням та збідненням мовного складу. Фольклор, усна народна література все менше засвоюються носіями мови, оскільки вони припиняють життя у свідомості людей. Сьогодні мовне багатство фольклору збереглося лише у записах розповідачів казок. З року в рік зменшується кількість застосовуваних оборотів і виразів, сказань і легенд. Пропонується запровадити низку заходів з пропаганди і вивчення зразків усної народної творчості у ЗМІ, через систему освіти, вироблення ділового спілкування тощо. Кожен стиль сучасної усного мовлення має бути збагаченим на основі фольклорного словника.

Ключові слова: азербайджанська мова, усна народна творчість, сучасні мовні процеси, фольклорні жанри, духовна культура.

звестно, что каждый язык имеет особый набор слов и словосочетаний, носящих устойчивый характер и связанных с выражением некоторого смысла. Язык есть динамичная, открытая система, в особенности в период, когда информационные технологии еще не были развиты и фиксация понятий и смыслов, выражавших предметы и процессы окружающего мира, не происходила, он развивался путем обогащения содержания уже имевшихся слов и словосочетаний, а также формирования новых устойчивых смыслов. Все это являлось ведущим направлением кодирования действительности, что откладывалось в духовной культуре в виде различных форм — это художественная литература, фольклор, научная терминология, словарный состав для выражения различных действий в производственно-профессиональных структурах.

Социальные отношения помогали людям на протяжении веков формировать и совершенствовать формы жизни, которые укреплялись через совместный труд и познание. Здесь использовались возможности языка, который развивался как особая знаковая система, все время расширявшаяся и сыгравшая впоследствии исключительно важную роль в социализации человека, развитии его творческих возможностей и способностей. Поражает то многообразие, которое можно наблюдать в языке при рассмотрении вариантов тех или иных жанров фольклора, в особенности это видно при сопоставлении фольклора различных народов, в том числе тюркоязычных. Здесь играют роль так называемые «бродячие сюжеты», вместе с тем условия жизни, возможность общения, влияние особенностей природного развития обусловливали красочность, или напротив, скудность в использовании выразительных средств при желании отобразить то или иное событие или факты посредством языка, чтобы запечатлеть их в памяти.

Вопросы развития языка, в том числе под влиянием фольклорного контента, рассматривались многими исследователями, анализировавшими эти процессы в азербайджанском языке. Указанные проблемы рассматривали С.Г. Мехтиева [1], М.А. Баширова [2], П. Эфендиев [4], В. Велиев [5], М. Тахмасиб [6], М. Сейидов [7], А. Набиев [7], С. Пашаев, С. Оруджева [8] и др. Следует отметить, что тематика исследований достаточно многообразна. В частности помимо анализа общей структуры, жанрового многообразия, идейной и тематической направленности, здесь также изучены вопросы взаимовлияния отдельных жанров на фольклорные жанры других народов, диалектные особенности устного народного творчества, проблематика перевода, влияния фольклора на культуру речи, развитие отдельных жанров современной художественной литературы. Все это составляет богатейшую основу для определения степени и характера влияния фольклора как значительного пласта словарного состава азербайджанского языка на современные языковые процессы. Вместе с тем параллельно идущий процесс глобализации, активно влияющий на формирование словарного состава языка носителя, и ведущий к широкому билингвизму, отражается на восприимчивости носителя языка к самому древнему его пласту, то есть фольклору. Очевидно, что фольклор постепенно утрачивает здесь свои позиции.

Целью данного исследования является анализ характера влияния отдельных фольклорных произведений, их метафоричности на развитие современного словарного состава азербайджанского языка. При этом будут использоваться первоисточники, то есть фольклорные произведения, которые в разные периоды исторического развития страны фиксировались исследователями и были впоследствии опубликованы, помимо того, будут анализированы научно-теоретические источники, обобщены их данные.

Как известно, существующие произведения устного народного творчества делятся в основном на лирические, эпические, драматические виды. К лирическим жанрам относятся песни, баяты, припевки, плачи, воспевания, колыбельные, уподобления, скороговорки, к эпическим жанрам относятся сказки, легенды, анекдоты, эпосы, а к драматическим жанрам — народные представления, кукольный театр [3, с. 11–12].

В различных формах и проявлениях духовной жизни суть языковых процессов, их значение и роль заключаются в следующем: в любой форме жизнедеятельности явно или незримо присутствует речь или языковые проявления в каком-либо другом виде, в том числе ее древние пласты в виде фольклора. Поскольку и здесь, в условиях глобализации, идет активная передача различных художественных образов и ценностей посредством языка, то

роль его здесь невосполнима: богатство выразительных средств родного языка дополняется возможностями заимствованных слов, выражений, структур.

Все это при умелом использовании должно способствовать совершенствованию языковой системы, ее содержания и формы, в обратном же случае, когда слово заменяется каким-либо штампом, оборотом или структурой, происходит, несомненно, оскудение языковых средств и вместе с этим — обеднение пространственно-образного восприятия мира посредством родного языка, поворот в мыслительных процессах к искусственным конструкциям и структурам, более свойственным машинам-автоматам, нежели людям.

Можно отметить некоторые направления развития искусства, отражающие в себе указанные выше процессы – примерно с начала ХХ в., к примеру, в изобразительном искусстве, под влиянием городского образа жизни, начали формироваться новые виды как фундаментального, так и декоративно-прикладного искусства, поэзии, графики, изобразительного искусства, музыки, и т. д., стали широко развиваться новые виды СМИ, которые на сегодняшний день играют роль новатора в развитии знаковых систем, в том числе и языковых.

Многочисленные изменения в знаковом характере выражения смысла в произведениях искусства знаменовали собой новый взлет в технократическом мышлении, новые повороты во взаимовлиянии культурных процессов в мире. В азербайджанской культуре, как составном элементе мировой культуры, также происходят изменения как в сторону обогащения, так и утраты некоторых приоритетов, причем немалую роль здесь играют интегративные процессы по унификации образа и стиля жизни. Все это отразилось на важнейшем средстве восприятия и усвоения культурных ценностей — языке.

Культура все более омассовляется, что выражается в развитии и формировании различных развлекательных программ, рассчитанных на быстрое восприятие и эмоциональное удовлетворение далеко не самых высоких ценностей. Во всех сферах искусства абстракции, символы, структуры носят на себе печать современной техногенной цивилизации, скорость восприятия которых достаточно высока, что способствует формированию новых языковых штампов, сленга, стиля и т. д. Происходит смена ценностей и приоритетов в художественных образах и в их восприятии. Как остановить этот процесс или переориентировать его? Немаловажное значение имеет здесь словарный состав речи и мышления носителей языка, то, насколько он связан с истоками, фольклорными материалами.

Данная связь может быть прослежена через анализ стилистических особенностей речи современных носителей того или иного языка, в том числе литературных процессов. Каковы особенности языковых процессов в литературных жанрах и направлениях? Учитывая смену интересов у читающей публики в сторону быстрого разрешения обсуждаемой в произведении проблемы, подача материала должна быть как можно более доступной, основанной на остросюжетной линии, должна быть эмоционально завершенной. Таким требованиям больше всего соответствуют детективные романы, которые и пользуются у публики наибольшим спросом. Новый стиль мышления, новая подача материала (с помощью ИКТ и т. д.) уводят в сторону потребителя языка, заставляя работать его мышление в новой модели языкового восприятия мира.

Так, к примеру, поэзия работает в основном на памятные даты, на музыкальные жанры, на сатиру и юмор, т. е. монументальность, эпичность здесь давно ушли на второй план, хотя тематика может быть и философской. Вместе с тем это тот слой языковых процессов, где классическая основа языка, в том числе и литературного, используется наиболее активно и полноценно. К сожалению, такие направления литературного творчества, как беллетристика, телевизионные устно-речевые жанры в этом плане сильно отстают от художественно-литературных; данное явление характерно для каждого языка, в том числе и в постсоветских странах. Дикторы и тележурналисты давно не придерживаются общепринятых норм литературного языка; здесь наблюдается формальная видимость, скудость как языковых средств, так и идей, этими средствами выражаемых. Естественно, это касается о того словарного состава, который связан с устным народным творчеством.

Необходима планомерная работа в указанных сферах деятельности, потому что и пресса, и телевидение являются мощными средствами воздействия на сознание людей, формирующих как общую культуру, так и языковую. Необходимо, на наш взгляд, усилить контроль в данной сфере с помощью специально созданных структур.

Больше всего подвержена влиянию инородных языков наука, ее фундаментальные и прикладные аспекты. Известно, что общенаучные понятия осуществляют «интегративно-синтетическую функцию, которую они реализуют в процессе растущей взаимосвязи естественных, технических, общественных и гуманитарных наук» [12, с. 22]. Именно они сегодня наиболее широко представлены в научных концепциях, являются предметом изучения и, естественно, накладывают отпечаток на языковые процессы в образовательной системе, в культурной жизни в целом.

Язык сегодня подвергается глобальному воздействию именно научной терминологии, и задача языковедов, представителей различных отраслей знаний — включать их в словарный запас своего языка с большой осторожностью, подходить к этому делу творчески, а не использовать в своих работах «макаронический» язык, или же пользоваться лишь языковыми кальками. Отсюда — важность междисциплинарного подхода к изучению языка, в том числе и научного. В целом условия постоянного расширения и углубления сфер межкультурной коммуникации в современном мире в целом, и в Азербайджане в частности, требуют основательного реформирования языкового образования, в том числе и связанного с научными парадигмами.

Проблемы языкового билингвизма особенно актуальны в бизнесе, в частности наиболее быстро развивающихся сферах, таких, как финансы и торговля. Известно, что на гребне глобализации находятся именно сферы торговли и финансов, здесь «язык» бизнеса должен успешно сочетаться со знанием естественных языков. Налицо связь данной проблемы с уровнем работы системы образования, т. к. полученные языковые навыки могут быть успешно применены на данном уровне общения, следовательно, следует разнообразить методы обучения языковой коммуникации, в том числе и в различных сферах общественной жизни.

И, наконец, следует отметить, что активные языковые процессы идут в быту и семейной жизни. Уровень жизни, миграция, система образования, обычаи и традиции, уклад и образ жизни отражаются на комплексе языковых навыков, которыми владеют люди, и которыми пользуются в быту и в семье. Наиболее успешно процесс усвоения языковых навыков идет в семье, где родители говорят на разных языках, или в многоязыковой среде, к примеру, там, где живут мигранты. Хорошие результаты получаются при раннем изучении языков детьми, еще в раннем детском возрасте. На языковую подготовку влияет среда (окружение) и школьное образование.

Повышение уровня культуры быта, культуры семейных взаимоотношений, наряду с растущими процессами взаимосвязи и взаимовлияния, увеличение контактов между регионами, странами, континентами, в том числе и на уровне семейных отношений, будет способствовать успешному развитию процессов языковой ассимиляции, с условием сохранения своеобразия и самобытности каждого из них.

Положение словарного состава, исходящего от фольклорных произведений, также несколько затруднительно. Известно, что самыми ранними образцами устной народной литературы являлись размышления первобытных людей об их средствах к существованию, природных явлениях, охоте, труде и т. п. Они родились в древние времена, жили и развивали материальную культуру, что переходило от человека к человеку, от поколения к поколению. Образцы фольклора имеют многовековую историю. Они заставляли людей задумываться, выражали в себе силу общественного мнения, силу художественного мышления. Эти жемчужины искусства отличаются жанровым колоритом, особым языковым стилем, поэтической позицией и фольклором. Они сопровождали человека всю жизнь, поскольку устное народное творчество глубоко отражало размышления народа о человеческой судьбе, патриотизме, гуманизме, любви и ненависти, отношении к важным социальным и политическим событиям в разные исторические периоды.

Образцы устного народного творчества отражали жизнь, все ее аспекты и стороны. Потому первыми примерами подобных чувств стоит назвать трудовые песни. Другие жанры фольклора — это сказки, эпосы, пословицы, мудрые изречения, потешки, байки и т. д. Устная народная литература как коллективное творчество отражает пожелания и чаяния многих людей, их отношение друг к другу, и уровень воспитания.

Словарный состав устной народной литературы, его идейно-духовное содержание стало играть большую роль не только для азербайджанской литературы, но и для истории, географии, этнографии и многих других наук. Известно, что язык азербайджанского народа является одним из тюркских языков, и естественно, что темы и мотивы древнетюркского фольклора широко отражены в азербайджанском фольклоре [1].

В большинстве азербайджанских мифологических текстов древнетюркская мифология является ведущим мотивом. Это можно увидеть в космогонических мифах, связанных с сотворением мира, в этномифах, связанных с происхождением этноса, и в календарных мифах, связанных с сезонными процессами. Появление мифологических текстов и их сохранение в виде элементов в фольклорных текстах тесно связано со взглядами первобытного человека на мир, на природную стихию. Желание воздействовать на силы природы посредством речи, движения и игры заставило первобытного человека создавать и воспроизводить мифологические тексты. Среди них «Коса-Коса», «Коду-Коду», «Новруз», «Хыдыр Наби» и другие ритуальные и бытовые танцы.

Естественно, что все это составило важнейший пласт современного языка, на котором говорят потомки древних племен, когда-то населявших древний Азербайджан, то есть азербайджанского.

Рассмотрим, насколько плотно входят в быт, в нашу повседневную жизнь тексты, отдельные выражения, идиомы, фразеологические обороты, паремии, составляющие основу устного народного творчества. Прежде всего отметим, что «сочный» народный язык в его первозданном виде не мог сохраниться, поскольку процессы миграции, развитие инфраструктуры, совершенствование системы образования, билингвизм, который является веянием времени, в значительной степени влияет на словарный состав и характер употребления отдельных слов и выражений. В итоге за последние 100—120 лет значительно «обеднели» говоры, диалекты и наречия, применение в быту, обычаях, традициях различных жанров устного народного творчества значительно уменьшилось. Очень мало исполняется обрядовых песен, в том числе на свадьбах, на сельскохозяйственных работах, при уходе за скотом, на различных празднествах, в речи лишь представителей старшего поколения можно встретить к месту сказанную пословицу, поговорку, присказку, загадку, сказку и другие виды и жанры устного народного творчества.

Видимо, имеет значение интерференция языковых процессов, влияние того факта, что подавляющее большинство жителей страны изучают иностранные языки, покидают свою «малую» родину, то есть именно те места, где и были «сотворены» произведения фольклора, меняются формы хозяйствования. Все эти фольклорные тексты создавались в условиях сельскохозяйственного труда, небольшой миграции, здоровых природных условий, когда людей окружали леса, горы, полноводные реки, богатая флора и фауна.

Способ хозяйствования отражался на характере общения, на способах и формах общения. Сейчас прежние празднества и формы времяпрепровождения сменили социальные сети, Интернет, поездки в другие страны, регионы и т. д., поскольку развита транспортная система по всему миру. Речь становится в таких условиях более конкретной, точной, краткой, и с точки зрения художественности и метафоричности — малочитересной. Более-менее богатой речью обладают профессиональные мастера пера, актеры, учителя, преподающие родной язык и литературу. Большие проблем имеются с речью и текстами, которые используются в СМИ. Прежде всего дикторы, журналисты, телеведущие многочисленных передач не владеют в большинстве своем языком во всем его богатстве и разнообразии, что видно сразу. Кроме того, тексты, которые публикуются в прессе, также страдают многочисленными стилистическими ошибками. Нет строгого контроля над уровнем культуры речи, над решением необходимых проблем социолингвистики.

Отметим, что подобные тенденции наблюдаются во всех языках мира. Сохранить богатство и неповторимость языкового контента, связанного с устным народным творчеством, можно путем целенаправленной работы в системе образования, в СМИ, над стиля-

ми речи, над общей культурой, и культурой речи в частности. Тем самым можно будет сохранить самые ценные стороны ментальности народа, поскольку именно язык является наиболее важной его частью.

Обратимся к конкретным примерам, иллюстрирующим уровень и характер применения словарного состава устного народного творчества в современной устной речи в разных контекстах. Вначале рассмотрим сохранность образцов фольклора в бытовой, диалогической речи:

Səriyyə: Bədbəxt canım! Necə illər idi ümid edirdim ki, gələcəkdə Rüstəm, əmim oğlu, istəklim ilə bəxtiyar yaşayacağam. Amma, heyhat! Ey dövrani-zalım! Ey taleyi-biyəfa! Bumu illər ilə gözlədiyim həyat? Ah! Azadə bir bülbül kimi həmişə güllər arasında gəzdiyim halda, indi gör gəza məni nələrə məhkum etmis?

(Сария: Несчастная я! Много лет я надеялась, что я в будущем буду жить долго и счастливо с моим двоюродным братом Рустамом. Но, жаль! О жестокие времена! О, моя несчастная судьба! Эта ли та жизнь, которую я ждала годами? Ах! Я всегда бродила среди цветов, как свободный соловей, и на что же обрекла меня судьба?) [12, с. 11].

Rəşad: "Əlbəttə, əzablıdır, amma həyatın gözəlliyi də bundadır. Bəs sakitliyin, rahatlığın nəyi gözəldir? Həyatda ki, bir şeyin əzabını çəkmədin, nəsə bir şeyin həsrətilə yaxılıb-yanmadın, o nə həyatdır?"

(Рашад: Конечно, это больно, но в этом красота жизни. Что же хорошего в спокойствии и комфорте? Что это за жизнь, если ни за что не переживаешь, ничто тебя не мучает и не приносит страдания?) [13, с. 61].

У приведенных отрывков разница примерно в 100 лет. В первом отрывке, в монологе девушки много устойчивых словосочетаний, присущих бытовой лексике начала ХХ века: Amma, hevhat! Ev dövrani-zalım! Ev talevi-bivəfa! Azadə bir bülbül kimi həmisə aüllər arasında qəzdiyim halda и т. д. Второй герой необходимость страдания в жизни обосновывает без патетики, более взвешенными выражениями, в рамках литературной речи.

Həzərat! Bu gün Azərbaycan istiqlalı bilxassə onun üçün əzizdir ki, bu istiqlalımıza xaricdən təhlükə var, təhdid var. Millətin ruhundan çıxan bugünkü səmimiyyətlə söylənəni qüvvətlə söyləriz ki, o, hər bir atəşdən, hər bir yərəğandan qüvvətlidir. Rədd olsun bizim istiqlalımız əleyhində olan murdar əllər (algış).

(Господа! Сегодня независимость Азербайджана потому нам очень дорога, потому что есть опасность извне, есть угроза. Вы можете громко заявить, что сегодняшняя искренность, исходящая от духа нации, сильнее, чем пожар или болезнь. Долой от нас грязные лапы захватчиков, прочь от нашей независимости (аплодисменты) [14].

Ali Sovetin sədri kimi Azərbaycan xalgının tarixi nailiyyəti olan Azərbaycan Respublikasının dövlət müstəqilliyini qorumağı, möhkəmləndirməyi, inkişaf etdirməyi özüm üçün ən əsas vəzifələrdən biri hesab edirəm. Azərbaycan Respublikasının dövlət müstəqilliyi 1918-ci ildə yaranmış ilk Azərbaycan Demokratik Respublikasının ənənələri əsasında, müasir tələblərlə, dünyada gedən proseslərlə bağlı olaraq təmin olunmalıdır.

(Как председатель Верховного Совета я считаю одной из главных задач для меня сохранение, укрепление и развитие государственной независимости Азербайджанской Республики, историческое достижение азербайджанского народа. Государственная независимость Азербайджанской Республики должна обеспечиваться на основе традиций первой Азербайджанской Демократической Республики, созданной в 1918 году, сучетом современных требований и происходящих в мире процессов) [15].

Следующие два отрывка связаны с парламентской речью. Каждый из выступающих является исторической личностью (М.Э. Расулзаде и Г.А. Алиев), они выступают в переломные моменты истории. Речь Расулзаде более эмоциональна, и потому содержит в себе ряд метафор: hər bir atəşdən, hər bir yərəğandan qüvvətlidir. Rədd olsun bizim istiqlalımız əleyhində olan murdar əllər! и т. д. Это было связано как с особенностями политической риторики 1919 года, так и с опасностью, подстерегавшей молодую Республику – внешней агрессией, вторжением Советов. Речь Г.А. Алиева является образцом современной политической речи, взвешенной, точной и исторически обоснованной. В каждом случае воздействие на слушателей было достаточно сильным.

Разумеется, приведенные примеры показывают воздействие народного языка лишь примерно, поскольку более в рамках небольшой статьи это не представляется возможным, нужно приводить больше иллюстративных материалов. Вместе с тем формирование словарного состава у современных носителей азербайджанского языка происходит не через восприятие на том или ином уровне текстов и выражений из народного фольклора, а путем системного обучения через систему образования, через СМИ, социальные сети, устное общение и т. д.

Устное народное творчество азербайджанского народа представлено многочисленными жанрами, имеющими вариации как на уровне диалектов и наречий, так и на уровне взаимодействия между носителями других тюркских языков, а также языков региональных народов. Смена этапов цивилизации привела к тому, что устное народное творчество со временем стало утрачивать своих носителей, стал ограничиваться круг его носителей. На современном этапе развития азербайджанского языка, учитывая сужение диапазона использования устного народного творчества, необходимо принимать специальные меры по сохранению этого великого культурного пласта, который играет значительную роль в становлении этнического самосознания каждого носителя языка.

Список использованной литературы

- 1. Тахмасиб М.Х. Избранные произведения: в 2 т. / М.Х. Тахмасиб. Баку: Мутарджим, 2010. Т. 1. 488 с.
- 2. Баширова М.А. Структура и семантика диалектных фразеологических единиц азер-байджанского языка: на материале дербентского диалекта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.А. Баширова. Махачкала, 2006. 29 с.
- 3. Алиев Р. Азербайджанская устная народная литература (современные актуальные проблемы) / Р. Алиев. Баку: Маариф, 2014. 350 с.
- 4. Оруджева С. Проблемы сбора, перевода и публикации азербайджанского фольклора (на основе сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа) / С. Оруджева. Баку: Елм ва тахсил, 2012. 536 с.
- 5. Гасанкызы А. Введение в фольклор (учебник) / А. Гасанкызы. Баку: Наука и образование. 2015. 260 с.
- 6. Тахмасиб М.Х. О структуре дастана «Книга моего деда Коркута» / М.Х. Тахмасиб // Исследования по азербайджанскому фольклору. Кн. 1. Баку: Мутарджим, 1961. С. 78–96.
- 7. Умудов Г. Азербайджанское фольклороведение: история и проблемы / Г. Умудов. Баку: Елм ва тахсил, 2011. 152 с.
- 8. Абдулалиев А. Баяты-мугам в восточной традиционной профессиональной музыке / А. Абдулалиев // Материалы II Международного научного симпозиума «Мир мугама». Баку: Восток Запад, 2011. С. 7–15.
- 9. Пашаев С. Сравнительный анализ азербайджанских легенд и легенд с нашими литературными памятниками / С. Пашаев. Баку: Нурлан, 2007. 235 с.
- 10. Кравцов Н.И. Историческая поэтика фольклора: общие вопросы / Н.И. Кравцов // Фольклорная поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 6–13.
- 11. Методологические функции философских категорий: межвузовский научный сборник / под ред. Я.Ф. Аскина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. 149 с.
- 12. Джаббарлы Дж. Произведения: в 4 т. / Джафар Джабарлы. Баку: Восток Запад, 2005. Т. 2. 360 с.
  - 13. Baxaбзаде Б. Пьесы / Б. Baxaбзаде. Баку: Гянджлик, 1980. 355 с.
- 14. Парламент Азербайджана-95: выступления М.А. Расулзаде. 14 апреля 1919 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://modern.az/az/news/48541 (последнее обращение 28.09.2019).
- 15. Выступление Гейдара Алиева в парламенте 15 июня 1993 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://az.wikisource.org/ (последнее обращение 28.09.2019).

INFLUENCE OF AZERBAIJANI FOLKLORE ON THE MODERN LANGUAGE PROCESSES

Melek Kh. Mamedova, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan)

E-mail: meleksaid90@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-6

Key words: Azerbaijani language, oral folk art, modern language processes, folklore genres, spiritual culture.

The necessity in studying the influence of the oral folklore of the Azerbaijani community on contemporary language processes is determined by its consequence in the formation of national identity, enriching the constructive potential of people and expanding their worldview. Generally, improving language skills influences the human's spiritual world, the culture of communication, and his attitude to the world. At the same time, the modern Azerbaijani language is influenced by social networks, the wide migration of its speakers, urban lifestyle. All these factors estrange people, deprive them of direct communication. Social relations have helped people for centuries to constitute and develop life forms, which were strengthened through compound work and cognition. Here were used the possibilities of the language, which developed as a special symbolic system, constantly expanding and subsequently playing an extremely important role in the socialization of a person, the development of their creative capabilities and abilities. Astounding is the diversity that can be observed in the language, when considering the options of certain genres of folklore, this is especially evident when comparing the folklore of various peoples, including Turkic-speaking.

At the same time, the parallel process of globalization, actively influencing the formation of the native language vocabulary, and leading to widespread bilingualism, is reflected in the susceptibility of the native speaker to its most ancient layer, namely folklore. Obviously, folklore is gradually losing its position here.

The position of the vocabulary coming from folklore is also somewhat difficult. It is known that the earliest examples of oral folk literature were the thoughts of primitive people about their livelihoods, natural phenomena, hunting, labor etc. They were born in ancient times and lived and developed a material culture that passed from person to person, from generation to generation. Folklore samples have a long history.

Over the past 100–120 years, idioms, dialects and jargons have become significantly "poorer", the use in everyday life, customs, traditions of various genres of folklore have cardinally decreased. Very few ritual songs are performed, including at weddings, agricultural work, cattle care, at various festivals, in the speech of only representatives of the older generation, one can meet the said proverb, saying, riddle, fairy tale, and other kinds of oral folk art genres.

It is shown that over the past one and a half years, the language of the country's inhabitants has undergone essential changes associated with the simplification and impoverishment of the linguistic composition. Folklore – oral folk literature – is less and less absorbed by native speakers, since it ceases to live in the minds of people. Today the linguistic richness of folklore is preserved only in the writings of storytellers. From year to year, the number of revolutions and expressions used, narrated legends and legends decreases. It is proposed to introduce a number of measures to promote and study samples of oral folk art in the media through the educational system, the development of business communication, etc. Each style of modern spoken language should be enriched based on a folklore dictionary.

References

- 1. Tahmasib, M.H. *Izbrannye proizvedenija: v 2 tomah* [Selected works: in 2 volumes]. Baku, Mutardzhim Publ., 2010, vol. 1, 488 p.
- 2. Bashirova, M.A. *Struktura i semantika dialektnyh frazeologicheskih edinic azerbajdzhanskogo jazyka: na materiale derbentskogo dialekta*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structure and semantics of dialect phraseological units of Azerbaijani language: on a material of Derbent dialect. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Mahachkala, 2006, 29 p.
- 3. Aliev, R. *Azerbajdzhanskaja ustnaja narodnaja literatura (sovremennye aktual'nye problemy)* [Azerbaijani oral national literature (modern actual problems)]. Baku, Maarif Publ., 2014, 350 p.
- 4. Orudzheva, S. *Problemy sbora, perevoda i publikacii azerbajdzhanskogo fol'klora (na osnove sbornika materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza)* [Problems of gathering, translation and the publication of Azerbaijani folklore (on the basis of the collection of materials for the description of districts and tribes of Caucasus)]. Baku, Elm va tahsil Publ., 2012, 536 p.
- 5. Gasankyzy, A. *Vvedenie v fol'klor (uchebnik)* [Introduction in folklore (textbook)]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2015, 260 p.

- 6. Tahmasib, M.H. *O strukture dastana "Kniga moego deda Korkuta"* [About dastan structure "The Book of my grandfather Korkuta"]. *Issledovanija po azerbajdzhanskomu fol'kloru. Kniga 1* [Researches on Azerbaijani folklore. Book 1]. Baku, Mutardzhim Publ., 1961, pp. 78-96.
- 7. Umudov, G. *Azerbajdzhanskoe fol'klorovedenie: istorija i problemy* [Azerbaijani folklore studies: history and problems]. Baku, Elm va tahsil Publ., 2011, 152 p.
- 8. Abdulaliev, A. *Bayaty-mugam v vostochnoj tradicionnoj professional'noj muzyke* [Bayaty-mugam in East traditional professional music]. *Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma "Mir muga-ma"* [Materials of 2nd International scientific symposium "Mugama World"]. Baku, Vostok Zapad Publ., 2011, pp. 7-15.
- 9. Pashaev, S. *Sravnitel'nyj analiz azerbajdzhanskih legend i legend s nashimi literaturnymi pamjatnikami* [The comparative analysis of Azerbaijani legends and legends with our literary monuments]. Baku, Nurlan Publ., 2007, 235 p.
- 10. Kravtsov, N.I. *Istoricheskaja pojetika fol'klora: obshhie voprosy* [Historical poetics of folklore: general questions]. *Fol'klornaja pojeticheskaja sistema* [olklore poetic system]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 6-13.
- 11. Askin, Ya.F. (ed.). *Metodologicheskie funkcii filosofskih kategorij: mezhvuzovskij nauchnyj sbornik* [Methodological functions of philosophical categories: interuniversity scientific collection]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta Publ., 1989, 149 p.
- 12. Dzhabbarly, Dzh. *Proizvedenija: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Baku, Vostok Zapad Publ., 2005, vol. 2, 360 p.
  - 13. Vahabzade, B. P'esy [Plays]. Baku, Gjandzhlik Publ., 1980, 355 p.
- 14. Parlament Azerbajdzhana-95: vystuplenija M.A. Rasulzade. 14 aprelja 1919 g. [Parliament of Azerbaijan-95: M.A. Rasulzade's speech. On April, 14th, 1919]. Available at: https://modern.az/az/news/48541 (accessed 28 September 2019).
- 15. Vystuplenie Gejdara Alieva v parlamente 15 ijunja 1993 g. [Gejdar Aliev's parliament speech on June, 15th, 1993]. Available at: https://az.wikisource.org/ (accessed 28 September 2019).

Одержано 5.09.2019.

УДК 376.32

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-7

Ю.В. ПАТЛАНЬ,

ведущий научный сотрудник отдела архивов НЦНК «Музей Ивана Гончара» (г. Киев)

ВАСИЛИЙ ЕРОШЕНКО КАК СОЗДАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕРВОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА ДЛЯ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ ТУРКМЕНСКОЙ ССР (1935–1945)

Статья подготовлена к 130-летию писателя-символиста В.Я. Ерошенко и 85-летию созданной им школы для слепых детей в Туркменской ССР. В ней впервые сведены воедино и максимально полно опубликованы три комплекса документальных материалов: 1) копии выписок и приказов Наркомпроса ТССР; 2) воспоминания воспитанников детдома М. Амансахатова, В.О. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момыева, Б. Ниязменглиева, З. Токаевой, воспитательницы Р. Киселевой и учительницы З. Шаминой; 3) статьи в туркменской республиканской печати и московском журнале «Жизнь слепых» за 1935—1938 гг., посвященные работе детдома для слепых в Туркмении, и статьи 1973—1974 гг., содержащие воспоминания его работников и воспитанников. На основании документов эпохи впервые наиболее полно раскрыта роль В.Я. Ерошенко как незрячего наставника незрячих детей. На наш взгляд, в 1930—1940-х гг. Ерошенко выстраивал детский дом с 5-классной начальной школой и ремесленными мастерскими по примеру начальных протестантских миссионерских туземных школ для слепых в Британской Бирме, где он преподавал в 1917—1918 гг. Это и явилось причиной конфликтов В.Я. Ерошенко с создаваемой Наркомпросом ТССР новой советской системой детдомов и государственными кадровыми решениями.

Ключевые слова: В.Я. Ерошенко, М. Амансахатов, В. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момыев, Б. Ниязменглиев, З. Токаева, Р. Киселева, З. Шамина, детдом для слепых детей, воспоминания, образование слепых, Кушка, Туркменская ССР, приказы Наркомпроса ТССР.

Статтю підготовлено до 130-річчя письменника-символіста В.Я. Єрошенка та 85-річчя створеної ним школи для сліпих дітей у Туркменській РСР. У ній вперше зведено докупи й максимально повно опубліковано три комплекси документальних матеріалів: 1) копії витягів з розпоряджень та наказів Наркомпросу ТРСР; 2) спогади виховательки Р.О. Кисельової, вчительки З.І. Шаміної та вихованців дитбудинку М. Амансахатова, В.О. Бродо, П.С. Малолетенко, В.С. Малолетенко, Н. Момиєва, Б. Ніязменглієва, З.О. Токаєвої; 3) статті у туркменській республіканській пресі та московському журналі «Жизнь слепых» за 1935—1938 рр., присвячені роботі дитбудинку для сліпих у Туркменії, а також статті 1973—1974 рр., які містять спогади його працівників та вихованців. На підставі документів доби вперше розкрито роль В.Я. Єрошенка як незрячого наставника незрячих дітей. На наш погляд, він будував дитбудинок для сліпих з 5-класною початковою школою, який існував у 1930—1940-х рр., за прикладом початкових протестантських місіонерських туземних шкіл для сліпих у Британській Бірмі, де він викладав у 1917—1918 рр. Це й спричинилося конфлікти В.Я. Єрошенка зі створюваною Наркомпросом ТРСР новою радянською системою дитбудинків та державними кадровими рішеннями.

Ключові слова: В.Я. Єрошенко, М. Амансахатов, В. Бродо, П. Малолетенко, В. Малолетенко, Н. Момиєв, Б. Ніязменглієв, З. Токаєва, Р. Кисельова, З. Шаміна, дитбудинок для сліпих дітей, спогади, освіта сліпих, Кушка, Туркменська РСР, накази Наркомпросу ТРСР.

Годах работы В.Я. Ерошенко в Туркменской ССР (1934–1945) еще никогда не писали на основании строго документальных источников. Так сложилось, что после распада СССР, то есть именно в тот период, когда стало возможным в

полный голос говорить о Ерошенко, Туркмения стала закрытым государством. Работа исследователей, особенно иностранных, в архивах этой страны до сих пор практически невозможна, а связь — крайне затруднена.

Когда мы говорим о том, что в эти десять лет В.Я. Ерошенко создал и возглавлял Республиканский детский дом для слепых детей № 1, наши представления первой трети XXI в. уже сильно отличаются от реальности первой трети XX в.

Чуть меньше 11 лет — с ноября 1934 г. по сентябрь 1945 г. по материалам пенсионного дела, а по приказам и распоряжениям Наркомата просвещения ТССР — с января 1935 г. В.Я. Ерошенко провел в Туркмении. Это самый долгий срок его работы на одном месте — директором и учителем Кушкинского республиканского детского дома для слепых детей № 1. Уже само время его работы говорит о том, насколько воспитание и обучение незрячих детей, многие из которых были сиротами, было важно для самого Ерошенко. И, по всей видимости, преподавание и обучение незрячих — это то, от чего он просто не мог отказаться. И Бог, и люди дали ему эту уникальную возможность. Когда Ерошенко приехал в Туркменскую ССР, ему было чуть меньше 45 лет, уезжал он почти пенсионером спустя десятилетие, везде продолжая искать квалифицированную работу преподавателя в системе специального образования — для других незрячих. Ему оставалось прожить около 7 лет, до декабря 1952 г.

В 1948 г. Ерошенко участвовал в республиканском съезде слепых Узбекистана, побывал в Ашхабаде и в детдоме для слепых. Он возвращался в Семенник (Мургаб) в 1948 г. за оставленными в школе рукописями и книгами, но все было утрачено.

В 1945—1946 гг. Ерошенко преподавал систему Брайля, русский язык и литературу в Загорской музыкальной школе-интернате для военноослепших. Он проработал здесь недолго, а сама школа просуществовала до 1951 г. Свою московскую квартиру Ерошенко в 1934 г. уступил незрячим молодоженам, которые в 1940 г. ее обменяли. Вернувшись в Москву, Ерошенко оказался без жилья.

С 1 октября 1946 по 16 июня 1948 г. Василий Яковлевич работал преподавателем английского языка в Московском институте слепых детей. До Ерошенко, когда школа находилась в эвакуации, было начато преподавание немецкого языка, но учительницу вскоре уволили, и был введен английский. Его и начал преподавать Ерошенко. Учебников и опыта такого преподавания тогда еще не было. Насколько можно судить, Ерошенко обучал школьников разговорной английской речи, которой хорошо владел сам. В 1948 г. Московский институт слепых был преобразован в полную среднюю школу, был назначен новый директор, утверждены новые государственные программы и требования к штату. Ерошенко, у которого не было никакого специального или высшего образования и который в школе «не прижился», пришлось уйти. Известно, что и здесь на Ерошенко писали жалобы и доносы.

Только в феврале 1949 г. Василий Яковлевич получил временную, на шесть месяцев, прописку в Москве. Уже в апреле он уехал из Москвы в Обуховку, а с 12 декабря 1949 по июль 1951 г. преподавал в вечерней школе ликвидации безграмотности слепых при Ташкентском областном отделе Узбекского общества слепых. В справках не указано, что именно он преподавал, но известно о русском языке, литературе и английском языке. Сведений о последних годах жизни Василия Ерошенко почти нет. После Ташкента в июле 1951 г. он еще съездил на десять дней в Якутию, пытаясь устроиться учителем английского языка в восьмилетнюю школу слепых в с. Долды Мезингкалчалатского района Якутской АССР, но без документов об образовании его и там не приняли, хотя в учителе очень нуждались. В Якутии Ерошенко интересовала колония для прокаженных, основанная в конце XIX в. в местности Сосновка под городом Вилюйском британской медсестрой Кэт Марсден. Эта колония просуществовала до 1960-х гг. Похоже, что Василий Яковлевич хотел там работать.

Новый 1952 г. Ерошенко встретил в Москве, уже зная о своей болезни — раке желудка. В последние годы жизни Ерошенко хлопотал о назначении ему пенсии по инвалидности по имеющемуся трудовому стажу, но ему отказали во многих организациях и окончательно — в Президиуме Верховного Совета СССР на том основании, что он слепой с детства, а не ослеп во время работы по найму. Такой закон в СССР действовал до 1 октября 1956 г. После этого Ерошенко хлопотал о введении государственной пенсии слепым с детства, писал в газеты, желая, чтобы этот вопрос принял общественный характер. Назначенной ему пенсии по старости в размере 150 руб. Ерошенко не хватало на жизнь, он все еще собирался устроиться на работу.

Первый Республиканский детский дом для слепых детей под г. Кушкой – это небольшой дом в фисташковом совхозе «Пограничник» (сейчас – Серхетчи) на самой южной границе бывшей Российской империи, а затем и Советского Союза с Афганистаном, в семи километрах от крепости Кушка (ныне – Серхетабад). Часто расположение детдома связывают с поселком украинских переселенцев Моргуновка (совр. Серхетли), который фактически сливается с «Пограничником»¹.

Специалистов по воспитанию и обучению слепых в ТССР тогда вообще не было, поэтому из Москвы был приглашен В.Я. Ерошенко, который затем сам сформировал преподавательский состав школы из своих незрячих московских друзей. Известно, что объявление о поиске учителя музыки для детдома Ерошенко давал в журнале для незрячих эсперантистов «Esperanta Ligilo»². В Кушку тогда приехали супруги Мария Игнатьевна и Антон Александрович Ивановы и Зинаида Ивановна (10.11.1905–23.04.1984) и Александр Иванович Шамины³. Зинаида Шамина проработала здесь год (1937–1938), и вернулась в Москву, чтобы продолжить работу над знаменитым пособием «Нотная система Брайля» (1939), переизданном как «Запись нот по системе Брайля» [1; 2], а ее муж оставался в Кушке два учебных года, до мая 1939 г. Также Ерошенко пригласил учительницей рукоделия (инструктором по труду) незрячую женщину из соседнего с Обуховкой села Городище — Анну Дмитриевну Рощупкину (Росщупкину). Таким образом, например, в 1937/38 учебном году коллектив детского дома состоял из пяти-шести незрячих учителей и нескольких зрячих помощников — воспитательницы, поварихи, завхоза, кастелянши и учетчицы. Затем уехала Зинаида Шамина, в мае 1939 г. — Александр Шамин, а в 1942 г. умер Антон Иванов.

Поваром работала Прасковья Митрофановна Киселева, воспитателем была ее совсем юная дочь Раиса Киселева. Почти два года, с ноября 1938 до сентября 1940 г., помогала В.Я. Ерошенко его сестра Нина Андриевская — бухгалтер.

К счастью, в сентябре 1987 г., уже в разгар перестройки, усилиями Николая Федоровича Осипенко – с 1972 по 1996 гг. учителя математики и физики школы для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, полностью незрячего, в школе был создан клуб «Поиск» из числа учеников, которые изучали и эсперанто. Во многом В.Я. Ерошенко был для них ярчайшим мотивирующим примером. Н.Ф. Осипенко вспоминал, что учительница Валентина Ягшиева, вдова одного из учеников Ерошенко, еще в 1984 г. на педсовете предлагала присвоить имя Ерошенко школе слепых в Ашхабаде. Тогда директриса школы ей отказала, заметив, что лучше пусть это будет какой-то зрячий туркменский деятель, тогда школа будет иметь свою выгоду [3].

Но уже через несколько лет, с приходом нового директора и следуя велениям времени, когда 100-летие В.Я. Ерошенко всколыхнуло весь Советский Союз, незрячий учитель-эсперантист и незрячие и слабовидящие дети успели разыскать учеников В.Я. Ерошенко по Республиканскому детдому для слепых № 1 под Кушкой, пятеро из которых тогда еще жили в Туркмении.

Участники клуба «Поиск» собрали и записали ряд воспоминаний. Большим плюсом этой поисковой работы было то, что именно незрячие школьники общались со взрослыми, уже пожилыми незрячими учениками В.Я. Ерошенко, что немало способствовало установлению доверия и открытости респондентов. Тексты этих воспоминаний имеют свои особенности — они существовали или в виде текстов по Брайлю для незрячих, или в обычном плоскопечатном варианте, и все время стоял вопрос расшифровки и переписывания текстов в зависимости от того, как и кем они были записаны и для каких (зрячих или незрячих) читателей предназначены в каждом случае.

Как и любые другие воспоминания, они требуют верификации и уточнения в историческом контексте и на фоне других документов эпохи, некоторые содержат неточности, которые будут оговорены в этой публикации. Однако задача этой статьи — публикация источников. Их оригиналом, скорее всего, может считаться брайлевский текст, но в настоящее время эти тексты утрачены. Воспоминания из фондов Старооскольского краеведческого музея представляют собой чистовые рукописные записи, сделанные специально для музея членами клуба «Поиск», а также письмо, написанное кем-то под диктовку незрячего В.О. Бродо. Эти записи были набраны мною в 2018 г. по предоставленным музеем оригиналам.

¹ Этот дом сохранился до наших дней как жилой.

² Журнал основан в 1904 г. и существует до сих пор.

³ В начале 1930-х гг. А.И. Шамин был директором библиотеки для слепых в Москве. Жена его брата Геннадия в 1934–1935 гг. участвовала в создании Узбекского общества слепых в Ташкенте.

В те же годы — с 1983 до 1990 гг. — в Обуховке Старооскольского района Белгородской области власти по настоятельному требованию энтузиастов-ерошенковедов со всего Союза создавали Дом-музей В.Я. Ерошенко к столетию писателя-эсперантиста. Дом-музей В.Я. Ерошенко был открыт 12 января 1990 г. по решению исполкома Старооскольского городского Совета народных депутатов от 28.10.1986 г. «О подготовке и проведении празднования 100-летия В.Я. Ерошенко». В Ашхабаде в те годы активно работал журналист и писатель Альберт Поляковский, который собирал материалы о Ерошенко и писал художественное произведение о годах, проведенных Ерошенко в Туркмении — повесть «Слепой пилигрим». А.С. Поляковский тесно сотрудничал и со школьниками, и с исследователями-энтузиастами по всему СССР, и со Старооскольским краеведческим музеем. Поэтому воспоминания туркменских учеников В.Я. Ерошенко были переданы в 1990-е гг. нескольким людям и организациям, что и позволило, в конце концов, их разыскать.

Вдохновителем Н.Ф. Осипенко на создание клуба «Поиск» в Ашхабаде и изучение незрячими и слабовидящими детьми языка эсперанто, по примеру В.Я. Ерошенко, по сути, был крупнейший советский исследователь-ерошенковед, эсперантист, тогда учитель математики Кисловодской школы-интерната для слепых детей Анатолий Иванович Масенко, тоже незрячий. Поэтому четыре текста воспоминаний, расшифрованных им с Брайля, сохранились у него в электронном виде. Это воспоминания воспитательницы Раисы Киселевой и учеников Петра и Валентины Малолетенко и Мусы Амансахатова (письмо 1960—1961 гг. для Д.А. Алова). Анатолий Иванович передал их мне еще в середине 2000-х гг.

Клуб «Поиск», собиравший материалы для школьного музея, посвященного В.Я. Ерошенко, имя которого с 1990 г. носила школа для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, прекратил свое существование вскоре после 1996 г., когда Н.Ф. Осипенко вынужден был уехать из Туркменистана в Россию. Примерно в те же годы в Россию вместе с семьей вынужден был уехать и А.С. Поляковский. В 2010 г. Международной лигой незрячих эсперантистов (LIBE) и Российской ассоциацией незрячих эсперантистов (REAN) был проведен конкурс эссе к 120-летию В.Я. Ерошенко, в котором второе-третье место занял Н.Ф. Осипенко с работой «Исследовательская работа о В.Я. Ерошенко в Ашхабаде» [3]. Я входила в состав международного жури конкурса, представляя Международную научно-исследовательскую группу «Василий Ерошенко и его время», и, благодаря этой инициативе А.И. Масенко, которая стала откликом на мои многочисленные просьбы, период работы школьного музея В.Я. Ерошенко и клуба «Поиск» в Ашхабаде оказался подробно описан самим его инициатором и представлен международному сообществу незрячих эсперантистов.

В 1999 г. А.С. Поляковский внезапно умер во время операции на сердце, и его повесть «Слепой пилигрим» готовили к печати в московском журнале для слепых и слабовидящих детей «Школьный вестник» уже после его смерти (редактор текста Ольга Клековкина). Повесть была опубликована в журнальном варианте в 2000—2002 гг. [4], отдельным изданием укрупненного шрифта в двух томах — в 2012 г. в Москве [5]. К сожалению, художественный текст повести содержит ряд неточностей в именах учеников (напр., Виктор Дробов вместо Виктор Бродо, Анна Росщупкина названа Антониной и т. д.), в цитатах из классических текстов, а также значительную долю авторского домысла или вымысла. То же самое можно сказать и о других «художественно-документальных» текстах о В.Я. Ерошенко Н.Н. Андриановой-Гордиенко, А.С. Харьковского и других.

Этот художественный компонент, вымысел и догадки невозможно отделить от реальных фактов до тех пор, пока не будет представлена строго документальная основа деятельности Республиканского детского дома для слепых № 1 при Наркомпросе Туркменской ССР и работы в нем В.Я. Ерошенко, а также те документы, которые легли основу повестей о писателе и тифлопедагоге.

Часть личного архива А.С. Поляковского в последние годы усилиями директора Инны Климовой была найдена, получена от его родных и передана в фонды Белгородского литературного музея, всегда открытого для исследователей и ведущего научную и поисковую работу на очень высоком уровне.

Ряд текстов воспоминаний, а также списки учеников Республиканского детского дома для слепых были переданы в 1987–1989 гг. детьми-поисковиками в Обуховку, в создаваемый Дом-музей В.Я. Ерошенко, с которым клуб «Поиск» вел переписку. Сотрудники музея И.Л. Пискаль и С.И. Абдуллина показывали их нам с кандидатом филологических наук С.М. Прохоровым еще в 2006 г. во время нашего первого приезда в Обуховку.

К сожалению, документы и материалы фонда В.Я. Ерошенко в этом музее не проработаны до сих пор ни самими его сотрудниками, ни внешними исследователями. Лишь несколько месяцев назад, при личном участии и огромном содействии и помощи директора Старооскольского краеведческого музея Светланы Мищериной мне удалось, наконец, официально получить тексты воспоминаний туркменских учеников В.Я. Ерошенко: Мусы Амансахатова (СОКМ НВ № 3324), Зои Токаевой (СОКМ КП № 14645), Нурума Момыева (СОКМ КП № 14644), Байназара Ниязменглиева (СОКМ КП № 14643), Вацлава Бродо (СОКМ КП № 14650) и их музейные шифры, что означает официальное разрешение музея-держателя документов на работу исследователей Международной научно-исследовательской группы «Василий Ерошенко и его время» с этим массивом документов. Воспоминания Мусы Амансахатова были получены как из собрания А.И. Масенко, так и из Старооскольского краеведческого музея.

Кроме того, музей располагает как минимум двумя фото В.Я. Ерошенко и коллектива детдома и выкадрированными из них увеличенными портретами Ерошенко туркменского периода. Эти фото разыскал и реставрировал около 1970 г. Александр Панков из Кисловодска, который затем разослал сделанные им фотокопии всем заинтересованным людям и музеям. Одна из этих уникальных фотографий была сильно повреждена, с многочисленными надрывами в левой от зрителя части фото, и фотограф выполнил пересъемку и ретушь возможными в 1970-х гг. средствами.

Для этой публикации я использую подаренные А.И. Масенко три фотокопии из моей коллекции, происходящие из личного архива А.А. Панкова, две из которых подписаны им самим⁴.

Учителя и ученики Республиканского детского дома для слепых детей № 1 при Наркомпросе Туркменской ССР. Восстановленное Александром Панковым фото

Первый ряд второй слева — Витя Бродо. Второй ряд: слева от В.Я. Ерошенко — Антон Иванов, учитель по труду. Справа от него в очках — Александр Шамин и справа от него — Меред Нурлиев. Еще через маленького мальчика — тетя Аня (Анна Дмитриевна Рощупкина). На коленях у В.Я. Ерошенко — Акча Кулиева. Третий ряд — третья слева Иванова Мария Игнатьевна, жена Антона Иванова, от нее через одного (?) Садык и Реджеп Бавлаевы. Последний в третьем ряду — Якуб (?). На фото присутствует Александр Шамин, значит, сделано оно до мая 1939 г.

⁴ К сожалению, как Дом-музей Ерошенко, так и Старооскольский краеведческий музей достаточно редко публикуют хранимые им фотографии с полными атрибуциями изображений и не указывают источники их поступления, инскрипты и автографы на обороте даже в Госкаталоге РФ. Это свидетельствует либо о незнании, либо о нежелании сообщать информацию. К счастью, частные и музейные собрания в значительной мере дублируют друг друга, а источники фото становятся понятны, если знать исторический контекст и аналоги музейных предметов. Однако такая позиция музея, кажется, сознательная, немало затрудняет работу не только исследователей, но и самих сотрудников. Следующие их поколения уже не знают истории изготовления и передачи изображений, а также их распространения среди ерошенковедов в 1970–1990-х гг. Кроме того, почти утрачен навык чтения рукописных помет и распознавания автографов, в частности на оборотах фото. Почти все атрибуции фото, относящиеся к В.Я. Ерошенко, его семье и окружению, в Госкаталоге РФ, сделанные в Старооскольском краеведческом, Белгородском историко-краеведческого и других музеях, требуют сведения всех данных воедино и существеннейших уточнений, что возможно сделать в отдельном исследовании.

15 par, 25 cueta - Bums Egroda.
2 mpry, cueba of Epowerro- Aumore Wharob, yrumene
2 грову, слева от Ерошенко- Антон Иванов, учитем по труду. Страва от него вочках- Шамин и страва от него Мериу Нуршев Еще чере маленокого маке-
него мерия Пурмев сще чере маненького мак-
Kuxa - mems Hus (Auna Jump Pormunica)
Ки коненох у В. Ергененко - Ахуа Рушева (пина
post, I - s cueba Manda Mapus Urnastelia, niera
Антона Ubanota (Анатопии! A sexcanopoleus) От нее герез одного (?) - Садах и Редмея Бавнаевы
· От нее герез одного (?) - Садак и Редтея Fabraclos
Nocuedruit & 3-u porty - Anyo (?)

Подпись к фото, автограф А.А. Панкова, ок. 1970 г.

Еще одни копии воспоминаний пяти учеников В.Я. Ерошенко (рельефным шрифтом Брайля) были переданы Николаем Федоровичем Осипенко Анне Ивановне Сизовой в Музей первой московской школы для слепых, которую окончил и в которой преподавал английский язык в 1946–1948 гг. (тогда – Московский институт слепых) В.Я. Ерошенко. Сейчас это Музей истории отечественной тифлопедагогики. Анна Сизова, директор этой школы с 1976 по 1984 г., а затем – создатель и бессменный руководитель школьного музея, в конце 1980-х гг. добивалась присвоения школе имени В.Я. Ерошенко к его столетию (1990). Проект такого решения накануне юбилея был направлен властям г. Москвы, в изданиях Музея отечественной тифлопедагогики школу даже уже называли именем В.Я. Ерошенко [6; 7], но недолгое время. Не было реализовано также и намерение открыть мемориальную доску В.Я. Ерошенко на сохранившемся дореволюционном здании школы, где он учился (ул. Гиляровского, 6, до революции – Вторая Мещанская улица). Эта школа для слепых за последние 25 лет неоднократно меняла свое название и подчинение. Сейчас она называется «Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы "Школа-интернат № 1 для обучения и реабилитации слепых" Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы».

С 2003—2004 гг. я ежегодно по несколько раз в год работала с материалами этого музея и держала в руках брайлевские рукописные воспоминания учеников В.Я. Ерошенко примерно в 2005 г. Тогда я еще не читала Брайль, руководитель музея, как это ни удивительно при ее опыте работы в школе для слепых, тоже была человеком, не знающим Брайля, поэтому мы просто перебрали их и отложили в сторону. К счастью, я сделала себе выписку о том, что представляли собой эти документы: «От Осипенко Н.Ф. Воспоминания учеников Ерошенко, г. Кушка. 1. Ученика В.Я. Ерошенко Байназара Ниязменглиева, 14 листов. 2. Ученицы В.Я. Ерошенко Киселевой Р.А., по мужу Кемаловой, 8 листов. 3. Ученика В.Я. Ерошенко Броды (Бродо) В.О. 12 листов. 4. Ученицы В.Я. Ерошенко Токаевой З.А. 8 листов, заполнено 6 из них. 5. Ученика В.Я. Ерошенко Момыева Нурума 6 листов, заполнено 5 из них».

Нужно иметь в виду, что все школы для слепых и слабовидящих детей исторически были закрытыми от внешнего мира учреждениями, независимо от того, где и в какой стране мира они находятся. Остатки или пережитки этой закрытости существуют и до сих пор. Несмотря на то, что все музеи истории тифлопедагогики или тифлотехники являются уникальными, они сильно подвержены риску утраты фондов и ликвидации с уходом их основателя или изменением в руководстве или подчинении школы. Поэтому и эти музеи, и их материалы особо уязвимы и должны обращать на себя самое пристальное внимание исследователей.

Чуть увеличенная фотокопия с утратой людей по левому краю

На следующий год, уже изучив Брайль, я хотела вернуться к этим рукописям, но и тогда, и все последующие годы, пока там работала Анна Ивановна, мы не могли их найти. Затем А.И. Сизова окончательно ушла на пенсию, музей пережил большой многолетний ремонт, и все мои попытки разыскать эти материалы были безуспешны⁵.

В 1970—1990-х гг. материалы о В.Я. Ерошенко собирали отдельные люди и ряд государственных музеев. Назову музеи, на основе фондовых собраний которых можно пытаться восстанавливать биографию и жизненный путь В.Я. Ерошенко: Старооскольский краеведческий музей (и с 1990 г. — его филиал Дом-музей В.Я. Ерошенко), Белгородский историко-краеведческий музей, Музей истории ВОС им. Б. Зимина в Москве, Народный музей истории Ленинградской областной организации ВОС (г. Ленинград — Петербург), Музей истории отечественной тифлопедагогики в Москве (музей Первой московской школы для слепых), музей в школе для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде, ТССР, Музей г. Мары ТССР (сейчас — Мерв, Туркмения). В музее г. Мары хранились два письма, написанные В.Я. Ерошенко его ученику Мереду Нурлиеву.

До распада СССР фонды музеев, как и личные собрания ерошенковедов, в значительной мере дублировали друг друга. Насколько можно судить, материалы музеев Туркмении либо не сохранились, либо недоступны для исследователей. Во все музеи Белгородской области, хотя бы отчасти занимавшиеся творчеством «знаменитого земляка» В.Я. Ерошенко, в 1990 г., когда на открытие музея в Обуховке и на Всесоюзную конференцию эсперантистов в Белгороде в августе приезжали представители Туркменской ССР, в том числе и Н.Ф. Осипенко, были переданы копии выписок из распоряжений и приказов Наркомата просвещения ТССР о назначении В.Я. Ерошенко заведующим курсами слепых, о ликвидации детской беспризорности, о назначении В.Я. Ерошенко директором Республиканского детского дома слепых в Кушке и др., происходящие из архива Министерства образования ТССР.

Для публикации я использовала копии выписок из распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР из фондов и постоянной экспозиции Белгородского государственного историко-краеведческого музея (БГИКМ НВ № 20949-20959, 11 ед. хр.). Насколько можно судить, полностью эти документы публикуются впервые. По понятным причинам они не вызывают большого интереса в Белгородской области, отнесены музеем в научно-вспомогательный фонд и, вероятно, поэтому до сих пор не введены в научный оборот и не привлекали внимания исследователей. Находясь вне Туркменистана (полагаю, что и для исследователя внутри этой страны – тоже) свести воедино разрозненные фрагменты информации о работе Ерошенко в детдоме для слепых еще недавно было невозможно.

 $^{^5}$ Директора и создателя Музея отечественной тифлопедагогики РФ, заслуженного учителя школы РФ Анны Ивановны Сизовой (08.08.1925-17.08.2019) недавно не стало на 95-м году жизни.

Фотокопия разорванного фото до реставрации

Общество слепых и глухонемых Туркменской ССР (сейчас – Общество слепых и глухих Туркмении) было создано в 1932 г. Первого апреля 1935 г. был издан приказ Наркомпроса ТССР № 65 о назначении В.Я. Ерошенко заведующим Республиканским детдомом слепых при Наркомпросе ТССР. Сообщение о создании школы для слепых уже 8 мая 1935 г. появляется на страницах центральной республиканской газеты «Туркменская искра» [8, с. 4].

Светлана Антоновна Костик, дочь преподавателя труда этой школы — Антона Иванова, утверждает, что родители переехали в пос. Моргуновка уже в 1933 г., и преподавательский состав школы был сформирован уже тогда. Скорее всего, она ошибается и речь всетаки идет о 1934 г., но ясно, что активная работа по созданию школы велась до ее официального открытия и объявления о нем в печати. Даты открытия школы в разных источниках разнятся от апреля до октября или декабря 1935 г. Первых учеников весной 1935 г. было всего четверо, а в первом наборе — от 8 до 11 человек. Общее количество учеников школы за период 1935—1945 гг. назвать сложно. В письме Зинаиде Шаминой от 15 августа 1948 г. В.Я. Ерошенко писал, рассказывая о своей поездке на съезд слепых Узбекистана в Ташкенте и в Туркмению, что 11 его учеников работают на комбинате (в Байрам-Али), еще четверо спекулируют на базаре, а шестеро живут в Ашхабаде, итого — 21 человек⁶.

В 1989 г. члены клуба «Поиск» называли 27 человек, оговаривая, что еще недавно исследователям было известно всего 13 имен:

- 1. Момыев (Моммыев) Нуры Момыевич⁷
- 2. Филиппова (в замужестве Момыева) Валентина
- 3. Ягшиев Ата
- 4. Петкулаев Дурды Петкулаевич8
- 5. Бродо (Брода) Виктор (Вацлав) Осипович
- 6. Корнеев Александр
- 7. Ниязменглиев Байназар Ниязменглиевич
- 8. Константинова (в замужестве Ниязменглиева) Лидия
- 9. Малолетенко Петр Сергеевич

⁶ Письмо на эсперанто из собрания А.И. Масенко.

⁷ Курсивом выделены имена людей, чьи воспоминания о школе сохранились и приводятся ниже.

⁸ Нетрудно заметить, что, строго говоря, у туркмен нет отчества в привычном нам понимании. От имени отца образуется фамилия, а отчество, созданное морфологически по нормам русского языка, является избыточным.

10. ? (в замужестве – Малолетенко) Валентина Сидоровна

- 11. Нурлиев Меред
- 12. Бердыев Саид
- 13. Амансахатов Муса
- 14. Ларионов Роман
- 15. Кулиева Акджагуль (Акча)
- 16. Зубенко Павел
- 17. Хамидов Якуб
- 18. Туминов Али

19. Токаева Зоя Александровна

- 20. Гуядов Меред
- 21. Белюк Евгений Васильевич
- 22. Мамедова Шарипа
- 23. Джамонов Байрам Джамонович
- 24. Баблаев Реджеп
- 25. Баблаева Садап (по непроверенным данным, она же Громова Тамара)
- 26. Джамалова Анна
- 27. Новиков Андрей

Сотрудники детдома: Шамина Зинаида Ивановна, учительница начальных классов и музыки, работала в 1937—1938 гг., незрячая эсперантистка, подруга В.Я. Ерошенко; ее муж Шамин Александр Иванович — учитель музыки, работал в 1937—1939 гг., незрячий; Иванов Антон Александрович, учитель труда, незрячий, умер в 1942 г.; Рощупкина (Росщупкина, Расщупкина) Анна Дмитриевна — учительница рукоделия, незрячая, Киселева Раиса Александровна, работала в 1939—1945 гг., сначала поваром, потом воспитателем.

По документам клуба «Поиск», после В.Я. Ерошенко директорами детдома недолгое время были Ольга Овчинникова, незрячий историк Анатолий Федорович Соловьев из Ленинграда, некто Ходжаев и др.

В 2018 г. Анатолий Масенко по моей просьбе прислал мне список воспитанников детдома слепых детей, составленный Н.Ф. Осипенко: «Бывшие ученики В.Я. Ерошенко: Пётр Малолетенко и его жена Валентина Малолетенко (её девичья фамилия неизвестна), Байназар Ниязменглиев, Нурум Момыев и его жена Филиппова Валентина, Ата Ягшиев, Меред Нурлиев, Муса Амансахатов, Евгений Белюк, Виктор (Вацлав) Бродо, Павел Зубков, Дурды Петкулаев, Зоя Токаева, Акча Кулиева, Ага (фамилию никто не смог вспомнить)»⁹. Этот список соответствует списку, переданному клубом «Поиск» в Обуховку накануне открытия музея, но в нем упомянут еще и Ага, фамилия которого утрачена. Воспоминания учеников и учителей содержат упоминания еще нескольких человек, имен которых нет в общем списке, переданном в музей.

Вероятно, всего в этой школе училось около 30 человек, а одновременно в годы ее наибольшего развития — около 20—22 детей. Рассчитаны детдом и школа были на 40 учеников. Школа была начальная пятиклассная с подготовительным классом, дающая также ремесленное образование (ученики вили веревки, плели варежки, осваивали щеточное дело). Если верить Г.И. Соловьевой, ее муж А.Ф. Соловьев взялся было создавать семиклассную школу, но они слишком быстро выехали назад в Ленинград прямо посреди учебного года, в октябре, не оставив себе замены [9, с. 43]¹⁰. Г.И. Соловьева уже в очень почтенном возрасте писала: «Но нас очень беспокоило — кто будет учить детей начальной школы. Нами было предложено облгороно найти и вернуть В.Я. Ерошенко. Обещали, но какова судьба школы, судьба В.Я. Ерошенко, как в дальнейшем сложилась их жизнь, нам неизвестно» [9, с. 43]¹¹.

⁹ Этот список неполный. Зою Токаеву Н.Ф. Осипенко ошибочно назвал «Зиной», очевидно, пытаясь раскрыть инициал и спутав ее с З.И. Шаминой. Здесь важно знание информатором туркменских национальных имен и тот факт, что люди, оставившие воспоминания, запоминаются лучше других.

 $^{^{10}}$ В книге Галины Ивановны Соловьевой «Зрение незрячих — знания, ум и воля» ошибочно ее инициалы везде указаны как «А.И.».

¹¹ Отмечу, что В.Я. Ерошенко в 1948 г. был в Туркмении, знал о судьбах своих учеников, принимал участие в их судьбах, устраивал на работу на УПП девушку Садап и до самых последних своих дней переписывался с Мередом Нурлиевым и Нурумом Момыевым.

Во время работы в Туркменской ССР Ерошенко приезжал в Москву для заказа учебников, напечатанных по Брайлю¹², не раз проводил свой отпуск в родной Обуховке, а в июле 1938 г. принял участие и занял третье место в первом Всесоюзном шахматном турнире слепых в Ленинграде [10; 11]. На турнир, судя по фотографии из семейного архива, его сопровождала сестра Пелагея Яковлевна Ерошенко (Поля). Начало войны застало Ерошенко в Обуховке, в школу он вернулся только в октябре и, по воспоминаниям В.О. Бродо, по дороге попадал под бомбежку [12, с. 90]. По одной из версий, в Ашхабаде в 1942 г. при реквизиции лошадей у населения для военных нужд пропал без вести (погиб) старший брат Василия Яковлевича — Александр Ерошенко (1888—1942).

По другой, современной версии, которую я знаю от его внука Александра Джаяни, Александр Ерошенко якобы «умер от сердечного приступа» в лагере, что в те времена означало расстрел. Сейчас, к сожалению, нет никакой возможности подтвердить

документально какую-то одну из этих версий. По воспоминаниям С.А. Костик (со слов ее матери) Александр Ерошенко приезжал к Василию в детдом, они встречались, вероятно, зимой 1941—1942 гг. в доме Ивановых.

Не все было гладко, поселковые зрячие дети жестоко дразнили незрячих чужаков, настороженно относились взрослые, часто обманывая и воруя средства и продукты, да и сами ученики порой, особенно поначалу, откровенно издевались над В.Я. Ерошенко. Старшие дети спекулировали на базарах, а кое-кто занимался и приграничной контрабандой наркотиков. За границу забредали не только ишак и корова, но и сам Ерошенко, о чем его не раз предупреждали пограничники на заставе¹³. Однако Василию Яковлевичу удалось поддерживать существование детдома, скорее даже, единственного в стране приюта для детей со множественными нарушениями, сохранить жизнь и здоровье незрячих детей и уберечь их от неизбежной гибели даже в тяжелых военных условиях. Часть из этих детей были детьми репрессированных родителей, поэтому факты смены имен при приеме в детдом были исторически обусловлены и даже необходимы (поэтому, видимо, Вацлава Осиповича Бродо часто называют Виктором). В этом смысле показательна также история Зои Токаевой¹⁴.

Василий Яковлевич Ерошенко в 1938—1939 гг. Увеличенный фрагмент группового фото.

¹² До отъезда в ТССР Ерошенко с 10.09.1932 г. работал корректором брайлевского шрифта в 19-й типографии ОГИЗ в Москве, выпускавшей рельефно-точечные книги и периодические издания для незрячих. Видимо, это и помогло ему еще до войны по спецзаказу изготовить учебники на туркменском языке для начальной школы.

¹³ Александр Панков в своей повести «По следам Василия Ерошенко» отмечал: «По некоторым сведениям, он начинает знакомиться с языком пушту, на котором говорят в соседнем Афганистане. Э. Галвин утверждал, что Василию Яковлевичу захотелось «посмотреть», как живут афганцы, и он решил во время каникул перебраться через границу. Пограничники его заметили, задержали, допросили и сказали, что вдоль границы «шляться» не разрешается. Через несколько дней Ерошенко предпринял вторую попытку. Наткнулся на тех же пограничников. Его узнали и более строго сказали: «Бросьте вашу выдумку. Вы нас не видите, а мы вас всегда заметим» [12, с. 91].

¹⁴ Она была туркменкой, дочерью арестованного туркмена по имени Тока, которую разлучили с семьей и записали в детдоме под русскими именем и фамилией. До поступления в детдом слепых она потеряла обоих родителей. По А.С. Поляковскому, ее настоящее имя Амансолтан. Фамилия Токаева образована от имени ее отца. Эта фамилия была заново восстановлена по воспоминаниям девочки. Имя Зоя она сохранила. Зоя Токаева жила в г. Кролевец Сумской области.

На групповом фото нет Зинаиды Шаминой, работавшей в 1937/38 учебном году, но есть ее муж Александр, который работал в детдоме до мая 1939 г. Антон Иванов еще жив, что и позволяет датировать фото 1938–1939 гг. до отъезда А.И. Шамина.

В своих воспоминаниях о В.Я. Ерошенко, написанных на эсперанто, З.И. Шамина признавалась, что в годы репрессий эсперантистов переживала, как бы Василий Яковлевич не пострадал, как другие эсперантисты, только из-за связи с заграницей. Однако Ерошенко, можно сказать, повезло: он работал на афганской границе и получал специальное разрешение НКВД для въезда в Кушку. Его всего лишь сняли с должности директора детдома, разрешив работать там же учителем до самого конца войны. После В.Я. Ерошенко директорами школы были самые разные люди, часто случайные: О.О. Полякова¹⁵, затем незрячий А.Ф. Соловьев и др.

Уже сейчас можно сделать вывод о том, насколько важна была для самого Ерошенко как для незрячего наставника именно работа создателя и руководителя школы для слепых. В своей работе В.Я. Ерошенко следовал не раз высказанным им принципам: незрячие должны самостоятельно работать на земле, выращивать сельскохозяйственные культуры и разводить животных, сами заниматься физическим трудом и при помощи зрячих людей — ремеслом, причем так, чтобы у них была возможность содержать себя и свою общину или достаточно замкнутое сообщество [13, р. 299–305; 14, р. 339–342]¹⁶. Сын крестьянина, В.Я. Ерошенко говорил об этом в Бирме в 1917 г., повторял те же идеи Лу Синю в 1922–23 гг. в Пекине, воплощал в советской Кушке.

По сути, В.Я. Ерошенко очень поздно, уже в середине 1930-х — середине 1940-х гг. воспроизвел на далекой, самой южной окраине СССР тот самый тип колониальной начальной туземной миссионерской (протестантской) школы для незрячих с ремесленными мастерскими, в которой преподавал он сам в Британской Индии в 1917—1918 гг. До 1947 г. Индия находилась под британским управлением, значительное британское влияние присутствовало также в пограничных с СССР странах — Иране и Афганистане. И исторические предпосылки со значительным британским влиянием в приграничных регионах Туркмении и Афганистана, и климат, и распространенность глазных болезней, и неразвитость системы специального образования, и полное отсутствие какой-либо поддержки незрячих — все это в значительной мере сближает советскую Кушку и колониальную Бирму. И если в некоторых статьях уже звучала мысль о том, что школа в Кушке — для Ерошенко прямое продолжение

 $^{^{15}}$ По А.С. Поляковскому — Татьяна Николаевна Полякова, которая крала продукты у незрячих детей и на должности продержалась недолго, по документам клуба «Поиск» — Ольга Овчинникова, по А.А. Панкову — О.О. Полякова.

^{16 «}Another thing, which I would like to suggest, is that a Colony for the blind should be instituted. This could easily be done in Burma. My idea is that a piece of land should be set apart for the blind, and they should be taught to cultivate paddy fields, vegetable gardens, coconut trees, rubber trees, sugarcane and fruits of various kinds. They could also keep cattle and fowls. They could learn how to row, how to catch fish, how to make or repair boats and nets. They might learn how to preserve fruits, vegetables, fish, Blind girls should learn weaving, spinning, sewing and knitting, as well as cooking, washing clothes, rearing of domestic animals- and other household duties. There is no doubt that such a Colony, under the control of sighted teachers, would flourish, if it were well-managed. In a few years, it would gain the confidence of the Government and the sympathy and love of all people. Such a Colony would be a brilliant example also for the West. Every year millions of pounds are spent for the blind in Western countries and as a result the blind are helpless; they are continually asking for assistance. This helplessness is due not to the blind themselves, but to the blind leaders of the blind who hitherto have not realised their fatal mistake. But I will not speak of them here. In the Colony which I have suggested, the sciences and arts would also be taught to the blind, their bodily and spiritual Hygiene would receive proper attention, and the blind man would become a useful citizen. Who knows but that they might take a great part in arousing the Jungle people to rid themselves of their old prejudices and their enormous superstitions? Who will dare to say that the blind man may not become a leading light in the dark night of the forest, a blessed guiding star on the path of jungle people, leading them from the darkness of their ignorance to the true lights of civilization?».

¹⁷ Незрячий массажист и эсперантист, выпускник Токийской школы слепых Танабэ Кунио подчеркивал, что деятельность школы в Кушке была практически такой же самой, как и школы в Бирме, только вместо массажа были выращивание сельскохозяйственных растений и животных: "En Kuŝka Eroŝenko laboris kaj kiel administranto kaj kiel instruisto, de 1935 ĝis 1944. En lernejo "Domo de Blindaj Infanoj" li kunvivis kun infanoj kaj estis ame vokata "Paĉjo". La aktivado de la lernejo estis preskaŭ sama kiel tiu de lernejo en Birmo. En moviĝado igis infanojn iri eĉ sen bastono. Agrikulturo kaj bestobredado estis inkluzivitaj anstataŭ masaĝo. Li surprizis lokajn loĝantojn per la prezentado de infana opero" [15, p. 18].

его работы учителем в школе для слепых детей в Британской Бирме [15, р. 318]¹⁷, то вторую часть этой же мысли в них мне встречать еще не приходилось. А именно: если это так, то прообразом школы В.Я. Ерошенко должна быть христианская миссионерская школа, с ее основной идеей, заложенной в словах Христа из Евангелия от Иоанна с рассказом об исцелении Христом слепорожденного: «Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии» (Ин. 9:3)¹⁸.

Именно этот постулат, подчеркивающий ценность для Христа и его спасительной жертвы каждого человека в мире, давал возможность выстроить систему христианского специального образования, в особенности в традиционных обществах, где люди с любой инвалидностью либо не выживали вообще, либо были сильнейшим образом стигматизированы, представляя собой обузу, а не высшую ценность и проявление Образа Божьего в человеке, пусть и особое. Отличием детдома для слепых детей, создаваемого и созданного В.Я. Ерошенко в середине 1930-х — середине 1940-х гг. на дальней колониальной окраине СССР является не церковное и миссионерское, а государственное регулирование специального образования незрячих в недавно созданной в Туркмении системе советского Наркомпроса ТССР.

Вопрос о том, насколько ситуация, в которой школу для слепых создает один незрячий человек и сам же руководит ею, приглашая незрячих учителей и воспитателей при минимальном участии зрячих, была вообще возможна в те годы в СССР, и насколько, следовательно, опыт В.Я. Ерошенко, вынесенный им из Британии, Британской Индии и на основе знакомства с западноевропейскими институтами слепых, уникален в этом отношении, все еще остается открытым. Вопрос о том, кем был Ерошенко — тифлопедагогом или «всего лишь» талантливым воспитателем, и о роли формального образования и документов в этом случае, я выношу за скобки и не считаю нужным его обсуждать: созданная им школа успешно работала десять лет, даже несмотря на постоянные жалобы, анонимки, военное время, спровоцированный переезд, гибель брайлевских учебников на туркменском языке во время переезда и ряд других сложностей, сопровождающих незрячего и естественных в глубокой провинции, таких как отсутствие брайлевских учебников или бумаги для письма по Брайлю в военное время.

Похоже, что в центральных регионах Советского Союза в этот период и особенно в военные годы такая школа, созданная и возглавляемая незрячим-одиночкой, который сам себе подобрал педагогический коллектив из числа незрячих, была уже невозможна. Крах школы Ерошенко начался с того момента, когда власти в лице Наркомпроса ТССР начали по собственному усмотрению менять директоров школы, привлекая к этому случайных людей.

В специальной литературе, кроме примера почти полностью ослепшего от тифа в 1921 г. Б.И. Коваленко и Смоленской областной школы для слепых им. Н.И. Рыкова, которую он возглавил в 1925 г., подобного примера я не встречала. Как и В.Я. Ерошенко, Б.И. Коваленко не раз получал выговоры от Смоленского ОНО. Уже в 1929 г. он получил приглашение в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, принял его и в дальнейшем создал здесь первую в стране кафедру тифлопедагогики, которая начала целенаправленно готовить педагогов для специальных школ слепых и слабовидящих. После Б.И. Коваленко директором этой школы был назначен С.А. Петроченков — рабочий с низшим образованием, но со стажем работы 22 года и член ВКП(б) [16, с. 97—98].

В более широком смысле существование школ слепых, возглавляемых самими незрячими, — это не только редчайшее явление в Советском Союзе и до сих пор — на постсовет-

¹⁸ Современный перевод Российского Библейского общества: «Не согрешил ни он, ни родители, — ответил Иисус. — Слепота его для того, чтобы благодаря ей стали явными дела Божьи» (Ин 9:3). Можно спорить и строить догадки о том, был или не был приезд В.Я. Ерошенко в Ашхабад связан с существованием здесь крупной общины и первого в мире храма Веры Бахаи, а все бахаи были, к тому же, еще и эсперантистами. Однако, на мой взгляд, именно для развития системы специального образования христианская основа является куда более продуктивной. Здесь работает именно признание каждого человека ценностью в глазах Бога, который пошел «ради человечества» на искупительную жертву. И именно христианские идеи более узнаваемы и сильнее звучат в творчестве Ерошенко. Об этом могут свидетельствовать хотя бы заголовки трех его книг, изданных в Японии: «Предрассветная песнь», «Последний вздох», «Ради людей» («Ради человечества»). Это путь само-пожертвования Христа.

ском пространстве, в отличие от всего остального мира, но, прежде всего, это вопрос также острого противостояния особого личного и личностного опыта, авторских методик, целеполагания незрячих педагогов и воспитателей, создававших систему специального образования для слепых, и системы жесткого репрессивного государственного регулирования и стандартизации советского образования.

А.А. Панков пишет, что в 1941 г. директором захотел стать Антон Иванов. Началась склока, стали приезжать комиссии. Иванов в присутствии комиссии запустил в столовую собак, которые там нагадили. Комиссия пришла к выводу, что директором должен быть зрячий человек [12, с. 91]. Когда в январе 1942 г. Василий Ерошенко был снят с должности, на его место была назначена зрячая молодая директор, не имеющая опыта работы с незрячими детьми и воровавшая у детдома выделяемые на детей продукты. С ней у Ерошенко вспыхнул конфликт, и на должности она оставалась недолгое время. С 24 января 1942 г. Ерошенко был переведен на должность заместителя директора детдома по воспитательной части¹⁹, а с 15 августа 1942 г. до октября 1944 г. директором детдома был незрячий ленинградский историк Анатолий Федорович Соловьев, его жена Галина Соловьева была оформлена учителем начальных классов. В то время в детдоме было 11 детей, из них две девочки — Зоя Токаева и Акджагуль (Акча) Кулиева. В своей книге о муже Галина Соловьева высказывает предположение, что подозрение властей в неблагонадежности Ерошенко вызвали приходившие в Кушку журналы на эсперанто, английском и французском языках, что и привело к смене руководства школы [9, с. 34].

Еще при В.Я. Ерошенко, 11 ноября 1943 г. школа для слепых в Кушке была переведена в колхоз «КИМ» в нескольких километрах от ж/д станции Семенник Сталинского р-на (ныне Мургаб Марыйского велаята), а с 1954 г. — детдом для слепых был объединен с детским домом для глухих в г. Чарджоу. Как отмечают специалисты по истории становления специального образования ТССР, в 1956 г. в этом детдоме находилось всего 10 слепых детей, попавших туда случайно. В сентябре 1959 г. было принято решение о переводе этого детского дома в г. Ашхабад, и 19 декабря 1959 г. школа была переведена в неприспособленное здание одной из обычных школ. Отдельное здание для школы слепых было построено лишь в 1961 г. [17, с. 440—443].

Школа-интернат для слепых и слабовидящих детей в Ашхабаде до сих пор единственная в Туркмении. Приказом Министерства народного образования ТССР № 31 от 29 января 1990 г., подписанным министром М. Алиевой на основании постановления Совета Министров ТССР от 22 января 1990 г. № 13 школе-интернату для слепых и слабовидящих детей в г. Ашхабаде было присвоено имя В.Я. Ерошенко. С января 1990 до 2004 г. школа-интернат носила имя В.Я. Ерошенко, затем вновь была переименована с потерей этого имени. По данным, предоставленным Туркменией в ООН, в 2005 г. там училось 126 детей. По словам дочери Н.Ф. Осипенко из ее личного сообщения, «в настоящее время школьный музей в Ашхабаде ликвидирован, произошла полная замена кадров. К сожалению, новые работники совершенно не в курсе дела».

К 130-летию В.Я. Ерошенко и 85-летию создания им в фисташковом совхозе «Пограничник» в семи километрах от Кушки первого Республиканского детского дома для слепых детей я впервые публикую три комплекса документов, касающихся работы В.Я. Ерошенко в Туркмении. Это копии распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР за 1935—1945 гг., статьи в прессе о работе школы, в том числе заметка самого В.Я. Ерошенко, и девять воспоминаний его учеников, записанных в 1960—1990-х гг., а также воспоминания учительницы З.И. Шаминой и воспитательницы Р.А. Киселевой (Кемаловой). Все воспоминания впервые сведены воедино из фондов государственных музеев и из частных собраний. Тексты публикую с минимальной редакторской правкой: исправлены ошибки и опечатки, унифицировано написание имен, фамилий и географических названий, подготовлен фактический комментарий.

¹⁹ То есть с 24 января 1942 по 15 августа 1942 г. директором работала та самая зрячая женщина с не установленным окончательно именем, предшественница А.Ф. Соловьева. По справке из пенсионного дела, В.Я. Ерошенко директорствовал по 13 февраля 1942 г., а с 1 апреля по 1 сентября 1942 г. был учителем.

Публикацию о работе В.Я. Ерошенко в Туркмении я готовила около 20 лет, и все же только приближаюсь к этой большой теме. Память о Ерошенко особо тщательно хранят сами незрячие, особенно незрячие эсперантисты. То, что я могу хотя бы прикоснуться к этой теме спустя 85 лет с момента создания давно не существующей школы слепых – результат их работы и их заслуга. Без помощи Анатолия Масенко и предварительной работы Николая Осипенко в 1980—1990-х гг. огромный массив уникальной информации был бы безвозвратно утрачен. Приводимые воспоминания записаны спустя полвека после событий. Это влияет на их полноту и точность, но лучше так, чем никак. Как и незрячие ученики В.Я. Ерошенко по Московскому институту слепых (В. Першин, В. Глебов, Е. Агеев, Е. Дрындин и др.) незрячие эсперантисты всего мира и незрячие Туркмении хранили и хранят о нем память. Я надеюсь дать более подробный анализ этого периода жизни В.Я. Ерошенко в следующих статьях, а сейчас приоритетной считаю именно публикацию документов, а не их анализ, который все еще требует привлечения дополнительных данных.

Это был долгий путь, связанный как с удаленностью Туркменистана, так и с закрытостью фондов отдельных музеев и утратой части личных собраний ерошенковедов. Особую благодарность за многолетнюю помощь и поддержку хочу выразить Анатолию Масенко (Кисловодск), Николаю Осипенко (пос. Новый Георгиевск, Ставропольский край), Олегу Шевкуну, доктору филологических наук Елене Волковой (Москва), Гочмураду Кутлыеву, Светлане Костик (дев. Ивановой) — дочери Антона Иванова (Кушка), Анжеле Филипченко (Ашгабат), краеведу Александру Лимарову, заведующей Музеем истории отечественной тифлопедагогики А.И. Сизовой, директору Белгородского литературного музея Инне Климовой, директору Белгородского историко-краеведческого музея Вере Романенко (Белгород), директору Старооскольского краеведческого музея Светлане Мищериной (Старый Оскол), заведующей Домом-музеем В.Я. Ерошенко Татьяне Новиковой (с. Обуховка) и всем сотрудникам музея.

Приложения

1. Выписки из распоряжений и приказов Наркомпроса ТССР

1. ВЫПИСКА ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 2 ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 2/I — 35 г. § 2

Т. Гаранину, зав. курсами слепых, — снять с заведывания, обязанность заведывания возложить на тов. Ерошенко с окладом 350 руб. в месяц.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

/подпись/

Оп. № 19, д. 54, л. 1(об).

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)

Л. Обухова

Белгородский государственный историко-краеведческий музей, далее БГИКМ, НВ № 20949

2. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 65

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 10 апреля 1935 г.

§ 8

Тов. Ярошенко (sic!) с I/IV.35 г. назначить зав. д. / домом слепых в Моргуновском поселке Кушкинского района с окладом 487 руб. в месяц: 300 руб. за заведывание и 187 руб. за преподавательскую работу ^{20} .

Тов. Татищева с I/IV.35 г. назначить на должность завхоза д. / дома слепых с окладом 275 руб. в месяц.

Тов. Ярошенко и Татищеву немедленно приступить к организации д. / дома.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ПРОСВЕЩЕНИЯ

ДАВЛЕТ МАМЕДОВ

TCCP

Оп. № 19, д. 54, л. 74 (об.), л. 75.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись) БГИКМ НВ № 20950

Л. Обухова

3. ВЫПИСКА

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 69 ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР От 19 июля 1936 г.

Заведующему дет. домом слепых в городе Кушка тов. Ярошенко (sic!) с I/IV с. г. предоставляется очередной отпуск сроком на два месяца.

Заместителем его на это время назначается завхоз дет. дома тов. Медведев.

ВРИД НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/MYPATXAHOB/

Оп. № 19, д. 71, л. 149.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись) БГИКМ НВ № 20951

Л. Обухова

4. ВЫПИСКА ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ № 180 ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

²⁰ Интересно, что в Трудовом списке В.Я. Ерошенко в его пенсионном деле указаны другие даты. Согласно справке Наркомата просвещения ТССР, выданной 19 июля 1945 г. № 1253 за подписью Наркома просвещения Т. Бердыева: «Справка. Дана настоящая тов. Ерошенко в том, что он действительно работает при Наркомпросе по приглашению из Москвы как специалист по делам слепых с XI-34 г. В мае 1935 г. тов. Ерошенко был направлен в г. Кушку для организации там первого детдома для слепых в Туркмении, директором которого он находился до 1942 года. С 1942 года в связи с военной обстановкой тов. Ерошенко был переведен на должность педагога при детдоме слепых, а директором был назначен зрячий человек. В должности педагога он работал и по настоящее время в Сталинском районе, куда переведен детдом слепых с 1943 г.». «Трудовой список В.Я. Ерошенко», подписанный секретарем Республиканского детдома слепых (подпись неразборчива), указывает дату начала работы заведующим Республиканским детдомом слепых при Наркомпросе ТССР 24 ноября 1934 г. со ссылкой на приказ НКП ТССР № 65 от 1 апреля 1935 г. Незрячие с детства в СССР тогда не получали социальных пенсий, и В.Я. Ерошенко всегда не хватало подтвержденного трудового стажа, особенно если учитывать годы, проведенные за границей. Видимо, в стаж включили время проезда из Москвы до Ашхабада в конце 1934 г.

От 17 декабря 1936 г.

§ 4

В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» при детдомах системы Наркомпроса ТССР утвердить следующие мастерские:

5. Кушка детдом слепых – столярная, веревочная и корзиночная.

НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

ДАВЛЕТ МАМЕДОВ

Оп. № 19, д. 72, л. 97.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись) БГИКМ НВ № 20952 Л. Обухова

5. ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 113 ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР От 12/IV-1938 г.

§ 3

При ревизии финансово-хозяйственной деятельности за 1937 г. Кушкинского детдома слепых № 1 установлен целый ряд недочётов, в основном сводящихся к следующим моментам:

плохая постановка учёта денежных средств и материальных ценностей в бухгалтерии, отсутствие учёта материальных ценностей на складе, в результате чего оказалась недостача имущества в сумме 2150 руб. 50 коп.

Неудовлетворительное оформление документов при бухгалтерской обработке, зачастую без проверки содержания их по существу.

Нарушения по содержанию штатов и финансово-бюджетной дисциплины, выразившиеся в обозначенном расходовании денежных средств в выдаче авансов из подотчёта в подотчёт и повторных авансов, бесхозяйственное расходование денежных средств.

Для изжития имеющихся недочётов предлагаю:

1. Директора детдома слепых т. ЕРОШЕНКО освободить от несения обязанностей директора, оставив его при детдоме в качестве педагога.

Начальнику управления детдомов т. Лекторскому в десятидневный срок подыскать кандидатуру на должность директора Кушкинского детдома слепых.

ЗАМ. НАРКОМА ТССР

/МИХАЙЛЕНКО/

Оп. № 19, д. 119, л. 192-193.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись) БГИКМ НВ № 20953 Л. Обухова

6. ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 109 ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР От 27 мая 1938 г. § 6 Предоставить трудовые отпуска за 1938 г. следующим директорам детских домов:

1. Кушкинского детдома для слепых детей т. Ярошенко (sic!) В.Я. с I/IV по I/IX-38 г. как пользующемуся законом от 12/VIII—30 г., имеющего 3 % надбавки. В случае выезда т. Ярошенко (sic!) к предоставленному отпуску прибавить время нахождения его в пути, но не свыше 2-х недель.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/ЛАПИН/

Оп. № 19, д. 118, л. 103.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись)

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20954

7. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 262

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 17 декабря 1938 г.

§ 6

Распорядителем кредитов с правом первой подписи по Кушкинскому школьному детдому № 1 на 1939 г. назначить директора детдома тов. ЕРОШЕНКО.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/МИХАЙЛЕНКО/

Оп. № 19, д. 122, л. 79.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Приказы о назначении т. Ерошенко распорядителем кредитов на последующие годы имеются в следующих делах:

Опись № 19, д. 163, л. 45.

Опись № 19, д. 249, л. 29.

Опись № 19, д. 250, л. 74.

Опись № 19, д. 257, л. 74а

Опись № 19, д. 279, л. 39.

Верно:

Зав. архивом

БГИКМ НВ № 20955

Л. Обухова

8. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 134

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 22 июня 1939 г.

§ 2

Директору детдома слепых т. Ерошенко с 20 июня по 20 августа с. г. предоставляется очередной трудовой отпуск.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

МИХАЙЛЕНКО

Оп. № 19, д. 157, л. 52.

ISSN 2523-4463 (print) ВІСНИК У ISSN 2523-4749 (online) Серія «Ф

ВІСНИК УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ. Серія «ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ». 2019. № 2 (18)

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом (печать, подпись) Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20956

9. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 139

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 21 июня 1941 г. г. Ашхабад

§ 8

За систематическое непредставление отчёта о численности работников и расходовании фондов заработной платы ф. 8 проф., игнорирование неоднократных об этом напоминаний наркомата поставить на вид директору детдома слепых в Кушке т. Ерошенко и предупредить, что несвоевременное представление статотчётов в дальнейшем повлечёт строгие меры взыскания.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/ШИБАЛИН/

Оп. № 19, д. 261, л. 50.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20957

10. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 19

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 24 января 1942 г. г. Ашхабад

§ 6

Тов. ЕРОШЕНКО назначить зам. директора по воспитательной части детского дома слепых № 1 в КУШКЕ.

ЗАМ. НАРКОМА ПРОСВЕЩЕНИЯ ТССР

/БАБАХАНОВ/

Оп. № 19, д. 279, л. 69.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом

Л. Обухова

БГИКМ НВ № 20958

11. ВЫПИСКА

ИЗ ПРИКАЗА № 123

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ ПРОСВЕЩЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

От 29 июня 1945 г.

§ 3

Командировать педагога детдома слепых Сталинского района Марыйской области Ерошенко Василия Яковлевича в гор. Москву в ВОС и типографию слепых с целью приобретения учебных пособий для детдома слепых.

Командировать за счет т. Ерошенко.

Срок командировки с 1 июля по 1 сентября 1945 г.

ISSN 2523-4463 (print) ISSN 2523-4749 (online)

НАРКОМ ПРОСВЕЩЕНЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Т. БЕРДЫЕВ

Оп. № 19, д. 310, л. 194.

Архив Министерства просвещения Туркменской ССР.

Верно:

Зав. архивом БГИКМ НВ № 20959 Л. Обухова

2. Публикации в прессе

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ

Туркменское общество слепых возникло совсем недавно, тем не менее, сделано уже многое: во всех крупных районах Туркмении организованы отделения общества с работающими при них производственными мастерскими.

Слепых обучают грамоте. Наркомпрос ТССР организует в Кушке специальную школу

Ведутся подготовительные работы по организации новых производственных мастерских для слепых.

ВОЩУГИН

// Туркменская искра. — 1935. — 8 мая. — С. 4.

СЛЕПЫЕ ТУРКМЕНИИ БУДУТ ОБУЧАТЬСЯ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Совнарком СССР в октябре 1933 г. принял специальное решение по вопросу о трудоустройстве и просвещении слепых.

СНК СССР обязал Наркомпрос разработать туркменский алфавит и напечатать необходимые учебники и литературу для слепых на туркменском языке. Но это решение правительства до сих пор не выполнено.

В вопросах обучения слепых – Туркмения является почти самой отсталой союзной республикой СССР: татары, узбеки и др. национальности уже имеют свои алфавиты, литературу и сеть школьных и профессионально-технических учреждений для слепых.

Только после нажима соответствующих руководящих органов и печати, Наркомпрос Туркмении с июня 1936 г. начал немного шевелиться в вопросах разработки алфавита и печатания алфавитов, учебников на туркменском языке.

По заданию Наркомпроса зав. детдомом слепых в Кушке тов. Ерошенко в августе 1936 г. представил Наркомпросу проект туркменского алфавита для слепых, в основу которого он положил брайлевский алфавит, признанный всеми культурными народами мира.

Для специфических звуков туркменского языка, имеющихся в латинском алфавите, тов. Ерошенко использованы брайлевские точечные знаки, уже принятые в других алфавитах, для тех же самых звуков или близких им по произношению. Причем, не вводя ничего нового, тов. Ерошенко распределил знаки таким образом, чтобы не внести излишней путаницы в сознание слепого учащегося туркмена, при изучении им русского или какого-либо другого иностранного алфавита.

Центральное правление Общества слепых проект туркменского алфавита тов. Ерошенко одобрило, ибо он является наилучшим из всех проектов, составляющихся до сих пор. Тов. Ерошенко, будучи сам слепым, зная несколько иностранных языков (японский, английский, французский, эсперанто), а также будучи неплохим знатоком точечной системы Брайля и алфавитов для слепых, вложил все свои знания и опыт в составление туркменского алфавита. Необходимо ускорить продвижение туркменского алфавита тов. Ерошенко на утверждение в соответствующих органах и немедленно применить на практике при печатании учебников, в первую очередь для детдомов слепых.

Если применение на практике предложенного тов. Ерошенко алфавита для слепых выявит какие-либо незначительные недостатки, то их можно будет устранить в дальнейшем.

Д. Алов

// «Жизнь слепых», двухнедельный орган Центрального правления Всероссийского общества слепых. – 1937. – № 5 (1 марта). – С. 64–66 [Шрифт Брайля]. Машинопись предоставлена Н.А. Трофимченко.

ПОБЕДИТЕЛИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. ИЮЛЬ 1938 г.

П.В. Горчаков

Петр Васильевич Горчаков родился 10 января 1915 г. на ст. Ксень Забайкальской железной дороги в семье рабочего. В 1923 г. т. Горчаков заболел воспалением мозговой оболочки и потерял зрение. С 1927 г. стал радиолюбителем, и все дни проводил, конструируя радиоаппаратуру и усилители. В 1931 г. тов. Горчаков поступил в Дальневосточную краевую школу слепых в г. Свободном. В этом же году вступил в комсомол. В 1933 г. после окончания Дальневосточной школы был принят в Ленинградскую профшколу, а в следующем году перешел на рабфак при Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. В 1937 г. окончил рабфак и поступил на исторический факультет Института им. Герцена, где и сейчас учится. Игрою в шахматы стал сильно интересоваться с весны 1935 г. По шахматной игре тов. Горчаков имеет третью категорию. На шахматном турнире тов. Горчаков занял первое место.

А.Г. Кукушкин

Андрей Гаврилович Кукушкин родился 23 октября 1888 г. в д. Бурмино Рязанской области. Зрение потерял в 6 лет. В 1906 г. был принят в Московскую школу слепых на Донской улице. Окончил её в 1910 г. Стал работать в мастерской корзиноплетения, где за 13—14 часов работы в сутки получал 10—11 рублей в месяц. «Это было тяжелое время, — вспоминает Андрей Гаврилович. Денег едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Собственной комнаты не было. Жил на койках». После революции Андрей Гаврилович живет в доме инвалидов, где занимается общественной работой и руководит мастерской корзиноплетельщиков. С 1929 г. работает токарем на заводе ЭМОС. В этом же году Андрей Гаврилович получил большую светлую комнату с центральным отоплением, газом и телефоном, где и поселился с женой — инструктором Мосотдела ВОС и семилетней дочкой Зиной. «У меня прекрасная светлая жизнь, — говорит Андрей Гаврилович. — Но если всего этого мне удалось достичь, то только благодаря советской власти и партии, перестроивших нашу жизнь».

«С шахматной игрой я знаком давно, – рассказывает Кукушкин. Но по-настоящему заинтересовался я шахматами только в 1925 г. А до того страстью моей была шашечная игра. В 1922 г. я даже получил первую категорию на Московском шашечном чемпионате.

Игра в шахматы — великолепное развлечение, дисциплинирующее человеческую волю. Шахматы учат выдержке, самообладанию, расчету. Вот почему шахматная игра должна интересовать всех, а особенно молодежь. Рекомендую шахматы как одно из самых увлекательных развлечений, прививающее человеку наилучшие черты характера». Тов. Кукушкин говорит, что, оказывается, обучение шахматной игре легче всего достигается при игре в клубах, парках, где возможен широкий обмен опытом и мнениями по поводу игры. Здесь игра в шахматы приобретает характер массового спортивного соревнования. И, наконец, только здесь возможны встречи с сильными партнерами, игра с которыми даёт и чрезвычайно много начинающим и слабым игрокам».

На шахматном турнире тов. Кукушкин занял второе место.

В.Я. Ерошенко

Василий Яковлевич Ерошенко родился 13 января 1890 года в крестьянской семье в д. Обуховке Курской области. В 1899 г. Василий Яковлевич поступил в Московскую школу слепых на Первой Мещанской улице, которую окончил в 1908 г. По окончании школы поступил в оркестры, игравшие в московских ресторанах. В свободное время он с увлечением отдавался изучению иностранных языков: французского, английского, японского и эсперанто, которым особенно хорошо овладел. В течение нескольких лет был за границей. Сейчас тов. Ерошенко состоит директором школы слепых в Туркмении в г. Кушке.

«Шахматной игре я научился давно, — рассказывает тов. Ерошенко, и играл еще в школе на Мещанской. Но особенно много играл в шахматы в 1929 г., когда очутился на Чукотке вместе с экспедицией. Шахматы хороши тем, что учат хладнокровию и выдержке Каждый ход должен быть строго рассчитан. Промах, «зевок» — и сейчас же наступает возмездие, на-

казание в виде лишения фигуры или проигрыша партии. В этом огромное воспитательное значение шахматной игры. И вот почему всем следует заниматься изучением этой игры» На шахматном турнире тов. Ерошенко занял третье место.

// Жизнь слепых. — 1938. — № 16 (август). — [Шрифт Брайля]. Начитано И.Н. Зарубиной, набор текста — С.М. Прохоров.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

В октябре исполняется три года существования в Кушке (Туркменская ССР) детского дома для слепых детей.

Дети обеспечены всем необходимым. Обучаются они грамоте по Брайлю. В программе школы — все предметы обычной школы первой ступени.

При доме имеется мастерские, в которых мальчики вьют из кенафа веревки, девочки делают гамаки и сумки из шпагата и вяжут. В этом году предстоит открытие двух мастерских — шеточной и чулочной.

Дети приучаются к домашнему хозяйству, ухаживают за домашними животными, работают в школьном саду и огороде. Девочки приучаются шить, убирать комнаты, помогают на кухне. Все дети учатся петь и играть на рояле и других музыкальных инструментах. При доме имеются хоровой и драматический кружки и оркестр. Кружковцы часто выступают на сцене клуба в Моргуновке, а иногда и в Кушке в Доме Красной Армии. Для малых ребят в Доме имеются различные игрушки.

Для библиотеки Дома выписывается несколько детских журналов и «Туркменская искра». Книги и журналы читаются вслух воспитательницей. Есть радио, патефон и много пластинок. Во время летних и зимних каникул дети могут ездить к родителям в гости, дорогу оплачивает детдом.

К недостаткам школы нужно отнести то, что Дом до сего времени не укомплектован: вместо 40 ребят в нем обучается только 12.

Советская власть дала детям Туркмении путевку в счастливое, веселое детство, право на учебу, на труд, на радостную жизнь.

Зав. детдомом Ерошенко

// Жизнь слепых. — 1938. — № 19 (октябрь). — С. 53—55. — [Шрифт Брайля]. Машинопись предоставлена Н.А. Трофимченко.

Интересные судьбы

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЯПОНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (фрагмент)

Создать первый в Туркмении детский дом для слепых детей Наркомпрос республики поручил Василию Яковлевичу Ерошенко. Из Москвы в Ашхабад он прибыл осенью 1934 года и сразу же горячо взялся за дело. В первые же дни педагог вдоль и поперек исходил Ашхабад, побывал в его окрестностях — Багире, Фирюзе, Чули. Через месяц человек, до того не знавший ни одного слова по-туркменски, уже легко объяснялся с местными жителями на их языке /.../

В Ашхабаде сейчас живет немало людей, которые хорошо помнят Ерошенко. Мастер картонажного цеха Туркменского общества слепых Петр Сергеевич Малолетенко – один из первых воспитанников детдома, который организовал в мае 1935 года Ерошенко.

– Нас первых было четверо – Лидия Ниязменглиева, Павел Зубенко, Дурды Петкулаев и я, – вспоминает Петр Сергеевич. – Наш детдом находился в окрестностях Моргуновки, недалеко от Кушки.

Много теплых воспоминаний о своем воспитателей сохранила Валентина Сидоровна Малолетенко и Нурум Момыев. По их рассказам можно представить себе действительно удивительного человека.

По приезде в Туркмению Ерошенко очень быстро изучил туркменский язык, причем настолько, что даже преподавал его. Под редакцией Ерошенко вышли и первые учебники

на туркменском языке для незрячих. Василий Яковлевич создал и первый туркменский алфавит для слепых.

Страстный музыкант, он приглашает из Москвы в далекую Кушку профессиональных пианистов, достает хороший рояль. Долгими вечерами звучала здесь музыка Моцарта, Шопена, Грига, Бетховена и Чайковского. Среди воспитанников детдома были туркмены, узбеки, русские, украинцы. И Ерошенко со свойственной ему мягкостью и тактом находит путь к сердцу каждого из своих воспитанников. Очень слабой попала в детдом Акджагуль Кулиева. Ерошенко заботится о ней особенно.

В 1945 г. Ерошенко вернулся в Москву. После писатель часто наведывался в Ашхабад, просто так и в гости, встретиться с близкими людьми, со своими учениками. /.../

Б. МИРТОВ, корр. Туркменинформа

// Чарджуйская правда. – 1973. – 14 августа. – С. 4.

Земля, которой гордимся ЕРОШЕНКО В КУШКЕ

Впервые о Василии Яковлевиче Ерошенко я узнал от своего деда И.А. Соловьева, крестьянина села Гущенка, что недалеко от Нового Оскола. В детстве он не мог получить образования, однако благодаря природной любознательности, пытливому, живому уму сумел стать довольно грамотным человеком. Этот больной восьмидесятидвухлетний старик, прочитав напечатанную в 1965 г. корреспонденцию в «Белгородской правде» о слепом писателе и поэте Ерошенко, прислал мне вырезку из газеты в Кушку, где я тогда служил. Прислал не случайно. В корреспонденции упоминалось, что В. Ерошенко десять лет руководил интернатом для слепых детей, созданным им самим недалеко от Кушки. Дед просил меня узнать, существует ли интернат, жив ли кто-нибудь, кто был знаком с Ерошенко.

К сожалению, письмо пришло в тот момент, когда я, как говорят, «сидел на чемоданах», готовясь выехать к новому месту службы. Естественно, узнать что-либо не смог.

Не так давно мне вновь довелось побывать в Кушке. И можно понять мое волнение и нетерпение, с каким я начал разыскивать следы интерната и тех, кто либо работал, либо учился в нем. Мне сразу же повезло. Едва я заговорил о Ерошенко с председателем горисполкома, как он сказал:

- У нас в горсовете работает Светлана Антоновна Костик. Она многое может рассказать. Минут через пять я разговаривал с молодой миловидной женщиной.
- Еще в детстве я часто слышала от матери о Василии Яковлевиче, сказала она. Мама у меня слепая, отец тоже был слепым. Вы поезжайте в совхоз «Пограничник», это недалеко. Там, в конторе совхоза, работает моя сестра Рита, она вас познакомит с матерью, которая живет с нею, покажет, где находился интернат.

Остальное было удивительно просто. В нескольких километрах от Кушки мы свернули с шоссе в сопки, и вскоре машина въехала на территорию центральной усадьбы совхоза. Риту и ее маму нашел быстро.

Мария Игнатьевна пригласила меня в дом и, узнав о цели моего посещения, охотно рассказала все, что помнила о Ерошенко.

Ее муж Антон Александрович Иванов познакомился с Василием Яковлевичем в Ашхабаде в 1934 г., где тот оформлял документы, получал имущество для вновь создаваемого интерната. Ерошенко умел увлекать людей. Он произвел на Иванова такое впечатление, настолько зажег своей идеей, что тот, не раздумывая, согласился поехать в Кушку преподавателем труда интерната.

Ерошенко часто заходил в дом Ивановых, был в нем своим человеком. Его рассказы о странствиях слушать можно было целый день. Ведь он владел несколькими иностранными языками, а также эсперанто, побывал во многих странах Европы, в Китае, Японии, работал на Чукотке. Но, как вспоминала Мария Игнатьевна, ни словом не обмолвился о том, что он писатель.

Значительно позже, через много лет после его смерти, узнала Мария Игнатьевна о том, что до сих пор в Японии считают Ерошенко своим поэтом — настолько в совершенстве владел он японским языком.

Большую часть суток Василий Яковлевич проводил среди детей. Обучал их различным наукам, даже туркменскому языку. Много времени уделял выработке у детей «зрячей» походки. В общем, делал все, чтобы дети не чувствовали себя обделенными, готовил их к полезной обществу деятельности.

Сам Ерошенко ходил без палки и без провожатых. Мария Игнатьевна вспоминает, что он иногда отправлялся в горы на целые сутки.

Когда-то Василий Яковлевич играл в оркестре слепых. Прежние занятия музыкой пригодились и в интернате. Он создал самодеятельность, и воспитанники часто выступали с концертами в Кушке и окрестных селах.

О том, насколько отзывчив и чуток был Ерошенко, говорит такой факт. Муж Марии Игнатьевны умер в начале войны. У нее на руках осталось двое малолетних детей. Василий Яковлевич помогал, чем только мог. Не оставил он семью в беде и тогда, когда интернат выехал из Кушки в 1943 г., а Мария Игнатьевна не рискнула отправиться в путь с малышами. Даже из Ташкента присылал Василий Яковлевич денежные переводы.

Потом мы с Ритой пошли смотреть дома, в которых когда-то размещался интернат. В одном из них, где сейчас находится контора совхоза, в 1934—1943 гг. было управление интерната, в другом, приземистом длинном доме из камня, жили дети.

В. Харьковский (так!)²¹ в своем очерке «Японский поэт Василий Ерошенко» писал, что для Василия Яковлевича интернат в Кушке стал главным делом жизни, ради которого он на время оставил литературу. Побывав там, где некогда находился интернат, побеседовав с одной из тех, кто знал Ерошенко, я понял: да, это было действительно так. Десять лет жизни отдал он детям. К литературному творчеству В. Ерошенко вернулся уже в конце пути в родной Обуховке, что недалеко от Старого Оскола.

Н. Ельшин, военный журналист. Белгородская правда. — 1974. — 18 июля. Ленинское знамя. — 1974. — 20 августа.

3. Воспоминания учеников и сотрудников Республиканского детского дома для слепых детей № 1 в Кушке

[Письмо Мусы Амансахатова с воспоминаниями о В.Я. Ерошенко Дмитрию Алексеевичу Алову²²]

Василия Яковлевича Ерошенко я знаю хорошо, учился у него целых четыре года. Сам он, конечно, коммунистом не был, а по натуре был коммунист. Почему? Потому что были такие случаи, иногда я выпивал. Так он, бывало, мне скажет: «Чем ты пьешь, отдай лучше деньги своим друзьям, они что-нибудь себе покушать купят».

А когда он жил в Ташкенте, тут одной слепой высылал деньги — 50-60 рублей в месяц. Редко найдется такой человек, чтобы от себя отрывал и высылал деньги, жалея бедных. Вот как он жалел своих учеников. Когда возвращался из какой-нибудь поездки, то обязательно хотя бы понемногу, но каждому привозил гостинцев.

Жены у него не было. Мы задавали ему вопрос: «Почему вы, Василий Яковлевич, не женитесь?» Он отвечал: «Которые мне нравятся, я им не нравлюсь, а которым я нравлюсь, они мне не нравятся».

В.Я. находился с нами круглые сутки, Его кровать стояла у нас в общежитии. Няни все к вечеру уйдут, и на ночь он оставался с нами один.

²¹ На самом деле – А.С. Харьковский. Прим. Ю. Патлань.

²² Алов Дмитрий Алексеевич — друг В.Я. Ерошенко, работавший в те же годы в Ташкенте, незрячий. Автор заметки «Слепые Туркмении будут обучаться на родном языке» в журнале «Жизнь слепых», приводимой в разделе статей в периодических изданиях. В 1960-х гг. помогал Р.С. Белоусову, составителю первого в СССР сборника произведений В.Я. Ерошенко «Сердце орла» (Белгород, 1962) собирать воспоминания о писателе. В эту же книгу вошли воспоминания о В.Я. Ерошенко и самого Алова (Простой и гуманный. С. 188—190). Копия письма сохранилась в архиве А.И. Масенко (г. Кисловодск).

По вечерам читал нам интересные книги, рассказывал сказки тех стран, где он бывал. Ночью, бывало, встанет и будит тех, кто мочился, или подаст горшок. Если кто сходит в горшок, возьмет и сам вынесет на улицу.

В.Я. очень любил купаться, ходить на прогулку в горы, в лес.

Немало навыков он нам привил. Водил нас за речку Кушку в лес пилить дрова, на огород водил косить траву. Огород сами копали, поливали, обрабатывали, резали капусту, собирали помидоры, огурцы.

Питался В.Я. тоже вместе с нами в одной столовой. Сидел всегда за тем столом, где были малыши, более беспомощные – как клушка с цыплятами.

Характер у него был вспыльчивый лишь на одну минуту. Из себя он был очень простой, всегда возился с малышами.

Шоев²³ дал такое показание, якобы В.Я. был эвакуирован в Туркмению во время войны и преподавал будто бы на афганской границе в городе Кушка на языке пушту. Это неверно. В.Я. преподавал нам на русском языке.

Нашу школу слепых он лично сам организовал в середине 1935 г.

Из Ашхабада с четырьмя слепыми ребятами приехал в Кушку, где ему дали здание под школу. В этой школе он проработал десять лет директором и преподавателем.

В 1945 г. уехал в Москву, где работал в институте иностранных языков, преподавал там английский язык²⁴. Оттуда приехал в Ташкент.

Об этом вы уже знаете.

Он знал много языков, любил бедных, всегда им сочувствовал и помогал.

Жадным не был, скупости он не знал: если у него что-то было, всегда делился.

Бывало, встанет ночью и что-то пишет — лишь стук грифеля²⁵ нарушал ночную тишину. Мы спрашивали: «Что вы пишете, Василий Яковлевич?»

Он отвечал: «Ягши зат (хорошую вещь)».

Те труды его бесценные, которые он писал, не спавши по ночам, пропали в багаже, когда он переезжал в Москву в 1945 г. Об этом он сам лично мне рассказывал, чуть не плача. По поводу пропажи багажа В.Я. был в Министерстве связи, подавал во всесоюзный розыск, но все было безрезультатно. Ничего он в этом багаже так не жалел, как своих трудов.

Так и затерялся бесследно его багаж, о чем В.Я. долго не мог забыть.

Уважаемый Дмитрий Алексеевич Алов, я, может, неграмотно написал, так вы простите мне как туркмену. Я очень вам благодарен за вашу ценную инициативу. Желаю успехов в вашем благородном труде.

Муса Амансахатов, бывший ученик Кушкинской школы слепых детей, воспитанник В.Я. Ерошенко, проживающий в г. Байрам-Али по улице Наримановской, д. 11.

(Комментарий А.И. Масенко: с брайлевского оригинала письмо перевел А.И. Масенко. Дата не указана, на штемпеле тоже неразборчиво. Но, сопоставляя известные мне обстоятельства, это примерно 1960 или 1961 год).

Воспоминания Мусы Амансахатова

Машинопись [копия письма, направленного в клуб «Поиск» Республиканской школы для слепых и слабовидящих детей г. Ашхабад]

Воспоминания о Василии Яковлевиче Ерошенко, написанные мной для Республиканской школы-интерната слепых и слабовидящих детей в г. Ашхабаде по улице Грибоедова, № 109

²³ Шоев Федор Иосифович (1902–1965) – публицист, писатель, тифлопедагог известный деятель Всероссийского общества слепых. Один из первых редакторов журналов «Жизнь слепых» и «Советский школьник». Знакомый В.Я. Ерошенко. Незрячий.

²⁴ В.Я. Ерошенко, вернувшись в Москву из Туркмении, год проработал в г. Загорск в интернате для военноослепших, затем в 1946–1948 гг. преподавал английский язык в Московском институте слепых

²⁵ Речь идет о грифеле для письма слепых, которым незрячие выдавливают на специальной бумаге, используя прибор-рамку, выпуклые точки рельефно-точечного письма Брайля.

Здравствуйте, ребята!

С горячим приветом к вам Амансахатов Муса! Я был очень обрадован, узнав о том, что вы собираетесь присвоить вашей школе имя выдающегося и талантливого человека Ерошенко В.Я. Это великое дело!

Ерошенко В.Я. родился 1890 г. в селе Обуховка Старооскольского р/на Курской области, ныне Белгородская область.

По словам Ерошенко В.Я. — по решению Наркомпроса ТССР в 1935 г. ему выделили помещение для школы в поселке Моргуновка под Кушкой.

В.Я. Ерошенко ослеп от кори в возрасте 4 лет. В 1908 г. окончил Московскую школу слепых детей на Мещанской улице перед І-ой империалистической войной. Выехал за границу, был в Германии, Англии, Японии, Индии, Китае, Таиланде, Бирме. В какой бы стране он ни был, везде открывал школы для слепых детей²⁶, обучал их грамоте, давал им знания.

Он был поэтом, писателем, путешественником, педагогом, музыкантом, знал многие иностранные языки. В совершенстве владел немецким, английским, японским языками. Из этих стран получал литературу, журналы.

Учился в английской Королевской колледжии (sic!), много рассказывал о жизни быте, обычаях, климате, растительном и животном мире этих стран.

Он участвовал в 1914 г. на Всемирном конгрессе эсперантистов в городе Хельсинки²⁷. Возвратившись из-за границы, в 1934 г. хотел открыть школу для слепых детей в Якутской АССР²⁸. Однако у него эта мечта не сбылась. После этого В.Я. Ерошенко приехал в г. Ашхабад, нашел там четырех слепых детей: одну девочку и трех мальчиков. С этими ребятишками приехал в Кушку и обосновал там школу. Школа была начальная пятилетка. Она была маленькая, рассчитана на 20–30 детей. Учителей было четверо, в том числе и Ерошенко. Антон Александрович Иванов, Александр Иванович Шамин и Анна Дмитриевна Росщупкина. Иванов А.А. и Шамин А.И. имели квартиры. Иванов жил в поселке, Шамин жил при школе. Оба были семейные. У Шаминых детей не было, у Ивановых было трое девчат – Эмма, Света, Рита.

Ерошенко В.Я. и Росщупкина были холостыми, и поэтому они постоянно круглыми сутками находились с детьми, когда другие работники уходили домой.

В.Я. Ерошенко, будучи директором, основную преподавательскую работу вел сам, все важнейшие уроки вел он. Росщупкина А.Д. преподавала труд. Учила девчат прясть, вязать носки, варежки, перчатки, платки, свитера, кофты. Росщупкина А.Д. ночевала с девчатами, Ерошенко В.Я. с мальчиками. Среди ребят были и такие, которые мочились под себя. Их Ерошенко будил и сопровождал в туалет. Короче говоря, они заменяли отца и мать.

Шамин А.И. был пианистом, Иванов А.А. преподавал уроки и труд. Учил вить веревки, плести корзины гамаки, сумки. Наша школа находилась на территории фисташкового совхоза на Соленом арыке в порядке одного км от Моргуновки. В поселке находилось наше подсобное хозяйство: сад, огород.

В саду росли яблоки, груши, сливы, алыча. В огороде выращивали капусту, огурцы, картошку, помидоры, лук, редиску, укроп, петрушку, клевер. От посадки до уборки — все делали сами, держали скот — лошадей, ишаков, коров, овец, свиней, кур.

Огород поливали, сено косили на зиму заготовляли, воду возили, дрова на зиму рубили, скот кормили, дрова пилили, печи топили, по кухне дежурили и т. п.

Было у нас две лошади, четыре ишака и весь наш транспорт — один фургон, одна ишак-арба. Штат школы был маленький. Четыре учителя, завхоз, кухарка, воспитательница, кастелянша и учетчица.

Школа состояла из 11 комнат, 2 спальни — одна для мальчиков, другая для девочек. Два классных помещения обучения совместного, столовая, красный уголок, склад, кухня, канцелярия, комната, где жил Шамин со своей женой Зинаидой Ивановной и маленький

²⁶ Рассказывая о В.Я. Ерошенко по прочитанным книгам и статьям, М. Амансахатов неточен. Ерошенко хотел открыть школу для слепых в Сиаме (Таиланде) в 1916 г., но ему это не удалось. Школа в Кушке была единственным удачным начинанием В.Я. Ерошенко в этом смысле.

²⁷ XIV Международный конгресс эсперантистов в Хельсинки и Второй международный конгресс незрячих эсперантистов состоялись в 1922 г. В.Я. Ерошенко действительно в них участвовал.

 $^{^{28}}$ В.Я. Ерошенко безуспешно искал для себя место преподавателя английского языка в школе для слепых в Якутской АССР, но это было в 1951 г.

чуланчик. В банные дни ходили в совхозную баню, которая была рядом со школой, меняли бельё раз в десять дней.

В школе не было ни водопровода, ни электричества. Была керосиновая лампа, которая освещала не полностью нашу школу. С трёх сторон окружали горы. Школа находилась между колхозным арыком и горным родником, откуда мы возили воду для питья на ишаках.

В.Я. Ерошенко любил ходить на прогулки с нами. Рассказывал, как на горах растут фисташковые деревья. Ходили в лес за Кушку-речку. Купались в этой реке. А за этой рекой пилили большие деревья, обрубали сучья, а стволы распиливали на дрова. Затем грузили на фургон и ишак-арбу, отправляли в школу. В этой работе нам помогал и учил завхоз. Каждый из нас брал по суку, примерял по своим силам и тащил за собой.

За 10–15 километров на лошадях и ишаках ездили в совхоз «Чеменебит» за соломой. Сами набивали мешки, сами грузили без помощи Василия Яковлевича и только к вечеру возвращались в школу.

Продуктами питания и кормом для скота нас обеспечивали близлежащие колхозы и совхозы. Расскажу про один эпизод, произошедший между школой и подсобным хозяйством. Там проходила железная дорога, и нам приходилось каждый день ходить туда и обратно через эту самую железную дорогу. И вот однажды мы на ишаке, запряженном в арбу, ехали в школу, но в тот самый момент, когда мы проходили через переезд, наш ишак вдруг ни с того ни с сего остановился и, как это с ними бывает, заупрямился и не сходит с места.

Слышим – идет поезд. Гоним ишака, а он ни взад, ни вперёд. Стоит как вкопанный. И тут мы увидели, что у бедного животного одна из передних ног застряла между рельсами.

Поезд был почти рядом. Испугавшись, стали арбу тянуть назад. Бедный ишак повернул голову и в этот момент поезд отрезал ногу ишаку и остановился. Машинист вышел из паровоза посмотрел на нас, увидел, что мы все слепые, покачал головой, сел на поезд и уехал.

Ишаком правила девочка с остатком зрения по фамилии Константинова Лидия.

В.Я. Ерошенко много читал книг, это было для него любимым делом. У нас было много хорошей литературы. Читал он хорошо бегло, с выражением. Куда бы ни ездил, куда бы ни ходил, брал с собой книги. А по вечерам проводил коллективные читки. Все ребята и девчата собирались вокруг него и с вниманием слушали. Читал А.С. Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Горького, Островского, Маяковского, Шолохова и др. писателей и поэтов.

У В.Я. Ерошенко почти не было свободного времени, он всего себя без остатка отдавал детям. В.Я. Ерошенко любил находиться на открытом воздухе, любил детей, животных, природу. Весной ходили на кладбище, где были похоронены защитники границы СССР. На могилы клали букеты живых цветов [тем], кто с оружием в руках боролся за Советскую власть.

Набор детей Ерошенко производил лично сам. В поисках слепых детей ему самому приходилось ходить пешком по аулам. На пути приходилось преодолевать всевозможные препятствия. А в то время не каждый родитель отдавал слепого ребенка в школу. И в школу попадали дети, в большинстве оставшиеся без родителей. После изгнания немцев от Москвы, в начале 1942 г.²⁹ уехал со своей женой Шамин. На место Ерошенко назначили нового директора молодую девушку в возрасте 25 лет. В том же году умер Иванов А.А. Ему было 29 лет. Жена Иванова – Мария – с детьми осталась жить в Моргуновке.

Наркомпрос в 1942 г. направил в Кушку слепого ленинградского профессора Соловьева А.Ф. с женой Галиной, директором школы. После освобождения советскими войсками города Курска уехал и сам В.Я. Ерошенко. Багаж, который он при выезде отправил на родину, затерялся где-то в дороге. В багаже в основном были его рукописи, дневники и книги. Все его труды за кушкинский период пропали. Он очень об этом сожалел и чуть не плача рассказывал мне об этом.

Я после школы с Ерошенко встречался три раза. В первый раз это произошло в 1945 г. на поезде, когда он приезжал разыскивать свой багаж. Говорил, что куда только он ни писал, ниоткуда не мог получить положительный ответ.

Во второй раз мы с ним встретились у меня на квартире в 1948 г. Тогда многие его ученики жили в г. Байрам-Али. В третий раз встреча была в Ташкенте, где он в одном из инсти-

²⁹ З.И. Шамина работала в школе в 1937–1938 гг., А.И. Шамин – в 1937–1939 гг.

тутов преподавал английский язык³⁰. Это было в 1950 г. В 1943 г. школу перевели в Мургабский район и объединили со зрячими учениками. В 1953^{31} г. школу из г. Чарджоу объединили уже с глухонемыми детьми. Лишь в 1959 г. школа была переведена в столицу республики г. Ашхабад.

Ерошенко занимался спортом. Любил бег, плавание, хорошо играл в шахматы, шашки и домино. До него в Туркмении даже не могли подумать о том, что слепой человек может научиться читать, писать, заниматься спортом. Он снискал к себе любовь и уважение со стороны инвалидов, детей и взрослых. своей отзывчивостью, человечностью, гуманностью любовью, уважением, добротой, чуткостью, заботой к ним.

Об этом замечательном человеке можно писать целую книгу. Я думаю, и этого хватит, чтобы иметь хоть какое-то представление о нем. Я одобряю и приветствую вашу идею о присвоении вашей школе имени В.Я. Ерошенко!

Желаю вам больших успехов в вашем благородном деле, ребята! Чем больше нас отдаляет время от тех ерошенковских дней, тем все меньше остается людей, знающих В.Я. Ерошенко.

В городе Байрам-Али — я и Кулиева Акча, в городе Мары — Нурлиев Меред, в городе Ашхабаде — Малолетенко Валентина, Ниязменглиев Байназар, Момыев Нурум. За пределами Республики проживают — Токаева Зоя, вот ее адрес: Кролевецкий район, Сумская область, Укр. ССР, УТОС ^{32} . Белюк Женя в Пензе ВОС РСФСР ^{33} , Бродо Виктор в Ставрополе, ВОС РСФСР, Бердиев Сайлы в Катакургане Самаркандской области, УзОС ^{34} , Жаманова Нюра в Самарканде, УзОС.

С этими товарищами учились вместе в школе.

Амансахатов Муса.

25.11.87 г.

Конверт:

309530 Куда город Ст. Осков (sic!) Белгородской обл. Ул. Ленина 74/7

Городской краеведческий музей

/Отправитель/
746000 Турк. ССР
Марыйская обл.
г. Байрам-Али
Строительный переулок 18
Амансахатов М.

Старооскольский краеведческий музей (далее – СОКМ), № НВ 3324

Воспоминания одного из первых воспитанников Республиканской школы слепых детей Туркмении — Бродо Вацлава Осиповича³⁵ об организаторе и первом учителе этой школы Василии Яковлевиче Ерошенко

В раннем детстве один дехканин-туркмен сказал мне такую пословицу: «У слепца нет лица». Эта пословица соответствовала действительности в те времена.

 $^{^{30}}$ Согласно двум справкам из пенсионного дела, в Ташкенте В.Я. Ерошенко преподавал брайлевскую грамоту в вечерней школе ликбеза слепых при Ташкентском отделении Узбекского общества слепых с 12 декабря 1949 г. по июль 1951 г.

³¹ По другим данным – в 1954 г.

³² УТОС – Украинское общество слепых.

³³ BOC – Всероссийское общество слепых.

³⁴ УзОС – Узбекское общество слепых.

³⁵ Бродо (Брода) Вацлава Осиповича также часто называют Виктором.

В то время туркменский народ был темный, неграмотный. Своих незрячих детей родители с большой неохотой отдавали в школу учиться. И надо было иметь большое терпение, настойчивость, чтобы убедить родителей и родственников таких детей в необходимости их обучения.

Наша школа была создана в 1935 году в пограничном поселке Моргуновка Тахтабазарского района Марыйской области, официальная дата ее открытия считается 23 октября 1935 г. В первые годы в школе насчитывалось от 10 до 20 учащихся. В большинстве это были туркменские дети. Организатором и первым директором школы был В.Я. Ерошенко. Преподавание велось на русском языке, так как не было учебников на родном туркменском языке, да и не было подготовлено национальных учителей в том числе.

Первых учителей хорошо помню – супругов Шамина Александра Ивановича и Шамину Зинаиду Ивановну. Александр Иванович много занимался эстетическим воспитанием детей. Преподавал уроки музыки и пения, обучал игре на фортепьяно. Зинаида Ивановна преподавала по программе начальных классов.

Иванов Антон Александрович вел уроки в специальных мастерских, где вили веревки, ткали половики, плели сумки из шпагата.

Рощепкина (sic!) Анна Дмитриевна обучала школьников вязанию носков, свитеров, варежек.

В годы Великой Отечественной войны наши ученики вязали бойцам фронта теплую одежду.

Я учился в школе [в] 1938 году – [по] 1945 г., а с 1945 по 1949 гг. уже не учился, а жил в школе до совершеннолетия, выполнял различные поручения школы.

В.Я. Ерошенко был директором школы в 1942 г. ³⁶ Он также преподавал различные предметы, в том числе и немецкий язык. Примерно в 1940 г. в школе уже использовались в 1 и 2 классах учебники по Брайлю под редакцией В.Я. Ерошенко на туркменском языке.

Учебники были напечатаны в Москве благодаря настойчивости Василия Яковлевича.

При Ерошенко в школе было хорошо. Здоровая нравственная обстановка, крепкая дисциплина среди учащихся. У учеников Василий Яковлевич пользовался большим уважением за свое отношение к ним: всегда доброжелательное, уважительное, он старался вырабатывать у них самостоятельность и в суждении, и в поведении. Особенно любили его малыши. Он часто по вечерам приходил к ним, рассказывал много сказок, интересных историй о своих путешествиях по разным странам. Малыши всегда с нетерпением ждали новых встреч с ним.

В школе всё, в основном, было поставлено на самообслуживании, а старшие учащиеся вместе с Ерошенко ходили в лес за дровами или заготавливали сухой бурьян для отопления печей.

Весной и летом часто с ним выходили на природу. Он рассказывал о растениях, учил распознавать их, обучал ориентировке в пространстве.

Школа имела подсобное хозяйство: овец 3 десятка, лошадь, 2 ишака, земельный участок около 1 га, на котором выращивали ячмень, огородные культуры. В подсобном хозяйстве хорошо трудились все учащиеся.

У окрестного населения школа пользовалась большой популярностью, так как ученики часто выступали с концертами в сельском клубе и даже в Доме Красной Армии в г. Кушка.

Учеников школы, в основном, трудоустраивали в местах УПП³⁷. С уходом в 1945 г. из школы В.Я. Ерошенко она пришла в упадок. Контингент ребят резко сократился. Потому что снизилась агитационная работа среди населения. По этим причинам школа в 1945 году³⁸ была переведена в город Чарджоу и объединена со школой глухонемых.

Я до сих пор с чувством глубокой благодарности вспоминаю годы общения с В.Я. Ерошенко. Благодаря его деятельности я многому научился, что пригодилось мне в жизни.

 $^{^{36}}$ По документам пенсионного дела, директором детдома В.Я. Ерошенко был до 1 апреля 1942 г., а с 1 апреля 1942 г. по 1 сентября 1945 г. — учителем.

³⁷ УПП – учебно-производственные предприятия, на которых работали незрячие.

³⁸ Здесь Н. Момыев допускает ошибку — в Чарджоу школа слепых была переведена в 1954 г.

Примечания руководителя группы «Поиск» [Н. Ф. Осипенко]:

В госархиве Ашхабада найдена газета «Туркменская искра» от 6-го мая 1935 г.³⁹

В ней сообщается, что школа слепых детей в Туркмении была открыта 13 апреля 1935 г. Другие бывшие ученики [подтверждают], что это было именно так, и Бродо ошибается в дате открытия школы. Из Кушки школа была переведена не в Чарджоу, как пишет Бродо, а в Мургаб, это подтверждают все бывшие ученики. Да и сам Бродо летом 1988 г. сделал эту поправку в телефонном разговоре со мной.

Бродо В.О. Мои воспоминания о Ерошенко В.Я. [письмо в открытый 12.01.1990 г. Дом-музей В.Я. Ерошенко в с. Обуховка, записано под диктовку]

Наша школа была организована, или, вернее, открыта, 23 октября 1925 г. (sic!) ^{40} , это по официальным районным документам. Я не знаю, сохранились ли они в архивах Туркмении? Это я хорошо помню, хотя меня привезли в школу 3 марта 1938 г.

В то время мне было около 7 лет. Привез меня туда сам Василий Яковлич (sic!). Конечно, многое в памяти сгладилось, но я хорошо помню [отношение] к нам, учащимся, нашего учителя.

Нас с детства приучали к труду, после школьных занятий труд был обязательным, учащиеся сами обслуживали себя, заготавливали на зиму дрова, ездили за водой, так как водопроводов в то время не было. Также получали трудовые навыки в хозяйственных делах: вили веревки из пеньки и сдавали продукцию в соседний совхоз. В военные годы учащиеся вязали теплые носки, варежки, тем самым вносили свой посильный вклад, отправляя продукцию на фронт.

Ерошенко подобрал себе хорошие педагогические кадры: например, у нас работал хороший музыкант Шамин А.И., который с детства приучал к серьезной музыке, Иванов А.А. и Рощупкина А.Д., кстати, ваша землячка из села Городище, которые также приучали учащихся к труду, тем самым воспитывая в нас уважение к людям.

Теперь о самом Ерошенко. Насколько я помню, этот человек относился к нам со всей душой. У него не было отдельной квартиры, спал он в спальне с мальчишками. Короче говоря, 24 часа в сутки он проводил с ребятами, питался с одного котла со всеми вместе. В трудные военные годы со своей мизерной зарплаты покупал кое-какие продукты и старался подкармливать ребят, благо, нас тогда было не так уж и много.

Сбором контингента учащихся в основном занимался сам. Ездил по аулам республики и в буквальном смысле слова незрячего ребенка вымаливал у родителей. А вы знаете, туркменский народ тёмный, а в те годы тем более, взять ребенка из семьи было трудно. Общественность очень плохо помогала. Но, несмотря на это, в школе было около 13 человек учащихся. Я не знаю его отношений с властями, но мне кажется, кое-кто ему ставил палки в колеса. В конце 41-го года его отстранили от директорства, но, несмотря на это, он остался работать преподавателем и вел свое дело так, как велела ему его совесть.

Все учащиеся очень любили его. И в наших сердцах он остался честным, хорошим учителем, воспитателем и человеком чистой совести.

Ну вот пока и все. Извините, что не мог приехать, слишком поздно получил приглашение, а отпуск оформить за 2-3 дня не смог.

14.01.90 Бродо В.О.

COKM K□ Nº 14650

Воспоминания Малолетенко Валентины Сидоровны, бывшей ученицы В.Я. Ерошенко (записаны $12.11.1987~\epsilon$.) ^{41}

В школу В.Я. Ерошенко («детский дом для слепых детей») я поступила 11-летней в 1939 г. и училась там до 1942 г. Тогда, конечно, я ясно не сознавала, просто мне очень нра-

³⁹ Двое туркменских коллег по моей просьбе поднимали подшивки «Туркменской искры» за май 1935 г. В номере за 6 мая они не обнаружили ничего о школе слепых, а в номере за восьмое мая – приводимую в этой публикации заметку с упоминанием об открытии школы, но без указания дат.

⁴⁰ Описка записывавшего под диктовку письмо В.О. Бродо, должно быть — 1935 г.

⁴¹ Воспоминания мною получены 26 марта 2006 г. от Н.Ф. Осипенко через А.И. Масенко. – Ю.П.

вилось быть в нашей школе. А когда стала взрослой, поняла, что добрую, семейную атмосферу создавал В.Я. Мы жили как братья и сестры, а В.Я. был нам, как отец. Я вовсе не преувеличиваю.

В.Я. очень заботился о детях, особенно о маленьких и слабых. Старался, чтобы школа была обеспечена всем необходимым. Он много нам рассказывал и читал.

Он составил туркменский алфавит, который позже немного усовершенствовали его ученики Момыев Н., Петкулаев Д. и др. Еще В.Я. написал букварь на туркменском языке, книгу для чтения и учебник естествознания. Он добился, чтобы учебники эти были изданы, и мы по ним успешно и с удовольствием занимались.

Учительница труда, очень добрая, заботливая женщина, Анна Дмитриевна Росщупкина, учила нас шить, вязать, стирать, готовить еду. У нас была художественная самодеятельность. Мы выступали с концертами в совхозном клубе, у пограничников и даже на УПМ (учебно-производственная мастерская) г. Байрам-Али.

Скажу откровенно: три года моей жизни в школе – это самые лучшие годы.

Из той школьной жизни хочу рассказать вот что. Однажды весной, после обеда случилась гроза и буря. Страшно гремел гром, беспрестанно полыхали молнии, свирепствовал сильнейший ураган. Рекой с неба лил дождь. Было жутко.

Казалось, все кругом рушится и гибнет. Мы все собрались в одной комнате, прижавшись друг к другу. Даже наш любимец собака Дружок тихо сидел, прижавшись к нашим ногам. Воспитательница Раиса Александровна Киселева рассказывала нам, почему бывает ветер, дождь, гром и молния. Хотя ее голос немного успокаивал, все же мы очень боялись. Сколько времени длился этот кошмар снаружи, я не помню. Вдруг второклассница Нюра вскрикнула: «Ой, а как же В.Я.?! Ведь вчера, когда он уходил в Кушку, сказал, что вернется сегодня к вечеру». И тут все сразу заговорили, заспорили и стали обсуждать, пойдет ли он в такую непогоду или останется в Кушке до завтра. А может, как-то можно ему помочь, если он уже в пути? Высказывались разные мнения, предположения и предложения. Мы так увлеклись, что, когда немного успокоились, заметили: гром стих и куда-то ушел, тоже молнии удалились, а непроглядный ливень перешел в несильный дождь.

В наступившей паузе Дурды Петкулаев сказал: «Ребята, слушайте! Если В.Я. пошел в школу и где-то недалеко сбился с дороги, мы сможем ему помочь». Все опять закричали, зашумели: «Как ты поможешь? Чем поможешь?».

Дурды постучал по столу кулаком. Все затихли. Он сказал: «Мы выйдем на крыльцо и будем громко его звать. Он нас услышит и найдет дорогу».

Опять все зашумели: «Там дождь, ну и ничего, если намокнем». «Пошли!»

Дурды снова постучал, успокоил всех и сказал: «Мы все не пойдем, а только по 3–4 человека. Над крыльцом есть небольшой железный козырек, который прикроет нас от дождя и усилит наши голоса». Все опять закричали, зашумели: «Ура!» «Пойдемте!» «Идем!» – Все вскочили.

Раиса Александровна смеялась и останавливала нас. Наконец, мы успокоились и договорились, что Раиса Александровна будет вызывать по четыре человека по алфавиту, будет следить за часами, чтобы мы звали В.Я. с крыльца по две минуты. Она еще добавила, что вернувшихся с крыльца «крикунов» будет угощать чаем. Сказано — сделано! Мы группами чередовались: пока одна группа кричала на крыльце, другая, вернувшаяся, пила чай, а следующая группа готовилась к выходу на крыльцо, чтобы кричать.

Нас, правда, смущало то, что мы не знали, идет ли В.Я. в школу и где он вообще. Но Дурды придумал правильно. Не зря же потом, когда стал взрослым, он много лет был председателем ТОС и ТОГ.

Теперь оживился, пришел в себя наш Дружок. Он бегал, прыгал и лаял около ребят «крикунов», не обращая внимания на дождь. Мы продолжали чередоваться и не сразу поняли, что в какой-то момент Дружок исчез.

И вдруг услышали далекий лай Дружка и крик В.Я. Они приближались к нам. Мы обрадовались. Ребята, находившиеся в помещении, тоже выбежали во двор под дождь. Раиса Александровна и Петя стали спешно загонять ребят в помещение.

Поднялась несусветная сутолока. А тут еще подошли В.Я. и Дружок. Теперь все поспешили зайти в школу. Ребята галдели, толкались – всем хотелось расспросить и потрогать В.Я. Он был мокрый и холодный, но бодрый и веселый.

Тут же прыгал и лаял тоже мокрый и грязный Дружок. В.Я. сказал, что сначала он пойдет мыться и переодеваться, а потом все подробно расскажет. Учитель ушел, а мы шумели, кричали, спорили — каждый хотел высказаться.

Вскоре пришел В.Я., сел за стол и всех утихомирил. Раиса Александровна дала ему пиалу с горячим чаем. Он отпил несколько глотков, а мы затихли в ожидании.

В.Я. сказал: «Во-первых, председатель Кушкинского райисполкома даст дрова, но пилить и колоть мы их будем сами». Все закричали: «Ура!». Ведь наши старшие мальчики умели пилить и колоть.

Затем он продолжил: «Начальник железнодорожной станции даст краску, кисти и все необходимое для ремонта школы». Опять кричим: «Ура!»

«Третье, – добавил учитель, – члены Общества слепых и глухонемых решили купить мальчикам зимние шапки, а девочкам – теплые платки». Снова «Ура!»

В.Я. продолжил: «А теперь я расскажу о том, как шел из Кушки в нашу школу. Когда я уже вышел из Кушки, мне повстречался дядя Нуры. Вы его знаете, он живет на краю Моргуновки». «Да, да», – подтвердили мы.

«Он сказал, что, наверное, будет буря и гроза. И я так подумал, но возвращаться не хотел, решил, что успею, если пойду побыстрей. Ведь я вам обещал, что вернусь сегодня, да и в школе есть срочные дела. Дядя Нуры пожурил меня, что не хочу послушаться его доброго совета, пожелал мне счастливого пути, я ему тоже, и мы пошли каждый своей дорогой. Прошел я приблизительно половину пути от Кушки до Моргуновки, как вдруг разразилась буря и гроза. Ну, вы сами слышали и видели, как выл и ревел ветер, как грохотал гром и какой лил дождь!»

«Да, да, слышали и видели!»

«Ну, вот. Ветер толкал и рвал меня, будто хотел разорвать на части, а дождь лил так, словно наступил всемирный потоп. Грохота грома и молний я не боялся и был спокоен за книги, которые лежали в моем рюкзаке.

Он сделан из прорезиненной ткани. Я всегда с благодарностью вспоминаю пограничников, которые мне его подарили. Вскоре дорога раскисла от воды, все вокруг превратилось в сплошную грязь, и, конечно, я потерял правильное направление.

Я остановился и решил подумать, что можно предпринять. Если пойду в неверном направлении, то в этой неразберихе легко могу угодить в овраг или в песчаный карьер, и тогда могут пострадать и книги в рюкзаке. Пока я топтался на месте и размышлял, вдруг сквозь шум ливня, вой ветра, в паузах грохота грома услышал приближающийся лай Дружка.

Сначала подумал, что это мне показалось. Но нет, это был он, наш дорогой песик. Мокрый, грязный, но такой родной! Ведь он примчался мне помочь! Он бегал, прыгал около меня, с лаем отбегал, снова прибегал ко мне, тянул за штанину.

Я понял: он меня зовет и хочет повести домой. Я снял брючный ремень, один конец привязал к ошейнику Дружка, а другой крепко взял в руку, и мы поспешили в школу».

Пока В.Я. рассказывал, то тут, то там раздавались восхищенные возгласы ребят. Когда же он умолк, чтобы сделать несколько глотков чаю, мы зашумели и зааплодировали. Все наперебой хотели погладить и потрепать нашего любимца Дружка, но Паша поторопился его увести. Тем временем дождь совсем прекратился, а мы пошли на ужин.

Следующим утром к нам пришли два мужчины из совхоза и сказали В.Я., что где-то, я точно не поняла, собралось очень много воды. Она может прорваться в направлении нашей школы. Если это случится, школу может затопить и даже разрушить. Чтобы этого избежать, нужно прокопать арык от балки до оврага, чтобы спустить воду и сель в овраг. Проделать же эту работу совхоз и сельсовет не могут — нет людей. Поэтому В.Я. должен эвакуировать всех детей в Кушку. С собой можно взять только то, что можно унести. Это они сказали и ушли, а мы стояли молча. Нам не хотелось уходить, оставив наш дом в беде.

В.Я. вздохнул, задумался, а потом спокойно и твердо сказал: «Ребята, мы должны спасти нашу школу. У нас есть четыре лопаты. Я, Петя, Паша и Женя будем копать вдоль натянутой веревки, а остальные ребята и сотрудники будут выбрасывать землю из арыка всем, что у нас найдется: тазиками, ведрами, подходящими жестянками, фанерками и дощечками. Итак, пошли за инструментами, и вперед, да побыстрее!».

И работа закипела: В.Я. и старшие ребята копали, а мы выбрасывали землю на берег. После ливня земля была мягкая, и работа быстро подвигалась. Но через некоторое время мы стали уставать: нещадно жгло солнце, дул сухой жаркий ветер.

Пот лил в три ручья. Болели руки, спина, ноги. Мы же работали, наклонившись; а когда арык стал глубже, приходилось садиться на корточки, чтобы зачерпнуть земли, затем вставать, чтобы выбросить ее на берег арыка. Отдыхали по очереди, пили зеленый чай. В.Я. подбадривал нас, а сам работал, не переставая, чай пил на ходу. Мы тоже старались, как только могли, никто не лентяйничал.

Работали долго. Казалось, работе не будет конца. Но нет, арык становился все глубже и глубже. Наконец, В.Я. сказал, чтобы все вылезли из него и отдохнули, а сам прошел по арыку от начала и до конца, касаясь руками его стенок. Арык был глубиной по его грудь и шириной около метра.

В.Я. подозвал Петю с лопатой и попросил подравнять стенки арыка в некоторых местах. Учитель сказал: «Я думаю, что арык получился хороший. По нему вода и грязь благополучно пойдут в овраг, и все будет хорошо. Молодцы! Хорошо потрудились. А теперь мыться и обедать!».

Дружное «ура» и аплодисменты раздались в ответ, и мы покинули нашу линию трудового фронта. После обеда мы собрались на холме под большим тутовым деревом. Конечно, с нами был В.Я., все сотрудники, а недалеко пасся наш ослик.

Ну, а Дружок, как всегда, повсюду бегал. Пока В.Я. рассказывал о своем селе, в котором родился, и разучивал новую песню о Волге, время от времени кто-то из ребят бегал посмотреть, что происходит в арыке. Но там все было по-прежнему. Мы уже подумывали, что напрасно трудились. Когда же в очередной раз Витя Бродо побежал к арыку, он закричал: «Идет, идет!».

Мы вскочили и хотели бежать к арыку, но В.Я. громко и строго остановил: [«Все оставайтесь здесь! Никто никуда не уходите! Сейчас мы с Раисой Александровной посмотрим, что там делается. Если будет можно, мы разрешим подойти остальным». И они ушли. А мы ходили около дерева, топтались на месте: разве можно было сидеть спокойно?! Вскоре Р.А. крикнула: «Идите сюда!»

И мы помчались на зов. А когда прибежали к арыку, то увидели, что его стенки мокрые, а по дну медленно ползет темно-серая жижа. Итак, мы работали не зря.

Все дружно крикнули наше любимое «ура!» и беспорядочно, возбужденно заговорили. В.Я. дал нам пошуметь, а потом сказал: «Дорогие ребята, мы спасли наш дом. Запомните этот день!»

Воспоминания Малолетенко Петра Сергеевича, бывшего ученика В.Я. Ерошенко (записаны 12.11.1987 г., умер 10.11.1989 г.)

Я жил с матерью около Ашхабада в курортном поселке Ферюзе.

Мама работала в санатории поваром. Мне было 16 лет. Из-за очень плохого зрения уже четыре года я не учился в школе. Я помогал маме по дому и на работе.

Однажды в начале весны 1935 г. к нам пришел высокий слепой человек.

Он сказал, что зовут его Василий Яковлевич Ерошенко и что скоро около г. Кушки будет школа для детей, которые плохо видят или совсем слепые, причем на полном государственном обеспечении. Если я хочу учиться, и мама согласна меня отпустить, то я поеду с ним сначала в Ашхабад.

А когда соберем детей, отправимся в Кушку. Мама сразу согласилась, а я обрадовался, что буду учиться.

Я пошел собираться к отъезду, а В.Я. и мама разговаривали и пили чай. Скоро я простился с мамой, и на попутной машине я и В.Я. поехали в Ашхабад.

Несколько дней мы жили в Центральном правлении Туркменского общества слепых и глухонемых, которое находилось на углу улиц Пушкина и Кемине⁴².

 $^{^{42}}$ Кемине́ (туркм. Kemine), настоящее имя Мамедвели́ (туркм. Mämmetweli), (ок. 1770–1840) — туркменский поэт.

Все эти дни мы ходили в разные учреждения и разыскивали детей в городе и в его окрестностях. Также однажды мы посетили брата Василия Яковлевича – Александра Яковлевича. Он был ветеринаром и жил около локомотивного депо.

Потом, когда школа уже работала, мы не раз бывали у него. Адрес его сейчас не помню. Да ведь теперь там все по-другому расположено.

И вот, когда мы собрали восемь или десять детей в Центральном правлении ТОС и ТОГ⁴³, нам дали грузовую машину и повезли в Кушку. Но не успела машина выехать на соседнюю улицу, как сломалась. До вокзала железной дороги было совсем близко, и во главе с В.Я. мы поехали поездом до Кушки. В Кушке от вокзала до деревни Моргуновка 12 км мы шли пешком и до фисташкового совхоза еще полтора км, где будет наша школа. Некоторые дети были слабые, быстро уставали. В.Я. подбадривал их, иногда даже нес. Тех, кто постарше, учил заботиться о маленьких и слабых. Шли мы долго, часто отдыхали. Наконец, перед заходом солнца добрались до школы. А здесь нас ждала баня и вкусный ужин.

После ужина ребята разошлись по помещениям и двору. С огромным возбуждением и интересом все осматривали и исследовали. Все было ново и удивительно.

В этот вечер В.Я. и я долго не могли уложить ребят спать.

Через несколько дней, первого апреля 1935 г. состоялось открытие школы. Нас приветствовал и поздравил В.Я. и какой-то мужчина из Кушки. Как я теперь догадываюсь, то был какой-то чиновник народного образования.

Началась наша школьная жизнь. Правильно школа называлась «Детский дом для слепых детей». Я был самый старший из учеников и всегда помогал Василию Яковлевичу. Мы учились читать и писать по Брайлю, учили наизусть стихи, пели песни, разучивали игры. Вначале все уроки В.Я. вел сам, а потом появились другие учителя. Особенно мне нравились уроки труда. Нас учили пользоваться ложкой, вилкой, ножницами, пришивать пуговицы и вешалки к одежде. Некоторые, в том числе и я, многое уже умели делать и пользоваться другими инструментами: топором, молотком, щипцами, стамеской и т. д. Мы вырезали из кусочков дерева грифели, чтобы писать по Брайлю, ремонтировали стулья, столы, работали в огороде, убирали двор и помещения, ухаживали за курами, гусями, козами, даже за коровой и за ослом Митькой.

Вопреки бытующему мнению об упрямстве ослов, наш Митька был послушный, умный и добродушный. Полюбили мы и неизвестно откуда взявшегося песика Дружка.

По нашей просьбе он мог ходить на задних лапках, подымал и опускал уши, находил предметы, которые мы теряли или нарочно бросали. Он был с нами всегда и везде. Его спина и бока были черные, как уголь, а голова, хвост, живот и лапы — очень белые, и нам хорошо было видно его в траве и кустах.

В.Я. учил пилить и колоть дрова, заготавливать сено. Мы запрягали Митьку в повозку, ставили на повозку бочку и ездили за водой к источнику. Помню такой случай. Однажды мы поехали за водой, и В.Я. сказал: «Сегодня 19 января, православный праздник — Крещение. По русскому обычаю, в этот день нужно купаться под открытым небом». Было очень холодно, а он разделся и стал плескаться в источнике. Мы смеялись, подбадривали его возгласами. Он тоже смеялся и вскрикивал весело. Мы боялись вообразить такое купанье и беспокоились, не заболел бы он. Но нет, не заболел! А летом В.Я. учил ребят плавать и не бояться воды. Он учил нас не бояться нового, но быть благоразумными.

Он говорил: «Не бойтесь трудностей, и тогда вы научитесь их преодолевать».

Из жизни школы запомнился еще такой случай. Руководители совхоза и сельсовета не всегда обеспечивали нас дровами. Поэтому часто мы сами занимались заготовкой дров. Удобнее это было делать в период от поздней осени до ранней весны, чтобы не встретить в пустыне ядовитых пауков, змей и хищных ящериц варанов. Все они на зиму прячутся глубоко в песок.

Под руководством В.Я. старшие ребята брали 2—3 топора, большие кухонные ножи и шли в пустыню собирать саксаул и верблюжью колючку. Сухая верблюжья колючка — не только хорошее, жаркое топливо, но ее отвар — прекрасное лекарство при болезнях живота. Мы рубили сак-

⁴³ ТОС и ТОГ – Туркменское общество слепых и глухонемых.

саул и верблюжью колючку и складывали в отдельные кучи. В.Я. работал вместе с нами и рассказывал о пустыне и ее обитателях — растениях, насекомых и животных. Поблизости пасся наш ослик, а Дружок бегал туда-сюда, он повсюду успевал. Когда собирались достаточно большие кучи нарубленных растений, я запрягал ослика Митьку в повозку, мы грузили на нее нашу «добычу», крепко привязывали, и я отвозил в школу. Потом возвращался за новой порцией топлива.

Оставшиеся в пустыне ребята продолжали сбор растений. С каждым таким походом за топливом мы удалялись от школы все дальше и дальше. И вот однажды мы ушли особенно далеко и нашли там густые заросли. Хотя наши руки и ноги были уже сильно исколоты и исцарапаны шипами, ребята работали усердно, так как В.Я. сказал, что, наверное, испортится погода, и нужно спешить.

И вот, когда мы начали загружать в очередной раз повозку, вдруг издалека раздался громкий мужской голос: «Соберитесь все у повозки, быстро!»

От неожиданности мы прекратили работу и замерли. Приказ повторился ближе. Все ребята подошли, как было сказано. К нам приблизились два военных.

По фуражкам и погонам мы догадались, что это пограничники. Уже тише и спокойнее они сказали: «Вы зашли на государственную границу. Немедленно уходите отсюда и никогда здесь не появляйтесь!» Они помогли погрузить часть нашей заготовки, крепко привязали и уже совсем дружелюбно добавили: «А остальное мы привезем сами». Василию Яковлевичу же они сказали: «А вы, товарищ, идемте с нами!»

Мы отправились в школу и прибыли туда без приключений. Нас окружили ребята, не принимавшие участия в походе. Участники экспедиции рассказали им о том, что произошло в пустыне. Я выпряг Митьку и пустил его пастись. Мои друзья Женя Белюк и Паша Зубков помогли мне разгрузить и сложить на место саксаул и верблюжью колючку. А вскоре долгожданный звонок позвал нас обедать.

Пока мы обедали, подул сильный ветер, тучи пыли и песка поднялись в воздух и закрыли солнце. Это была пыльная буря. В.Я. не зря нас торопил. Плохо нам было бы, если бы буря застала нас в пустыне. Я поспешил за Митькой, но он сам уже бежал к нашей калитке. Я ввел его в сарай и дал воды. Выйдя из сарая, я помог второкласснице Нюре загнать в курятник кудахтающих и взлетающих кур. А Валя сама справилась, она закрывала гусятник, в котором громко гоготали его обитатели.

Теперь все было в порядке, и мы побежали в помещение школы. Остальные ребята были уже там. Они плотно закрыли все двери и окна, чтобы во время пыльной бури как можно меньше песка и пыли проникло в помещение. Мы занялись каждый своим делом: кто-то читал книгу, кто-то учил стихи. Старшие девочки наводили порядок и помогали повару тете Паше, младшие ребята играли.

В.Я. долго не возвращался, и ребята высказывали разные предположения о причине его задержки.

Пыльная буря свирепствовала около двух часов и постепенно стихла. Мы вышли во двор. Толстый слой пыли и мелкого песка лежал на всем. Принялись за уборку. Вдруг услышали гул мотора приближающегося грузовика. Он остановился около наших ворот, и из него вышел В.Я. Все выбежали на улицу и радостно его приветствовали. Он весело крикнул: «Открывайте ворота!»

Я поспешил выполнить его команду. Машина медленно въехала во двор. Из кабины выпрыгнул пограничник и крикнул: «Разгружайте!» Я, Женя, Паша и сам шофер залезли в кузов и заработали.

Пока мы разгружали саксаул и верблюжью колючку, В.Я. рассказал, что пограничники повели его на погранзаставу. Начальник пригласил его в кабинет и долго беседовал с ним о нашей школе и о жизни слепых людей.

Потом начальник приказал пограничникам погрузить в машину три мешка сахара, два мешка муки, по мешку риса, макарон и гороха, забрать в пустыне остальное топливо и все отвезти в нашу школу. В.Я. сердечно поблагодарил начальника погранзаставы, сел в машину и поехал вместе с шофером-пограничником.

Да, действительно, в кузове, около кабины лежали мешки с продуктами. В то время шла война с Финляндией, и, конечно же, продуктов не хватало. Вообразите нашу радость!

С тех пор пограничники доставляли нам топливо, а иногда и продукты. Мы были очень благодарны им и устраивали для них концерты.

Из нашей школы я ушел в 1939 г., но с В.Я. мы часто виделись до самого его отъезда в июне 1945 г. Я его провожал, когда он уезжал из Туркмении.

Когда я стал взрослым, то понял, что В.Я. учил нас быть самостоятельными и трудолюбивыми. Все то доброе, чему учил наш учитель, очень помогало мне в жизни. Я благодарен судьбе, что на моем жизненном пути встретился этот необыкновенный человек.

Воспоминания воспитанника В.Я. Ерошенко Нурума Момыева

До 10 лет я жил в Дарвазе. Потом меня повезли в Ашхабад, а оттуда меня направили в детдом для слепых детей, где работал В.Я. Ерошенко. Это было в 1942 г. Эта школа была в селе Моргуновка, и даже не в селе, а около него, в фисташковом лесхозе. Там я пробыл до 1948 г., но нашу школу перевели в 1943 г. в Мургаб. А Василий Яковлевич проработал до 1945 г.

Это было очень трудное время – была война. Не хватало питания, было мало дров, и зимой мы мерзли. Василий Яковлевич заботился о нас как мог. Особое внимание он уделял слабым и больным. Из ребят, которые учились со мной, помню Кулиеву Акчу, Нурлиева Мереда, Гуядова Мереда (он, кажется, в доме инвалидов в г. Чарджоу). Помню Зою Токаеву. Она живет на Украине.

Василий Яковлевич часто читал нам книги, а мы любили его слушать. Он создал брайлевский туркменский алфавит, добился издания учебников естествознания и книги для чтения 1-го и 2-го класса, которые он перевел на туркменский язык.

Василий Яковлевич всегда возил с собой книги и шахматы. А еще он часто рассказывал нам сказки и интересные истории. А уроки у нас проходили так: один из нас читал на русском языке, а другой – на туркменском. Так проходили уроки чтения и естествознания. Было очень интересно. Я благодарен судьбе, что учителем у меня был В.Я. Ерошенко. Память о нем у меня останется на всю жизнь.

COKM K I № 14644

Воспоминания бывшего воспитанника В.Я. Ерошенко Ниязменглиева Байназара [рукопись]

До 10 лет я был зрячим. Окончил два класса в Казанжикском районе, в песках. У меня глаза болели, правда, зрение резко упало. Учился тогда на туркменском языке. Тогда и азбука была другая — писали латинскими буквами. Потом я ослеп. Отец меня привез в Ашхабад, чтобы вылечить. В больнице сказали, что я еще маленький. А потом я года два сидел в ауле, кибитке, никуда не ходил, сидел. Подадут кушать — кушал, не подадут — не ел. Потом отец как-то узнал, что в Кушке есть школа слепых детей. Он мне сказал: «Вот что: поведем тебя в ту школу». И в 1941 г. он привез меня в Ашхабад. Нашел ЦП ТОС и ТОГ⁴⁴, договорился, наверно, и оставил, а сам попрощался и уехал. Лежал я в коридоре. И ребята здесь уже были. Они работали. Какую работу они выполняли, я не знаю — еще маленький был.

Потом меня поручили Акиеву. Он работал в ЦП. Он повез меня в Мары. В Мары и в Байрам-Али были комбинаты слепых. Акиев повез меня в Марыйский комбинат. Мне показали впервые брайлевский журнал. Тут нам сказали, что Марыйский и Байрам-Алийский комбинаты объединяют и Марыйский переезжает в Байрам-Али. А утром мы на поезде приехали в Кушку. Не прямо в Кушку, а в поселок Моргуновку. Спросили, где находится школа слепых детей, а нам сказали: «А вот учитель с учениками поливает огород». А у Ерошенко было всегда так: то он поливает огород, то в лес с детьми пойдет, то дрова пилят, купаются или по горам гуляют.

Дошли мы до огорода, а там дети 10-ти и 15-ти лет, слабовидящие и совсем слепые. Акиев спросил их: «Где учитель?» А они все хором закричали: «Василий Яковлевич! Василий Яковлевич!»

От огорода до школы было далековато – километра полтора-два, и он меня на руках донес.

⁴⁴ Центральное правление Туркменского общества слепых и глухонемых.

Школа была в фисташковом лесхозе. Чтобы идти под горой, нужно было пройти через ручеек. Привели меня в столовую и посадили кушать на кушетку. А я же раньше в ауле жил и не знал, как нужно правильно сидеть, и сел на подушку. Накормили меня, да так хорошо, мне очень понравилось. А Акиев переночевал и уехал. А утром меня искупали, одели. Все дали новое, и завтракая, я думал: «Кто за это за все заплатил?» Принесли букварь, показывают, испытывают — смогу ли я учиться? Мы приехали в школу в мае, до войны оставалось месяца полтора.

Когда я приехал, было много ребят, а потом их выпустили — Реджепа Баблаева, Романа Ларионова и др. Когда я приехал, в школе был и Петкулаев. А Ерошенко был и учителем, и директором. Сам взвешивал и выдавал продукты. Кушал и спал всегда вместе с нами. Все ученики сидели в одном классе, и только он знал, кто в каком классе учится. Василий Яковлевич был очень добрый человек, но бывало, что и строгий. Он умел заставить, потребовать то, что нужно. Мне кажется, что он был как Ленин. Но иногда он бывал вспыльчивый, когда не по его. А относился к нам, как отец. Когда мы шли на прогулку, он не брал воспитательницу, зато брал всех детей. Он приучал нас к труду. Хотел, чтобы ничего не боялись, были самостоятельными и все умели. Когда Василий Яковлевич нам читал, он нас не собирал, а мы сами шли слушать его. Он очень хорошо читал, с выражением. У нас был красный уголок, так он там часто читал. А потом говорил: «Ну, друзья, хватит, пора спать!». А мы просили: «Василий Яковлевич, ну еще немножко!» Уезжая на летние каникулы, он набирал полный рюкзак книжек, садился на поезд, и мы все его провожали. Ко всем детям он относился одинаково.

Привезет что-нибудь — разделит каждому понемногу. А если обидят детей, он всегда за нас стоял горой. Из-за этого он разругался с директором, когда уже стал учителем. Вместе со мной училась моя будущая жена, Л.Д. Константинова.

Еще учился у нас Шура Корнеев, Али Тулеков, Женя Белюк, Сейли Нурмамедов, Нюра Джамалова. Она живет сейчас, кажется, в Катакургане. Учился я до 46-го г. В октябре 1943 г. нашу школу перевели в Мургаб. Тогда на вокзале мы и растеряли книги по Брайлю. Книги у нас были на русском и на туркменском языке. Василий Яковлевич обучал нас: туркмены читали по-русски, а русские — по-туркменски.

И неспособные [были] — Василий Яковлевич их все равно держал. У нас был двор, где держали подсобное хозяйство. А в помещении мы вязали носки, вили веревки. Мы ездили на водовозке за водой. Запрягали ишака и вдвоём ездили к жёлобу на электростанцию. Пасли двух школьных ишаков и баранов. Училось нас человек двадцать. А о том, что Ерошенко что-нибудь сочинял, он нам не говорил. У него не было привычки хвалиться. А когда переехали из Кушки в Мургаб, нам прислали нового директора Анатолия Фёдоровича Соловьёва. А Василий Яковлевич стал учителем. Во время праздников он водил нас в клуб. Мы там выступали.

В.Я. Ерошенко уехал из Туркмении в 1945 г. В моей памяти остался светлый и добрый образ нашего дорогого учителя. Хотя он был добрый, но, когда это нужно, был требовательный. Только став взрослым, я понял, как мне повезло в жизни, что я был воспитанником Василия Яковлевича.

COKM K I № 14643

Воспоминания ученицы В.Я. Ерошенко З.А. Токаевой

Как будто расстались недавно. Мы жили в трудное время, но у нас было детство. В играх забывали свои невзгоды, ему, нашему учителю, пришлось нелегко, но он никогда о своих трудностях никому не говорил, как бы нам ни жилось; я благодарна судьбе, что встретился мне такой хороший, исключительный человек. В трудную минуту было на кого опереться. Мы, сироты, льнули к нему, и он, по силе возможности, старался всем помочь. Если бы не война, не было бы у нас печали. До войны мы были все жизнерадостные, с нами и учитель веселился, а она, проклятая, всему виновата.

Когда меня привёз Ерошенко в школу, то учил он почти сам. Иногда помогал Иванов. Он был больной, потом совсем перестал нас учить. Василий Яковлевич учил нас по два класса одновременно. У нас считалось начальная школа. Два класса учились до обеда, два

после. Те, кто не учились, занимались трудом. Домашнее задание готовили после ужина. Подъём был в семь часов утра, в половине восьмого зарядка, в восемь часов начинался завтрак. И так ежедневно. Только летом мы были не очень занятыми. До обеда потрудившись, мы были свободными.

На труде читали нам что-нибудь, или Василий Яковлевич читал свой туркменско-русский словарь. Алфавит был русский. Его придумал сам Василий Яковлевич. Добавились пять букв. Больших букв мы не писали, как вы, а в общем мы очень экономили бумагу⁴⁵. Учились по-русски, но со второго класса учили и туркменский язык, по четвёртый, а также в пятом классе вводился немецкий язык. Дети были разного возраста, но всё равно кончили четыре класса. Если еще мал, то тогда открывал наш учитель пятый класс. Были среди учеников и отличники. Им учитель делал подарки. Нюра Джамалова получила гитару, а из ребят — кто что: Роман мандолину получил, Сеид — цимбалы. Сколько лет прошло, многое забылось.

Лично я ученица средняя, как и все, в основном. Не сохранилось ни одного письма, только живёт в моей памяти его образ и будет жить до конца моей жизни.

COKM K IN № 14645

Воспоминания Киселёвой Раисы Александровны, бывшей воспитательницы школы для слепых детей, организованной В.Я. Ерошенко в селе Моргуновка Кушкинского района Туркменской ССР (записаны 27.10.1992 г.)

После окончания 7-го класса нашей сельской школы первый год я начала работать вместе с мамой в фисташковом совхозе. Однажды, в начале марта 1935 г., маму вызвали в контору совхоза. Ее долго не было. А когда она пришла, сказала, что с нею разговаривал слепой человек, зовут его Василий Яковлевич Ерошенко. Он будет организовывать у нас детдом для слепых. Несмотря на то, что у многих из этих детей есть родители, они будут на полном государственном обеспечении.

Ерошенко предложил маме работать в этом детдоме поваром, но сразу предупредил: придется делать все, что делает хорошая хозяйка в большой семье.

Мама никакой работы не боялась и меня учила не бегать от всякой работы. Она без долгих размышлений согласилась, а через несколько дней позвала на новую работу помощницей и меня. Мы готовили помещение детдома для приема детей. Только вот не могу припомнить, что прежде было в этом дворе.

Мама, я и еще несколько человек под руководством В.Я. собирали по селу столы, стулья, шкафы, кровати, посуду, книги и все, что могли дать люди.

Собранное приносили в детдом, распределяли, расставляли и раскладывали по местам. Много чего В.Я. привозил из Кушки, а то и из Ашхабада. Работы было много.

Мы так уставали, что с трудом приходили домой. А дома тоже ждала работа: у нас были козы, гуси, куры, утки и огород. Когда в детдоме почти все было готово к приему, В.Я. стал привозить и приводить детей. Мы их мыли, переодевали, кормили, так сказать, приводили в порядок. А такие ребята, как Петя Малолетенко и Павел Зубков, даже хорошо нам во всем помогали.

Через какое-то время, кажется, летом, совхоз подарил корову, жители села стали приносить живых кур, гусей, уток. Некоторые сельчане даже приводили овец и коз. А один старенький туркмен приехал на телеге, запряженной осликом, и сказал В.Я.: «На, Митька! Ваша будет».

Когда мы познакомились с пограничниками, они привозили нередко макароны, рис, муку, горох, мясо зайцев, джейранов и диких птиц. А после нашего концерта на предприятии слепых в г. Байрам-Али они подарили девочкам шерстяные платки, а мальчишкам зимние шапки.

⁴⁵ Речь идет о письме по Брайлю, где заглавные буквы пишутся не всегда. Для него нужна специальная плотная бумага, подходящая для выдавливания точек грифелем.

Но эти роскошные подарки были потом, а в марте 1935 г. не скажу, что мы были богатыми, забот и хлопот хватало, и всему мы учили детей. Ведь некоторые из них не умели даже умываться, одеваться, правильно кушать.

К концу марта жизнь у нас почти полностью наладилась, и первого апреля 1935 г. состоялось торжественное открытие нашего детдома. На нем присутствовало начальство совхоза, сельсовета и даже из Кушки. Директором назначили В.Я. Ерошенко. Хотя детей пока было всего 12 человек, видимо, власти придавали большое значение такому событию. А мы радовались.

Как я понимала, душой и затейником этого дела был В.Я. Он был необыкновенный, удивительный человек: несмотря на то, что абсолютно ничего не видел глазами, он видел умом и сердцем.

Все знал и все умел. Как вспомню, до сих пор удивляюсь: за всем и везде успевал! Ведь главная забота – обеспечение детдома всем необходимым – лежала на нем.

Сначала все уроки В.Я. вел один, я только помогала ему, да и то не так уж часто. В.Я. быстро овладел туркменским языком, придумал туркменский алфавит для слепых, перевел на туркменский язык букварь, книгу для чтения и учебник естествознания, переписал эти пособия по Брайлю и добился, чтобы их напечатали и прислали нам.

Дети по ним занимались. И что интересно — туркмены читали и отвечали на вопросы по-русски, а русские — по-туркменски. Им это казалось забавным. Они часто смеялись, подшучивали над ошибками, но на самом-то деле изучали два языка. И в быту стали общаться тоже на двух языках.

А потом приехали супруги Шамины. Они были очень образованными. В.Я. и Шамины обучали ребят играть на баяне, гитаре и фортепиано. У нас со временем расцвела художественная самодеятельность. Дети декламировали стихи, пели песни. Я учила танцевать. Мы поставили оперу «Коза-дереза»⁴⁶.

Выступали с концертами в совхозе, у пограничников и даже в г. Байрам-Али у взрослых слепых.

В.Я. получал много писем и книг обычным шрифтом и по Брайлю. Однажды меня вызвали в Кушку в НКВД (по-теперешнему — в милицию). Спрашивали, о чем ему пишут в письмах? Я сказала, что всю почту отдают ему самому, а если он отсутствует, то подсовывают под дверь кабинета. Но на самом деле некоторые книжки и журналы учитель мне показывал. В иностранных изданиях все тексты были замалеваны чернилами или вырезаны. Оставались только некоторые картинки.

Догадываюсь, что вызывали не только меня, скорее всего, и других работников, и так же, как и меня, строго-настрого предупреждали, чтоб никому об этом вызове не говорили.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, В.Я. назначил меня воспитательницей. Но работа моя практически не изменилась – как я делала все, что было необходимо, так и делала, только увеличилась моя ответственность за детей.

Особо хочется рассказать об обстановке и взаимоотношениях. Самое главное то, что В.Я. к детям относился, скажу без малейшего преувеличения, по-отцовски. Да, наверное, не все родные отцы так пекутся о своих детях, как он о наших.

Причем чем беспомощнее и слабее был ребенок, тем больше о таком малыше беспокоился и заботился В.Я. И от нас, работников, требовал такого же отношения. А когда замечал, что какой-нибудь сотрудник относится к своей работе нерадиво, наш директор таких сразу же увольнял.

Особенно сближал нас совместный труд. Ведь абсолютно все мы делали вместе с детьми: заготавливали траву и сено, ухаживали за животными, привозили воду из родника, убирали помещения и двор, работали в огороде — ну, все, все!

Хорошо помню, как мы спасали наш детдом после страшного ливня. Все, все копали арык от балки до оврага, чтобы селевой поток не затопил наш детдом. Кстати, мы редко говорили «детдом», обычно называли его школой.

Жизнь была интересная и разнообразная, намного интересней, чем в школе, где училась я. Наверное, поэтому дети, у которых имелись родители, домой особенно не рвались — знали, что дома и условия хуже, и скучнее.

⁴⁶ Речь идет о детской опере украинского композитора Николая Лысенко «Коза-дереза».

За все время моей работы, скажу точно, ребята ни разу не скандалили и не дрались, ну разве что спорили о чем-нибудь по мелочам.

Осенью 1943 г. из Ашхабада пришло распоряжение о переводе нашего детдома в Мургабский район. Дети и сотрудники очень этого не хотели и сильно переживали. В.Я. тогда уже не был директором и ничего не мог сделать, чтобы отменили это распоряжение.

После отъезда нашего детдома в Мургабский район мы с мамой опять стали работать в фисташковом совхозе.

П.С. Вот смотрю я на фотографию, что вы мне принесли, и сразу узнаю В.Я., Мереда Нурлиева, Мусу Амансахатова, Нурума, Акчу, а других пока не могу хорошо рассмотреть — день сейчас пасмурный, да и эта копия сделана с очень старого снимка, наверное, 1942 или 1943 г. Если можете мне её оставить, чтобы я могла хорошо ее рассмотреть в солнечную погоду, то постараюсь всех узнать. А потом я вам её верну.

Как-то давно мой муж случайно купил вот такой альманах «Прометей» 1964 г.⁴⁷ Стал просматривать его и вдруг говорит: «Смотри, здесь про Ерошенко и о детдоме написано, в котором ты работала! Помнишь, ты мне рассказывала?»

Я прочитала и расплакалась — вспомнила ту добрую обстановку, в которой мне довелось начинать свою многолетнюю трудовую жизнь.

(Компьютерный набор брайлевского текста осуществил А. Масенко).

Из рассказов З.И. Шаминой, учительницы Республиканского детского дома для слепых детей № 1 в Кушке в 1937—1938 гг., приведенных А.А. Панковым в повести «По следам Василия Ерошенко»⁴⁸

Летом 1937 г. Ерошенко заехал в Москву из отпуска в Обуховке и стал уговаривать меня и мужа поехать в Кушку преподавать музыку: мол, дети лишены возможности по-настоящему заниматься музыкой. Мы согласились, доехали до Байрам-Али, где нам не дали пропуск до Кушки. Мне пришлось вернуться в Москву для оформления пропуска. В Моргуновке я лично проработала только один учебный год, а муж – до мая 1939 г. Школа была маленькая. При мне было всего тринадцать учеников. Утром – занятия, вечером – игры, разучивали сценки, мы читали детям книги. Я сама читала «Кондуит» Льва Кассиля и «Как закалялась сталь» Николая Островского. А уж попозже, после отбоя, мы обычно собирались почаёвничать: обсуждали события дня, его итоги, а чаще всего спорили. Василий Яковлевич часто был резким, но мы никогда друг на друга не сердились... Он был за воспитание, как он говорил, семейное. Дети всех называли по имени: тётя Зина, дядя такой-то. Правда, его самого называли по имени и отчеству, и это для них было трудно и многие выговаривали быстро и укороченно: «Слакович» или раздельно «Васья Клыч». Запомнился наш спор о школьном звонке. Ерошенко его не признавал: мол, это казёнщина, доказывал, что уборщица и так загружена, а ещё ей надо будет звонить! Но я была против, доказывала, что нужен определённый порядок, а звонок будет поднимать дисциплину, настраивать на урок. И, побывав на каникулах в Москве, вопреки ему, я привезла звонок. Дети звонили с превеликим удовольствием, звонок привился...

К себе Ерошенко относился по-спартански. Любимой собакой в Моргуновке у него была Пальма. Школу финансировал собес в Тахта-Базаре, куда мы ездили больше всего по хозяйственным и другим делам. А в Кушку — в магазин и парикмахерскую. Воспитателей и сотрудников он сам выдвигал из «низов», говоря при этом: «Лучше честный человек, чем образованный халтурщик». Но сам как хозяйственник был не очень практичен, и его многие обманывали.

⁴⁷ Харьковский А. Японский поэт Василий Ерошенко // Прометей. Т. 5. – М.: Мол. гвардия, 1968. – C. 76–84.

⁴⁸ Панков А.А. По следам Василия Ерошенко // Школьный вестник. – 2017. – № 4. – С. 86–87.

Список использованной литературы

- 1. Шамина З.И. Нотная система для слепых и рельефные чертежи нотно-линейной системы [Шрифт Брайля]: в 5 кн. / З.И. Шамина, Г.П. Клевезаль. М.: Учпедгиз, 1955.
- 2. Шамина, З.И. Запись нот по системе Брайля / З.И. Шамина, Г.П. Клевезаль. М.: Учпедгиз, 1961. — 68 с.
- 3. Osipenko N.F. Esplor-agado pri Vasilij Erosxenko en Asxhxabad (Turkmenio) [Электронный ресурс] / N.F. Osipenko. Режим доступа: http://www.libe.slikom.info/Erosxenko-Konkurso/Nikolaj%20Osipenko%20(Rusio).htm (последнее обращение 20.09.2019).
- 4. Поляковский А.С. Слепой пилигрим: повесть [о Василии Яковлевиче Ерошенко]: в 2 кн. / Альберт Поляковский. Москва: Логос ВОС, 2012.
- 5. Поляковский А.С. Слепой пилигрим: повесть / А. Поляковский // Школьный вестник. 2000. № 7–12; 2001. № 1–12; 2002. № 1–5.
- 6. Сизова А.И. Московская средняя школа-интернат №1 для слепых детей им. В.Я. Ерошенко 120 лет: проспект / А.И. Сизова. М.: Логос ВОС, 1992. 16 с.
- 7. Музей истории Московской школы-интерната № 1 для слепых детей им. В.Я. Ерошенко: проспект. М.: Логос ВОС, 1994. 18 с.
- 8. Вощугин А. Производственные мастерские для слепых / А. Вощугин // Туркменская искра (Ашхабад). 1935. 8 мая.
- 9. Соловьёва А.И. Зрение незрячих знания, ум и воля / А.И. Соловьева. СПб.: Новая библиотека, 2001. 100 с.
- 10. Ерошенко В. Первый всесоюзный шахматный турнир слепых [Шрифт Брайля] / В. Ерошенко // Жизнь слепых. 1938. № 15. С. 24—28.
- 11. Победители на Всероссийском шахматном турнире в Ленинграде [Шрифт Брайля] / под ред. Я.М. Лепина // Жизнь слепых. 1938. № 16. С. 41–47.
- 12. Панков А.А. По следам Василия Ерошенко / А.А. Панков // Школьный вестник. 2017. № 4. С. 80—94.
- 13. Eroshenko V. Moumoku to iu koto. Eroshenko zenshu / V. Eroshenko; ed. Takasugi Ichiro. Tokyo: Misuzu Shobo, 1959. Vol. 2. P. 299–305.
- 14. Andrews C.F. The Eyes of Blind / C.F. Andrews // The Modern Review (Calcutta). 1919. No. 4. P. 339–342.
- 15. Tanabe Kunio. Edukista dimensio de Eroŝenko / K. Tanabe // Historio de la Esperantomovado inter la blinduloj 1888–2015. Ligo Internacia de Blindaj Esperantistoj. Presejo: Keuruskopio Oy, 2016. P. 315–319.
- 16. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия. В 2 ч. Ч. 2 / Н.Н. Малофеев. М.: Просвещение, 2013. 320 с.
- 17. Обучение и воспитание аномальных детей в Туркменской ССР / под ред. М. **Ишан**-кулиева // Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей. М.: АПН СССР, 1973. С. 437–455.

VASILY EROSHENKO AS FOUNDER AND HEADMASTER OF THE FIRST REPUBLICAN ORPHANAGE FOR BLIND CHILDREN OF THE TURKMEN SSR (1935–1945)

Yuliya V. Patlan, National Center of Folk Culture "Ivan Honchar Museum" (Ukraine).

E-mail: patlan_yu@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-7

Key words: V.Y. Eroshenko, M. **Amansakhatov, V. Brodo, P. Maloletenko, V. Maloletenko, N. Momy**ev, B. Niyazmengliev, Z. Tokaeva, R. Kisileva, Z. Shamina, orphanage for blind children, memoirs, education for the blind, Kushka, Turkmen SSR, TSSR People's Commissariat for Education Acts.

The article is dedicated to the 130th anniversary of the symbolist author Vasily Eroshenko and the 85th anniversary of the Turkmen School for Blind Children, founded by him. It is the first attempt to bring together and publish three groups of documents regarding Eroshenko's work in the first Orphanage for Blind Children in Turkmen SSR created at TSSR People's Commissariat for Education in April, 1935.

Firstly, the article includes copies of TSSR People's Commissariat for Education's references and acts. Secondly, the memoirs of a nurse Raisa Kisileva, teacher Zinaida Shamina, and children Musa Amansakhatov, Viktor (Vaclav) Brodo, Petr Maloletenko, Valentina Maloletenko, Nurum Momyev, Bainazar Niyazmengliev, and Zoya Tokaeva. Thirdly, we introduce the articles from Turkmen press and the Moscow magazine "Life of the Blind" (1935–38) that tell about the Turkman Orphanage for Blind Children; as well as later articles of 1973–74 containing teachers and students' memoirs.

Those materials were collected in the 1970–90s by blind and sighted enthusiasts of Eroshkin Studies: Anatoly Masenko, Nikolay Osipenko, Alexander Pankov, Albert Polyakovsky and by the members of the "Poisk (Search)" club at the Ashkhabad School for the blind and partially sighted children. The article also presents new names of the orphanage children, discovered by the researchers for Eroshenko's 100th anniversary.

It is for the first time, that Eroshenko's role of a blind mentor for blind children has been so fully disclosed. We believe that he designed that orphanage school after elementary missionary indigenous schools for the blind built in the British Burma, where he taught in 1917–18. A big difference, however, was the subordination of the school to People's Commissariat for Education. The main reason why Eroshenko didn't work long there was a discrepancy between the educational principles borrowed from Protestant missionary schools and the Soviet system of managing orphanages and special schools.

References

- 1. Shamina, Z.I., Klevezal, G.P. *Notnaja sistema dlja slepyh i rel'efnye chertezhi notno-linejnoj sistemy: v 5 knigah* [Music Braille Code and Relief Symbols of the Music Linear System: in 5 books]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1955 [Braille].
- 2. Shamina, Z.I., Klevezal, G.P. *Zapis' not po sisteme Brajlja* [Music Braille Code]. **Moscow, Uchpedg**iz Publ., 1961, 68 p.
- 3. Osipenko, N.F. *Esplor-agado pri Vasilij Erosxenko en Asxhxabad (Turkmenio)* [Research Activity about Vasily Eroshenko in Ashkabad (Turkmenistan)]. Available at: http://www.libe.slikom.info/Erosxenko-Konkurso/Nikolaj%20Osipenko%20(Rusio).htm (accessed 20 October 2019).
- 4. Poljakovskiy, A.S. *Slepoj piligrim: v 2 tomah* [Blind Pilgrim: in 2 volumes]. Moscow, Logos VOS Publ., 2012, vol. 1, 423 p., vol. 2, 354 p.
- 5. Poljakovskiy, A.S. *Slepoj piligrim* [Blind Pilgrim]. *Shkol'nyj vestnik* [School Herald], 2000, no. 7-12, 2001, no. 1-12, 2002, no. 1-5.
- 6. Sizova, A.I. Moskovskaja srednjaja shkola-internat no. 1 dlja slepyh detej im. V.Ya. Eroshenko 120 let [Moscow Secondary Boarding School N 1 for Blind Children]. Moscow, Logos VOS Publ., 1992, 16 p.
- 7. Muzej istorii Moskovskoj shkoly-internata no. 1 dlja slepyh detej im. V.Ya. Eroshenko [History Museum at the Boarding School N 1 for Blind Children]. Moscow, Logos VOS Publ., 1994, 18 p.
- 8. Voshhugin, A. *Proizvodstvennye masterskie dlja slepyh* [Industrial Workshops for the Blind]. *Turkmenskaja iskra* [Turkmen spark], 1935, May 8, p. 4.
- 9. Solovyova, A.I. *Zrenie nezrjachih znanija, um i volja* [The Sight of the Blind Knowledge, Mind and Will]. Saint Petersburg, Novaja biblioteka Publ., 2001, 100 p.
- 10. Eroshenko, V. *Pervyj vsesojuznyj shahmatnyj turnir slepyh* [The First USSR Chess Championship for the Blind]. *Zhizn' slepyh* [Life of the Blind], 1938, no. 15, pp. 24-28 [Braille].
- 11. Lepin, Ya.M. (ed.). *Pobediteli na Vserossijskom shahmatnom turnire v Leningrade* [Winners of the Soviet Chess Tournament in Leningrad]. *Zhizn' slepyh* [Life of the blind], 1938, no. 16, pp. 41-47 [Braille].
- 12. Pankov, A.A. *Po sledam Vasilija Eroshenko* [In the Wake of Vasily Eroshenko]. *Shkol'nyj vestnik* [School Herald], 2017, no. 4, pp. 80-94.
- 13. Eroshenko, V. *Moumoku to iu koto* [What is it to be Blind]. Eroshenko zenshu [Eroshenko's complete works]. Tokyo, Misuzu Shobo Publ., 1959, vol. 2, pp. 299-305 [Braille].
  - 14. Andrews, C.F. The Eyes of Blind. In: The Modern Review (Calcutta), 1919, no. 4, pp. 339-342.
- 15. Tanabe, Kunio. *Edukista dimensio de Eroŝenko* [The Educational Dimension of Eroshenko]. *Historio de la Esperanto-movado inter la blinduloj 1888–2015* [History of the Esperanto Movement among the Blind 1888-2015]. Presejo, Keuruskopio Oy Press, 2016, pp. 315-319.
- 16. Malofeev, N.N. Special'noe obrazovanie v menjajushhemsja mire. Rossija: v 2 chastah [The Secial Education in a Changing World. Russia: in 2 volumes]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2013, vol. 2, 320 p.
- 17. Ishankuliyev, M. (ed.). *Obuchenie i vospitanie anomal'nyh detej v Turkmenskoj SSR* [Education and Upbringing of Abnormal Children in Turkmen SSR]. *Razvitie special'nogo obuchenija i vospitanija anomal'nyh detej* [The Development of Special Education and Upbringing for Abnormal Children]. Moscow, APN SSSR Publ., 1973, pp. 437-455.

Одержано 17.09.2019.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ГА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.111.09 Фаулз

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8

E.C. AHHEHKOBA,

доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и теории литературы Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (г. Киев)

ВНУТРИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ: «ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ» В ПОВЕСТИ ДЖОНА ФАУЛЗА «БАШНЯ ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА»

В статье анализируются визуальные образы повести Дж. Фаулза «Башня из черного дерева», составляющие специфический «текст культуры», под которым понимается отраженная в тексте совокупность культурно-художественных ценностей, сформированных на всем протяжении развития европейской культуры и актуализированных и осмысленных в контексте текущего времени сознанием как автора, так и потенциального реципиента. Многочисленные и разнообразные визуальные образы, которые составляют текст «Башни из черного дерева» и насыщают его требующими расшифровки смыслами, делают это произведение Дж. Фаулза одним из ключевых как в контексте творчества писателя, так и для всей европейской художественной литературы ХХ в. Исследуются возможности прочтения литературного текста как визуального объекта с помощью интермедиального анализа; прослеживаются аспекты реализации в тексте поэтики визуальности на эксплицитном и имплицитном уровнях; изучаются особенности взаимодействия и взаимообогащения языков литературы и живописи, когда на пересечении двух семиотических систем возникают поля дополнительной смысловой напряженности, подлежащие интерпретации, углубляющие семантическое пространство художественного текста и активизирующие культурную память читателя. Результаты изучения этого «сложно устроенного текста» (Ю. Лотман), его разнообразных экфрасисов, заимствованных у живописи приемов повествования, специфики его контекстуальных референций позволяют рассматривать «Башню из черного дерева» как «текст культуры», который проявляет свойственные культуре XX века черты.

Ключевые слова: текст культуры, интермедиальность, визуальный код, визуальные образы, семиотическая система, экфрасис.

У статті аналізуються візуальні образи повісті Дж. Фаулза «Вежа з чорного дерева», що являють собою специфічний «текст культури», під яким розуміється відображена у тексті сукупність культурно-художніх цінностей, сформованих протягом усього розвитку європейської культури та актуалізованих і осмислених у контексті поточного часу свідомістю як автора, так і потенційного реципієнта. Численні та різноманітні візуальні образи, які складають текст «Вежі з чорного дерева» та насичують його смислами, що потребують декодування, роблять цей твір Дж. Фаулза одним з основних як у контексті творчості письменника, так і для всієї європейської художньої літератури ХХ ст. Досліджуються можливості прочитання літературного тексту як візуального об'єкта за допомогою інтермедіального аналізу; простежуються аспекти реалізації у тексті поетики візуальності на експліцитному та імпліцитному рівнях; вивчаються особливості взаємодії та взаємозбагачення мов літератури і живопису, коли на перехресті двох семіотичних систем виникають поля додаткової смислової напруженості, які підлягають інтерпретації, поглиблюють семантичний простір художнього тексту та активізують культурну пам'ять читача. Результати вивчення цього «складно влаштованого тексту» (Ю. Лотман), його різних екфразисів, запозичених із живопису прийомів нарації, специфіки його контекстуальних референцій дозволяють розглядати «Вежу з чорного дерева» як «текст культури», який проявляє властиві культурі XX століття риси. Метою статті є дослідження повісті Дж. Фаулза «Вежа із чорного дерева» як тексту, з одного боку, візуального, а з іншого, як тексту культури, численні художні пласти якого складаються у цілісну єдність європейського культурного універсуму, що укорінюється і у власному минулому, і спроектований своїми джерелами і власним буттям у майбутнє.

Ключові слова: текст культури, інтермедіальність, візуальний код, візуальні образи, семіотична система, екфразис.

аписанная в 1974 г. знаменитая повесть Дж. Фаулза «Башня из черного дерева» устойчиво и закономерно, уже на протяжении длительного периода времени привлекает внимание как читательской аудитории, так и зарубежных и отечественных литературоведов. Казалось бы, произведение английского писателя тщательно изучено в самых разнообразных контекстах, претекстах и подтекстах, однако исследования этого смыслогенного текста не утихают и до сих пор. Очевидно, что такой высокой степени привлекательности эта повесть Фаулза обязана целому ряду причин: и напряженности поставленных в ней проблем, затрагивающих «онтологические и экзистенциальные основы жизни современного человека» [1, с. 3], начиная от частностей обыденного существования человека и злободневных аспектов функционирования и роли искусства в современном мире и заканчивая вопросами человеческой свободы и «со-бытия искусства и жизни» [1, с. 3]; и глобальности затронутых в ней тем и прочитываемых мотивов; и ее обращенности к мифологическим и архетипическим структурам человеческого сознания и поведения; и присутствующим в ней кодам двух мощных семиотических систем, что размыкает этот текст в пространство историко-литературных, историко-культурных и интермедиальных, интерсемиотических исследований, то есть, в актуальное сейчас поле междисциплинарных студий. Целью данной статьи и является изучение повести «Башня из черного дерева» как текста, с одной стороны, визуального, а с другой – как текста культуры, множественные художественные пласты которого складываются в целостное единство европейского культурного универсума, коренящегося и в собственном прошлом, и спроецированного своими истоками и настоящим бытованием в будущее.

Творчество Дж. Фаулза и его повесть «Башня из черного дерева» часто становились объектом исследования западных ученых, таких, как М.П. Бачбергер (M.P. Buchberger) [20], М. Гурвитц (М. Hurwitz) [24], С. Хорлайчер (S. Horlacher) [22; 23], К. Кресап (К. Cresap) [21], М. Мараис (М. Marais) [25], Дж. О'Салливан (J. O'Sullivan) [26], Ем. Похлер (Ет. Pohler) [27], а с точки зрения визуальных образов, представленных в повести, «Башня из черного дерева» фрагментарно изучалась литературоведами Н. Бочкаревой [4], Н. Лобковой [9] и др., однако представляется важным рассмотреть этот текст как «универсальный медиум» (Н. Симбирцева), как «текст культуры», обнажающий многозначные связи между литературой и живописью, словом и линией, цветом, автором, текстом и реципиентом, прочитать как текст европейской культуры, которая развивается как продуктивный диалог прошлого и настоящего, традиционного и инновационного. Все эти сложные «языки», язык литературы и язык живописи, задействованные в тексте повести Фаулза, делают его гетерогенным и многосмысловым, ориентированным на прочтение одновременно на нескольких семиотических уровнях, точнее, на пересечении и переплетении этих уровней, ибо, как справедливо отметил Ю. Лотман, «для того чтобы некоторый биструктурный текст начал генерировать новые смыслы, он должен быть включен в коммуникативную ситуацию, в который возник бы процесс внутреннего перевода, семиотического обмена между его подструктурами» [11, с. 116]. Все выше названные элементы «Башни из черного дерева» вступают между собой в «диалогические и игровые соотношения», которые образуют его «внутренний полиглотизм» [10, с. 145] и генерируют смыслы, связанные, прежде всего, с памятью культуры и актуализируемые лишь в контексте единого поля европейской художественной культуры. При этом сложными взаимоотношениями в «Башне из черного дерева» отмечены не только интерсемиотические связи, но и диалогически-полемические отношения между искусством традиционным и авангардным. Считывание и изучение этого сложного и многоуровневого процесса взаимодействия разных структур, заложенных в повести Фаулза, начиная от эксплицитных и имплицитных экфрасисов, заимствованных у живописи и транспонированных на литературный текст приемов повествования и заканчивая погруженностью «Башни…» в культурный контекст времени и эпохи, дает возможность говорить о ней как о тексте культуры ХХ в., как об очень «сложно устроенном тексте» (Ю. Лотман), который проявляет свойственные культуре ХХ в. многоликость, гетерогенность, динамичность, кризисность и хрупкость.

Хорошо известно, что Дж. Фаулз последовательно и устойчиво интересовался проблемой искусства, посвятив философии искусства, выражению своих взглядов на законы существования и функционирования искусства, а также значению фигуры художника, творца произведений искусства, достаточное количество теоретико-публицистических работ. Так, и в «Аристосе», и в «Кротовых норах» Фаулз настойчиво варьирует мысль о связи искусства и времени, о бытовании искусства во времени, о смысле искусства, который для него видится в том, что «искусство – это попытка преодолеть время» [16, с. 364] и что «искусство успешнее всего побеждает время» [16, с. 354], так как оно обладает вневременными свойствами, существуя, однако, в контексте того или иного времени, в котором каждое произведение искусства обретает свою жизненную историю, свою величину и безвременность. Время, как считает Фаулз, наделяет произведение искусства особой красотой: чем оно древнее, тем значительнее и ценнее, потому что смогло выжить во временной протяженности. И обладают произведения искусства «потенциалом выживания» (Дж. Фаулз) благодаря культурной и творческой памяти, которая, как писал Ю. Лотман, непосредственно связана с «памятью искусства». Каждый человек в той или иной мере владеет творческой памятью, но лишь художник владеет ею наиболее полно, потому что память искусства обращена к памяти Мнемозины, матери всех муз, обладающей знанием всех истоков и начал, знанием прошлого. Как утверждает М. Элиаде, «благодаря первоначальной памяти поэт, вдохновленный Музами, приближается к первоосновам сущего» [18, с. 123]. Погруженность в память культуры и искусства, осознанность «чувства истории» (Т.С. Элиот) предопределяет непрерывность связи времен и поколений, жизнеспособность человеческой культуры, что дает возможность Фаулзу утверждать: «искусство, лишенное корней, вращающееся по орбите в мертвом космосе, не имеет смысла» [15, с. 183].

Важным в системе взглядов Дж. Фаулза на современное искусство является и его отношение к визуальным искусствам. В интервью Н. Бушмановой писатель говорил о том, что ему «интересно все искусство» [5, с. 175], однако из всех искусств, кроме литературы, больше всего его «привлекают искусства визуальные — от кино до живописи» [17]. В современной английской литературе серьезное увлечение изобразительным искусством и визуальностью свойственно ярким ее представителям (А.С. Байетт, Дж. Барнс, Дж. Коу и др.), что обнаруживается не только в их художественных, но и публицистических текстах. Это подтверждает справедливость утверждений У.Дж.Т. Митчелла о произошедшем в постмодернизме «изобразительном повороте» («pictorial turn») [цит. по: 7, с. 51], когда все большую значимость приобретают не письменные, а визуальные образы и коды. Так, например, Дж. Барнс в сборнике эссе «Открой глаза», посвященном европейской живописи, говоря о большом пути, который прошло искусство от романтизма до реализма и модернизма, размышляет о природе литературы и живописи и находит, что проследить путь от стиля к стилю, от направления к направлению в литературе сложнее, чем в живописи, где, как в музее, просматривается ясное и последовательное повествование [3, с. 15]. Однако для него очевидной представляется склонность человеческой природы к вербализации, и его рассуждения о свойствах и характеристиках литературного и живописного искусств созвучны фаулзовским мыслям о превосходстве искусства слова (поэзии) над живописью, ведь оба они, будучи художниками слова, признают, что «слово – самый точный и всеобъемлющий инструмент человека» [16, с. 397]. Визуальное искусство, по мнению Фаулза, возможно, «лучше слов передает внешний облик», но выражение лежащего за внешним для него усложняется, тогда как слово обладает большей точностью, за которой легче улавливается «ложная многозначительность», которой так грешит современное (псевдо)искусство. Очевидно, с ощутимой определенностью слова писатель связывает и большую информативность искусства слова, которой «как визуальное, так и акустическое искусства» жертвуют ради «скорости» и удобства «сообщения» [16, с. 395]. Более того, Фаулз даже усматривает угрозу, «острую болячку» современной культуры в ее преувеличенном акценте на визуальном [5, с. 185], с которым обращаются с излишней легкостью и чересчур поверхностно,

небрежно, а на фоне дилетантизма новейших видов визуальных искусств искусство слова в XX в. стало принадлежать к искусствам «непривилегированным», однако тем более значимым, способным продуцировать вечные, безвременные смыслы [5, с. 185]. Принимая во внимание то, что и Барнс, и Фаулз остаются в орбите нравственно, гуманистически ориентированного искусства, выводы их о функции, смысле и критериях подлинного искусства схожи: «во всех видах искусства присутствовали одновременно две вещи: желание создать новое и непрерывный диалог с прошлым» [3, с. 15], то есть в истинном искусстве всегда проявлена обращенность к традиции. Знание истоков и начал и одновременно творческий диалог, полемика, стилизация, пародирование и другие формы взаимодействия с многовековой культурой представляются этим писателям необходимым условием существования настоящего искусства, которое стремится, по выражению Фаулза, «стать событием на все времена».

Очевидно, что, как и Барнс, который в своих эссе о живописи будто вступает в полемику с тезисом своего кумира Г. Флобера о невозможности рассуждать об одном искусстве в терминах другого и рассказывает о разных художниках и их картинах, преодолевая условности визуального и словесного искусств, так и Фаулз в «Башне из черного дерева» для «удобства сообщения» использует визуальный код и изобразительное искусство, вводя «текстообразы» (У.Дж.Т. Митчелл) и тем самым размыкая границы чисто литературного текста, донося информацию в синкретическом виде, с помощью нескольких медиа, при взаимодействии, сопряжении которых происходит их трансформация и наращивание смыслов. Так текст повести оказывается «информационным генератором» (Ю. Лотман), становится, как всякий «текст культуры», таким текстом, который несет новую информацию, отражающую специфику осмысления автором современной эпохи и, в частности, роли искусства и художника в ней, и актуализирует пласты предшествующей, ставшей уже традицией культуры, которые считываются потенциальными и подготовленными реципиентами.

На первых же страницах «Башни из черного дерева» мы читаем: «каково бы ни было воображение, ничто не может заменить то, что видишь глазами» [15, с. 116]. Действительно, глаз автора повести и глаза его главных героев, художников, являются едва ли не самыми главными проводниками в царство культуры и искусства, которое открывается сначала нашему визуальному восприятию, а потом, многократно наращивая смыслы и их оттенки, нашему духовному зрению и сознанию. Это происходит благодаря возможности «преобразующих актов видения» [2, с. 224], ибо «видение есть акт интерпретации» [2, с. 241]. Представляется, что текст «Башни...» является красноречивой иллюстрацией тезиса Мике Баль о том, что «даже "чисто" языковые объекты, такие как литературные тексты, можно содержательно и продуктивно анализировать как визуальные. В самом деле, некоторые "чисто" литературные тексты способны к визуальному продуцированию смысла» [2, с. 224]. Л. Геллер назвал такую методологию ученой «эпистемологическим хиазмом», когда происходит «изучение литературы как живописи, а живописи как литературы» [7, с. 51], и повесть Фаулза интересна именно с этой позиции.

Ключевым художественным приемом организации «Башни из черного дерева» является экфрасис, который Дм. Токарев метафорически определяет как «"мостик" между невыразимым и выразимым» [13, с. 22]. Фаулз строит свое произведение как «текст в тексте», где, воспользовавшись предложенными терминологическими разграничениями М. Костантини, экфрасис присутствует в виде сжатого «экфрастического сборника» [8, с. 32], в котором продуманно инкорпорированы в литературный текст как реально существующие картины европейских художников, так и выдуманные живописные работы главных героев повести (причем последние, как в зеркале, отражают и/или искажают уже созданные произведения искусства великих мастеров), и в виде экфрастических отрывков [8, с. 32], в которых описания пейзажей и сцен могут прочитываться как созданные писателемвизуалом живописные полотна и/или аллюзивно соотноситься с уже существующими картинами живописцев. Такое «удвоение», наложение разных визуальных кодов, с одной стороны, и литературных, с другой, превращает этот текст в «поле схождения цитат из литературы и других видов искусств» [12, с. 57], дает возможность писателю наиболее полно реализовать через весь образно-мотивный комплекс повести свои мысли об искусстве, ко-

торое в условиях современного мира отворачивается от человека, утрачивает свою гуманистическую основу. Но помимо этого, разумеется, такая внутренняя организация текста апеллирует к «образцовому читателю», который сможет отвечать «предвидимой интерпретации» (У. Эко) и ведущей интенции этого насыщенного «текста культуры».

Визуальные образы доминируют в повести, и поэтика визуальности проявляется на эксплицитном и имплицитном уровнях текста. На эксплицитном уровне повесть изобилует именами выдающихся художников разных времен существования европейского искусства: от раннего Ренессанса до середины XX в., от романтиков, реалистов и модернистов и до авангардистов всевозможных направлений и представителей новейшего искусства. Кроме того, сами главные герои повести являются профессиональными художниками, а дом старого живописца Генри Бресли выразительно говорит сам за себя – это дом художника и дом культуры, которая представлена здесь не только фигурой творца, «крупнейшего художника» [15, с. 120] XX в., а и его собственными работами и многочисленными полотнами знаменитых художников прошлого и современности, которые не столько украшают его тихое и комфортное жилище, сколько отражают его отношение к искусству и рассказывают об этапах развития европейского искусства. Фаулзу достаточно перечислять фамилии художников, даже не упоминая названий их картин, чтобы читатель смог представить себе круг увлечений и специфику вкусов старого Бресли, который покупал все эти полотна точно не ради вложения денег, а для того, чтобы получать эстетическое наслаждение и размышлять о них. Интересно, что преобладают тут картины его современников, в основном представителей постимпрессионизма (Поль Серюзье, Метью Смит) и авангардизма (Жорж Брак, Кристофер Невисон, Отто Дикс, Хуан Миро, Франсис Пикабиа, Алексей фон Явленский, Мари Лорансен). Упомянутые в литературном тексте, все эти имена начинают вибрировать смыслами более глубокого порядка, открывая нам подчеркнуто сложную личность старого Бресли, который на фоне других художников, его современников, выделяется личностной оригинальностью, ибо, многое принимая в их творчестве и идя с ними в одном русле модернизма первой половины XX в., он не меньше в нем и отвергал. Отталкивали его все более нарастающая беспредметность, «пренебрежение природой» [15, с. 183] в новом искусстве, его немотивированная, агрессивная оторванность от реальности и тем самым двусмысленность (само)выражения, вплоть до стирания и негации человека и предшествующей традиции; не любил он и Пикассо, который, по его мнению, «дурачил людей» [15, c. 163].

Такая позиция Бресли позволяла некоторым критикам называть его «эклектиком», в картинах которого причудливым и неожиданным образом прочитываются следы как мастеров-романтиков (Франсиско Гойя, Диас де ла Пенья, Сэмюел Палмер), так и авангардистов, сюрреалистов и кубистов (Марк Шагал, Жорж Брак). В своем творчестве Генри часто обращался к наследию прошлого, в чем проявлялось его пристрастие к «анахронизмам»: у него были картины-«грезы», отмеченные сюрреализмом, и картины-гобелены, характерные для средневековья и Возрождения. В его рисунках на тему гражданской войны в Испании просматривался возврат к Гойе, в написанной им в 69 лет картине «Охота при луне» ощущался след «Ночной охоты» (1460) Паоло Уччелло, большого мастера раннего Ренессанса и тоже смелого экспериментатора, художника-новатора, тут чувствовались «уважение к вековой традиции и издевка над ней» [15, с. 125], а в цикле Котминэ проявлялась общая большая эрудированность и начитанность старого Бресли, так как в этой серии картин прослеживаются аллюзии не только на работы художников эпохи Возрождения, но и на литературные старинные источники, в частности, средневековую бретонскую литературу, Артуров цикл, кельтский стиль с присущими ему лесными мотивами и таинственными фигурами. Все это включает искусство Бресли в европейский культурный поток, в единую художественную традицию европейского искусства. Ведь в сознании Бресли сидели все картины прошлых художников, он их никогда не забывал [15, с. 162], а жил запечатанными в памяти образами, что делало его обладателем «памяти Тиресия» (М. Ямпольский).

С другой стороны, ведущей авторской интенцией в повести является желание отыскать приметы культурно-художественной традиции в творчестве Бресли, стремление противопоставить его искусство лишенному жизни искусству молодого художника и критика Дэвида Уильямса, творческие опыты которого понятны и даже близки Диане, тоже пред-

ставительнице другого, нового поколения художников. При всей технической отточенности работ Дэвида и при всем его таланте правильно использовать тона и их оттенки, тем не менее в его картинах отсутствовали смелость и жизненная энергия, они хорошо продавались и «смотрелись на стенах жилых комнат» [15, с. 123], но в них чувствовалась боязнь жизни, желание укрыться от мира и от самого себя. Практически то же самое говорится и о художественных опытах Дианы (Мыши), но важно, что такими, лишенными индивидуальности и стремительности линий, твердости и силы [15, с. 167] работ Бресли видит ее картины именно Дэвид. Так, через вербальные фрагментарные описания картин молодых художников Фаулз передает и содержание их душевного мира: они нерешительны, усреднены, у них нет богатого воображения и смелости, они не живут полной жизнью. И если Диана еще слишком молода и все еще пребывает в процессе становления, она мучительно обдумывает свое непростое положение и связь с Бресли, при этом старательно отгораживая себя от внешнего мира, того мира, что находится за пределами усадьбы Котминэ, то Дэвид оказывается уже сложившимся обывателем, который хочет прежде всего обыкновенной и комфортной жизни, и его ремесло живописца дает ему возможность вести удобное и спокойное существование. Он знает, что легенды о «гениальных художниках, ютящихся на чердаке, нынче не в моде» [15, с. 170], поэтому он «никогда не станет другим», «он был, есть и будет порядочным человеком и вечной посредственностью» [15, с. 184]. Дэвид всегда готов рассматривать жизнь «в виде нормального логического процесса» [15, с. 147], он не способен рисковать и не может ощутить полноту бытия, в отличие от Бресли, который живет, как «самодовольно улыбающийся сатир», «с радостью посылающий проклятья здравому смыслу и расчету» [15, с. 147]. Дэвид, в отличие от Бресли, никогда не станет настоящим художником – ведь истинное «искусство глубоко аморально» [15, с. 184], глубоко индивидуалистично и экспериментально, но при этом в таком искусстве говорит весь прошлый художественный опыт, благодаря чему оно и становится обращенным в вечность.

Используя в повести имена художников прошлого или названия их картин, эти «говорящие» образы живописной знаковой системы, Фаулз тем самым углубляет, наращивает смыслы литературного текста. Так, достаточно Генри сказать о Диане, что она воображает себя Лиззи Сиддал и представляет себя изображенной на полотнах Милле, как подготовленный читатель понимает, что с помощью этого ключа и сюжета из личной истории художников-прерафаэлитов Д.Г. Россетти и Дж.Э. Милле и особенно картин последнего (аллюзия на известные работы Дж.Э. Милле «Офелия» и «Мариана» представляется прозрачной) подчеркиваются и особенная, трогательно-соблазнительная чувственность Дианы, которая задевает сердца Генри и Дэвида, и ее положение жертвы, печальной и одинокой в своей судьбе. А свои отношения с Дианой Генри описывает лишь одной отсылкой к картине П. Рубенса «Отцелюбие римлянки»: «дряхлый старик сосет грудь молодой женщины» [15, с. 130), и сразу становится понятно, насколько глубоко старый художник понимает и переживает сложившуюся между ним и молодой девушкой ситуацию.

Упоминания в литературном тексте имен художников или названий картин вносят в него дополнительную смысловую напряженность, нарушая «спокойствие мимесиса», и «именно в месте этого нарушения начинает интенсивно проявляться семиосис» [19, с 60]. Названная в тексте повести картина представителя раннего итальянского Возрождения Антонио Пизанелло «Святой Георгий и принцесса» (1436–1438) из церкви Святой Анастасии в Вероне прочитывается как культурный ключ, способствующий еще более выразительному объяснению и более глубокому пониманию нами отношений, которые возникают между Дэвидом и Дианой. Эта знаменитая фреска Пизанелло имеет сказочный характер: на переднем плане изображены готовящийся сесть на коня святой Георгий «с совершенно отрешенным, потерянным взглядом» [15, с. 176], принцесса Требизондская, смотрящая на него, как жертва, с выражением ожидания и возмущения (он должен спасти ее от дракона), и белый конь, стоящий к зрителю задом и разделяющий святого и принцессу, а на заднем плане достаточно крупно вырисован средневековый город с башнями и куполами церквей. Эта фреска, с ее таинственными фигурами повешенных, с окруженным высокими стенами древним городом, помпезными нарядами главных фигур и их странным выражением лиц, имеет выраженный готический характер. Все здесь говорит о неправдоподобном, чудесном и несостоявшемся: такими и останутся много обещавшие, но не реализованные чувства Дэвида и Дианы, молодой «рыцарь» так и не освобождает ее, заключенную в замке «принцессу», от пут Бресли. Понятно, что в случае тематизации живописного образа в литературном тексте происходит его смысловая трансформация, что расширяет семантическое пространство художественного текста, размыкает его границы, актуализируя культурную память читателя.

Значимым ключом в повести является и уже упомянутая картина Паоло Уччелло «Ночная охота», весь задний фон которой заполнен темным лесом, и именно в Пемпонском лесу, который так напоминает овеянный тайнами Броселиандский лес из легенд о короле Артуре и романов Кретьена де Труа, разворачивается действие повести, в которой Бресли становится главным охотником, но только цель его охоты не звери, как на картине Уччелло, а душа Дианы, которую он опекает с неподдельной отцовской любовью и в то же время использует со всей эгоистичностью беспомощной старости. Картина Уччелло не только тематизируется, она инкорпорирована в литературный текст и умножает свое значение в контексте этого произведения. Помимо символического кода взаимоотношений героев повести, она выступает еще и в качестве связующего культурного звена для совершенно разных, значительно удаленных друг от друга поколений художников и усиливает мысль писателя о том, что живое и настоящее искусство творится в континууме единой художественной традиции. Таким образом осуществляется «взаимоосвещение искусств» (О. Вальцель), взаимопересечение литературы и живописи, при котором современный литературный текст актуализирует произведение изобразительного искусства, добавляя себе аксиологических и философских коннотаций, а живописному полотну придавая вневременную художественную ценность.

На имплицитном уровне поэтика визуальности проявляется в том, что повесть выстроена по законам изобразительного искусства, которые Фаулз, впитав в себя, как и его герои, историю живописи и живописные артефакты, заимствует из живописи, начиная от использования разных ракурсов видения, различных планов и фона и заканчивая тропами, которые обращены к визуальному восприятию. Весь текст «Башни...» напоминает картину, фоном для которой является место разворачивания действия – таинственный Пемпонский лес с его одинокой, удаленной от людей усадьбой Котминэ. В этом названии зашифрована и загадка, которой окутана жизнь старого Бресли и его девушек («"минэ" происходит от слова «монахи» [15, с. 138], однако Бресли там вовсе не ведет монашеское существование, а наоборот, наслаждается как процессом творчества, так и возможными для него любовными утехами), и содержится отсылка к тайной территории сказочного леса («"кот" (coet) означает дерево или лес») [15, с. 138]; таким образом, усадьба становится частью этого леса, тоже местом испытаний, где человеку открываются возможности самореализации. Такая теснейшая связь пространства и времени в тексте повести также свидетельствует о том, что время в ней не является доминирующим началом, что свойственно литературным текстам, а оно сопряжено с пространственными характеристиками, как бы замыкается в пространстве, что происходит на большинстве живописных полотен. Лес и усадьба, конечно же, являются не только фоном, а и участниками событий, усиливая глубину и подчеркивая трудности разворачивающейся перед читателем драматической игры ключевых героев повести.

Прием интермедиальной транспозиции проявляется в «Башне...» и в наличии разных планов повествования, построенного по принципу живописной композиции, где Генри Бресли и Дэвид Уильямс выведены крупным планом, а девушки отнесены на средний план, который призван соединить передний и задний планы. Так выстроена и часто упоминаемая в повести картина итальянского художника Паоло Уччелло «Ночная охота», на которой весь задний фон занят густо растущим темно-зеленым лесом, на переднем ее плане изображены четкие фигуры охотников в красных одеждах и собаки, сменяющиеся в центре незаметными фигурами других охотников и собак, которые как раз и соединяют крупный и задний планы. Диана в повести буквально ведет себя при Генри Бресли как переводчик, как медиатор между старым художником и Дэвидом, помогая последнему понять характер и образ жизни старика. Однако и сама ее жизнь пребывает на пороге, показана в точке перехода, требующего от нее решимости выйти из тени Бресли и Котминэ в большой мир, найти саму себя, что она, возможно, пытается сделать с помощью Дэвида, в котором вы-

зывает любовное волнение, но отступает, как и он, чувствуя, что свой жизненный путь она должна выбрать без постороннего участия, наедине с собой.

Если повесть в целом напоминает нарисованную рукою живописца картину, то и в деталях она состоит как бы из связанных друг с другом экфрастических отрывков, созданных по законам изобразительного искусства, но с использованием всей палитры возможностей слова эпизодов и сцен. Так, Фаулз рисует приезд Дэвида в Котминэ с нарочитой визуализацией: Дэвид при свете дня любуется прекрасными видами, которые ему представляются «чарующей» «картиной шпилевидных скал вдоль отдаленных берегов Мон-сен-Мишель» [15, с. 115] (курсив наш - E.A.), а дальше его глаз останавливается на ухоженных фруктовых садах и урожайных полях, которые он сразу же пытается набросать на бумаге, отмечая сочетания красок и игру света. Въезд Дэвида на территорию самой усадьбы тоже прочитывается как четкий цветной этюд с выразительными планами: на переднем – освещенные солнцем ворота, через которые видна дорожка старых яблонь, «усыпанных плодами красных сидровых сортов», и в центре «солнечная поляна», где «среди моря гигантских дубов и буков, одиноко стояла manoir» [15, с. 116], внешний вид которой передается с помощью конкретного выразительного цвета: светлая буро-желтая штукатурка, рыжеватые планки. темно-коричневые ставни. Эта поляна с деревьями и одиноким замком-усадьбой напоминает залитые светом реалистические пейзажи К. Коро и других барбизонцев, импрессионистические картины П.О. Ренуара («Пейзаж Алгиера», «Сена в Аржентее» и др.) и постимпрессионистические Винсента Ван Гога («Пейзаж с цветами», виды французского Арля). Описание же интерьера дома выглядит как еще одна живописная картина с передними и задними планами и щедрыми цветовыми нюансами. Фаулз здесь пользуется принципом прямой линейной перспективы: взгляд Дэвида сначала фиксирует «холл с выложенным каменными плитами полом, дубовый стол у деревянной, старинного стиля, лестницы со стертыми и поцарапанными перилами, которая вела наверх», а потом вторую открытую дверь, за которой был «освещенный солнцем сад» [15, с. 116-117]. Однако, используя приемы живописи, писатель работает со словом, облекая видимое в вербальное, что соответствует представлениям современной философии о природе зрительного акта: «акт зрения может осуществляться только через словесные ряды» [14]. Интересно, как это тонко чувствует Фаулз, нарочито подчеркивая неспособность Бресли четко и ясно излагать свои мысли, ему нужна переводчица, Диана; с другой стороны, живописцу Бресли словами служат линии и цвета, свои чувства он достаточно определенно передает с помощью кисти, которая «говорит» сама за себя, что в анализируемом тексте оказывается взаимозаменяемыми вещами: «создавать значит говорить» [15, с. 143].

Подобные примеры заимствования приемов живописи и переноса их в литературный текст можно множить. Так, когда Дэвид спускается к ужину, он видит все как будто в панорамной перспективе: за окнами комнаты сгущающиеся сумерки, а в самой гостиной – горящую люстру, седой затылок Бресли, сидящего у камина, «прислонившуюся к его плечу курчавую головку Уродки» и накрывающую в дальнем конце комнаты стол красиво одетую Мышь. Все это описание, данное зорким, привычным к мелочам взглядом, сопровождается цветовым мазками: светлый пиджак, белая рубашка и лиловый галстук-бабочка Бресли, контрастирующее с белым черное платье Уродки и кремовая блузка с рыжеватой юбкой Мыши. Фаулз и сам прямо указывает, что ужин в гостиной у старого художника, где лился успокаивающий свет лампы, «делал все это похожим на полотно Шардена или Жоржа де ла Тура [15, с. 137]. Оба эти художника были признанными мастерами жанровой живописи и прекрасными колористами, как выразительным колористом становится и писатель, который будто учится у них говорить цветами. Так, цветовая гамма, используемая Фаулзом в тексте, не широка, но подчеркнуто насыщена смыслами. Цвет, как и в живописи, передает внутреннее содержание героев, и, погруженный в вербальный изобразительный ряд, порождает многочисленные смысловые ассоциации: преобладающие черные и красные, резкие и контрастирующие цвета во внешнем облике (красноватые от хны волосы) и одежде (черная рубашка, черная юбка, красные трусики, красноватая лента на шляпе) Энн, Уродки, свидетельствуют о сложном, неуживчивом и одновременно самостоятельном и целостном характере девушки, они рассказывают о ней как о человеке, мало знавшем радостные моменты; сдержанные светлые и приглушенные бежевые цвета превалируют в одежде Дианы, но когда она чувствует себя готовой к серьезному разговору с Дэвидом и хочет произвести на него впечатление, она надевает черную рубашку и «ярко-оранжевую юбку с коричневыми полосами» [15, с. 159].

Еще более выразительным примером экфрастического отрывка оказывается описанная Фаулзом, как бы пропущенная через зрительное восприятие и смысловую интерпретацию Дэвида сцена пикника у пруда. Молодой человек идет с Бресли и девушками к пруду, но увиденное не приносит ему наслаждения, он замечает и отмечает лишь то, что нужно ему для работы в качестве художника и критика. В лесу не было птиц, и он размышляет, как можно «изобразить безмолвие на полотне?» [15, с. 148]. Он думает не о красоте и умиротворенности природы, а оценивает рожденные в его мозгу ассоциации открывшегося его взору пейзажа с увиденными ранее картинами Бресли. Девушки идут купаться, после чего устраиваются высушиться на берегу – и все это напоминает Гогена: «коричневые груди и сад Эдема» [15, с. 151], а потом все приступают к еде, причем девушки едят обнаженными, и Фаулз дает нам прямую подсказку, у кого искать «нарисованные» им картинки: «Гоген исчез, уступив место Мане» [15, с. 151]. Сначала он указывает, скорее всего, на полотно П. Гогена «Таитянская Ева», где изображена обнаженная девушка в райском саду, а потом и на известнейшую картину Э. Мане «Завтрак на траве», на которой изображены отдыхающие на природе одетые мужчины и одна обнаженная женщина на переднем плане и чуть поодаль другая, одетая в легкую рубашку, обмывающаяся в реке женщина, мужчины разговаривают друг с другом, а женщины лишь ненавязчиво дополняют их общество, перед ними лежит уже разобранная корзина с едой. Но при всей плотности изображенных на этом полотне фигур вроде бы спокойно обменивающихся мнениями мужчин в них чувствуется напряженность и разъединенность, как будто каждый из них подчинен своему душевному движению, погружен в самого себя. И Фаулз дразнит читателя этой живописной цитатой, он трансформирует ее внутренний посыл, подчеркивая все возрастающий интерес Дэвида к Диане, его желание разрушить преграды между ними и передавая отчужденность Генри и Дэвида, которые превращаются в соперников.

Так же происходит и с упоминанием картин П. Гогена. Сцена с вышедшими из воды и отдыхающими на берегу обнаженными девушками аллюзивно отсылает нас, очевидно, к картине Гогена «А, ты ревнуешь?» На ней изображены две обнаженные девушки, одна из них сидит, другая лежит на спине, их позы свободны и сладострастны, однако лишены вульгарности, они естественны, как сама природа, и одна из них, вспомнив о каком-то эпизоде, как будто спрашивает у другой: «А, ты ревнуешь?». Фаулз снова, тематизируя известную картину, изменяет акценты в своей живописной сцене: хотя его обнаженные девушки также не вульгарны, однако одна из них, Диана, описана Фаулзом так, что она излучает животное начало, эротическую энергию, такую же естественную, как и возникающее полусознательное желание Дэвида познать ближе эту красоту и соблазн. Тем более что Диана чистит яблоко, четвертинками которого она угощает и Генри, и Дэвида, и тут все цитаты и из литературного, и живописного источников сходятся, рождая новый смысл: Диана естественным образом соблазняет Дэвида, и тот начинает открывать и читать ее, как мужчина красивую женщину и как художник свое творчество, в котором он стремился к тому, что увидел в ней: «сочетание непредубежденности с прямотой» [15, с. 152].

Поэтика визуальности, доминирующая в тексте Фаулза, проявляется и в настойчивом использовании писателем тропов, которые отнесены к визуальному восприятию. В повести преобладают сравнения и метафоры, отсылающие к определенным картинам известных и не очень художников, или используются приемы и выражения, свойственные миру живописи. Так, Фаулз сравнивает внезапно возникшее сильное влечение Дэвида к Диане с работой живописца, который иногда за несколько часов работы достигает большего, чем за несколько дней «кропотливого труда» [15, с. 160]; сравнение Дэвида неожиданно сложившихся между ним и Дианой отношений с наброском, затерявшимся «в студии, в глубине шкафа среди старых альбомов с эскизами» [15, с. 184], красноречиво подчеркивает неготовность молодого человека к связи с девушкой, а описание Дианы на берегу пруда имеет выраженную изобразительную природу. Тут Фаулз отмечает игру света и тени на обнаженном теле девушки, он скуп в словах, как лаконичен в движениях кисти художник, который знает, что слова ему заменяют линии и что лишь одна-единственная линия может пра-

вильно передать душевное движение изображаемой фигуры: «Кожа Мыши в местах, освещенных солнцем, отливала бронзой, там же, где на нее ложилась тень, казалось матовой, но более нежной. Соски, линии подмышечных впадин <...> Небрежно спутанные, подсыхающие соломенные волосы и миниатюрность, изящество линий в духе Quattrocento...» [15, с. 152] (курсив наш — *E.A.*). Перед нами открывается статичная картина, обычно свойственная живописным полотнам: обнаженная девушка как будто застыла, раз и навсегда запечатлелась в зрительной памяти Дэвида, чтобы потом тревожить его воображение своими изящными линиями, характерными для живописи итальянского Кватроченто и непременно вызывающими в нашей памяти нежные, утонченные женские фигуры и струящиеся одежды, изображенные на картинах непревзойденного мастера той эпохи Сандро Боттичелли; и тут ярко проявляются «живописные» возможности вербальной выразительности, благодаря которой происходит уплотнение и расширение ассоциативной цепочки смыслов данного фрагмента литературного текста.

Таким образом, используемые Дж. Фаулзом визуальные образы, доминирующая поэтика визуальности раскрывают перед читателем одну из главных проблем его художественного и публицистического творчества: значение искусства в жизни современного общества и способность искусства выполнить свою главную функцию – «занимать центральное положение в человеческом бытии» и «цвести во все времена» [16, с. 382, 360]. Сталкивая и противопоставляя в повести башню из слоновой кости, стоящую на фундаменте истинного искусства, с башней из черного дерева, с современным искусством, оторванным от корней и от человека, Фаулз с тревогой всматривается в будущее. И удивительным образом ход его мыслей, как представляется, совпадает с грустными размышлениями известного историка культуры В. Вейдле, который еще в 1937 г. отмечал разницу между старой живописью и новой (уточним, что он говорил, как и в повести герой Фаулза Генри Бресли, о Пикассо и кубистах): «...исчезновение из искусства человеческой жизни, души, человеческого тепла означает замену логоса логикой, торжество расчетов и выкладок голого рассудка <...> Старая живопись обращалась ко всему нашему существу, всем в нас овладевала одновременно; новая обращается к разобщенным переживаниям эстетических качеств, не связанных с предметом картины, оторванных от целостного созерцания» [6]. Такое происходит, по мнению В. Вейдле, «лишь в конце художественной эпохи» [6].

Очевидно, что Фаулз намеренно насыщает свой текст визуальными образами, которые работают как значимые коды гуманистической культуры. Пересечение литературной и живописной семиотических систем, их динамическое взаимодействие и взаимообогащение, освещение одного медиа с помощью использования средств другого способствуют повышению внутренней семантической значимости данного художественного текста, внутри визуальных образов которого прочитывается все пространство европейской гуманистической культуры, так как все они погружены в «память Тиресия», и, перефразируя М. Ямпольского, допущены к источникам Мнемозины [19, с. 9], а значит способны «вернуть невозвратное» [17], что для Фаулза является главным смыслом всего истинного искусства как части культурного наследия человечества.

Список использованной литературы

- 1. Анненкова Е.С. Метафизика жизни и искусства в повести Джона Фаулза «Башня из черного дерева» / Е.С. Анненкова // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Літературознавство. 2013. Вип. 2 (74), ч. 1. С. 3—12.
- 2. Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований / М. Баль // Логос. 2012. № 1 (85). С. 212—249.
  - 3. Барнс Дж. Открой глаза / Дж. Барнс. М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 352 с.
- 4. Бочкарева Н.С. Искусство и художник в романе «Коллекционер» и повести «Башня из черного дерева» Дж. Фаулза / Н. Бочкарева // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX—XX веков. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1997. С. 92–102.
- 5. Бушманова Н.И. Дерево и чайки в открытом окне. Беседа с Дж. Фаулзом / Н.И. Бушманова // Вопросы литературы. 1999. Вып. 1. С. 165–208.

- 6. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества [Электронный ресурс] / В. Вейдле // Эстетика и теория искусства XX века. Режим доступа: https://fil.wikireading.ru/81645 (дата обращения 25.08.2019).
- 7. Геллер Л. Экфрасис, или Обнажение приема. Несколько вопросов и тезис / Л. Геллер // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 44–60.
- 8. Костантини М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? / М. Костантини // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 29–34.
- 9. Лобкова Н.В. Взаимодействие языков искусств в творчестве Джона Фаулза: автореферат дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.03 Литература народов стран зарубежья / Н. Лобкова. М., 2006. 20 с.
- 10. Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 142–147.
- 11. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 110–120.
- 12. Титаренко С.Д. Проблемы взаимодействия интертекстуальности и интермедиальности в мифопоэтике русского символизма / С.Д. Титаренко // Культура и текст. 2017. № 3, т. 30. С. 54—73.
- 13. Токарев Д.О «невыразимо выразимом» (Вместо предисловия) / Д. Токарев // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5–25.
- 14. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история [Электронный ресурс] / А. Усманова. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/usmanova_visualniy/ (дата обращения 25.08.2019).
- 15. Фаулз Дж. Башня из черного дерева / Джон Фаулз // Иностранная литература. 1979. № 3. С. 115–185.
  - 16. Фаулз Дж. Аристос / Дж. Фаулз. М.: Эксмо, 2004. 432 с.
- 17. Фаулз Дж. Кротовые норы [Электронный ресурс] / Джон Фаулз. Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=8589&p=1_(дата обращения 21.09.2019).
  - 18. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. М.: ИНВЕСТ-ППП, 1995. 240 с.
- 19. Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Ямпольский. М.: Культура, 1993. 464 с.
- 20. Buchberger M.P. The Influence of D.H. Lawrence on John Fowles's Early Fiction: Blood Consciousness, Women, and Heraclitus / M.P. Buchberger // Journal of Literary Studies. 2019. Vol. 35. issue 2. P. 126–150.
- 21. Cresap K. The World-Making Capacity of John Fowles's Daniel Martin / K. Cresap // Texas Studies in Literature and Language. 2013. Vol. 55, issue 2. P. 159–183.
- 22. Horlacher S. Ways to life, ways to art: Intertextual considerations of John Fowles's novella the 'Ebony Tower' with special regard to D.H. Lawrence and Friedrich Nietzsche / S. Horlacher // Anglia-Zeitschrift fur Englische Philologie. 2000. Vol. 118, issue 3. P. 373–404.
- 23. Horlacher S. "The sad, proud old man stared eternally out of his canvas...": Media Criticizm, Scopic Regimes and the Function of Remrandt's "Self-Portrait with Two Circles" in John Fowles's Novel Daniel Martin / S. Horlacher // Anglia-Zeitschrift fur Englische Philologie. 2018. Vol. 136, issue 4. P. 705–732.
- 24. Hurwitz M. Relocating Englishness: The 1960s Postimperial Turn and National Identity in John Fowles's The Magus / M. Hurwitz // MFS-Modern Fiction Studies. 2015. Vol. 61, issue 3. P. 446–468.
- 25. Marais M. "I am infinitely strange to myself': Existentializm, the Bildungsroman, and John Fowles's The French Lieutenant's Woman" / M. Marais // JNT-Journal of Narrative Theory. 2014. Vol. 44, issue 2. P. 244—266.

26. O'Sullivan J. Cyborg or goddess: postmodernism and its others in John Fowles's 'Mantissa' / J. O'Sullivan // College Literature. – 2003. – Vol. 30, issue 3. – P. 109–123.

27. Pohler E. Genetic and cultural selection in the 'The French Lieutenant's Woman' (John Fowles) / E. Pohler // Mosaic-A Journal for the Interdisciplinary study of Literature. – 2002. – Vol. 35, issue 2. – P. 57–72.

INSIDE JOHN FOWLES' VISUAL IMAGES: "TEXT OF CULTURE" IN JOHN FOWLES' SHORT STORY "THE EBONY TOWER"

Olena S. Annenkova, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine)

E-mail: aes.kyiv@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-8

Key words: text of culture, intermediality, visual code, visual images, semiotic system, ekphrasis.

In this article visual images of J. Fowles' short story 'The Ebony Tower' are analyzed. They composite specific 'text of culture', by which is meant reflected in the text entirety of arts and cultural values, that were formed during the whole European culture development and actualized and comprehended in the context of presence as well as by author's and potential recipient's consciousness. Numerous and diverse visual images, that compose the text of 'The Ebony Tower' and saturate it with senses that need to be decrypted, make Fowles' short story to be one of the leading as well as in the context of writer's creation and in European fiction of XXth century. The reading possibilities of literary text as visual object with the help of intermedial analysis are concerned. Aspects of visual poetry realisation in text are traced on explicit and implicit levels, specific of cooperation and mutual enrichment of literature and art languages, when at the intersection of two semiotic systems appear fields of complementary semantic tension are studied. This interpreted semantic space deeps senses of fiction text and activates reader's cultural memory. Results of study of this text as a «text in text», its diverse ekphrasis, ways of narration adopted from art, specific of his contextual references allow to consider 'The Ebony Tower' as 'text of culture', that demonstrates all traits that characterize XXth century.

The main aim of this article is to study' The Ebony Tower' as a visual text on one hand and as a text of culture, which multiple cultural layers compose into unity of European cultural universum, that roots from its own past and projects with the origins and present being into the future on the other hand. This text is analyzed as a text of culture, which exposes ambiguous relations between literature and art, with word and line, color, with author, text and recipient. All this complicated 'languages', literature and art languages are engaged in Fowles' short story, make it heterogeneous and equivocal, oriented towards reading at the same time at different semiotic levels, more precisely at intersection and interlacement of these semiotic levels where new senses are generated. In so doing not only intersemiotic relations are marked as complicated, but also dialogue-polemical relations between traditional and avant-garde art. This way, 'The Ebony Tower' appears to be very 'complexly composed text' (Y. Lotman), that shows typical for XXth century culture diversity, heterogeneity, dynamism and fragility.

'The Ebony Tower' is opened for reading as a visual object, the poetry of visuality dominates in it. Author's and his characters' vision is almost the most important guide to the kingdom of culture and art, that reveals at first to our visual perception, and then to our spiritual perception and consciousness, repeatedly increasing senses and their shades. The key artistic trick in organization of 'The Ebony Tower' is ekphrasis.

On the explicit level the short story is full of names of outstanding artists of different times of existence of European culture: from Early Renaissance till the middle of the XXth century, from romantics, realists, modernists till the avant-garde artists of different areas and representatives of the Newest Art. Using the names of artists of the past or the names of their paintings in the short story, this 'burning' images of semiotic pictorial art system, this way J. Fowles deeps, increases senses of literary semiotic system. On implicit level poetry of visuality is exposed by building the short story as Fine Art, that Fowles borrows from pictorial art, starting from using the points of view from different angles, different perspectives, backgrounds and ending with tropes that are turned towards visual perception.

J. Fowles intends to saturate text with visual images, which work as significant codes of humanistic culture. The intersection of literate and artistic semiotic systems, their dynamic cooperation and enlightenment of one medium with the help of using means from another contributes to increase in internal semiotic significance of this fiction, inside visual images of which we can read the whole area of European humanistic culture.

References

- 1. Annenkova, E.S. Metaphizica zhizni i iskusstva v povesti Johna Faulza "Bashnya iz chernogo dereva" [Metaphysics of life and art in the short story of J. Fowles "The Ebony Tower"]. Naukovi zapyski Xarkhivs'kogo nazional'nogo universiteta im. H.S. Skovorody. Literaturoznavstvo [The Scientific papers of Skovorada Kharkiv National Pedagogical University. Literary Studies], 2013, vol. 2 (74), part 1, pp. 3-12.
- 2. Bal, M. Vizual'nyj essentsializm i ob'ekt vizual'nyh issledovanij [Visual Essentialism and the Object of Visual Culture]. Logos [Logos], 2012, no. 1 (85), pp. 212-249.
  - 3. Barnes, J. Otkroj glaza [Keeping an Eye Open]. Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2017, 352 p.
- 4. Bochkareva, N. *Iskusstvo i khudoznik v romane "Kollecziner" i povesti "Bashnya iz chernogo dereva" J. Faulza* [Art and Artist in J. Fowles's novel "The Collector" and short story "The Ebony Tower"]. *Problemy metoda i poetiki v zarubeznoj literature* [Problems of methods and poetics in the foreign literature]. Per'm, Perm State University, pp. 92-102.
- 5. Bushmanova, N. *Derevo i chajka v otkrytom okne. Beseda s J. Faulzom* [A Tree and a Seagull in an Open Window. Conversation with J. Fowles]. *Voprosy literatury* [Questions of the Literature], 1999, no. 1, pp. 165-208.
- 6. Vejdle, V. *Umiranie iskusstva. Razmyshleniya o sud'be literaturnogo i khudozhestvennogo tvorchestva* [The dying of art. Reflections on the fate of literary and artistic creation]. *Estetika i teoriya iskusstva XX veka* [Aesthetics and the theory of art of the twentieth century]
- 7. Geller, L. Ekfrasis, ili obnazhenie priyema. Neskol'ko voprosov i tezis [Ekphrasis, or Outcrop of Method. Several Questions and Thesis]. "Nevyrazimo vyrazimoye": ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste ["Inexpressibly Expressible": Ekphrasis and Problems of Visual Representation in a Literary Text]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013, pp. 44-60.
- 8. Kostantini, M. Ekfrasis: ponyatie literaturnogo analiza ili bessoderzhatel'nyj termin [Ekfrasis: concept of literary analysis or meaningless term]. "Nevyrazimo vyrazimoye": ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste ["Inexpressibly Expressible": Ekphrasis and Problems of Visual Representation in a Literary Text]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013, pp. 29-34.
- 9. Lobkova, N. *Vzaimodejstvie yazykov iskusstv v tvorchestve J. Faulza* [Art language interaction in J. Fowles' works]: abstract of Cand. philol. sci. dissertation paper, 2006. 20 p.
- 10. Lotman, Y. *Tekst i poliglotizm kul'tury* [Text and Polyglotism of Culture]. *Stat'yi po semiotike i to-pologii kul'tury. Izbrannye stat'yi v tryekh tomah* [Articles on semiotics and cultural topology. Selected Works in 3 volumes]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 142-147.
- 11. Lotman, Y. *K postroeniyu teorii vzaimodejstviya kul'tur* (semiotocheskiy aspect) [Toward a Theory of the Interaction of Cultures (semiotic aspect)]. *Stat'yi po semiotike i topologii kul'tury. Izbrannye stat'yi v tryekh tomah* [Articles on semiotics and cultural topology. Selected Works in 3 volumes]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 110-120.
- 12. Titarenko, S. *Problemy vzaimodejstviya intertekstual'nosti i intermedial'nosti v mifopoetike russkogo simvolizma* [The problems of the Interaction of Intertextuality and Intermediality in the Mythopoetics of Russian Symbolism]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2017, no. 3, vol. 30, pp. 54-73.
- 13. Tokarev, D. O "nevyrazimo vyrazimom" (Vmesto predisloviya) [About the "Inexpressible Expressible" (Instead of Preface)]. "Nevyrazimo vyrazimoye": ekfrasis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste ["Inexpressibly Expressible": Ekphrasis and Problems of Visual Representation in a Literary Text]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013, pp. 5-25.
- 14. Usmanova, A. "Visual'nyj povorot" i gendernaya istoriya ["The Visual turn" and Gender History]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/usmanova_visualniy/ (accessed 25 August 2019).
- 15. Fowles, J. *Bashnya iz chernogo dereva* [The Ebony Tower]. *Innostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1979, no. 3, pp. 115-185.
  - 16. Fowles, J. Aristos [Aristos]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 432 p.
- 17. Fowles, J. *Krotovye nory* [Wormholes]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=8589&p=1 (accessed 21 September 2019).
  - 18. Eliade, M. Aspekty mifa [Aspects of myth]. Moscow, INVAEST-PPP Publ., 1995, 240 p.
- 19. Yampol'skij, M. *Pamyat' Tiresiya. Intertekstual'nost' i kinematograf* [Memory of Tiresias. Intertextuality and Cinematograph]. Moscow, Kul'tura Publ., 1993, 464 p.
- 20. Buchberger, M.P. The Influence of D.H. Lawrence on John Fowles's Early Fiction: Blood Consciousness, Women, and Heraclitus. In: Journal of Literary Studies, 2019, vol. 35, issue 2, pp. 126-150.
- 21. Cresap, K. The World-Making Capacity of John Fowles's Daniel Martin. In: Texas Studies in Literature and Language, 2013, vol. 55, issue 2, pp. 159-183.
- 22. Horlacher, S. Ways to life, ways to art: Intertextual considerations of John Fowles's novella The 'Ebony tower' with special regard to D.H. Lawrence and Friedrich Nietzsche. In: Anglia-Zeitschrift fur Englische Philologie, 2000, vol. 118, issue 3, pp. 373-404.
- 23. Horlacher, S. "The sad, proud old man stared eternally out of his canvas...": Media Criticizm, Scopic Regimes and the Function of Remrandt's "Self-Portrait with Two Circles" in John Fowles's Novel Daniel Martin. In: Anglia-Zeitschrift fur Englische Philologie, 2018, vol. 36, issue 4, pp. 705-732.

- 24. Hurwitz, M. Relocating Englishness: The 1960s Postimperial Turn and National Identity in John Fowles's The Magus. In: MFS-Modern Fiction Studies, 2015, vol. 61, issue 3, pp. 446-468.
- 25. Marais, M. "'I am infinitely strange to myself': Existentializm, the Bildungsroman, and John Fowles's The French Lieutenant's Woman". In: JNT-Journal of Narrative Theory, 2014, vol. 44, issue 2, pp. 244-266.
- 26. O'Sullivan, J. Cyborg or goddess: postmodernism and its others in John Fowles's 'Mantissa'. In: College Literature, 2003, vol. 30, issue 3, pp. 109-123.
- 27. Pohler, E.M. Genetic and cultural selection in the 'The French Lieutenant's Woman' (John Fowles). In: Mosaic-A Journal for the Interdisciplinary study of Literature, 2002, vol. 35, issue 2, pp. 57-72.

Одержано 5.09.2019.

УДК УДК 821.163.41.091

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-9

н.л. білик,

доктор філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка

СИНЕСТЕЗІЯ В РОМАННІЙ ТВОРЧОСТІ М. ПАВИЧА: «КРАЄВИД, МАЛЬОВАНИЙ ЧАЄМ»

Одним з ефективних типів інтермедійності вважається синестезія. Зміст поняття зосереджується на зближенні двох сенсорних сфер або на їхньому злитті при одночасності дії аналізаторів, причому визначальна вага визнається за ціннісними особистісними засадами носія такої властивості. Замісна функція здатна поєднати в літературному матеріалі запах і музичні імпульси, утворити мальовничу музику, або звукову, смакову, дотикову візуальність тощо. Основний етап механізму, передбаченого якостями синестезії, полягає в базованому на індивідуальній асоціації. Цей процес відбувається й у тому аспекті художньої літератури, де ідентична модель реалізації наповнюється ізоморфним матеріалом генетично споріднених сфер культури, у такому випадку — різних видів мистецтва, де вагому роль відіграє колір. Синестетичний потенціал кольору опинився у фокусі низки творчих осмислень різних часів — передусім Леонардо да Вінчі, Л.-Б. Альберті, Ван Гога, Д. Дідро, К. Малевича, А. Матісса, П. Пікассо. Колір промовисто виявляє синестетичну різноспрямованість придатністю й до асоціацій із чуттєвою сферою, явленою вимірами людських емоцій. В емпіричному аспекті потенціал синестезії яскраво й переконливо актуалізується в романному доробку М. Павича – представника першої хвилі авторського експерименту в прозовому жанрі сербського національного літературного процесу на зламі XX–XXI ст. Цей творчий потенціал очевидний для твору «Краєвид, мальований чаєм», де певні образні пункти наснажуються еквівалентністю стосовно виражально-смислової взаємозаміни смакових та когнітивних констант. Новаторський творчий досвід М. Павича засвідчує одну з провідних позицій романної творчості митця у збагаченні художнього досвіду синестезії в парадигмі компаративістичних експериментів і в дискурсі сербського постмодерністського роману.

Ключові слова: синестезія, колір, компаративістика, М. Павич.

Эффективным типом интермедийности является синестезия. Понятие предполагает сближение двух сенсорных сфер или их слияние при одновременности действия анализаторов, причем определяющий вес признается за ценностными личностными принципами носителя такого свойства. Заместительная функция способна совместить в литературном материале запах и музыкальные импульсы, образуя живописную музыку или звуковую, вкусовую, осязательную визуальность и т. п. Основной этап механизма, предусмотренного качествами синестезии, заключается в основанном на индивидуальной ассоциации. Данный процесс происходит и в том аспекте художественной литературы, где идентичная модель реализации наполняется изоморфным материалом генетически родственных сфер культуры, в таком случае – различных видов искусства, где важную роль играет цвет. Синестетический потенциал цвета оказался в фокусе ряда творческих осмыслений различных времен. Цвет красноречиво выявляет синестетическую разнонаправленность пригодностью и в ассоциации с чувствительной сферой, явленной измерениями человеческих эмоций. В эмпирическом аспекте потенциал синестезии ярко и убедительно актуализируется в романах А. Гаталицы – представителя сербского национального литературного процесса на рубеже XX-XXI вв. Этот творческий потенциал очевиден для произведения «Линии жизни», где определенные образные пункты насыщаются эквивалентностью относительно выразительно-смысловой взаимозаменяемости вкусовых и когнитивных констант. Экспериментальный творческий опыт М. Павича свидетельствует об одной из ведущих позиций его романного творчества в обогащении художественного опыта синестезии в дискурсе сербского постмодернистского романа и в парадигме компаративистских экспериментов.

Ключевые слова: синестезия, цвет, компаративистика, М. Павич.

а узагальненою типологією результатів наукового осмислення з-поміж типів інтермедійності на сучасному етапі однією з найплідніших і найефективніших внажається синествія. Опорні постулати для її категоріально-систематизаційних вимірів, як, власне, й укладання її функціональної та змістової типізації, варто розпізнати в дискурсі природничих наук, і передусім фізіології. У цій галузі знань від початку наукового обігу до сучасних студій з помітною одностайністю зміст поняття, за узагальненням Х. Мелько [1], зосереджується на зближенні двох сенсорних сфер або на їх злитті при одночасності дії аналізаторів, причому визначальна вага визнається за ціннісними особистісними засадами носія такої властивості.

У зв'язку із запропонованими, таким чином, векторами наукового осмислення набула поширення активно підтримана згодом міжнародною науковою спільнотою теза щодо акцентування в понятті синестезії певної симультанності суті кількох різних чуттєвих реакцій, якою в сукупному масиві сформованих в результаті одночасних «крос-модальних відчуттів» (А. Ребер), одержаних від різних органів чуття, спричиняється свідоме взаємоперенесення рис цієї суті, що ґрунтуються на подібності тих вражень, які виникають у суб'єкта [2].

У цьому проблемному руслі сформовано теоретичну культуру оперування категоріями синестезії з очевидною універсалізацією, власне, й самого поняття синестезії, коли на рівень її сутності був виведений принцип синестетичного процесу. Така універсалізація спостерігається й у формуванні гуманітарного підходу до синестезії, де вона на етапі міждисциплінарних шукань виявилася об'єктом праць учених-гуманітаріїв. Праці філософів Б. Аєнгара, А. Осипова, психологів Б. Величковського, Б. Галєєва, С. Кравцова, С. Рубінштейна, мистецтвознавців В. Брайніна, І. Герасимова збагатили й оновили теоретико-методологічну базу синестезії, її адаптивність стосовно сфери компаративістики.

Поворотним виявився той етап досвіду вивчення синестезії, коли її теоретикометодологічні схеми почали екстраполюватися на сферу художнього сприйняття, чию принципову можливість, співвідносну з матеріалом художньої літератури, відзначив свого часу М. Мерло-Понті [3, с. 131]. Себто сутність явища залишилася незмінною у співмірності й з матеріалом мистецтва, і насамперед — мистецтва слова. Для висвітлення цього питання актуальним вважається досвід Американського товариства синестезії та французької групи, чиє ставлення виявилося резонансним і для решти європейського наукового ареалу.

У підтриманні цієї позиції своє розуміння синестезії наближають до увиразненого загальноприйнятого енциклопедичного змісту й сучасні сербські літературознавці, якими (на узагальнення попереднього досвіду) схвалена ідея визнання в синестезії «літературної картини, створеної взаємозаміщенням образних відображень різних чуттєвих реакцій» [4, с. 295].

І відтоді, зокрема у вітчизняному літературознавстві, усталюється пропозиція вирізняти в синестезії не лише прецедент міжчуттєвого зв'язку, а і його безпосередню функціональність, передусім в оформленні тропів, простежену у вітчизняному літературознавстві, наприклад, на матеріалі «кларнетизму» П. Тичини [5, с. 639]. Воднораз із посиланням на досвід Й. ван Гіннекена й С. Ульманна стає переконливим прецедент прочитання поняття синестезії у зв'язку з художнім прийомом розбудови поетичної метафори, інколи — порівняння [6, с. 396], що позначає принципове спрямування аналітичного пояснення синестезії в літературному образі й задає перспективний напрям такого висвітлення.

Стає актуальним і каталізований в емпіричному полі сучасного порівняльного літературознавства теоретико-методологічний механізм дослідницького реагування на художні ситуації різноманітних (почасти еклектичних) суположень поетики, де набувають додаткового увиразнення й дефінітивні та статусні аспекти наведених основних самостійних стратегій компаративістики. Вже на початкових етапах наукових спостережень над таким художнім матеріалом, які починають свій відлік з 1960-х рр., учені, за переконанням П. Анрі [7], одностайно пов'язують основний механізм з потенціалом інтердискурсивності, хоча ще й досі не досягли єдності у ставленні до змісту цієї категорії. Актуальним слід визнати вимір її референції, закладений першопочатковими розробками цього феномена, ініційованими у працях з філософії 1980-х рр. представниками французької школи аналізу дискурсу, й насамперед її засновником М. Фуко [8], а також М. Пеше — ідеологом активної на зламі 60—70-х рр. ХХ ст. концепції автоматичного аналізу дискурсу [9].

3 огляду на *механізми та закономірності*, за дефінітивною сутністю, з-поміж проявів синкретизму мистецтв, синестезія як істотна властивість художнього мислення, за спостере-

женням Б. Галєєва, сприяє виконанню компенсаторних функцій з опосередкованого надолуження неповноти самої чуттєвості в моносенсорних мистецтвах. І саме участю синестезії пояснюється відносна індиферентність художнього образу до видової обмеженості, а також універсальність феномена єдиного художнього «простору-часу» в мистецтві. Ця взаємна детермінованість розвитку синестетичних здатностей і специфіки кожного з мистецтв, власне, й визначає парадоксальну синхронність двох паралельних процесів: становлення художньої потреби в синтезі мистецтв і появи умов для її реалізації. А підвищення міри синтетичності в моносенсорних мистецтвах при цьому є своєрідним індикатором і регулятором наближення моменту їхнього синтезу [10].

Зазначеною полемічною диспозицією верифікується постулювання тези щодо реалізації стратегічного потенціалу синестезії, якою свого часу було завойоване суттєве функціональне поле й у синкретизмі мистецтв на теренах, власне, мистецтва слова, себто літературного дискурсу, що традиційно виводиться в залежність від закономірності, сприйнятої в сенсі універсальної та організаційної для синестезії загалом, незалежно від матеріалу цієї реалізації.

У цій універсальній закономірності здійснюється (безумовно, на основі подібності в ситуативній формальній *співприсутності*, так званій *суміжності* [11]) модальний перенос чуттєвої інформації в образній інстанції твору літератури з наявних у ній проявів певного виду мистецтва на одиниці іншої знакової системи, за якого, зрештою, формується окрема *співучасть* — відбувається значеннєва аналогізація, що, власне, виявляється фактором і почасти матеріалом розбудови певного образу.

За спостереженням Е. Циховської над надбаннями польського красного письменства [12, с. 96–98], замісна присутність здатна поєднати в літературному матеріалі запах і музичні імпульси, утворити мальовничу музику або звукову, смакову чи дотикову візуальність тощо.

Притаманну синестезії детальну своєрідність певних компонентів механізму та закономірності функціонування і передусім смислотворення слід оприявнити в узагальненому аспекті. З перспективи наведених міркувань основний етап механізму, передбаченого якостями синестезії, полягає в базованому на індивідуальній асоціації [13, с. 103] конвертуванні різних позалітературних знакових систем. Стає дійовим передавання виражальністю літературного образу (наразі розбудованого в прозовому творі) змістовності певного дискурсу, вимірюваної складниками іншого дискурсу — поетикою окремого виду мистецтва, за умови взаємної сумісності та еквівалентності виражальних засобів цих двох позалітературних дискурсів, саме в такій співмірності явлених у літературі. Цій формальній реалізації синестезії відповідає і смислова морфологія, чия продуктивність виявляє програмну здатність до полівалентності і багатоаспектності у смисловій реконструкції.

Запропонована теза посилюється тлумаченням закономірностей феномена синестезії, узагальненою і розвиненою М. Уртмінцевою думкою про значущість культивованих аналогій на основі подібності відповідних емоційно-смислових, символічних оцінок. Тоді, відповідно до оригінальної, психофізіологічної, природи синестезії, введені до структури оповіді пластичні елементи стають опорою, або своєрідним «порогом» розширення смислу [14, с. 55]. Отже, у цьому випадку, за логікою дослідниці, результат синтезу, розбудованого у форматі законів і тенденцій синестезії, базується не на взаємному дублюванні поетики й образності, а на еквівалентному аналогізуванні емоційних констант реального буття стосовно одиниць поетики позалітературної творчості, оприявленому образним матеріалом літератури, та породженні в такий спосіб варіативних, а почасти й нових смислів при накладанні зіставлюваних видів мистецтва. Зі свого боку, закономірності механізму конвертування, а також зміст відповідних еквівалентів дозволяють виокремити порядок, тенденції та остаточний ефект смислопородження. У результаті цього процесуального алгоритму смислорух формується інформацією, одержаною від одночасного сполучення кількох виражальних систем.

У цьому поняттєвому контексті до постульованого прочитання синестезії в сенсі *принципу* імпліцитної організації синкретичного єднання (переважно мистецтв) доречно також долучити її підкреслений М. Уртмінцевою статус «функції трансформації принципів тексту», а в певних випадках — і основи його сформованого автором сутнісного, «сакрального змісту» [14, с. 58].

Цей процес відбувається й у тому аспекті художньої літератури, де ідентична модель реалізації наповнюється ізоморфним матеріалом генетично споріднених сфер культури, у та-

кому випадку — різних видів мистецтва, з-поміж яких для окремих творчих сфер невід'ємним компонентом став і колір — йому, за спостереженнями представників природничих наук [15], надаються властивості, яких він, за визначенням, не має. Його синестетичний потенціал відомий здебільшого в музикознавстві з досвіду притаманного деяким музикантам кольорового слуху [13, с. 102—103], себто здатності співвіднести якості музичного звучання та кольорових образів, тони та тональності музичного твору з певними кольорами й масштабніше — настроєвий зміст мелодії з кількісною палітрою кольорів, де сумному мотиву «личать» холодні, неяскраві кольорові відтінки, а веселому, відповідно, — яскраві та теплі. Ця здатність відрізняє, наприклад, творчість Вагнера, Дебюссі, Скрябіна — саме в його симфонічній поемі «Прометей» був виписаний нотами спеціальний кольоровий рядок, що під час виконання поеми, за задумом митця, мав демонструватися проекцією на екран кольорової гами, і цей прийом синтезу дістав назву «слухозорової поліфонії» [13, с. 258—259].

Соціальні коди надають кольорам максимум глибинних символічних значень, непорушних у процесі культурного розвитку, якими обумовлюються глибинні іманентні смисли їхнього вживання [16, с. 122]. Надійне підґрунтя для актуалізації явища синестезії, приміром у царині колористики та художньої літератури і ствердження відповідної йому методології дослідження, маємо розпізнати в позиції Емпедокла, який, за спостереженням В. Фесенко, включив у проблему сприйняття смислу кольору моменти відчуття людини [16, с. 15]. Ефективною опорою для подальшого розвитку цієї тези в мистецтвознавчому дискурсі стає творче переконання В. Кандинського про здатність кольору створювати психологічні ефекти [17]. Водночас стає суттєвим і простежений у мистецтвознавстві аспект «вимірового» потенціалу кольору, оприявленого однодумцем В. Кандинського, іншим представником творчої думки — художником-кубістом П. Клеє, відповідністю кольору та ліній [16, с. 99], у живописі — паритетних для нього з емоційністю зображення. Синестетичний потенціал кольору опинився у фокусі низки творчих осмислень різних часів — передусім Леонардо да Вінчі, Л.-Б. Альберті, Ван Гога, Д. Дідро, К. Малевича, А. Матісса, П. Пікассо, чиїм досвідом торувався універсальний шлях висвітлення цього матеріалу в різних національних літературах [детальніше про це:18].

Таким чином, колір промовисто виявляє синестетичну різноспрямованість придатністю й до асоціацій із чуттєвою сферою, явленою вимірами людських емоцій. Вагому роль у цьому асоціативному виваженні відіграють явлені в епістолярному дискурсі усталені універсальні колективні коди власних значень, похідних від міфологізації кольорів, за підсумком В. Фесенко здатних передбачити в білому — життєдайне світло й тріумф відродження, в чорному — амбівалентність між захищеністю Всесвітом, всеосяжною сукупністю темряви та злими чарами, містицизмом, у золотому — божественну суть, у фіолетовому — витонченість, близьку мистецтву, у жовтому — святковість [16, с. 11—15]. У цій конвенції значення кольорів, щоправда, не набули безпосередньої зосередженості на емоційності, однак, вочевидь, сформували потенціал репрезентативності й достеменності в її опосередкованому або симптоматичному позначенні.

Наголошений наразі логічний консенсус легітимізує, таким чином, суттєву позицію, за якою колір, на відміну від фактора формування почуттів у реципієнта, виступає одночасно мірилом суті, ознакою емоцій, закладених автором-синестетом у художньому творі, втілених у ньому, а за такої відповідності — й інструментом передавання всього обсягу емоційності та психологізму, закодованого в значеннєвому полі, й в інверсійному порядку, безумовно, симптоматичному та семантично показовому для увиразнення цього значеннєвого поля.

Власне, в їхньому горизонті колір не просто має власну «конвенціональну» або ситуативну значеннєву домінанту і нею включається в смислопородження, а натомість перед цим смислорухом попередньо неодмінно приводиться в еквівалентну співмірність із проявом іншої системи мір і в цьому смислопороджуванні виступає як її мірило. І в переході значень при цьому конвертуванні, власне, зрушується семіозис, скерований надалі до нарощення за рахунок семантичного поля кольору тієї смислової потужності його інодискурсивного еквівалента, який, власне, має з цим кольором асоціюватися, аналогізуватися й почасти ототожнюватися.

В емпіричному аспекті потенціал синестезії яскраво й переконливо актуалізується в романному доробку М. Павича — представника першої хвилі авторського експерименту в прозовому жанрі сербського національного літературного процесу на зламі XX—XXI ст. Цей творчий потенціал очевидний для твору «Краєвид, мальований чаєм», де певні образні пун-

кти наснажуються еквівалентністю стосовно виражально-смислової взаємозаміни смакових та когнітивних констант, визначальних для ремарки, ніби «добре вино має залишати на губах терпкий присмак математичної помилки» [19, с. 130].

Між тим найосяжніший план зі співвідношенням кольору та смаку, де фігурують «фарби, вірніше, сорти чаю»² [19, с. 228], якими утворюються виміри асоціації із зоровим образом пейзажу, або конкретніше малюнка, укладається в долі архітектора на ім'я Атанасій Разін, здатного малювати чаєм. «На обкладинці кожного зошита арх. Разін намалював по пейзажу, і ці <...> роботи на перший погляд нагадували акварелі, але <...> це не акварелі <...> Отже, ми наближаємося до ключового місця <...> Внизу, біля краю малюнка рукою архітектора Разіна було написано Camelia sinanis. То був краєвид, намальований чаєм <...> Він сповна відмовився від фарб, принаймні в класичному значенні цього слова. Архітектор, безсумнівно, користувався пензлем з голок їжака; воду в річці він зобразив, зануривши пензель у 'тропанс' – темний фруктовий чай, який він змішував зі світло-рожевим апельсиновим чаєм та яскраво червоним ібіскусом. Виноградники намальовані густим відтінком лілового 'ісопу' з ромашкою – у цей спосіб він добився, так званого, кольору 'післяопівдневої зелені'. Небо писалося пензлем з телячого вуха, який змочувався у трохи розбавленому чаї сорту 'соучунг', зібраного в травні, змішаного зі швидко висушеним зеленим. Чай із лотосу послужив арх. Разіну для зображення будівлі, а берег намальований російським чаєм <...> і китайським, зібраним на висоті двох тисяч метрів над рівнем моря. Камені позначені так званим 'чайним шампанським' – знаменитим чаєм 'дарджилінг'» [19, с. 155–158].

І до того ж у сюжетних перипетіях висвітлення змісту іншого Разінового альбому здійснюється так само: «Пейзаж, намальований чаєм на обкладинці цього зошита <...> це картина морського берега з багатьма прилеглими островами і хмарами, які пливуть у небі, немов човни <...> Для зображення моря використано з десяток сортів чаю. З першого погляду можна розпізнати 'китайський чорний чай', нанесений доволі густим шаром; сильно розбавлений 'Earl gray'; настій чорнильної травки, яка використовується охололою, або, можливо, до заварювання, лише замоченою в мінеральній воді; зелений мате, нанесений рясно на позначення гри морської води; інші ж сорти, такі як бурий фруктовий чай 'топтранс' і <...> чай 'зимові сни' були розлиті дерев'яною ложечкою, аби утворити основу малюнка. Для зображення островів і материка використані золотистий 'непальський', трохи 'Маргаритиних надій' і 'Піна колада' темночервоного кольору. Небо мало колір барви 'бенджа' — чаю з гашишу, змішаного із сортом 'самба па', з додаванням дорогого російського білого чаю, яким роздратовують мисливських собак. Підбрюшшя хмар було підкреслене китайським чорним пилом» [19, с. 227—228].

¹ «'Добро вино мора оставити у устима опор укус математичке грешке'».

² «боје, то јест чајеви».

³ «На корицама сваке од њих арх. Разин је насликао по један предео и ти <...> радови подсећали су, на први поглед, на аквареле, али <...> то нису акварели <...> И тако сада долазимо до кључног места <...>. Испод руба слике арх. Разин је написао: Camelia sinansis. То је био предео сликан чајем <...> он се потпуно одрекао боја, бар у оном класичном значењу речи. Арх. Разин употребио је овде очигледно четку од јежеве длаке; воду реке израдио је умачући четку у 'тропанас' — мрки воћни чај — мешајући га са 'слатком наранџом', свветлоружичасте боје и јакоцрвеним ибискусом. Виногради су приказани у мрким бојама љубичастог 'исопа' с камилицом; тако је добивена такозвана 'поподневна зелена'. Небо је било сликано четком од телећег уха, јако разблаженим чајем 'соучунг' који је бран у мају, и брзо прженим зеленим чајем. Лотосов чај је послужио арх. Разину за сликање грађевине, а обала је насликана руским чајем <...> и кинеским чајем, браним на 2000 метара надморске висине. Камен је дат такозваним 'чајним шампањцем', чувеним чајем 'дарџилинг'».

⁴ «Предео сликан чајем на корици ове свеске <...> је то слика приморског подручја пуног острвља и облака који лебде као чунови у небу <...>. За сликање мора било је употребљено десетак врста чајева: на први поглед могли су се разазнати 'кинески црни чај', у веома густом наносу 'Earl gray', сасвим разблажен, 'калуђеричица', употребљена хладна, или можда пре кувања, само потопљена у киселу воду, зелени 'мате', обилато наношен тако да је давао прелив мору, док су мрки воћни чај 'тропанс', <...> 'зимски снови', разливани дрвеном кашичицом да би послужили као основ. За сликање острвља и копна коришћени су 'златни непал', мало 'Маргаритине наде' и 'Pina colada', мркоцрвене боје. Небо је носило боје 'бенџа' — чаја од хашиша мешаног са чајем званим 'самба па' уз употребу скупоценог руског белог чаја, којим се раздражују хртови. Потрбушје облака било је подвучено кинеском чајном прашином».

Декілька інших пейзажних замальовок знову виконується саме чаєм: на них «небо <...> написане ушипливим чаєм, що має назву 'воронові кігті' або 'шпора' (Calcatripae flos). Висушений на протязі в затінку, він дає дивовижний темно-блакитний колір. Для східного краю неба використаний товчений барвінок, настояний на червоному вині й нанесений пальцем. Зелень біля підніжжя пагорба і ліс архітектор Разін написав, використавши чай 'пекое', зібраний у травні, з додаванням 'куркуми', потім мисливський чай, зелений 'мате', 'манго', 'маракуя'-чай і м'яту, настояну три дні. Сама будівля розфарбована ромашковим чаєм, до якого додано трохи слабкого китайського чаю, прозваного 'зміїне джерело', а світліші переходи виконані алтеєм» [19, с. 324—325].

Таким чином, висвітлений з окресленої теоретико-методологічної перспективи новаторський творчий експромт у романній творчості М. Павича засвідчує одну з провідних позицій митця у збагаченні художнього досвіду синестезії в дискурсі сербського постмодерністського роману й у парадигмі компаративістичних експериментів.

Список використаної літератури

- 1. Международное общество синестезии: материалы [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://mitpress.mit.edu/e-journal/Leonardo/home.html (останнє звернення 20.08.2019).
- 2. Мелько Х.Б. Типологія засобів відображення синестетичних уявлень людини в постмодерністському художньому дискурсі (на матеріалі англійської та української мов): автореф. дис. ... канд. філол. наук / Х.Б. Мелько. К., 2010. 23 с.
- 3. Мерло-Понті М. Феноменологія сприйняття / М. Мерло-Понті. К.: Український центр духовної культури, 2001. 552 с.
- 4. Мићуновић Љ. Синестезија / Љ. Мићуновић // Речник књижевних термина: стилске фигуре и други књижевни изрази. Београд: Нолит, 2000. 908 с.
- 5. Гром'як Р.Т. (укл.). Літературознавчий словник-довідник / Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін. К.: Академія, 1997. 752 с.
- 6. Ковалів Ю.І. (укл.). Літературознавча енциклопедія: у 2 т. К.: Академія, 2007. Т. 2. 624 с.
- 7. Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса / П. Анри // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. М.: Прогресс. 1999. С. 158–183.
  - 8. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- 9. Пеше М. Прописные истины: лингвистика, семантика, философия / М. Пеше // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 225–291.
- 10. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность [Електронний ресурс] / Б.М. Галеев // Leonardo Electronic Almanac. 1999. Vol. 7, № 6. Режим доступу: http://prometheus.kai.ru/mif_r.htm (останнє звернення 20.08.2019).
- 11. Эпштейн М.Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре / М.Н. Эпштейн. СПб.: Алетейя, 2001. 262 с.
- 12. Циховська Е.Д. Генеза синестетичних синтагм у літературному творі / Е.Д. Циховська // Вісник Запорізького національного університету: Філологічні науки. 2009. № 2. С. 95—99.
- 13. Медушевский В.В. Энциклопедический словарь юного музыканта / В.В. Медушевский, О.О. Очаковская. М.: Педагогика, 1985. 352 с.
- 14. Уртмінцева М. Екфразис як рецептивна установка тексту (до проблеми організації художнього простору) / М. Уртмінцева // Екфразис: вербальні образи мистецтва / за ред. Т.В. Бовсунівської. К.: Видавництво «Київський університет», 2013. С. 47—62.

⁵ «Небо <...> насликано је отровним чајем званим 'вранини нокти' или 'мамузица' (Calcatripae flos), који је сушен на промаји у хладу и дао је чудно тамноплаву боју. За источни руб неба употребљен је дробљени зимзелен преливен црним вином и нанет прстом. Зелено подручје ловишта и шума насликао је арх. Разин користећи чај 'пекое', убран у марту, с додатком 'куркуме', затим ловачки чај, зелени 'mate', 'манго', 'maracuja' чај и нану, која је одлежала три дана. Сама грађевина бојена је камилицом у коју је додато мало мршавог кинеског чаја званог 'змајев извор', а светлији преливи дати су белим слезом».

- 15. Миронова Л.Н. Учение о цвете / Л.Н. Миронова. Минск: Вышэйшая школа, 1993. 463 с.
- 16. Фесенко В.І. Література і живопис: інтермедіальний дискурс / В.І. Фесенко. К.: Видавничий центр КНЛУ, 2014. 398 с.
- 17. Кандинский В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. **Л.: Ленинградская гале**рея, 2016. 96 с.
- 18. Білик Н.Л. Стратегії компаративістики в сербському романі порубіжжя XX–XXI сторіч / Н.Л. Білик. К.: Освіта України, 2018. 692 с.
  - 19. Павић М. Предео сликан чајем / М. Павић. Београд: Плато, 2012. 401 с.

SYNESTHESIA IN THE NOVEL BY M. PAVIĆ: "LANDSCAPE PAINTED WITH TEA"

Nataliya L. Bilyk, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: nnbilyk@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-9

Key words: synesthesia, color, comparative studies, M. Pavić

Synesthesia is considered one of the effective types of intermedia. The content of the concept focuses on the rapprochement of the two sensor spheres or on their merger with the simultaneous action of the analyzers, and the determining weight is recognized by the valuable personal principles of the carrier of such property. Synesthesia, as an essential feature of artistic thinking, facilitates the performance of compensatory functions by indirectly compensating for the incompleteness of the sensuality itself in the monosensory arts, the substitute presence is able to combine smells and musical impulses in the literary material, to produce colorful music, or to sound, taste or touch visuals and the like. The specific nature of certain components of the mechanism and the patterns of functioning inherent in synesthesia, and above all, meaning-making, should be accepted in a generalized aspect. From the perspective of the above considerations, the main stage of the mechanism provided by the qualities of synesthesia is based on an individual association. The result of synthesis, developed in the format of the laws and trends of synesthesia, is based not on the mutual duplication of poetics and imagery, but on the equivalent analysis of the emotional constants of real being with respect to the units of poetry of extraterritorial creativity, the manifested figurative material of literature, and the origin of meanings when imposing comparable types of art. This process also takes place in the aspect of fiction, where an identical model of realization is filled with isomorphic material of genetically related spheres of culture, in which case – different types of art, where color plays a significant role. The synesthetic potential of color has been the focus of a number of creative reflections of different times - most notably Leonardo da Vinci, L.-B. Alberti, Van Gogh, D. Diderot, K. Malevich, A. Matiss, and P. Picasso, Color expressively reveals a synesthetic diversity of applicability to associations with the sensuous sphere, manifested by the measurement of human emotions. The universal collective codes of eigenvalues derived from color mythology play a significant role in this associative weighing of manifestations in epistolary discourse. Color does not simply have its own "conventional" or situational value dominant, and it is included in the meaning generation, but instead, this sense movement is inevitably brought to equivalence with the manifestation of another system of measures, and in this sense it acts as its measure. In empirical terms, the potential of synesthesia is vividly and convincingly actualized in the novel by M. Pavić, a representative of the first wave of the author's experiment in the prose genre of the Serbian national literary process at the turn of the 20-21th centuries. This creativity is evident in the novel "Landscape Painted with Tea", where certain imaginative points are equated with equivalence with respect to the expressive-semantic interchange of taste and cognitive constants. M. Pavić's innovative creative experience testifies to one of the leading positions of the artist's novel creativity in enriching the artistic experience of synesthesia in the paradigm of comparative experiments and in the discourse of the Serbian postmodern novel.

References

- 1. Mezhdunarodnoe obshchestvo sinestezii: materialy [International synaesthesia society: materials]. Available at: http://mitpress.mit.edu/e-journal/Leonardo/home.html (Accessed 20 August 2019).
- 2. Mel'ko, H.B. *Typologija zasobiv vidobrazhennya synestetychnyh uyavlen' ljudyny v postmodernists'komu hudozhnjomu dyskursi (na materiali anglijs'koi ta ukrains'koi mov)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Typology of reflective devices of human's ideas in postmodern discourse (based on the material of English and Ukrainian languages). Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kyiv, 2010, 23 p.

- 3. Merlo-Ponti, M. *Fenomenologija sprijnjattja* [Phenomenology of Perception]. Kyiv, Ukraïns'kij centr duhovnoï kul'turi Publ.. 2001. 552 p.
- 4. Mićunović, Lj. Sinestezija [Synaesthesia]. Mićunović, Lj. (ed.). Rechnik kњizhevnih termina: stilske figure i drugi kњizhevni izrazi [The dictionary of literary terms: stylistic figures and other literary expressions]. Beograd, Nolit Publ., 2000, 908 p.
- 5. Grom'jak, R.T. (ed.). *Literaturoznavchij slovnik-dovidnik* [Literary dictionary guide]. Kyiv, Akademiya Publ., 1997, 752 p.
- 6. Kovaliv, Yu.I. (ed.). *Literaturoznavcha enciklopediya: U 2 tomah* [Literary encyclopedia: in 2 volumes]. Kyiv, Akademiya Publ., 2007, vol. 2, 624 p.
- 7. Anry, P. Otnositel'nye konstrukcii kak svyazujushhie elementy diskursa [Relative designs as connecting elements of a discourse]. Serio, P. (ed.). Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa [The Quadrature of Sense: French School of the Analysis of a Discourse]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 158-183.
  - 8. Foucault, M. Arheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. Kyiv, Nika-Centr Publ., 1996, 208 p.
- 9. Peshe, M. *Propisnye istiny: lingvistika, semantika, filosofija* [Common truths: linguistics, semantics, philosophy]. *Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Sense: French School of the Analysis of a Discourse]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 225-291.
- 10. Galeev, B.M. *Chto takoe sinestezija: mify i real'nost'* [What is Synaesthesia: myths and a reality]. Leonardo Electronic Almanac, 1999, vol. 7, no. 6. Available at: http://prometheus.kai.ru/mif_r.htm (Accessed 20 August 2019).
- 11. Epshtein, M.N. Filosofija vozmozhnogo. Modal'nosti v myshlenii i kul'ture [A Philosophy of the Possible: Modalities in Thought and Culture]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2001, 262 p.
- 12. Tsykhovs'ka, E.D. Geneza sinestetichnih sintagm u literaturnomu tvori [Genesis of synaesthetic syntagmas in literary work]. Visnik Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu: Filologichni nauki [Visnyk of Zaporizhzhya National University. Philological Sciences], 2009, no. 2, pp. 95-99.
- 13. Medushevsky, V.V., Ochakovskaya, O.O. *Enciklopedichesky slovar' yunogo muzykanta* [The Encyclopaedic Dictionary of the Young Musician]. Moscow, Pedagogika Publ., 1985, 352 p.
- 14. Urtmintseva, M. *Ekfrazis yak receptivna ustanovka tekstu (do problemi organizacii hudozhn'ogo prostoru)* [Ekphrasis as receptive orientation of the text (to a problem of the organization of art space)]. Bovsunivs`ka, T.V. (ed.). *Ekfrazis: verbal'ni obrazi mistectva* [Ekphrasis: verbal art images]. Kyiv, Vidavnictvo "Kiïvs`ky universitet" Publ., 2013, pp. 47-62.
- 15. Mironova, L.N. *Uchenie o cvete* [The Doctrine about Color]. Minsk, Vyshjejshaja shkola Publ., 1993, 463 p.
- 16. Fesenko, V.I. *Literatura i zhivopis: intermedial'nij diskurs* [Literature and Painting: Intermedialis Discourse]. Kyiv, Vidavnichij centr KNLU Publ., 2014, 398 p.
- 17. Kandinsky, V. *O duhovnom v iskusstve* [About Spiritual in Art]. Leningrad, Fond "Leningradskaja galereja" Publ., 2016, 96 p.
- 18. Bilyk, N.L. *Strategiï komparativistiki v serbs'komu romani porubizhzhja XX–XXI storich* [Comparativistics Strategy in Serbian Novel of a Boundary of the 20-21th centuries]. Kyiv, Osvita Ukrainy Publ., 2018, 692 p.
  - 19. Pavić, M. *Predeo slikan chajem* [Landscape Painted with Tea]. Beograd, Plato Publ., 2012, 401 р. Одержано 17.09.2019.

УДК 821.161.1-31

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-10

Ю.В. КОВРИГА,

преподаватель кафедры иностранных языков Харьковского национального аграрного университета имени В.В. Докучаева

«ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ» И ИХ РОЛЬ В ВЫЯВЛЕНИИ ПОДЛИННОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»

В статье рассматривается феномен «пограничных ситуаций» в экзистенции человека. Проанализированы литературоведческие работы, посвященные изучению этого явления в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, произведения которых представляют сокровищницу русской классической литературы. В статье изучается роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» сквозь призму экзистенции, «пограничных ситуаций» и кризисных периодов. Нами установлены психические, мировоззренческие и поведенческие изменения персонажей, которые столкнулись с подобными ситуациями. Кроме этого, в изучаемом нами романе репрезентирована мысль, что жизнь может и должна продолжаться, несмотря ни на какие политические и экономические потрясения вокруг.

Ключевые слова: «пограничные ситуации», сущность человека, экзистенциализм, ситуация выбора, внутренний конфликт.

У статті розглядається феномен «пограничних ситуацій» в екзистенції людини. Ми дали короткий опис явища «пограничних ситуацій» за словами автора цього терміна — К. Ясперса. У статті подано короткий аналіз деяких праць літературознавців, які вивчали «пограничні ситуації» у творчості Л.М. Толстого і Ф.М. Достоєвського, твори яких являють собою скарбницю російської класичної літератури. На думку дослідників, ці митці є основоположниками екзистенційного напряму в літературі Росії.

Основна мета нашої статті — проаналізувати роман Л. Улицької «Даніель Штайн, перекладач» крізь призму екзистенції, «пограничних ситуацій» і кризових періодів. У ході нашого дослідження ми встановили вплив «пограничних ситуацій» на зміну внутрішньої сутності людини, психічні, світоглядні та поведінкові зміни персонажів.

Хронотоп війни— одна з переважаючих «пограничних» ситуацій у романі. Ми відзначили, які незворотні зміни відбуваються з людиною— її світогляд змінюється, багато що втрачає свою значущість і цінність.

Крім того, автор книги торкається проблеми внутрішнього конфлікту, який виникає тоді, коли потрібно зробити вибір між добром і злом і за таких обставин бути готовим відповідати за нього.

3 нашої точки зору, найбільш руйнівним впливом війни було те, що людина починала звикати до стану війни та смерті навколо себе. Її сприйняття світу змінювалося, жорстокість навколишньої дійсності сприймалася як звичайне і буденне явище.

Ще одним вектором розуміння «пограничних ситуацій» у романі є хвороби, які змушують героїв по-іншому подивитися на те, чим наповнене їхнє життя— робота, справи, суєта. Сумна реальність полягає в тому, що люди втратили цінність близькості та спілкування, і лише тягар хвороб і подібних життєвих негараздів здатний відкрити людські очі на життєво важливі речі.

У ході нашого дослідження ми також помітили, що персонажі розглядають власні хвороби як щось корисне— це своєрідний період переосмислення свого життя, зміни ієрархії цінностей.

Більше того, автор роману подає на розгляд читача неймовірно важливу ідею – життя може і має тривати, незважаючи на будь-які політичні та економічні катастрофи навколо.

Ключові слова: «пограничні ситуації», сутність людини, екзистенціалізм, ситуація вибору, внутрішній конфлікт.

В философии экзистенциализма одной из ключевых категорий является понятие «пограничная ситуация». Этот термин в научный оборот ввел немецкий философ Карл Ясперс в своей книге «Разум и экзистенция». Согласно размышлениям К. Ясперса, человек всегда находится в какой-то ситуации, просто невозможно существовать вне ситуации как таковой. Философ отмечает, что человек на протяжении жизни сталкивается с двумя типами ситуаций. Первый тип относится к разряду контролируемых, это те ситуации, с которыми человек справляется. Второй тип подразумевает невозможность что-либо предпринять, «это ситуации, из которых мы не можем выйти, которые не можем изменить». Именно такие состояния К. Ясперс называет «пограничными ситуациями» [1].

К. Ясперс изучал поведение людей в ситуациях этих двух типов и обратил внимание на их кардинальное различие. Попадая в ситуации первого типа, человек начинает строить планы и предпринимать некие конкретные действия. При попадании в «пограничную ситуацию» человек проходит несколько этапов — сокрытия, постижения неизбежного и принятия происходящего. Последнее предусматривает внутреннее изменение самого человека. Так, В.В. Мануковский в статье «"Пограничная ситуация" и "подлинное бытие" в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова» приходит к выводу, что, соприкоснувшись с феноменом «пограничной ситуации», «человек переживает величайшее душевное потрясение, отрешается от рутинной повседневности, преодолевает ее границы и в итоге совершает личностный прорыв к трагической сути бытия» [2, с. 127]. Только в моменты потрясений, страданий, опасности для жизни и т. п. раскрывается подлинная сущность человека.

Не случайно многие ученые изучают «пограничные ситуации» именно как средство раскрытия сущности человека, прослеживая происходящие в нем, его внутренние перемены [3; 4].

Понятие «пограничная ситуация» является объектом изучения таких наук, как философия, психология и социология, органично входя в круг рассматриваемых ими вопросов. Литературоведы же обращаются к анализу «пограничных ситуаций», воплощенных в художественном тексте, видя в них возможность создания модели поведения человека, используя которую, автор как бы дает подсказку читателю, как принять и пережить происходящее, где найти силы, чтобы справиться с неизбежным.

Так, Е. Фаленкова, анализирует подобные ситуации в творчестве Л.Н. Толстого, в котором она видит «предшественника экзистенциализма» [5, с. 126]. Она отмечает, что работы великого русского писателя всегда были объектом пристального внимания исследователей, но особый интерес для тех литературоведов, кто занимается изучением вопросов экзистенции, представляет его автобиографическое произведение «Исповедь», в тексте которого раскрывается значение «пограничной ситуации» и определяются «моменты обессмысливания человеческой жизни» [5, с. 126].

Не случайно к этому тексту Толстого обращались представители европейского экзистенциализма А. Камю и М. Хайдеггер. А. Камю, в первую очередь, интересовало толстовское видение проблемы суицида. М. Хайдеггер направлял свой исследовательский интерес в сторону толстовской интерпретации философии смерти.

Мы вполне разделяем точку зрения Е.В. Фаленковой, что в художественных произведениях Л.Н. Толстого в концентрированном виде представлены вопросы и ситуации, являющиеся основополагающими в «философии жизни». В ходе анализа литературовед обозначает их ключевые элементы: тревога; страх; безнадежность; мотивы одиночества и отчуждения; борьба противоречий; кризисные ситуации, которые влекут за собой перелом в сознании героев. Е. Фаленкова, рассматривая произведения Л.Н. Толстого разных периодов, отмечает, что кризисные ситуации буквально пронизывают позднее творчество писателя, и подчеркивает, что для Толстого было важно не просто отметить, что чрезвычайные обстоятельства выбивают человека из привычной колеи, но и, в первую очередь, проследить изменения, происходящие в его мыслях и чувствах. Кроме этого, по мнению Е.В. Фаленковой, в поздних произведениях писателя особо яркое воплощение нашли остросоциальные, индивидуально-личные, религиозные и гуманистические проблемы того времени.

Особый интерес для нашей работы представляет наблюдение исследовательницы относительно физического чувства тошноты, которое испытывают герои Л.Н. Толстого при столкновении с «совершенно абсурдными для их сознания ситуациями» [5, с. 128], в переломные моменты жизни, поскольку нечто похожее мы находим в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

Одним из первых в русской литературе, кто «выступил как носитель экзистенциального сознания, реализующего себя в принципиально новых по сравнению с предшественниками текстовых моделях и жанровых образованиях», А.Н. Кошечко называет Ф.М. Достоевского [6, с. 192]. Исследовательница не только обращает внимание на «пограничные ситуации» в его произведениях, но и анализирует психогенетические и мировоззренческие особенности личности писателя, которые играют ведущую роль в генезисе его экзистенциального сознания.

Тезисно изложим выводы, к которым приходит А.Н. Кошечко в статье. Так, с ее точки зрения, «эпилептическая конституция психики и резкие перемены настроения» Ф.М. Достоевского играли ведущую роль в его восприятии действительности и реакции на происходящее [6, с. 194]. Кроме того, автор статьи отмечает, что жизненный опыт писателя сам по себе «является уникальным примером переживания целого ряда "пограничных ситуаций": детство в Московской больнице для бедных, смерть матери, трагическая гибель отца, ожидание исполнения смертного приговора на эшафоте, каторга, ссылка и прочее» [6, с. 194]. В то же время она полагает, что особенно важными являются здесь не количественные, а качественные характеристики: «Непрерывное смещение ценностных ориентиров, наслоение одних нормативных принципов на другие, нахождение в "пограничных ситуациях", угрожавших ему нравственной смертью, — все это определило основную мировоззренческую задачу Достоевского — самоопределиться идеологически, философски, устоять духовно, нравственно, не ожесточиться, не стать человеконенавистником, рассчитывать только на себя» [6, с. 194].

Таким образом, интерес Ф.М. Достоевского к «пограничным ситуациям» и их роли в выявлении человеческой сущности был связан не только с его собственным опытом проживания этого состояния, но и с тем, что сам писатель жил и творил в эпоху экономических и нравственных потрясений (А.Н. Кошечко, в частности, обращает внимание на 1860—1870 годы). Исследовательница делает вывод, что, по Достоевскому, в ходе проживания «пограничных ситуаций», человек самоопределяется относительно двух доминант — преступник или жертва, причем в большинстве случаев это связано с «трагическими последствиями нравственной дезориентации» [6, с. 195]. А.Н. Кошечко полагает, что человек сознательно принимает роль жертвы, чтобы не стать преступником, и что любой человек в кризисный момент может стать жертвой: «он уже изначально, до ситуации преступления, жертва эпохи, "трагической минуты". Следовательно, для Достоевского быть или не быть жертвой — это экзистенциальный выбор в "пограничной ситуации" перед лицом смерти» [6, с. 195].

Мы рассмотрели работы литературоведов, посвященные изучению образцов классической русской литературы в русле экзистенциализма. Целью нашего исследования является анализ «пограничных ситуаций» в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

В литературоведении практически отсутствуют работы, посвященные изучению экзистенциальных вопросов в творчестве Л. Улицкой. К примеру, М.Н. Мотамедния исследовала экзистенциальную проблематику малой прозы Улицкой [7]. Исследование же феномена «пограничных ситуаций и вовсе отсутствует. С нашей точки зрения, крайне важно исследовать этот вопрос в творчестве современной русской писательницы, поскольку в ее работах на эксплицитном и имплицитном уровнях красной нитью проходят вопросы, связанные с экзистенцией человека, и немаловажное место среди них отводится «пограничным ситуациям».

Художественный мир романа насыщен вопросами экзистенциального характера, «пограничными ситуациями» и кризисными периодами, в которых обнажается внутренняя сущность героев. В качестве показательного примера можно назвать превалирующий в произведении хронотоп войны. Он, как лакмусовая бумага, обнажает человеческие пороки и слабости, дает им возможность проявиться в полной мере.

Война всегда связана с болью, страданием, потерями, горем, которые, в свою очередь, не могут не оставить отпечатка на человеческих судьбах: «Война ужасные вещи проделала с людьми, даже если они уцелели физически, но души у всех покалеченные. Кто стал жесток, кто труслив, кто отгородился от Бога и мира каменной стеной» [8, с. 182]. За этой «каменной стеной» люди не видели никого и ничего. Работа мозга была направлена на решение одного-единственного главного вопроса: «Как выжить? Что сделать, чтобы спастись САМОМУ?». Зачастую человек не задумывался о том, что рядом с ним есть другие люди, которые проживают те же горести войны. Не было желания сплотиться, объединить

силы и постараться выжить вместе — животный страх за свою жизнь намертво сковывал души людей и толкал их на низкие поступки: «Еще одно поразительное и печальное обстоятельство касается общей атмосферы того времени и того места: на мой стол текли потоком заявления от местных жителей — доносы на соседей, жалобы, обвинения, почти всегда безграмотные, часто лживые и все без исключения подлые» [8, с. 236]. Отдавая своих знакомых и соседей в кровожадные жернова военных реалий, массовых расстрелов и ссылок, люди имели надежду откупиться, отвести от себя всякие подозрения, принеся жертву Богу войны. Но ирония судьбы состояла в том, что подобные подлые уловки не давали полной уверенности в завтрашнем дне, и «справедливость все же торжествует» [8, с. 165].

В романе четко, причем не единожды, репрезентирована эта мысль. Подобное мы наблюдаем в эпизоде с Гражиной и Мочульским. Гражина во время войны полтора года прятала мужа в подвале, но сосед Мочульский выследил ее и стал шантажировать. Однако за все в жизни приходится платить: «Господь с Мочульским распорядился по справедливости: он попал к русским в лагеря после войны, тоже по какому-то доносу, и его бандиты зарезали в лагере году в 47-м» [8, с. 181].

Иногда человек попадал в безвыходную ситуацию и был вынужден идти против своей совести: «Я был в большом затруднении. Подошел к старосте, объяснил ему, что кто-то должен умереть. И если он найдет двух, это может спасти жизнь двадцати» [8, с. 615]. В такую ситуацию поневоле попал Даниэль Штайн, когда был переводчиком в отделении немецкой полиции. Ее жертвами стали «местный дурачок» и лесник. Последний несколько лет назад выдал мальчика, стрелявшего по немцам. Полицейские тогда по доносу лесника нашли мальчика и расстреляли его. И опять-таки злая усмешка судьбы: «предатель сам становится жертвой» [8, с. 615].

Участие в подобных акциях влекло за собой необратимые изменения в психике людей. То, что невозможно стереть из памяти, вычеркнуть и пережить, становилось отныне частью их самих. Так, Даниэль всю жизнь мучился воспоминаниями о том, что, спасая двадцать человек, он загубил две невинные души.

Если Даниэль стал заложником ситуации, оказавшись поневоле вовлеченным в убийство людей, то Улицкая в романе изображает и состояние тех, кто делал это систематически, по долгу службы. Среди них начальник белорусской полиции Семенович. Обращает на себя внимание тот факт, что его чувства относительно собственного непосредственного участия в убийствах людей были противоречивыми. Мы наблюдаем некое раздвоение: с одной стороны, муки совести, терзавшие Семеновича, заставляли его напиваться каждый раз после участия в подобных акциях, чтобы хоть на время заглушить «жестокие страдания», которые он испытывал: «Это были не только физические страдания, и не только нравственные. Нет, пожалуй, это было неразделимо. Адские страдания» [8, с. 183]. Позже Улицкая дает иную характеристику Семеновича, противоречащую ранее заявленной, диссонирующую с ней: «Он был, конечно, идеальным полицейским: его душа не испытывала никаких беспокойств по поводу проводимых антиеврейских акций» [8, с. 231].

Это не единственный персонаж в романе, который проявляет двойственность относительно вопроса, связанного с убийством людей, принадлежавших к еврейской нации. Майор Адольф Рейнгольд приехал в город Омск в качестве нового начальника гестапо. Знакомя читателя с этим персонажем, писательница дает ему довольно положительную характеристику: «Член нацистской партии, по природе своей он был добропорядочный человек и добросовестный исполнитель. <...> он избегает участия в акциях по уничтожению еврейского населения, а когда присутствует, пытается соблюсти видимость законных действий и обойтись без лишних жестокостей» [8, с. 236], которая дает возможность читателю увидеть в нем человека в общем и целом порядочного (если бы не довольно настораживающее замечание о том, что он «добросовестный исполнитель»). Но все оказывается не так просто, и Улицкая как бы невзначай добавляет небольшой штрих к его портрету: «Майор Рейнгольд, чтобы избежать излишней жестокости и, как он выражался, "свинства", обязал команду непременно собирать всех евреев и зачитывать приказ, объявлявший их врагами Рейха, и – в качестве таковых – расстреливать. Сам он избегал подобных мероприятий и посылал вместо себя своего вахмистра, которой как раз и *отличался особым садизмом*» [8, с. 239] (курсив наш – Ю.К.). Таким образом, ситуация проясняется: «добропорядочный»

человек, который не любит жестокости и насилия, стараясь избегать участия в расстрелах евреев, отправляет вместо себя своего вахмистра, откровенного садиста, проявлявшего к евреям особую жестокость. Сущность майора Рейнгольда такова, что его пресловутая «добропорядочность» с легкостью уступает место «добросовестности исполнителя».

На примере майора Рейнгольда и начальника белорусской полиции Семеновича Улицкая намечает внутренний конфликт, заключающийся в стремлении быть порядочным, сострадательным человеком и необходимостью играть роль хладнокровного убийцы, который, кажется, без особого труда разрешается в пользу последнего. И если Семенович совершает убийства собственноручно, то майор, не желая быть запятнанным человеческой кровью, отправляет вместо себя настоящего профессионала. Отметим, что Улицкая подробно не характеризует внутренние переживания этих персонажей, а предоставляет возможность читателю сделать на этот счет самостоятельные выводы через решение ряда напрашивающихся вопросов: «Знал ли майор о жестокости вахмистра?», «Если знал, то почему посылала именно его?», «Что чувствовал Рейнгольд зная, что люди, которые по большому счету ни в чем не виноваты, подвергаются мукам перед смертью?» и пр.

Пример этих двух персонажей позволяет говорить о том, что человек «в решающем моменте, в самой сердцевине жизни» [8, с. 534] оказывается в ситуации выбора. И, делая выбор, он должен быть готов к тому, что ответ за его последствия придется держать именно ему. В подобной ситуации оказывается Рейнгольд, когда узнает, что Даниэль еврей. Не исключено, что его душа металась между необходимостью сдать Даниэля и желанием спасти этого юношу: «Дитер, вы толковый и смелый молодой человек. Дважды вам удалось избежать смерти. Может быть, вам повезет и в этот раз.

Этого я не ожидал. Это была удивительная реакция честного человека, находящегося в трудной ситуации» [8, с. 275]. В этой ситуации «добропорядочность» одержала верх над «добросовестным исполнителем».

Возвращаясь к вопросу о разрушительной силе войны, как в прямом, так и в переносном значении, отметим, что ее деструктивное влияние ощущали на себе не только те, кто так или иначе принимал в ней участие, но и те, на чьих глазах все это происходило: «Дикая была, всех боялась. Я думаю, у меня с психикой было не в порядке. А может, и теперь не в порядке. Дочь моя так и говорит: мама чокнутая» [8, с. 569]. Как мы отмечали выше, все страхи и ужасы, пережитые во время войны, навсегда становились неотъемлемой частью человека, безвозвратно меняя его.

Улицкая показывает, что, пожалуй, самые страшные психические изменения происходили оттого, что человек начинал привыкать к состоянию войны и смерти вокруг себя. Менялось его мировосприятие, жестокость окружающей действительности начинала восприниматься как явление привычное, рядовое, повседневное. И тогда люди хладнокровно меняли жизнь человека на 20 немецких марок (как тут не вспомнить 30 сребреников!). Психика людей оказывалась настолько искалеченной и обезображенной, что чужая (не своя!) жизнь не представляла для них никакой ценности: «А тем, кто евреев выдавал, 20 немецких марок давали и одежду с человека. У нас сосед Михей за тулуп хороший Нухмана-портного выдал» [8, с. 572].

Конечно, не все люди, сталкиваясь с тяжестью военного существования, теряли человеческое лицо. В художественной реальности романа «Даниэль Штайн, переводчик» встречаются отдельные персонажи, которые, рискуя собственной жизнью, старались спасти чужую. Так, Лея Пейсаховна рассказывает историю своего спасения: «Когда война началась, немцы сразу пришли, и Настенька (прислуга Леи Пейсаховны — Ю.К.) забрала меня к себе в деревню. Мне было 11 лет. Настя меня остригла, велела платочек носить голову покрывать, потому что волосы у меня были уж такие еврейские, а так подстрижена, не видню» [8, с. 569]. Подобное христианское милосердие и любовь проявили монахини к Даниэлю, спрятав его у себя на чердаке, когда он скрывался от немецкой полиции.

Но, к сожалению, подобные ситуации в романе крайне редки. Даже родные и близкие люди нередко проявляли низость и подлость. Так, сестра Настеньки, спасшей Лею Пейсаховну, всю войну шантажировала ее, угрожая, что выдаст ее «жидовочку» немцам, и Настеньке приходилось откупаться от нее: «Сунет Нюре что из продуктов или одежи что, она и уйдет» [8, с. 572].

Таким образом, Улицкая показывает, что люди во время войны условно разделились на две категории. Одни, как Мочульский, Михей и Нюра, думали только о собственном спа-

сении и собственной выгоде. Таких, к сожалению, было большинство (по крайней мере, так, очевидно, полагает автор романа). Другие не только в нечеловеческих условиях войны не потеряли человеческое лицо, но и проявили свои лучшие нравственные качества. Такой была мать Эвы Манукян Рита Ковач – резкая, непримиримая, верная и «до идиотизма» честная. В романе это довольно сложный человек, женщина с тяжелым характером, ужиться с которой в условиях нормальной жизни было крайне сложно. Но перед лицом смерти она проявляет свои лучшие качества: «Двое суток она тащила на себе раненого напарника, он умирал и просил его пристрелить, но она дотащила его до базы, где он умер через час. Кто на такое способен?» [8, с. 98]. Возможно, если бы таких людей во время войны было больше, наши потери были бы намного меньшими.

Еще один вывод, к которому мы пришли в ходе анализа романа: жизнь может продолжаться даже когда человек испытывает тяготы и лишения, даже в этой ситуации человек может найти в себе силы противостоять трудностям, учится обретать свое счастье: «Кругом лютая смерть, убивают и убивают, а мы как в раю» [8, с. 180]. И это крайне важно. Ведь если человек не может изменить ситуацию, он должен учиться к ней адаптироваться. Эта мысль репрезентирована в романе не единожды.

Так. Эва Манукян выяснила, что ее сын гей. Это открытие шокировало женщину, заполонив собой буквально все ее внутреннее пространство, вытеснив все сколь-нибудь позитивные чувства и эмоции. Эта ситуация разъедала ее изнутри, не давая возможности думать о чем-то другом и радоваться жизни. И в такой тяжелый для нее период судьба свела ее с Даниэлем. В его словах, которые пересказывает Эва, звучит принципиально важный совет, который всем нам стоит взять на вооружение: «Сказал, что мы никогда не знаем, какие у нас впереди еще испытания, болезни и трудности, и что было бы хорошо, если бы я научилась радоваться вещам, не связанными с семьей и отношениями с людьми. Чтобы я лучше смотрела на другие вещи: на деревья, на море, на всю красоту, что нас окружает, и тогда восстановятся порушенные связи» [8, с. 580].

Мысль о том, что «человек может быть счастлив вопреки давлению быта и эпохи» [9, с. 287], характерна не только для анализируемого романа. Так, А. Быков обратил внимание на присутствие подобной идеи в повести «Сонечка» [9, с. 287]. Анализируя сборник рассказов Л. Улицкой «Бедные родственники», А. Цуркан также обращала внимание на ее воплощение в ряде рассказов писательницы. Мнение исследовательницы, что для человека крайне важно «отыскать свою собственную нишу именно внутри общества и быть в ней счастливым» [10], во многом коррелирует с точкой зрения А. Быкова.

Действие в повести «Сонечка» и рассказах, вошедших в сборник «Бедные родственники», происходит в мирное время, когда жизни ничего не угрожает, тем не менее, проблема человеческого счастья остается в них актуальной. В романе «Даниэль Штайн, переводчик» персонажи оказываются в условиях ежеминутного соседства смерти, когда жизнь может оборваться в любой момент. Вопрос об умении быть счастливым, несмотря ни на что, здесь и сейчас (ведь других условий может и не быть, до них можно просто не дожить!) оказывается еще более актуальным.

Острые, кризисные ситуации переживают герои Улицкой не только во время войны. Жизнь персонажей романа, впрочем, как и жизнь реальных людей, представляет собой затяжной прыжок с вереницей неотложных дел, забот, среди которых не находится времени для родных и близких, для тех, кому это нужно сегодня и сейчас, а не тогда, когда все наши срочные дела будут сделаны. Авторская точка зрения по этому вопросу довольно прозрачна и легко «вычитывается» в романе, хотя Улицкая зачастую не формулирует ее прямо. Она присутствует на имплицитном уровне (и это характерно не только для анализируемого романа), и читателю нужно изменить угол зрения, научиться читать между строк. Основная идея, воплощаемая в романе, довольно проста: всегда нужно находить время для родных и близких, чтобы поговорить, выслушать, помочь или просто побыть рядом; не нужно ждать особого случая, ведь жизнь – чрезвычайно хрупкая вещь.

В романе особым случаем критической ситуации становятся болезни, которые заставляют персонажей обратить внимание на родных и освободить для них время. Нередко жизненная ситуация выглядит многосложной.

Так, у Эвы Манукян всю жизнь не складывались отношения с матерью, которая была рьяной коммунисткой и борцом за правду. Когда началась война, она, желая принимать в ней активное участие, сдала своих детей в детский дом, где они и выросли. Не сумев понять причины, побудившие мать отказаться от детей, Эва не может испытывать к ней нежные чувства: «Я навещаю ее раз в год. Высохшая старуха, волочит ногу, глаза по-прежнему горят. Я сжимаю зубы и провожу там три дня. Ненавидеть я ее перестала, а любить не научилась. Жалко, это да» [8, с. 92]. Их непонимание взаимно: как Эва не понимала свою мать в ее одержимой борьбе за идею, так и мать не могла понять образа жизни своей дочери: «Мне просто смешно смотреть на Эву — это жизнь пустой бабочки, она порхает от мужчины мужчине» [8, с. 95].

Неприятие взглядов другого человека и, что немаловажно, отсутствие желания понять друг друга определило и отношения героинь друг к другу: «Она меня не полюбила, а я ее просто возненавидела» [8, с. 86]. И только тогда, когда мать оказалась тяжело больна, ситуация несколько смягчилась, начала меняться. Проблема Эвы заключалась в невозможности простить: «Печальная правда заключается в том, что я не могу выбросить из головы обвинений, которые накопила к матери за всю жизнь» [8, с. 262]. Только смерть примирила Эву с матерью «по-настоящему» [8, с. 579].

Но, Эва — не единственный персонаж, чьи отношения с матерью стали возможны только после серьезного испытания болезнью. Можно вспомнить и помощницу Даниэля Хильду. В детстве она была очень одинокой девочкой, и с матерью они были «очень далеки», возможно, потому что младший брат Хильды очень болел и все свое время мама проводила с ним. Отчужденность в детстве сказалась на их отношениях и во взрослой жизни, поскольку у них не было опыта близкого общения. Но судьба посылает им серьезное испытание: у матери Хильды диагностировали онкологическое заболевание. Эта ситуация в корне все изменила: «Конечно, это ужасно, что ты так тяжело заболела, но я нахожу в этом и нечто хорошее — никогда у нас с тобой не было таких сердечных отношений. За тот месяц, что я провела с тобой, я гораздо лучше стала тебя понимать. И чувствую, что и ты меня тоже лучше понимаешь. Неужели для того, чтобы понимать друг друга, надо обязательно заплатить такую цену?» [8, с. 166].

Печальные реалии жизни (и не только романной) заключаются в том, что люди утратили ценность близости, общения. Высшую ступень в иерархии ценностей занимают другие вещи — работа, дела, увлечения. Нередко люди начинают понимать важные моменты в жизни, меняют что-то слишком поздно, когда осознают, что могут потерять родного человека навсегда: «<...> у него действительно были бесконечные романы на стороне, но теперь, когда Мирка так тяжело больна, он ведет себя безукоризненно» [8, с. 558]. Грустная правда жизни состоит в том, что только бремя болезней и подобные жизненные невзгоды способны открыть человеку глаза на важные вещи.

Еще один аспект, который присутствует в романе, заключается в том, что испытание болезнями не только меняет отношение персонажа к близким и родным, но и позволяет по-другому взглянуть на собственную жизнь. Примечательно, что персонажи видят в этом положительный момент. К примеру, Даниэль, постоянно находясь в делах, передвижениях, экскурсиях, большую часть своего времени проводит в суете (хотя все это было направлено на благо его родных и близких и просто знакомых). И Вселенная дает ему знак, что нужно остановиться и сделать перерыв: он сломал ногу, в результате чего возникли осложнения и ему сделали операцию. На его примере автор показывает, как нужно терпеливо принимать все, что нам посылается, и не роптать, ведь, в конечном итоге, это нам во благо: «Эта остановка на бегу дает полное отдохновение. <...> Наконец-то я могу написать тебе обстоятельное письмо» [8, с. 223].

Рассмотренные нами эпизоды позволяют сделать вывод, что, как полагает Улицкая, в тяжелых жизненных ситуациях, во время серьезных испытаний проявляется сущность человека. Все, что раньше скрывалось за маской любезности и порядочности, под воздействием животного страха за свое существование обнажается и достигает наивысшей точки кипения. Для многих стираются барьеры и границы, за которые нельзя заходить. Но есть и те, кто вопреки ситуации находит в себе неведомые ранее качества, оказывается способным совершать ПОСТУПКИ. Писательница полагает, что «очень хорошие люди и от войны не делаются хуже» [8, с. 67].

Изображая сложные судьбы своих героев, писательница стремится донести до своего читателя важную истину: нужно помнить о своих родных и близких всегда, нужно быть вни-

мательным и заботливым постоянно, не дожидаясь, когда в двери постучится беда. Ведь земная жизнь имеет свои пределы, за которыми исправить уже ничего нельзя.

Таким образом, подводя итог всему изложенному выше, мы приходим к выводу, что в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» «пограничные ситуации» представлены двумя векторами — война и болезни. Но в столь малом разнообразии сконцентрирована крайне важная информация относительно деструктивного влияния кризисных ситуаций на сущность человека. Наше исследование является одним из этапов целостного изучения крупной прозы писательницы в русле экзистенциализма. Так, одним из следующих направлений в изучении творчества Улицкой станет один из составляющих компонентов любой экзистенции — взаимоотношения человека: с самим собой, окружающими его людьми, действительностью и пр.

Список использованной литературы

- 1. Ясперс К. Введение в философию [Электронный ресурс] / К. Ясперс. Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/vvedfil.php (последнее обращение 02.09.2019).
- 2. Мануковский В.В. «Пограничная ситуация» и «подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова / В.В. Мануковский // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272), вып. 25. С. 127–129.
- 3. Полуяхтова Е.М. Проблема экзистенциальной коммуникации в учении Карла Ясперса: дисс. ... канд. филос. наук / Е.М. Полуяхтова. – Екатеринбург, 2003. – 158 с.
- 4. Пугацкий М.В. Деятельная сущность человека в его пограничных состояниях: дисс. ... канд. филос. наук / М.В. Пугацкий. Красноярск, 2005. 196 с.
- 5. Фаленкова Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма / Е.В. Фаленкова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258), вып. 23. С. 126–131.
- 6. Кошечко А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) / А.Н. Кошечко // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 7 (109). С. 192–199.
- 7. Мотамедния М.Н. Экзистенциальная проблематика Л. Улицкой (на примере цикла рассказов «Бедные родственники») / М.Н. Мотамедния // Проблемы филологии и искусствознания. 2018. № 1. С. 216–223.
  - 8. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Улицкая. М.: Эксмо, 2011. 704 с.
  - 9. Быков А. «Сонечка» и другие / А. Быков // Урал. 1994. № 2–3. С. 287–288.
- 10. Цуркан А. Единство в многообразии, или народ избранный. *Старое литературное обозрение* [Электронный ресурс] / А. Цуркан. 2001. № 2 (278). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/slo/2001/2 (последнее обращение 08.08.2019).

"BORDERLINE SITUATIONS" AND THEIR ROLE IN REVELATION OF TRUE HUMAN'S ESSENCE IN THE NOVEL BY L. ULITSKAYA "DANIEL STEIN, THE TRANSLATOR"

Yuliya V. Kovryha, Kharkiv national agrarian university named after VV. Dokuchayev (Ukraine)

E-mail: kovrigay5@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-10

Key words: "borderline situations", existentialism, human's essence, the situation of choice, inner conflict.

The article is devoted to the study of "borderline situations" in the mainstream of literary criticism. We have given a brief description of "borderline situations" phenomenon according to founder of this term – K. Jaspers. The article provides a brief analysis of some literary critics' works who studied "borderline situations". These works are devoted to the works of Russian classics – L.N. Tolsoy and F.M. Dostoevsky, who, according to the researchers, are the founders of the existential direction in literature in Russia.

The main objective of our article is to analyze L. Ulitskaya's novel "Daniel Stein, the translator" in the context of existentialism. In the course of our research we have established the influence of "borderline situations" on the change of human's inner essence. The chronotope of war is one of the prevailing situations of this kind. We have noted what irreversible changes happen to a person – his worldview changes, much loses its significance and value (someone else's human life is worth 20 coins or "good sheepskin coat"), he feels emotional suffering, etc.

Difficult military conditions, fear for their own life instigated people to mean acts, but the irony of the fate was that such behavior didn't give them any confidence in tomorrow's day. Moreover, quite often they became victims themselves and got requital for what they had done. If a person was involved in any bad affair against his will, its consequences became an inalienable part of his life, he could no longer get rid of memories and the feeling of guilt.

Except that, the author of the book touches upon the problem of inner conflict, which occurs when it's needed to make a choice between good and evil and under such circumstances be ready to be responsible for it.

From our point of view, the most destructive influence of the war was that a person began to get used to the state of war and death around him. His perception of the world was changing, the cruelty of the surrounding reality to be perceived as usual, ordinary and everyday phenomenon.

One more vector in understanding of "borderline situations" in the novel are diseases, which make characters take a different look at what their life is filled with — work, affairs, vanity. The sad reality of life (and not only within the novel) is that people have lost the value of intimacy and communication. When their relatives face serious diseases, which can take their life, they realize that they did not set priorities in life correctly. The sad truth of life is that only the burden of diseases and similar hardships of life are able to open human's eyes to vital things.

In the course of our study we also noticed that the characters consider their own illnesses as something wholesome – this is a kind of period of rethinking their life, changing the hierarchy of values.

Moreover, the author of the studied novel represents an incredibly important idea – life can and must continue despite any political and economic disasters around.

References

- 1. Jaspers, K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/yasp/vvedfil.php (accessed 2 September 2019).
- 2. Manukovskij, V.V. "Pogranichnaya situaciya" i "podlinnoe bytie" v ekzistencialnyh koncepciyah K. Yaspersa i L. Shestova ["The borderline situation" and "true existence" in the existential concepts of K. Jaspers and L. Shestov]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Chelyabinsk State University], 2012, no. 18 (272), issue 25, pp. 127-129.
- 3. Poluyahtova, E.M. *Problema ekzistencialnoj kommunikacii v uchenii Karla Yaspersa*. Diss. kand. filos. nauk [The problem of existential communication in the studies of Karl Jaspers. Cand. Philos. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003, 158 p.
- 4. Pugackij, M.V. Deyatelnaya sushnost cheloveka v ego pogranichnyh sostoyaniyah. Diss. kand. filos. nauk [The active essence of a human in his borderline states. Cand. Philos. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2005, 196 p.
- 5. Falenkova, E.V. *L.N. Tolstoj kak predshestvennik ekzistencializma* [L.N. Tolstoy as a predecessor of existentialism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of Chelyabinsk State University], 2012, no. 4 (258), issue 23, pp. 126-131.
- 6. Koshechko, A.N. Formy ekzistencialnogo soznaniya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (k postanovke problemy) [Forms of existential consciousness in the works of F.M. Dostoevsky (to the formulation of the problem)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Journal of Tomsk State Pedagogical University], 2011, issue 7 (109), pp. 192-199.
- 7. Motamedniya, M.N. Ekzistencialnaya problematika L. Ulickoj (na primere cikla rasskazov "Bednye rodstvenniki") [Existential issues of L. Ulitskaya (on the example of the cycle of short stories "Poor relatives")]. Problemy filologii i iskusstvoznaniya [Problems of Philology and Art History], 2018, no. 1, pp. 216-223.
  - 8. Ulickaya, L. *Daniel Shtajn, perevodchik* [Daniel Stein, the Translator]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 704 p.
  - 9. Bykov, A. "Sonechka" i drugie ["Sonechka" and Others]. Ural [Ural], 1994, no. 2-3, pp. 287-288.
- 10. Curkan, A. *Edinstvo v mnogoobrazii, ili narod izbrannyj* [Unity in diversity, or the chosen people]. *Staroe literaturnoe obozrenie* [Old literary review], 2001, no. 2 (278). Available at: http://magazines.russ.ru/slo/2001/2 (accessed 8 August 2019).

Одержано 17.09.2019.

УДК 821. 111 (73). 09

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-11

І.В. ЛІМБОРСЬКИЙ.

доктор філологічних наук, професор Інституту літератури НАН України (м. Київ)

ГОЛОС РАБА ЯК ГОЛОС «ІНШОГО» У РОМАНІ ЛАЙЛИ ЛАЛАМІ «МЕМУАРИ МАВРА»

У статті проаналізовано роман «Мемуари мавра» сучасної американської письменниці марокканського походження Лайли Лаламі. Увагу зосереджено на реінтерпретації письменницею добре відомих подій з історії завоювання Америки європейськими першовідкривачами. Аналіз здійснюється з точки зору теорії постколоніалізму та нового історизму, що дозволяє побачити основний гуманістичний дискурс письменниці як такий, який проливає світло на трагічні сторінки історії завоювання Америки. Письменниця створює у романі особливу реальність, коли головний герой твору – раб Мустафа – своїми мемуарами відкриває для читача погляд на світ з точки зору людини, яка хоча і перебуває у статусі маргінала і аутсайдера, але виявляється здатною побачити те, чого не бажали бачити «освічені» європейці. У центрі розповіді перебувають події страшних злочинів, які чинять «освічені» європейці щодо корінного населення континенту. При цьому іспанці абсолютно переконані у тому, що індіанці не заслуговують на гуманне ставлення до них, оскільки уособлюють собою частину тих природних випробувань, що випали на долю першовідкривачів нового континенту. Авторка дуже далека від героїзації та романтизації «подвигів» цих людей. Раб Мустафа виступає мовчазним свідком цих подій, але водночас мемуари, автором яких він є, дозволяють йому винести вирок європейцям, які бачать себе власниками нового континенту. Подібний авторський підхід з точки зору поетики художнього твору, в якому перше місце відведено дискурсу раба як голосу «Іншого», відкриває можливість побачити альтернативну історію завоювання Америки. Цей голос раба звучить у творі одночасно як вирок завойовницьким прагненням європейців, так і спосіб побудови твору, в якому дискурс раба визначає моральні пріоритети і гуманістичні цінності. Саме раб Мустафа, якого весь час принижували його господарі, виявляється тією людиною, яка рятує європейців перед лицем страшних небезпек і загроз, що переслідують експедицію іспанців. Особливий погляд на історію відкриття Американського континенту в романі базується на альтернативній моделі історичної свідомості, що переглядає усталені стереотипи і міфи стосовно першовідкривачів нового континенту.

Ключові слова: постколоніалізм, «інший», свідомість раба, інтерпретація/реінтерпретація історії.

В статье проанализирован роман «Мемуары мавра» современной американской писательницы марокканского происхождения Лайлы Лалами. Внимание сосредоточено на реинтерпретации писательницей хорошо известных событий из истории завоевания Америки европейскими первооткрывателями нового континента. Анализ осуществляется с точки зрения теории постколониализма и нового историзма, что позволяет увидеть основной гуманистический дискурс писательницы как такой, который позволяет пролить свет на трагические страницы истории завоевания Америки. Писательница создает в романе особую реальность, когда главный герой произведения — раб Мустафа — своими мемуарами открывает для читателя особый взгляд на историю с точки зрения человека, который хотя и находится в статусе маргинала и аутсайдера, но оказывается способным увидеть то, что не хотели видеть «образованные» европейцы. Особый взгляд на историю открытия Американского континента в романе базируется на альтернативной модели исторического сознания, что заставляет пересмотреть устоявшиеся стереотипы и мифы о первооткрывателях нового континента.

Ключевые слова: постколониализм, «другой», сознание раба, интерпретация/реинтерпретация истории.

•еред великої кількості проблем американської літератури в перші десятиліття XXI ст. проблеми постколоніалізму і мультикультуралізму посідають особливо ✓помітне місце. Перш за все така література послідовно обстоює право на голос «іншого», який відрізняється від більшості своїм особливим поглядом на світ і претендує на те, щоб бути почутими тими, хто вважає себе представниками більшості. Герой літератури постколоніалізму і мультикультуралізму, як правило, вирізняється своїм, «іншим» соціальним, расовим, гендерним або іншим статусом і може бути маргіналом/аутсайдером [11, с. 199]. Але завдяки цьому відкривається новий та незвичний для більшості погляд на світ. Водночас такий персонаж може належати до іншого культурного світу і бути носієм іншої національної ідентичності [2, с. 111]. Але тим ціннішим і більш значущим виявляється бачення ним тих речей, які здаються звичними для більшості. Така більшість, як правило, звикла до певної системи етичних і соціальних цінностей, а тому іноді не помічає прихованих для звичного погляду трагічних колізій життя. Завдяки новому баченню такого героя руйнуються усталені стереотипи, а звичайні і навіть тривіальні речі наповнюються дуже важливим, раніше не усвідомлюваним і не побаченим смислом [4, с. 101]. Саме таким і постає перед читачем головний герой роману Лайли Лаламі «Мемуари мавpa» (The Moor's Account, 2014). Роман спричинив потужну хвилю інтересу і дискусій з боку американської критики як твір, який з незвичної перспективи відкриває історію перших завойовників Американського континенту [8]. У зарубіжному літературознавстві активно обговорюються широке коло проблем, які зачепила письменниця: розмаїття картини світу у світлі етнічної ідентичності (Збігнев Машевскі) [7, с. 392], гендерної нерівності, що стала провідною темою творчості (Кімберлі Ведевен Сегалл) [9, с. 76–78], особливих ментальних та етнічних презентацій світовідчуття раба (Маніза Шамсі) [10, с. 196], соціокультурних контекстів при відтворенні історичних реалій (Юзеф Авад) [1, с. 110]. На жаль, роман залишився поза увагою вітчизняної критики і літературознавчої думки, а тому мета статті проаналізувати основні постколоніальні підходи американської письменниці в плані художньої інтерпретації/реінтерпретації важливих епохальних подій в історії відкриття Америки європейцями у романі «Мемуари мавра» як особливих наративних стратегій для передавання голосу «іншого». У результаті цих стратегій у читача кардинально змінюється погляд на традиційну історію освоєння європейцями Американського континенту.

Марокканка за походженням, Лайла Лаламі заявила про себе в американській літературі тонким і проникливим психологом, прихильницею феміністських постсучасних теорій, а також послідовницею ідей мультикультуралізму і постколоніалізму. Її творчість сьогодні справедливо співвідносять з творчістю тих арабо-американських письменників, які «зосереджуються у своїх творах на складних та транснаціональних взаємодіях між різними типами стереотипів, які існують у США, для того, щоб переглянути бінарну конфігурацію расової, етнічної, релігійної, національної, політичної та гендерної ідентичності» [5, с. 115]. Подібний підхід багато в чому збагачує сьогоднішню мозаїчну палітру американської літератури новим постколоніальним дискурсом, який дозволяє реінтерпретувати давно прописані у підручниках події в історії США, що вважаються непохитними і давно прийнятими суспільством «істинами».

На перший погляд здається, що за своїм жанровими ознаками «Мемуари мавра» — це історичний роман про долю раба, який разом з іспанськими завойовниками у XVI столітті вирушив у далеку мандрівку для завоювання невідомого континенту. Разом з тим бачити у творі тільки історичний, хоча й вельми оригінальний, сенс було б неправильно і несправедливо. У ньому є також ідеї і мультикультуралізму, і постколоніалізму, і транскультуралізму, а тому традиційний історичний роман у цьому випадку зазнає помітної трансформації у бік вироблення специфічних жанрових форм [3, с. 78]. Тому, швидше за все, цей роман являє собою особливий, синкретичний жанр, який дозволяє сьогоднішньому читачеві подивитися на звичну і знайому історію Америки з нетрадиційної, «іншої» перспективи і альтернативної точки зору. Історичний контекст епохи і характер порушених проблем у романі дозволяють найбільш плідно використати принципи нового історизму для аналізу образу героя і твору в цілому. Саме новий історизм дає можливість подивитися на історію як на текст, в якому можуть бути закладені невідомі і навіть приховані раніше смисли. Письменниця, наприклад, здійснює не стільки ревізію традиційної і добре відомої з підручників

історію США, а змальовує її з точки зору раба, який став співучасником подій завоювання Нового Світу білими європейцями.

В основу оповіді покладено історичні звіти відомого іспанського дослідника і мандрівника Альвара Нун'єса Кобеса де Ваки про експедицію іспанців на 5 кораблях 1527 р. до узбережжя сучасної Флориди. Але насправді роман являє собою вигадані мемуари раба Мустафи, який є за походженням марокканцем. Авторка тут користується запозиченим з літератури постмодернізму прийомом альтернативної інтерпретації, а подекуди й імітації, добре відомих історичних подій, створюючи дискурс псевдоісторичної художньої реальності, яка випливає з логіки справжніх історичних фактів.

Марокканський раб, беручись за свої мемуари, починає з традиційної хвали Творцю, який дозволив йому розпочати складну працю написання мемуарів, а себе при цьому називає слугою Аллаха. Він викликає з перших сторінок зацікавленість і симпатію у читача своєю спостережливістю, інтересом до деталей побуту та звичаїв європейців, а також м'яким, ненав'язливим гумором та скромністю. При цьому він усвідомлює те, що його записи можуть не потрапити на очі читачам, а також не будуть здатними зачепити їхні думки та емоції: «Telling a story is like sowing a seed – you always hope to see it become a beautiful tree, with firm roots and branches that soar up in the sky. But it is a peculiar sowing, for you will never know whether your seed sprouts or dies» [6, с. 132]. Письменниця принципово не ідеалізує свого земляка. Мустафа, як і всі люди, іноді схильний до неблаговидних вчинків, постійно відчуває страх за своє життя, він не святий і не сподвижник. Сам він стверджує, що рабство для нього — це покарання за те, що він сам колись сприяв продажу двох рабів. Тому герой інколи пояснює своє становище раба з етичної точки зору як розплату за свої власні вчинки і проступки. Взагалі герой викликає подвійне відчуття: з одного боку, у нього проявляється природне співчуття до європейців, що зазнали холоду і голоду під час подорожі. Але, з іншого, все це поєднується зі злорадними думками про те, що оточуючі його європейці отримають заслужене покарання за свої злочини у відношенні до місцевих жителів. І по суті так і відбувається: з експедиції, у якій взяло участь 600 осіб, живими наприкінці залишилося лише четверо, і один з них – Мустафа. Він відчуває себе часткою цих людей і ділить з ними всі негаразди, які їм довелося пережити на новому місці, але водночас постійно усвідомлює свою віддаленість від них. Але при цьому він – раб, причому такий, який втратив своє ім'я. В якомусь сенсі він є людиною, позбавленою особистості, ідентичності як окремого самодостатнього «я». Насправді він не Мустафа, а Мустафа ель-Заморі (Mustafa al-Zamori). Але іспанці його називають «рабом» ("the slave") або просто «негром», ("the Negro"), у кращому випадку – Естабаніко ("Estebanico"). І в міру того, як поступово він втрачав своє ім'я, в ньому дедалі більше заявляла про себе психологія раба. Лаламі послідовно у творі обстоює думку про те, що ім'я людини – це мова, історія, набір певних усталених упродовж століть традицій і етичних цінностей. Втративши ім'я, людина втрачає буквально все: своє право на голос, власну культурну ідентичність, зв'язок з мовою і культурою. Мустафа мріє повернутися до Марокко, де його пам'ятають під справжнім ім'ям, але поступово він все більше звикається зі своєю долею раба та втрачає будь-який шанс на це. Оточення європейців дедалі більше нав'язує йому думки про рабство як про природний стан для таких людей, як він. Позбавивши його імені та історії, європейці бачать у ньому лише безсловесну істоту, у якої навіть не можуть виникати думки про свободу.

Події, які відбуваються з іспанцями на новій, невідомій для них землі, дозволяють побачити Мустафі паралель зі своєю власною долею. Так, в покинутому селі завойовники виявляють золото, і це викликає у них бажання заволодіти незліченними багатствами. Вони відправляються вглиб невідомої їм країни, захоплюють у полон індіанців, часто жорстоко поводячись з ними, дають нові назви селам і оголошують чужі землі власністю короля і королеви Іспанії. Бачачи все це, Мустафа згадує той момент, коли португальці захопили його рідне місто в Марокко і відірвали його від родини. Він робить сумний висновок про те, що в різних частинах світу діють одні і ті ж жорстокі закони, а він виявився жертвою саме тако-

¹ «Розповідати історію – це неначе сіяти насіння: ви завжди сподіваєтеся побачити, що з нього виросте прекрасне дерево, з міцними корінням і гілками, що сягають неба. Але це своєрідне насіння, адже ви ніколи не дізнаєтесь, чи проросте ваше насіння або загине» (переклад тут і далі наш – І.Л.).

го збігу обставин і відтепер повинен змиритися зі своєю сумною долею раба. Адже індіанці зараз зазнають усіх тих трагічних негараздів, яких свого часу зазнав він.

Просування іспанців вглиб території нового континенту супроводжується багатьма небезпеками: їх долають хвороби, деякі племена індіанців виявляють ворожість і агресивність у відношенні до них. На перший погляд, це нагадує характерний для традиційної американської літератури з її романтичним пафосом мотив боротьби першовідкривачів Нового Світу з ворожим середовищем. Але насправді тут було інше: жорстокість, жадібність, нерозуміння завойовниками того, що перед ними такі ж люди, як вони, тільки з іншим кольором шкіри, з іншими традиціями та іншим світоглядом. «Освічені» європейці тут не дуже нагадують людей, які стали посланцями європейського цивілізованого світу. Більше того, вони зовсім не нагадують сучасників епохи Відродження з її людиноцентристськими ідеалами і гуманістичними цінностями. Першовідкривачі Америки одразу ж забули про цивілізований світ, який залишився далеко зі їхніми спинами. Жорстокість, підступність і ворожість до інших – це те, що стає їхніми постійними супутниками. Іспанці не забувають весь час повторювати про те, що ті з індіанців, хто приєднається до них, знайдуть благополуччя, а ті, хто відмовиться – будуть знищені або перетворені на рабів: «If you do as we say, you will do well and we shall receive you in all love and charity. But if you refuse to comply, or maliciously delay in it, we inform you that we will make war against you in all manners that we can, and shall take your wives and children, and shall make slaves of them, and shall take away your goods, and shall do you all the mischief and damage that we can»² [6, с. 10]. Звичайно, тут уже зовсім не йдеться про любов до ближнього як до представника людського роду, але з іншим кольором шкіри. Європейські гуманістичні цінності післяренесансної цивілізації, як виявляється, поширюються лише на самих просвічених європейців, але не на людство та на «інших» щодо Європи рас та націй у цілому.

Як ніхто інший, долю індіанців може зрозуміти раб Мустафа, який добре знайомий з такою підступною риторикою і поведінкою європейських завойовників, а тому йому почасти близькі індіанці, в яких він вбачає жертв іспанської експансії. Коли іспанці вимовляють цю завойовницьку промову, у Мустафи виникає природне запитання: чому іспанці виголошують такі слова тоді, коли більшість жителів уже залишили село? І тут раптом у рабі пробуджується філософ: він пояснює це тим, що іспанцям зовсім не потрібна ані правда, ані справедливість, якими вони начебто опікуються. Для них важливим виявляється те, які слова з приводу цього вони вимовляють. Іспанцям потрібен не факт як такий, а «текст», який цей факт супроводжує. Іншими словами, його білі господарі навіть не збираються дотримуватися законів правди і справедливості. Для них важливіше «сконструювати» зі слів потрібну для них правду і уявлення про справедливість.

Разом з тим, коли під час важких обставин подорожі, у час голоду і хвороб, гостро постає питання про фізичне виживання людини, питання про те, раб Мустафа чи ні, відступає на другий план. На перше місце виходить екзистенційна проблема виживання в найскладніших природних і людських умовах. У результаті виявляється, що і самі іспанські завойовники залежать від зустрінутих і пригноблюваних ними індіанських племен, які можуть дати їм їжу, щоб завойовники могли просто вижити. Власне кажучи, ті, в кому спочатку бачили лише рабів і дикунів, з часом стали господарями становища, від яких залежала доля «освічених» і «цивілізованих», як вони про себе думали, європейців. Тим часом сам Мустафа, який знає декілька мов — португальську, арабську, іспанську і марокканську — стає перекладачем, тобто своєрідним посередником між іспанськими завойовниками та індіанцями. Саме тому, що доля раба змусила вивчити Мустафу кілька мов, дозволило йому фактично стати рятівником таких «могутніх» і впевнених у своїй вищості іспанців, які не хотіли бачити в ньому самодостатньої людини зі своїм складним і суперечливим внутрішнім світом. Більше того, після загибелі більшості завойовників Мустафа вписує

² «Якщо ви будете робити так, як ми говоримо, то ви зробите добре, і ми будемо сприймати вас з любов'ю та милосердям. Але якщо ви відмовитеся виконувати наші слова або будете зловмисно ухилятися від виконання, то ми повідомляємо вам, що будемо вести війну проти вас усіма способами, на які ми здатні, і візьмемо ваших дружин і дітей, і зробимо з них рабів, і заберемо ваші речі, і зробимо вам усілякі негаразди та збитки, які ми можемо».

в хроніку експедиції ті факти, про які замовчували завойовники і ніколи не внесли б в офіційні звіти про експедицію. Це і дикість, яку проявляли іспанці у відношенні до місцевих племен, і факти людожерства самих іспанців перед лицем неминучої смерті. Ці додаткові записи, які робить раб Мустафа, і є той голос «іншого», який фактично позбавлений власної історії та імені.

Окреме місце у романі відведено проблемі фемінізму і приниженню жінок. Мустафа стає свідком наруги над жінками з боку іспанців, але при цьому зазначає, що багато хто з жінок при цьому не втратили своєї гідності. Дехто з них навіть здатні відстоювати свою честь, уже ставши жертвою насильства, як це трапилося, наприклад, з рабинею Раматалаєю, доля якої викликає захоплення у Мустафи своєю гідністю і незламністю. Насильство над жінками Мустафа схильний називати «the disease of empire» [6, с. 280]. Саме становище раба дозволяє герою побачити трагедію жінки з точки зору людини, яка опинилася в схожій ситуації соціально та морально приниженої особистості. Насильство в будьяких формах не сприймається письменницею і тоді, коли іспанці пояснюють це важкими обставинами пригоди, а тому на сторінках роману це засуджується. І в цьому Лаламі дуже далека від романтизації подвигів перших завойовників Нового Світу.

Голос раба як голос «іншого», до якого закликає прислухатися письменниця, виявляється визначальним ключем у композиції і структурі роману. «Інша» точка зору Мустафи на відомі події людської історії змінює ракурс бачення офіційної історії, відкриває ті сторінки Америки, в поглядах на які існує до сьогодні багато міфів і стереотипів минулого. Рабство у романі — це не тільки певне становище в соціальній ієрархії «цивілізованого» суспільства, сповненого насправді несправедливості і зла, а й певна точка зору на світ. Пройшовши дуже складний шлях випробувань, усвідомлюючи ментально себе рабом, герой все ж не втратив тих морально-етичних цінностей, про які часто забували його господарі як завойовники нових земель, бачачи в собі представників європейського «цивілізованого світу».

Список використаної літератури

- 1. Awad Y. Food for Thought: Un/savoury Socio-economic Im/mobility in Laila Lalami's "Secret Son" [Електронний ресурс] / Y. Awad // Middle Eastern Literatures. 2015. Vol. 18, issue 2. P. 109—121. Режим доступу: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1475262X.2015.1109176 (останне звернення 10.10.2019).
- 2. Bhabha H. Nation as Narration / H. Bhabha. London, New York: Routledge, 1990. 333 p.
  - 3. Bhabha H. The Location of Culture / H. Bhabha. New York: Routledge, 1994. 285 p.
- 4. Bhabha H. The Postcolonial and the Postmodern: the Question of Legacy / H. Bhabha // The Cultural Studies Reader / ed. by S. During. 2nd ed. London: Routledge, 1999. P. 189–208.
- 5. Fadda-Conrey C. Contemporary Arab-American Literature: Transnational Reconfigurations of Citizenship and Belonging / C. Fadda-Conrey. New York: NYU Press, 2014. 243 p.
  - 6. Lalami L. The Moor's Account / L. Lalami. New York: Pantheon Books, 2014. 336 p.
- 7. Maszewski Z. Cabeza de Vaca, Estebanico, and the Language of Diversity in Laila Lalami's "The Moor's Account" [Електронний ресурс] / Z. Maszewski // A Journal of Literature Theory and Culture. 2014. Vol. 8, issue 8. P. 320—321. Режим доступу: https://www.researchgate.net/publication/ 328673053_Cabeza_de_Vaca_Estebanico_and_the_Language_of_Diversity_in Laila Lalami's The Moor's Account (останне звернення 10.10.2019).
- 8. Popescu L. "The Moor's Account", by Laila Lalami [Електронний ресурс] / L. Popescu. Режим доступу: https://www.ft.com/content/5be3bbbc-41ca-11e5-b98b-87c7270955cf (останне звернення 10.10.2019).
- 9. Segall K.W. De-imperializing Gender Religious Revivals, Shifting Beliefs, and the Unexpected Trajectory of Laila Lalami's "Hope and Other Dangerous Pursuits" [Електронний ресурс] / K.W. Segall // Journal of Middle East Woman's Studies. 2019. Vol. 15, issue 1. P. 75—94. Режим доступу: https://www.google.com/search?q=Segall%2C+K.W.+De-imperializing+Gender +Religious+Revivals%2C+Shifting+Beliefs%2C+and+the+Unexpected+Trajectory+of+Laila+Lalami%27s (останне звернення 10.10.2019).

³ «Хворобою імперії».

10. Shamsie M. Reconstructing the Story of Mustafa/Estebanico: A Moor in the New World: An Interview with Laila Lalami [Електронний ресурс] / M. Shamsie // Journal of Postcolonial Writing. — 2016. — Vol. 52, issue 2. — Р. 195—200. — Режим доступу: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/ 17449855.2016.1164970?tab=permissions&scroll=top (останне звернення 10.10.2019).

11. Spivak G.Ch. Poststructuralism, Postcoloniality, Marginality, and Value // Literary Theory Today / ed. by P. Collier, H. Geyer-Ryan. – New York: Cornell University Press, 1990. – P. 198–222.

VOICE OF A SLAVE AS A VOICE OF THE "OTHER" IN THE NOVEL BY LAYLA LALAMI "THE MOOR'S ACCOUNT"

Igor V. Limborsky, Institute of Literature, National Academy of Science (Ukraine)

E-mail: limb1966@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-11

Key words: postcolonialism, "other", slave consciousness, interpretation / reinterpretation of history.

The article analyzes the novel "The Moor's Account" by a modern American writer of Moroccan origin Laila Lalami. Attention is focused on the writer's reinterpretation of well-known historical events from the history of the conquest of America by European discoverers of the new continent. The analysis is carried out from the point of view of the theory of postcolonialism and new historicism, which allows reader to see the main humanistic discourse of the novel as such, which allows writer to shed light on the tragic pages of the history of the conquest of America. Particular attention in the article is removed to the image of Mustafa, who himself, being a marginal and an outsider, turns out to be a key figure in the interpretation of the tragic events in the novel. His role is not limited to writing chronicles of covenants, but he also offers a special scale of moral assessments of what is happening. The writer creates a special reality in the novel, when the main character of the literary work – the slave Mustafa – with his memoirs opens a special look at the history from the point of view of a person who is able to see what the conquerors didn't want to see as "the educated" Europeans. At the center of the story are the events of terrible crimes perpetrated by the Europeans against the indigenous population of the continent. At the same time, the colonists are absolutely convinced that the indigenous people do not deserve a humane attitude to them, because they embody a part of those natural tests that fell to the fate of the pioneers of the new continent. The author is very far from the heroization and romanticization of the deeds and exploits of these people. Slave Mustafa is a silent witness to these events, but at the same time the memoirs he authored allow him to pass judgment on Europeans who see themselves as owners of a new continent. A similar authorial approach from the point of view of the poetics of a work of art, in which the first place is given to the discourse of the slave as the voice of the "Other," opens the possibility to see an alternative history of the conquest of America. This slave voice sounds in the literary work both as a sentence of the conquering desire of Europeans and a way of constructing a novel in which the slave's discourse defines moral priorities and humanistic values. It was Slave Mustafa, who was constantly humiliated by his masters, who turns out to be the man who saves Europeans in the face of the terrible dangers and threats that haunt the Spanish expedition. A special look at the history of the discovery of the American continent in the novel is based on an alternative model of historical consciousness, which makes readers reconsider established stereotypes and myths about the discoverers of the new continent.

References

- 1. Awad, Y. Food for Thought: Un/savoury Socio-economic Im/mobility in Laila Lalami's "Secret Son". In: Middle Eastern Literatures, 2015, vol. 18, issue 2, pp. 109-121. Available at: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1475262X.2015.1109176 (accessed 10 October 2019).
  - 2. Bhabha, H. Nation as Narration. London, New York, Routledge, 1990, 333 p.
  - 3. Bhabha, H. The Location of Culture. New York, Routledge, 1994, 285 p.
- 4. Bhabha, H. The Postcolonial and the Postmodern: the Question of Legacy. In: During S. (ed.). The Cultural Studies Reader. London, Routledge, 1999, pp. 189-208.
- 5. Fadda-Conrey, C. Contemporary Arab-American Literature: Transnational Reconfigurations of Citizenship and Belonging. New York, NYU Press, 2014, 243 p.
  - 6. Lalami, L. The Moor's Account. New York, Pantheon Books, 2014, 336 p.
- 7. Maszewski, Z. Cabeza de Vaca, Estebanico, and the Language of Diversity in Laila Lalami's "The Moor's Account". In: A Journal of Literature Theory and Culture, 2014, vol. 8, issue 8, pp. 320-321. Avail-

able at: https://www.researchgate.net/publication/328673053_Cabeza_de_Vaca_Estebanico_and_the_Language_of_Diversity_in_Laila_Lalami's_The_Moor's_Account (accessed 10 October 2019).

- 8. Popescu, L. "The Moor's Account", by Laila Lalami. Available at: https://www.ft.com/content/5be3bbbc-41ca-11e5-b98b-87c7270955cf (accessed 10 October 2019).
- 9. Segall, K.W. De-imperializing Gender Religious Revivals, Shifting Beliefs, and the Unexpected Trajectory of Laila Lalami's "Hope and Other Dangerous Pursuits". In: Journal of Middle East Woman's Studies, 2019, vol. 15, issue 1, pp. 75-94. Available at: https://www.google.com/search?q=Segall%2C+K.W.+De-imperializing+Gender+Religious+ Revivals%2C+Shifting+Beliefs%2C+and+the+Unexpected+Trajectory+of+Laila+Lalami%27s (accessed 10 October 2019).
- 10. Shamsie, M. Reconstructing the Story of Mustafa/Estebanico: A Moor in the New World: An Interview with Laila Lalami. In: Journal of Postcolonial Writing, 2016, vol. 52, issue 2, pp. 195-200. Available at: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17449855.2016. 1164970?tab=permissions&scroll=t op (accessed 10 October 2019).
- 11. Spivak, G.Ch. Poststructuralism, Postcoloniality, Marginality, and Value. In: P. Collier, H. Geyer-Ryan (ed.). Literary Theory Today. New York, Cornell University Press, 1990, pp. 198-222.

Одержано 17.09.2019.

УДК 821.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-12

В.Д. НАРИВСКАЯ,

доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Днипровского национального университета имени Олеся Гончара

«РОМАН В ПИСЬМАХ» И. ШМЕЛЕВА И О. БРЕДИУС-СУББОТИНОЙ: ПАРАДОКСЫ ЗАПАХОВ И АРОМАТОВ ЛЮБВИ

В статье рассматривается переписка известного писателя Ивана Шмелева (1873-1950) с Ольгой Бредиус-Субботиной (1904–1959). Их знакомство состоялось в эмиграции в переписке как с «почитательницей». Это был тяжелый период в жизни Шмелева, обусловленный расстрелом единственного сына, вынужденной эмиграцией, смертью жены. В состоянии писателя ощущалось прощание с миром. Неожиданная переписка с Бредиус-Субботиной, ее преклонение перед творчеством талантливого мастера литературы возродила желание жить и творить. На сей раз это была переписка, которая с течением времени обретала для Шмелева особую значимость, дала возможность быть услышанным в своих рассказах о трагических ощущениях, с которыми жил годы. Среди особенно наболевших была тема Крыма, которая вспыхнула в переписке глубоко хранимым состоянием – памятью о крымских запахах, как оказалось, более устойчивых, прочных и потому дорогих сердцу. Это предполагало соответствующую реакцию адресата. Но Бредиус-Субботина осталась несколько равнодушной к теме Крыма, тем не менее, смогла предложить новый формат переписки на волне излюбленных Шмелевым крымских запахов. В письмах Бредиус-Субботиной акценты смещены к переживанию наслаждения цветочными ароматами и запахами. Шмелев принял это предложение, не отказываясь вместе с тем от оксюморонных крымских смыслов, приумножив их запахами винограда и роз как вызов анормальному миру. Бредиус-Субботина была не менее настойчива в своих желаниях, поэтому с особенной силой привносила в переписку «ароматы Жизни», т. е. ароматы любимых цветов, тем самым возбуждая обонятельное впечатление Шмелева, способствуя его возвращению к мальчишеству, к юности, к, казалось, забытому состоянию. Таким образом, в 1941 г., в разгар трагических событий Второй мировой войны в переписке Шмелева и Бредиус-Субботиной возродилась традиционная тема мировой литературы – любовь и война. Наступил тот миг, когда Шмелев осознал, что Ольга Александровна – его последняя любовь, а переписка с ней – «роман в письмах»; он как писатель создает свое последнее художественное произведение, которое будет прочитано потомками. Поэтому Шмелев не только восстановил традиции мировых и русских любовных эпистоляриев, но и привнес свой опыт, возвращаясь в молодость. Его увлекла возможность обмена цветами, цветочными ароматами, которые способствовали интенсивной работе воображения. В письмах писатель создает цветочные зарисовки любимой, а затем пишет этюд «Девушка с цветами», который удалось передать. Гиацинты, колокольчики, ландыш, душистый горошек, сирень передавались из Парижа в Голландию и стали символами страстной любви.

Шмелев и Бредиус-Субботина обратились еще к одной культурной традиции, а поэтому получали письма с запахом французских духов, что создавало ощущение телесной близости, особенного состояния любви. Цветы, цветочные ароматы, французские духи смешались в любовной переписке, обусловив ее стиль и представив уникальный для XX века образ любви.

Ключевые слова: переписка, образ любви, ароматы, запахи, цветы, духи, дух, обоняние, воображение.

У статті розглядається листування відомого письменника Івана Шмельова (1873—1950) з Ольгою Бредіус-Субботіною (1904—1959). Їх знайомство відбулося в еміграції у листуванні як із «читачкою-поціновувачкою». Це був тяжкий період у житті Шмельова, обумовлений розстрілом єдиного сина, вимушеною еміграцією, смертю дружини. У стані письменника відчувалося прощання зі світом.

Несподіване листування з Бредіус-Субботіною, її преклоніння перед творчістю талановитого майстра літератури відродило бажання жити і творити. Цього разу це була переписка, яка з плином часу набувала для Шмельова особливої значущості, дала можливість бути почутим у своїх розповідях про трагічні відчуття, з якими жив роками. Серед особливо наболілих була тема Криму, яка спалахнула в листуванні глибоко збереженим станом – пам'яттю про кримські запахи, як виявилося, більш стійкі, міцні і тому дорогі серцю. Це передбачало відповідну реакцію адресата. Але Бредіус-Субботіна залишилася дещо байдужою до теми Криму, проте змогла запропонувати новий формат листування на хвилі улюблених Шмельовим кримських запахів. У листах Бредіус-Субботіної акценти зміщені до переживання насолоди квітковими ароматами і запахами. Шмельов прийняв цю пропозицію, не відмовляючись водночас від оксюморонних кримських смислів, примноживши їх запахами винограду і троянд як виклик анормальному світу. Бредіус-Субботіна була не менш наполеглива у своїх бажаннях, тому з особливою силою привносила в листування «аромати Життя», тобто аромати улюблених квітів, тим самим збуджуючи нюхове враження Шмельова, сприяючи його поверненню до юності, до, здавалось, забутого стану. Таким чином, у 1941 р., у розпал трагічних подій Другої світової війни в листуванні Шмельова і Бредіус-Субботіної відродилася традиційна тема світової літератури – любов і війна. Настала та мить, коли Шмельов усвідомив, що Ольга Олександрівна – його останнє кохання, а листування з нею – «роман у листах»; він як письменник створює свій останній художній твір, який буде прочитано нащадками. Тому Шмельов не тільки відновив традиції світових і російських любовних епістоляріїв, але і привніс свій досвід, повертаючись у молодість. Його захопила можливість обміну квітами, квітковими ароматами, які сприяли інтенсивній роботі уяви. У листах письменник створює квіткові замальовки коханої, а потім пише етюд «Дівчина з квітами», який вдалося передати. Гіацинти, дзвіночки, конвалії, запашний горошок, бузок передавалися з Парижа до Голландії і стали символами пристрасного кохання.

Шмельов і Бредіус-Субботіна звернулися ще до однієї культурної традиції, а тому отримували листи із запахом французьких парфумів, що створювало відчуття тілесної близькості, особливого стану кохання. Квіти, квіткові аромати, французькі парфуми змішалися в любовному листуванні, зумовивши його стиль і представивши унікальний для XX століття образ любові.

Ключові слова: листування, образ любові, аромати, запахи, квіти, парфуми, дух, нюх, уява.

убликация переписки Ивана Шмелева эмигрантского периода с Ольгой Бредиус-Субботиной была, пожалуй, одним из наиболее знаменательных событий не только в освещении творческого наследия писателя-классика, но и в обогащении литературы XX в. жанром «романа в письмах». По определению самого писателя, это его последнее художественное произведение, появление которого было полной неожиданностью после всего пережитого: октябрьского переворота, гражданской войны, расстрела единственного сына, белого офицера, ужасов красного террора в Крыму, воссозданных в романе «Солнце мертвых», отъезда в эмиграцию во Францию, смерти жены, единственной опоры. Оправиться от этих трагедий, даже заглушить в себе нестерпимую боль Шмелев уже не мог. Создавалось впечатление, что полнейшее одиночество подавляет его творческие и жизненные силы, было ощущение прощания с миром. Но в этот миг предельной заостренности испытаний и душевной боли Шмелев получает письмо от одной из своих «по-читательниц», на которое не мог не ответить. Так завязалась переписка с Ольгой Бредиус-Субботиной (1904–1959), русской эмигранткой, проживающей в Голландии. Тому способствовал (не без предостережений) известный русский философ Иван Ильин, хорошо знавший как Ольгу Александровну, так и поддерживающий Шмелева. Спустя годы в письме к Ильину, полном восхищения, Шмелев писал: «Она чиста, открыта, детска, и, часто непостижима для меня. Она давно-давно была в моих предчувствиях, и я несчастен, что она... лишь коснулась моей жизни... Но знаю я, что перепиской за почти 7 лет, мы многое нашли друг в друге, настолько, что других слов не надо. Мне было даровано счастье увидеть чудо русской женщины – во всем» [1, с. 423].

Завязавшаяся переписка продлила жизнь Шмелеву, и он это ощутил, но со временем. Тем не менее, изначально писатель был сдержан в первых письмах в выражении нахлынувших бед, оставаясь наедине с самим собой. При всей интенсивности переписки ключевым было слово «одиночество». При этом Шмелев подчеркивал в письме к Бредиус-Субботиной: «Ваше одиночество — временно, увидите близких, Бог даст. Другое дело — одиночество безнадежное...» [2, т. I, с. 30]. Это было то травматическое состояние, в котором длительное время пребывал Шмелев, обусловленное трагедией Крыма, но более всего крас-

ным террором, свидетелем которого был писатель и ощутил его на себе в полной мере. Эмиграция не только не сгладила остроту пережитого, но дополнила ощущением ностальгии, тоски не столько по России, сколько по Крыму и погибшему сыну: «...дорогой друг, милый друг, нежный друг мой... мне хорошо от Ваших писем, я так привык к ласковости и нежности, и все это ушло от меня, и с какой болью! Такие утраты пережил — самое дорогое взято. Сына я потерял в Крыму... – ах, какой он был! Больно...» [2, т. І, с. 60]. Тем самым Шмелев постепенно вовлекал Бредиус-Субботину в наиболее глубокие и дорогие ему крымские воспоминания, прописывая путь, который прошел, постигая Крым: «я проглядел десяток томов "Энциклопедии Крыма", изучая Коран и татарский фольклор, – но все же это, пожалуй, не истинная картина... Теперь мне смешно вспомнить, но писалось с горячей искренностью» [2, т. l, c. 62]. При этом Шмелев как писатель в большей степени уповает на воображение: «Открылось – человек владеет таким чудесным даром – носить в себе чудесный аппарат – воображение...» [2, т. I, с. 62], т. е. психологический стимул творчества и вместе с тем данность, реализованную и присутствующую в произведении в статусе домысла, вымысла, лишенного реального предмета. Шмелев осознавал, что воображение было состоянием его нервной системы, оказывая влияние на организм - отсюда шмелевское «одиночество безнадежное», выход из которого виделся в единстве психологических и эстетических сил суждения, примноженных актом памяти как способности сохранять восприятия и представления после момента переживания, оставляющего в сознании свой «след». Память Шмелева была той скрытой силой, которая мобилизовала пережитое в единое целое, используемое им для создания особых отношений между «следом» и формирующимися новыми его («следа») переживаниями. Казалось бы, Шмелев не был озабочен полнотой совпадений «образов-следов», «отождествляемых в массе других, и новых переживаний, обогащенных писательским воображением, обретающих четкость, а также улучшения «в направлении "хорошего образа"» [3, с. 329]. Именно таким в письме «вспомнились дни счастья, молодость наша, наша поездка, в первый раз в жизни в горы, пикник, родники, моя Оля... Я и сейчас слышу, как собачка хрустит головкой тараньки, под камнем, на вершине Чатыр-Дага... Я слышу аромат от шашлыка, вижу бессмертные глаза... [2, т. І, с. 62]. Обновленный старый «след» придает выразительность крымской целостности, насыщенной ароматом... Едва ли не впервые крымский аромат обретает для Шмелева статус события. Как отмечает О. Вайнштейн, «знаковый эффект аромата – самый мощный и одновременно самый хрупкий компонент, составляющий (и в буквальном, и в переносном смысле) атмосферу эпохи [4, с. 5]. В данном случае у Шмелева происходило временное разделение Крыма на «до» и «после» трагедии. На этой волне писатель обживает крымскую тему в переписке с Бредиус-Субботиной с надеждой, что ей «...Крым откроется», где «у меня маленькая усадьба, домик наш... – останется он в «Солнце мертвых» [2, т. I, с. 106]. Шмелев открывал и для себя Крым уже не только через воспоминания, но в большей степени уповая на свое образное воображение как результат эстетического опыта, когда воображаемое обретало черты реальности, более впечатляющей чем сама реальность. В этой связи целесообразно привести еще одно весьма важное наблюдение О. Вайнштейн: «Наслаждение ароматом метафора владения материальным миром и его самой эфемерной, летучей субстанции, на грани перехода в небытие» [4, с. 6]. После пережитых трагедий Шмелев ощутил это метафорическое состояние, находясь как бы на «переходе в небытие». Память о Крыме преломляется через весьма редкий отрывок из романа «Солнце мертвых» со смыслом идиллии, райского уголка, которого как бы не коснулась разрушительная сила террора: «Черный дрозд запел. Вот он сидит на пустыре, на старой груше, на маковке – как уголек! На светлом небе он четко виден. Даже как нос его сияет в заходящем солнце, как у него играет горлышко. Он любит петь один. К морю повернется – споет и морю, и виноградникам, и далям...» [2, т. I, с. 106]. И все же этот идиллический по содержанию отрывок из «Солнца мертвых» задает ключевую для «романа в письмах» доминанту – оксюморонную как эпатирование, вызов анормальному миру. Эта оксюморонность не общеупотребительная и явно не традиционная, хотя одна из составляющих столь сложного оксюморона - «солнце мертвых» – обретает фразеологический смысл. Оксюморонность реализуется через осознание реальности непосредственных смыслов сопрягаемых явлений – метафора «солнце мертвых» и идиллический пейзаж, в восприятии которого Шмелевым ощущается кантовская мысль: «чем легче жизненное чувство поддается впечатлениям (чем более тонко и воспринимается оно), тем человек несчастнее» [5, с. 186]. Оксюморонный смысл сохраняется во всей любовной переписке, не ослабевая и не перерастая в иное качество, но обновляясь, когда в размышления о чувстве любви, охватившего Шмелева и Бредиус-Субботину, прорывались непосредственные воспоминания о красном терроре (например, симферопольские) или упоминания о «Солнце мертвых». Если роман Бредиус-Субботина воспринимала восторженно, то Крым и крымские воспоминания Шмелева весьма сдержанно, подчеркнуто безэмоционально, даже к «Винограду» (рассказ Шмелева) и его подарку – сохраненному чудом, крымскому изюму, описанному им восторженно: «... Не синего – увы – и не на ветке, – а Malaga – очень-очень сахарного, крупного, золотистого, душистого! ... Розами пахнет. Теперь его во всем Париже не найти, а для тебя сберег» [2, т. I, с. 289]. Тем не менее, Ольга Александровна оставалась равнодушна к крымским дарам.

Шмелев ощущал эту напряженность, пытаясь все же раскрыть красоту и богатства Крыма любимой. Тем не менее, пребывая в состоянии «юной любви», последней в своей жизни, Шмелев переживал востребованность в юношеских ее проявлениях, столь необходимых и для его возлюбленной. Как творческая натура, ценимая Шмелевым, Бредиус-Субботина осознавала необходимость убеждения через образное слово. В своем стихотворении от 16 сентября 1941 г., словно отвечая на призыв Шмелева: «Твори свое, себя. Ты — призвана Господом... [2, т. I, с. 158], Ольга Александровна высказала наиболее потаенные чувства своей любви:

Букеты пышные Цветов Земли собрать бы я хотела, — От лотоса, мимозы стыдливо-робкой, Фиалки скромной, — до... Жарких маков... И ароматов Жизни я бы взять хотела, — ....земляники спелой, От ландыша благоуханья чистого, святого, — до... Страсного дыханья алой розы Что Ты отдашь мне все, — — в одном лишь поцелуе» [2, т. I, с. 159].

Тем самым Бредиус-Субботина предложила Шмелеву новые взаимоотношения в переписке через «ароматы Жизни», с которыми она соотносила любимые цветы как особую часть культуры. Отныне ароматы цветов входят в переписку как восприятие любви/жизни на основе возбуждения обонятельного (ольфакторного) впечатления. Очевидным было то, что цветочный аромат, язык цветов дополнял впечатления от жарких слов писем. В разгар Второй мировой войны (1941 год!) Бредиус-Субботина возвращает к жизни приглушенные, а то и отчасти забытые ароматы цветов как традицию европейской культуры, восходящую в особенности к XIX в., преимущественно французской, способствующей формированию утонченных любовных взаимоотношений, символом которых было восприятие женщины как цветка. Шмелев принял предложение Бредиус-Субботиной о «цветочных отношениях», восприятие которых отозвалось созданием этюда «Девушка с цветами» (письмо от 31.10.1941), в котором любимая обозначена писателем «чудесной моей чудеской». Духовная ценность любящего Шмелева направлена на ценность личности любимой: «Девушка с цветами, / кто ты? // Девственность / – и грусть. / И светлость. // Смотришь в даль... / Что там, за далью... – / счастье? // У сердца – белые ромашки, / пленницы твои, / ручные. / Hy, / загадай о счастье: // «...любит?... не любит... / любит..?» // Hy?.. – // что шепчет сердце / – сердцу? / «Любит»! [2, т. I, с. 218]. Слова этюда направлены на осязание любимой не только как «девушки с цветами», но как личности с явным философским обличьем, с близкими для него телом и душой». В любви Шмелева есть мощные сегменты сострадания к жизни, быту, здоровью любимой и призывы: «Умоляю, принимай «cellucrine», фосфор, ешь больше, пой (если можешь), гуляй, отдыхай, никаких работ...» [2, т. I, с. 219], в которых проявилась преданность как отдавание себя, посвящение себя объекту любви. Тем самым любящий Шмелев дает любимой новое измерение своей сущности – быть для него. Любовь придает новый смысл бытию. При этом любовь Шмелева была непосредственным переживанием сменяющихся собственных состояний – неожиданности, взволнованности, радости и печали от непреодолимости расстояния, невозможности встречи. Все это создавало особенное настроение любви-преданности-сострадания, которое ощутимо в завершающей фразе письма «Девушки с цветами»: «Как-бы тебе я прочел!.. Писал – и – странно! — плакал [2, т. I, с. 219], написанной в «12 ч. 40 дня», а через несколько часов продолжение письма начиналось словами: «"Девушка с цветами" будет увеличена, чтобы на мольберт. Чудесно!» [2, т. I, с. 219], т. е. подразумевая размещенный на нем холст с живописным портретом любимой, свободно передвигаемого в пространстве. Следовательно, Шмелев переживал свои цветочные ощущения, и его мощное творческое воображение продуцировало мысль о необходимости живописного воплощения образа любимой как девушки в цветах. В какой мере осуществился этот замысел, такими данными мы не располагаем. Есть лишь упоминание в письме: «А "Девушку с цветами" – ты получила? Грустная она? Я объясню» [2, т. I, с. 264]. Но отныне переписка начиналась или завершалась фразами о цветах. Шмелеву удалось воссоздать экфрасисный портрет условного мольберта «Девушки в цветах» как признания в любви, способствовавшего познанию «порядка любви» (по Шелеру).

Отныне в переписке влюбленных ощущается перемена, продуцирующая откровение в любовных чувствах, соотносимая с мыслью Алена Корбена: «Воздух, окружающий женщину», становится неуловимо влажным и волнующим элементом ее sex-appeala. Однако культ девической непорочности, новые представления о замужней женщине, о ее роли и добродетелях — все это по-прежнему налагает табу на чересчур прямые провокации. Возбуждать желание, не нанося ущерба стыдливости, — такова функция ольфакторности коммуникации на очередном витке утонченной любовной игры, символом которой становится новый союз женщины и цветка» [6, с. 362]. Едва ли не каждое письмо Шмелева привносит нежные штрихи к портрету Ольги Александровны как «женщины-цветка»: «Оля, это у тебя, у шейки, цветы —бегония или орхидеи?» [2, т. I, с. 227]; «Твои "мотыльки" еще цветут, последний бутончик розовеет... Послезавтра минет три месяца, как они прилетели ко мне — и поют о любви» [2, т. I, с. 561]; «Я купил 3 пучка ландышей, из лесу с корнями и цветочными стеблями. Посадил! Они день со дня будут распускаться — это — ты — юная! Не заботься о "вечном цветке" — для меня: у меня есть этот "вечный цветок" — Ты, Светлая» [2, т. I, с. 624].

Цветочные мотивы в переписке открыли возможность к сублимации, т. е. одухотворению, утонченности отношений на основе преобразования, вспыхнувшего полового влечения друг к другу. Но невозможность встречи предполагала некое компенсирующее действие, реализованное в письмах как духовной деятельности: «Девочка моя, хочу тебя... любить, ласкать, чувствовать – вот тут, близко, всегда... Оля моя, – ну, будто мы всегда знали друг друга, вместе выросли, годы-годы... – Ну, будто ты должна мне явиться, – иначе и быть не могло! Знаешь, мне тебя совсем не стыдно, о чем бы я не говорил тебе – все слова с тобой возможны... чистые слова, любви и ласки. И все – движения, все, все.. – они – ласка, – всегда, во всем – чистая, так я смотрю на тебя, будто ты – я»; «давно-давно ты стала моей, так внутренно моей, до самой-самой телесной близости – ну, ты – во мне, и я – в тебе. И – нераздельно. Вот, мысленно, – обнял тебя – и держу... и всю целую – весь забылся» [2, т. I, с. 226–227]. Столь объемное цитирование признаний в письмах свидетельствует о пережитом состоянии ресублимации (по концепции Шелера), когда Шмелев от пережитых трагических потерь ощущал ограничение притока жизненных сил, следовательно, угасающего интереса к духовной деятельности. Переписка с Бредиус-Субботиной не только вернула его к жизни, но способствовала возвращению к мальчишеству как желаемому состоянию духа, т. е. пуэрилизму как понятию философии культуры, обоснованному М. Шелером. Именно это понятие, которое Шмелев не употреблял, но сохранял его смысл в сознании, тем самым удерживал огромное желание сохранить молодость и придать новые смыслы своей обновленной духовной жизни: «Я пред тобой – мальчишка. Не улыбайся, это правда, так я и думаю... [2, т. I, с. 624]. Вместе с тем ресублимация у Шмелева проявилась в тихом, но страстном бунте против аскетизма интеллектуальной жизни прошлого. Несколько видоизменяя трагическую тему Крыма, Шмелев сопоставляет всю свою прошлую жизнь с периодом «романа в письмах», демонстрируя любимой женщине новое измерение своей сущности — быть для нее. Тем не менее любовь к жене не вытеснилась, но обрела качество провозглашенной христианством этической ценности, т. е. любви к ближнему.

Пережитое Шмелевым состояние ре- и сублимации способствовало не только отторжению архаических духовных сегментов, но и трогательному сохранению отношения к тому, что обрело статус достояния культуры в человеческих взаимоотношениях. Это был тот миг в письмах Шмелева, когда на цветочные мотивы наслаивается тема «духов для переписки», одного из наиболее изысканных явлений чувственного мира как совокупности содержания сознания к чувственным удовольствиям — любви, радости, печали, взволнованности, даже склонности к плотским наслаждениям, хотя и невосполнимым. На этой волне Шмелев рефлектирует, осмысливая свое возвращение к забытому состоянию, размышляя, сравнивая, изучая обновленное состояние духа, как движения к новому Я. И вместе с тем это особая форма рефлексии, поскольку происходило возвращение к самому себе, такому неожиданному, юному через мышление в письмах.

Тональность цветочных мотивов была задана Бредиус-Субботиной: «Сердца звук не понял? Ты – то?! И "стих" мой не увидел? Хоть писала его и внешне стихом. Там было о созвучиях, цветах и ароматах, и поцелуе» [2, т. l, c. 202]. Именно цветочный аромат продуцирует откровение Шмелева как раскрытие истины, воспринимаемой не только рассудком, но и сердцем, поскольку это особенное состояние любви. И это уже не было заблуждением: «Ну, и подобрались друг к другу! Кажется, оба задохнемся, друг от друга. Не знал такого чувства... Мы совсем безумные! Помни одно: люблю – до смерти» [2, т. I, с. 206] (подчеркнуто Шмелевым - B.H.). Это слово открывало путь к наиболее сокровенному смыслу «романа в письмах», выраженного в мотиве «духов для переписки». Веруя в близкую встречу с любимой, Шмелев в письме от 3.11.41 неожиданно задается вопросом: «Какие твои любимые духи? Не ландыш? Нет... не грэюпль? Блоссона (его Оля всегда покупала), один из самых тонких и дорогих. Любила Ландыш, но он томит. Я любил, когда она тихо подойдет, я пишу, ни-чего не слышу, хоть пожар, – не вижу, – и ... на голову мне – накапает грэпэплем... Я не слышу, потом – запах бросает меня куда-то... И я прихожу в себя» [2, т. I, с. 227]. Именно запах остался в памяти как наиболее значимое событие прошлой жизни – и крымской, и парижской. Сохраненный запах ландыша не только «томил», но удерживал во времени, из которого Шмелев уже вырвался. Тем не менее именно его запах он привнес в отношение с Бредиус-Субботиной, возможно, как воспоминание о трогательных традициях русской литературы («Первый ландыш» Афанасия Фета). Так, письмо от 08.12.41 надушенное ландышем с сообщением: «Сегодня купил и для себя "ландыш"» [2, т. I, с. 328], вероятно, с надеждой, что душистые эманации ландыша будут создавать особенные отношения между ним и Ольгой Александровной. И все же она несколько сдерживала порывы Шмелевапарижанина.: «Ванечка, ты не присылай еще духов – к чему так баловать? Я не запрещаю это, но... просто... зачем же?» [2, т. I, с. 352]. Но Шмелев настойчиво предлагает любимой «Ландыш» Герлен, а также «Жасмин»: «Я всю тебя задушил бы... духами! Всю тебя осыпал бы дарами, малыми такими» [2, т. l, с. 357]. Ольга вдохновляет его, он осознает, что они пишут «роман в письмах», который со временем будет опубликован. Вместе с тем и Ольга ощущает необыкновенный подъем. Духи, присланные Шмелевым, надушенные листы писем создают не только особенную ауру, но формируют аромат любимой, которым она готова поделиться, поэтому заказывает ему для передачи во Францию и ландыш, и белую сирень, «непременно душистые цветы» [2, т. I, с. 395], поскольку этот запах духовный. Когда сирень была доставлена Шмелеву, он ощутил необыкновенный подъем чувств: «Я был так счастлив! А вечером пришли «молодые», друзья, и я им пел, много пел... – откуда такой – бархатный! – баритон взялся?» [2, т. I, с. 413].

Мотивы цветов, цветочных запахов и ароматов французских духов, которые смешались в переписке, осмысление их использования в частной жизни обусловили стилевую особенность писем, в которых заявили себя в качестве ключевых слова, производные от выражения дух, обозначающих в переписке дыхание, дуновение ароматов и запахов как носителей жизни, как всеобщего характера любовных отношений Шмелева и Бредиус-Субботиной, сплетения их обновленных форм жизни (эпистолярных) и духа. «Ты чутко пони-

маешь дух "Твоя от Твоих"» [2, т. I, с. 412]; «Я знаю только мою Олю..., исключительную по душевной красоте» [2, т. I, с. 412]; «Вся родня у нас – духовная [2, т. I, с. 399]. Под духом просматривается такое положение вещей, когда переписка продуцирует духовную деятельность изначально отдельного человека, что нашло выражение во вспыхнувшем интересе к жизни, к женщине и внезапном озарении Шмелева его любовного чувства к Бредиус-Субботиной. На этой волне проявился их общий дух, формируемый посредством целенаправленной, настойчивой, непрекращающейся духовной работы. Переписка продемонстрировала их возрастающее духовное единство, гораздо мощнее витального. Потребность в любовных признаниях, трогательной заботе о бытовых условиях повествует не только об истории жизни с откровениями доселе неведомыми, но обусловливает желание телесной близости, невозможность которой компенсируется созданием совместного цветочного аромата, переходящего также в совместные запахи французских духов, передаваемых из Парижа, созданного всеобщего аромата, исходившего от надушенных писем. Так, у Шмелева происходит ощущение Ольги Александровны как живого тела, в широком толковании этого слова, т. е. основы душевной жизни, когда тело и душа образуют витальное единство на грани с духовным. Воображение влюбленного Шмелева воссоздает в письмах живое тело любимой, воздействуя на нее силой чувств, настроений, аффектов. Его духовное состояние зависит от этого воображаемого живого тела, а любовные переживания на определенном этапе переписки могут реализоваться, когда находят воплощение в едва ли не физическом ощущении тела любимой и откровенном признании ей: «Я люблю тело – во всем, даже – в духовном. Прочтешь, м. б., «Старый Валаам» – там, сквозь Тело – дух сквозится» [2, т. I, с. 221]. Шмелев во время любовной переписки и свое тело воспринимает как синтез телесного и духовного, едва ли не как главный объект своих новых переживаний, соотносимый с телом Ольги. Эта мысль реализовалась в ряде писем, углубленная ароматами и запахами духов и цветов: «...Я послал тебе духи – для тебя, живой Оли... я люблю тебя. Оля, открой и дыши ими. Я посылаю живой... Целую мою Олю. И как во мне му-у-утно! [2, т. l, с. 417]; «08.01 в 1 ч. дня принесли мне твое дыханье, – три твои поцелуя, снежинка... чистые, снежные, тонкого живого фарфора – колокольчики... – о, какие же живые... гиацинты! Все твое – жизнью полной цветет-поет! Все! Эти буйные мотыльки... розы крылатые...розо-сомончики... поют для меня молитву – песню... окна открываю, чтобы они жили, твои живые поцелуи, крылатые... И нежная, как твое дыханье, пышная-пышная белая сирень, – все цветет! Вся богатая твоя природа, твоя душа... – для меня – цветенье, ликованье, порыв, метанье, игра и свет. Это же твой сад-цветник у меня, – и как все сильно, свеже, как все живет тобой-тобой, только» [2, т. I, с. 419]. Словно призыв страстно любящего сердца звучат слова: «Ольга, изволь жить духами» [2, т. I, с. 431]; «Оля, живи духами, всеми» [2, т. I, с. 440]. И тут просьба: «Прости, Олек, эти пятна от духов!» [2, т. I, с. 440], следовательно, взаимосвязь через ароматы крайне необходима, даже «капля Apres l'ondce» [2, т. I, с. 463]. И ответное послание запахов от Ольги: «Здесь духи» [2, т. I, с. 684]. Но при этом «дух», «надушенность», «дыхание», как и способствующие тому ароматы и запахи цветов духов, весьма автономны в переписке и не имеют четких границ, оставляя для любящих неограниченную сферу развития. Так, личный дух Бредиус-Субботиной постепенно врастал в духовную культуру, формируемую для нее Шмелевым, которую она усвоила благодаря своему воспитанию и образованию, подмеченному таланту. Ее новое становление происходило в переписке, имея колоссальную обратную силу: «Сколько ты – твоя любовь, моя – к тебе любовь, – выбила искр во мне! Я ведь засыпал! Теперь – горю, страстно хочу писать, во-имя Твое, Оля» [2, т. I, с. 487]. Но при этом Шмелев не забывал свой Крым, его трагедий и страданий жены: «Мы были окаменевшие, уже неживые, светило солнце мертвых. Это я понял после, чуть отойдя» [2, т. I, с. 478], как не угасала в нем традиционная форма воспитания и образования, существующие нравы, образ мыслей, тонкий эстетический вкус, неиссякаемый интерес к мировым событиям, проблемами литературы и искусства, размышления по этому поводу в переписке. Он делился творческим опытом с талантливой Ольгой, анализируя «маленькие этюдики» Ильина: «Видишь, просто: связать с "внутренним образом" предмета свою душу, сердце: тут и детские ощущения..., и "радость жизни", и красота божья, – и "душа, вещи", и – быт, и... запах и отражения их в духе человека... – бездна» [2, т. l, с. 486]. Его живой дух проявляется в нормах мышления, им разработанных моделях поведения, следовательно, на волне ароматов и запахов («и – прошу – живи духами! Не храни» [2, т. I, с. 493], соединивших его с любимой женщиной: «Пример: письмо вчерашнее "запахи и ласки-поцелуи!.." Не опускай глаза, прости, я - безумствую, О-льга..! Оля – все мои тайны творческой работы – твои, ты – я, я - ты. Думать вместе! Это счастье» (подчеркнуто Шмелевым – B.H.) [2, т. I, с. 486].

В переписке с любимой Шмелев познал смысл живого духа, обогатив его своим состоянием любви: «Духи свои лей на себя, они же для тебя и посланы. А у меня есть, для меня, — или платок опрыскаю, или чуть покурю в комнате... а для постельного белья лаванда у меня есть. Жалею, что не послал тебе хотя бы "душистого горошку", если "жасмина" не мог достать. И еще у меня есть очень тонкая "сирень", я весну люблю вызывать. В ее запахе — этой моей сирени — столько тончайших весенних дуновений! По-моему, это самый легкий, самый весенний запах, — столько вызывает во мне ощущений, отсветов юности... и — грусть» [2, т. I, с. 557]. Тем и интересны первые годы создания «небывалого романа» о любви выдающегося писателя последних лет его жизни, обогатившего культуру «грамматикой ароматов», передавших парадоксальную атмосферу трагического XX века.

Список использованной литературы

- 1. Ильин И.А. Переписка двух Иванов (Собрание сочинений). Т. 2 (1935–1946) / И.А. Ильин. М.: Русская книга, 2000. 578 с.
- 2. Шмелев И.С. и Бредиус-Субботина О.А.: Роман в письмах: в 2 т. / И.А. Шмелев, О.А. Бредиус-Субботина. М.: РОССПЭН, 2003.
- 3. Память // Философский словарь: основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкоффа. М.: Республика, 2003. С. 329–330.
- 4. Вайнштейн О. Грамматика ароматов / О. Вайнштейн // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 1. 672 с.
  - 5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
- 6. Корбен А. Ароматы частной жизни / Ален Корбен // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / сост. О.Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 1. С. 366–412.

"A ROMANCE IN LETTERS" OF SHMELEV AND BREDIUS-SUBBOTINA: PARADOXES OF SMELLS AND AROMAS OF LOVE

Valentina D. Narivskaya, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).

E-mail: narivska@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-12

Key words: correspondence, love, flavours, smells, flowers, perfume, spirit, sense of smell, imagination.

The article considers the correspondence of the famous writer Ivan Shmelev (1873–1950) with Olga Bredius-Subbotina (1904–1959). Their acquaintance took place in the emigration in a "reader-admirer" format. It was a difficult period in Shmelev's life due to the execution of his single son, the force to emigrate, the death of his wife. The writer's state evoked sensation of parting with the world. Unexpected correspondence with Bredius-Subbotina, her admiration for the creative work of a talented master of literature revived the desire to live and create. This time it was correspondence, which over time gained special significance for Shmelev, gave him the opportunity to be heard in his stories about the tragic feelings with which he had lived for years. Among the most painful one was the theme of Crimea, which broke out in correspondence with the deeply stored state - the memory of the Crimean smells, as it turned out, was more stable, strong and therefore dear to the writer's heart. This implied a corresponding reaction of the addressee. But Bredius-Subbotina remained somewhat indifferent to the topic of Crimea, nevertheless she was able to offer a new format of correspondence on the wave of Crimean smells favourite by Shmelev. In the letters by Bredius-Subbotina the accents were shifted to the experience of pleasure of flower aromas and smells. Shmelev accepted this proposal without giving up on the Crimean oxymoronic meanings, multiplying them by the smell of grapes and roses, as a challenge to the abnormal world. Bredius-Subbotina was no less persistent in her desires, so with special force turned "scents of life" into correspondence, i.e. scents of favourite flowers, thereby arousing Shmelev's impression through his sense of smell, helping him to return to his youth, to boyishness, to a seemingly forgotten state.

Thus, in 1941, in the midst of the tragic events of the World War II the traditional theme of world literature love and war revived in correspondence between Shmelev and Bredius-Subbotina. The moment came when Shmelev realized that Olga Aleksandrovna was his last love, and his correspondence with her was a "romance in letters"; he, as a writer, created his last work of art, which would be read by descendants. Therefore, Shmelev not only restored the traditions of world and Russian love epistolarians, but also brought his experience back to his youth. He was fascinated by the possibility of exchanging flowers and floral aromas, which contributed to the intensive work of the imagination. In his letters, the writer created floral sketches of his beloved one, and then wrote an etude "Girl with Flowers", which he managed to convey. Hyacinths, bells, lilies, peas, lilacs were transferred from Paris to Holland and became symbols of passionate love.

Shmelev and Bredius-Subbotina turned to another cultural tradition, and therefore received letters with the smell of French perfume, which created a sense of bodily intimacy, a special state of love. Flowers, floral fragrances, French spirits mixed in love correspondence determined its style and presented a unique image of love for the twentieth century.

References

- 1. Il'in, I.A. *Perepiska dvuh Ivanov (Sobranie sochinenij). T. 2 (1935–1946)* [Two Ivans` Correspondence (Complete edition). Vol. 2 (1935-1946)]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, 578 p.
- 2. Shmelev, I.S. and Bredius-Subbotina, O.A. *Roman v pis'makh: v 2 tomah* [A Romance in Letters: in 2 volumes]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003.
- 3. Shishkoff, G. (ed.). *Pamjat'* [Memory]. In: *Filosofskij slovar': osnovan G. Shmidtom* [Philosophical dictionary: is based by G. Schmidt]. Moscow, Respublika Publ., 2003, pp. 329-330.
- 4. Vajnshtein, O. *Grammatika aromatov* [Grammar of Aromas]. Vajnshtein, O.B. (ed.). *Aromaty i zapahi v kul'ture: v 2 knigah* [Aromas and smells in culture: in 2 books]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, book 1, 612 p.
- 5. Kant, I. *Antropologija s pragmaticheskoj tochki zrenija* [Anthropology from a Pragmatical Point of View]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, 471 p.
- 6. Korben, A. *Aromaty chastnoj zhizni* [Aromas of a private life]. Vajnshtein, O.B. (ed.). *Aromaty i zapahi v kul'ture: v 2 knigah* [Aromas and smells in culture: in 2 books]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, book 1, pp. 366-412.

Одержано 5.09.2019.

УДК 821.161.1Гіп7

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-13

Е.В. ПЕДЧЕНКО,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славянской филологии и перевода Мариупольского государственного университета

ГЕНДЕРНО-ВАРИАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ЛЮБВИ ЗИНАИДЫ ГИППИУС

Статья посвящена исследованию гендерной проблематики жизни и творчества Зинаиды Гиппиус как реализации идеи человека-актера в игровой стихии эпохи, что продолжает и расширяет уже сложившийся дискурс в литературоведении. Гендерно-вариативная репрезентация философии любви рассматривается в художественной и документальной прозе автора. Определяются психологическая и творческая мотивации гендерных поисков Гиппиус, стремление к разрушению гендерных стереотипов и созданию новой концепции любви.

Изучение дневника «Contes d'amour» (1893—1904) свидетельствует о глубоком самоанализе, творческом восприятии жизни и богатом внутреннем мире переживаний писательницы, который она скрывала за карнавализированным образом. В нем сформулированы основные составляющие её эротической утопии: поцелуй, влюбленность, неприятие физической близости. Стремление к гендерному равенству было заложено отцовским воспитанием и реализовано в браке с Дмитрием Мережковским, благодаря взаимопониманию и «взаимознанию». В играх в двуполость и экспериментах с гендерными ролями Гиппиус использует маски девства, роковой женщины, мальчика или мужчины, обращаясь к кросс-дрессингу, «травести» и псевдоандронимам.

В художественной прозе Гиппиус переносит Эроса из сферы заземленного быта в сферу «таинственного» через влюбленность («Мисс Май», «Яблони цветут», «Сумерки духа»). Она представляет «просветленную» женщину, которой открылась новая правда, вера; эта женщина знает «секрет» любви и обращает её к Тому, чья любовь проецируется на чувства людей. Вне зависимости от гендера рассказчика, влюблённость и разрушающее стереотипы поведение героев произведений остаются главными («Вечная женственность»). В эмиграции Гиппиус формулирует достаточно четкое представление о любви и гендере в статьях «О Любви» и «Арифметика любви», которые доказывают, что нетипичная для ее времени гендерная идентичность навеяна стремлением к андрогинии.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, гендерная роль, философия любви, андрогиния, Серебряный век.

Статтю присвячено дослідженню ґендерної проблематики життя і творчості Зінаїди Ґіппіус як реалізації ідеї людини-актора в ігровій стихії епохи, що продовжує і розширює вже сформований дискурс в літературознавстві. Ґендерно-варіативна репрезентація філософії кохання розглядається у художній та документальній прозі автора. Визначаються психологічна і творча мотивації ґендерних пошуків Ґіппіус, прагнення до руйнування ґендерних стереотипів і створення нової концепції кохання.

Вивчення щоденника «Contes d'amour» (1893—1904) свідчить про глибокий самоаналіз, творче сприйняття життя і багатий внутрішній світ переживань письменниці, який вона приховувала за карнавалізованим образом. У ньому сформульовано основні складові її еротичної утопії: поцілунок, закоханість, неприйняття фізичної близькості. Прагнення до ґендерної рівності було закладене вихованням батька і реалізоване в шлюбі з Дмитром Мережковським на умовах взаєморозуміння і «взаємознання». В іграх у двостатевість і експериментах з ґендерними ролями Ґіппіус використовує маски дівоцтва, фатальної жінки, хлопчика або чоловіка, звертаючись до крос-дресингу, «травесті» та псевдоандронімів.

У художній прозі Гіппіус переносить Ероса зі сфери заземленого побуту до сфери «таємничого» через закоханість («Міс Май», «Яблуні цвітуть», «Сутінки духу»). Вона являє «просвітлену» жінку,

якій відкрилася нова правда, віра; ця жінка знає «секрет» кохання та звертає його до Того, чия любов проектується на почуття людей. Незалежно від ґендеру оповідача, закоханість і поведінка героїв оповідань, що руйнує стереотипи, залишаються головними («Вічна жіночність»). В еміграції Гіппіус формулює досить чітке уявлення про кохання і ґендер у статтях «Про Кохання» і «Арифметика кохання», які доводять, що нетипова для її часу гендерна ідентичність навіяна прагненням до андрогінії.

Ключові слова: ґендер, ґендерний стереотип, ґендерна роль, філософія кохання, андрогінія, Срібний вік.

зменения социокультурной ситуации в обществе определили интерес к гендерным исследованиям, которые в течение последних десятилетий стали популярны во многих областях науки и вошли в университетские программы. Литературоведческие исследования данного аспекта традиционно опираются на практику феминистской критики, разработанную С. Гилберт и С. Губар, Л. Иригерей, А. Коллодны, Т. Мой, Э. Сиксу, Э. Шоуолтер и др. В отечественном литературоведении она представлена работами В. Агеевой, Н. Гондоревой Н. Зборовской, И. Жеребкиной, С. Павличко и др. Однако к прозе Зинаиды Гиппиус невозможно полностью применить традиционный вариант анализа женской прозы, на который, например, опирается М. Ищенко, рассматривая романы сестер Бронте [1], так как её творческая практика «целиком устремлена к разрушению господствующего гендерного порядка» [2, с. 130].

Зинаида Николаевна находилась в центре карнавализированной атмосферы Серебряного века, где смыслом игры становится разрушение застывшей официальной правды, вступление в область вольного, чистого отношения к искусству. Как отмечает Ю. Лотман, игра дает человеку условную возможность говорить с самим собой на разных языках, «по-разному кодируя свое собственное "я"» [3, с. 73]. Одним из возможных вариантов такого кодирования может выступать смена поло/гендерной идентичности, что и было использовано Гиппиус. Так как, по утверждению Ю. Кристевой, участники карнавала выступают исполнителями и зрителями одновременно, что дает автору возможность наблюдать «за собственным творчеством, автора как "я" и как "другого", как человека и как маски» [4, с. 443], что и делает Гиппиус на страницах своей художественной и документальной прозы. Наиболее обстоятельные и известные исследования гендерных особенностей её творческой личности принадлежат Ю. Курило, О. Матич, Т. Осипович, М. Паолини, Р. Томсону, К. Эконен и др. Цель нашего исследования — продолжить сложившийся дискурс, представив гендерную проблематику жизни и творчества Гиппиус как реализацию идеи человека актера и воплощение игровой стихии эпохи.

С момента входа в литературное поле Серебряного века Зинаида Николаевна оказалась в центе внимания собратьев по перу, критиков и светских сплетников. Она появилась в Петербурге уже будучи замужем, поэтому ее воспринимали как спутницу Мережковского. Однако, несмотря на свой юный возраст, Гиппиус уже имела опыт литературного лидерства, как следует из книги её воспоминаний «Дмитрий Мережковский». Все начиналось с малого — первыми «жертвами» ее организаторских способностей и любви к писательству стали обитателей дачи Драшусова, где семья жила в первый год пребывания на юге. Она заразила их литературными упражнениями: шуточные стихи, дневники [5, т. 6, с. 135]. Переехав в Боржом, собрала вокруг себя «гимназический кружок», в котором все увлекались поэзией Семена Надсона. О своих поэтических опытах того времени она отзывалась крайне скептически, но у членов кружка «поэтесса» пользовалась популярностью.

С характерным для нее скепсисом Гиппиус отнеслась к первому, прочитанному ею в журнале «Живописное обозрение», стихотворению Мережковского, однако имя его запомнила [5, т. 6, с. 136]. В воспоминаниях она подробно рассказывает об обстоятельствах встречи с будущим мужем, о разных случайностях, в том числе стихотворение в журнале, что вели их друг к другу и сделали встречу предопределенной свыше. Описывая эти события по прошествии более полувека, Зинаида Николаевна придает им легкую романтичность: знание друг о друге до встречи, споры, доходящие до ссор, ревнивые соперники и соперницы, объяснение и договор о женитьбе на лунной дорожке, свадебное путешествие по Военно-грузинской дороге. Правда, это было странное объяснение и не традиционный медовый месяц, о чем она говорит достаточно много, а следовательно, и дальнейшая се-

мейная жизнь представлялась странной, потому что между ними не было любви, как она ее понимала и знала тогда, но было что-то другое, что соединило их на всю жизнь, несмотря на ссоры и разногласия первых лет совместной жизни. Странное замужество усилило ее непосредственный интерес к вопросам природы любви, ответы на которые она ищет в своем жизненном опыте, интуитивно, как и свойственно женщине.

С этой целью в 1893 г. Гиппиус начинает вести дневник «Contes d'amour» (Сказки любви), в котором на протяжении 11 лет размышляет об интимных отношениях, браке и анализирует свои чувства. Первая запись от 19 февраля 1893 г. объясняет причину появления этого дневника: «Так я запуталась и так беспомощна, что меня тянет к перу, хочется оправдать себя или хоть объяснить себе, что это такое?» [5, т. 8, с. 27]. Она осознанно отделяет этот дневник от ранее писанных, афористичных, светлых. Не претендуя на изложение правды, которую сама не знает, хочет попробовать представить только факты: «Моя любовная грязь, любовная жизнь. Любовная непонятность» [5, т. 8, с. 27].

Основной лейтмотив дневника – поиск «чудесной» любви, желание ощутить то, «чего нет на свете» [5, т. 8, с. 35], как она пишет в стихотворении, приведенном в записи от 17 марта 1893 г. Начинается поиск-анализ с воспоминаний о детском увлечении, определившем основные проблемы восприятия любви, которые в дальнейшем станут главными тезисами ее эротической утопии: поцелуй, влюбленность, неприятие физической близости. Она особо выделяет поцелуй, который, по мнению О. Матич, был для Гиппиус «эротическим единением, отрицающим деторождение и преодолевающим телесную похоть», а также он предполагал «равенство партнеров, представлял для нее соловьевский андрогинный идеал "двух в одном", сохраняющий при этом уникальность каждого индивидуума» [6, с. 100].

Стремление к половому равенству, возможно, определи ее отношения с отцом, который был для нее очень близким и дорогим человеком, общающийся с нею «обычно как с "равной", с "большой"» [5, т. 6, с. 133–134]. Отец стремился дать дочери хорошее образование, для чего сначала определил ее в Киевский институт, а когда она вернулась домой, приглашал преподавателей из Гоголевского университета в Нежине. После смерти отца семья не могла себе позволить подобную роскошь, и Гиппиус продолжила свое образование уже самостоятельно. В Дмитрии Сергеевиче она нашла не только единомышленника, но и равного, в союзе с ним ей удалось реализовать идею духовного и творческого равенства в браке. Т. Осипович утверждает, что в дневнике нет ни слова о чувствах к Мережковскому [7], но тем не менее в записи от 23 февраля 1893 г. мы находим: «Я люблю Дмитрия Сергеевича, его одного. И он меня любит, но как любят здоровье и жизнь» [5, т. 8, с. 32], а в записи от 7 февраля 1901 г. она рассуждает об их взаимопонимании и взаимознании [5, т. 8, с. 56].

Дневниковые разыскания Гиппиус коснулись и однополой любви, в которой она тоже не приемлет неравенства: «Нет, извращение, специализация – примитивнее даже брака. Извращение смешно даже для зверей... И педерастия, как акт, должна быть ужасно смешна» [5, т. 8, с. 48]. В гомосексуальных мужчинах её интересовало сочетание мужского и женского, «обман возможности: как бы намек на двуполость» [5, т. 8, с. 48]. Эти размышления связаны с пребыванием Мережковских в Таормине (1899), по ее определению, «белый и голубой город самой смешной из всех любовей – педерастии» [5, т. 8, с. 47]. Р. Томсон считает, что события, происходившие на вилле Гваурдидола в Таормине, произвели на Зинаиду Николаевну очень сильное впечатление, поэтому она обращается к ним трижды. В дневнике «Contes d'amour», рассказе «Небесные слова» (1901) и «Мемуарах Мартынова» (1927–32), или «таорминском цикле» (Томсон) прослеживается развитие ее сложного понимания любви [8, с. 262]. Эти произведения как нельзя лучше демонстрируют напряженно-эротическую атмосферу прозы Гиппиус, особенно когда речь идет о переживании, для которого в прозе подобрать слова наиболее трудно. Поэтому рассказ об отношениях с Елизаветой фон Овербек фрагментарен, прерывист, полон недосказанности. Как свидетельствует К. Эконен: «В отличие от "платоновских" отношений поэта Гиппиус с мужчинами, любовные отношения с женщинами не носят философского характера. Они также не предназначены для зрителей» [2, с. 33]. Фраза с которой начался этот роман: «ведь я с этим существом все могу сделать, что хочу, оно – мое» [5, т. 8, с. 51], несколько перефразированная, появится в «Мемуарах Мартынова», что несомненно связывает эти тексты как общность сюжета. Следует заметить, что самоцитирование и самореминисцирование характерно для текстов Гиппиус, например, в воспоминаниях «Дмитрий Мережковский» мы часто встречаем отрывки из ее дневников.

Последние три года ведения дневника приходятся на период развития «нового религиозного сознания», организации и работы Собраний, создания триумвирата Мережковский-Гиппиус-Философов как реализации идеи соборной любви. В этот период записи становятся редкими, но более обширными и рассудительными. Гиппиус уходит от накала страстей: «я стала спокойнее, свободно-покорнее и тверже» [5, т. 8, с. 52]. Она так и не нашла ответа на вопрос «нужна ли плоть для сладострастия», потому что «Для страсти, т. е. для возвращения в жизнь — да (дети). А сладострастие — оно идет до конца...» [5, т. 8, с. 53]. Теперь Гиппиус говорит о любви-жалости, ей жалко Философова и других «бедных людей, которые приходят, надеясь» [5, т. 8, с. 54]. Она стала смотреть на все с новой точки зрения «далекой от "любовей"! И очень близкой к... любви» [5, т. 8, с. 59], но влюбленность ее не покидает, о чем свидетельствует рассказ о «романе» с Карташовым. Меняется даже ее отношение к поцелую, который теряет сказочную притягательность равенства и приобретает качественные характеристики; «жадные губы», «так целовал бы страстно-жадный и бессильный мертвец» [5, т. 8, с. 68].

Дневник «Contes d'amour» являет собой настоящую «загадку женственности», не разгаданную самим автором. Потребность в нарративном исследовании исчерпана, ответы не найдены, финал, с обещаниями еще написать, рассказать «о том, что было вчера», «о последнем лете» [5, т. 8, с. 69], остался открытым. Материалы этого «исследования» получат художественную форму, станут основой эссе и философских статей («Влюбленность», «О поцелуе», «О любви»). Перечитывая свои записи, Гиппиус констатирует: «дневник не роман. Читать его — мучительная работа... Но как документ — имеет значение» [5, т. 8, с. 52]. «Contes d'amour», как и другие дневники, первоначально не планировался к публикации, но прошло четверть века после ухода автора, и он увидел свет, оказавшись в центре внимания исследователей, так как представил откровенную репрезентацию гендерной самоидентификации и чувственных поисков Гиппиус, которые в жизни сопровождались эпатированием петербургского общества меняющимися масками и соответственной на них реакцией окружающих.

Нельзя не согласиться с выводами Т. Осипович, что воспринимать слова современников о Гиппиус следует, учитывая понятия того времени [7]. Например, в литературных кругах ходило ироническое высказывание, адресованное Д. Мережковскому: «Отомстила тебе Афродита, послав жену — гермафродита» [9]. Это двустишие выражало суть проблемы: с одной стороны, Мережковские все время говорят и пишут о любви, а с другой — декларируют девство. По этому поводу Т. Осипович пишет: «Мнение о том, что Гиппиус — гермафродит, высказывалось не только ее современниками (С. Маковским, Ю. Фельценым, Н. Берберовой и др.), но и повторялось некоторыми авторами, пишущими о ней сегодня, например, Т. Мамоновой и О. Матич. Но если бы они больше читали о "новых" женщинах или о лесбиянках начала ХХ в., то знали бы, что подозрение в гермафродитизме было распространённым мнением о женщинах нетрадиционной сексуальности и поведения в публикациях тех лет» [7, с. 219].

Слухи, шутки и настороженность порождали, в первую очередь, наряды Гиппиус, которая то появляясь с косой и в белом платье, подчеркивая свою девственность, то шокировала окружающих «кафешантанными» платьями (знаменитое черное платье с разрезами на розовой подкладке, создававшее визуальный эффект наготы, в котором она пришла на первое философско-религиозное собрание) [10, с. 831–832], или короткой стрижкой и кросс-дрессингом, надевая костюмы пажа, денди, юнги. Как отмечает Колин МакДауэлл: «общество всегда было враждебно настроено по отношению к кросс-дрессингу, потому что он считался чем-то способным разрушить базовый порядок. Быть "в травести" означало оказаться вне правил поведения, утвержденных большинством общественных договоров Запада» [11]. Кроме того, она экспериментировала с «травести» и в творчестве, меняя гендерную репрезентацию текста — поэзия, критическая проза и частично беллетристика были написаны от имени мужчины. Д. Томсон считает, что в отличие от своих предшественниц, как Джордж Элиот, которые подписывались мужским псевдонимом, но в мане-

ре письма угадывалась феминность, Гиппиус достаточно тонко прослеживала психологию героев мужчин, и также у ее героев-рассказчиков была «точка зрения мужская» [12]. Сама Гиппиус говорила, что «В моих мыслях, моих желаниях, в моем духе — я больше мужчина, в моем теле — я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю» [5, т. 8, с. 69]. Налицо проблема гендерной раздвоенности, однако, если отнести вышесказанное к современной женщине, то вряд ли кто-то стал бы говорить о проблеме гендерной самоидентификации, что связано с изменениями стереотипа.

Гиппиус не вписывалась в гендерные стереотипы начала XX в., а точнее, не хотела вписываться, несмотря на трудности коммуникации. Поэтому для носителей этих представлений о мужском и женском, например, Н. Бердяева, она представлялась «мучительным» человеком, в котором «явно была перемешанность женской природы с мужской» [13, с. 143]. По свидетельству А. Лаврова: «В.А. Злобин, И.В. Одоевцева и другие современники Мережковских сходились в признании того, что о этом союзе двух первичная, оплодотворяющая, «мужская» роль досталась Гиппиус, Мережковский же исполняет «женскую» роль — являет плодородную почву, вынашивает, производит на свет» [14, с. 10]. Тем не менее богемные имена-образы Гиппиус были исключительно женскими.

Чаще всего ее называли декадентской Мадонной, что соответствовало поведению, положению хозяйки дома-салона нового времени, рыцарскому образу Мережковского и других ее почитателей. За пророческий дар ее нарекли «Петербургской Кассандрой» [15]. Более молодые современники чувствовали в ее сложной противоречивой натуре мистико-романтическое начало, потому А. Блок видел в Зинаиде Николаевне «Зеленоглазую наяду» [10, с. 5], а «иерархи, члены Собраний, прозвали "белая дьяволица"», как свидетельствует В. Злобин [10, с. 831). Он предположил, что причиной стало ее кафешантанное платье или другие выдумки. Возможно, причиной послужил и роман Мережковского «Воскресшие боги», который к тому времени уже был опубликован в журнале «Мир божий» (1900). Образ «Белой Дьяволицы» играет в нем сквозную роль и предстает в разных вариациях, олицетворяя демоническое начало соблазняющей женской красоты, идущее от Венеры. Эпатажное поведение «Зинаиды Прекрасной» не могло не напомнить участникам Собраний о столь ярком персонаже романа ее мужа. Кроме того, ее холодность, красота и белые платья могли вызвать ассоциацию «с холодной мраморной скульптурой Венеры, установленной в начале XVIII в. в Летнем саду» [15]. И. Парамонов считает, что облик «белой дьяволицы» стал для Гиппиус способом победить дьявола – «она бросила нечистой силе кость – собственную внешность, приобретшую от этого демоническую, диаболическую красоту» [16]. Но эти образы были всего лишь роли, о чем свидетельствует ее запись в «Contes d'amour», сделанная в 1893 г.: «Слишком изолгалась, разыгрывая Мадонну. А вот эта черная тетрадь, тетрадь "ни для кого" – пусть будет изнанкой этой Мадонны»

Однако среди современников находились люди, которым удалось рассмотреть в поведении Зинаиды Николаевны организующее карнавально-творческое начало. Так, А. Волынский представил ее Сильфидой, гениальным средневековым духом воздуха, отмечая, что ее женственность была «существенно девического характера», с присущими ему капризами, шаловливой игрой, ласковым вниманием и охлаждением. Ее кокетливость достигала «высоких степеней художественности», даже самые угрюмые и замкнутые собеседники поддавались обаянию ее «комедии любви». Однако «При всей прелести деталей, при сильфидной пленительности походки, жестов и воздушной мимики, в тембре ее существа слышался всегда тревожный крик треснувшего стекла. Это чувствовалось решительно всеми и превращало отношения к З.Н. Гиппиус, несмотря на неугомонную ее амуреточную игру, в некую литургию» [10, с. 584]. В то же время он отмечает, что «в этом ребенке скрывался уже и тогда строгий мыслитель, умевший вкладывать предметы рассуждения в подходящие к ним словесные футляры, как редко кто» [10, с. 584].

Волынский говорит и о второй стихии личности Гиппиус, мире «фантастического бреда», в котором сложно было отличить «действительную жизнь от игры фантазии» [10, с. 585]. В качестве примера он приводит случаи эпистолярных мистификаций Зинаиды Николаевны. «Она умела писать чужими почерками разные письма разным людям» [10, с. 585]. Мережковскому она писала от имени его почитательницы Снежной королевы, Волынскому приходили письма, написанные его же почерком, в которых отправитель полемизировал с ним по литературным и житейским поводам. Она считала, «что здесь нет никакого обмана, никакой иллюзии, что это настоящая действительность, представляющая в идеале то, чего нет в реальности» [10, с. 586]. Как отмечает К. Исупов, «символизируемая реальность есть реальность ее описания», поэтому автору, который выступает человеком-артистом, «вольно придавать ей тот градус подлинности, какой задается правилами игры» [17, с. 78].

Не случайно А. Измайлов в статье 1913 г. пишет: «В нынешней литературе 3. Гиппиус представляется любопытным образом писателя, ужаснувшегося перед морем книжной банальщины, — банальщины замыслов и приемов, мыслей и чувств, заглавий и эпитетов. Она из тех первых, кто ясно и раз навсегда сознал, что невозможно работать в направлении, исчерпанном почти до конца...» [5, т. 15, с. 243]. По мнению К. Исупова, проза Гиппиус объединяет традиции Чехова (поэтика быта) и Достоевского (метафизика отношений героев). «На перекрестке этих традиций состоялся в русской классике прямой "перевод" Эроса из сферы безлюбовного заземленного быта в область "таинственного", причем первый осознается как топос избыточного страдания и испытания, а второй — как возможность подлинности и вечного решения» [17, с. 87].

В художественной прозе Гиппиус область «таинственного» выражается в состоянии влюбленности героев, которая противопоставляется «заземленному» браку и пошлости («Мисс Май», «Яблони цветут», «Сумерки духа», «Чертова кукла»). Ее герои сталкиваются с новым чувством, которое не могут определить и понять, оно разрушает их привычное понимание любви и ход жизни. Для произведений Гиппиус характерно появление образов женщин, которые выражают близкие ей идеи. Это вариант «новой женщины», которой житейское устройство с обычными заботами жены, матери, хозяйки дома не интересны, но не «колонтаевской» [18], а «просветленной», ей открылась новая правда, вера, эта женщина знает «секрет» любви. Любовь её обращена к Тому, чья любовь проецируется на чувства людей, и к которому её чувство направлено через возлюбленного (Май Эйер «Мисс Май», Марта «Сумерки духа»), или она пытается разобраться в своей любви (Валентина «Златоцвет»). Традиционно любовь в произведениях Гиппиус трагична, иногда она приводит к расставанию, после которого остается болезненное понимание несбыточности чудесного («Мисс Май»), а иногда к трагической развязке: убийству («Златоцвет») или самоубийству («Яблони цветут»). Как точно отметил К. Исупов: «Новое в этой прозе – мистика эроса» [17, с. 87]. Понимание любви в размышлениях героинь синхронно поискам автора, что прослеживается при сопоставлении времени написания художественных текстов с записями дневников и эссе Гиппиус. Даже если героем-повествователем выступает мальчик или мужчина, тема любви и женская проблематика все равно остаются главными.

Примером может служить рассказ «Вечная "женскость"» (1903) о, казалось бы, заурядной истории ухода жены студента Колокольцева к «тенору» в театральный мир. По интонации и развитию сюжета она вписывается в чеховскую традицию, но в подтексте лежит не сатира нравов и быта, а философско-лирическое осмысление бытия. Для героя открывается истина в понимании любви вне стереотипного взгляда, как и понимание гендера вне гендерной метафоры: «Я никогда еще не думал, мамочка, о себе — исключительно как о мужчине. Я не знаю. А простить Варе я ничего не хочу, потому что не вижу, что прощать? И какая тут безнравственность? Это не касается ни людской нравственности, ни безнравственности. Для меня теперь все стало совершенно ясно. Я прежде, по привычке, взятой от людей, тоже в этом роде судил» [5, т. 3, с. 443—444].

На фоне банальности сюжета возникает совершенно небанальная развязка с осознанием естественного понимания вещей для героя. «Он так долго рассказывал матери о своем горе и о своем новом прозрении, — и забыл, что мать его — женщина. Старая, милая, кровью рожденья привязанная к нему; но и она — из тех же существ, которые даны миру, но которых не дано понимать, которым не дано понимание; и она — женщина» [5, т. 3, с. 445]. Поэтому она не воспринимает его новую философию и только говорит: «Ах, бедный мой! Ах, несчастный! К тенору ушла! Были бы у вас дети, ничего бы этого не случилось…» [5, т. 3, с. 440]. Причитаниям матери противопоставлено молчание Леночки, юного создания с красивыми, умными, таинственными глазами. Это были «глаза того существа, которое все уго-

ворились считать и называть человеком, — и зовут, и стараются считать, хотя ничего из этого, ни для кого, кроме муки и боли, не выходит» [5, т. 3, с. 444]. Таким образом, Гиппиус выводит три женских типа, которые, будучи представительницами разных поколений, символизируют вертикальное понятие «женскости»: заботливая мать, свободная жена и «ребенок» с умными и таинственными глазами, как прошлое, настоящее и будущее.

Тема «женскости» рассматривается Гиппиус и в критической литературе, где она, надевая мужскую маску, также старается быть резкой, остроумной и беспощадной, что становится ее авторской стратегией, способом противостояния сексизму в критике, о котором она говорит в статье «Зверобог». Однако в оценке чужого творчества ее мужская маска, особенно Антон Крайний, бывает гораздо беспощаднее, чем многие критики-мужчины, о чем свидетельствует исследования М. Паолини и Д. Томсона.

Уже в эмиграции Гиппиус сформулировала достаточно четкое представление о любви и поле в статьях «О Любви» (1925) и «Арифметика любви» (1931), в которых подытожила не только свой путь исканий и размышлений, но и целой эпохи. В первой статье она пишет о любви соборной, полемизируя с Соловьевым, который говорил об индивидуальной любви и не понимал любовь общественную. Вторая статья посвящена любви личностной, которую каждый знает, и которая не бывает одинаковой. Её «соавторами» выступают В. Соловьев и О. Вейнингер, а главная идея заключается в принятии того, что «коренное свойство человека — андрогинизм» [5, т. 13, с. 159].

Таким образом, в прозе Гиппиус мы наблюдаем декларацию религиозно-возвышенного чувства любви и гендерной амбивалентности автора, который получает право кодировать свое «я» по игровым законам карнавализации в эстетической деятельности. Её мысль об андрогинии человека направлена на объяснение разной природы любви и разрушение гендерных стереотипов. Предметом дальнейшего исследования станет рассмотрение реализации данных идей в литературно-критическом наследии Зинаиды Николаевны.

Список использованной литературы

- 1. Іщенко М.П. Методологічні засади літературознавства в дослідженні специфіки жіночого роману Ш. Бронте та Е. Бронте / М.П. Іщенко // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2018. № 1 (15). С. 138–142.
- 2. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме / К. Эконен. М.: НЛО, 2011. 400 с.
- 3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. СПб.: Искусство СПБ, 1998. С. 14–285.
- 4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
  - 5. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. / З.Н. Гиппиус. М.: Русская книга, 2003.
- 6. Матич О. Эротическая утопия. Новое религиозное сознание и fin de siecle в России = Erotic Utopia: The Decadent Imagination Russia's Fin de Siecle / О. Матич. М.: НЛО, 2008. 557 с.
- 7. Осипович Т.Е. «...Но совсем женщиной она не была»: Зинаида Гиппиус и проблема «женского» в русской культуре рубежа XIX—XX веков [Электронный ресурс] / Т.Е. Осипович // Адам & Ева: альманах гендерной истории. 2006. № 12. Режим доступа: http://www.academia.edu/2947496/_... но_совсем_женщиной_она_не_была_Зинаида_Гиппиус_и_проблема_женского_в_русской_культуре_рубежа_XIX-XX_веков (дата обращения: 09.08.2019).
- 8. Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования / под ред. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 384 с.
- 9. Вульф В. Декадентская Мадонна [Электронный ресурс] / В. Вульф // «L`Officiel». Русское издание. 2002. № 41. Режим доступа: http://v-vulf.ru/officiel/officiel-41-1.htm (дата обращения: 09.08.2019).
- 10. Гиппиус 3.Н.: pro et contra. Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей: антология / под ред. А.Н. Николюкина. СПб.: РХГА, 2008. 1038 с.
- 11. МакДауэлл К. Анатомия моды [Электронный ресурс] / К. МакДауэлл // Blueprint. 2014. Режим доступа: https://theblueprint.ru/culture/book-colin-mcdowell (дата обращения: 09.08.2019).

- 12. Томсон Д. Мужское Я в творчестве Зинаиды Гиппиус: литературный прием или психологическая потребность? / Д. Томсон // Преображение. Русский феминистский журнал. 1996. № 4. С. 138–149.
  - 13. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. М.: Книга, 1991. 445 с.
- 14. Лавров А.В. З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник / А.В. Лавров // З.Н. Гиппиус. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.
- 15. Синдаловский Н. Псевдоним: легенды и мифы второго имени [Электронный ресурс] / Н. Синдаловский // Нева. 2011. № 2. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/neva/2011/2/si14.html (дата обращения: 09.08.2019).
- 16. Парамонов Б. Белая дьяволица [Электронный ресурс] / Б. Парамонов // МЖ: Мужчины и женщины. М.: ACT, 2009. Режим доступа: http://www.libros.am/book/read/id/198773/slug/mzh-muzhchiny-i-zhenshhiny (дата обращения: 09.08.2019).
- 17. Исупов К.Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) / К.Г. Исупов // Русская литература рубежа веков (1890-е начало 1920-х годов): в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Кн. 1. С. 69—131.
- 18. Коллонтай А. Новая женщина [Электронный ресурс] / А. Коллонтай // Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство ВЦИК СР, 1919. С. 3–35. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/novaia moral/ (дата обращения: 09.08.2019).

GENDER AND VARIATIVE REPRESENTATION OF REFLECTIONS ON LOVE BY ZINAIDA GIPPIUS

Elena V. Pedchenko, Mariupol State University (Ukraine)

E-mail: lyolya0211@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-13

Key words: gender, gender stereotype, gender role, philosophy of love, androgyny, Silver Age.

The article is devoted to the study of the gender problems of the life and work of Zinaida Gippius as the realization of the idea of a human actor and the embodiment of the game elements of the era, which continues and expands the already existing discourse in literary studies. The gender-variable representation of the philosophy of love is considered in the author's fiction and documentary prose. The psychological and creative motivations of gender searches Gippius, the desire to destroy gender stereotypes and create a new concept of love are determined.

The study of the Contes d'amour diary (1893-1904) testifies to a deep introspection, a creative perception of life and a rich inner world of the writer's experiences, which she hid in a carnival image. The main leitmotif of the diary is the search for "wonderful" love, the desire to feel what "is not in the world". It formulated the main components of her erotic utopia: kiss, amorousness, rejection of physical intimacy. Her desire for gender equality was laid down by her father's education and realized in a marriage with Dmitry Merezhkovsky. In marital relations, she values mutual understanding and "mutual knowledge" much more than the sensual manifestations that she leaves for "amorousness". In same-sex love, she also does not accept physical intimacy, but Gippius was interested in her representatives the opportunity to combine male and female, as a "hint of bisexuality". In his games of bisexuality and experiments with gender roles, Gippius uses masks of a virgin, a fatal woman, a boy or a man, referring to dressing up, a parody and pseudonyms. Appearance, demeanor and extraordinary abilities gave rise to legends and poetic and mystical nicknames "Petersburg Kassandra", "La Sylphide", "Green-eyed naiad", "White Devil", but most often she was called the "Decadent Madonna", which corresponded to the position of the mistress of the house-salon new time, the knightly image of Merezhkovsky and her other admirers.

In fiction, Gippius transfers Eros from the sphere of the globe to the "mysterious" space through love ("Miss May", "Apple in Blossom", "Twilight of the Spirit", "Damn Doll"). She represents a "new woman" who does not want to take on the responsibilities of a wife, mother, housewife, but does not reject love and does not become a fighter for women's rights. Gippius calls her "enlightened," because a new truth has been revealed to her – faith; this woman knows the "secret" of love and directs her to the One whose love is projected onto the feelings of people. Even if the narrator is a boy or a man, falling in amorousness and the behavior of heroes that destroy stereotypes remain the main ones ("Eternal Femininity"). In exile, Gippius formulates a fairly clear idea of love and gender in the articles "On Love" and "The Arithmetic of Love", which prove that gender identity, atypical for her time, is inspired by the desire for androgyny.

References

- 1. Ishchenko, M. Metodologichni zasadi literaturoznavstva v doslidzhenni specifiki zhinochogo romanu Sh. Bronte ta E. Bronte [Methodological principles of literature in study of specific features in Sh. Bronte and E. Bronte female novels]. Visnik universitetu imeni Al'freda Nobelja. Serija «Filologichni nauki» [Bulletin of Alfred Nobel University. Series "Philology"], 2018, no. 1 (15), pp. 138-142. DOI: 10.32342/2523-4463-2018-0-15-138-142.
- 2. Ekonen, K. *Tvorets, sub'ekt, zhenschyna: stratehyy zhenskoho pys'ma v russkom symvolyzme* [Creator, subject, woman: female writing strategies in Russian symbolism]. Moscow, NLO Publ., 2011, 400 p.
- 3. Lotman, Yu.M. *Struktura khudozhestvennoho teksta* [The Structure of the Artistic Text]. *Ob yskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo SPB Publ., 1998, pp. 14-285.
- 4. Krysteva, Yu. *Bakhtyn, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Frantsuzskaia semyotyka: Ot strukturalyzma k poststrukturalyzmu.* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, Prohress Publ., 2000, pp. 427-457.
- 5. Hyppyus, Z.N. *Sobranye sochynenyj: v 15 tomah* [Collected works: in 15 volumes]. **Moscow, Russ**-kaia knyha Publ., 2003.
- 6. Matych, O. *Erotycheskaia utopyia. Novoe relyhyoznoe soznanye y fin de siecle v Rossii* [Erotic Utopia: The Decadent Imagination Russia`s Fin de Siecle]. Moscow, NLO Publ., 2008, 557 p.
- 7. Osypovych, T.E. «...No sovsem zhenschynoj ona ne byla»: Zynayda Hyppyus y problema «zhens-koho» v russkoj kul'ture rubezha XIX-XX vekov ["...She was not a woman at all": Zinaida Gippius and the "female" problem in Russian culture at the turn of the 20th 21st centuries]. Adam & Eva: al'manah gendernoj istorii [Adam & Eve: Gender History Review], 2006, no. 12. Available at: http://www.academia.edu/2947496/_...но_совсем_женщиной_она_не_была_Зинаида_Гиппиус_и_проблема_женского_в_русской_культуре_рубежа_XIX-XX_веков (accessed 09 August 2019).
- 8. Koroleva, N.V. (ed.). *Zynayda Hyppyus. Novye materyaly. Yssledovanyia* [Zinaida Gippius. New materials. Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, 384 p.
- 9. Woolf, V. *Dekadentskaia Madonna* [Decadent Madonna]. "L'Officiel", 2002, no. 41. Available at: http://v-vulf.ru/officiel/officiel-41-1.htm (Accessed 09 August 2019).
- 10. Nykoliukyn, A.N. *Hyppyus Z.N.: pro et contra. Lychnost' y tvorchestvo Zynaydy Hyppyus v otsenke sovremennykov y yssledovatelej: antolohyia* [Gippius Z.N.: pro et contra. The personality and work of Zinaida Gippius in the assessment of contemporaries and researchers: an anthology]. Saint Petersburg, Yzdatel'stvo, RKhHA Publ., 2008, 1038 p.
- 11. MakDauell, K. *Anatomyia mody* [Fashion anatomy]. Blueprint, 2014. Available at: https://theblue-print.ru/culture/book-colin-mcdowell (accessed 09 August 2019).
- 12. Tomson, D. Muzhskoe Ya v tvorchestve Zynaydy Hyppyus: lyteraturnyj pryem yly psykholohycheskaia potrebnost'? [Male I am in the work of Zinaida Gippius: literary device or psychological need?]. Preobrazhenye. Russkyj femynystskyj zhurnal [Transformation. Russian feminist magazine], 1996, no. 4, pp. 138-149.
  - 13. Berdiaev, N.A. Samopoznanye [Self-knowledge]. Moscow, Knyha Publ., 1991, 445 p.
- 14. Lavrov, A.V. *Z.N. Hyppyus y ee poetycheskyj dnevnik* [Z.N. Gippius and her poetic diary]. Hyppyus, Z.N. *Stykhotvorenyia* [Poems]. Saint Petersburg, Akademycheskyj proekt Publ., 1999, 592 p.
- 15. Syndalovskyj, N. *Psevdonym: lehendy y myfy vtoroho ymeny*. [Alias: legends and myths of the middle name]. *Neva* [The Neva], 2011, no. 2. Available at: http://magazines.russ.ru/neva/2011/2/si14.html (accessed 09 August 2019).
- 16. Paramonov, B. *Belaia d'iavolytsa* [White devil]. *MZh: Muzhchyny i zhenschyny* [MW: Men and women]. Moscow, AST Publ., 2009. Available at: http://www.libros.am/book/read/id/198773/slug/mzhmuzhchiny-i-zhenshhiny (accessed 09 August 2019).
- 17. Ysupov, K.G. Fylosofyia y lyteratura «serebrianoho veka» (sblyzhenyia y perekrestky) [The philosophy and literature of the Silver Age (rapprochement and crossroads)]. Russkaia lyteratura rubezha vekov (1890-e nachalo 1920-kh hodov): v 2 tomah [Russian literature of the turn of the century (1890s early 1920s): in 2 volumes]. Moscow, IMLI RAN, Nasledye Publ., 2001, vol. 1, pp. 69-131.
- 18. Kollontay, A. *Novaia zhenschyn.* [New woman]. *Novaia moral' y rabochyj klass* [New moral and working class]. Moscow, Izdatelstvo VTsIK SR Publ., 1919, pp. 3-35. Available at: http://www.odinblago.ru/novaia moral/ (accessed 09 August 2019).

Одержано 5.09.2019.

УДК 82-191

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-14

Т.В. ПОЛЕЖАЕВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (г. Луик)

БАСНЯ И «БАСЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

У статті розглянуто як вдалі приклади сучасної байкової творчості, так і зразки «небайкової» продукції з інтернет-простору. Для аналізу відібрано твори відомих і маловідомих авторів із сайтів «Стихи.ру», «МыПишем.ру», «Бизона.ру». Увагу звернуто на принципи створення «сучасної байки» і її відповідність канонам традиційної байки як жанру. Окремо вибірково проаналізовано творчість Влада Маленка (актора і режисера Московського театру на Таганці, члена Спілки письменників та Спілки театральних діячів Росії, лауреата літературної премії імені А.П. Чехова «За відродження російської сатири»). Проаналізовано книгу Маленка «Сир випав...», байки «Гламурна креветка», «Кріт в запої», «Ондатра в театрі», «Праска і м'ясорубка», «Попса», «Театр грошей». Також проаналізовано зразки сучасної байкової творчості, автори яких не віднесені до визнаної письменницької аудиторії, але є активними учасниками «реанімації» сучасної байки. Володимир Олішевський (інтернет-журнал Alekbort.) «Сучасна байка "Будьте ввічливі на дорогах"» (прозова форма) з ліричним сарказмом у вигляді відступів. Також проаналізовано байки Володимира Шебзухова «Наукова праця», Бориса Ознобишина «Слон, Бізон і Моська (політична байка)», «Байка про невидимий світ» ДадліФенікса («Бізона.ру»), Святовита Кузельнікова «Біс забрався», Олександра Ілларіонова «Вчило Курку Яйце», Ігоря Красавіна «Капуста», висвітлено тему бізнесу, співвіднесення з політикою, мораллю і моральністю сучасності. Байка Сергія Прилуцького «Зовсім як калюжа», Олександра Шнайдера «Звіринець» та ін. В їхніх творах змінюється тематика, більший акцент робиться на приватні конкретні події сьогодення. Стиль рясніє розмовною, побутовою, іноді грубо-зниженою лексикою. Яскравою художньою рисою таких байок стала іронія, сарказм, алегорія, гіпербола і невід'ємна наявність моралі, в основному в кінці тексту, яка іноді супроводжується окремо словом «мораль». Також зустрічається величезна кількість байок, які байками по суті не є, але названі авторами такими – «Байка про невидимий світ» ДадліФенікса. Погодитися з авторською назвою філософського вірша можна лише через етимологію самого слова «байка» — «бати», що означає «говорити», «баїти», тобто по суті це «байка», «сказ», «розповідь», «історія». Часто сучасні автори, створюючи гідні зразки віршованого мистецтва, не звертають уваги на відсутність у своїх текстах основоположних принципів байки як жанру, замінюючи їх афористичністю, метафоричністю, одночасно не враховуючи обов'язковість алегорії та дидактики.

Ключові слова: жанр, сучасна байка, Влад Маленко, Володимир Шебзухов, Володимир Олішевський, байка в інтернет-просторі.

В статье рассмотрены как удачные примеры современного басенного творчества, так и образцы «небасенной» продукции из интернет-пространства. Для анализа отобраны сочинения известных и малоизвестных авторов, разместивших свои басни на авторских сайтах, а также на сайтах «Стихи. ру», «МыПишем.ру», «Бизона.ру». Внимание обращено на принципы создания «современной басни» и её соответствие канонам традиционной басни как жанра.

Ключевые слова: жанр, современная басня, Влад Маленко, Владимир Шебзухов, Владимир Олишевский, басня в интарнет пространстве.

В стихах смеюсь, а в сердце о злонравных плачу. Антиох Кантемир

ногда в литературной критике современности можно встретить мнение о том, что время басен ушло, что период увлечения басенным творчеством закончился, как пишет И.Ю. Клех, «...повсеместно к середине XIX века в связи с триумфом материалистических учений и распространением машинной цивилизации» [3].

Таких утверждений достаточно, аргументированы они в основном избитостью отжившего жанра, устаревшей образной системой и устаревшей композицией: «В настоящее время басня вымерла, если не считать сатирического к ней обращения (например, во Франции в XIX в. Лашамбоди, у нас Демьян Бедный), и лишь по традиции удерживается в начальном школьном воспитании, неотъемлемым элементом которого считается разучивание наизусть басен Крылова» [9]. Однако существуют и другие мнения, которые основываются на иных доводах, например, на непреходящей актуальности жизненных тем, проблем и идей, облеченных в незамысловатую композицию с легко понятной образной системой и общедоступной моралью.

Несмотря на наличие основополагающих работ, связанных с исследованием поэтики басни как жанра в целом и также с исследованием национальных особенностей русской басни, в данное время в отечественном литературоведении практически отсутструют исследования, касающиеся проблем современной русской басни XXI в. Связано это с угасанием в последнее время интереса к басенному творчеству и распространением мнения о том, что басня как жанр устарела, пережив бурный расцвет в XVIII—XIX вв. В то же время в современном зарубежном литературоведении интерес к проблемам национального своеобразия басенного жанра не угасает, о чем свидетельствуют работы Пабло Акосты Гарсиа [12], Ребеки Бастида [13], Иана Калверта [14], Габриеля Ферейры де Алмедиа [15], Метью Герткена и Джона Рамрича [16], Эндрю Хискока [17], Барбары Грышко [18], Марка Алберта Джонстона [19], ХьюСан Кима и КаХью Ли [20], Франсуа Марксера [21], Мери Словик [22], Ченгченга Ю [23] и др.

В нашей статье мы рассмотрим не только удачные примеры современного басенного творчества, но и проанализируем «небасенную» поэтику так называемых басен из интернет-пространства. Для анализа избрана интернет-«продукция» известных и малоизвестных авторов, разместивших свои сочинения на авторских сайтах, а также на сайтах «Стихи.ру», «МыПишем.ру», «Бизона.ру».

Одним из наиболее популярных баснописцев современной русской литературы является Влад Маленко — автор широко известных басен, стихотворений и песен, книги басен «Сыр выпал», основатель и руководитель Московского театра Поэтов, актёр и режиссер Московского театра на Таганке, член Союза писателей и Союза театральных деятелей России, лауреат литературной премии имени А.П. Чехова «За возрождение русской сатиры». Маленко много лет учился у Юрия Любимова, вместе с тем, работая в жанре сатирической басни, он продолжает школу Леонида Филатова.

В современной литературе басня практически не представлена, однако Влад Маленко один из тех немногих, кто возрождает этот жанр на почве русской культуры, продолжая традиции, заложенные Крыловым. Его книга с символическим названием «Сыр выпал...» как бы продолжается с того места, где поставил точку великий предшественник. Пороков у современного общества, несмотря на впечатляющий социальный и технологический прогресс, по мнению новоявленного баснописца, ничуть не меньше, чем у того, за которым наблюдал Иван Андреевич. Поэтому басня нисколько не утратила актуальности и, как прежде, может быть зеркалом социальных процессов.

Влад Маленко затрагивает понятия, процессы и явления, прочно вошедшие в быт и сознание каждого современного человека. Тематический диапазон весьма широк: социум, политика, бизнес, межличностные отношения, быт, любовь... Динамика сюжетов держит в напряжении до самой развязки. При этом Влад смотрит на свое творчество довольно реалистично и не ждет, что ему удастся перевернуть мир: «Я не думаю, что басня, и литература вообще, могут сегодня как-то повлиять на неприглядные явления, о которых они повествуют. Да и мои предшественники вряд ли грезили о подобном. Цель искусства — колыхнуть

воздух перед теми, кто к этому восприимчив. Не более. А выбранный мною жанр – это особенность темперамента. Я не уверен, что смог бы существовать на другой «волне». Просто юмор служит неким буфером между тобой и действительностью, защитным механизмом. Удерживает от того, чтобы впасть в уныние при виде происходящего» [8].

В настоящее время у Маленко насчитывается более трехсот басен, а литературная критика еще недостаточно повернулась лицом к отживающему жанру. Именно поэтому исследовательских работ по изучению басенной структуры сатиры Маленко нет. Но уже, исходя из имеющегося в периодике, можно сделать вывод, что автор сохранил традицию обращения к миру животных и предметов быта, обособления морали (в основном двумя строками в эпимифие), созданию одной сюжетной линии («Обычный репортаж», «Жучкиофицианты», «Медведь-депутат», «Рекламный кролик» и др.). Вместе с тем есть басни и более пространные, содержащие множество деталей и мотивов («Секта», «Гламурная креветка», «Крот в запое», «Удавочка» и пр.). Нужно отметить, что мир живых существ – животных, птиц, рыб, насекомых весьма разнообразен. Например, басня «Обычный репортаж» насчитывает семь разных видов насекомых и паразитов: глисты, червь, небожии коровки, пиявки, мокрицы, жуки, вши; «Крот в запое» насчитывает шесть видов животных: крот, хорек, выдра, еж, белка, енот; «Ондатра в театре» является лидером по числу героев, их двенадцать: змейки, норки, хомяк, сурок, хорек, песец, выдра, выдренок, манул, марал, еж, слон. Представлен также и неживой мир, это предметы быта – утюг, мясорубка, утюжок, удлинитель («Утюг и мясорубка»), попса, рок, стишки, ноты-мухи, динамик («Попса»); рубли-билетеры, червонцы-старички, свиньи-копилки, вексель, одетый во все от кутюр, ваучер – мазохист-театрал, ксива-подделка («Театр денег») и пр. [5].

Мораль в басне Влада Маленко представлена очень лаконично. Она занимает, как правило, две последние строки текста и соединяет художественный мир героев с проблемами современности. Осуждая пристрастие к алкоголю на примере образа Крота («Крот в запое»), который будучи в глубоком запое «ведомый мелким бесом, с родным себя поссорил лесом», автор выводит в конце мораль: «Печально то, что каждый год // Число таких кротов растет».

Тема басни «Гламурная креветка» касается проблемы нравственности, морали, человеческих ценностей. Мир гламура — это все та же мишура, про которую писал в свое время А.С. Пушкин («Евгений Онегин»), которую критиковал И.А. Крылов и А.П. Чехов («Попрыгунья», «Анна на шее»). Но и сейчас эта проблема стоит остро, то, что раньше называли «блеском высшего света» теперь называют «миром гламура».

Провинциальная креветка
Теперь гламурная кокетка.
Приемы, патти, съемки в «ню»,
Омары с крабами в меню,
Пять пар ненужных горных лыж,
Вояжи в Ниццу и Париж,

Дом в четырех км от МКАД, Широкий круг подруг-цикад, Муж, чернокрылый короед, Владелец фабрик и газет.

Пресыщенность жизнью (*«От пьяной неги пресыщенья»*) дает о себе знать, и главная героиня – Креветка – начинает хандрить. В лучших традициях гламурной светской жизни – обратиться к психологу (Шмелю). Он то и посоветовал: *«Влюбись! Найди жучка на лето!»*. Как говорится, не можешь жить своим умом, живи чужим... В данном случае это «мудрый» совет личного дипломированного психолога – атрибут богатой жизни. Но благо ли это? Так глупая Креветка и совершает неверный поступок, бросаясь в мир чувств с головой (*«Знакомьтесь: розовый инфант, // Кальмар Роман. Рок-музыкант»*), изменяя своему влиятельному супругу чернокрылому Короеду. Автор весьма тривиально представляет конец истории Креветки:

Прознав о шашнях, Короед Решил попить пивка в обед, И усмехнувшись, зло и криво,

Он заказал креветку к пиву. (Недолго был в пыльце цветок!) Ее нашли и... в кипяток!

Здесь мы видим окончание сюжета, повествующего историю, но это еще не конец басни. Как известно, этот жанр предполагает наличие морали, как правило, выведенной

отдельно. Мораль этой басни представлена в конце текста двумя емкими, лаконичными строками: «Таков конфликт души и тела. // Читай трагедию "Отелло"» [5].

На страницах интернета встречаются и другие оригинальные образцы современного басенного творчества. Так, например, Владимир Олишевский активно реагирует на события современности и преподносит их в качестве художественной прозы в интернет-журнале Alekbort. В 2011 г. он разместил на сайте журнала произведение, названное «Современная басня "Будьте вежливы на дорогах"», как реакцию на инцидент, произошедший на Рублево-Успенском шоссе, вследствие которого был избит бизнесмен Йоррит Фаассен, которого СМИ называли зятем Владимира Путина. Нападавшим был владелец нескольких российских банков Матвей Урин, которого вскоре после этого осудили и посадили на семь с половиной лет и за избиение бизнесмена, и за мошенничество, вскрытое в ходе «высоких» разбирательств.

Как принято в социальных сетях, к этому произведению тоже написан ряд комментариев и не только с оценкой содержания, то есть самого события, но и с оценкой формы. В частности один из комментариев содержал короткое замечание: «А басня это, или нет?». На страницах журнала Alekbort развития эта тема не получила, всех больше интересовал политический аспект инцидента и участие в нем первых лиц государства. Однако ответ представляется очевидным. Поскольку басня — это повествование (притча) и мораль, то можно согласиться с автором этого сочинения, жанр которого он определил в названии сам — «Современная басня "Будьте вежливы на дорогах"» [7].

Повествовательная часть имеет развернутый сюжет с последовательными этапами развития действия. Экспозиция представлена в первых трех абзацах: «Жил был некий Матвей Урин – владелец аж целых 5 банков... Ну стал он им потому что его папа... член Союза ветеранов военной разведки, кажется генерал-майор ГРУ». Завязка звучит вполне традиционно: «Ехал он как-то домой по Рублевскому шоссе темным вечером 14 ноября и вдруг его кортеж обогнала обычная БМВ. А такое ведь не по-понятиям – лохам нельзя крутых обгонять». Дальнейшее развитие действия с известной степенью градации подводит к кульминационному моменту, кем же оказался скромный побитый впоследствии водитель БМВ: «...голландским подданным... бывшим членом правления "Стройтрансгаза"... встречался со скромной русской девушкой Екатериной Владимировной П.», которая «пожаловалась своему папе Владимиру П., что ее парня побили». Довольно пространной является и развязка сюжета, которая детально знакомит читателя со всеми ожидаемыми последствиями описанного инцидента. В конце подается мораль, крайне лаконично и четко: «Будьте вежливы на дорогах!». В тексте есть также и лирические саркастические отступления: «Когда есть такая крыша – жизнь прекрасна», «А такое ведь не по-понятиям – лохам нельзя крутых обгонять». Таким образом, поэтика этого сочинения подтверждает правоту автора в определении жанра своего произведения. Довольно распространенную форму стихотворной басни В. Олишевский заменил прозаической, как это было принято во времена Эзопа и Федра. Но в отличие от древнегреческих баснописцев, он развернул сюжет, обогатил его деталями, сопроводил лирическим сарказмом в виде отступлений.

В интернет-пространстве большое количество литературных сайтов, еще большее количество всевозможных рубрик, освещающих те или иные художественные вопросы, темы. Так «Бизона.ру — социальная сеть для творческих людей» (Beesona.ru) предлагает множество рубрик: литература, искусство, клипы, фотографии, музыка, плейкасты, видео, радио, ТВ-online, блоги и пр. К первой рубрике — литература — относятся подрубрики с указанием на различные литературные жанры: поэзия, проза, разные жанры, стихи XIX—XX вв., тосты, афоризмы, поздравления, пословицы и поговорки, анекдоты и пр. В рубрике *питература* $\rightarrow$ *поэзия* $\rightarrow$ *басни* есть большая подборка басен современных, еще мало кому известных поэтов. Тематика их произведений очень широка, освещает как вопросы современности, откликаясь на мелкие бытовые проблемы обывателей, так и на проблемы общечеловеческого характера.

Басня «Фермер и агент» Владимира Шебзухова является откликом на современное явление – страхование недвижимости. Страхование как социальный продукт является неотъемлемой частью жизни человека XXI в. Но, наблюдая отдельные моменты, сопряженные с этой сферой, автор поднимает вопрос, связанный с нечистоплотностью некоторых

граждан, которые во всем ищут выгоду для себя. Так, герой этой басни решил нажиться нечестным путем, на что получил достойный ответ бывалого страховщика:

«Ответь, как другу, не врагу. Я понимаю, что устал — Коль в эту ночь сгорит амбар, То, сколько получить смогу?» Сумел агент всё мигом взвесить — «Я думаю, мой друг, лет десять!»

Мораль этой басни касается не только страхового бизнеса, но и всех финансовых сделок вообще, а, возможно, и не только финансовых:

На сделку каждую свой взгляд... Изобретаются не зря Но, откровенно говоря, Свои... «противоядия»! [11]

У Владимира Шебзухова есть также басня, под названием «Научный труд», тема которой перекликается с новомодным явлением — изданием психологической популяной литературы, обучающей умению более удачливого образа жизни, например, «Как быть успешным?», «Как быть счастливым?». Автор не обозначивает тему и проблему разговора, все это читатель понимает с плуслова, поскольку явление это на слуху у каждого. Сарказм и глубокий подтекст виден с первых строк:

Бросив монетку, хоть был торопыгой, Всё ж прочитать умудрился успеть — «Бросьте копеечку автору книги "Тысяча способов разбогатеть"!» Вот удивился нежданно прохожий. Автору книги вдруг нищему быть? И почему обложив себя ложью, Он подаяние начал просить? [10]

В последние десятилетия катострафически увеличелось количество книг, обучающих смыслу и качеству жизни. Многие из них, назовем их популярной психологической беллетристикой, учат умению достигать удачи, успеха, совершенства, мастерства управления, и не только собой и своей жизнью, но и другими. Начиная с середины 50-х гг. ХХ в. нам известны «ученые» руководства по достижению материальных благ, например, одна из фундоментальных — книга Наполеона Хилла «Как стать богатым». Теперь, в первые десятилетия ХХІ в., можно смело сказать — количество не всегда переходит в качество. Создатели и продавцы таких книг богатеют, а покупатели, страстно желающие улучшить качество своей жизни, на самом деле улучшают качество жизни издателей и этих паразитирующих писателей, раскупая их красочную многообещающую продукцию. При этом читатель никак не меняет свою жизнь, а лишь переходит от одного «рецепта красивой жизни» к другому, создавая дома целую библиотеку различных руководств и не беря на вооружение прописных истин. Поэтому В. Шебзухов в басне выводит следующую мораль:

Но на вопрос вмиг ответил убогий: «Не удивляйтесь, о, мой господин! Будучи нищим, из способов многих, Вы познаёте лишь... способ один!»

Еще один интернет-поэт Борис Ознобишин обратился к самым популярным крыловским образам, но подошел к ним с другой стороны, он присовокупил определенный политический аспект нашей современности. Его басня называется «Слон, Бизон и Моська (политическая басня)». С точки зрения ритмики и метрики у Ознобишина и Крылова все совпадает, направление сатиры и критики в начале басни тоже принципиально не разнится. Однако среди героев появляется третья сторона — Бизон, он же современный вершитель судеб, в образе которого читатель легко узнает то ли олигарха, то ли преступного чиновника, «нечистоплотного» депутата, недобросовестного служащего, наделенного определенны-

ми полномочиями и пр. И соответственно образ Моськи воспринимается совершенно иначе. Теперь перед нами не просто подзаборная глупая шавка, без разбору лающая на всех, а заискивающий подковерный прихвостень, постоянно желающий угодить своему хозяину. Один образ Слона остался без изменений:

Слона, увидя на распутье, Бизон чванливо обошёл И, обернувшись, речь завёл: «Любое дерево согнуть я Могу. Мне будет всё равно... ... Тут из-под ног Бизона Моська И лает, лая просто шквал Обрушился, а Слон, помедлив Своей дорогою побрёл...

Следуя правилам традиционной басни, Борис Ознобишин в конце повествования лаконично размещает эпимифий:

Ах, Моська! Знать она сильна, (Как в басне той во время оно) Всё также лает на Слона, Но из-под вымени Бизона [6]

Но, на литературных сайтах интернета встречается множество «басен», которые по сути своей баснями не являются, а лишь отнесены авторами блогов к этим рубрикам или названы новоявленными поэтами таковыми. Например, «Басня о невидимом мире» ДадлиФеникса, так именует себя автор на литературном сайте «Бизона.ру» (отрывок приводится в авторском варианте):

Казалось бы невидимые вещи А если видишь не такой как все Что все вокруг всегда не замечают На самом деле есть всегда везде Поверить можно в что угодно И что угодно может быть И правда может стать не правдой Лишь занавесу приоткрыть... [1]

Обладая глубоким философским содержанием, это сочинение не может претендовать на звание басни. В первую очередь, в тексте отсутствует аллегория, неотъемлемая составляющая басни как жанра. Наоборот, представленные образы имеют вполне конкретный смысл в типичных понятиях: «вещи», «всегда», «везде», «что угодно», «быть», «правда», «прозрачный мир», «бытие». Не приходится говорить и о героях, которыми в традиционной басне выступают животные, вещи, иногда люди. Они здесь отсутствуют. Композиция также не отвечает басенному канону. Нет рассказа-повествования, которое называют притчей, и нет морали ни в конце, ни в начале, ни в середине текста. Как известно, в басне, одном из жанров дидактической литературы, должны присутствовать прямо сформулированные воспитывающие выводы в качестве промифия, эпимифия, а если такие отсутствуют, то мораль должна явственно просматриваться по ходу притчи.

Таким образом, название философского мировоззренческого стихотворения «Басня о невидимом мире» ДадлиФеникса оправдано лишь тем, что само слово «басня» имеет определенную этимологию. Следуя словарю В. Даля басня «в древнерусском языке глагол «бати», означавший «говорить» (в форме баять этот глагол сохранился и в современных диалектах). С помощью суффикса -сн- из этого глагола образовалось существительное, первоначальное значение которого было «сказка», «рассказ» [2].

Сочинение Святовита Кузельникова называется «Бес забрался». На сайте «Бизона.ру» оно отнесено к рубрике басни. Но с первого взгляда, очевидно, что автор ошибся адресом. Его сочинение больше походит на притчу, развернутый афоризм, или благую проповедь (автор является служителем церкви). Здесь отсутствует назидательная мораль, сопряженная с острыми конкретными реалиями бытия, также отсутствует установка на дидактизм. Жанр басни предполагает явный или, по крайней мере, завуалированный намек на наказание, порицание описанных явлений. В данной «басне» Кузельникова слышится, скорее, запугивание «высшим судом», вызванное, по всей вероятности, «влиянием мирского на благую душу», которая должна пребывать в смирении [4].

Бес забрался как то В душу стихоплету И давай там Лай да лай Пес-шелудивый! А стихоплет недалек,

Ему пишется легко Только вот невдомек, Бес уйдет, а ему долго Объяснять, что и почему! Божьему Суду!

Единичные, достойные внимания литературоведческого анализа образцы можно встретить на отдельных интернет-сайтах: «Стихи.ру», «МыПишем.ру», «Бизона.ру». Иносказательный аллегорический образ героев своеобразно представлен в басне Александра Илларионова «Учило Курицу Яйцо». Для сюжета автором были взяты образы, известные нам как пример неразрешимого вопроса: «Что было раньше, курица или яйцо?». Сюжет затрагивает многие темы—гендерный аспект, многоженство, моногамия и пр. Однако, суть в следующем — яйца курицу не учат. В басне Игоря Красавина «Капуста» освещена тема бизнеса, соотнесенная с политикой, моралью и нравственностью современности. Басня Сергея Прилуцкого «Совсем как лужа», Александра Шнайдера «Зверинец» и др. представляют художественные образы сродни классическим, крыловским. Развязкой их сюжетов становится, как водится в басне, осуждение нравов, мелочности и обывательских пристрастий героев.

Начинающие поэты, писатели, басенники современного интернет-пространства, соблюдая принципы и привила старинного жанра, поддаются современным веяниям. В их произведениях меняется тематика, больший акцент делается на частные конкретные события сегодняшнего дня. Их стиль пестрит разговорной, бытовой, иногда грубосниженной лексикой. Яркой художественной чертой таких басен стала ирония, сарказм, аллегория, гипербола и неотъемлемое наличие морали, в основном в конце текста, которое иногда сопровождаетя отдельно словом «мораль». Вполне заслуживают внимания сочинения Владимира Шебзухова «Фермер и агент», «Хитрость и гордыня», «Мудрая свинья» и др. Разнообразие тематики современного интернет-пространства дополняет и политическая составляющая. Басня Туби Континьеда «Ильич и Помидор» содержит лексику, которая представляет ушедшую эпоху «зари коммунизма» в России. Время вождей ушло, а в жизни ничего не меняется, таков смысл басни. Детская тематика представлена в творчестве Татьяны Ненашевой, которая с помощью игрушечных образов доносит важные проблемами бытия, касающиеся в основном взрослого читателя. Творческие всплески Виталия Козакова, Елены Билюк и многих других отвечают басенным традиционным канонам, при этом соответствуя духу нового времени. Их тематика – социальная, философская, бытовая, политическая, детская, любовная. Структура сюжета в основном соответствует крыловской, версификация часто осталяет желать лучшего.

Также на литературных сайтах интернета встречается огромное количество басен, которые по сути своей баснями не являются, но названы авторами таковыми — «Басня о невидимом мире» ДадлиФеникса. Согласится с авторским названием философского стихотворения можно лишь исходя из этимологии самого слова «басня» — «бати», что значит «говорить», «баить», т. е. по сути это «байка», «сказ», «рассказ», «история». Часто современные авторы, создавая достойные образцы стихотворного искусства, не обращают внимания на отсутствие в своих текстах основополагающих принципов басни как жанра, заменяя их афористичностью, метафоричностью, одновременно не учитывая обязательность аллегории и дидактики.

Список использованной литературы

- 1. ДадлиФеникс. Басня о невидимом мире [Электронный ресурс] / ДадлиФеникс. Режим доступа: https://www.proza.ru/2015/12/08/1070 (последнее обращение 13.09.2019).
- 2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. М.: Русский язык, 1998. Т. 1. А–3. 699 с.
- 3. Клех И. Золото басен: о пользе кормления народов баснями / И. Клех // Иностранная литература. 2013. N = 6. C. 220—229.

- 4. Кузельников С. Бес забрался [Электронный ресурс] / С. Кузельников. Режим доступа: http://www.beesona.ru/id956/literature/2173/ (последнее обращение 13.09.2019).
- 5. Маленко В. Басни [Электронный ресурс] / В. Маленко. Режим доступа: https://www.stihi.ru/avtor/vladmalenko (последнее обращение 13.09.2019).
- 6. Ознобишин Б. Слон, Бизон и Моська (почти по А. Крылову) [Электронный ресурс] / Б. Ознобишин. Режим доступа: https://www.stihi.ru/2015/11/01/8084 (последнее обращение 13.09.2019).
- 7. Олишевский В. Современная басня «Будьте вежливы на дорогах» [Электронный ресурс] / В. Олишевский. Режим доступа: https://www.anekdot.ru/id/489107/ (последнее обращение 13.09.2019).
- 8. Стариков А. Баснописец нашего времени [Электронный ресурс] / А. Стариков // Тверские ведомости. № 30 (1814). 30 июля 5 августа 2010 года. Режим доступа: https://vedtver.ru/news/society/basnopisec-nashego-vremeni/ (последнее обращение 13.09.2019).
- 9. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
- 10. Шебзухов В. Научный труд [Электронный ресурс] / В. Шебзухов. Режим доступа: https://www.stihi.ru/2016/11/29/9152 (последнее обращение 13.09.2019).
- 11. Шебзухов В. Фермер и агент [Электронный ресурс] / В. Шебзухов. Режим доступа: http://www.притчи.pd/id 10374 (последнее обращение 13.09.2019).
- 12. Acosta-Garcia P. Womb-Word and Poetic Writing: Jose Angel Valente and the Mystic Fable / Pablo Acosta-Garcia // Revista Chilena de Literatura. 2019. Vol. 99. P. 121–142. DOI: 10.4067/S0718-22952019000100121.
- 13. Bastida R.S. This Old Spanish Composite from Extracted Isopete': Studies on the Fable in XIV century Spanish Literature / Rebeca Sanmartin Bastida // Bulletin of Spanish Studies. 2019. Vol. 5. P. 864—866.
- 14. Calvert I. Slanted histories, Hesperian fables: material form and royalist prophecy in John Ogilby's The Works of Publius Virgilius Maro / Ian Calvert // Seventeenth Century. 2018. Vol. 33, issue 5. P. 531–555. DOI: 10.1080/0268117X.2017.1359105.
- 15. Ferreira de Almeida G.A. Mystique as Social Poetics. The Fable of Michel de Certeau / Ferreira de Almeida Gabriel Antunes // Teoliteraria-Revista Brasileira de Literaturas e Teologias. 2019. Vol. 9, issue 17. P. 212–242. DOI: 10.19143/2236-9937.2019v9n1 7p212-242.
- 16. Gertken M. Sleeping by a Fable: Milton's Vexing Images Revisited / Metthew Gertken, John Rumrich // Renaissance and Reformation. 2018. Vol. 48, issue 1. P. 41–59.
- 17. Hiscock A. Arthur Golding's "A Moral Fabletalk" and Other Renaissance Fable Translations / Andrew Hiscock // Modern Language Review. 2019. Vol. 114, issue 1. P. 113—115. DOI: 10.5699/modelangrevi.114.1.0113.
- 18. Hryszko B. Two Drawings by Giulio Romano as Sources for the Sujets de la Fable Tapestries for Louis XIV / Barbara Hryszko // Source-Notes in the History of Art. 2019. Vol. 38, issue 2. P. 88–96. DOI: 10.1086/702274.
- 19. Johnston M.A. Arthur Golding's A Moral Fabletalk and Other Renaissance Fable Translations / Mark Albert Johnston // Renaissance and Reformation. 2018. Vol. 41, issue 1. P. 173—175.
- 20. Kim H. Cultural Assimilation and the Cross-National Marriage Ethics in Korea under Japanese Rule: The Transformation of the Fable "The Wedding of the Mouse" in East Asia / HyoSun Kim, KaHye Lee // Forum for World Literature Studies. 2019. Vol. 11, issue 1. P. 164—177.
- 21. Marxer F. Mystical fables: Knowledge, experiences, representations from the Middle Ages to the Age of Enlightenment / Francois Marxer // Cristianesimo Nella Storia. 2018. Vol. 4, issue 2. P. 562–566.
- 22. Slowik M. Narrative the Animal Fable, Chuck Jones, and the Narratology of the Looney Tune / Mary Slowik // Renaissance and Reformation. 2018. Vol. 26, issue 2. P. 146–162. DOI: 10.1353/nar.2018.0006.
- 23. You C. The Cultural Poetics of Anthropomorphism: Rereading a Chinese Fable / Chengcheng You // History of Education & Childrens Literature. 2019. Vol. 14, issue 1. P. 465–483.

FABLE AND "FABULOUS PRODUCTION" IN MODERN INTERNET-SPACE

Tatiana V. Polezhayeva, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Ukraine)

E-mail: rusistvolin@rambler.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-14

Key words: genre, modern fable, Vlad Malenko, Vladimir Shebzukhov, Vladimir Olishevsky, "fable" in Internet.

The article considers successful examples of modern fabulous creativity (Vlad Malenko) and samples of "unfabulous" products from the Internet. For analysis, selected works by well-known and little-known authors, who posted their fables on copyright sites, as well as on the sites of Poetry.ru, WePishem.ru, Bizona.ru. Attention is drawn to the principles of creating a «modern fable» and its correspondence to the channels of the traditional fable as a genre. Analyzed the work of Vlad Malenko (actor and director of the Moscow Theater on Taganka, a member of the Union of Writers and the Union of Theater Workers of Russia, laureate of the literary prize named after AP Chekhov "For the revival of Russian satire"). Basically, Malenko's book "Cheese fell out ..." and its individual fables "Glamorous Shrimp", "Mole in the binge", "Muskrat in the theater", "Iron and meat grinder", "Pops", "Money Theater" were mainly analyzed. Samples of modern fable creativity are also analyzed, their authors do not belong to a recognized writer audience, but they are active participants in the "reanimation" of a modern fable. Vladimir Olishevsky (Alekbort, Online magazine) "Modern fable "Be polite on the roads". "This author replaced the wellknown poetic form of the fable, replaced it with a prosaic version, expanded the plot, enriched it with details, added lyrical sarcasm as digressions. Vladimir's fables were also analyzed. Shebzukhov's "Scientific Work", Boris Oznobishin's "Elephant, Bison and Pug (political fable)", "The Fable of the Invisible World" by Dudley Phoenix ("Bison.ru"), Svyatovit Kuzelnikov "The Demon Climbed", Alexander Illarionov "Taught the Chicken, Egglgor Krasavin's fable "Cabbage" covers the topic of business, which speaks about the politics, morality of modernity. Sergey Prilutsky's fable "Just like a puddle." Alexander Schneider "Menagerie" and others. Modern fables of the Internet space that adhere to the principles of building the old genre, They are amenable to modern trends. Their works have a different theme, the emphasis is on private events of today. In their style there is a lot of colloquial, everyday, and roughly reduced vocabulary. These fables have a lot of irony, sarcasm, allegory, hyperbole and morality. Morality, as always, mainly at the end of the text, sometimes there is even a separate word "morality". On the Internet there are a huge number of fables that are not fables, but they are so named by the authors – "The Fable of the Invisible World" by Dudley Phoenix. I agree with this name if we take into account that the etymology of the very word "fable" is "bati", which means "to speak", "to buy", it means "bike", "tale", "story", "history". Often, modern authors, creating worthy examples of poetic art, do not pay attention to the absence in their texts of the fundamental principles of a fable as a genre, replacing them with aphorism, metaphor, while not taking into account the obligatory allegory and didactics. Basically, Malenko's book "Cheese fell out ..." with individual "Glamorous shrimp", "Mole in a binge", "Muskrat in the theater", "Iron and meat grinder", "Pops"), "Money Theater" was analyzed. Also analyzed are the samples of modern fable creative work, the authors of which are not classified as recognized writers but are active participants in the "reanimation" of the modern fable. Vladimir Olishevsky (Alekbort. Online magazine) "Modern fable Be polite on the roads". V. Olishevsky replaced the wellknown poetic form of the fable with a prosaic one, he expanded the plot, enriched it with details, accompanied it with lyrical sarcasm in the form of digressions. Vladimir Shebzukhov's fables are also analyzed "Scientific work", Boris Oznobishin "Elephant, Bison and Pug (political fable)", "Fable of the invisible world" by Dudley Phoenix ("Bison. ru"), Svyatovit Kuzelnikov "The Demon Climbed", Alexander Illarionov "Taught the Egg Chicken", Igor Krasavin "Ka mouth" covers the topic of business, correlated with the politics, morality of modernity. Sergey Prilutsky's fable "Just like a puddle", Alexander Schneider "Menagerie" and others. Modern fables of the Internet space, following the principles and instilled an old genre, are amenable to modern trends, their works change the theme, more emphasis is placed on specific private events of today, their style is full of colloquial, everyday sometimes rudely reduced vocabulary. A striking artistic feature of such fables was irony, sarcasm, allegory, hyperbole and the inherent presence of morality, mainly at the end of the text, which is sometimes accompanied separately by the word "morality". There are also a huge number of fables that are not fables but are named by the authors as "The Fable of the Invisible World" by Dudley Phoenix. I agree with the author's name of a philosophical poem only on the basis of the etymology of the very word "fable" – "bati", which means "to say", "to buy", in fact, it is a "story", "tale", "story", "story".

References

- 1. DadliFeniks. *Basnya o nevidimom mire* [Fable of the invisible world]. Available at: https://www.proza.ru/2015/12/08/1070 (accessed 13 September 2019).
- 2. Dal, V. *Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomah* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Moscow, Russky yazyk Publ., 1998, vol. 4, 699 p.

- 3. Kleh, I. *Zoloto basen: o polze kormleniya narodov basnyami* [Gold fables: the benefits of feeding peoples fables]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2013, no. 6, pp. 220-229.
- 4. Kuzelnikov, S. *Bes zabralsya* [Demon climbed]. Available at: http://www.beesona.ru/id956/literature/2173/ (accessed 13 September 2019).
- 5. Malenko, V. *Basni* [Fables]. Available at: https://www.stihi.ru/avtor/vladmalenko (accessed 13 September 2019).
- 6. Oznobishin, B. *Slon, Bizon i Moska (pochti po A. Krylovu)* [Elephant, Bison and Pug (almost according to A. Krylov)]. Available at: https://www.stihi.ru/2015/11/01/8084 (accessed 13 September 2019).
- 7. Olishevskij, V. *Sovremennaya basnya «Budte vezhlivy na dorogah»* [Modern fable "Be polite on the road"]. Available at: https://www.anekdot.ru/id/489107/ (accessed 13 September 2019).
- 8. Starikov, A. *Basnopisets nashego vremeny* [The fabulist of our time]. *Tverskie vedomosti.* № 30 (1814). 30 iyulya 5 avgusta 2010 goda [Tver statements. no. 30 (1814). July 30 August 5, 2010]. Available at: https://vedtver.ru/news/society/basnopisec-nashego-vremeni/ (accessed 13 September 2019).
- 9. Tomashevskij, B.V. *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999, 334 p.
- 10. Shebzuhov, V. *Nauchnyj trud* [Scientific work]. Available at: https://www.stihi.ru/2016/11/29/9152 (accessed 13 September 2019).
- 11. Shebzuhov, V. Fermer i agent [Farmer and the agent]. Available at: http://www.притчи.pф/ id 10374 (accessed 13 September 2019).
- 12. Acosta-Garcia, P. Womb-Word and Poetic Writing: Jose Angel Valente and the Mystic Fable. In: Revista Chilena de Literatura, 2019, vol. 99, pp. 121-142. DOI: 10.4067/S0718-22952019000100121.
- 13. Bastida, R.S. This Old Spanish Composite from Extracted Isopete`: Studies on the Fable in XIV century Spanish Literature. In: Bulletin of Spanish Studies, 2019, vol. 5, pp. 864-866.
- 14. Calvert, I. Slanted histories, Hesperian fables: material form and royalist prophecy in John Ogilby's The Works of Publius Virgilius Maro. In: Seventeenth Century, 2018, vol. 33, issue 5, pp. 531-555. DOI: 10.1080/0268117X.2017.1359105.
- 15. Ferreira de Almeida, G.A. Mystique as Social Poetics. The Fable of Michel de Certeau. In: Teoliteraria-Revista Brasileira de Literaturas e Teologias, 2019, vol. 9, issue 17, pp. 212-242. DOI: 10.19143/2236-9937.2019v9n17p212-242.
- 16. Gertken, M., Rumrich, J. Sleeping by a Fable: Milton's Vexing Images Revisited. In: Renaissance and Reformation, 2018, vol. 48, issue 1, pp. 41-59.
- 17. Hiscock, A. Arthur Golding's "A Moral Fabletalk" and Other Renaissance Fable Translations. In: Modern Language Review, 2019, vol. 114, issue 1, pp. 113-115. DOI: 10.5699/modelangrevi.114.1.0113.
- 18. Hryszko, B. Two Drawings by Giulio Romano as Sources for the Sujets de la Fable Tapestries for Louis XIV. In: Source-Notes in the History of Art, 2019, vol. 38, issue 2, pp. 88-96. DOI: 10.1086/702274.
- 19. Johnston, M.A. Arthur Golding's A Moral Fabletalk and Other Renaissance Fable Translations. In: Renaissance and Reformation, 2018, vol. 41, issue 1, pp. 173-175.
- 20. Kim, H., Lee, K. Cultural Assimilation and the Cross-National Marriage Ethics in Korea under Japanese Rule: The Transformation of the Fable "The Wedding of the Mouse" in East Asia. In: Forum for World Literature Studies, 2019, vol. 11, issue 1, pp. 164-177.
- 21. Marxer, F. Mystical fables: Knowledge, experiences, representations from the Middle Ages to the Age of Enlightenment. In: Cristianesimo Nella Storia, 2018, vol. 4, issue 2, pp. 562-566.
- 22. Slowik, M. Narrative the Animal Fable, Chuck Jones, and the Narratology of the Looney Tune. In: Renaissance and Reformation, 2018, vol. 26, issue 2, pp. 146-162. DOI: 10.1353/nar.2018.0006.
- 23. You, C. The Cultural Poetics of Anthropomorphism: Rereading a Chinese Fable. In: History of Education & Childrens Literature, 2019, vol. 14, issue 1, pp. 465-483.

Одержано 5.09.2019.

УДК 82.312

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-15

I.M. SUKHENKO,

PhD in Philology, Assistant Professor of World Literature Department, Oles Honchar Dnipro National University

MATERIALIZATION OF "THE INVISIBLE NUCLEAR" IN U.S. NUCLEAR FICTION ON CHERNOBYL

У статті акцентуються літературні аспекти подвійності, пов'язані з концептом «невидимості» ядерної енергії, в письменницьких практиках США (від доби пізньої холодної війни до теперішнього часу), які охоплено посттравматичним досвідом постчорнобильського періоду. Статтю присвячено вивченню особливостей художнього осмислення невидимості ядерної енергії в художньому осмисленні катастрофи на атомній станції (вибух на Чорнобильській АЕС) та її наслідків у художніх творах письменників США, таких як «Chernobyl» (1987) Фредеріка Поля, «Radiant Girl» (2008) Андреа Вайт і «The Boy from Reactor 4» (2011) Ореста Стельмаха. У статті висловлено припущення, що трансформація концепту «невидимості» в нуклеарному дискурсі США обумовлена переосмисленням Чорнобильської катастрофи, яке допомагає визначити культурні та соціальні параметри ядерної енергії як концепту з метою подальшого впливу на суспільне визнання нуклеарних технологій. Також у статті навмисно підкреслено літературні аспекти осмислення концепту «ядерної енергії», що виходять з необхідності диференціації наративу «ядерної війни» і наративу «ядерної енергії», які мають різну політику: якщо ядерна війна розглядається (за Дерріда) як «абсолютно фікціальний» компонент нуклеарного дискурсу, то ядерна енергія, зазвичай співвідноситься з ініціативою «мирний атом» і є предметом дискусій щодо матеріалізації невидимого.

Ключові слова: нуклеарна література, нуклеарний наратив, нуклеарна критика, матеріалізація, невидиме, подвійність.

В статье акцентируются литературные аспекты двойственности, связанные с концептом «невидимости», соотносимым с ядерной энергией, в писательских практиках США (от времени позднего периода холодной войны до настоящего времени), охватываемые посттравматическим опытом постчернобыльского периода. Статья посвящена изучению художественного воплощения невидимости ядерной энергии при художественном осмыслении катастрофы на атомной станции (взрыв на Чернобыльской АЭС) и ее последствий в художественных произведениях писателей США, таких как «Chernobyl» (1987) Фредерика Поля, «Radiant Girl» (2008) Андреа Уайт и «The Boy from Reactor 4» (2011) Ореста Стельмаха. В статье предположено, что трансформация концепта «невидимости» в нуклеарном дискурсе США обусловлена переосмыслением Чернобыльской катастрофы, которое помогает определить культурные и социальные параметры ядерной энергии как концепта с целью дальнейшего влияния на общественное признание нуклеарных технологий. Также в данной статье намеренно подчеркнуты литературные аспекты осмысления концепта «ядерной энергии», исходящие из необходимости дифференциации нарратива «ядерной войны» и нарратива «ядерной энергии», которые имеют различную политику: если ядерная война рассматривается (по Деррида) как «абсолютно фикциальный» компонент нуклеарного дискурса, то ядерная энергия обычно соотносится с инициативой «мирный атом» и является предметом дискуссий о материализации невидимого.

Ключевые слова: нуклеарная литература, нуклеарный нарратив, нуклеарная критика, материализация, невидимое, двойственность.

methods, new toolkit, new concepts which are related to nuclear-themed texts, which soon resulted into shaping nuclear criticism as a literary theory field, studying the nuclear energy issues in literature, while providing the approaches, methods and tools to researching the literary dimensions of "nuclear" fiction as well as creating/breaking stereotypes about the nuclear energy and nuclear energy related nuclear, including nuclear weapon, nuclear energy plant explosions, nuclear tests, nuclear wastes management etc. and contributes to shaping "nuclear narrative" (see Derrida [3], Ellis [4], Shewry [13], Foertsch [5], Brown [2]). While being on the edge of science and humanities, since then nuclear narrative has tended to be shaped by the geopolitical moods and environmental issues which together define the approaches how nuclear energy related issues can be accepted, considered and represented in a text, with a further remapping the cooperation between literature in general and the nuclear issues at any stage of nuclear studies developments and nuclear policy's preferences.

After the disaster at Chernobyl NPP the key statement of nuclear criticism – about the "fabulously textual" character of any nuclear event – went through correlation with a real event and a real area of its implementation. Chernobyl nuclear plant explosion demonstrated that "fabulously textual" image of the nuclear refers not only to the past (the Atomic bomb literature) and the future (the apocalyptic fiction) but "the nuclear" refers to the present. Chernobyl nuclear explosion against its Cold War political and ecological background made a real shift of "nuclear narrative" focus – by making the nuclear an accepted practice and while making a gap between the potentials of nuclear energy and the apocalyptic moods in the public imagination [2; 15].

While radiation is a physical phenomenon that exists independently on how it is detected or politicized, nuclearity is a "technopolitical phenomenon that emerges from political and cultural configurations of technical and scientific things, from the social relations where knowledge is produced" [6]. Portelli in his What Cultural Objects Say About Nuclear Accidents and Their Way of Depicting a Controversial Industry (2017) researches radiation as a cultural object which is regarded as a product of social representations [12, p. 143]. Due to his ideas, the Chernobyl nuclear power plant explosion together with social transformations caused a representational crisis, where is a cultural object, which is both a product of social reality and an agent involved in creating societal representations and structuring the society [12, p. 144].

The lack of nuclear awareness about the nature of nuclear energy, the level of secrecy at the nuclear power plant initially shaped the total adoration and excitement, concerning the process of nuclear technology as a representation of magic unknown forces, depicted by the writers in their novels under study here:

'Although I had recently learned that science, not magic, ran the station, the process still didn't make sense to me. Papa had explained that the individual rods in a nuclear reactor's core contained atoms of nuclear fuel. As the fuel nuclei split, they produced energy. This heat energy boiled water to create steam. The steam turned generators to produce electricity. But this explanation failed to answer my basic question: **How could something invisible turn on my lights?**' [16, p. 34].

The paradoxical situation, describing the near-by Chernobyl territory, as 'as horrible as it is radiant' [12, p. 145] represents the controversial character of nuclear technology giving birth to the beautiful 'invisible':

'It's calm all around me. These places suggest pleasure... But I'm at Chernobyl! How can I reflect this improbable situation? Only through scientific artifice.... What's in front of me, what I'm drawing is not the truth! I don't see the disaster... How can I draw the invisible?' [8, p. 163].

'My throat was parched, and the milk looked delicious. Regretfully, I put my cool glass down on the floor. I knew if I drank it that I would be **drinking radionuclides**. I still wasn't exactly sure what these **invisible particles** were, but I had all the proof I needed that they were bad for me' [16, p. 167]. Such public readiness to fight with radiation – the invisible enemy – on one hand, formed by the Chernobyl social reality, and on the other hand, it itself experienced the pivotal impact of social reality on those, who intentionally or accidentally were involved in the post-Chernobyl space.

The role of fiction is not limited in depicting the image of a single subject, problem or event, but raising a new – literary – image, which can be an embodiment of typical features,

principles through abstraction, generalization, idealization, materialization in the text body. That is considered to be the main point in any writer's efforts to create his/her own fictional philosophical and aesthetic reality through cognition, comprehension, transformation and artistic interpretation. Both 'the invisible' and the 'material' can be represented in a interconnected way mean that it is senseless to study the theoretical and practical approaches to distinguishing the goodness and the bad in fictional works.

The materialization of the nuclear is based on Tartu semiotician's theory of the duality of the discreteness of semiotic spaces and their verbal representations, where Lotman's semiotic universe is one of levels, strata, and hierarchies based on the foundation of dualisms which begin with the axiom that 'against the background of nonculture, culture appears as a system of signs' [9, p. 211]. Such duality is regarded as a specific phenomenon of human nature, which expresses not a feature or substance, but a contradiction, arising from the specifics of human existence [10, p. 249], because this duality is the essence of a human's existential contradiction.

Nuclear fiction – in our focus, fictional works on the nuclear energy related issues (mainly, nuclear technologies, nuclear power industry, nuclear power plant explosion and its aftermath, nuclear waste management etc) – supports the idea of such duality through the process of materialization where the issue of evaluating the good and the bad (or the debatable) about nuclear energy is reflected on the literary imaginary of a nuclear power plant. In Chernobyl fiction under study here we have the duality as a literary dimension of a nuclear power plant – even before and after the nuclear explosion.

While depicting the pre-accident days, the writers in their novels almost on the first pages of their works emphasize the enormous power of the plant construction, which is supposed to be a separate city, representing the power of the Soviet achievements in nuclear science and technology and making the Soviet people proud of their being involved in producing the 'magic energy':

'Chernobyl was **not merely a power plant**, it was nearly a city' [11, p. 3].

"...the bound book of aerial photographs taken during construction that showed **the immense power plant as it grew, layer by layer**" [11, p. 3].

'I believed the station was a **magical** factory that made energy out of nothing' [16, p. 22].

The writers – Pohl, White, Stelmach – intend to explain the specific character of the city: it was built for supporting the functioning of the Chernobyl nuclear power plant, whose residents were sent there from all the Soviet republics by the Soviet government. This emphasis on the specificity of the city residents' pool is made, on one hand, to underline the significance of the nuclear power plant as an energy-production enterprise for the whole Soviet Union, and on the other hand, to highlight an easy possibility of the transformation from excitement to fear for those who are without roots, without a myth, without the background for further shaping the identity – those, who are easy to be manipulated. The writers emphasise the fact that all the city residents were connected to the Chernobyl nuclear power plant – '...Virtually every adult resident worked at the station' [16, p. 99]), which made its residents pride and thankful for living in this 'paradise' area – nearby the nuclear power plant:

'Papa's job insured a good living for our family. Now that I was older, I understood in this sense the station truly was magical. We were all **deeply grateful to the government** for selecting our area as the site for the most up-to-date and modern power station that the Communist world had ever constructed. Since unlike conventional power plants, nuclear fission didn't create ugly clouds of black smoke, we assumed that our **paradise** would remain unspoiled' [16, p. 22].

"The **station's pay is ten times higher** than anywhere else in all of the Ukraine" [16, p. 23]. 'The station is **our livelihood'** [11, p. 97].

The writers highlight the unbelief and shock of people, who were so proud of their involvement in the energy production process and their trust to the government even after the Chernobyl accident happening:

'His father's power station could not have blown up! It was **the very latest triumph of Soviet technology**, with all the safety features his father had been proud to display to him as they toured the giant plant. It was too **big and too magnificent to explode**! [11, p. 43].

'But just as Papa **believed his beloved country** was the greatest in the world, he continued to insist that **his government would protect him**" [16, p. 133].

Andrea White in her Radiant Girl describes a slow process of changing the image of the nuclear power plant in the protagonists' perception after the nuclear accident - the shift from the pride of 'the latest triumph of Soviet technology' to fear, uncertainty, distrust, doubt:

Before that night, I had been **suspicious** of the station. Now, living just forty miles away, I was certain that I had a right to be **afraid'** [16, p. 108].

This night. I had grown tired of never speaking about the things that were most important to me as well as hiding my fears. "Boris died at the station," I said' [16, p. 96].

'It was the summer before the eighth grade. Although I had begun to doubt the wisdom of Papa's job at the station, I confess I never turned down a single one of the many aifts paid for by his good wages' [16, p. 95].

'I felt **conflicted**. I wanted to go, but no one seemed to realize that the station was **dangerous**. *So I just shrugge'* [16, p. 113].

The writers show their readers a slow process of shifting the public perception of a nuclear power plant from excitement and pride through doubts and fears to hatred to the power plant which is the implication of the materialized 'invisible' in the Chernobyl context:

'...the plant was in **mortal peril** and he could not do anything else' [11, p. 31]. 'Papa sounded so self-satisfied that I just wanted to hurt him. "I hate the station." He hurried over and drew so near that I could see the stubble on his face. "What did you say?" "It could kill us all!" I cried. "Ungrateful girl!" Papa yelled' [16, p. 121].

In my imagination, the station had become a dark fortress, an evil emerald city with a terrifying fireball on the throne commanding people to do its bidding and the consuming them [14. p. 145].

But even after gaining the full understanding that the nuclear power plant is an implementation of 'the invisible nuclear', carrying death and ruining the previous hopes for 'paradise' life, the protagonists of the novels continue to support its functioning and regarding it as a source of their livelihood:

'Papa's fist hit the table. "How can you fail to understand the opportunity?' [16, p. 95].

'My bedroom was not a granny or a teen room, just a nondescript, modern space. I had a brand-new desk, an oak bureau and a new bed fitted with soft sheets, all paid for by my father's wages at the station' [16, p. 99].

'How could I have been so stupid? Papa wasn't an overzealous patriot. He worked at the station to pay for the Moped and jewelry he thought I liked so much' [16, p. 139].

Juraku Kohta tries to explain such shifts in the public perception of nuclear energy - 'The sequential regulatory actions have made operators and manufacturers impoverished by neverending review process while public trust has not been effectively recovered in proportion to their efforts. It could be interpreted that regulation fulfills the public will to punish nuclear industry instead of legal prosecution process' [7, p. 162].

So, the materialization of the invisible in the image of 'a nuclear power plant', represented in the novels, makes the leitmotif of incomprehensibility and mystery of 'the invisible' more visual and material. It is the nuclear power plant that controls the observance of certain behavior norms, which be identified as a regular link between the almost universally prevalent perceptions of "supernatural" forces that cause disease, and social norms, governing the behavior. Such ideas effectively function as a mechanism of social control and a way to maintain social order. So, the nuclear power plant is regarded in the novels under study as a materialization of the "invisible enemy" after the accident. But its primary image of 'the manifestation of the triumph of nuclear technology' is still strong, which explains the dual nature of a nuclear power plant, regarded as a subject for controversial 'dual' image of technological achievements.

Within the hot debates about the positive and negative societal consequences of discovering radiation, its good and bad influence on humanity coincide with the long-term debates about the role of technology and technical innovations in the society, which result in launching the issues of norms, values, moral and ethical aspects of scientific knowledge for the benefit as well as for the destruction of humanity. The nuclear related issues have gone through the multisided and multidisciplinary debates, swinging between 'the good' and 'the bad' and balancing as 'the debatable' within the Nuclear Anthropocene with the dominating perception of 'the nuclear' as the 'invisible', related to the loss of the value of life, neglecting the moral values within nuclear technology's policy in the late Cold War age.

The focus on studying the implication of 'the nuclear' in its cultural and social representations of the nuclear energy gives rise to the socio-cultural and social-technical shifts in reconsidering the perception of the nuclear energy issues, related to the debates about the 'Atom for Peace' policy within the late Cold War discourse. The nuclear narrative, shaped by the Cold War policy, went through some changes after the well-known statement by Derrida about 'fabulously textual' component as a dominating one in charactering the nuclear discourse in general [3, p. 20]. But the Chernobyl nuclear power plant explosion encouraged the separation of 'nuclear war' narrative and 'nuclear energy' narrative, which have the different policies of their implications as well as the different messages in the nuclear discourse: when a nuclear war as well as nuclear weapons are narrated as an absolutely 'textual' [3, p. 21] , while nuclear energy and nuclear power are still 'the debatable' [1].

The emphasis on studying the literary implications of 'the nuclear' in US novel (by Pohl, White, Stelmach), depicting the Chernobyl nuclear power plant accident, its premises and aftermath, helps not only to distinguish the transformations of 'the nuclear invisible' in the US writing practices under analysis here but also to highlight the ethical aspects of nuclear energy related issues and nuclear energy policy in the post-traumatic society of the late Cold War, which define the cultural and social parameters of the perception of nuclear energy as a concept for further impact on public acceptance of the nuclear technology. The given novels under analysis here confirm the long-term debates about the materialization of the nuclear – the literary image of 'a nuclear power plant', represented in these novels, makes the leitmotif of incomprehensibility and mystery of 'the invisible radioation' visual and material.

According to Lotman's semiotic theory of the duality of the discreteness of semiotic spaces and their verbal representations, the duality is regarded as a specific phenomenon of human nature, which expresses not a feature or substance, but a contradiction, arising from the specifics of human existence. The materialization of the nuclear invisible in the image of the Chernobyl nuclear power plant is characterized by the duality which reflects the issue of evaluating 'the visible' and 'the invisible' about nuclear energy. The novels under analysis here emphasize the duality as a literary dimension of a nuclear power plant — even before and after the nuclear explosion, described in the given writing practices. The Chernobyl nuclear power accident, as it is represented in the novels, reshapes the cultural agents of the nuclear culture and changed to the public perception of 'the nuclear': from excitement to fear and uncertainty, embodied into radiation as a symbolic representation of the controversial character of nuclear technology giving birth to the beautiful 'invisible nuclear'.

Such dual representation of a nuclear power plant clarifies its uniting and encouraging role in the society, which not only makes the nuclear power plant as a protagonist of the novels, but refers it as a connection between gods (related to those decision-makers in the nuclear energy production in the Chernobyl context) and the public, whose life is directed by the nuclear power plant. In addition, the nuclear power plant – before and after the Chernobyl accident – performed the regulatory functions in that area's community. It is the nuclear power plant that controls the observance of certain behavior norms, which be identified as a regular link between the almost universally prevalent perceptions of "supernatural" forces that cause disease, and social norms, governing the behavior for further social control and a way of maintaining the social order of the community.

While depicting the pre-accident days, the writers in their novels almost on the first pages of their works emphasize the enormous power of the Chernobyl nuclear power plant construction, which is supposed to be a separate city, representing the power of the Soviet achievements in nuclear science and technology and making the Soviet people proud of their being involved in producing the 'magic energy'. The writers – Pohl, White, Stelmach – intend to explain the specific character of the city: it was built for supporting the functioning of the Chernobyl nuclear power plant, whose residents were intentionally relocated there from all the Soviet republics. This emphasis on the specificity of the city residents' pool is made to underline the significance of the nuclear power plant as a Soviet energy-production enterprise as well as to stress an easy way for the transformation from excitement to fear for those who are without indigenous roots, without the background for identity formation.

The writers highlight the unbelief and shock of people, who were so proud of their involvement in the energy production process and their trust to the government after the Chernobyl accident happening. The novels depict an unexpected process of changing the image of the nuclear power plant in the protagonists' perception after the nuclear accident — a shift from the excitement and pride of 'the latest triumph of Soviet technology' through doubts, fears and uncertainty to hatred to the power plant which is the implication of the materialized the 'invisible nuclear'.

But even after gaining the full understanding that the nuclear power plant is an implementation of 'the invisible nuclear', carrying death and ruining the previous hopes for 'paradise' life, the protagonists of the novels continue to support its functioning and regarding it as a source of their livelihood. So, the nuclear power plant is regarded in the novels under study as a materialization of "the invisible" while the manifestation of the triumph of nuclear technology is rather dominating (before and after the accident), which explains the dual nature of a nuclear power plant, regarded both as visible materialized component of the invisible paradise. Even after gaining a visible appearance, the duality of 'the invisible nuclear', represented in the image of a plant, by becoming the materialization of the invisible nuclear', remains its dominating feature.

Thus, the novels by Pohl, White, Stelmach depict the duality as a characteristic feature of the literary implication of the Chernobyl nuclear power plant, regarded as the materialization of 'the nuclear invisible' against the background the demonization of the nuclear power in the late Cold War and beyond.

Bibliography

- 1. Aref L. Nuclear Energy: the Good, the Bad, and the Debatable. Learn More about Nuclear Technology, its Benfits, and its Dangers / Lana Aref. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2018. 17 р. [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://docplayer.net/10369157-Nuclear-energy-the-good-the-bad-and-the-debatable.html (останнє звернення 12.10.2019).
- 2. Brown K. Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future / Kate Brown. New York: W.W. Norton & Company, 2019. 432 p.
- 3. Derrida J. No Apocalypse, Not Now (Full Speed Ahead, Seven Missiles, Seven Missives) / Jacques Derrida // Diacritics. 1984. № 14/2. P. 20–31.
- 4. Ellis S. Messianic Fiction in Antoine Volodine`s Nuclear Catastrophe Novel Minor Angels / Susannah Ellis // Paragraph. 2019. Vol. 42. № 2. P. 223–237. DOI: 10.3366/para.2019.0300.
- 5. Foertsch J. Not Bombshells but Basketcases: Gendered Illness in Nuclear Texts / J. Foertsch // Studies in the Novel. 1999. Vol. $31. N_0 4. P. 471-488$.
- 6. Hetch G. Being Nuclear / Gabrielle Hetch. [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://mitpress.mit.edu/books/being-nuclear (останне звернення 12.10.2019).
- 7. Kohta Ju. Why Is It So Difficult to Learn From Accidents? / Juraku Kohta // Resilience: A New Paradigm of Nuclear Safety. From Accident Mitigation to Resilient Society Facing Extreme Situations / Ed. by Joonhong Ahn, Franck Guarnieri, Kazuo Furuta. New York: Springer, 2017. P. 57–168. DOI: 10.1007/978-3-319-58768-4 12.
- 8. Lepage E. Un Printemps à Tchernobyl / Emmanual Lepage. Paris: Futuropolis, 2012. 164 p.
- 9. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. On the Semiotic Mechanism of Culture / Yu.M. Lotman, B.A. Uspensky // New Literary History. 1978. № 9. P. 211–232.
- 10. North W. Yuri Lotman on Metaphors and Culture as Self-Referential Semiospheres / Winfried North // Semiotica. 2006. № 161–1/4. P. 249–263. DOI 10.1515/SEM.2006.065.
- 11. Pohl F. Chernobyl / Frederik Pohl. New York: A Tom Doherty Associates Book, 1987. 375 p.
- 12. Portelli A. What Cultural Objects Say About Nuclear Accidents and Their Way of Depicting a Controversial Industry / Aurélien Portelli // Resilience: A New Paradigm of Nuclear Safety: From Accident Mitigation to Resilient Society Facing Extreme Situations / Ed. by Joonhong Ahn, Franck Guarnieri, Kazuo Furuta. –New York: Springer, 2017. P. 137–156. DOI: 10.1007/978-3-319-58768-4_11.

- 13. Shewry T. States of Suspense: The Nuclear Age, Postmodernism and United States Fiction and Prose / Teresa Shewry // MFS-Modern Fiction Studies. 2011. Vol. 57. № 4. P. 764–766. DOI: 10.1353/mfs.2011.0073.
- 14. Stelmach O. The Boy from Reactor 4 / Orest Stelmach. Las Vegas: Thomas & Mercer, 2013. 388 p.
- 15. Stove D. The Human Drama of Chernobyl / Dawn Stove // The Bulletin of the Atomic Scientists. 2019. Мау. [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://thebulletin.org/2019/05/the-human-drama-of-chernobyl/ (останне звернення 12.10.2019).
  - 16. White A. Radiant Girl / Andrea White. Houston: Bright Sky Press, 2008. 256 p.

MATERIALIZATION OF "THE INVISIBLE NUCLEAR" IN U.S. NUCLEAR FICTION ON CHERNOBYL

Inna M. Sukhenko, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).

E-mail: inna_suhenko@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-15

Key words: nuclear fiction, nuclear narrative, nuclear criticism, nuclear invisible, duality.

The paper emphasizes the literary dimensions of duality, related to 'the invisible nuclear' in U.S. writing practices (from the late Cold War up to the present), covered by the post-Chernobyl Age, while highlighting he ethical aspects of nuclear energy related issues in the post-traumatic societies. The paper is focused on studying the literary implications of 'the invisible nuclear' in depicting a nuclear power plant disaster (the Chernobyl NPP explosion) and its aftermath in North American fictional works such as Frederik Pohl's Chernobyl (1987), Andrea White's Radiant Girl (2008), and Orest Stelmach's The Boy from Reactor 4 (2011). The paper intends to study the transformations of 'the nuclear invisible" in the U.S. nuclear fiction on Chernobyl disaster, which helps to define the cultural and social parameters of the unbiased perception of nuclear energy as a concept for further impact on public acceptance of the nuclear technology.

This paper intends to studying the implications of 'the invisible nuclear' in its cultural and social representations of the nuclear energy, giving rise to the socio-cultural and social-technical shifts in reconsidering the perception of the nuclear energy issues (related to nuclear power plants' functioning). I highlight intentionally the literary dimensions of academia's reflections on the nuclear related issues, coming from nuclear weapon industry and policy, because the contemporary nuclear discourse requires the strict separation of 'nuclear war' narrative and 'nuclear energy' narrative, which have the different policies of their implications as well as the different messages in the nuclear discourse: when a nuclear war as well as nuclear weapons are narrated as an absolute textual, nuclear energy and nuclear power, commonly represented in 'atom for peace' policy is still a subject of materialization which encourages the hot debates.

References

- 1. Aref, L. Nuclear Energy: the Good, the Bad, and the Debatable. Learn More about Nuclear Technology, its Benfits, and its Dangers. Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology, 2018, 17 p. Available at: https://docplayer.net/10369157-Nuclear-energy-the-good-the-bad-and-the-debatable. html (accessed 12 October 2019).
- 2. Brown, K. Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future. New York, W.W. Norton & Company, 2019, 432 p.
- 3. Derrida, J. No Apocalypse, Not Now (Full Speed Ahead, Seven Missiles, Seven Missives). In: Diacritics, 1984, no. 4/2, pp. 20-31.
- 4. Ellis, S. Messianic Fiction in Antoine Volodine's Nuclear Catastrophe Novel Minor Angels. In: Paragraph, 2019, vol. 42, issue 2, pp. 223-237. DOI: 10.3366/para.2019.0300.
- 5. Foertsch, J. Not Bombshells but Basketcases: Gendered Illness in Nuclear Texts. In: Studies in the Novel, 1999, vol. 31, issue 4, pp. 471-488.
- 6. Hetch, G. Being Nuclear. Available at: https://mitpress.mit.edu/books/being-nuclear (accessed 12 October 2019).
- 7. Kohta, J. Why Is It So Difficult to Learn From Accidents? In: Ahn, Joonhong, Guarnieri, Franck, Furuta, Kazuo (eds). Resilience. A New Paradigm of Nuclear Safety. From Accident Mitigation to Resilient Society Facing Extreme Situations. New York, Springer, 2017, pp. 57-168. DOI: 10.1007/978-3-319-58768-4 12.
  - 8. Lepage, E. Un Printemps à Tchernobyl [Springtime in Chernobyl]. Paris, Futuropolis, 2012, 164 p.

- 9. Lotman, Y., Uspensky, B. On the Semiotic Mechanism of Culture. In: New Literary History, 1978, no. 9. pp. 211-232.
- 10. North, W. Yuri Lotman on Metaphors and Culture as Self-Referential Semiospheres. In: Semiotica, 2006, no. 161-1/4, pp. 249-263. DOI 10.1515/SEM.2006.065.
  - 11. Pohl, F. Chernobyl. New York, A Tom Doherty Associates Book, 1987, 375 p.
- 12. Portelli, A. What Cultural Objects Say About Nuclear Accidents and Their Way of Depicting a Controversial Industry. In: Ahn, Joonhong, Guarnieri, Franck, Furuta, Kazuo (eds). Resilience. A New Paradigm of Nuclear Safety. From Accident Mitigation to Resilient Society Facing Extreme Situations. New York, Springer, 2017, pp. 137-156. DOI: 10.1007/978-3-319-58768-4_11.
- 13. Shewry, T. States of Suspense: The Nuclear Age, Postmodernism and United States Fiction and Prose. In: MFS-Modern Fiction Studies, 2011, vol. 57, issue 4, pp. 764-766. DOI: 10.1353/mfs.2011.0073.
  - 14. Stelmach, O. The Boy from Reactor 4. Las Vegas, Thomas & Mercer, 2013, 388 p.
- 15. Stove, D. The Human Drama of Chernobyl. In: The Bulletin of the Atomic Scientists, 2019. Available at: https://thebulletin.org/2019/05/the-human-drama-of-chernobyl/ (accessed 12 October 2019).
  - 16. White, A. Radiant Girl. Houston, Bright Sky Press, 2008, 256 p.

Одержано 5.09.2019.

УДК 821.111-32.09(73)

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-16

О.В. ЯЛОВЕНКО,

кандидат філологічних наук, викладач кафедри англійської мови та методики її навчання Уманського державного педагогічного університету імені П. Тичини

КОНЦЕПТ УЯВНОГО ДОМУ І ТРАНСКУЛЬТУРНА ПАРАДИГМА В ОПОВІДАННІ Д. ЛАГІРІ «У ПАНІ СЕН»

Статтю присвячено аналізу проблеми співвідношення культурної та особистісної ідентичності. Досліджується концепт уявного дому як важливого чинника для збереження культурних традицій, що особливо актуально в умовах сучасної транскультури. Важливо, що іммігранти різних поколінь по-своєму визначають поняття дому. Так, для першого покоління дім пов'язується з фактичним місцем народження і тотожний ностальгії, погляду назад, відчуттю культурної втрати. «Дім» як полісемантичне поняття уможливлює символічну «подорож зі стінами»: герой продовжує залишатися вдома подумки, хоча фізично вже його покинув. Мається на увазі «географічна синхронність»: можливість жити тут, у плоті, і водночас ще десь подумки і в уяві. Поступово образ «свого» дому втрачає обриси реальності і віддаляється, оскільки це вже уявна батьківщина, присутня лише в думках і спогадах.

Головна героїня є представницею старої діаспори. Вона продовжує «триматися» за «свій» дім: проживаючи в Америці, намагається відтворити штучний побут, до якого звикла у Калькутті, як і відвоювати свою «втрачену ідентичність». Пані Сен живе спогадами і «ховається» за минулим, щоб не помічати хаосу, відчуття самотності та незручності у досі штучному для неї американському будинку. Символічно героїня «імітує своє», подумки переноситься назад, поєднуючи внутрішній та зовнішній досвід. Її внутрішній монолог базується на «культурному нашаруванні» індійського на американське.

Оповідання не обмежується проблематикою маргінальності. Зачіпаються одвічні проблеми дому, родини, минулого як важливого компонента внутрішнього монологу головної героїні, за принципом якого побудовано твір, хоча поетика тексту насичена граматичним теперішнім часом, адже події «свого» досі «живі» для пані Сен. Не менш важливою є тема спілкування (твір показує дружбу між двома різними за віком та походженням людьми). Через відчуття самотності образи головних героїв дуже схожі: і пані Сен, і Еліот позбавлені повноцінного спілкування з рідними. Внутрішньо образ пані Сен глибоко суперечливий: героїня почувається самотньою в американському соціумі і в той же час, звертаючись до «своєї» культури, підсвідомо протиставляє себе іншим (продовжує жити індійським життям).

Ключові слова: дім, транскультурна парадигма, іммігрант, ідентичність, «свій», «чужий», минуле, традиція.

Статья посвящена анализу проблемы соотношения культурной и личностной идентичности. Исследуется концепт воображаемого дома как важного фактора для сохранения культурных традиций, что особенно актуально в условиях современной транскультуры. Важно, что иммигранты разных поколений по-своему определяют понятие дома. Так, для первого поколения дом связан с фактическим местом рождения и тождественен ностальгии, взгляду назад, ощущению культурной потери. «Дом» как многозначное понятие делает возможным символическое «путешествие со стенами»: герой продолжает оставаться дома мысленно, хотя физически уже его покинул. Имеется в виду «географическая синхронность»: возможность жить здесь во плоти и одновременно еще где-то мысленно и в воображении. Постепенно образ «своего» дома теряет очертания реальности и удаляется, поскольку это уже воображаемая родина, которая присутствует только в мыслях и воспоминаниях.

Главная героиня является представительницей старой диаспоры. Она продолжает «держаться» за «свой» дом: проживая в Америке, пытается воссоздать искусственно быт, к которому привыкла в Калькутте, как и отвоевать свою «утраченную идентичность». Госпожа Сен живет воспоминаниями и «прячется» за прошлым, чтобы не замечать хаоса, ощущения одиночества и неудобства во все еще искусственном для нее американском доме. Символически героиня «имитирует свое», мысленно переносится назад, сочетая внутренний и внешний опыт. Ее внутренний монолог базируется на «культурном наслоении» индийского на американское.

Рассказ не ограничивается проблематикой маргинальности. Затрагиваются извечные проблемы дома, семьи, прошлого как важного компонента внутреннего монолога героини. Произведение построено по принципу внутреннего монолога главной героини, хотя поэтика текста насыщена грамматическим настоящим временем, ведь события «своего» до сих пор «живые» для госпожи Сен. Не менее важной является тема общения (в произведении показана дружба между двумя разными по возрасту и происхождению людьми). Из-за чувства одиночества образы главных героев очень похожи: и госпожа Сен, и Элиот лишены полноценного общения с родными. Внутренне образ госпожи Сен глубоко противоречив: героиня чувствует себя одинокой в американском социуме и в то же время, обращаясь к «своей» культуре, подсознательно противопоставляет себя другим (продолжает жить индийской жизнью).

Ключевые слова: дом, транскультурная парадигма, иммигрант, идентичность, «свой», «чужой», прошлое, традиция.

Вертаючись до творчості американської письменниці бенгальського походження Джумпи Лагірі, зауважимо, що наскрізною темою її творів є тема імміграції. Відірвані від дому герої стикаються з одвічною дилемою: асимілюватися в новій країні і прийняти всі її особливості чи зберегти свою ідентичність. Д. Лагірі тяжіє до розкриття особливостей східного життя, відтак демонструє Індію у створюваних нею художніх текстах з огляду на домінування американських моделей мислення. Розглядаючи процеси асиміляції до нового культурного середовища і готовність іммігрантів до «злиття» з іншими, письменниця змальовує ставлення іммігрантів до своєї «деш». Проблема співвідношення культурної і особистісної ідентичності завжди була важливою для «письменників порубіжжя», у творчості яких органічно поєднується не одна культурна традиція.

Попри наявність наукових розвідок зарубіжних дослідників (Т. Bhalla [4], К. Chatterjee [5], S. Dasgupta [6], N. Friedman [8], R. Heinze [9], F. Kral [11], S. Lutzoni [13], B.W. Noelle [15], A. Rizzo [16], A. Shankar Saha [18] та ін.), творчість Д. Лагірі розкрита не в повному обсязі, що обумовлює подальші теоретичні дослідження.

Дебютна збірка оповідань «Тлумач хвороб» («Interpreter of Maladies», 1999), до якого входить оповідання «У пані Сен» («Mrs. Sen`s»), викликала особливий інтерес з боку критиків — Jaya Lakshmi Rao V, Jackie Large, Erin Quinn, Joshua Ammons, Adriana Elena Stoican, S. Shanthi, Shea Taylor та ін.

Важливі зауваження щодо жанрової характеристики збірки, її проблемно-тематичних особливостей висловили С. Казбекар (стаття «Alienation in Lahiri's An Interpreter of Maladies», 2015), С. Радж («Cultural Alienation in Jhumpa Lahiri's Short Stories Interpreter of Maladies», 2016), А. Добрінеск'ю (Travelling Across Cultures, 2014). Проте аналіз оповідання «У пані Сен» залишається актуальним, особливо в розрізі основних положень транскультури.

Метою статті є аналіз концепту уявного дому в контексті транскультурної парадигми в оповіданні Джумпи Лагірі «У пані Сен».

У цьому оповіданні розповідається про дружину академіка містера Сена. Вона працює нянею і кожного дня після школи доглядає за дитиною, одинадцятирічним Еліотом. З початку навчального року Еліот щодня ходив до пані Сен після школи. Пані Сен, іммігрантці першого покоління, надзвичайно важко адаптуватися до нової американської культури, її внутрішній стан визначається «самотністю, що виникає за межами групи» [17, с. 359]. Героїня «існує за межами часу» і перебуває в символічній «пастці», обмеженому замкненому просторі. Пані Сен протистоїть «чужій» культурі і прагне зберегти рештки «свого». Вона тільки звикає до американського побуту: «Here, in this place where Mr. Sen has brought me, I cannot sometimes sleep in so much silence» [12, с. 128]¹.

¹ «Тут, у цьому місці, куди мене привіз містер Сен, я іноді не можу спати в такій безмежній тиші» (тут і далі переклад автора статті).

Важливим елементом поетики письменниці є спільний мотив транскультурності та гібридності. Попри наявність декількох географічних площин (індійської та американської), героїня страждає від обмеженого культурного простору (пані Сен відчуває символічну «обмеженість» простору у стінах досі чужої для неї американської квартири). Мають місце не лише невтішні пошуки своєї ідентичності, але й своєрідні «пошуки свободи». Відтак, культурна «боротьба» героїні з американською дійсністю постає центральним конфліктом твору.

Героїня усвідомлює, що тільки вдома в Індії вона почувається в безпеці. Фраза «все там» («everything is there»), означає, що все цінне для неї залишилось в Індії. Еліот помічає, що насправді щасливою його няню роблять лише «свої» деталі з минулого: звичайний (а не електронний) лист з Індії та ціла рибина з головою, яку так важко знайти в Америці. Елементом «свого» в Америці є яскрава колекція її сарі, які нікому тут не потрібні. Е. Саїд пояснює це тим, що «через втрату виникає спокуса звернутись до національної гордості, колективних почуттів, групових пристрастей, щоб подолати самотність вигнання» [17, с. 359].

Для пані Сен індійський простір (кухонне лезо, плівка з голосами родичів, аерографи з дому, яскраві сарі, облаштування кімнат тощо) контрастує з американським побутом. Кухонне лезо як деталь «свого» символізує прив'язаність до індійського життя. Пані Сен розуміє, що насправді все це лише копія, адже їй бракує справжнього спілкування. Події, про які вона читає в листах, що часто перечитує, давно відбулись (народження її племінниці, смерть дідуся). З часом навіть плівка з голосом дідуся не приносить полегшення, оскільки його вже немає серед живих.

Саме розповіді про життя в Індії, які героїня читає в листах від «своїх», дотримання традицій, бенгальський одяг та їжа відтворюють для пані Сен звичну атмосферу індійського домашнього затишку в Америці. Н. Бідасюк зауважує, що «герої азійсько-американських творів підтримують зв'язок із батьківщиною, дивлячись новини і читаючи статті про країну свого народження, готуючи з дитинства знайомі страви, святкуючи традиційні свята» [1, с. 173].

Згодом образ «свого» дому втрачає риси реальності, адже для героїні це вже невидима/уявна батьківщина, яка поступово перетворюється на ностальгію. Героїня часто слухає плівку з голосами родичів і зупиняє звукозапис, коли чує голос дідуся, який нещодавно помер.

Аналізуючи твір, С. Казбекар зауважує, що «коли герої покидають Індію, вони залишають позаду безліч неподільних культурних параметрів, які продовжують шукати в країні їхньої міграції» [10, с. 74]. Не випадково будні пані Сен пов'язано з символічною «втечею». Героїня не хоче навчитися кермувати автомобілем, як роблять більшість американців, натомість продовжує готувати виключно індійські страви для себе та свого чоловіка. Вона купує свіжу рибу, яка безпосередньо пов'язується з її досі важливим індійським життям.

Героїня «блокує» процеси «акультурації» і не сприймає основних елементів місцевої культури, що призводить до виникнення «комунікативних труднощів» [2, с. 3]. Вона розмовляє ламаною англійською мовою з помітним індійським акцентом і, як результат, припускається фонетичних помилок: «Is it Beethoven?» she asked once, pronouncing the first part of the composer's name not «bay», but «bee», like the insect» [12, с. 130]². Неправильне прізвище відомого класика пояснюється першими невтішними кроками асиміляції героїні до американської культури.

Пані Сен дуже сумує за домом. Одного разу вона не стримує сліз і веде Еліота до своєї кімнати. Вона кидає на ліжко свої сарі і констатує, що їх тут ніде носити. У неї немає навіть жодної нової фотографії, яку можна було б надіслати родичам до Калькутти. Героїня пригнічена. Вона не готує, вмикає телевізор, але не дивиться його, робить собі чай, якому дозволяє охолонути. Вона згадує день, коли залишила Індію, і досі пам'ятає всіх членів родини.

Внутрішній монолог героїні набуває рис «потоку свідомості»: вільні асоціації «свого», вільна послідовність думки, логічна незв'язність та фрагментарність мови. Якщо «у М. Пруста це зображення автономності всього континууму життя свідомості, у Д. Джойса — єдності та конфлікту внутрішнього та зовнішнього життя» [3, с. 179], то у Д. Лагірі — це культурне

 $^{^2}$ «Це Бітховен?» запитала вона одного разу, вимовляючи першу частину імені композитора не «bay», а «bee» як комаха».

протиставлення Сходу та Заходу. Символічно героїня «імітує своє», подумки переноситься назад, поєднуючи внутрішній та зовнішній досвід. Її внутрішній монолог базується на «культурному нашаруванні» індійського на американське. Це безперервний рух думки, в основному зосередженої на окремих відтінках предметів «свого» світу. Думка характеризується плинністю, мінливістю та невловимістю, оскільки часто переривається зовнішніми факторами (діалогами з малим Еліотом).

Важливе значення в оповіданні мають художні знаки та символи, якими оперує автор. Наприклад, хлопець вражений великою кількістю взуття біля дверей та червоною фарбою на проділі волосся своєї няні. Пані Сен пояснює, що це як обручка – символ заміжжя, те, що точно не можна загубити у посудомийній машині. Еліот часто спостерігає за процесом приготування їжі. Незвичною деталлю для нього є лезо, привезене з Індії, яким користується пані Сен при нарізанні овочів. Героїня пояснює, що таке лезо є у кожному домі. Пані Сен компенсує символічну «втрату», що означає «створити новий світ і керувати в ньому, вперто виділятись на новому місці, реалізувати своє право «відмовитись належати» [17, с. 363]. У внутрішньому світі пані Сен кордони рухомі, що дозволяє їй подумки перенестися в інший культурний простір.

Оповідання не обмежується проблематикою маргінальності. Зачіпаються одвічні проблеми дому, родини, минулого як важливого компонента внутрішнього монологу героїні. Пані Сен усвідомлює, що ніяк не звикне до американської тиші і продовжує залишатися подумки там, в Індії. Вона не сприймає того, що в Америці всі чужі один одному. Героїня подумки «повертається» додому і розповідає, наскільки там, в Індії, товариські люди. Вона розуміє, що якби почала кричати в досі «чужій» для неї американській квартирі, ніхто б не звернув уваги. Еліот розуміє, що «дім» для пані Сен – це Індія, а не квартира, де вони перебувають у цей момент.

Другорядні персонажі в оповіданні є доброзичливими, за винятком матері Еліота, яка не бажає виходити за рамки формальних відносин з пані Сен. Образ матері дещо відсторонений, героїня не лише залишається осторонь виховання свого сина, але і не наділена увагою автора, оскільки позбавлена імені, натомість постає як «мати Еліота». Вона з сином проживає в незатишному будинку та мало спілкується з сусідами. Образ її життя діаметрально протилежний життю пані Сен. Мати Еліота нічим не відрізняється від типової американки: на відміну від пані Сен, вона носить короткий одяг та має оголені коліна, а її волосся пофарбоване.

Тепло квартири пані Сен контрастує з холодом будинку матері Еліота, як і культурний контраст між Індією та Америкою. Як і належить справжній індійській жінці, пані Сен особливо шанує гостя. Тому, коли повертається мати Еліота, бенгалка пропонує їй повечеряти. Мати Еліота «чужа» до смакових індійських вподобань, тому відмовляється, пояснюючи це тим, що не звикла їсти так пізно. Вдома вона випиває келих вина, їсть хліб і сир, і часто переїдає, тому не вживає піци, яку вони з сином звикли замовляти на вечерю. На відміну від пані Сен, мати Еліота не проводить на кухні багато часу, їй простіше купити готову до вживання їжу. Еліот помічає, що його мати відмовляється від індійської їжі не тому, що вже поїла; насправді вона надає перевагу приготованій нашвидкуруч американській вечері з алкоголем. Еліот розуміє, що вони з матір'ю самотні, адже живуть самі у пляжному будинку, де в холодну пору навколо взагалі нікого немає.

Хлопцю подобається тепло та затишок будинку пані Сен. Він залюбки спостерігає за досі дивним для нього ретельним процесом приготування їжі і порівнює це з американською звичкою до напівфабрикатів. Еліот відчуває, що емоційно прив'язаний до Індії саме через пані Сен, для якої став довіреною особою (він часто є свідком її суму та туги за домівкою).

Іншу позицію займає чоловік пані Сен, який хоче, щоб його дружина пристосувалась до нових умов. Він запевняє матір Еліота, що до кінця грудня його дружина навчиться кермувати. А. Добрінеск'ю у цьому плані зауважує про «уявні кордони, які віддаляють героїв, які належать до однієї культури» [7, с. 102]. Уявними/невидимими кордонами наділений внутрішній світ героїв, їхні думки та переживання. Пані Сен не хоче приймати американське життя. Героїня часто згадує свій дім, Індію. Вона відмовляється кермувати, оскільки вірить, що ніколи не зможе адаптуватися до Америки повністю.

«Корекція» ідентичності героїв Д. Лагірі відбувається в умовах поступової асиміляції до нового культурного середовища. Має місце етап «згортання» старої ідентичності і утворення транскультурної нової. Саме тому одного дня пані Сен наказує Еліоту надягнути взуття. Вони сідають в машину і пані Сен хоче влитися в потік головної дороги. Героїня знає як кермувати, проте помітно нервується.

Пані Сен не впевнена, що щось зміниться, коли вона отримає водійські права, як запевняв її містер Сен. Героїня часто відволікається за кермом, нервується, коли виїжджає на головну дорогу. Будучи неуважною за кермом, пані Сен потрапляє у пригоду і вдаряє авто у телефонний стовп. Вони з Еліотом отримують незначні подряпини, але не травмуються. Автомобіль є першим кроком до асиміляції. Проте нездатність пані Сен навчитися кермувати стає символом її нездатності адаптуватися до американського способу життя.

Героїня усвідомлює, що для того, щоб утримати дорогоцінний зв'язок з Індією (їй щодня потрібно їздити в магазин, щоб купити рибу), вона має навчитися жити в Америці, а отже сісти за кермо автомобіля. Її спроби досягти цього відбуваються під час екскурсії з Еліотом до моря, щоб забрати замовлену заздалегідь рибу. Бажання отримати рибу надто сильне, а пасажири в автобусі скаржаться на неприємний запах риби, тому героїня вирішує їхати сама.

Містер Сен пояснює поліцейському, що його дружина не має водійських прав. Налякані, вони їдуть додому. Пані Сен готує Еліоту поїсти, а потім ховається у спальній кімнаті. Еліот чує, як плаче пані Сен. Містер Сен пояснює матері Еліота, що трапилось і пропонує відшкодувати гроші за місяць. Герой хоче символічно «відкупитись» від аварії і зняти з дружини всю провину та відповідальність за життя Еліота. Доказом неадаптації його дружини до американського побуту є її нездатність доглядати за дітьми.

Для того, щоб позбутися ностальгії за «своїм», необхідно «ослабити ностальгічну нитку, що пов'язує переселенців із міфологізованим домом, вийти за межі свого фіксованого «я» і осягнути особливості нової, гібридизованої ідентичності» [14, с. 77]. Символічна «неспроможність» досягти цього обертається справжньою трагедією для пані Сен: її спроби асиміляції закінчується автомобільною аварією, в результаті чого їй забороняють доглядати за дітьми. Героїня залишається сама, наодинці зі своїми внутрішніми переживаннями в досі чужому для неї американському будинку. Будучи ізольованою від родини та друзів і витісненою з власного будинку, американське життя героїня ототожнює з дратівливістю та агресією.

Після аварії Еліот носить ключі від дому на шиї. Його мати не хоче жодної доглядальниці. Вона зрозуміла, що доручила свого сина жінці, яку ледь знає. Подібно до пані Сен, мати Еліота також самотня (жодної інформації про батька Еліота немає), свій сум вона заїдає американською їжею та запиває вином, і таким чином ізолюється від сина та навколишньої дійсності. Коли вона телефонує Еліоту і запитує чи все з ним гаразд, хлопець задумується перед відповіддю і крізь вікно дивиться на сірі хмари; вони символізують внутрішній світ Еліота, викривають його сум. Хлопець запевняє матір, що з ним усе гаразд, проте насправді страждає від самотності, думає про пані Сен і дуже за нею сумує. Біль хлопця помічала тільки пані Сен, яка співпереживала і прагнула «сховати» це через анекдоти та цікаві випадки зі свого життя. Збагачуючись новим культурним досвідом, Еліот на деякий час забував про свою самотність.

Проаналізувавши оповідання Д. Лагірі «У пані Сен», вдалося зробити певні висновки. Насамперед, твір варто розглядати з позицій транскультуралізму, адже в оповіданні гостро поставлено проблему іммігрантів: як стати частиною нового суспільства і при цьому «не втратити себе».

Поетика оповідання має складну наративну структуру: воно «рухається» непередбачуваними у часі символічними «зигзагами» разом з довільними проявами індивідуальної пам'яті героїні. Оповідання змальовує нездатність пані Сен асимілюватися до американського способу життя, а також умовну «подорож» Еліота до Індії.

Твір побудовано за принципом внутрішнього монологу головної героїні, хоча поетика тексту насичена граматичним теперішнім часом, адже події «свого» досі «живі» для пані Сен (whenever there is a wedding in the family; my mother sends out word in the evening; they sit in an enormous circle; it is impossible to fall asleep those nights).

Пристрасть героїні до свіжої риби втілює в собі «інше» минуле життя, яке вона втратила. Не менш важливою є тема спілкування (твір показує дружбу між двома різними за ві-

ком та походженням людьми). Через відчуття самотності образи головних героїв дуже схожі: і пані Сен, і Еліот позбавлені повноцінного спілкування з рідними.

Героїня, для якої важливими є минулий досвід та культурна пам'ять, «заряджається» спогадами та переживаннями. Вона відчуває свою відчуженість від нової навколишньої дійсності. Внутрішньо образ пані Сен глибоко суперечливий: героїня почувається самотньою в американському соціумі і в той же час, звертаючись до «своєї» культури, підсвідомо протиставляє себе іншим (продовжує жити індійським життям).

«У пані Сен» — це історія психологічної «боротьби» людей, які «пересаджені» зі своєї батьківщини в іншу країну не за власним вибором. Все це породжує самотність та ізоляцію. Саме тому концепт дому стає потужним, оскільки виражає найбільш основну емоційну потребу особистості у повсякденному житті.

Список використаних джерел

- 1. Бідасюк Н. Мотив дому в оповіданнях Джумпи Лагірі / Н. Бідасюк // Філологічні трактати. 2012. Том 4. № 3. С. 172–177.
- 2. Елисеева С. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С.В. Елисеева. Екатеринбург, 2010. 23 с.
- 3. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной Intrada, 2008. 358 с.
- 4. Bhalla T. Being (and Feeling) Gogol: Reading and Recognition in Jhumpa Lahiri`s "The Namesake" / T. Bhalla // MELUS: Multi-Ethnic Literature of the U.S. 2012. Vol. 37. No. 1. P.105—129.
- 5. Chatterjee K. Negotiating Homelessness through Culinary Imagination: the Metaphor of Food in Jhumpa Lahiri`s "Interpreter of Maladies" / K. Chatterjee // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2016. Vol. 8. No. 3. P. 197–205.
- 6. Dasgupta S. Jhumpa Lahri's "Namesake": Reviewing the Russian Connection / S. Dasgupta // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2011. Vol. 3. No. 4. P. 530–544.
- 7. Dobrinescu A. Travelling Across Cultures / A. Dobrinescu. Ploieşti: Editura Universității Petrol-Gaze din Ploieşti, 2014. 153 p.
- 8. Friedman N. From Hybrids to Tourists: Children of Immigrants in Jhumpa Lahiri`s "The Namesake" / N. Friedman // Critique: Studies in Contemporary Fiction. 2008. Vol. 50. Issue 1. P. 111—128.
- 9. Heinze R. A Diasporic overcoat? Naming and Affection in Jhumpa Lahiri`s "The Namesake" / R. Heinze // Journal of Postcolonial Writing. 2007. Vol. 43. Issue 2: Literarure as Resistance: Challenging Religious, Linguistic, Casteist, Racist and Sexist Essentialism. P. 191–202.
- 10. Kasbekar S. Alienation in Lahiri's "Interpreter of Maladies" / S. Kasbekar // Research Scholar An International Refereed e-Journal of Literary Explorations. 2015. Vol. 3. Issue 2. P. 73–78.
- 11. Kral F. Shaky Ground and New Territorialities in "Brick Lane" by Monica Ali and "The Namesake" by Jhumpa Lahiri / F. Kral // Journal of Postcolonial Writing. 2007. Vol. 43. Issue 1. P. 65—76.
- 12. Lahiri J. Interpreter of Maladies / J. Lahiri. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1999. 198 p.
- 13. Lutzoni S. Jhumpa Lahiri and the Grammar of a Multi-Layered Identity / S. Lutzoni // Journal of Intercultural Studies. 2017. Vol. 38. Issue 1. P. 108–118.
- 14. Nagpal D. Between Heaven and Hell: Perceptons of Home and the Homeland in Jhumpa Lahiri's Work / D. Nagpal. Germany: GRIN Verlag, 2010. 88 p.
- 15. Noelle B.W. Reading Jhumpa Lahiri's "Interpreter of Maladies" as a Short Story Cycle / B.W. Noelle // MELUS. 2004. Vol. 29. No. 3–4. P. 451–464.
- 16. Rizzo A. Translation and Billinguism in Monica Ali's and Jhumpa Lahiri's Marginalized Identities / A. Rizzo // Text Matters. 2012. Vol. 2. Issue 2. –P. 264–275.
- 17. Said E. Reflections on Exile / E. Said // Out There: Marginalization and Contemporary Cultures / Ed. Ferguson R. et al. New York: The New Museum of Contemporary Art; Cambridge, MA and London: The MIT Press, 1990. P. 357–366.

18. Shankar Saha A. The Indian Diaspora and Reading Desai, Mukherjee, Gupta and Lahiri / A. Shankar Saha // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. — 2012. — Vol. 14. — Issue 2. — Р. 1—9. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1964&context=clcweb (останне звернення 06.08.2019).

THE CONCEPT OF IMAGINARY HOME IN JHUMPA LAHIRI'S "MRS. SEN'S"

Olha V. Yalovenko, Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: olha yalovenko@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-16

Key words: home, transcultural paradigm, immigrant, identity, "our", "other", past, tradition.

Jhumpa Lahiri is a prominent figure in the Asian-American tradition. The complex semantics of heroes` images, the interweaving of plot lines, intertextual connections, the simplicity of presentation, and the dynamic plot development are characteristic features of her writings. The immigrant problems are major in Lahiri`s literary. Most of her characters who are representatives of two cultures find themselves "nowhere". The article deals with the relationship between cultural and personal identity. The concept of imaginary home as an important factor for the preservation of cultural traditions which is especially relevant in the context of modern transculture, is explored.

It is important that immigrants of different generations define the "home" concept in their own way. So, for the first generation, the home is associated with the actual place of birth and identical to nostalgia, past, a sense of cultural loss. As a polysemantic notion, "home" allows a symbolic "journey with the walls". It means that the character continues to be at home mentally, even though he has left it physically. The main character is a representative of the old diaspora. She continues to be tied with her "home": living in America, she tries to recreate the artificial life she used to in Calcutta, as well as regaining her "lost identity". Mrs. Sen lives by the memories and "hides" behind the past, so as not to notice the chaos, the sense of loneliness and inconvenience in her still-artificial American house.

The character is "locked" inside, she is deeply lonely, and seems to be distant not only from others, but from herself as well. It is indicated that it is impossible to deny own ethnic origin completely, and that the mixing of two cultures leads to the existence of a character with a hybrid consciousness that does not refuse his roots. Mrs. Sen realizes that only at home in India she feels safe. "Everything is there" means that everything which is valuable to her is left in India. Only details from the past are important for the character: a paper letter from India (not an e-mail), a whole fish with its head which is so hard to find in America and a vibrant sarees collection that no one needs here. Ms. Sen understands that it is just a copy, because she lacks real communication. Symbolically, she imitates "her" and does not want to accept American life which is identified with aggression. The theme of communication (the story shows friendship between two people of different age and origin) is no less important. The characters are very similar because of the loneliness: both Mrs. Sen and Elliot lack complete communication with their relatives.

Result in, Mrs. Sen often mentions her home in India because past experience and cultural memory are still important. The character feels lonely in the American society and at the same time, she contrastes herself to others (Mrs. Sen continue to live Indian life), and believes she will never be able to adapt to America completely.

References

- 1. Bidasiuk, N. *Motyv domu v opovidannyah Dzhumpy Lagiri* [Home motif in Jhumpa Lagiri`s stories]. *Filologichni traktaty* [Philological treatises], 2012, vol. 4, no. 3, pp. 172-177.
- 2. Eliseeva, S. *Precedentnye fenomeny, voshodyashhie k francuzskoj kulture, v sovremennoj rossijs-koj i amerikanskoj presse*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Precedent phenomena in modern Russian and American press dating back to French culture. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2010, 23 p.
- 3. Tamarchenko, N.D. (ed.). *Pojetika: slovar` actual`nyh terminov i ponyatij* [Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow, Izdatelstvo Kulaginoj; Intrada, 2008, 358 p.
- 4. Bhalla, T. Being (and Feeling) Gogol: Reading and Recognition in Jhumpa Lahiri's "The Namesake". In: MELUS: Multi-Ethnic Literature of the U.S., 2012, vol. 37, no.1, pp.105-129.
- 5. Chatterjee, K. Negotiating Homelessness through Culinary Imagination: the Metaphor of Food in Jhumpa Lahiri's "Interpreter of Maladies". In: Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 197-205.

- 6. Dasgupta, S. Jhumpa Lahri's "The Namesake": Reviewing the Russian Connection. In: Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 530-544.
- 7. Dobrinescu, A. Travelling Across Cultures. Ploieşti, Editura Universității Petrol-Gaze din Ploieşti Publ., 2014, 153 p.
- 8. Friedman, N. From Hybrids to Tourists: Children of Immigrants in Jhumpa Lahiri`s "The Namesake". In: Critique: Studies in Contemporary Fiction, 2008, vol. 50, issue 1, pp.111-128.
- 9. Heinze, R. A Diasporic overcoat? Naming and Affection in Jhumpa Lahiri's "The Namesake". In: Journal of Postcolonial Writing, 2007, vol. 43, issue 2: Literarure as Resistance: Challenging Religious, Linguistic, Casteist, Racist and Sexist Essentialism, pp.191-202.
- 10. Kasbekar, S. Alienation in Lahiri's "An Interpreter of Maladies". In: Research Scholar An International Refereed e-Journal of Literary Explorations, 2015, vol. 3, issue 2, pp. 73-78.
- 11. Kral, F. Shaky Ground and New Territorialities in *Brick Lane* by Monica Ali and "The Namesake" by Jhumpa Lahiri. In: Journal of Postcolonial Writing, 2007, vol. 43, issue 1, pp. 65-76.
  - 12. Lahiri, J. Interpreter of Maladies. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1999. 198 p.
- 13. Lutzoni, S. Jhumpa Lahiri and the Grammar of a Multi-Layered Identity. In: Journal of Intercultural Studies, 2017, vol. 38, issue 1, pp. 108-118.
- 14. Nagpal, D. Between Heaven and Hell: Perceptons of Home and the Homeland in Jhumpa Lahiri's Work. Germany, GRIN Verlog, 2010, 88 p.
- 15. Noelle, B.W. Reading Jhumpa Lahiri's Interpreter of Maladies as a Short Story Cycle. In: MELUS, 2004, vol. 29, no. 3-4, pp. 451-464.
- 16. Rizzo, A. Translation and Billinguism in Monica Ali's and Jhumpa Lahiri's Marginalized Identities. In: Text Matters, 2012, vol. 2, issue 2, pp. 264-275.
- 17. Said, E. Reflections on Exile. In: Ferguson R. (ed.). Out There: Marginalization and Contemporary Cultures. New York, The New Museum of Contemporary Art; Cambridge, MA and London: The MIT Press, 1990, pp. 357-366.
- 18. Shankar Saha, A. The Indian Diaspora and Reading Desai, Mukherjee, Gupta and Lahiri. In: CLC-Web: Comparative Literature and Culture, 2012, vol. 14, issue 2, pp. 1-9. Available at: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi? article=1964&context=clcweb (Accessed 06 August 2019).

Одержано 17.09.2019.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ, ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ ТА ЛІНГВОДИДАКТИКИ

УДК 811. 133. 1: 81'367.7

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-17

А.В. ЛЕПЕТЮХА.

кандидат філологічних наук, доцент, докторант кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди

ПОЛІПРЕДИКАТИВНІ ПОЛІСИНОНІМІЧНІ ВИСЛОВЛЕННЯ (на матеріалі французької художньої прози XX — поч. XXI ст.)

У статті подано класифікацію найбільш розповсюджених у французькій художній прозі XX – поч. XXI ст. структурно-семантичних типів полісинонімічних поліпредикативних моно- та політрансформаційних (із трансформаційними процесами у межах одного або кількох функціонально-семантичних полів на рівні синтагми та висловлення) мовленнєвих інновацій. Виявлено однобазові (з одним термінальним ланцюжком) та двобазові (з кількома термінальними ланцюжками) трансформи з подвійною синонімією зі звуженням + звуженням, розширенням + звуженням, звуженням + розширенням, розширенням + розширенням, звуженням + кількісною рівнокомпонентністю, кількісною рівнокомпонентністю + розширенням первинної структури та типові моделі поліпредикативних висловлень із потрійною, четверною тощо синоніміями із такими комбінаціями одно- та двобазових трансформів: звуження + розширення + звуження (+ звуження), звуження + звуження + розширення (+ звуження), звуження + звуження + звуження (+ звуження), звуження + розширення / звуження (+ звуження / розширення) + кількісна рівнокомпонентність. За допомогою зворотної реконструкції побудовано віртуальні (мовні) синонімічні ряди преференціальних опцій. Метод «альтернативного» лінгвістичного експерименту, який може виявитися невдалим у випадку використання автором стратегії недостатності вираження у контактному та дистантному ко(н)текстах, залучено для визначення ступеня ко(н)текстуальної пертинентності кожного члена синонімічного ряду та розпізнавання авторської комунікативної інтенції зі спрощення або ускладнення інтерпретації повідомлення адресату.

Ключові слова: «альтернативний» лінгвістичний експеримент, ко(н)текстуальна пертинентність, мовленнєва інновація, моно- та політрансформаційний, полісинонімічне поліпредикативне висловлення, преференціальна опція.

В статье представлена классификация наиболее распространённых во французской художественной прозе XX — нач. XXI в. структурно-семантических типов полисинонимических полипредикативных моно- и политрансформационных речевых инноваций. С помощью обратной реконструкции построены виртуальные (языковые) синонимические ряды преференциальных опций. Метод «альтернативного» лингвистического эксперимента использован для определения степени ко(н)текстуальной пертинентности каждого члена синонимического ряда и распознавания авторской коммуникативной стратегии по упрощению или усложнению интерпретации сообщения адресату.

Ключевые слова: «альтернативный» лингвистический эксперимент, ко(н)текстуальная пертинентность, моно- и политрансформационный, полисинонимическое полипредикативное высказывание, преференциальная опция, речевая инновация.

ктуалізація полісинонімічних сполучникових, безсполучникових та сполучникових ково-безсполучникових поліпредикативних висловлень (далі — ППВ) свідчить про комунікативну інтенцію письменників синтаксично та лексично компресувати складні поліпредикативні конструкції або семантично і структурно урівноважити

полісинонімічні мовленнєві інновації шляхом продукування розширених та редукованих синонімічних структур у межах одного висловлення.

Для ППВ із полісинонімією характерна моно- і політрансформаційність (трансформаційні процеси всередині одного або кількох функціонально-семантичних полів (далі — ФСП)) на рівні синтагми та висловлення. У більшості випадків у полісинонімічних ППВ актуалізуються реконструйовані підрядні або «матричні» [1, с. 9] звужені (ускладнені дієприслівниковим або суб'єктним (тим, що відноситься до підмету) дієприкметниковим зворотами, контаміновані, з інфінітивом-підметом тощо), розширені (пасивізація з актуалізацією актанта, розширення «хронофоричними» (темпоральними прислівниками), «екзофоричними» (адвербіальними компонентами, вказівними, особовими, питальними та відносними займенниками) та «ендофоричними» (анафоричними та катафоричними особовими займенниками) (терміни К. Ажеж [2, с. 101]) засобами, десемантизованим предикатом aller тощо)) або кількісно рівнокомпонентні (термін автора) (пасивізація з неактивним агенсом, інверсія) пропозиції або ж відбувається « змішування » засобів звуження і розширення на рівні синтагми та висловлення.

Відсутність у мовознавстві досліджень полісинонімічних конструкцій та класифікацій мовленнєвих інновацій із моно- та полісинонімією обумовлюють актуальність цієї наукової розвідки, метою якої є побудова типології найбільш розповсюджених поліпредикативних конструкцій французької художньої прози ХХ — поч. ХХІ ст., зворотна реконструкція адресатом повідомлення віртуальних (мовних) трансформаційних процесів на основі спостереження полісинонімічних преференціальних опцій та визначення ступеня ко(н)текстуальної пертинентності кожного члену синонімічного ряду шляхом лінгвістичного експерименту.

Аналіз творів французьких прозаїків XX — поч. XXI століть дозволив виявити тенденцію до розповсюдження структурних моделей ППВ із полісинонімією на рівні підрядного, матричного висловлень, одного зі складників безсполучникових ППВ, а також на рівні цілого висловлення. Серед найбільш уживаних полісинонімічних ППВ виділено такі конструкції: 1) зі звуженням + звуженням первинної структури, або денотативного ядра, побудованих за моделями: а) контамінація + контамінація; б) P pr (дієприкметник теперішнього часу) + контамінація; в) кондиціонал + P pr / p (P p — дієприкметник минулого часу); г) sans + lnf (інфінітив) + P pr / p; 2) з розширенням + звуженням первинної (стрижневої) структури: а) предикат aller + контамінація з безособовою конструкцією il faut; б) презентатив c'est + P pr / p; в) презентативи c'est ... або ce que ... c'est + контамінація; 3) з розширенням + розширенням стрижневої пропозиції: а) презентатив c'est + ендофоричний розширювач; б) типовий аграматизований (усталений у мовленні та неусталений у мові) презентатив: c'est-у ... que; 4) з кількісною рівнокомпонентністю + розширенням первинної структури: а) препозитивне підрядне висловлення з прономінальним компонентом que + ендофоричний розширювач у матричному або підрядному висловленнях.

Рідше у сучасній французькій художній прозі зустрічаються полісинонімічні ППВ, побудовані за моделями: звуження + розширення стрижневої структури (серед яких найчастіше актуалізуються ППВ із контамінованою конструкцією + ендофоричний розширювач), звуження + кількісна рівнокомпонентність або кількісна рівнокомпонентність + звуження первинної пропозиції та нетипові аграматизовані (неусталені у мові та мовленні) ППВ із фінальним еліпсисом після конекторів підрядності.

В аналізованих творах також наявна велика кількість полісинонімічних ППВ із потрійною та більше синонімією, класифікувати синтаксичні моделі яких видається неможливим, беручі до уваги безкінечну структурно-семантичну розмаїтість дериваційних «дерев синонімії» [3, с. 207], тобто різноманітну лексико-синтаксичну комбінаторику таких конструкцій.

ППВ із подвійною синонімією зі звуженням + звуженням стрижневої структури становлять моно- та політрансформаційні одно- та двобазові (з одним та більше термінальними ланцюжками [4, с. 280]) трансформи-мовленнєві інновації з «функціональною транспозицією» [5, с. 129] (граматичними замінами) предикатів. «Альтернативний» лінгвістичний експеримент (термін Л.В. Щерби [6, с. 275]), що полягає у «штучній заміні слова або фрази тексту, що аналізується, синонімічним словом або фразою» [7, с. 31–31], дозволяє визначити ступінь ко(н)текстуальної пертинентності первинної структури та віртуальних синонімічних трансформів:

- (1) Je crus voir passer dans ses yeux un regard ironique et triste et je parlai d'autre chose [8].
- (2) En passant devant la maison il sentit son cœur se serrer [9].
- (3) Eût-il décelé cette détresse que sitôt reconnue, l'absurdité de l'affaire l'eût accabl [10].
- (4) Joss leva ses petits yeux sans répondre en mâchant la viande [11].

Je crus voir passer dans ses yeux un regard ironique et triste (Je crus que je voyais que dans ses yeux avait passé un regard ironique et triste, **Je crus voir que dans ses yeux avait passé un re**gard ironique et triste) et je parlai d'autre chose. Et **c'est** cette seconde partie de notre conversation **qui** frappa sans doute Philippe **car**, dans son carnet rouge, je trouve cette note (...)

Приклад (2) характеризується подвійною синонімізацією з політрансформацією на рівні висловлення: Ppr + S (il) + P перцепції + COD + Inf. Перша первинна структура з темпоральним семантичним значенням виглядає так: quand (lorsque) il passait devant la maison; друга – il sentit que son cœur se serrait. Подвійна актуалізація референта (il) унеможливлює вибір першого денотативного ядра як адекватної структури; ко(н)текстуальна непертинентність другої стрижневої пропозиції пояснюється наявністю у пре- та посттекстах ППВ із підрядними висловленнями, що вводяться « синтаксичним оператором » [13, с. 203] que:

Maintenant, je crois **que** je saurai attendre ; maintenant, je suis un homme et je vais construire une cathédrale d'ici peu!

Reeves se tut. (Quand il passait devant la maison) En passant devant la maison il sentit son cœur se serrer (il sentit que son cœur se serrait). Tout cela était simple, il aimait la magicienne et, bien **qu**'il fût un petit homme, il saurait la protéger et l'aimer très fort encore. Longtemps. Longtemps.

У прикладі (3) з політрансформаційністю на рівні висловлення із семантичними умовно-наслідковим та темпоральним значеннями синонімічний ланцюжок першого ФСП має такий вигляд: S'il eût décelé cette détresse l'absurdité de l'affaire l'eût accablé (стрижнева структура) $\rightarrow$ Il eût décelé cette détresse que l'absurdité de l'affaire l'eût accablé (близька структура) $\rightarrow$ Eût-il décelé cette détresse que l'absurdité de l'affaire l'eût accablé (ко(н)текстуально адекватна структура). У результаті зворотної реконструкції синонімічної синтагми отримуємо такий трансформаційний ланцюжок другого ФСП: aussitôt qu'il l'eut reconnue (стрижнева структура) $\rightarrow$ aussitôt qu'elle eut été reconnue par lui (приблизна структура) $\rightarrow$ aussitôt qu'elle eut été reconnue (структура, що наближається) $\rightarrow$ aussitôt que reconnue par lui (близька структура) $\rightarrow$ aussitôt que reconnue (подібна структура) $\rightarrow$ sitôt reconnue (ко(н)текстуально адекватна структура). За допомогою «альтернативного» лінгвістичного експерименту доводимо, що автор полегшує адресату сприйняття інформації: 1) уникаючи інтрафрастичної реактуалізації поліреферентного займенника (elle), що може маркувати як лексему cette détresse, так і l'absurdité, з метою запобігання неправильної інтерпретації повідомлення; 2) актуалізуючи периферійну сему питальності в інверсивному ко(н)текстуально адекватному висловленні згідно з певною комунікативною інтенцією; 3) структурно та семантично розвантажуючи контактний та дистантний ко(н)тексти, оскільки в аналізованій мовленнєвій інновації вже наявний прономінальний компонент-актант (i/), у той час, як претекст містить складне ППВ:

L'idée ne pouvait lui venir que Claire ne fût pas satisfaite d'un mode d'existence qu'elle avait conquis de haute lutte : il ne prenait pas conscience du désarroi de cette femme, désarroi perceptible pour tout autre, tant elle semblait traquée. Eût-il décelé cette détresse que sitôt reconnue, l'absurdité de l'affaire l'eût accablé.

Неактуалізація первинних структур із темпоральним семантичним значенням одночасності дій sans qu'il répondît та et il mâchait la viande ППВ (4) із політрансформацією синонімічного підрядного висловлення з контамінацією + звуженням суб'єктним дієприкметниковим зворотом спричинена подвійним уведенням суб'єкта дії (Joss) у контактний ко(н) текст у вигляді еквівалентної прономінальної анафори: Joss leva ses petits yeux (sans qu'il répondît) sans répondre (et il mâchait la viande) en mâchant la viande.

Цікавим видається той факт, що у досліджуваних висловленнях із розширенням + звуженням, а також із розширенням + розширенням стрижневої структури у межах одного або двох Φ СП часто зустрічається контамінація з безособовою конструкцією *il faut*, що, очевидно, пояснюється загальною тенденцією вживання предикату *falloir* у сучасній французькій літературі:

- (5) Il va falloir aller voler des vélos, dit Émile [14].
- (6) Ce fut sur la terrasse, en prenant le café, qu'elle engagea la lutte [10].
- (7) **Ce qu'il faut définir, c'est** le statut des esprits libres dans la société moderne... [15].

У наведених полісинонімічних поліпредикативних конструкціях звуження та розширення денотативного ядра відбувається на рівні одного зі складників безсполучникового ППВ (приклад 5) або підрядних висловлень (приклади 6 та 7). У політрансформаційному ППВ (5) з однобазовими синонімічними трансформами десемантизація дієслова aller є обумовленою обмеженою семантичною валентністю предикату falloir, розширення якого є неконвенціональним у мові. Така семантична обмеженість сполучаємості спричиняє вживання дієслова, що маркує футуральність, як модалізатора, що позначає вагання, роздуми персонажу. Отже, преференціальна опція, первинна синтагма якої має такий вигляд: il faudra, видається пертинентною у поданому ко(н)тексті; ко(н)текстуальна неадекватність стрижневої структури другого ФСП qu'on aille voler пояснюється перевантаженням досліджуваної конструкції суб'юнктивною структурою та актуалізацією у претексті складного ППВ із синтаксичним оператором qui:

Mon frère a les yeux **qui** pétillent, je ne sais pas **si** c'est la faim **qui** taraude son estomac sans relâche **ou** l'appétit nouveau d'une promesse d'action, **mais** je le vois bien, ses yeux pétillent.

— Il va falloir aller voler (Il faudra qu'on aille voler) des vélos, dit Émile.

У прикладі (6) подвійна синонімізація спостерігається на рівні підрядного висловлення, розширеного презентативом c'est ... que. У результаті трансформаційних процесів констатувальної первинної структури (quand / lorsque elle prenait le café sur la terrasse) у межах одного ФСП формується розширено-звужена синонімічна конструкція, пертинентність якої детермінується інтрафрастичним (внутрішньофразовим) (неактуалізація еквівалентного референта elle) та інтерфрастичним (міжфразовим) (з одного боку, реалізація редукованих структур із різними головними лексемами як одна з особливостей ідіостилю авторки, з іншого — актуалізація експлікативної і конклюзивної сем) ко(н)текстами:

Claire souriait à nouveau, elle devrait **se montrer avenante** pour **faire accepter** son projet. (...) Ce fut sur la terrasse, en prenant le café, qu'elle engagea la lutte (пояснення та висновок). Quand / lorsque elle prenait le café sur la terrasse elle engagea la lutte (опис події).

 Dis-moi, ton livre est terminé. Nous n'aurons pas les épreuves avant un bon mois si j'en crois la lettre reçue ce matin.

У ППВ (7) відбувається монотрансформаційна полісинонімізація на рівні цілого висловлення з розширенням презентативом ($ce\ que\ ...\ c'est$) та контамінацією констатувальної первинної пропозиції у межах такого ФСП: il faut que (on, les politiciens, les politologues, les savants тощо) définisse(nt) le statut des esprits libres dans la société moderne (стрижнева структура) $\rightarrow$ il faut définir... (структура, що наближається) $\rightarrow$ $ce\ qu'il$ faut définir, c'est... (κ (κ) текстуально адекватна структура). Аналізоване висловлення становить синонімічну мовленнєву інновацію з «довільною референцією» [16, κ . 202] унаслідок «**недостатності вира**ження» [17, κ . 17] на рівні контактного та дистантного ко(κ) текстів, що унеможливлює правильну зворотну реконструкцію денотативного ядра:

Les économistes affirment **que deux heures de travail assidu suffisent pour régler les ques**tions matérielles et nous pouvons en donner quatre, cinq à l'extrême rigueur... Ce qu'il faut définir, c'est le statut des esprits libres dans la société moderne... (висновок та експлікація) Sénac, tu sens le vin et l'oignon de façon inconvenante.

Пертинентність контамінованої структури у складі преференціальної опції детермінується синтаксичною перевантаженістю попереднього ППВ; розширення презентативом обумовлене комунікативним наміром письменника семантично нюансувати синонімічну конструкцію у певному ко(н)тексті.

- (8) **C'est Roland qui l'interroge**, après la bataille, **lui** il sait de quoi il retourne... il pratique déjà la branlette [18].
  - (9) **C'est-y vous qu'**êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ? [19].

У наведених мовленнєвих інноваціях спостерігається подвійне розширення на рівні цілого ППВ. Приклад (8) становить політрансформаційну синонімічну побудову з ендофоричним розширенням (lui) поза фокалізованою презентативом частиною. Отже, первинна поліпредикативна пропозиція має такий вигляд: Roland l'interroge, après la bataille, il sait de quoi il retourne... Розширення плеонастичним займенником lui полегшує інтерпретацію повідомлення реципієнтом, оскільки в стрижневій структурі прономінальні компоненти il є референтно недетермінованими: для адресата є незрозумілим, якого з референтів вони маркують (Ролана або його співрозмовника). З іншого боку, фокалізація актанта (Roland) указує на інтенцію автора актуалізувати експлікативну та конклюзивну семи (як у прикладах 6 та 7), але не констатувати певний факт чи подію:

C'est Roland qui l'interroge, après la bataille, **lui** il sait de quoi il retourne (Roland **l'inter**roge, après la bataille, il sait de quoi il retourne)... il pratique déjà la branlette. **Moi je** ne pige pas tout ça, je suis encore trop minot. Que le père Caillot se la soit astiquée comme ça **lui** paraissait tout à fait curieux à **Roland**. Plus tard quand il sera vraiment grand, adulte accompli, il trouvera la clef de l'énigme... que le père Caillot, tout bouseux qu'il était, avait des pulsions sadiques.

Завдяки інтерфрастичному ко(н)тексту читачу стає зрозумілим, що ендофоричне експлікативне розширення є однією з ідіостильових рис М. Будара.

Монотрансформаційне ППВ (9) є прикладом типової аграматизованої синонімічної структури, притаманної розмовному мовленню селян. Прономінальний розширювач у становить скорочений еквівалент ендофоричного розширювача іІ, який іноді актуалізується у висловленнях із презентативами та екзистенційними конструкціями (порівняймо: (10) C'est-il des lentilles ? [20], тобто письменник намагається передати мовлення протагоністів із фонетичними змінами (що наявні також у граматично «помилковому» презентативі c'est que = c'est qui аналізованого прикладу) згідно з комунікативною стратегією ускладнити адресату інтерпретацію повідомлення. З іншого боку, фокалізація займенника vous є зумовленою ко(н)текстуальною експлікативно-конклюзивною семантикою. Таким чином, стрижнева структура Vous êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ? видається семантично непертинентною у поданому ко(н)тексті; інверсивна структура, що наближається Est-ce vous qui êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ?, яка синтаксично «перевантажує» ко(н)текст, та близька структура C'est vous qui êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ? не передають особливостей розмовного стилю мовлення кучера з похмурим та червоним обличчям:

Dès que j'eus remis mon billet au contrôleur, je trouvai, à la sortie, une espèce de cocher à face rubiconde et bourrue, qui m'interpella :

- (Vous êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ?, Est-ce vous qui êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ?, C'est vous qui êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ?) C'est-y vous qu'êtes la nouvelle femme de chambre de M. Rabour ?
  - Oui, c'est moi.

У французькій художній прозі XX — поч. XXI століть також часто зустрічаються полісинонімічні поліпредикативні конструкції з розширенням та кількісною рівнокомпонентністю:

(11) Que votre langue demeure scellée, je le comprends [21].

У цитованому ППВ політрансформаційна синтаксична полісинонімія реалізується на рівні цілого висловлення зі стрижневою умовною структурою *je comprends si votre langue demeure scellée*, семантичне значення якої експлікується завдяки посттексту, який містить адверсатив-

не висловлення, що свідчить про обізнаність персонажу щодо існуючої ситуації: *Mais vous ne m'empêcherez pas d'écouter mon intuition*. Кількісна рівнокомпонентність актуалізується у **вигля**-ді суб'юнктивної структури (*que* + номінальний P), адекватність якої обумовлюється периферійною ко(н)текстуальною семою впевненості. Анафоричне розширення (*le*), тобто реакцентуація експресивно виділеного ініціального компонента пояснюється авторською стратегією з **усклад**нення розпізнавання його комунікативної інтенції та інтерпретації поданої інформації читачем.

Синонімічні структури зі звуженням + розширенням та звуженням + кількісною рівнокомпонентністю / кількісною рівнокомпонентністю + звуженням є менш розповсюдженими у творах письменників XX — поч. XXI ст. Найчастіше розширення реалізується ендофоричними засобами; кількісна рівнокомпонентність — пасивізацією предикату:

- (12) *Il faut les voir les enfants* chez la nourrice et à partir de cinq heures et demie [22].
- (13) **Il a été arrêté pour avoir distribué des tracts** au moment des grèves dans le Pas-de-Ca-lais en février 1941 [23].

Первинна пропозиція монотрансформаційної синонімічної частини ППВ (12) має такий вигляд: *il faut que vous voyiez les enfants*. У контамінованій структурі (*il faut voir*), обраній авторкою для синтаксичного «розвантаження» ко(н)тексту, що містить складні поліпредикативні структури, та для запобігання багаторазової реактуалізації одного й того ж референта, імплікується суб'єкт дії (*vous*), референтно детермінований у посттексті. Ко(н)текстуальну адекватність катафоричного розширення прономінальним компонентом *le* зумовлено комунікативним наміром автора полегшити реципієнту інтерпретацію повідомлення:

J'oublie l'heure de la nourrice parce que j'ai un chapitre à terminer ?

Il faut les voir les enfants (Il faut que vous voyiez les enfants) chez la nourrice à partir de cinq heures et demie. **Vous** sonnez, ils se précipitent tous vers la porte le cœur battant, celui qui **vous** ouvre est forcément déçu de **vous** voir puisque **vous** n'êtes pas là pour lui. (...)

Приклад (13) становить політрансформаційне ППВ із кількісною рівнокомпонентністю на рівні матричного висловлення та інфінітивним звуженням підрядного висловлення. У стрижневій пропозиції on l'a arrêté ініціальної синонімічної конструкції наявний референтно недетермінований актант, реактуалізований у посттексті, що допомагає, з одного боку, зворотно реконструювати денотативне ядро, а з іншого — пояснює вибір письменником пасивізованих висловлень з імплікацією вже ко(н)текстуалізованого референта, що становить одну з характеристик його ідіостилю:

Il a été arrêté pour avoir distribué (On l'a arrêté parce qu'il avait distribué) des tracts au moment des grèves dans le Pas-de-Calais en février 1941.

Nous le gavons de cigarettes, car la veille **on** nous en a distribué, au titre de cantine, comme prix de l'argent **qui nous avait été confisqué**.

Інфінітивна конденсована підрядна частина з причинним семантичним значенням становить преференціальну опцію-однобазовий трансформ денотативного ядра parce qu'il avait distribué..., що видається ко(н)текстуально непертинентним, оскільки він містить еквівалентний прономінальний компонент (il).

Аналіз полісинонімічних ППВ дозволив виділити специфічні редуковані (з подвійним та з потрійним звуженням) нетипові аграматизовані структури з фінальною супресією підрядного висловлення:

(14) Il a mis l'autre k'no-coutte, il faut voir comme [24].

У цьому прикладі з монотрансформаційною контамінованою конструкцією ($il\ faut\ +$ Inf) та фінальним еліпсисом після сполучника підрядності comme завдяки інтерфрастичному ко(н)тексту експлікується суб'єкт дії предикату voir; з іншого боку, контактний ко(н)текст дозволяє приблизно зворотно реконструювати імпліковане підрядне висловлення:

Tu parles. C'était magnifque. Siki, il est splendide. Il a mis l'autre k'no-coutte, il faut voir comme. Tu parles **si** ça me passionnait. D'autant plus **qu**'on avait parié.

Стрижнева структура досліджуваного ППВ *il faut que tu vois comme il l'a mis* (*il l'a fait*) видається непертинентною у поданому ко(н)тексті з двох причин: по-перше, письменник уникає реактуалізації надлишкового у розмовному мовленні референта (*tu*) тим самим синтаксично спрощуючи висловлення, що передує складнопідрядним конструкціям; подруге, Р. Кено ускладнює розпізнавання адресатом його комунікативної інтенції та інтерпретацію висловленої інформації шляхом нетипової аграматизації.

У французькій художній прозі XX — поч. XXI ст. виявлено велику кількість полісинонімічних поліпредикативних мовленнєвих інновацій із потрійною, четверною тощо синонімією з різноманітними комбінаціями редукованих, розширених та кількісно рівнокомпонентних синонімічних побудов, серед яких виокремлено типові моделі: звуження + розширення + звуження (+ звуження) та (рідше) звуження + звуження + звуження + звуження / звуження / звуження / звуження / звуження / звуження / розширення / кількісна рівнокомпонентність:

- (15) Élisabeth se félicitait, elle, de voir le Paul de jadis accueillant l'insolite, le péril, et conservant le sens du trésor [25].
- (16) D'ouvrir les yeux aussi brutalement après les avoir gardés si longtemps clos, Reeves fut ébloui par la lumière [9].
- (17) Une fois les frontières terrestres et maritimes de la 200° nation tracées et reconnues par la Communauté Internationale, Microland avait été inscrite sur toutes les cartes [26].

ППВ (15), побудоване за першою структурною схемою, становить полісинонімічну конструкцію із монотрансформацією на рівні матричного висловлення: контамінацією + ендофоричним розширенням: Élisabeth se félicitait qu'elle voyait (первинна структура) $\rightarrow$ Élisabeth se félicitait de voir (близька структура) $\rightarrow$ Élisabeth se félicitait, elle, de voir (ко(н) текстуально адекватна структура) та подвійною компресією денотативного ядра фінальної частини у вигляді об'єктного (того, що відноситься до додатку) дієприкметникового звороту le Paul de jadis qui accueillait l'insolite, le péril, et qui conservait le sens du trésor. Ко(н)текстуальна неадекватність стрижневої складнопідрядної пропозиції ініціальної синонімічної конструкції пояснюється реактуалізацією вже введеного референта (Élisabeth), реалізація якого у мовленні у вигляді ендофоричного розширювача семантично нюансує розповідь, надаючи їй ко(н)текстуального адверсативного значення ((et) Élisabeth, de sa part). Стрижнева структура другої синонімічної побудови синтаксично ускладнює інтра- та інтерфрастичний ко(н)тексти:

En outre, **Paul** se félicitait d'afficher l'insolite auquel Gérard (d'après Élisabeth) prétendait soustraire Agathe, et de braver Agathe.

(Et) **Élisabeth** (de sa part) se félicitait, elle, de voir (Élisabeth se félicitait qu'elle voyait, Élisabeth se félicitait de voir) le Paul de jadis accueillant (qui accueillait) l'insolite, le péril, et conservant (qui conservait) le sens du trésor.

У прикладі (16) політрансформаційного ППВ потрійна синонімія реалізується на рівні підрядних висловлень (подвійна інфінітивна компресія) та на рівні матричного висловлення (пасивізація з розширенням, реалізованим референтно детермінованим суб'єктом дії). Непертинентність перших двох первинних пропозицій (quand / lorsque il eut ouvert les yeux та après qu'il les avait gardés si longtemps clos), темпоральний план яких визначається у контактному ко(н)тексті, є пов'язаною з синтаксичним ускладненням дискурсивного фрагмента попереднім минулим часом та обставинними підрядними висловленнями, а також подвійним (або потрійним) уведенням референта (Reeves). Розширення пасивізацією реалізується автором із метою збереження евфонії та дискурсивної когерентності, оскільки у посттексті наявне порівняння, яке передує пасивній структурі з невираженим актантом, та пояснення події, що описується:

(Quand il / Reeves eut ouvert les yeux aussi brutalement après qu'il / Reeves les avait gardés si longtemps clos) D'ouvrir les yeux aussi brutalement après les avoir gardés si longtemps clos, Reeves fut ébloui par la lumière (la lumière éblouit Reeves). **De même qu'il était ébloui** lorsque, jouant à cache-cache avec Charlotte, il sortait de sa cachette sombre et réapparaissait au grand jour.

ППВ (17) із монотрансформаційністю обох синонімічних структур характеризується компресією та розширенням на рівні підрядного висловлення-двобазового трансформу стрижневої пропозиції, члену такого синонімічного ряду: une fois que la Communauté Internationale avait tracé et reconnu les frontières terrestres et maritimes de la 200e nation (первинна структура) $\rightarrow$ une fois que les frontières terrestres et maritimes de la 200e nation avaient été tracées et reconnues par la Communauté Internationale (структура, що наближається) $\rightarrow$ une fois que les frontières terrestres et maritimes de la 200e nation tracées et reconnues par la Communauté Internationale (близька структура) $\rightarrow$ une fois les frontières terrestres et

maritimes de la 200e nation tracées et reconnues par la Communauté Internationale (адекватна структура). Правильна зворотна реконструкція денотативного ядра (on avait inscrit Microland sur toutes les cartes або ж les savants, les géographes avaient inscrit...) кількісно рівнокомпонентного матричного висловлення видається неможливою, оскільки суб'єкт дії має «довільну референцію», тобто не детермінується у ко(н)тексті згідно зі стратегією «недостатності вираження», що ускладнює реципієнту інтерпретацію повідомлення, спричиняючи провал лінгвістичного експерименту:

 Même si j'ai pu entendre un proverbe de Flores qui dit : « Ici les quatre saisons se déroulent en une journée », je pense que c'est une bonne chose de vivre au milieu des éléments naturels, aussi contrastés soient-ils. (...)

Une fois les frontières terrestres et maritimes de la 200° nation tracées et reconnues par la Communauté Internationale, Microland avait été inscrite sur toutes les cartes.

 Bientôt nous serons un pays comme les autres, avait annoncé Emma 109. Mais notre priorité est d'atteindre le plus rapidement possible une autosiffisance qui permette de ne plus dépendre de l'extérieur.

Suite à cette déclaration, des travaux colossaux avaient été lancés.

Первинна пропозиція та структура, що наближається, першої полісинонімічної конструкції видаються ко(н)текстуально непертинентними через їхню синтаксичну складність; близька структура містить ко(н)текстуально надлишковий синтаксичний оператор que у дискурсивному фрагменті з екстеріоризованими займенниками qui та que. Актуалізація пасивізованого матричного висловлення характеризує ідіостиль автора, який реалізує ідентичну структуру у дистантному посттексті.

(18) En m'apercevant, il jette son clope réalisant illico que je suis le senior qui [27].

У політрансформаційному ППВ (18) реалізується потрійна компресія на рівні висловлення: ініціальне звуження темпоральної первинної структури: quand / lorsqu'il m'aperçoit; медіальна функціональна транспозиція причинного денотативного ядра: parce qu'il réalise... та фінальна супресія підрядного висловлення, що не експлікується ні у контактному, ні у дистантному ко(н)текстах. У такому разі також ідеться про провал лінгвістичного експерименту, оскільки читач не в змозі зворотно реконструювати стрижневу структуру нетипового аграматизованого висловлення. Спираючись на свою інтуїцію та пре- і посттексти адресат може висловити припущення щодо структурного та лексичного наповнення денотативного ядра:

- Excusez, j'avais oublié. Dites-lui que j'arrive.

(...) Devant la porte du Fuente, un gros mec attend, **en devisant** avec un portier de nuit. Sur le terre-plein, son bahut somnole dans une déglingue latine et rien **qu**'à le voir, j'éprouve déjà l'effondrement de sa banquette dans mes miches.

(Quand il m'aperçoit) En m'apercevant, il jette son clope réalisant (parce qu'il réalise) illico que je suis le senior qui (doit arriver, lui annoncer quelque nouvelle, lui transmettre l'information, remettre le paquet, etc.)

Sans un mot, je grimpe. La banquette s'effondre un peu plus bas que prévu, l'un des ressorts **meurtrissant** ma fesse droite.

Пертинентність скорочених дієприслівникових синонімічних структур пояснюється синтаксичною складністю пре- та посттекстуальних ППВ та ідіостильовими особливостями автора, який віддає перевагу компресованим дієприслівниковим конструкціям.

Аналіз моно- та політрансформаційних полісинонімічних поліпредикативних виловлень французької художньої прози XX — поч. XXI ст. дозволяє побудувати структурно-семантичну типологію конструкцій, що найчастіше актуалізуються авторами згідно з їхніми ідіостильовими характеристиками та / або з метою спростити чи ускладнити інтерпретацію повідомлення адресату, що спричиняє успіх або провал «альтернативного» лінгвістичного експерименту, за допомогою якого реципієнт визначає ступінь ко(н)текстуальної пертинентності всіх членів віртуального синонімічного ряду актуалізованої преференціальної опції.

Перспективою подальшого дослідження є побудова типологій та комплексний аналіз у континуумі мова $\rightarrow$ мовлення моно- та поліпредикативних моно- та полісинонімічних висловлень різних літературних жанрів.

Список використаної літератури

- 1. Marsac F. Les constructions infinitives régies par un verbe de perception: thèse pour le doctorat en sciences du langage / F. Marsac. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2006. 191 p.
- 2. Hagège C. Les structures des langues / C. Hagège. P.: Presses universitaires de France, 1982. 128 p.
- 3. Peytard J. Linguistique et enseignement du français / J. Peytard, E. Genouvrier. P.: Librairie Larousse, 1970. 286 p.
- 4. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайонз. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
- 5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М.: Издво иностранной литературы, 1955. 416 с.
- 6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- 7. Пешковский А.М. Принципы и приёмы стилистического анализа и оценки художествнной прозы / А.М. Пешковский. М.: Ars Poetica, 1927–1928. 68 с.
  - 8. Maurois A. Climats / A. Maurois. P.: Éditions Bernard Grasset, 1986. 256 p.
  - 9. Chabrier J.-E. L'amour est toujours bleu / J.-E. Chabrier. P.: Pierre Belfond, 1979. 128 p.
  - 10. Faure L. Le malheur fou / L. Faure. P.: René Julliard, 1970. 350 p.
- 11. Vargas F. Pars vite et reviens tard / F. Vargas. P.: Éditions Magnard, 2006. 400 p.
- 12. Rabatel A. Les verbes de perception en contexte d'effacement énonciatif: du point de vue représenté aux discours représentés / A. Rabatel // Travaux de linguistique: Revue Internationale de Linguistique Française. De Boeck Université, 2003. № 46. P. 49–88.
- 13. Mellet S. Éléments pour une étude de la synonymie syntaxique: l'exemple des conjonctions de cause / S. Mellet // Les problèmes de la synonymie en latin: colloque du centre Alfred Ernout (Paris, 3 et 4 juin 1992). Paris : Presses de 'Université de Paris Sorbonne, 1992. P. 203—222.
- 14. Levy M. Les enfants de la liberté / M. Levy. P.: Éditions Robert Laffont, 2007.– 152 p.
- 15. Duhamel G. Désert de Bièvres / G. Duhamel. P.: Mercure de France, 1984. 256 p.
- 16. Molinier C. Sur les constructions causatives figées du français / C. Molinier // Linx : Le semi-figement. Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre la Défense, 2005. − № 53. − P. 197–216.
  - 17. Фрей А. Грамматика ошибок / А. Фрей. M.: КомКнига, 2006. 304 с.
  - 18. Boudard A. Mourir d'enfance / A. Boudard. P.: Robert Laffont. 1995. 209 p.
- 19. Mirbeau O. Le journal d'une femme de chambre / O. Mirbeau. P.: Bookking International, 1993. 416 p.
- 20. Renard J. Poil de carotte: comédie en un acte; La bigote: comédie en deux actes / J. Renard. P.: Magnard, 2005. 184 p.
  - 21. Jacq Ch. La justice du vizir / Ch. Jacq. P.: Librairie Plon, 1994. 379 p.
- 22. Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part / A. Gavalda. P.: Éditions « J'ai lu », 1999. 159 p.
- 23. Laffitte J. Ceux qui vivent / J. Laffitte. P.: Éditions Hier et Aujourd'hui, 1983. 352 p.
  - 24. Queneau R. Les derniers jours / R. Queneau. P.: Éditions Gallimard, 1963. 238 p.
- 25. Cocteau J. Les enfants terribles / J. Cocteau. P.: Éditions Bernard Grasset, 1965. 190 p.
- 26. Werber B. Les microhumains. Troisième humanité / B. Werber. P.: Albin Michel et Bernard Werber, 2015. 504 p.
- 27. San-Antonio Bouge ton pied que je voie la mer / San-Antonio. P.: Éditions Fleuve noir, 1982. 224 p.

YSYNONYMIC POLYPREDICATIVE UTTERANCES (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH FICTION OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURIES)

Anastasiya V. Lepetiukha, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine E-mail: lepetyukha.anastasiya@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-17

Key words: «alternative» linguistic experiment, co(n)textual pertinence, discourse innovation, monoand polytransformational, polysynonymic polypredicative utterance, preferential option.

In the French fiction of the XX-th – beginning of the XXI-st centuries a large number of polysynonymic polypredicative discourse innovations with triple, quadruple etc. synonymy with different combinations of reduced, extended and quantitatively equacomponental structures is revealed among which the typical models are distinguished, such as: compression + extension + compression (+ compression), compression + compression + extension (+ compression + compression + compression + compression) and compression + extension / compression (+ compression / extension) + quantitative equacomponentality.

By means of inverse reconstruction the virtual (linguistic) synonymic chains of preferential options are built. The method of "alternative" linguistic experiment which may be unsuccessful in the case of use by the author of the strategy of "insufficiency of expression" in the contact and distant co(n)texts allows to determine the degree of co(n)textual pertinence of each member of synonymic chain and to identify the author's communicative intention to simplify or to complicate the interpretation of information to the addressee.

References

- 1. Marsac, F. *Les constructions infinitives régies par un verbe de perception*. Thèse pour le doctorat en sciences du langage [Infinitive constructions governed by a verb of perception. Thesis for PhD in Language Science]. Strasbourg, Université Marc Bloch, 2006, 191 p.
- 2. Hagège, C. *Les structures des langues* [Languages structures]. Paris, Presses universitaires de France, 1982, 128 p.
- 3. Peytard, J., Genouvrier, E. *Linguistique et enseignement du français* [Linguistics and French teaching]. Paris, Librairie Larousse, 1970, 286 p.
- 4. Lajonz, D. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to Theoretical Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, 544 p.
- 5. Balli, Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoj literatury Publ., 1955, 416 p.
- 6. Scherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 432 p.
- 7. Peshkovskij, A.M. *Principy i priyomy stilisticheskogo analiza i ocenki hudozhestvennoj prozy* [Principles and techniques of stylistic analysis and evaluation of fiction]. Moscow, Ars Poetica Publ., 1927-1928, 68 p.
  - 8. Maurois, A. Climats [Climates]. Paris, Éditions Bernard Grasset, 1986, 256 p.
  - 9. Chabrier, J.-E. L'amour est toujours bleu [Love is always blue]. Paris, Pierre Belfond, 1979, 128 p.
  - 10. Faure, L. Le malheur fou [The crazy misfortune]. Paris, René Julliard, 1970, 350 p.
- 11. Vargas, F. *Pars vite et reviens tard* [Leave quickly and come back late]. Paris, Éditions Magnard, 2006, 400 p.
- 12. Rabatel, A. Les verbes de perception en contexte d'effacement énonciatif: du point de vue représenté aux discours représentés [The verbs of perception in context of enunciative erasure: from the point of view represented to the represented discourses]. Travaux de linguistique: Revue Internationale de Linquistique Française [Linguistics Work: International Journal of French Linguistics], 2003, no. 46, pp. 49-88.

- 13. Mellet, S. Éléments pour une étude de la synonymie syntaxique: l'exemple des conjonctions de cause [Elements for a study of syntactical synonymy: the example of conjunctions of cause]. Les problèmes de la synonymie en latin: colloque du centre Alfred Ernout [The problems of synonymy in Latin: colloquium of the Alfred Ernout center], Paris, Presses de 'Université de Paris Sorbonne, 1992, pp. 203-222.
  - 14. Levy, M. Les enfants de la liberté [Children of freedom]. Paris, Éditions Robert Laffont, 2007, 152 p.
  - 15. Duhamel, G. Désert de Bièvres [Bièvres Desert]. Paris, Mercure de France, 1984, 256 p.
- 16. Molinier, C. Sur les constructions causatives figées du français [On fixed causative constructions of French]. Linx: Le semi-figement. Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre la Défense [Linx: The semi-fixedness. Linguists' Review of Paris Ouest Nanterre La Défense University], 2005, no. 53, pp. 197-216.
  - 17. Frej, A. Grammatika oshibok [Grammar of errors]. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 304 p.
  - 18. Boudard, A. Mourir d'enfance [To die of childhood]. Paris, Robert Laffont, 1995, 209 p.
- 19. Mirbeau, O. *Le journal d'une femme de chambre* [The journal of a maid]. Paris, Bookking International, 1993, 416 p.
- 20. Renard, J. *Poil de carotte: comédie en un acte; La bigote: comédie en deux actes* [Carrot hair: comedy in one act; The bigot: comedy in two acts]. Paris, Magnard, 2005, 184 p.
  - 21. Jacq, Ch. La justice du vizir [The vizier's justice]. Paris, Librairie Plon, 1994, 379 p.
- 22. Gavalda, A. *Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part* [I would like someone to wait for me somewhere]. Paris, Éditions «J'ai lu», 1999, 159 p.
  - 23. Laffitte, J. Ceux qui vivent [Those who live]. Paris, Éditions Hier et Aujourd'hui, 1983, 352 p.
  - 24. Queneau, R. Les derniers jours [The last days]. Paris, Éditions Gallimard, 1963, 238 p.
  - 25. Cocteau, J. Les enfants terribles [Terrible children]. Paris, Éditions Bernard Grasset, 1965, 190 p.
- 26. Werber, B. *Les microhumains. Troisième humanité* [Microhumans. Third humanity]. Paris, Albin Michel et Bernard Werber, 2015, 504 p.
- 27. San-Antonio. *Bouge ton pied que je voie la mer* [Move your foot so that I can see the sea]. Paris, Éditions Fleuve noir, 1982, 224 p.

Одержано 17.09.2019.

УДК 811.112.2'42=161.2:808.51

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-18

Н.І. ПАЛАМАР,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Львівського національного університету імені Івана Франка

ВСТУП ПОХВАЛЬНОЇ ПРОМОВИ ЯК ЧАСТИНА ЇЇ СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦІЙНОЇ ПОБУДОВИ

У статті розглянуто особливості вступу як частини структурно-композиційної побудови похвальної промови, проаналізовано його тематично-змістовий матеріал на основі фактичного матеріалу німецької та української мов, виокремлено відмінності вступу німецької та української лаудації, здійснено кількісний аналіз тематичного матеріалу, який використано у вступах до похвальних промов обох досліджуваних мов.

Вступ разом з основною частиною та висновками формують універсальну статичну композицію будь-якої промови. Кожна з частин має свої особливості, що враховуються під час підготовки до промови. Основну увагу приділяють найбільшій за обсягом основній частині, власне викладу, що містить докази на користь відповідної позиції. Вступ та заключна частина формують так зване обрамлення промови. Особливість вступу похвальної промови полягає у своєрідному введенні в тему. Виходячи до публіки, лаудатор передовсім реалізує звертання до неї та лауреата/ювіляра. Звертання переважно містить пошану до аудиторії та вважається вагомим засобом привернення уваги.

Основними темами вступу, що зустрічаються у досліджуваних лаудаціях, є такі: розкриття актуальності теми та її значення для аудиторії, почесність виголошення промови, цитування чужої мудрості, крилатого вислову, афоризму, розкриття правил виголошення промови або ж завдання промовця, використання жарту або комічної ситуації, розповідь про подію, з приводу якої відбулося зібрання, а також вітання адресата з відповідною подією чи датою.

Арсенал варіантів зачину похвальної промови великий і залежить від характеру теми, особи лаудатора, особливостей оказії тощо. Однак завдання вступу статичне — викликати інтерес аудиторії, сконцентрувати увагу на проблемі та перейти до основної частини, хоча згідно з кількісним аналізом відмінності у тематиці вступу лаудацій обох мов простежуються. Можливим їх поясненням є тематика зібраних похвальних промов. національні особливості та способи мислення досліджуваних культур.

Ключові слова: епідейктична промова, похвальна промова, лаудація, виступ, вступ, композиція, тематично-змістовий матеріал.

В статье рассмотрены особенности вступления как части структурно-композиционного построения похвальной речи, проанализирован его тематически-содержательный материал на основе фактического материала немецкого и украинского языков, выделены различия вступления немецкой и украинской лаудации, осуществлен количественный анализ тематического материала, который был использован во вступлениях к похвальным речам обоих исследуемых языков.

Ключевые слова: эпидейктическая речь, похвальная речь, лаудация, выступление, вступление, композиция, тематически-содержательный материал.

явище похвала згідно з Великим тлумачним словником сучасної української мови розуміємо як «гарний, доброзичливий відзив про кого-, що-небудь; схвалення» [3, с. 908]. Похвала відображає комунікативну дію, реалізує вербальний вплив на адресата відповідної ситуації. Вивчення можливостей такого впливу на учасників комунікативного процесу найефективніше відображено у рамках прагматичного підходу, що дає змогу спостерігати похвалу в ситуації «мовець (суб'єкт) — слухач (об'єкт)». Відповідно, значна кількість науковців аналізують та трактують її як мовленнєвий акт або ж

мовленнєвий жанр. Цікавою та менш дослідженою є похвала в межах промови. Саме тому зосереджуємо увагу на лаудаційній промові [14; 15; 16].

Ще з античних часів однією з основних вимог щодо кожної промови було її чітке членування та забезпечення внутрішньої зв'язаності між частинами [6, с. 19]. Універсальною статичною композицією промови завжди вважалася та, що містила вступ, основну частину та висновки (заключну частину) [5, с. 110]. Кожній із частин властиві особливості, що враховуються під час підготовки до промови. Основну увагу приділяють найбільшій за обсягом основній частині, власне викладу, що містить докази на користь відповідної позиції. Вступ і заключна частина — пропорційно менші за основну частину, адже функція першого — ввести в тему, другої — підбити підсумки вже сказаного. У випадку, якщо співвідношення частин промови порушується, ефективність виступу знижується [7, с. 201].

Проаналізуймо структуру лаудаційної промови, розглядаючи промови німецької та української вибірок. Для аналізу взято вибірку зі 100 промов (50 українських та 50 німецьких), виголошених під час ювілеїв видатних діячів науки й культури та вручення різноманітних премій. Необхідно зазначити, що більша частина україномовних похвальних промов не опубліковані, а зібрані з приватних джерел, тому у деяких прикладах відсутні посилання. Обидві події передбачають похвалу адресата.

Лаудація — текст, який здебільшого попередньо сформований, і те, що буде викладено у тексті, визначає автор, зазвичай лаудатор. Головні ознаки лаудації — безпосередність комунікації, часова та просторова необмеженість, відсутність спонтанності й моно-логічність.

Лаудаційна промова розпочинається зі вступу, який є своєрідним введенням у тему. Виходячи до публіки, лаудатор передовсім реалізує звертання до неї та лауреата/ювіляра. Звертання переважно містить пошану до аудиторії та вважається вагомим засобом привернення уваги [8, с. 146].

Вивчення фактичного матеріалу засвідчує, що найуживанішим звертанням серед промов німецької вибірки є форма (Sehr) geehrte(r)... (14%)/ verehrte(r)... (16%). Це форми ввічливості, які використовують зазвичай у ситуаціях, де «співрозмовники» знайомі, але не перебувають у близьких чи дружніх стосунках. Це підтверджує звертання на «Ви» та застосування форми Herr/Frau. Наприклад: Sehr geehrter Herr Bundespräsident [...] [11, c. 162]; verehrter Herr v. Albrecht[...] [13, c. 41]; verehrter Herr v. Albrecht[...]

Науживаніше звертання в українських лаудаціях згідно з аналізом корпусу — (Вельми-/Високо-) шановний/ шановна/ шановні... (42%): Вельмишановний Пане Професоре! [Я. Ісаєвич: лаудація Я. Махніку з нагоди ювілею, 2001]; Високошановна Громадо! [В. Квітневий: лаудація Р. Федоріву з нагоди ювілею, 1990]; Високоповажні Пані та Панове! [М. Маринович: лаудація О. Пахльовській, орден «За інтелектуальну відвагу», 2009].

Отже, автор попри адресата звертається також і до публіки, у такий спосіб наголошуючи на її участі у процесі виголошення промови.

На відміну від лаудацій українською мовою, німецькомовні лаудації можуть розпочинатися і без звертання до адресата або/і публіки. Так, у процесі аналізу матеріалу зафіксовано 44% таких лаудаційних промов.

У вступі лаудації в обох досліджуваних мовах акцентується на актуальності теми, її значенні для аудиторії, формулюється мета виступу. Початок промови — найвідповідальніший, адже від нього залежить успішність усієї промови: який тон буде задано, так і прозвучить весь виступ.

Варіанти початку промови виявляють також певні спільні та відмінні риси. Проілюструємо їх на конкретних прикладах. Скажімо, можливим початком лаудації можуть бути слова промовця про почесність та приємність виголошення промови саме ним і вдячність за таку нагоду (14% німецької вибірки, 8% української):

- (121) Mir wurde die ehrenvolle und auch spannende Aufgabe übertragen, und ich habe sie gerne übernommen, auf den scheidenden Rektor die Laudatio zur Verleihung der Universitätsmedaille der Ukrainischen Freien Universität München zu halten, auf eine Persönlichkeit, die sich um die Ukrainische Freie Universität in höchstem Maße verdient gemacht hat [...] [R. Brunner: Laudatio auf L. Rudnytzky, zur Verleihung der Universitätsmedaille, 2009].
- (122) **Мені сьогодні випала висока честь та особлива приємність** виголосити лаудацію до вручення ордена «За інтелектуальну відвагу» Андрієві Олександровичу Содоморі [М. Комарницький: лаудація А. Содоморі, орден «За інтелектуальну відвагу», 2009].

Вступ лаудації може розпочинатися з цитування чужої мудрості, крилатого вислову, відомого афоризму, притчі, суть яких дотична до особи адресата (6% німецької вибірки, 2% української):

(123) In der prekären Lage der Poesie [...] möchte man sich mit einem kleinen Gedicht trösten, einem Gedicht von Gübnter Eich. Es heißt "Zuversicht", stammt aus dem Jahre 1967 und geht so:

In Saloniki

Weiß ich einen, der mich liest,

und in Bad Neuheim.

Das sind schon zwei.

[...] Den dritten Leser aber, den wir schon aus zahlensymbolischen Gründen erwarten, hat Eich ausgespart. [...] Doch auch diesen dritten Leser gab es, besser: ihn gibt es. Er ist sogar unter uns [11, c. 102].

(124) «У всякого своя доля і свій шлях широкий», — небезпідставно писав великий Кобзар. Відомо, що одні приходять на цей земний світ, аби насититись його матеріальними благами. Інші промайнуть життям, немов перекотиполе, так і не усвідомивши, що залишать нащадкам. А є такі, що появою своєю покликані примножити світ добра та любові. Саме до них належить [...] Михайло Андрійович Сало [...] [Р. Береза: лаудація А. Салу з нагоди 70-ліття, 2009].

У вступі лаудацій німецької вибірки лаудатор озвучує інколи своє завдання як виконавця лаудації або розповідає про правила промови, які потрібно виконати (4%). Розглянемо приклад, що ілюструє завдання промовця: не лише згадати твір, за який відзначають лауреата, але й спробувати проаналізувати, аби підтвердити його вагомість:

(125) Denn Laudator kann sich nicht nur darauf beschränken, für sein Werk, das heute ausgezeichnet wird, zu loben und zu preisen – das tue ich hier gern und von ganzem Herzen – sondern er muß, gemäß der Konventionen des Genres, versuchen, das Werk des Ausgezeichneten kurz zu charakterisieren, um dessen Bedeutung anschaulich zu machen [13, c. 111].

Приклад (126) ілюструє правило, озвучене лаудатором, — його необхідно дотримуватися під час реалізації лаудації, з чим має змиритись адресат:

(126) Wenn einer einen Preis zuerkannt bekommt und ihn auch noch annimmt, muß er damit rechnen – so lautet die Regel – öffentlich gelobt zu werden. Um es gleich zu sagen: es ist mir eine Freude und keine Pflichtübung, den diesjährigen Voß-Preisträger zu preisen – und er wird es mannhaft zu ertragen wissen [12, c, 71].

Українська вибірка лаудацій не фіксує випадків зі згадуваною темою вступу.

У вступі лаудатор може розкривати завдання всієї промови, зокрема йдеться про характеристику особистості та її діяльності. Залежно від особи адреста завдання, яке постає перед лаудатором, може даватися йому за певних обставин легко або важко (8% німецької вибірки, 4% української):

- (127) Ralph Dutli zu rühmen und zu preisen, ist schwierig und leicht zugleich. Schwierig deshalb, weil sein aus Monographien, Esseysammlungen, eigenen Gedichten und vor allem vorzüglichen Übersetzungen bestehendes Ceuvre inzwischen einen solchen Umfang erreicht hat, daß schon die bloße Auszählung seiner Texte zu viel Zeit in Anspruch nehmen würde. Leicht insofern, als ich selbst seit mehr als zehn Jahren die Gelegenheit hatte, Ralph Dutli immer wieder als Rezitator zu erleben, der auf faszinierende Weise seine Übersetzungen zusammen mit den Originaltexten, vorzutragen und zu kommentieren versteht [10, c. 89].
- (128) **Представляти Оксану Пахльовську дуже почесно і водночас дуже важко.** Якщо перелічувати всі її титули і посади, занудьгуєте ви. Якщо упустити щось важливе— може образитись наша гостя. Спробую знайти «золоту середину» [М. Маринович: лаудація О. Пахльовській, орден «За інтелектуальну відвагу», 2009].

Похвальна промова може розпочинатись із влучного жарту або комічної фрази чи зауваження, що активізують увагу слухачів та викликають симпатії (4% німецької вибірки, 2% української). У лаудації до письменника В. Ґенаціно автор жартує стосовно його друкарських машин, які мають жіночі імена (129), а В. Квітневий — стосовно ймовірних думок Р. Федоріва у момент виголошення лаудації (130):

(129) Wilhelm Genazino hat eine Monika. Und er hat auch eine Gabriele. Wenn er bei der einen nicht mehr weiterweiß, gehrt er einfach in das nächste Zimmer, da steht die andere. Die großen Schreibmaschinenhersteller von damals, Olympia und Adler, haben ihre Modelle

Тема вступу

Тематичний підхід до теми

Почесність виголошення

Цитування, афоризм та ін.

Жарт

Завдання лаудатора

Розповідь про подію

Важкість реалізації

Привітання

nicht von ungefähr mit Frauennamen ausgestattet: Es ist der Geist solider Sekretärinnen, der hier aufgerufen wird, und es ist ein Hauch von Poesie. Diese Verbindung bildet das literarische Urmotiv von Wilhelm Genazino [12, c. 120].

(130) Я ще не почав, а Роман Федорів, знаю, принаймні подумки зауважить: говорить не про мене, а про українську літературу. Тільки Федорів і українська література щасливим чином поєднані, то ж говоритиму про це поєднання [В. Квітневий: лаудація Р. Федоріву з нагоди ювілею, 1990].

Лаудація може розпочинатися із розповіді лаудатора про подію, з приводу якої відбувається зібрання (131), її тлумачення (132), а також приналежність особи лауреата/ювіляра до цієї події (18% німецької вибірки, 4% української):

- (131) Das Fach freut sich. Der Mittelalter-Historiker Johannes Fried erhält den Sigmund-Freud-Preis für wissenschaftliche Prosa, wobei zugleich ein Dank an die Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung ausgesprochen sei, daß dieser Preis erhalten geblieben ist, neben den anderen hier verliehenen Preisen, denn manche mit gleicher Intention gestiftete Auszeichnung, wie der bayerische Karl-Vossler-Preis für wissenschaftliches Schrifttum, ist schnöde eingestellt: aus Geldmangel [13, c. 181].
- (132) Ювілей це не лише свято, але й нагода озирнутися в минуле, проаналізувати зроблене та окреслити плани на перспективу. Кожна людина залишає слід на землі, а от який цей слід залежить від особистості. Впевненими кроками прямує дорогою життя наш ювіляр, Володимир Васильович Снітинський [...] [4, с. 69].

Аналіз корпусу підтвердив, що значна кількість промов розпочинається певним підходом до теми конкретної події (46% німецької вибірки, 20% української). Теми такого підходу варіюють від промови до промови і залежать переважно від стосунків між лаудатором і адресатом. Лаудацію до перекладача Н. Іуґи промовець розпочинає з опису їхньої першої зустрічі:

(133) Während ich am Rednerpult stand, sah ich am Ende des Saales hinter einer Glasscheibe die Übersetzerin sitzen [...]. Irgendwie brachten wir im Schweiße aller Angesichter unsere Vorträge zu Ende, standen mit einem Glas Wein im Foyer der ehemals hochherschaftlichen Villa und lernten eine Dame kennen, die uns als unsere Übersetzerin vorgestellt wurde: Sie trug den Namen einer bekannten rumänischen Dichterin, was mich im ersten Moment etwas verlegen machte [...] [10, c. 84].

Приклад (134) ілюструє початок промови через підхід до виду діяльності адресата:

(134) Світ ще не забув, що Україна мала статус «житниці» Європи. Оскільки у великій мірі наш край має статус аграрної держави, то, мабуть, більшість її громадян знають, скільки труду коштує виростити хліб. І першим кроком до хліба, як головного критерію достатку держави, є «добра земля». Скільки треба приложити зусиль, досвіду, терпеливості та фаховості, щоби приготувати «добрий грунт — добру землю» людського єства [4, с. 18].

Аналіз засвідчує: найуживаніша тема початку лаудації в українській вибірці — вітання адресата похвали з відповідною подією чи датою (60%).

(135) Науковці Інституту українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, яких Ви аж двічі вшанували своїми відвідинами та подарували їм незатерті спомини, сердечно вітають Вас із небуденним Ювілеєм [Я. Ісаєвич: лаудація І. Гузар з нагоди 100-ліття, 2005].

Тематика вступу лаудації в німецькій та українській мовах

4

Німецька мова,% Українська мова,% 60 0 46 20 18 4 14 8 8 4 2 6 4 2

0

Таблиця 1

Отже, арсенал варіантів зачину похвальної промови великий і залежить від характеру теми, особи лаудатора, особливостей оказії тощо. Однак завдання вступу статичне — викликати інтерес аудиторії, сконцентрувати увагу на проблемі та перейти до основної частини [1, с. 247], хоча згідно з кількісним аналізом (табл. 1), відмінності у тематиці вступу лаудацій обох мов усе-таки простежуються. Можливим їх поясненням є тематика зібраних похвальних промов, національні особливості та способи мислення досліджуваних культур.

Список використаної літератури

- 1. Абрамович С.Д. Риторика загальна та судова / С.Д. Абрамович, В.В. Молдован, М.Ю. Чи-карькова. К.: Юрінком Інтер, 2001. 416 с.
  - 2. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.
- 3. Великий тлумачний словник сучасної української мови / за ред. В.Т. Бусел. Ірпінь: Перун, 2009. 1736 с.
- 4. З любов'ю до людей, з вірою в Україну: Збірник на пошану Володимира Снітинського / упоряд. А. Куза. Львів: ЛНАУ, 2008. 340 с.
  - 5. Мацько Л.І. Риторика: навч. посіб. / Л.І. Мацько, О.М. Мацько. К.: Вища школа, 2003. 311 с.
- 6. Монахова Т.В. Дискурсивна риторика: навч. посіб. / Т.В. Монахова. Миколаїв: Видво МДГУ ім. Петра Могили, 2006. 124 с.
- 7. Прокопович Ф. Філософські твори [Електронний ресурс]/ Ф. Прокопович. Режим доступу: http://litopys.org.ua/procop/proc106.htm (останнє звернення 26.08.2019).
- 8. Савкова З.В. Как сделать голос сценическим: теория, методика и практика речевого голоса / З.В. Савкова. М.: Искусство, 1975. 176 с.
- 9. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in die Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1997. 165 S.
- 10. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2000–2001. Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. 264 S.
- 11. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2002. Göttingen: Wallstein Verlag, 2002. 256 S.
- 12. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2005. Göttingen: Wallstein Verlag, 2005. 231 S.
- 13. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2009. Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. 288 S.
- 14. Prychodko G. Specific nature of evaluative speech acts [Електронний ресурс]/ Ganna Prychodko. Режим доступу: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/ 128232/133469 (останнє звернення 26.08.2019).
- 15. Petlyuchenko N. Features of expressive female speech in the political discourse of spain and latin america [Електронний ресурс] / Natalja Petlyuchenko, Valeria Chernyakova. Режим доступу: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/155500. (останне звернення 26.08.2019).
- 16. Turysheva O. Lexeme mein-part-of-speech appurtenance in the modern german grammar in the framework of optimalyty theory [Електронний ресурс] / Oksana Turysheva. Режим доступу: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/92455. (останне звернення 26.08.2019).

THE INTRODUCTION AS A PART OF COMPOSITIONAL STRUCTURE OF THE LAUDATORY SPEECH

Natalya I. Palamar, Ivan Franko Lviv National University (Ukraine)

E-mail: pryn natalie@yahoo.de

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-18

Key words: epideictic speech, praise speech, laudation, public address, composition, introduction, thematic-content material.

The article provides an in-depth overview of the peculiarities of the Introduction as a part of the compositional structure of the laudatory speech based on the analysis of German and Ukrainian laudatory speeches. The Introduction along with the Main Body and Conclusion form a universal static structural body of any speech. Each part has its own specific features which are taken into account at the preparation

stage. Particular attention is paid in the article to the biggest in amount structural part, namely the Main Body, i.e. the layout which contains arguments supporting a particular standpoint. The introduction (the opening part) and the closing part form the so-called framing of the speech.

Laudation is viewed in the article as a specific speech type realized in public, a direct (face-to-face) type of communication unrestricted by any temporal and spatial boundaries, which is characterised by the absence of spontaneity and is monologic by its nature. As the name of this speech type suggests, its subject matter finds itself in praise of a particular person.

The peculiarity of the Introduction to the laudatory speech lies in the idiosyncratic nature of the introduction to the topic (the setting of the scene). Delivered at solemn ceremonies on the occasion of anniversary celebrations or prize awards, this speech type starts its realisation with the Address to the audience and the laureate/hero of the day. The Address, in general, expresses respect for the audience and is viewed as a key attention-grabber.

The main introductory topics of the studied laudatory speeches are as follows: the demonstration of the relevance of the topic and its significance for the audience, the expression of the feeling of honour to be delivering the speech, the appeal to wisdom quotes, sayings and aphorisms, the reference to rules observed while delivering speeches or the speaker's task, the use of jokes or recollections of some humorous situations, a short account of the occasion on which the congratulations are offered, and the congratulations to the addressee on a particular occasion or date.

Thus, a wide range of openings to the laudatory speech singled out in terms of the conducted analysis is diverse and depends on the nature of the topic, the person delivering the speech, i.e. the laudator, peculiarities of the occasion, etc. Nevertheless, the task of the *Introduction* is static (invariable) and finds itself in stimulating the audience's interest, attracting attention to the subject-matter and the transition to the main body, even though the carried out analysis showed some qualitative differences in the range of topics covered in introductions to laudatory speeches in two languages. The latter might be accounted for by the diversity in subject matter of the laudatory speeches selected for the current analysis, the specificity of the national character and ways of thinking peculiar to the studied cultures.

References

- 1. Abrahamovych, S.D., Moldovan, V.V., Chikarkova, M.Yu. *Rytoryka zahalna ta sudowa* [General rhetoric and court rhetoric]. Kyiv, Yurinkom Inter Publ., 2002, 416 p.
  - 2. Aristotel. Rytoryka. Poetyka [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labirynt Publ., 2000, 224 p.
- 3. Busel, V.T. (ed.). *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoyi ukrayinskoyi movy* [A great explanatory dictionary of modern Ukrainian]. Irpin, Perun Publ., 2009, 1736 p.
- 4. Kusa, A. (ed.). *Z ljubowju do ljudej, z wiroju w Ukrajinu* [With love to the people, with belief in Ukraine]. Lviv, LNAU Publ., 2008, 340 p.
  - 5. Macko, L.I., Macko, O.M. Rytoryka [Rhetoric]. Kyiv, Vyshcha shkola Publ., 2003, 311 p.
- 6. Monahowa, T.V. *Dyskursyvna rytoryka* [Discursive rhetoric]. Mykolayiv, Vydavnyctvo MDHU im. Petra Mohyly Publ., 2006, 124 p.
- 7. Prokopovych, F. *Filosofski tvory* [Philosophical works]. Available at: http://litopys.org.ua/procop/proc106.htm (Accessed 26 August 2019).
- 8. Savkova, Z.V. Kak sdelat holos scenicheskim: teorija, metjdika I praktika rechewoho holosa [How to make a stage voice: theory, methodology and practice of speech voice]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 176 p.
- 9. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in die Grundbegriffe und Methoden [The linguistic analysis of the text. Introduction in the basic concepts and methods]. Berlin, Erich Schmidt Publ., 1997, 165 p.
- 10. Assmann, M. (ed.). *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2000-2001* [German academy of language and poetry Darmstadt. The annual book 2000-2001]. Göttingen, Wallstein Publ., 2001, 264 p.
- 11. Assmann, M. (ed.). *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2002* [German academy of language and poetry Darmstadt. The annual book 2002]. Göttingen, Wallstein Publ., 2002, 256 p.
- 12. Assmann, M. (ed.). *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2005* [German academy of language and poetry Darmstadt. The annual book 2005]. Göttingen, Wallstein Publ., 2005, 231 p.
- 13. Assmann, M. (ed.). *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2009* [German academy of language and poetry Darmstadt. The annual book 2009]. Göttingen, Wallstein Publ., 2009, 288 p.
- 14. Prychodko, G. Specific nature of evaluative speech acts. Available at: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/128232/133469 (Accessed 26 August 2019).
- 15. Petlyuchenko, N., Chernyakova V. Features of expressive female speech in the political discourse of spain and latin america. Available at: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/155500 (Accessed 26 August 2019).
- 16. Turysheva, O. Lexeme mein-part-of-speech appurtenance in the modern german grammar in the framework of optimalyty theory. Available at: http://ae.fl.kpi.ua/article/view/92455 (Accessed 26 August 2019).

Одержано 5.09.2019.

УДК 81'282.3

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-19

IGOR YU. PROTSENKO,

PhD in Philology Profesor de la Facultad de Ciencias Humanas Universidad del Norte (UniNorte), Asunción (Paraguay)

IRINA I. DAVTIANTS.

Catedrática Principal del Departamento de investigaciones iberoamericanas en el área lingüística, traductológica y la de la comunicación intercultural Southern Federal University (Russian Federation)

TRANSFORMACIONES SEMANTICAS DE LOS COMPONENTES DEL SISTEMA LINGUÍSTICO DEL PARAGUAY

Desde el inicio de la conquista del continente americano se observa el enfrentamiento de diferentes culturas: indígenas y europeas. Las lenguas, como la parte de la cultura, componente indudable de la sociedad reaccionan en los cambios en la vida social-política y económica, revisión de los valores y conceptos morales, religiosos. Estas reacciones se revelan en los cambios de la estructura de la lengua en general y cada uno de los componentes de dicha estructura en particular, se refiere a varios niveles del idioma: fonética, gramática, sintaxis, léxico.

En este artículo se hizo un intento de revelar unos aspectos de los cambios semánticos de los vocablos del español y guaraní que pertenecen a varias capas de la vida de la gente: familia, trabajo, economía, naturaleza, religión.

Así, como el resultado de la intercomunicación de dos culturas religiosas por una parte constatamos que el discurso religioso guaraní y la poética de sus cantos quedaron por arte y maña colonial, sin rostro. Por otra parte, observamos la aparición de un nuevo lenguaje: guaraní cristiano con notables diferencias en semántica con el guaraní "clásico".

Se confirma que los cambios semánticos de las lenguas son reflexión de los cambios de la vida social y llevaron a la aparición de un continuum lingüístico único que se caracteriza una sociedad nueva: mezcla no tanto biológica de las naciones, como cultural, que permite diferenciar a los paraguayos de sus parientes rioplatenses. Resultado de la interacción de dos lenguas, el español y el guaraní en el Paraguay de facto se revela en "la tercera legua", *Jopará*. Análisis del fenómeno de *Jopará* exige estudios especiales.

En este artículo se plantea la pregunta: si es necesario intentar a defender las normas clásicas del español y guaraní o mantener y desarrollar sus peculiaridades nacionales.

Se dan unos ejemplos de las transformaciones semánticas en el guaraní y español en el proceso de su coexistencia.

Palabras claves: Semántica, español, quaraní, connotaciones, situación lingüística, Jopará.

Від самого початку завоювання американського континенту спостерігається протистояння різних культур: корінних і європейських. Мови як частина культури, безсумнівна складова суспільства, реагують на зміни в суспільно-політичному та економічному житті, перегляд моральних і релігійних цінностей і понять. Це виявляється в змінах структури кожного з компонентів лінгвістчіеской ситуації на всіх рівнях: у фонетиці, граматиці, синтаксисі, лексиці.

У цій статті зроблено спробу розкрити основні аспекти семантичних змін лексем іспанської мови і гуарані, які належать до різних сторін життя людей: сім'я, робота, економіка, релігія.

Підкреслено, що в результаті взаємодії двох релігійних культур простежуються такі тенденції семантичних трансформацій. З одного боку, під впливом мови завойовників змінюються значення культових реалій корінного населення, у деяких випадках вони зовсім зникають. З іншого боку,

це призводить до появи нового лінгвістичного феномену, формується християнський гуарані, що помітно відрізняється від «класичної», традиційної мови аборигенів.

Відзначено, що семантичні зміни мов є відображенням змін у соціальному житті. Це привело до появи унікального мовного континууму, який характеризує нове суспільство. Стверджується, що в Парагваї маємо справу не з біологічною, а з культурною метисацією. Результат взаємодії двох мов, іспанської та гуарані, в Парагваї де-факто привів до появи «третьої мови», *Djopará*, аналіз якої потребує додаткової уваги і буде розглянуто в подальших дослідженнях. У статті порушено питання: потрібно намагатися відстоювати класичні норми іспанської мови і гуарані чи зберігати і розвивати їх національні особливості? Показано в динаміці деякі приклади семантичних трансформацій в гуарані та іспанській мові.

Ключові слова: семантика, іспанська мова, гуарані, конотації, лінгвістична ситуація, Јорага́.

С самого начала завоевания американского континента наблюдается противостояние разных культур: коренных и европейских. Языки как часть культуры, несомненная составляющая общества, реагируют на изменения в общественно-политической и экономической жизни, на пересмотр моральных и религиозных ценностей и понятий. Это проявлется в изменениях структуры каждого из компонентов лингвистчиеской ситуации на всех уровнях: в фонетике, грамматике, синтаксисе, лексике.

В этой статье предпринята попытка раскрыть основные аспекты семантических изменений лексем испанского языка и гуарани, которые относятся к различным слоям жизни людей: семья, работа, экономика, религия.

Подчеркнуто, что в результате взаимодействия двух религиозных культур прослеживаются следующие тенденции семантических трансформаций. С одной стороны, под влиянием языка завоевателей меняются значения культовых реалий коренного населения, в некоторых случаях они теряются совсем. С другой стороны, это приводит к появлению нового лингвистического феномена, формируется христианский гуарани, заметно отличающийся от «классического», традиционного языка аборигенов.

Отмечается, что семантические изменения языков являются отражением изменений в социальной жизни, что привело к появлению уникального языкового континуума, характеризующего новое общество. Утверждается, что в Парагвае имеем дело не с биологической, а с культурной метисацией. Результат взаимодействия двух языков, испанского и гуарани, в Парагвае де-факто привел к появлению «третьего языка», *Djopará*, анализ которого требует внимания и будет рассмотрен в дальнейших исследованиях.

В статье поднимается вопрос: нужно пытаться отстаивать классические нормы испанского языка и гуарани или сохранять и развивать их национальные особенности?

Показаны в динамике некоторые примеры семантических трансформаций в гуарани и испанском языке.

Ключевые слова: семантика, испанский язык, гуарани, коннотации, лингвистическая ситуация, Jopará.

a situación lingüística es fenómeno tanto lingüístico como social. Es lo que provoca varias interpretaciones y explica diferentes métodos de investigación del tema por los científicos de todos continentes: José García Fernández [1, p. 964–996], Teofilo Laime Ajacopa [2, p. 177–187], Rik van Gijn, Rik, Harald Hammarstrom, Harald Simon van de Kerke, Simon, Olga Krasnoukhova, Olga, Piter Muysken, Pieter, etc. [3, p. 964–996].

Paraguay, siendo país multicultural y, según Constitución país bilingüe, presta interés especial en analizar su situación lingüística, menciona Verón, M.Á. en su artículo

"Paraguay: A multicultural nation with two official languages" [4, p. 106–108].

La finalidad de nuestra investigación consiste en revelar las peculiaridades de las transformaciones semánticas del sistema lingüístico del Paraguay, analizar coexistencia de las lenguas habladas en el país, revelar la influencia de los idiomas a la vida social de los paraguayos y al revés.

Una etnia cultural difícilmente se identifica con una etnia biológica o raza porque no existe pueblo sin mezcla en mayor o menos escala. Paraguay en este sentido un ejemplo emblemático. A partir de los primeros momentos de la colonización en el siglo XVI, hasta hoy día se observamos el proceso de la mezcla de diferentes culturas que tienen dos vías. La primera, es el período de la llegada en el Siglo XVI de los jesuitas, misioneros que trajeron la percepción del mundo europea, la religión, que a su lugar hizo un aporte enorme al desarrollo del español en el Nuevo Mundo, hasta la Independencia del Paraguay, hasta el año 1811. Es el período de mestización

de los pueblos indígenas. Segunda etapa se caracteriza por la asimilación de los paraguayos a las tradiciones culturales de los países vecinos, Brasil y Argentina primeramente y los pueblos europeos, no solamente españoles, sino italianos, alemanes, japoneses, ucranianos, etc. Los hijos de los brasileños, argentinos, "nuevos europeos" fueron absorbidos por la cultura paraguaya con mucha facilidad, debido a que las madres llevaban en sí mismas una fuerte cultura nacional. Es decir, la mezcla tiene carácter no tanto biológico, como cultural que llevó a la aparición de la nueva sociedad, raza paraguaya, con sus propias tradiciones, costumbres, su manera y forma de hablar, que últimamente suele llamar la "propia" o "tercera lengua" del Paraguay.

Para un paraguayo es característico que él necesita de mantenerse paraguayo en tierras extrañas, lejanas de su país. Lo que distingue a los paraguayos de otras naciones latinoamericanas es que al permanecerse en el extranjero desea hablar en la lengua de los aborígenes, lenguas de las raíces de la nación, lengua del amor, de las pasiones, en guaraní que de hecho es la segunda lengua oficial del Paraguay junto con el español. Es imprescindible ejemplo cuando una lengua tiene estatuto oficial, igual que la lengua europea. Los que considerarían rebajarse hablar el guaraní, dentro del país, lo hacen en el extranjero y en el extranjero descubren que no era desdoro integrarse a grupo de paraguayos con su optimismo y humor.

El investigador de la situación lingüística del Paraguay Saro Vera menciona: "También al paraguayo se le escapa el paraguayo en los momentos cruciales de la nación. En grandes encrucijadas de la historia no utiliza otra lengua, no cambia sus signos y da expansión a sus sentimientos en su propia música. Aún más, se acordará de Dios dentro del marco de sus experiencias religiosas populares como encender velas, hacer rogativas y promesas. Por ejemplo. Una revolución o una guerra el paraguayo lleva a cabo al compás de la polka y no da compás de las marchas militares a la usanza de otras naciones. Los éxitos, aunque sea en las justas deportivas, terminarán en una peregrinación de acción de gracias a Caacupé¹" [5, p. 14].

Es lógico suponer que a lo largo de la historia de convivencia de varios sistemas lingüísticos aparecen unos cambios en todos niveles de las lenguas que están en contactos: fonética, gramática, sintaxis, etc.

La finalidad de este artículo es revelar unas transformaciones semánticas en español y guaraní que aparecieron por efecto del contacto tenso entre si y que a su vez llevó al enriquecimiento o al revés, a la "deforestación" semántica en los vocablos de las lenguas mencionadas.

Bartomeu Meliá, por analogía con biología, llama las relaciones entre el castellano y el guaraní "ecología lingüística", porque los contactos de las lenguas pueden ser como fructíferos tanto provocan unos cambios que llevan a la contaminación de la semántica de los vocablos².

Enriquecimiento de las lenguas

El contacto de las lenguas trae consigo un enorme potencial de ganancias. Las lenguas quedan enriquecidas. Como, por ejemplo, español a su tiempo por el árabe, más tarde por anglicismos (americanismos), etc.

Hablamos de los préstamos que la lengua recipiente adopta con sus respectivas necesidades. Por ejemplo. Los conquistadores trajeron a América a los animales que los aborígenes no conocían. Estos animales se quedaron muy útiles para la vida cotidiana. Tal como guaraníes no tenían en su lengua repertorios lexicales para nombrarlos adaptaron con ciertos cambios fonológicos las nociones de la lengua española: vaka, kabayú 'caballo', kabara 'cabra', ovechá 'obeja', etc.

Además de las tecnologías nuevas en todas ramas de la vida económica, socio-política, los europeos invirtieron la percepción de la vida cultural, moral y religiosa. Introdujeron a la vida cotidiana los nombres de los números, los meses del año, los días de la semana, etc., que los guaraní parlante recibió como los suyos; hacían parte del nuevo sistema con el que había entrado en contacto el mundo guaraní.

¹ Caacupé es la ciudad a unos 50 km de la capital del Paraguay, Asunción, famosa por su Basílica de la Virgen de Caacupé la que conmemoran el día 8 de diciembre. Es el centro religioso del Paraguay.

² En proceso de la interacción de las lenguas aparecen cambios en todos niveles de las lenguas que están en contacto: fonéticos, gramaticales, lexicales, en sintaxis. Cada uno de ellos exige el estudio minucioso y profundo. En este artículo nos concentramos en la semántica de los vocablos, sin tocar otros aspectos. Sobre la influencia del español al guaraní y al revés, ver I.Yu. Protsenko [6], Heddy Penner [7].

Por ejemplo. Para nombrar los días de la semana guaraní tiene sus propias nociones. *Arakõi* 'lunes', *araapy* 'martes', etc. Aunque en la vida cotidiana, junto con los vocablos del guaraní se usan los castellanos: *Oky va'ekue arakõi guive* 'llovía desde el lunes' / Ha'e he'i: "Asẽva'erã *lunes* pyharevete ha aju *jueves* pyhare" 'Me marchaba el lunes por la mañana temprano y regresaba el jueves por la noche", comenta'.

Lo mismo observamos con la nominación de los meses del año. La Atalaya 1 de agosto 2009-pe ose peter prográma ikatúva nepytyvo relee hagua la Biblia 'En La Atalaya del 1 de agosto (en guaraní yasypoapy o jasypoapy) de 2009 encontrará un práctico programa para organizar su lectura de la Biblia'. Ehecha mba'épa he'i Ñane Marandu Pora agosto 2011, páhina 4–6. 'Repasa Nuestro Ministerio del Reino de agosto de 2011, páginas 4 a 6'. Estos ejemplos muestran otros ejemplos del uso de los hispanismos adaptados por el guaraní: programa, página y, obviamente, Biblia.

En uno de los primeros textos literarios en guaraní de Fray Luis de Bolaños "Catecismo breve de la doctrina cristiana" (1565) aparecen catorce palabras o sintagmas castellanas [8, p. 143]. Se hubiera podido crear neologismos que dieran cuenta de las realidades nuevas religioso-culturales, pero, pero eran oportunos esos hispanismos diferenciadores: Santa Cruz, Espíritu Santo, Amén Jesús, Santa Madre Iglesia, sacramentos, etc. En los mandamientos de la ley de Dios se introdujo la palabra jurar; en mandamientos de la Iglesia: misa y comulgar. En el catecismo, por preguntas y respuestas, además de alguno de los hispanismos anteriores, aparece la palabra: persona.

No hace falta olvidar que en los siglos XX, XXI se recurre también a anglicismos para designar las novedades del mundo moderno: restaurante, güisqui, radio, celular, etc.

Desde los contactos iniciales los indios aportaron al castellano sus tres primeras palabras: quaraní, mandioca, avatí 'maíz' o, mejor decir, choclo 'maíz blando'.

Al diccionario español u otras lenguas europeas vino la palabra jaguar.

Después llegaron registrados los topónimos (nombre de los pueblos indígenas): Loma Pyta 'Colina roja', $\tilde{N}emby$, una ciudad del Departamento Central del Paraguay. En realidad, la etimología del último topónimo hasta ahora no está aclarada. Hay varias versiones. Unas de ellas. $\tilde{N}e'e$ $\tilde{n}emimby$ que terminó en $\tilde{N}eemby$ y luego en $\tilde{N}emby$ 'hablar en secreto' (de reuniones secretos que realizaban los indígenas en el cerro en el que se encuentra localidad). Otra versión. $\tilde{N}e'e$ he'emby 'dulce lengua' (con referencia al idioma guaraní que hablaban los aborígenes). En ambos casos $\tilde{n}e'e$ significa 'lengua, hablar'.

Sin embargo, los préstamos y resignificaciones no se consideran, ni deben considerarse sin más como sustitución, ya que no sustituyen a nada anterior. Son uno de los aspectos del desarrollo de la lengua, su florecimiento, enriquecimiento, uno de los aspectos más creativos de una sociedad lingüística viva.

Aunque, a veces, el nuevo significado llega a tapar, eliminar el primero y original.

Al tema de la revitalización y sobrevivencia del guaraní en el Paraguay se dedica en sus obras Robert Andrew Nickson [9, p. 3–26].

Transformaciones semánticas en el español y guaraní paraguayo

Las transformaciones semánticas tienen carácter dispar que estipulan no solamente por los factores temporales, sino por otras áreas entre los cuales, junto con la geográfica, valor imprescindible tiene el área cultural, definida según el significado y sentido de sus palabras; "la sustitución de los vocablos y la creación de neologismos configuran esos espacios" [ver 8, p. 150] que a su vez son áreas de especial incidencia donde de una u otra manera actuó y sigue actuando el proceso de la pérdida de identidad, sea esta indígena o paraguaya, los que podemos agrupar según ciertos aspectos.

Cambios semánticos en el guaraní

Un área notable de transformaciones semánticas abarca el léxico del **parentesco en guaraní.**Todo el territorio del Paraguay se puede dividir en unos estancos cada uno de los cuales tiene su propio carácter de la formación de la situación lingüística:

- el Paraguay español criollo (Asunción, Villarrica);
- los pueblos de indios (guaraníes encomendados);
- * los pueblos guaraní-franciscanos, los pueblos guaraní-jesuíticos o Reducciones;
- * los pueblos indígenas originarios cuya variedad fue notada incluso por los mismos conquistadores. Éstos, últimos se libraron de la influencia colonial. Hasta el siglo XX una parte de

ellos permaneció escondida e invisible para la sociedad paraguaya, casi sin contactos con ellos. Llamaron su lugar de su habitar *tekohá* que en guaraní significa 'pueblo'. Pero literalmente esta palabra no significa solamente lugar habitado por el grupo guaraní, sino el lugar de la forma de ser guaraní (*Teko*) entendido como conformidad de la vida con la normativa específica cosmológicas heredado por los antiguos guaraníes.

Los cambios producidos en contactos coloniales se los tocaron poco. Como resultado en sus hablas todavía escuchamos llegaron a nuestros días casi intactos, casi sin cambios semánticos, especialmente en sus cantos religiosos, relatos míticos. Se trata de las lenguas paï, mbyá, aché.

Uno de los campos, importantes, de la vida de la sociedad, es familia que surgió ciertas modificaciones.

Cambios semánticos en los términos del parentesco se explican por el cambio de la vida social de los aborígenes, en primer lugar, en la zona del Paraguay criollo Sistema familiar de los guaraníes fue destruida por las relaciones sexuales desordenadas de los conquistadores. Resulta que con el tiempo en cayeron al desuso los términos que reflejaban la complejidad estructural de la familia con sus primordiales tradiciones del casamiento, del papel de los parientes afines.

Algunas denominaciones fueron substituidas. Por ejemplo, tamói (mbyá guaraní) 'abuelo' fue sustituido por la palabra del quechua taitá y después del castellano agüelo. Bartomeu Meliá en su libro "La tercera lengua del Paraguay" da una enorme lista de los términos del parentesco muy enmarañados que un paraguayo tendría que haber mantenido en la memoria y usar en la vida cotidiana. Pero este mundo de la antigüedad de oro está perdido y ha sido sustituido por otro más simple, el español colonizado. Por ejemplo:

Aiqué 'hermano. hermana':

Kyvy 'hermano', lo usa la mujer al referirse a los hermanos varones menores;

Kypy'y 'hermana menor o prima menor'. Se usa solo en relaciones con la hermana o prima hermana mayores;

Tyke'yra 'hermano entre los hermanos varones, el mayor, con respeto de los hermanos varones menores':

Tyvy 'hermano menor', lo usa solo el varón, refiriéndose a su hermano menor;

Tyvyky 'hermano menor';

Kyvyky 'el menor de todos hermanos o primos hermanos varones';

Kypy'ymena 'cuñado, marido de hermana menor;

Mervvv 'cuñado, hermano menor del esposo':

Kyvyraty 'cuñada, la mujer del hermano de una mujer'. Lo usa solo la mujer, en relación a la mujer, etc.

Otra área notable desde el punto de vista de los cambios semánticos y el uso de los vocablos en el habla cotidiana es **vegetal**.

La tierra guaranicita es rica de la flora en general y de las culturas cultivadas en particular que se explica por el clima y situación geográfica. Al llegar a los territorios de desconocidos para ellos, los europeos se chocaron con la abundancia y las variedades de las plantas cultivadas por los aborígenes. Sin saber cómo tratar la tierra, plantas, condiciones climáticas, características del suelo, etc., los europeos en vez de hacer un aporte al mantenimiento y desarrollo del sistema agrícola, intentando cambiar las tradiciones de la labranza a lo suyo llevaron al empobrecimiento de los cultígenos por pérdida de las especies y variedades originarias. La divina abundancia se convirtió en escasez. Muchas de las variedades de las plantas desaparecieron por desidia, negligencia, por el descuido y falta de la experiencia de guardar las semillas o las raíces de las plantas. Con la desaparición de los objetos (denótate) desaparecieron los vocablos que los nombraron. Hoy día no se reconoce como llamaban 24 variedades de mandioca, registradas en los primeros tiempos coloniales. Lo mismo pasó con 6 variedades de maní (manduvi), 16 de poroto (kumandá), 21 variedades de batata (jety), las 13 de maíz (avatí) las 6 de pimienta (ky'ỹi), las 4 de calabaza (andaí), las 3 plátanos (paková) [ver 8, p.163].

Algunos de estas variedades al desaparecer no dejaron ni una huella en la memoria lingüística. Pocos se plantan hoy día y usan para la alimentación: *tajaó* 'col', *mburucujá* es una fruta.

Las consecuencias del dominio colonial se notan hasta ahora en los repertorios lingüísticos. Están desapareciendo las plantas silvestres como arasá 'variedad de guayaba', quavirá un fruto

dulce con un cierto gusto de acides³ que a su vez antes o después se quedara en el desuso los vocablos mencionados. *Nanã*, por ejemplo, es solo conocida ahora como 'piña' y *ju apesãi* como 'zarza parilla'.

Enorme interés desde el punto de vista de los cambios semántico presta la atención a los vocablos relacionados con **cosmovisión de los guaraníes**, su religión en general.

Como ya estaba mencionado más arriba algunos repertorios lingüísticos para nombrar las objetividades de la vida religiosa fueron añadidos al guaraní por los jesuitas. Estos vocablos se adoptaron sin muchos problemas porque no tenían equivalentes en las tradiciones religiosas del guaraní. La parte notable de las palabras se quedaron en el uso, pero con ciertos cambios semánticos.

La religión guaraní fue desconocida, por lo menos no documentada. Por eso el vocabulario religioso guaraní tampoco fue desconocido, solamente escasos ejemplos que rescató Antonio Ruiz de Montoya, se convirtieron semánticamente a la religión cristiana [10; ver 8, p. 156].

Por ejemplo, la palabra *guahu* 'canto de los indios' perdió su sentido ritual y adquirió el significado grosero 'aullido' o 'ladrido de perro'. Pero en los casos determinados sigue manteniendo su sentido antiguo: *aguahu papa* 'contar endechas; llorar contando cosas'. Otro canto ritual *kotyhu*⁴ ni siquiera se recuerda hoy día [ver 8, p. 157].

Otros ejemplos de los cambios semánticos en los repertorios lingüísticos referidos a la religión.

Tupã: la figura central en la mayoría de las leyendas guaraníes de la creación (Tupã en avañe'ẽ 'guaraní'), el dios supremo o dios del trueno. Luego Tupã creó a la humanidad en una elaborada ceremonia en la que formó estatuillas de arcilla representado al hombre y a la mujer. Actualmente se relaciona con 'Dios'.

Ñemombe'u: 'narración, relato, fábula, cuento' los españoles usaban para la confesión. *Aña*: la principal figura maligna de la mitología guaraní, actualmente se refiere al diablo.

Karai: 'profeta'. Su discurso profético se resume en una comprobación y una promesa: por una parte, afirman sin cesar al carácter profundamente malo del mundo, y, por otra, expresaron la certidumbre de que es posible la conquista del mundo bueno, "La Tierra sin Mal" (Paraíso Terrestre) [11, p. 42–43]. Con el tiempo empieza a referirse con 'cristiano', 'español' 'dueño'. De hecho, el español en guaraní es *karaiñe'e*, es decir 'la lengua de los cristianos o dueños',

Las nociones como *Ñande Ramoí* 'nuestro abuelo' y *Ñande Ru* 'nuestro padre', típicamente guaraníes de un Dios familiar y tan arraigadas a la religión guaraní fueron sustituidos por *Ñande Jára* 'Nuestro Señor'. Se usa habitualmente en la frase *Ñande Jára ta pende rovasa* 'Que Dios te bendiga'.

Así, como el resultado de la intercomunicación de dos culturas religiosas por una parte constatamos que el discurso religioso guaraní y la poética de sus cantos quedaron por arte y maña colonial, sin rostro. Por otra parte, observamos la aparición de un nuevo lenguaje: **guaraní cristiano** con notables diferencias en semántica con el guaraní "clásico". Los guaraníes, ni siquiera sus líderes rezaban en guaraní porque no tenían camino abierto para decir su palabra y menos religiosa. El padre José Cardiel resume: "nunca escriben cosa alguna en la lengua del indio, aun los que saben escribir, como ni nunca rezan en ella, sino en castellano" [12, p. 389–393; 8 p. 156].

Entonces, en el mundo religioso penetran vocablos antes desconocidos para los aborígenes, mencionados más arriba y tales como ángel, apóstole guaranizado de 'apóstol', comunión, kuuruzú 'cruz', Kiritó 'Jesú Cristo' y otros. Estos términos representan enriquecimiento de la lengua en general, pero eliminan tradiciones propias de la lengua, estrechan su espacio sociocultural que Bartomeu Meliá llama "nuestro Curuguaty lingüístico, con muertos y heridos de ambos lados..." [8, p. 167].

³ Guavirá es el primer fruto creado por Ñanderyke'y, para consolar a su hermanito gemelo que lloraba sin descanso al desarmarse el esqueleto de Ñandesy, muerta por los tigres (los Añá), cuando el mellizo mayor estuvo a punto de resucitarla. El menor se apuró por mamar y esparció de nuevo los huesos.

⁴ Kotyhu son cantos cuando las celebraciones religiosas llegan al final. Marcan camino a lo cotidiano.

⁵ Curuguaty es una ciudad y municipio en el Departamento de Canindeyú, Paraguay, que fue la cuarta capital del Paraguay, durante la guerra de la Triple Alianza que fue asaltada, saqueada e incendiada por las tropas brasileñas.

Sin embargo hay una capa de repertorios lingüísticos del guaraní, que reflejan la percepción del mundo del pueblo, que llegaron a responder por analogía a la novedad colonial: *jagua* 'tigre', para el perro; *pa'i* 'padre, hechicero, gente grave', para padre sacerdote; *tepy* 'venganza; para paga y precio, etc. que de nuevo subraya "los préstamos y resignificaciones son uno de los aspectos m[as creativos de la sociedad lingüística viva, aunque a veces el nuevo significado llega a tapar y anular el primero y original" [8, p.146].

Cambios semánticos en el español paraguayo

El español, como la lengua de la clase dominante, privilegiada durante la época de colonización sufrió menos cambios en todos los niveles del sistema. En el campo semántico se distingue aparición de nuevos significados o matices de los significados en los **marcadores discursivos**: la clase de las palabras (homófonos de adverbios, conjunciones, combinación de las palabras, etc., tales como: en fin, bueno, verdad, pues u otros) que perdieron su significado conceptual, sufriendo de proceso de desemantización, la función de los cuales es la exhortación, suavización, etc., del habla. [7, p. 363].

Algunos de los repertorios lingüísticos mencionados consideramos como modismos paraguayos que tienen diferentes funciones estilísticas en el discurso.

Abajo presentamos unos ejemplos de la influencia de la semántica del guaraní a los significados de los repertorios lingüísticos del español.

Un poco va procedido de la traducción al guaraní, en la cual aparece mi como equivalente que corresponde a la forma del español peninsular estándar, como la forma correcta 'por favor'. Mi es sufijo átono del guaraní, uno de los significados del cual es intimidad o familiaridad: ehasami 'pasa, por favor'.

German de Granda, en la base de sus investigaciones en el campo, sin codificar los datos de los informantes, con todo eso clasifica los fenómenos estilísticos del uso del dicho calco semántico en la forma siguiente:

- *Muchacho, vení un poco que te llama el patrón un poco* suaviza el mandato (forma del verbo venir *veni* es la forma del paraguayismo gramatical);
  - Préstame un poco esa revista un poco otorga el significado de súplica;
- Me aplastaron en la prueba. No sé qué voy a hacer un poco un poco denota conmiseración;
- No sé un poco lo que quiere decirme, patrón un poco busca captar la benevolencia del interlocutor.

Entonces, sobre el modelo facilitado por el guaraní, el castellano paraguayo creado un nuevo paradigma sintáctico que Ganda explica en la forma siguiente: "...existe un morfema guaraní matizador de contenidos verbales que puede ser utilizado no solamente unido al imperativo sino en relación con cualquier realización verbal. Se trata de la partícula sufijada -mi, a la que son atribuidos contenidos expresivos muy amplios, individualizables por el contexto, entre los que figuran la atenuación la súplica, la familiaridad, la conmiseración, la cortesía, la *captatio* benevolente, etc." [13; 7, p. 377].

El marcador *luego*, según confirmación de Usher de Herreros se correlaciona con el vocablo guaraní *voi*: "Suponemos que el luego empleado en Paraguay no es otro que *voi* guaraní, de significación varia: 'por supuesto', 'claro', 'así es' ('pronto', 'temprano' [3, p. 446] <...> generalmente va pospuesto al verbo" [15; 7, p. 365]. Entonces, Usher Herreros insiste que el significado de *luego* 'más tarde', 'después' fue evolucionado hacia otra función, la de enfatizador, al igual que su par *voi* en guaraní

Entonces, la palabra *luego* en el español paraguayo coloquial bajo la influencia de *voi* tiene, en ocasiones, el significado 'antes', a diferencia del español estándar en que significa 'después'. Ejemplos para comparar:

Ha'e voi chupe ani hanguã oho upépe – guaraní paraguayo.

Le dije luego para no se vaya allá – español paraguayo coloquial.

Le había dicho que no vaya allá – español estándar.

En el español coloquial se observa, incluso la desemantización del vocablo luego: "De repente veo otra avenida y junto también una iglesia y dije enseguida luego que eso era la catedral porque era grande, grande luego y mucha gente estaba entrando" [7, p. 383]. Ejemplo muestra el uso de luego como marcador del discurso que no añade información, sino lo enfatiza.

Unos cambios incluso ortográficos pasan con conjunción *pues*. En primer momento guaraní tomó pues como préstamo, asimilando a su fonología *py*. Con el tiempo *py* pasó al castellano del Paraguay, con el mismo los significados relevantes de los ejemplos dados más abajo:

Terehópy – guaraní paraguayo.

Andate-py – español paraguayo coloquial.

Vaya pues – español estándar.

Ciertos cambios se notan en la sintaxis del español paraguayo, según las reglas del guaraní, es decir, va pospuesto al elemento modificado:

Ovy'a ndaje hasymante ramo jepe – guaraní paraguayo (ovy'a 'feliz', 'está contento'; ndaje 'dicen que').

Está feliz, dicen que, aunque esté enfermo a menudo – español paraguayo.

Dicen que está feliz, aunque esté enfermo a menudo – español estándar.

Obviamente, existen otros cambios semánticos de las palabras españolas.

Por ejemplo, demasiado: se entiende como 'más de lo debido' y en el Paraguay es sinónimo de 'bien', sin connotaciones adicionales. Lindo y guapo se usan con el sentido 'bueno'. Así la frase esta flor es demasiado linda (guapa) hay que entender 'esta flor es muy buena'.

En muchos casos para reflejar las emociones junto con los vocablos españoles se usan los marcadores del guaraní que no se cambian la semántica, sino ofrecen varios matices diferentes, subrayan expresividad de los sentimientos que se refleja en el habla.

Piko/pio ofrece un matiz de sorpresa o asombro. En español de España es el sinónimo de la expresión ¡Vaya!: ¿Para qué, pio, te apuras?; ¿Cómo piko se llama?

Ko posee un valor intensificador o expletivo: Esta-ko es una ciudad enorme, como Buenos Aires [11, p. 275]. Hay que entender que se trata solamente de esta, y no de ninguna otra ciudad.

Niko/nio (es más extendido) también tiene valor expletivo e intensifica el significado de la palabra o la totalidad de la frase: *Tenemo-nio teléfono ahora pero nunca ko me recuerdo el número*. Se puede interpretar como 'imagínate, ahora tenemos teléfono, pero justamente este número nunca recuerdo'. La forma del verbo tener refleja el paraguayismo gramatical.

Na suaviza una orden o un mandato: Abrochame-na acá el vestido. 'Abróchame acá el vestido si es tan amable'.

Ke/oke refuerza la orden: Andate (paraguayismo gramatical, se acentúa penúltima 'a') ahora mismo-oke. 'Que te vayas inmediatamente'.

Kena también refuerza la orden, aunque el carácter imperativo de la orden es menos intenso, comparando con ke/-oke: No se olviden-kena, che ra'y kuéra que siempre debemos ayudarno lo uno a otro (del habla de los paraguayos). 'No tiene que olvidar que siempre tenemos que ayudar uno a otro', así aproximadamente hay que interpretar la frase mencionada.

Katu cumple una función similar a la forma de *kena* en las oraciones imperativas, pero se usa también en las frases enunciativas: *Sentate, katu, don Lopi, ahí*. (el verbo sentarse en imperativo afirmativo sin diptongo: es otro fenómeno de los paraguayismos gramaticales). En español estándar sería: 'Don Lopi, si no le importa acomódese ahí'.

Mbaé se emplea como explicativo con el significado 'tal vez, aproximadamente': Voy a traerme mba'e tu blusa. 'Tal vez traiga para mi tu blusa'.

Este fenómeno es la parte del sistema Jopará, que metafóricamente llaman "la tercera lengua" del Paraguay

Conclusión

Desde el inicio de la conquista del continente americano se observa el enfrentamiento de diferentes culturas: indígenas y europeas. Las lenguas, como la parte de la cultura, componente indudable de la sociedad reaccionan en los cambios en la vida social-política y económica, revisión de los valores y conceptos morales, religiosos. Estas reacciones se revelan en los cambios de la estructura de la lengua en general y cada uno de los componentes de dicha estructura en particular, se refiere a varios niveles del idioma: fonética, gramática, sintaxis, léxico.

Siendo el país multicultural [4], en el resultado de la interacción de dos lenguas, el español y el guaraní en el Paraguay de facto existe y se usa en todos niveles de la vida social "la tercera legua", *Jopará*. Análisis del fenómeno de *Jopará* exige estudios especiales.

⁶ Todos los ejemplos, excepto marcados especialmente, extraídos de Hedy Penner [14, p. 371].

En este artículo se hizo un intento por revelar algunos aspectos de los cambios semánticos de los vocablos del español y guaraní que pertenecen a varias capas de la vida de la gente: familia, trabajo, economía, naturaleza, religión.

Cambios semánticos de las lenguas, como reflexión de los cambios de la vida social, llevaron a la aparición de un continuum lingüístico único que se caracteriza una sociedad nueva, mezcla no tanto biológica de las naciones, como cultural que permite diferenciar a los paraguayos de sus parientes rioplatenses, argentinos, porteños.

El formato de un artículo no permite desarrollar completamente las preguntas, mencionados en el título, sino tiene como la finalidad descubrir el problema, llamar la atención al problema. Queda sin duda la necesidad de análisis de la situación lingüística del Paraguay basándose en el conocimiento profundo de las lenguas, en primer lugar guaraní, intentar de establecer las normas del español paraguayo, guaraní paraguayo, discutir la necesidad del desarrollo y mantenimiento de los cambios lingüísticos, mostrar y defender dos puntos de vista: dejar las normas de las lenguas intocables o desarrollar los cambios aparecidos ya que a su vez lleva a la aparición nuevos dialecto, hablas y, quizás lenguas.

Bibliografía

- 1. Fernandez Garcia J. The Romance Linguistic System in the Development of Education Competence / José Fernández García // Colmena-Revista de la Universidad Autonoma del Estado de México. − 2019. − № 3. − P. 8−28.
- 2. Ajacopa T.L. Writing in Aymara: Following the Community Ways or the Linguistic System / Teofilo Laime Ajacopa // Americana Revista de Estudios Latinoamericanos. 2017. № 5. P. 177—187.
- 3. Gijn van R., Hammarstrom H. Linguistic Areas, Linguistic Convergence and River Systems in South America / Rik van Gijn, Harald Hammarstrom, Harald Simon van de Kerke, Olga Krasnoukhova, Piter Muysken // Cambridge Handbook of Areal Linguistics / Ed. by R. Hickey. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 964–996.
- 4. Veron M.A. Paraguay: A multicultural nation with two official languages / M.A. Veron // Revista de Llengua i Dret. 2017. Issue 67. P. 106—128. DOI: 10.2436/rld.i67.2017. 2948.
- 5. Saro V. El paraguayo, un hombre fuera de su mundo / Vera Saro. Asunción: Editora litocolor, 1992. 155 P.
- 6. Protsenko I.Yu. Situación lingüística del Paraguay. Paraguayismos en la novela "El invierno de Gunter" de Juan Manuel Marcos [monografía] / Igor Yu. Protsenko. Asunción, Kyiv: BVL Publishing, 2018. 116 P.
- 7. Penner H., Acosta S. El descubrimiento del castellano paraguayo a través del guaraní / Hedy Penner, Soledad Acosta, Malvina Segovia. Asunción: CEADUC, 2012. 478 P.
- 8. Nickson R.A. Covernance and the Revitalization of the Guarani language un Paraguay / Robert Andrew Nickson // Latin American Research Review. 2009. Vol. 44. Issue 3. P. 3–26.
- 9. Meliá B. La tercera lengua del Paraguay / Bartomeu Meliá. Asunción: SERVILIBRO, 2013. 207 P.
- 10. Montoya A.R. Tesoro de la lengua guaraní (1639) / Antonio Ruiz Montoya. –Asunción: Editorial Tiempo de Historia, 2011. 824 P.
- 11. Marcos J.M. El invierno de Gunter. Edición crítica por Traycy K. Lewis / Juan Manuel Marcos. Asunción: SERVILIBRO, 2013. 449 P.
- 12. Cardiel J. Declaración de la verdad / José Cardiel. Buenos Aires: Imprenta de Juan A. Alsina, 1900. 491 P.
- 13. Granda D. de. Calcos sintácticos del guaraní en el español del Paraguay / German de Granda // Nueva Revista de Filología Hispánica (NRFH). 1979. № 28 (2). P. 267–286.
- 14. Guarania F. de Enciclopedia. Diccionario etimológico-gramatical / Félix de Guarania. Asunción: SERVILIBLO, 2010. 513 P.
- 15. Usher de Herreros B. Castellano paraguayo. Notas para una gramática contrastiva castellano-guaraní / B. Usher de Herreros // Suplemento Antropológico. –2012. Vol. XI. Issue 1–2. P. 29–123.

SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF THE PARAGUAY LINGUISTIC SYSTEM COMPONENTS

Igor Yu. Protsenko, University of North (Paraguay)

E-mail: protsent2002@mail.ru

Irina I. Davtiants, Southern Federal University (Russian Federation)

E-mail: 4283953@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-19

Key words: Semantics, Spanish, Guaraní, connotations, linguistic situation, Jopará.

Since the beginning of the conquest of the American continent the confrontation of indigenous and European cultures has been observed. Languages, as a part of any culture, an indispensable element of any society respond to the changes in social, political and economic life, respond to the revision of moral and religious values and concepts. This response is revealed in the changes of the structure of the language in general and in the changes of each component of the above-mentioned structure in particular, and it refers to different levels of the language: phonetics, grammar, syntax, vocabulary.

Bartomeu Meliá, by analogy with biology, calls the relations between *Castellano* (Castilian Spanish) and Guarani a "linguistic ecology", because language interaction can cause either their flourishing or such changes that can lead to the contamination of the semantics of the words.

Semantic transformations have a piecemeal character determined not only by temporal factors, but also by other circumstances among which, along with the geographical aspect, cultural aspect has essential value. The meaning of the words depends on the emotions of the speaker; "substitution of the words and creation of neologisms form speech". This is in its turn an area of a particular incidence where in one way or another the process of loss of identity has been taking place, whether it is indigenous or Paraguayan language, but we can point it out according to certain features.

Language interaction brings enormous potential capacity of future development and enrichment. Thus, for example, the Spanish language in due time was enriched with the Arabic language and later with Anglicisms (Americanisms), etc.

We talk here about the borrowings that the recipient language adopts because of its relevant needs.

For example, the conquerors brought to America the animals that the native people did not know. These animals were very useful for their everyday life activities. As the Guarani did not have lexical units in their language to name them, they adapted the notions of the Spanish language with certain phonological changes: vaka 'vaca'('cow'), kabayú 'caballo' ('horse'), kabara 'cabra' ('goat'), ovechá 'obeja' ('goat'), etc.

In addition to new technologies in all spheres of economic and socio-political life, Europeans reversed the perception of cultural, moral and religious life. They introduced to the daily life the names of the numerals, the months of the year, the days of the week, etc., which the Guarani-speakers accepted as their own. They made them a part of the new system with which the Guarani world had come into contact.

For example, to name the days of the week the Guarani have their own notions. *Arakõi* 'lunes' ('Monday'), *araapy* 'martes' ('Tuesday'), etc. Although in everyday life, together with the Guaraní words, Spanish words are used: *Oky va'ekue lunes guive* 'it was raining since Monday' / Ha'e he'i: "Asēva'erā *lunes* pyharevete ha aju *jueves* pyhare" "I was leaving on Monday morning early and coming back Thursday night," he says.

It is important to bear in mind that in the 20th - 21st centuries the Guarani appealed to anglicisms to denote the novelties of the modern world: *restaurante*, *güisqui*, *radio*, *celular*, etc.

At the time of initial contacts, the Indians also contributed their first three words to Castellano (Castilian Spanish): *guaraní*, *mandioca*, *avatí* or, it is better to say, *choclo* 'soft corn'.

A notable area of semantic transformations comprises the words denoting relationships in Guarani. Contacts with colonizers caused almost no changes in this sphere. As a result, in their speech today we still hear this lexis almost intact, almost without semantic changes, especially in their religious songs, mystical stories. It is about the languages $pa\tilde{i}$, $mby\acute{a}$, $ach\acute{e}$.

The words related to the Guarani worldview, their religion in general are of a particular interest from the point of view of the semantic changes.

For example, the word guahu 'song of the Indians' lost its ritual sense and acquired the rude meaning 'howl' or 'barking of a dog'. However, in certain cases it continues to maintain its original meaning: aguahu papa 'to sing a dirge; to cry telling things'. Another $kotyhu^7$ ritual song is not even remembered today.

Thus, as the result of the intercommunication of two religious cultures on the one hand we find that the Guaraní religious discourse and the poetics of its songs lost their face because of the colonial religious service proficiency. On the other hand, we observe the emergence of a new language: The Christian Guarani with notable differences in semantics compared to so called "classic" Guaraní.

⁷ Kotyhu is a song at the end of the worship service. It marks the way back to the daily life.

Spanish, as the language of the ruling class, privileged during the time of colonization underwent fewer changes at all levels of the system. In the semantic field, the appearance of new meanings or nuances of the discourse markers is distinguished: that is the class of words (homophones of adverbs, conjunctions, collocations, etc., such as: en fin, bueno, verdad, pues, etc. 'at last, well, true, then or others') who lost their original meaning due to the process of its dissolution, the function of which is the exhortation, smoothing, etc., of the speech. *Un poco* 'a little' after its adaptation into Guarani, along with its original equivalent, now also corresponds to the standard peninsular Spanish phrase 'por favor' ('please').

Semantic changes of the languages, as a reflection of the changes in social life, caused the emergence of a unique linguistic continuum that characterizes a new society, not just a biological mixture of nations, but a cultural one that let us distinguish Paraguayans from their relatives living in the Rio de la Plata region, Argentina.

As a result of the interaction of the two languages, Spanish and Guarani, today in Paraguay "the third language" *Jopará* exists and is used at all levels of social life.

References

- 1. Ajacopa, T.L. Writing in Aymara: Following the Community Ways or the Linguistic System. In: Americana Revista de Estudios Latinoamericanos, 2017, no. 5, pp. 177-187.
- 2. Cardiel, J. *Declaración de la verdad* [Statement of truth]. Buenos Aires, Kessinger Publ Co, 1900, 492 p.
- 3. Fernandez Garcia, J. The Romance Linguistic System in the Development of Education Competence. In: Colmena-Revista de la Universidad Autónoma del Estado de México, 2019, no. 3, pp. 8-28.
- 4. Gijn van R., Hammarstrom, H., Simon van de Kerke, H., Krasnoukhova, O., Muysken, P. Linguistic Areas, Linguistic Convergence and River Systems in South America. In: Hickey R. (ed.). Cambridge Handbook of Areal Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 964-996.
- 5. Granda, D. de. *Calcos sintácticos del guaraní en el español del Paraguay* [Semantic traces of the Guarani in the Spanish of Paraguay]. Nueva Revista de Filología Hispánica (NRFH), 1979, no. 28 (2), pp. 267-286.
- 6. Guarania, F. de *Enciclopedia. Diccionario etimológico-gramatical* [Encyclopedia. Etymological-grammatical dictionary]. Asunción, Servilibro Publ, 2010, 513 p.
- 7. Marcos, J.M. *El invierno de Gunter. Edición crítica por Traycy K. Lewis* [Gunter`s winter. Critical edition by Traycy K. Lewis]. Asunción, Servilibro Publ, 2013, 449 p.
- 8. Meliá, B. *La tercera lengua del Paraguay* [The third language of Paraguay]. Asunción, Servilibro Publ, 2013, 207 p.
- 9. Montoya, A.R. *Tesoro de la lengua guaraní (1639)* [Treasure of the Guarani language (1639)]. Asunción, Editorial Tiempo de Historia, 2011, 824 p.
- 10. Nickson, R.A. Covernance and the Revitalization of the Guarani language un Paraguay. In: Latin American Research Review, 2009, vol. 44, issue 3, pp. 3-26.
- 11. Penner, H., Acosta, S., Segovia, M. *El descubrimiento del castellano paraguayo a través del guaraní* [The discovery of Paraguayan Castilian through the Guarani]. Asunción, CEADUC Publ, 2012, 478 p.
- 12. Protsenko, I.Yu. Situación lingüística del Paraguay. Paraguayismos en la novela "El invierno de Gunter" de Juan Manuel Marcos [Language situation of Paraguay. Paraguayisms in the novel "The Gunter's Winter" by Juan Manuel Marcos]. Asunción, Kyiv, BVL Publ, 2018, 116 p.
- 13. Saro, V. *El paraguayo, un hombre fuera de su mundo* [The Paraguayan, a man outside his world]. Asunción, Litocolor Publ, 1992, 155 p.
- 14. Usher de Herreros, B. Castellano paraguayo. Notas para una gramática contrastiva castellanoguaraní [Paraguayan Spanish. Notes for a contrastive grammar Castilian-Guarani]. Suplemento Antropológico [Anthropological Supplement], 2012, vol. 11, issue 1-2, pp. 29-123.
- 15. Veron, M.A. Paraguay: A multicultural nation with two official languages. In: Revista de Llengua i Dret, 2017, issue 67, pp. 106-128.

Одержано 5.09.2019.

УДК 81'373.7: 81.373.46: 811.11

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-20

н.м. тимощук,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та іноземних мов Вінницького національного аграрного університету

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ З КОМПОНЕНТОМ-ОРНІТОНІМОМ У ЛЕКСИЧНІЙ СИСТЕМІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ

Статтю присвячено дослідженню семантики та структури фразеологізмів з компонентоморнітонімом у лексичній системі англійської мови. У роботі для вивчення усталених словосполук з лексемами-орнітонімами використано методи спостереження та аналізу. Матеріалом дослідження були англійські фразеологізми із назвами птахів, дібрані методом суцільної вибірки.

У результаті проведеного дослідження було розроблено семантичну класифікацію фразеологічних одиниць із компонентом «Птахи», репрезентовану у формі видових та родових категорій. Встановлено, що серед усіх фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом присутні 36 назв пташок, тому до кожної групи нами було підібрано номени на позначення тих чи інших видів птахів. Відповідно перша аналізована група ФО із компонентом «Свійські птахи» містила лише 6 орнітонімів, «Дикі хижі птахи» налічували 10 орнітонімів, а остання група ФО із компонентом «Дикі нехижі птахи» є найчисленнішою та містить 20 лексем на їх позначення. Дослідження показало кількісну нерівномірність представленості видових концептів англійських фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом, що засвідчує різну значущість того чи іншого виду птахів для національної свідомості.

Фразеологізми проаналізовано в аспекті їх структури та семантики, визначено кількісні показники типів фразеологізмів на основі їх структурно-семантичної класифікації за О.В. Куніним. Результати аналізу фразеологічних одиниць з орнітонімами дають нам змогу стверджувати, що у їх структурі переважають комунікативні фразеологічні одиниці, вони мають схожі риси, адже описують фізичні характеристики, поведінку та звички птахів, ознаки, пов'язані з уживанням їжі, як і суб'єктивні уявлення людини про домашніх птахів і традиції вживання певних видів птахів у людську їжу, розмаїття зооморфних метафор.

Ключові слова: фразеологічні одиниці, орнітоніми, концепт, переклад, семантика, семантичне значення.

Статья посвящена исследованию семантики и структуры фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в лексической системе английского языка. Фразеологизмы проанализированы в аспекте их структуры и семантики, определены количественные показатели типов фразеологизмов на основе их структурно-семантической классификации А.В. Кунина. В результате проведенного исследования была разработана семантическая классификация фразеологических единиц с компонентом «Птицы», представленная автором в форме видовых и родовых категорий. Исследование показало количественную неравномерность представленности видовых концептов английских фразеологических единиц с компонентом-орнитонимом, что удостоверяет разную значимость того или иного вида птиц для национального сознания.

Ключевые слова: фразеологические единицы, орнитонимы, концепт, перевод, семантика, семантическое значение.

Виразниками світоглядних домінант етносу є фразеологізми, які «вносять до комунікативного процесу цілий світ смислів, особливу образність, виразність, експресивність, аксіологічність, що ґрунтується на комплексі відчуттів, почуттів, уявлень народу, інтерсеміотичних сценаріях культури певного етносу або цивілізації» [1, с. 12].

Фразеологічний фонд мови неодноразово ставав об'єктом дослідження багатьох вітчизняних і закордонних лінгвістів. Зооморфні фразеологізми в англійській та українській мовах досліджували Є.К. Буточкіна та Я.В. Григошкіна [2]. З.Р. Дубравська [3] проаналізувала зооніми як окремі лексичні одиниці та як компоненти сталих виразів в англійській мові, розглянувши їхню семантику, функції й переклад на українську мову. Особливості семантичного й прагматичного аспектів зооморфних фразеологізмів в англійській та українській мовах стали предметом дослідження І.А. Салати [4].

Наслушну думку 3.Р. Дубравської, зооніми вирізняються високим ступенем поширеності та активно використовуються в різних мовах для підсилення образної характеристики людини, ситуації, досить повно й концептуально подають різні сфери матеріального й духовного життя народу. Вони репрезентують життєвий досвід людини, її поведінку, притаманні їй якості та допомагають у створенні загального образу, служать для позначення таких рис характеру, як: сміливість, працьовитість, сила, слабкість, лицемірство [3, с. 51].

Серед усіх зоонімів англійської мови у фразеологічних одиницях найчастіше зустрічаються: cat (кішка), calf (теля), cow (корова), dog (собака), donkey (віслюк), fox (лисиця), goat (козел), hare (заєць), horse (кінь), lamb (ягня), leopard (леопард), lion (лев), monkey (мавпа), mule (мул), ох (віл), рід, swine (свиня), rat (пацюк), sheep (вівця), squirrel (білка), tiger (тигр), wolf (вовк) та птахи: chicken (курча), cock (півень), coot (лисуха), crow (ворона), dotterel (сивка), dove (голуб), duck (качка), eagle (орел), goose (гусак), hawk (яструб), hen (курка), lark (жайворонок), magpie (сорока), nightingale (соловейко), parrot (горобець), peacock (павич), pigeon (голуб), swan (лебідь), vulture (гриф) [5, с. 112].

Таким чином, фразеологічні одиниці (ФО), що містять орнітоніми, являють собою досить велику групу лексичних одиниць, але незважаючи на значну кількість праць, фразеологізмам присвячених i3 зоосемічним компонентом, вони ще не є повністю дослідженими. У цій статті маємо на меті розглянути проблему обсягу та кваліфікативних ознак фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом у системі англійської мови.

У роботі для вивчення усталених словосполук з лексемамиорнітонімами використано методи спостереження та аналізу. Матеріалом дослідження були англійські фразеологізми із назвами птахів, дібрані методом суцільної вибірки.

Нами було розроблено семантичну класифікацію з метою аналізу фразеологізмів особливостей компонентом «Птахи», яку ведено на рис. 1. Відповідно до запропонованої схеми аналізовані ФО із компонентом «Птахи» розгалужуються на дві групи із такими складовими: «Свійські птахи» та «Дикі птахи». Остання ділиться на групу ФО із компонентом «Дикі хижі птахи» та групу ФО із компонентом «Дикі нехижі птахи».

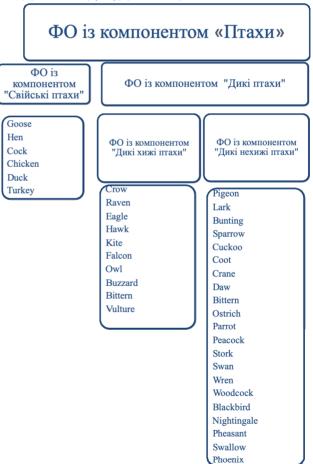

Рис. 1. Семантична класифікація фразеологічних одиниць із компонентом «Птахи»

У результаті проведеного дослідження було встановлено, що серед усіх фразеологічних одиниць з компонентом-орнітонімом присутні 36 назв пташок, тому до кожної групи нами було підібрано номени на позначення тих чи інших видів птахів. Відповідно, перша аналізована група Φ О із компонентом «Свійські птахи» містила лише 6 орнітонімів, «Дикі хижі птахи» налічувала 10 орнітонімів, а остання група Φ О із компонентом «Дикі нехижі птахи» є найчисленнішою та містить 20 лексем на їх позначення (рис. 2).

Табл. 1 містить кількісний аналіз наповненості ФО із компонентом «Свійські птахи» у англійській мові. Принагідно зазначимо, що серед свійських птахів найчастіше вживаються goose (гуска) — 77 ФО, hen (курка) — 49 ФО, cock (півень) — 42 ФО; серед диких хижих птахів домінують фразеологізми з компонентами crow (ворона). Наведені дані засвідчують значну кількісну перевагу англійських ФО із концептом — назвою домашніх птахів порівняно з ФО із концептом — назвою хижих птахів.

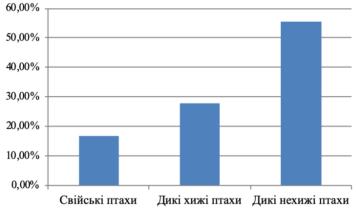

Рис. 2. Кількісне співвідношення ФО із орнітонімами

ФО з компонентом-орнітонімом, як і ФО з зоокомпонентом, як і вся оцінна лексика, сприяють вираженню почуттів, реакцій, емоційного життя людини в цілому, формуючи і позначаючи ціннісну картину світу, зокрема оцінку предметів з етичних і естетичних норм цього мовного колективу (укр. добрий — поганий, чорний — білий, англ. good — bad, black — white). Вони характеризують семантичний варіант, який включає в себе основу номінації, до якої додається значення характеристики, що ускладнює структуру варіанта і вносить до неї якісну зміну. У той же час лінгвістична специфіка цього значення виявляється в тому, що зміст характеристики обумовлено не стільки якостями реального позалінгвістичного об'єкта, скільки якостями, що приписуються цьому об'єкту колективною мовною свідомістю. Мова реєструє, закріплює ці якості як властиві денотату, що дозволяє регулярно використовувати назву об'єкта як еталон певних якостей [6, с. 17–18]. Наприклад, комунікативні ФО а crow is never the whiter for washing та її варіант crow is never the whiter for washing herself often, а також the crow went travelling abroad and come back just as black, об'єктивують концептуальну ознаку а crow is black. Конотативне значення наведених фразеологізмів носить негативний характер, а концептуальна ознака розглядається як незмінна та постійно властива об'єкту.

Таблиця 1 Кількісний аналіз наповненості ФО із компонентом «Птахи» у англійській мові

Кількість ФО	Компонет- орнітонім	Приклад
1	2	3
77	goose	 kill the goose that lays the golden egg – підрубати сук, на якому сидиш the goose hangs high – все йде як по маслу to cook someone's goose – вирити самому собі яму what's sauce for the goose is sauce for the gander – який стук, такий грюк wouldn't say boo to a goose – мухи не зачепить

Закінчення табл. 1

Кількість ФО	Компонет- орнітонім	Приклад
1	2	3
49	hen	— hen with one chicken — метушлива людина, клопотуха — hen-party — дівич-вечір — like a hen on a hot girdle — як на голках; не в своїй тарілці — one chick keeps a hen busy — одна дитина завдає матері багато клопоту — scarce as a hen`s teeth — як кіт наплакав
42	cock	—as the old cock crows, so doth the young — яка яблунька, такі й яблучка — at cock-crow — на світанку — cock and bull — нісенітниця, казка про білого бичка — cock of the school — верховода, заводій, забіяка у школі — to live like a fighting cock — жити на широку ногу
34	crow	 – as wise as an old crow – дуже мудрий – yellow as a crowd`s foot – жовтий як лимон – as black as a crow – дуже чорний – a white crow – біла ворона – breed up crows and they and they will peck your eyes out – за моє жито та мене ж і бито
30	chicken	 – chicken feed – дурниця, нісенітниця – count one`s chicken before they are hatched – ділити шкуру неубитого ведмедя – don't count your chicken before they are hatched – курчат восени лічать – spring chicken – молоко на губах не обсохло, жовторотий юнак – chickens come home to roost – нашим салом та по нашій шкурі
23	duck	— knee high to a duck — горобцю по коліна — fine weather for ducks — дощова погода — like a dying duck in a thunderstorm — як мокра курка — lame duck — невдаха — like water off a duck's back — як з гуски вода
19	pigeon	 little pigeons can carry great messages – мале тілом, та велике духом pigeon's milk – пташине молоко pluck a pigeon – обдерти як липку stool pigeon – шпигун to put the cat among the pigeons – викликати переполох
15	hawk	— hungry as a hawk — голодний як вовк — watchful as a hawk — зіркий, як яструб — hawks will not pick out hawks` eyes — чорт чорту ока не виколе — empty hand is no lure for a hawk — суха ложка рот дере — to watch like a hawk — не відводити очей
15	owl	— as silly as an owl — дурний аж світиться — screech owl — людина, що приносить погані новини — as blind as an owl — сліпий як кріт — to carry owls to Athens — у ліс дрова возити, в криницю воду лити — as drunk as an owl — п'яний як чіп
14	lark	– as cheerful as a lark – веселий як весняний жайворонок – get up with the lark – вставати з півнями – give a lark to catch a kite – поміняти шило на швайку – if the sky falls we shall catch larks – якби та якби та виросли в роті гриби
12	sparrow	– a sparrow in the hand is better than the pigeon in the roof, a sparrow in the hand is worth more than vulture flying – краще синиця в жмені, ніж журавель у небі

Структури ФО з компонентом-орнітонімом мають схожі риси, адже вони описують фізичні характеристики, поведінку та звички птахів, ознаки, пов'язані з уживанням їжі, як і суб'єктивні уявлення людини про домашніх птахів і традиції вживання певних видів птахів у людську їжу, розмаїття зооморфних метафор.

ISSN 2523-4463 (print) ISSN 2523-4749 (online)

У межах структурно-семантичної класифікації О.В. Кунін виділив такі структурносемантичні типи фразеологічних одиниць.

- 1. Номінативні ФО, тобто фразеологізми, що означають предмети, явища і тощо.
- 2. Номінативно-комунікативні ФО. Сюди належать дієслівні ФО, які можуть трансформуватися в речення при вживанні дієслова в пасивному стані.
- 3. Вигукові і модальні ФО, тобто ФО, що виражають емоції, волевиявлення тощо, але не володіють предметно-логічним значенням.
  - 4. Комунікативні ФО, тобто ФО зі структурою простого та складного речення [7, с. 243–331].

Структурно-семантичні типи ФО за О.В. Куніним для фразеологізмів з номенами на позначення домашніх птахів наведено у табл. 2.

Таблиця 2 Семантична класифікація фразеологічних одиниць із компонентом «Свійські птахи»

	Структурно-семантичний тип ФО			
Орнітонім	Номінативні	Номінативно- комунікативні	Вигукові	Комунікативні
Goose	7	9	-	61
Hen	7	5	-	37
Cock	10	9	-	23
Chicken	6	8	-	10
Duck	6	4	2	11
Turkey	1	1	-	2

У нашому дослідженні більш детально проаналізуємо структурно-семантичні типи ФО з концептом «Дикі птахи», які кількісно переважають у англійській мові відповідно до даних табл. 1.

Концепт *CROW* за О.В. Куніним можна класифікувати таким чином.

- 1. Номінативні (6): crow bait, a white crow (субстантивні); as black as a crow, like a crow in a gutter; safe as a crow in a gutter, as hoarse as an (old) crow (ад'єктивні).
- 2. Номінативно-комунікативні (3): to say the crow is white; to shoot at a pigeon and kill a crow, to have a crow to pluck (pull) with one.
- 3. Комунікативні (25): no carrion will kill a crow; a crow is never the whiter for washing; you look as if you would make the crow a pudding.
  - ФО з компонентом *HAWK* поділяються на такі групи.
  - 1. Номінативні (2): a little hawk; between hawk and buzzard.
- 2. Номінативно-комунікативні (3): to know/tell a hawk from a handsaw; to watch somebody/something like a hawk; to have eyes like a hawk.
- 3. Комунікативні (10): a bitten makes no good hawk; hawks will not pick hawk`s eyes out; empty hands to hawks allure.
  - ФО з концептом *OWL* за O.B. Куніним можна класифікувати таким чином.
- 1. Номінативні (6): a might owl; an owl in an ivy-bush (субстантивні), as blind as an owl; like an owl in an ivy-bush; as solemn as an owl; as wise as an owl (ад'єктивні).
  - 2. Номінативно-комунікативні (2): to fly with the owl, to send (carry) owls to Athens.
- 3. Комунікативні (7): an owl is the king of the night; when the owl sings the nightingale will hold her peace; I have lived too near a wood to be frightened by owls.

Згідно із структурно-семантичною класифікацією О.В. Куніна, ФО з орнітонімом РІ-GEON (DOVE) поділяються на такі групи.

- 1. Номінативні (4): Paul's pigeon; Noah's dove (субстантивні), as wise as a dockyard pigeon; as innocent (harmless, simple) as a dove (ад'єктивні).
- 2. Номінативно-комунікативні (7): to shoot a pigeon and kill a crow; to put the cat among pigeons; to catch two pigeons with one bean; to milk a pigeon.
- 3. Комунікативні (8): little pigeons can carry great messages; better a sparrow in the hand than a pigeon on the roof; eagles do not breed doves.

Чотирнадцять ФО англійської мови містять компонент LARK, за О.В. Куніним їх можна класифікувати таким чином.

- 1. Номінативні (1): as merry (дау, happy) as a lark (ад'єктивні).
- 2. Номінативно-комунікативні (6): give a lark to catch a kite, sing like a lark.
- 3. Комунікативні (7): he thinks that larks will fall into his mouth; lovers live by love, as larks live by leeks.
  - ФО з компонентом SPARROW поділяються на такі групи.
  - 1. Номінативні (2): as pert as a sparrow; lustful as a sparrow (ад'єктивні).
- 2. Комунікативні (10): a sparrow in hand is better than a pigeon on the roof; old sparrows are ill to tame; two sparrows upon one ear of wheat cannot agree.
- У формі діаграми, наведеної на рис. 2, систематизовано проведені дослідження фразеологічних одиниць із компонентом «Дикі птахи», які кількісно переважають у англійській мові відповідно до даних табл. 1.

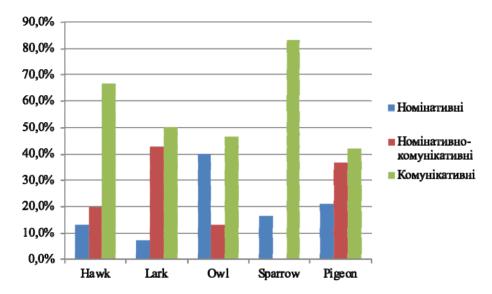

Рис. 3. Семантична класифікація фразеологічних одиниць із компонентом «Дикі птахи»

Висновки. 1. У результаті проведеного дослідження було розроблено семантичну класифікація фразеологічних одиниць із компонентом «Птахи», репрезентовану у формі видових та родових категорій.

- 2. Дослідження показало кількісну нерівномірність представленості видових концептів у англійських ФО з компонентом-орнітонімом, що засвідчує різну значущість того чи іншого виду птахів для національної свідомості, що, можливо, пояснюється різним ступенем «близькості» птахів і людини. Подібний висновок можна зробити на підставі виявлення високої щільності видових концептів саме домашніх птахів.
- 3. Ґрунтовний аналіз ФО з орнітонімами дає змогу стверджувати, що у їх структурі переважають комунікативні ФО, беручи за основу структурно-семантичну класифікацію О.В. Куніна.

Матеріал дослідження можна використовувати у подальших лінгвістичних розвідках з порівняльної та контрастивної фразеології англійської, української та інших мов.

Список використаної літератури

- 1. Селіванова О.О. Нариси української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспект) / О.О. Селіванова. К. Черкаси: Брама, 2004. 276 с.
- 2. Буточкіна Є.К. Зооморфні фразеологізми в англійській та українській мовах / Є.К. Буточкіна, Я.В. Григошкіна // Вісник студентського наукового товариства ДонНУ імені Василя Стуса. 2017. Вип. 2. №. 8. С. 98—102.
- 3. Дубравська З.Р. Зооніми як окремі лексичні одиниці та як компоненти сталих виразів / З.Р. Дубравська // Молодий вчений. 2018. № 3.1 (55.1). С. 51—53.

- 4. Салата І.А. Особливості семантичного й прагматичного аспектів зооморфних фразеологізмів в англійській та українській мовах / І.А. Салата // Філологічні студії. 2010. Вип. 5. С. 57—64.
- 5. Панченко Е.И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в украинском и английском языках/ Е.И. Панченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 111—114.
- 6. Нагорна О.О. Етнокультурні особливості семантики англійських фразеологізмів (на мат. британського варіанта англ. мови): автореф. ... дис. канд. філол. наук / О.О. Нагорна. Одеса, 2008. 21 с.
- 7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

PHRASEOLOGISMS WITH ORNITHONYMS IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

Nataliia M. Tymoshchuk, Vinnytsia National Agrarian University (Ukraine).

ORCID: 0000-0001-5638-5825 E-mail: redish_fox15@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-20

Key words: phraseological units, ornithonyms, concept; translation, semantics; semantic meaning.

The article researched the semantics and structure of English phraseological units denoting birds as a part of the English lexical system. It has been noted that the scientific works of O.V. Kunin, A.M. Baranov, V.P. Zhukov, M. Johnson and M. Blek were the methodological and theoretical basis of our research.

We have developed a semantic classification to analyze the features of phraseological units denoting birds. According to it they are divided into two groups with the following components, i.e. poultry and wild birds. The phraseological units denoting wild birds can be also divided into two groups, i.e. birds of prey and nonpredatory birds. As a result of the study, it was found that among all the phraseological units denoting birds there are 36 names of birds. Accordingly, the first analyzed group with the poultry component contained only 6 terms, birds of prey numbered 10 terms, and the last group with the nonpredatory birds component is the most numerous and contains 20 notions.

According to the quantitative analysis of phraseological units denoting birds it should be noted that among phraseological units denoting birds the word goose is the most frequently used, there are 77 phraseological units containing it. Speaking about the word hen we should mention that there are 49 phraseological units containing it. There are 42 phraseological units containing the word cock. The phraseological units with crow dominate among wild birds. The given data testify to the significant quantitative advantage of English phraseological units with names of poultry in comparison with phraseological units with names of predatory birds.

The phraseological units denoting birds have similar features as they describe the physical characteristics, behavior and habits of birds, signs related to the use of food, as well as subjective perceptions of humans about the birds and the tradition of the use of certain species of birds in human food, the diversity of zoomorphic metaphors.

The phraseological units were analyzed considering their structure and semantics on the basis of their structural and semantic classification according to O.V. Kunin. As a result of the research, a semantic classification of phraseological units with a Birds component was developed, represented in the form of species and generic categories. The research has shown the quantitative unevenness of the species in English. It is caused by the different significance of some birds species for national consciousness.

References

- 1. Selivanova, O.O. *Narysy z ukrainskoi frazeolohii (psykhokohnityvnyi ta etnokulturnyi aspekty)* [Essays on Ukrainian phraseology (psycho-cognitive and ethno-cultural aspect)]. Kyiv, Cherkasy, Brama Publ., 2004, 276 p.
- 2. Butochkina, Ye.K., Hryhoshkina, Ya.V. Zoomorfni frazeolohizmy v anhliiskii ta ukrainskii movakh [Zomorphic phraseologisms in English and Ukrainian languages]. Visnyk studentskoho naukovoho tovarystva DonNU imeni Vasylia Stusa. [Bulletin of Student Scientific Society of DonNU named after Vasyl Stus], 2017, no. 8, pp. 98-102.

- 3. Dubravska, Z.R. *Zoonimy yak okremi leksychni odynytsi ta yak komponenty stalykh vyraziv* [Zoonims as separate linguistic units and components of idioms]. *Molodyi vchenyi* [Young Scientist], 2018, no. 3.1 (55.1), pp. 51-53.
- 4. Salata, I.A. *Osoblyvosti semantychnoho y prahmatychnoho aspektiv zoomorfnykh frazeolohizmiv v anhliiskii ta ukrainskii movakh* [Features of semantic and pragmatic aspects of zoomorphic phraseologisms in the English and Ukrainian languages]. *Filolohichni studii* [Philological Studies], 2010, no. 5, pp. 57-64.
- 5. Panchenko, E.I. Frazeologizmyi s komponentom-zoonimom v ukrainskom i angliyskom yazyikah [The phraseologisms with component-zoonym in Ukrainian and English languages]. Uchenyie zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsialnyie kommunikatsii» [Scientific notes V.I. Vernadsky Taurida National University. Series Philology. Social Communications], 2014, Vol. 27 (66), no. 1, pp. 111-114.
- 6. Nahorna, O.O. *Etnokulturni osoblyvosti semantyky anhl. frazeolohizmiv (na mat. brytanskoho variantu anhl. movy)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Ethno-cultural peculiarities of English semantics phraseologisms (British English and American English). Extended abstract of cand. philol. sci. diss]. Odesa. 2008, 21 p.
- 7. Kunin, A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyika* [Course of modern English phraseology]. Moscow, Vyisshaya shkola Publ., 1996, 381 p.

Одержано 5.09.2019.

УДК 811.161.2:81'373.46

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-21

л.м. томіленко,

кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу лінгвістики Українського мовно-інформаційного фонду НАН України (м. Київ)

РЕЛІГІЙНА ЛЕКСИКА В УКРАЇНСЬКІЙ ПЕРЕКЛАДНІЙ ЛЕКСИКОГРАФІЇ 1918—1933 РОКІВ (на прикладі іменників)

У статті розглянуто іменникову релігійну лексику, зафіксовану в російсько-українських перекладних словниках 1918—1933 рр. («Словник московсько-український» (1918) В. Дубровського, «Російсько-український словник» (1918) С. Іваницького та Ф. Шумлянського, «Російсько-український словник» (1924—1933) за ред. А. Кримського та С. Єфремова). Усі названі лексикографічні праці за часів незалежності було перевидано й оцифровано. З'явилося також чимало лінгвістичних розвідок, присвячених так званим репресованим словникам. Хоча комплексного аналізу лексики, зафіксованої в російсько-українських джерелах початку XX ст., ще не було зроблено.

Невід'ємною частиною реєстрів загальномовних словників є лексика релігійної царини. Попри кардинальні зміни в житті країни, спричинені революційними подіями, російсько-українські перекладні джерела 1918—1933 рр. ще фіксують у своїх реєстрах суттєву кількість такої лексики. Загалом у трьох згаданих словниках нараховується майже півтори тисячі слів-іменників на позначення релігійних найменувань. Переважна їх частина добре відома дотепер. Однак наявні й лексеми, відсутні в сучасній мовній практиці й словниках української мови післяреволюційної доби. Найбільше відмінних назв міститься в «Російсько-українському словнику» за ред. А. Кримського та С. Єфремова.

Ключові слова: релігійна лексика, іменники, російсько-український перекладний словник, загальномовний словник.

В статье рассмотрена религиозная лексика (имена существительные), зафиксированная в «Словаре московско-украинском» (1918) В. Дубровского, «Русско-украинском словаре» (1918) С. Иваницкого и Ф. Шумлянского, «Русско-украинском словаре» (1924—1933) под ред. А. Крымского и С. Ефремова. Проведен ее комплексный анализ. В частности, выделены основные тематические группы сакральных лексем, отобраны и исследованы единицы, отсутствующие в новых общеязыковых словарях. Выполнен сравнительный анализ с наименованиями, представленными в современных источниках.

Ключевые слова: религиозная лексика, имена существительные, русско-украинский переводной словарь, общеязыковой словарь.

Віра й релігія — невід'ємні складники людського суспільства від самого початку його зародження. І політеїзм, і монотеїзм ґрунтуються на вірі людини в надприродні, вищі сили. З розвитком релігійних знань, напрямів, течій і т. ін. формується й лексикон цієї сфери життя. З'являються наукові розвідки, різноманітні довідники, енциклопедії, словники тощо, присвячені вивченню й унормуванню одиниць релігійної царини. Починаючи з 90-х років, відроджується інтерес до релігійної лексики серед українських науковців, зокрема й мовознавців. Питання історичного розвитку одиниць релігійної царини висвітлюють дослідження В. Німчука, Н. Пуряєвої, Ю. Осінчука та ін. У художніх творах сакральні лексеми досліджували Н. Піддубна, Ю. Браїлко, Д. Гурська, О. Ципердюк та багато ін.

«Оскільки релігійна лексика — один із найдавніших невід'ємних складників лексикосемантичної системи української мови, що розвивається за загальними законами й тенденціями, її вивчення уможливлює розкриття важливих механізмів вербалізації релігійної картини світу українців, їхньої ментальності», — зазначає Н. Піддубна [6, с. 130].

Великі тлумачні й перекладні словники різних часових періодів, що вміщують переважну кількість слів загального вжитку, найпоширенішу галузеву, діалектну, професійну тощо лексику, фіксують у своїх реєстрах і значну частину одиниць релігійної царини. Особливості подання й опрацювання релігійної лексики в лексикографічних джерелах описано в розвідках Н. Піддубної (на матеріалі переважно тлумачних словників різних часових періодів) [1], А. Ковтун (у сучасній українській мові) [2], О. Ковтунець (на матеріалі сучасних тлумачних словників) [3], О. Мирончука (на матеріалі «Словника української мови» в 11 томах [4], І. Ренчки (на матеріалі сучасних тлумачних і перекладних словників та «Словника української мови» в 11 томах) [5] та ін.

У цій статті розглянемо особливості представлення сакральних лексем (українських реєстрових частин) у трьох відомих російсько-українських перекладних джерелах початку ХХ ст.: «Словнику московсько-українському» (1918 р.) В. Дубровського (далі — СМУ), «Російсько-українському словнику» у 2 томах (1918 р.) С. Іваницького та Ф. Шумлянського (далі — РУС-18) й «Російсько-українському словнику» в 4 томах (1924—1933 рр.) за редакцією А. Кримського і С. Єфремова (далі — РУС-24—33), четвертий том якого, на жаль, не знайдено дотепер. Для порівняння в разі потреби залучатимемо й «Словарь української мови» в 4 томах (1907—1909 рр.) Б. Грінченка.

Усі названі словники за часів незалежності було оцифровано й перевидано, що свідчить про значний інтерес сучасників до лексикографічної спадщини минулого (зокрема до заборонених або мало згадуваних у радянські часи праць). Останніми роками з'явилося також чимало лінгвістичних розвідок, присвячених «репресованим» словникам. Однак комплексного аналізу лексики, зафіксованої в них, ще не було зроблено.

Завдяки електронним лексикографічним системам, створеним на основі оцифрованих копій згаданих вище словників початку ХХ ст., отримано весь реєстр українських слів. Опис будови й функціоналу цих систем міститься в уже раніше опублікованих статтях у співавторстві з О. Рабульцем. Додатково створено іменникову базу реєстрів, що має широкі можливості (рис. 1). Вона, зокрема, дозволяє дібрати: 1) усі реєстрові іменники трьох словників (СМУ, РУС-18, РУС-24—33) + реєстр «Словаря української мови» Б. Грінченка; 2) перетини реєстрів усіх словників; 3) спільну іменникову лексику трьох або двох словників; 4) лексику, яка міститься лише у якомусь одному джерелі; 5) слова за морфемами тощо.

Саме за допомогою іменникової бази реєстрів було дібрано всю релігійну лексику для цього дослідження. На рис.1. можна побачити фрагмент вибірки «Перетин реєстрів» (4). Перша колонка — усі іменники, що містяться в РУС-24—33 (InKE), друга — у СМУ (InDubr), третя — у РУС-18 (InIvSh), четверта — весь реєстр «Словаря української мови» Б. Грінченка (InHrinch).

Отже, **мета статті** — дослідити особливості подання іменникової релігійної лексики в російсько-українських перекладних словниках початку ХХ ст. Поставлена мета передбачає розв'язання таких основних завдань: підрахувати кількість слів-іменників на позначення релігійних понять в аналізованих джерелах; виділити основні тематичні групи релігійної лексики; порівняти дібрані одиниці з тими, що містяться в сучасних словниках.

Попри кардинальні зміни в житті країни, спричинені революційними подіями, переходом до абсолютно нового — радянського — життя перекладні російсько-українські словники 1918—1933 рр. ще фіксують у своїх реєстрах суттєву кількість релігійної лексики. Загалом у трьох словниках (СМУ, РУС-18 і РУС-24—33) нараховується майже півтори тисячі слів-іменників на позначення понять релігійної царини. Як різні за обсягом і часом укладання вони містять у своєму складі неоднакову кількість слів. За нашими підрахунками, разом у всіх джерелах нараховується майже 200 спільних іменників — релігійних найменувань. У СМУ і РУС—18 (без РУС-24—33) — приблизно 12 одиниць, у СМУ і РУС-24—33 (без РУС—18) — понад 50 назв, а в РУС-18 і РУС-24—33 (без СМУ) — більше 150 найменувань. Є також релігійні назви, що містяться лише в якомусь одному зі словників. Найбільше унікальної лексики містить РУС-24—33 — приблизно 700 одиниць. Значно менше РУС-18 — понад 150 іменників. Незначну кількість (не більше 50) відмінних назв зафіксовано в СМУ.

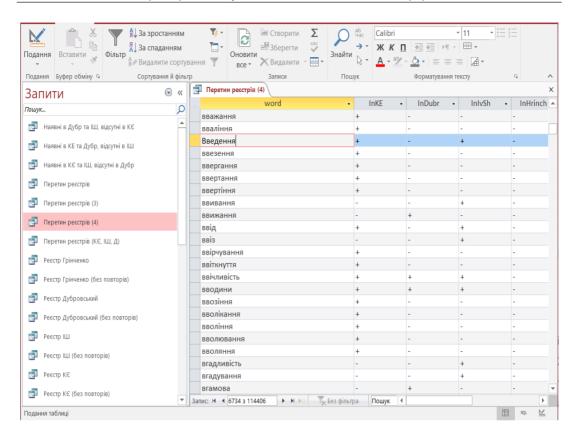

Рис. 1. Іменникова база реєстрів. Вибірка «Перетин реєстрів (4)»

Зауважимо, що добір спільної релігійної лексики в словниках виявився досить непростим завданням, оскільки чимало назв мають різне написання. Пор.: анахтема (усі словники) і анатема (СМУ, РУС-24—33); архирей (СМУ, РУС-18), архиєрей (РУС-18) і архірей (РУС-24—33); безгрішшя (СМУ, РУС-24—33), безгрішша (РУС-18); біскуп (РУС-18, РУС-24—33) і бискуп (СМУ); идол (РУС-18, РУС-24—33), иділ (РУС-18) й ідол (РУС-24—33); єрарх, єрей (РУС-18) та ієрарх, ієрей (РУС-24—33) і причастник / причастниця (СМУ); священик (СМУ, РУС-24—33) і с(ь)в'ященик (РУС-18) і т. ін.

Трапляються навіть різнобої в написанні того самого слова в різних словникових статтях однієї лексикографічної праці. Наприклад: *Пречисник* у статті «праздникъ і *Пречис(m)ник* у статті «нерукотворённый, нерукотворный» (РУС-18), *псалмист* у статті «псалмопевец» і *псальміст* у статті «песнопевец» (РУС-24—33). Крім цього, не потрібно забувати, що четвертий том РУС-24—33, який міг би також містити якусь частину спільних одиниць, утрачено.

На відміну від багатьох інших груп лексики, переважна частина релігійних назв, зафіксованих у досліджуваних словниках, добре відома дотепер. Імовірно, тому що за радянських часів їх практично не замінювали іншими відповідниками. Релігійні лексеми або не вводили до реєстрів, або ж вибірково подавали з обмежувальними ремарками й заідеологізованими (атеїстичними) дефініціями в тлумачних словниках (прикладом може бути академічний «Словник української мови» в 11 томах), оскільки «однією з передумов поступу радянського суспільства до комуністичного майбутнього було викорінення релігійних вірувань із свідомості мас» [5 с. 147]. До того ж це був лише початок радянської епохи. Крім названих причин, за спостереженням Н. Піддубної, традиційно релігійну лексику вважають однією з найстабільніших, а релігійний стиль одним із найконсервативніших у плані змін і взаємодії з іншими стилями [6, с. 135].

Отже, більшість уживаних і нині іменників, частина яких має незначні відмінності в написанні, входить до таких кількісно найширших тематичних груп:

1) назви на позначення осіб. У цій групі можна виділити кілька підгруп:

- найменування священнослужителів відповідно до їхніх посад, звань і т. ін.: владика¹, настоятель, патріярх (патріярха) і патріарх (РУС-18), протодиякон, протоєрей і протоієрей (РУС-24—33), чернець / черниця тощо;
- назви людей як сповідувачів якоїсь віри: буддист і буддієць (РУС-24—33), католик (РУС-18, РУС-24—33) і кателик (СМУ, вульг. РУС-24—33), католичка (РУС-18, РУС-24—33) і кателичка (СМУ, вульг. РУС-24—33), лютеранин (РУС-18, РУС-24—33) / лютеранка (РУС-24—33), одновірець, християнин (РУС-18) / християнка (РУС-18) тощо;
- найменування людей, які дотримуються встановлених релігійних догм, правил і т. ін.: говільник / говільниця, покутник / покутниця, праведник / праведниця, прочанин / прочанка, сповідник, старовір / старовірка (СМУ, РУС-18) тощо;
- назви атеїстів і грішних, нечестивих осіб: *атеїст* (РУС-18, РУС-24–33), *безбожник / безбожниця* (РУС-24–33), *безвірник / безвірниця* (РУС-24–33), *віровідступник / віровідступниця* (РУС-24–33), *грішник / грішниця* тощо.
- 2) назви сакральних, церковних предметів: божник (божниця), кадило, панікадило (РУС-24—33), плащаниця, трикирій (РУС-18) і т. ін.;
- 3) назви богослужбових книг: Біблія (РУС-18, РУС-24–33), Коран (РУС-24–33), молит-вослов (РУС-24–33), молитовник, псалтир та ін.;
- 4) назви релігійних свят: *Благовіщення, Богоявлення* (РУС-18), *Введення* (Уведення), Великдень, Пантелеймона (РУС-18), Петра (РУС-24—33), Стрітення (РУС-18) тощо;
- 5) назви церковних обрядів, таїнств, дій: миропомазання (РУС-18, РУС-24—33), постриг, сповідь, хрестини, хрещення та ін.;
- 6) назви вищих істот: *Бог, богиня, Господь, янгол* і *ангел* (РУС-24—33); а також різні найменування Ісуса Христа: *Спас* (РУС-18, РУС-24—33), *Спаситель* (РУС-18, РУС-24—33), *Христос* (РУС-18):
- 7) назви релігійних споруд: *дзвіниця, каплиця, манастир(ь), синаґоґа* (СМУ) і *синаго-га* (РУС-18), *церква* тощо;
- 8) назви одягу священнослужителів: *камилавка* (РУС-24—33) і *комилавка* (РУС-18), *підкапок, підрясник* та ін.;
- 9) назви релігійних напрямів, течій, учень, вірувань і т. ін.: буддизм (РУС-24–33), гомілетика (РУС-24–33), друїдизм (РУС-24–33), іслям (РУС-24–33) й іслам (РУС-18), іслямізм (РУС-24–33), кальвінізм (РУС-24–33), католицтво (РУС-18, РУС-24–33) і кателицтво (СМУ) тощо;
- 10) назви місць перебування душ померлих: геєна (РУС-18, РУС-24—33), пекло, рай, тартар (РУС-18), чистилище (РУС-18).

Отже, значна кількість релігійної лексики, що міститься в перекладних словниках початку XX ст. (як спільної, так і відмінної), відома дотепер і є в реєстрах сучасних загальномовних словників. Деякі слова відрізняються лише написанням. Однак наявні й лексеми, відсутні в сучасній мовній практиці й лексикографічних працях української мови післяреволюційної доби. Здебільшого вони, як зазначалося вище, містяться в РУС-24—33. І хоча згідно з дослідженням Ю. Поздрань джерела релігійного змісту займають у РУС-24—33 всього лише 0,83 % [7, с. 55], загалом у ньому нараховується не менше тисячі сакральних одиниць (і це тільки іменники).

Особливо цікавими для наукового вивчення є українські реєстрові слова (маловідомі, рідковживані, невідомі), не зафіксовані в сучасних словниках. Тому зупинимося на них докладніше. Перед описом доречно зауважити, що для порівняння не беремо до уваги наявність слова в так званому клоні — лексикографічній праці, розміщеній в Інтернетмережі, яка повністю або значною мірою відтворює реєстр словників початку XX ст.

Згідно з проаналізованим матеріалом, у досліджуваних лексиконах зафіксовано чимало пов'язаних із вірою абстрактних іменників (переважно складних найменуванькомпозитів) на -ств(о), що в сучасних лексикографічних джерелах мають інші відповідники або відсутні взагалі. Наприклад, у всіх працях наявне слово маловірство (у сучасних словниках — маловір'я). Хоча названий іменник не введено до реєстрів нових загальномовних словників, проте є чимало контекстів у релігійних джерелах і художніх творах, які підтверджують його використання донині. Як синонім у цьому значенні подано слово

¹ Назви, які зафіксовано в усіх аналізованих словниках, подаємо без зазначення джерел.

недовірство (СМУ і РУС-24—33), що вже є менш уживаним. У трьох розглядуваних словниках також наявне маловідоме й малопоширене слово правовірство. Лише в РУС-24—33 є і його сучасний відповідник правовірність.

В аналізованих джерелах трапляється й іменникова лексика, що означає поклоніння кому-, чому-небудь, ушанування чогось. Подібні слова тепер теж мають інші відповідники або вживаним є лише якийсь один із синонімічних варіантів. Скажімо, досить поширеними в розглядуваному матеріалі є складні іменники з другою частиною -хвальство (замість -поклонство).

Відома лексема вогнепоклонство в РУС-18 має відповідник вогнехвальство (РУС-24—33—огнехвальство). Цікаво, що на позначення особи, яка поклоняється вогню, у РУС-18 подано два відповідники—вогнехвалець і вогнепоклонник, у РУС-24—33—огнепоклонець й огнехвалець. А ось СМУ фіксує лише один відповідник—вогнехвалець. Іменник вогнехвальство тут узагалі відсутній.

Сучасні назви ідолопоклонство (идолопоклонство — РУС-18) й ідоловірство (РУС-24—33) в аналізованих словниках мають ще й такі невідомі еквіваленти: боввохвальство (СМУ, РУС-18), (уст.) болвохвальство (РУС-24—33), ідольство (РУС-24—33) і идольство (РУС-18), ідолянство (РУС-24—33), ідолохвальство (РУС-24—33).

В усіх працях зафіксовано не поширені нині й відсутні в сучасних джерелах синонімічні назви до відомих іменників *іконоборець, іконоборство* (ці слова ε і в РУС-24—33) — *образоборець, образоборство*.

Крім розглянутих (переважно складних) абстрактних назв на **-ств(о)**, у РУС-24—33 подано й прості іменники, яких немає в реєстрах сучасних словників. Вони майже не трапляються і в текстах новітнього періоду: *дервішівство* (від *дервіш*), *імамство* (від *імам*), *кальвінство* (як синонім до *кальвінізм*), *мохамеданство* (як синонім до *іслам*, *мусульманство*).

Варто зауважити, що для лексики релігійної царини (як і інших галузей) у РУС-24—33 характерне розрізнення за значенням іменників на -ств(о) і -нн(я). Наприклад: капелянство (на позначення звання капелана) і капелянування (виконання обов'язків капелана). Так само загальновідоме слово митрополитство в РУС-24—33 вживається лише зі значенням «сан митрополита», перебування ж у цьому сані має не фіксований зараз відповідник митрополитування. Подібно лексикографовано лексеми настоятельство і настоятелювання та ін. Однак іменники пастирство (пастирування), пасторство (пасторування) подано без поділу на значення (в одній статті).

Незважаючи на превалювання абстрактних іменників, трапляються в досліджуваному матеріалі й конкретні назви, невідомі чи рідковживані нині. Наприклад, російське слово «поручь (поручи)», що вживається на позначення нарукавників у священика, в усіх словниках початку XX ст. перекладено як нараквиця (нараквиці). Натомість сучасні словники, а також СУМ-11 фіксують спільну з російською назву — поручі.

У всіх трьох словниках зафіксовано добре відомі дотепер найменування представників однієї з християнських течій (католицизму) — католик (кателик) і католичка (кателичка). На позначення ж православних вірян лише в РУС-24—33 подано іменник православник (і тільки ч. р.), який міститься й у «Словарі української мови» Б. Грінченка. У РУС-18 російське слово «православный» перекладено як православний, благочестивий, правоздатний. А ось СМУ подає тільки один відповідник — благочестивий. У РУС-24—33 це слово вже марковане як застаріле.

В аналізованих працях спостерігається різнобій і в написанні складних слів із першими частинами пів-, багато- (які закріпилися в українській мові) та полу-, много- (що є характерними для російської мови). Пор.: півбог (СМУ, РУС-24—33) і полубог (СМУ), багатобожжя, багатобожник (РУС-24—33) і многобожжа (РУС-18), многобожжя (СМУ), многобожник (РУС-18). На сучасному етапі складник много- (як варіант багато-) залишається досить уживаним у математичній термінології.

Упадає в око велика кількість складних слів у РУС-24—33 з першою частиною бого-, що відсутні у двох інших словниках. Більшість із них не потрапила й до реєстрів сучасних загальномовних лексикографічних праць. Однак чимало одиниць можемо побачити в релігійних текстах: богоборник (є і сучасний відповідник богоборець), боговгодник / боговгодниця, боговидець, богоглаголання (і богоповідання), богодавець, богознавство, боголюб (і боголюбець), боголюбство, богомілка, богомудрість, богоненавидник, богонос (і богоносець), богопізнання, богопошана, богоприїмець (богоприїмник), богословія (і богослів'я),

богохвалець, богохваління, богохваля, богохула (і богохульба, богозневага), богошановник / богошановниця, богошанування, богоява.

У цьому ж словнику міститься чимало складних слів із першою частиною іконо- (переважно на позначення осіб), серед яких є й відсутні в сучасних джерелах: іконолюб (іконолюбець), ікононосець, іконописниця, іконопоклонець (іконохвалець), іконопоклонка (іконохвальниця), іконо(по)шановник / іконо(по)шановниця тощо; лже-: лжевіра (лжевірство, лжевір'я), лжевірець, лжеєпіскоп, лжемесія (лжехрист) та ін.

У РУС-24—33 зафіксовано також низку складних слів із препозитивною частиною перво-, що сьогодні вживається паралельно з першо- (а в деяких випадках витісняється нею): первомученик / первомучениця, первосвятитель, первосвятительство, первосвященик, первосвященство. Подано в реєстрі й рідкісні тепер іменники первомолитва, первомоління.

Отже, релігійні лексеми посідають помітне місце в російсько-українських перекладних словниках початку XX ст. Переважна їх частина зафіксована в сучасних загальномовних лексикографічних працях, добре відома й уживана дотепер. Однак є низка слів, які вийшли з ужитку, мають інші словотвірні афікси, правописні відмінності тощо. Подано й чимало іменників-композитів, що залишилися поза реєстрами лексикографічних джерел новітнього періоду. У перспективі плануємо дослідити решту галузевої й загальновживаної іменникової лексики в розглянутих словниках і порівняти її із сучасними відповідниками.

Список використаної літератури

- 1. Піддубна Н.В. Репрезентація релігійної лексики в українських лексикографічних джерелах / Н.В. Піддубна // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов / под ред. И.Л. Копылова. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 244—249.
- 2. Ковтун А.А. Лексикографічне опрацювання церковно-релігійної лексики в сучасній українській мові / А.А. Ковтун // Вісник Житомирського державного університету. Філологічні науки. 2014. Вип. 4 (76). С. 191—199.
- 3. Ковтунець О.С. Прийоми лексикографічної актуалізації релігійної лексики / О.С. Ковтунець // Науковий вісник Чернівецького університету. Романо-слов'янський дискурс. 2016. Вип. 769. С. 3—7.
- 4. Мирончук О. Відображення назв чинів святості в «Словнику української мови» в 11 томах / О. Мирончук // Лексикографічний бюлетень. 2009. Вип. 18. С. 158–168.
- 5. Ренчка І.Є. Семантичні та оцінні модифікації тлумаченні релігійної лексики в сучасних словниках української мови / І.Є. Ренчка // Мова: класичне модерне постмодерне. 2016. Вип. 2. С. 145—162.
- 6. Піддубна Н.В. Динамічні явища у складі релігійної лексики кінця XX поч. XXI ст. / Н.В. Піддубна // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». 2017. № 11. Вип. 23 (2). С. 129—138.
- 7. Поздрань Ю. Джерела «Російсько-українського словника» за редакцією А.Ю. Кримського, С.О. Єфремова у контексті його дескриптивності / Ю. Поздрань // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2015. Вип. 24. С. 50—57.

RELIGIOUS VOCABULARY IN THE UKRAINIAN BILINGUAL LEXICOGRAPHY FROM 1918 TO 1933 (a case study of nouns)

Liudmyla M. Tomilenko, Ukrainian Lingua-Information Fund, NAS of Ukraine.

E-mail: tomilenko@i.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-21

Key words: religious vocabulary, nouns, Russian-Ukrainian bilingual dictionary, common dictionary.

The main subject of the article introduces the religious language observed in the Russian-Ukrainian translation dictionaries of 1918-1933. ("Moscow-Ukrainian Dictionary" (1918) V. Dubrovskyi, "Russian-Ukrainian" dictionary (1918) S. Ivanytskyi and F. Shumlyanskyi, "Russian-Ukrainian dictionary" (1924-1933) edited by A. Krymskyi and S. Yefremov). All the above mentioned dictionaries were reprinted and digitalized during the independence period. This indicates a significant interest of contemporaries in their lex-

icographical heritage. Many linguistic studies have been held recently on the topic of «repressed» dictionaries. However, an integrated and holistic analysis of the language that is recorded in the Russian-Ukrainian sources at the beginning of the 20th century was not still available.

Due to established lexicographical systems, the entire register of Ukrainian vocabulary of the abovementioned translation dictionaries was developed. The separately built database of nouns helps to select and analyze all groups of nouns (including religious nouns) recorded in these works.

Despite the dramatic changes in the life of the country caused by the revolutionary events, translated Russian-Ukrainian dictionaries of 1918-1933 still contain a significant number of religious vocabulary. In the three above mentioned dictionaries as a whole, there are approximately one and a half thousand nouns relating to religion. Most of them are still well known. They are among the broadest thematic groups: 1) the names of the persons combining four more subgroups (name of clergymen according to their positions, titles; names of people as supporters of some faith; names of the people who follow the established dogmas, rules; names of atheists and sinful, nefarious persons); 2) the names of sacral, church objects; 3) the names of liturgical books; 4) the names of religious holidays; 5) the names of church rites, sacraments; 6) the names of higher beings; 7) the names of religious buildings; 8) the names of priests' clothing; 9) the names of religious directions, currents, teachings, beliefs, etc.; 10) the names of the places of stay of souls of deceased people, etc.

There were, also, lemmas that are not already used in modern language practice and generally in dictionaries of the Ukrainian language of the post-revolutionary years. The largest number of such words is available in the Russian-Ukrainian Dictionary (1924-1933) edited by A. Krymskyi and S. Yefremov. These are mainly complex and simple nouns (in -ств(o)), composites with the бого-, іконо-, лже-, etc.

The main subject of the study is the analysis of various groups of specifically and commonly used language in the aforementioned dictionaries (including their modern editions), as well as the comparison of their units beginning from the 20th century.

References

- 1. Piddubna, N.V. Reprezentatsiia relihiinoi leksyky v ukrainskykh leksykohrafichnykh dzherelakh [Representation of religious vocabulary in Ukrainian lexicographical sources]. Kopylov, I.L. (ed.). Slovo y slovar = Vocabulum et vocabularium: sbornik nauchnykh materyalov [Word and dictionary: the collection of scientific materials]. Minsk, Four quarters Publ., 2017, pp. 244-249.
- 2. Kovtun, A.A. *Leksykohrafichne opratsiuvannia tserkovno-relihiinoi leksyky v suchasnii ukrainskii movi* [The lexicographic presentation of the church and religious vocabulary in the modern Ukrainian language]. *Visnyk Zhytomyrskoho derzhavnoho universytetu. Filolohichni nauky* [Zhytomyr Ivan Franko State University Journal. *Philological Sciences*], 2014, issue 4, pp. 191-199.
- 3. Kovtunets, O.S. *Pryiomy leksykohrafichnoi aktualizatsii relihiinoi leksyky* [Methods of lexicographic actualization of religious vocabulary]. *Naukovyi visnyk Chernivetskoho universytetu. Romano-slov'ianskyi dyskurs* [Scientific Bulletin of Chernivtsi University. Roman-Slavic discourse], 2016, issue 769, pp. 3-7.
- 4. Myronchuk, O. Vidobrazhennia nazv chyniv sviatosti v "Slovnyku ukrainskoi movy" v 11 tomakh [Reflection of the names of the ranks of holiness in the "Dictionary of the Ukrainian Language" in 11 volumes]. Leksykohrafichnyi biuleten [Lexicographic bulletin], 2009, issue 18, pp. 158-168.
- 5. Renchka, I. Semantychni ta otsinni modyfikatsii tlumachenni relihiinoi leksyky v suchasnykh slovnykakh ukrainskoi movy [Semantic and axiological modifications of the interpretation of religious vocabulary in contemporary dictionaries of the Ukrainian language]. Mova: klasychne moderne postmoderne [Language: Classic Modern Postmodern], 2016, issue, 2, pp. 145-162.
- 6. Piddubna, N.V. *Dynamichni yavyshcha u skladi relihiinoi leksyky kintsia XX poch. XXI st.* [Dynamic phenomena in the basis of religious vocabulary of the late 20th early 21st centuries]. *Visnyk Dnipropetrovskoho universytetu. Seriia "Movoznavstvo"* [Visnyk of Dnipropetrovsk university. Series: Linguistics], 2017, no. 11, issue 23 (2), pp. 129-138.
- 7. Pozdran, Yu. *Dzherela "Rosiisko-ukrainskoho slovnyka" za redaktsiieiu A.Yu. Krymskoho, S.O. Yefremova u konteksti yoho deskryptyvnosti* [Sources of the "Russian-Ukrainian Dictionary" edited by A.Yu. Krymskyi, S.O. Yefremov in the context of his descriptiveness]. *Naukovyi visnyk Khersonskoho derzhavnoho universytetu. Seriia "Linhvistyka"* [Kherson State University Herald. Series: "Linguistics"], 2015, issue, 24, pp. 50-57.

Одержано 17.09.2019.

УДК 811.111:81'4.81'06'38:821.111 DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-22

П.С. ХАБОТНЯКОВА,

викладач кафедри англійської та німецької філології і перекладу імені І.В. Корунця Київського національного лінгвістичного університету

ПРАГМАТИЧНИЙ ЕФЕКТ АКТОМОВЛЕННЄВОЇ РЕАЛІЗАЦІЇ БІБЛІЙНИХ ОБРАЗІВ-СИМВОЛІВ У МІСТИЧНИХ ТРИЛЕРАХ ФРЕНКА ПЕРЕТТІ

У статті розглянуто специфіку прагматичного ефекту актомовленнєвої реалізації біблійних образів-символів у містичних трилерах американського письменника епохи постмодернізму Френка Перетті, світогляд якого грунтується на протестантизмі. Використання методики прагматичного аналізу мовленнєвих актів уможливило розробити типологію прагматичних (перлокутивних) ефектів реалізації мовних актів, у яких художньо втілені біблійні образи-символи. Прагматичний ефект. маніфестований у різних типах мовленнєвих актів (репрезентативних, директивних, комісивних і експресивних) у персонажних біблійно-маркованих контекстах може бути успішним або неуспішним і виявляється у вербальній (виражається вербальною мовленнєвою поведінкою адресата, яка відповідає / не відповідає намірам співрозмовника), невербальній (виражається невербальною поведінкою адресата, який мовчки кориться / не кориться мовленнєвій інтенції співрозмовника) і змішаній формах (виявляється одночасно у невербальній і вербальній мовленнєвій поведінці адресата, яка відповідає / не відповідає намірам співрозмовника, тобто перлокутивний ефект посилюється обома реакціями). Перлокутивний ефект можна вважати успішним, якщо він досяг мети мовця. Неуспішний перлокутивний ефект є ситуацією, коли результат спілкування не відповідає очікуванням того, хто говорить. Проведений аналіз персонажних біблійно-маркованих контекстів, у яких реалізовано різні типи мовленнєвих актів, показав, що чинниками успішності / неуспішності перлокутивного ефекту постають: конгруентність / інконгруентність учасників спілкування, очікуваність (передбачуваність) / неочікуваність (непередбачуваність) результатів спілкування, релевантність / нерелевантність ситуації спілкування, узгодженість / неузгодженість із нормами культури поведінки.

Ключові слова: актомовленнєва реалізація, біблійні образи-символи, Френк Перетті, містичний трилер, прагматичний ефект, перлокуція, умови успішності, чинники неуспішності.

В статье рассмотрена специфика прагматического эффекта акторечевой реализации библейских образов-символов в мистических триллерах американского писателя эпохи постмодернизма Фрэнка Перетти, мировоззрение которого основывается на протестантизме. Использование методики прагматического анализа речевых актов позволило разработать типологию прагматических (перлокутивных) эффектов реализации речевых актов, в которых художественно воплощены библейские образы-символы. Прагматический эффект, манифестированный в различных типах речевых актов (репрезентативных, директивных, комиссивних и экспрессивных) в персонажных библейскомаркированных контекстах может быть успешным или неуспешным и проявляется в вербальной (выражается вербальным речевым поведением адресата, которое соответствует / не соответствует намерениям собеседника), невербальной (выражается невербальным поведением адресата, который молча повинуется / не повинуется речевой интенции собеседника) и смешанной формах (проявляется одновременно в невербальном и вербальном речевом поведении адресата, которое соответствует / не соответствует намерениям собеседника, то есть перлокутивный эффект усиливается обеими реакциями). Перлокутивный эффект можно считать успешным, если он достиг цели говорящего. Неуспешный перлокутивный эффект является ситуацией, когда результат общения не соответствует ожиданием говорящего. Проведенный анализ персонажных библейско-маркированных контекстов, в которых реализованны разные типы речевых актов, показал, что факторами успешности / неуспешности перлокутивного эффекта возникают: конгруэнтность / инконгруентнисть участников общения, предсказуемость / непредсказуемость результатов общения, релевантность / нерелевантность ситуации общения, согласованность / несогласованность с нормами культуры поведения.

Ключевые слова: акторечевая реализация, библейские образы-символы, Фрэнк Перетти, мистический триллер, прагматический эффект, условния успешности, причины неуспешности, перлокуция.

роблема образності та символічності художнього мовлення посідає важливе місце у дослідженні містичних трилерів Френка Перетті (Frank Peretti) — одного з найцікавіших та найпопулярніших американських письменників епохи постмодернізму, світогляд якого грунтується на протестантизмі і який, маючи справу з таємним, надприродним та містичним, приваблює не тільки читачів, але й літературознавців та лінгвістів (X. Антоніо Йєра (J. Antonio Llera) [6], Н. Волдмен (N. Waldman) [16], Дж. Говард, (J. Howard) [4], Л. Попко (L. Popko) [8], Е. Ричтер (E. Rychter) [9]). Дослідження художнього втілення біблійних образів-символів у творах Френка Перетті постає найбільш ефективним із позицій когнітивної прагматики — сучасної міждисциплінарної науки, яка вивчає когнітивні передумови і результати актомовленнєвої діяльності комунікантів (Деірда Вілсон (Deirdre Wilson) і Дан Спербер (Dan Sperber) [17], Джоан Каттінг (Joan Cutting) [3], Робин Карстон (Robyn Carston) [2], Марко Маццоне (Marco Mazzone) [7], Ян Хуанг (Yan Huang) [5]).

Всебічний розгляд когнітивних аспектів мовленнєвої діяльності у художньому втіленні зумовлює актуальність дослідження. Також актуальність дослідження визначається розкриттям когнітивно-прагматичного потенціалу біблійних образів-символів, художньо втілених у містичних трилерах, у здійсненні впливу на адресата для досягнення перлокутивного ефекту.

Мета статті — визначити прагматичний (перлокутивний) ефект актомовленнєвої реалізації біблійних образів-символів.

Використання методики *прагматичного аналізу* мовленнєвих актів (далі МА) уможливило розробку типології прагматичних (перлокутивних) ефектів реалізації мовленнєвих актів, у яких художньо втілено біблійні образи-символи. Прагматичний ефект, маніфестований у різних типах мовленнєвих актів (репрезентативних, директивних, комісивних та експресивних) у персонажних біблійно-маркованих контекстах, виявляється у вербальній, невербальній і змішаній формах і може бути успішним або неуспішним.

Перлокутивний ефект можна вважати успішним, якщо він «відповідає конвенційним умовам успішності: соціальним ролям комунікантів, передбачуваності їхньої поведінки, оптимальності місця й часу спілкування тощо» (8, с. 460). Успішний прагматичний ефект (далі УПЕ) контекстної реалізації біблійних образів-символів (далі БОС) у містичних трилерах Френка Перетті може виявлятися різними способами: невербальним, вербальним або змішаним.

Змішані та вербальні УПЕ значно превалюють над невербальними як за кількістю контекстних репрезентацій (516 біблійно-маркованих контекстів (далі БМК), 77,3%, у яких реалізовано змішані і вербальні УПЕ, порівняно з 152 БМК, 22,7%, у яких реалізовано невербальні УПЕ), так і за кількістю художньо втілених лінгвальних репрезентантів біблійних образів-символів (далі ЛРБОС) (574 ЛРБОС, 77,15%, які реалізують змішані і вербальні УПЕ, порівняно з 170 ЛРБОС, 22,85%, які реалізують невербальні УПЕ).

Вербальний успішний прагматичний ефект виражається вербальною мовленнєвою поведінкою адресата, яка відповідає намірам співрозмовника. Ця реакція може бути експліцитною або імпліцитною. Експліцитна реакція — це застосування клішованих форм спілкування, які прийнятні для певної соціальної групи. Імпліцитна реакція — це приховування імпліцитних смислів, які постають підґрунтям вербальної реакції адресата на певне повідомлення. Наприклад, у персонажному композитному БМК у романі «Пронизуючи темряву» ("Piercing the Darkness") відбувається діалог між головним персонажем Саллі та пастором Хенком, які щойно познайомилися: But Sally hesitated just a moment. "You don't look like a pastor". Hank smiled, brushing some hair away from his forehead with his forearm. "Thanks".

Why not go straight to the horse? Sally thought. "I suppose you know God?" "Sure, I know Him". He was so matter-of-fact about it. He didn't even hesitate with that answer [12, c. 274]. У відповідь на експресивний мовленнєвий акт (далі MA) компліменту, коли Саллі говорить: "You don't look like a pastor" 'ви не виглядаєте як пастор', пастор використовує клішовану форму спілкування: Thanks 'дякую', експліцитно демонструючи своє погодження. Далі, репрезентативний MA визнання — I suppose you know God? 'здається, ви знаєте Бога?', у якому двокомпонентний ЛРБОС know God 'знати Бога', утворений за моделлю V + N, створює алюзію на БОС «виноградна лоза», що символізує стосунки з Богом, отримує імпліцитну реакцію пастора. Відповідаючи: Sure, I know Him 'Звісно, я Його знаю', пастор має на увазі те, що він не просто знає про Бога, але знає Його особисто, спілкуючись із Ним, оскільки у протестантському середовищі, коли людина говорить про те, що вона знає Бога, це вказує на реальне спілкування з Ним.

Невербальний успішний прагматичний ефект виражається невербальною поведінкою адресата, який мовчки кориться мовленнєвій інтенції співрозмовника. Наприклад, БОС «Ісус Христос», який символізує надійність, силу й міць та асоціюється зі спасінням, лінгвально репрезентовано антропонімом Jesus 'Ісус' у персонажному пропозитивному БМК у романі «Темрява цього віку» ("This Present Darkness"): "I rebuke you in Jesus' name!" The crushing weight upon him lifted so quickly Hank felt he would sail upward from the floor. He filled his lungs with air and noticed he was now struggling against nothing [14, с. 60]. Головний позитивний персонаж пастор Хенк Буш бере участь у духовній боротьбі із демонами, які напали на його будинок вночі, намагаючись убити самого Хенка. Він наказує демонам піти геть: 'Я даю вам відсіч в ім'я Ісуса' Директивний МА наказування, індикатором якого є команда іп Jesus' пате 'в ім'я Ісуса', мав невербальний УПЕ: на виконання наказу 'Нищивний тягар зник так швидко, що Хенкові здалося ніби він підіймається з підлоги вгору. Він ковтнув повітря і зрозумів, що вже немає з ким боротися'.

Змішаний успішний перлокутивний ефект виявляється одночасно у невербальній та вербальній мовленнєвій поведінці адресата, що відповідає намірам співрозмовника, тобто перлокутивний ефект посилюється обома реакціями. Наприклад, у персонажному комплексному БМК у романі «Клятва» ("The Oath") анімалістичний ЛРБОС dragon 'дракон' лінгвально репрезентує БОС «змій», що символізує гріх: "So why does Levi talk about the dragon?" Tracy rolled her eyes. "It's his mission in life. He's superstitious just like the others, but some years ago he got super-sayed, if you know what I mean. Now the dragon's a religious thing. He sees a message in it". "And apparently he's not afraid". "Well, for one thing, everyone thinks he's crazy, so they stay away from him. He survives because he has no credibility – and also because he could break every bone in your body if he had to". Steve smiled at the remark [13, с. 131]. Діалог відбувається між головним героєм Стівом і детективом Трейсі. Вони обговорюють місцевого жителя Леві, який не боїться дракона, але постійного застерігає інших від нього. Стів ставить запитання: "So why does Levi talk about the dragon?" 'То чому Леві говорить про дракона?'. У відповідь спостерігаємо змішаний УПЕ: Tracy rolled her eyes 'Трейсі закотила очі' (невербальна реакція), 'Це його місія в житті. Він був забобонним, як всі інші, але кілька років тому він отримав суперспасіння, якщо ти знаєш, що я маю на увазі. Тепер дракон – релігійна річ. Він бачить у ньому якусь місію' (вербальна реакція).

Умовами успішності прагматичного ефекту контекстної реалізації БОС в англомовних містичних трилерах Френка Перетті визначено такі: *релевантність ситуації спілкування* (якщо час і місце спілкування є доречними для досягнення мети мовлення, тобто мовець обрав вдалий час або місце для розмови), *конгруентність учасників спілкування* (якщо між учасниками спілкування спостерігається узгодженість / схожість у поглядах, настановах, життєвому досвіді, соціальному становищі, психологічному й емоційному стані тощо), *очікуваність результатів спілкування* (якщо адресат очікував отримати саме такий результат у спілкуванні, тобто отриманий адресатом результат відповідає бажаному) й *узгодженість із нормами культури поведінки* (якщо у ході спілкування співрозмовники дотримуються правил етикету, виявляють обізнаність із церковними традиціями та нормами тощо).

Конгруентність учасників спілкування як причина успішних перлокутивних ефектів значно превалює над узгодженістю із нормами культури поведінки як за кількістю контек-

стних репрезентацій (227 БМК, 33,98%, у яких умовою УПЕ виявлено конгруентність учасників спілкування, у порівнянні зі 100 БМК, 14,97%, у яких умовою УПЕ виявлено узгодженість із нормами культури поведінки), так і за кількістю художньо втілених біблійних образів-символів (301 ЛРБОС, 25,81%, які реалізують конгруентність учасників спілкування як умову УПЕ, у порівнянні з 112 ЛРБОС, 9,61%, які реалізують узгодженість із нормами культури поведінки як умову УПЕ).

Наприклад, умовою успішного прагматичного ефекту у директивному МА прохання постає очікуваність (передбачуваність) результатів спілкування. Антропонім Jesus 'Icyc' репрезентує БОС «Ісус Христос», який асоціюється із спасінням, а анімалістичний ЛРБОС dragon 'дракон' – БОС «змій», який асоціюється з гріхом, у персонажному комплексному БМК у романі «Клятва» ("The Oath"): "Levi, tell me something. Just why is it nobody else will talk about the dragon, but you don't have any trouble talking about it?" Головний персонаж Стів Бенсон просить іншого головного персонажа Леві Кобба пояснити дещо відносно дракона: 'Леві, от скажи мені. Чому окрім тебе більше ніхто не говорить про дракона?'. Спостерігаємо змішану (вербальну + невербальну) реакцію відповіді-пояснення: Levi gave a little shrug. "I'm saved, that's all". "So with you it's a religious thing". Levi crinkled his nose as he thought about it. "It's kind of a religious thing with everybody. They've got their dragon; I've got Jesus. Simple" [13, с. 162]. Прагматичний ефект можна вважати успішним, оскільки Стів очікував відповідь на запитання і він її отримав: 'Леві трохи розвів плечима. «Я спасений, це все». То це все твої релігійні справи. Леві насупився, розмірковуючи над цим. «Це стосується релігії кожного. Вони мають свого дракона; у мене є Ісус. Все просто'. Алюзія на біблійний сюжет «Десять Заповідей» — Поки Мойсей отримував від Всевишнього збірку законів на горі Сінай, єврейський народ вклонявся золотому боввану в долині – створює атмосферу містичності та напруги протиставлення ідолопоклонства і божественного.

Неуспішний перлокутивний ефект — «випадки мовленнєвих актів, коли зміст комунікативної спрямованості перформативного висловлення, що позначає намір мовця відносно адресата, не відповідає очікуваним діям адресата, у результаті чого його реакція є неадекватною» [18, с. 460]. Дж. Росе у своїй перформативній гіпотезі зазначає, що будьяке речення містить перформативну формулу відповідно до власної комунікативної мети (питання, розповіді тощо), і вводить перформатив до глибинної синтаксичної структури. Якщо дія, позначена перформативом, не виправдовується, то такий мовленнєвий акт треба називати неуспішним (цит. за: [18, с. 460]). За Дж. Остіном, неуспішний перлокутивний ефект — це осічки (misfires), зумовлені порушенням процедурних дій комунікантів, і зловживання (abuses), підґрунтям яких є нещирість учасників комунікації [1, с. 91, 99, с. 101–131; 138; 144].

Неуспішній прагматичний ефект (далі НПЕ) у містичних трилерах Френка Перетті може проявлятися, так само як і успішний прагматичний ефект, змішаним, вербальним, або невербальним способом. Змішаний НПЕ значно превалює над невербальним як за кількістю контекстних репрезентацій (135 БМК, 48,51%, у яких реалізовано змішані НПЕ, у порівнянні з 48 БМК, 17,39%, у яких реалізовано невербальні НПЕ), так і за кількістю художньо втілених БОС (243 ЛРБОС, 57,58%, які реалізують змішані НПЕ, порівняно з 78 ЛРБОС, 18,48%, які реалізують невербальні НПЕ).

Вербальний неуспішний прагматичний ефект виражається такою мовленнєвою поведінкою адресата, яка не відповідає намірам співрозмовника. Ця реакція може бути експліцитною або імпліцитною. Експліцитна реакція — це застосування клішованих форм спілкування, які прийнятні для певної соціальної групи. Імпліцитна реакція — це приховування імпліцитних смислів, які постають підґрунтям вербальної реакції адресата на певне повідомлення. Наприклад, у персонажному комплексному БМК у романі «Клятва» ("The Oath") реалізовано репрезентативний МА пояснення. Діалог відбувається між головними позитивними персонажами — вченим Стівом Бенсоном і місцевим жителем, християнином Леві Коббом. Леві пояснює Стіву, чому дракон не чіпає невістку Стіва та самого Леві: "The dragon would kill you. As far as I know, the dragon's only ever backed away from two people — your sister-in-law Evelyn and me". "What are you talking about?" "Evelyn's a religious woman; she knows Jesus, right? Just like I do. He lives in her heart". Steve shrugged. "Well, yeah, I guess". Where was Levi going with this crazy line of thought? "It's pure and simple logic", Levi continued.

"The dragon is sin. So since Jesus is living in our hearts – Evelyn's and mine – we're saved from sin, which means we're saved from the dragon and it can't touch us" [13, с. 413]. У цьому контексті репрезентовано одразу декілька біблійних мотивів — «гріхопадіння» (БОС «змій», що асоціюється з дияволом, виражений анімалістичним ЛРБОС dragon 'дракон'), «покаяння» (БОС «трон», що асоціюється з владою, виражений антропоморфною метафорою Jesus is living in our hearts 'lcyc живе в наших серцях', що вже є результатом покаяння, тобто lcyc панує над життям персонажів) та «спасіння» (БОС «кров», що асоціюється із спасінням, виражений антропоморфною метафорою to be saved from $\sin$ 'бути спасенним від гріха'): 'Дракон — це гріх. Оскільки Ісус живе в наших серцях – у серці Евелін та моєму – ми спасенні від гріха, що означає, що ми спасенні від дракона, і він нічого не може нам заподіяти. Але, незважаючи на такий потужний вербальний вплив на адресата, створений репрезентативним МА пояснення, реакція Стіва, що засвідчує його незгоду з Леві, є саркастичною: "Oh, that's logical all right", Steve said sarcastically "We set the lance up somewhere. Then we get the dragon to follow me, and then somehow you get between the dragon and me and get it to back up and kill itself. That's a ludicrous plan!" 'О, це цілком логічно, – саркастично зауважив Стів. Ми десь там встановимо спис. Тоді ми змусимо дракона переслідувати мене, а потім якимось чином ти опинишся між мною і драконом, і змусиш його позадкувати назад і вбити самого себе'. Неуспішність контекстної реалізації декількох БОС і, відповідно, усього репрезентативного МА пояснення, зумовлено тим, що між учасниками спілкування — християнином Леві Коббом і вченим Стівом Бенсоном – існують інконгруентні відношення: Стів не є обізнаним із релігійним дискурсом і йому важко зрозуміти і повірити у цілком очевидні для Леві речі.

Невербальний неуспішний прагматичний ефект виражається невербальною поведінкою адресата, який мовчки не виправдовує задум співрозмовника. Наприклад, у персонажному комплексному БМК у романі «Пророк» ("Prophet") батько-пророк ділиться своїми переживаннями з сином, головним персонажем Джоном: "I can hear them crying. I can see them drifting further and further from the light, just like they're walking into shadows, into darkness, never to come back". He drew a breath and then spoke out of anger and frustration. "But who can I tell? Who's going to listen to me?" John heard what his father was saying, and yet, with a willful stubbornness, with a determined denial, he would not accept it. No way [11, c. 43]. Репрезентативний МА констатації реалізовано емоційними фразами: "Вит who can I tell? Who's going to listen to me?" 'Але кому я це розкажу? Хто послухає мене?' Джон почув все, що сказав батько (John heard what his father was saying), але у відповідь — лише негативна невербальна реакція: and yet, with a willful stubbornness, with a determined denial, he would not accept it. No way. Джон не міг прийняти цих слів через низку причин (конфлікт батька-сина, холодне ставлення до Бога і церкви тощо). Таким чином, прагматичний ефект репрезентативного МА констатації виявився неуспішним.

Змішаний неуспішний прагматичний ефект виявляється одночасно у невербальній та вербальній мовленнєвій поведінці адресата, що не відповідає намірам співрозмовника, тобто перлокутивний ефект посилюється обома реакціями. Наприклад, у персонажному комплексному БМК у романі «Клятва» ("The Oath") Трейсі та Леві говорять про дракона: "Oh, it was a hunt, all right. If I was the dragon, you'd be breakfast". Tracy only sighed and shook her bowed head. Here we go again. "Go ahead", said Levi. "Look around. Just say I'm the dragon. How would you get out of here?" Tracy turned to walk away. "I am not in the mood for one of your lectures, Levi!" In this tight space she couldn't walk far, but just to make a statement, she walked as far as she could [13, c. 233]. На пряме запитання Леві, чи буде Трейсі рятуватися, якщо зустріне дракона ("Just say I'm the dragon. How would you get out of here?"), спостерігаємо змішану реакцію Трейсі – невербальну (Tracy turned to walk away. 'Трейсі зібралась йти геть') та вербальну ("I am not in the mood for one of your lectures, Levi!" 'Я не в настрої для твоїх лекцій, Леві'). Перлокутивний ефект директивного МА заклику виявився неуспішним, оскільки Трейсі мала сумніви щодо загрози з боку дракона, про що свідчить пояснення автора: In this tight space she couldn't walk far, but just to make a statement, she walked as far as she could 'У цьому тісному просторі вона не могла далеко відійти, вона це сказала так, наче могла'.

Чинниками неуспішності прагматичного ефекту контекстної реалізації БОС у мовленнєвих актах у англомовних містичних трилерах Френка Перетті визначено

такі: *інконгруентність учасників спілкування* (якщо між учасниками спілкування спостерігається неузгодженість / несхожість / розбіжність у поглядах, настановах, життєвому досвіді, соціальному становищі, психологічному й емоційному стані тощо), *неочікуваність результатів спілкування* (якщо адресат не очікував отримати саме такий результат у спілкуванні, тобто отриманий адресатом результат не відповідає бажаному), *нерелевантність ситуації спілкування* (якщо час і місце спілкування є недоречними для досягнення мети мовлення, тобто мовець обрав невдалий час або місце для розмови) і *неузгодженість із нормами культури поведінки* (якщо у ході спілкування співрозмовники не дотримуються правил етикету, не виявляють обізнаність із церковними традиціями та нормами тощо).

Інконгруентність учасників спілкування як причина неуспішних перлокутивних ефектів значно превалює над неузгодженістю із нормами культури поведінки як за кількістю контекстних репрезентацій (105 БМК, 38,04%, у яких умовою НПЕ виявлено інконгруентність учасників спілкування, порівняно з 39 БМК, 14,13%, у яких умовою НПЕ виявлено неузгодженість із нормами культури поведінки), так і за кількістю художньо втілених біблійних образів-символів (191 ЛРБОС, 16,38%, які реалізують інконгруентність учасників спілкування як умову НПЕ, порівняно з 42 ЛРБОС, 3,6%, які реалізують неузгодженість із нормами культури поведінки як умову НПЕ).

Наприклад, у персонажному комплексному БМК у романі «Клятва» ("The Oath") обіграється біблійний мотив гріха, який реалізовано директивним МА попередження: Levi stood in his way again and took a moment to study his face. "Benson, listen to me. You aren't going to capture the dragon. He's already captured you. It's his game now, not yours" [13, c. 312]. Головний позитивний персонаж Леві Кобб попереджає іншого позитивного персонажа Стіва Бенсона про небезпеку з боку дракона, використовуючи двокомпонентний ЛРБОС, утворений за моделлю V + N, to capture the dragon 'захопити дракона', що трансформується у антропоморфну метафору he (dragon) has already captured you 'він (дракон) вже тебе захопив', яка позначає те, що дракон (БОС «змій»), який асоціюється з гріхом, захопив Стіва. Але Стів не погоджується з реплікою Леві (змішаний НПЕ): Steve looked around as if missing something (невербальна реакція). "Levi, the dragon hasn't captured me. I'm sitting right here talking to you – ow!" (вербальна реакція). Далі автор посилює напруження, створюючи атмосферу містичності, – йдеться про так звані «болючі чорні мітки», які з'являлися навколо серця у тих, кого незабаром мав зжерти дракон: He arabbed his chest in pain. (невербальна реакція). Levi had poked him. Levi raised an eyebrow. "He's got you, all right. Right through the heart". (вербальна реакція) Levi poked him again and it hurt. "Got you hooked like a fish, all set to pull you in". He was about to poke Steve again, but Steve blocked him. (невербальна реакція). "All right, that's enough!" (вербальна реакція). Levi withdrew his hand. "Be glad it still hurts. When you get close to the end, you don't feel a thing". He sighed and shook his head. "You could have escaped, Benson. You could've steered clear, but now you're in the thick of it, and it's too late, just like it's too late for this town". Steve just kept his hand over his chest and glared at him. The big mechanic pointed toward the mountains. "That dragon's bigger and stronger and madder and more hungry than he's ever been before, and he's gonna get what he wants. You can count on it". And he wants you, Benson. You're hooked. У цьому БМК розкривається природа гріха – те, як гріх поглинає людину спочатку непомітно, поступово поглинаючи все більше і більше, а коли людина помічає це, то виявляється, що вона вже цілком у ньому загрузла. А потім Леві переходить межу: I tried to warn you about getting tangled up with that woman 'Я намагався тебе попередити про те, щоб ти не зв'язувався з тією жінкою'. Реакція Стіва на директивний МА попередження була змішаною – невербальною і вербальною: Steve tensed. Levi had said exactly the wrong thing. "This meeting is adjourned". His tone could have frozen a lake. Levi still blocked his way. "She's married, Benson. That makes you a thief, Tracy a promise-breaker, and both of you liars. How clear does it have to be before you can see it?" Steve pointed a finger in Levi's face. "Not that it's any of your business, Cobb," he said angrily, "but let me remind you that Tracy's separated from Doug – she can do whatever she pleases!". "It ain't the first time she's 'separated' from Doug", Levi muttered. "Ain't the second time, either. It's a pattern with her. And you ain't the first person she's hooked up with, either". "You've crossed the line, Cobb! I've had it with your gossip. If Tracy keeps leaving Doug as you say, then there must be a reason. He's a real hothead. I wouldn't be surprised if he's a wife-beater". Levi kept his voice steady and calm as he said, "Doug has his problems, sure, but wife-beating isn't one of them. He's got a lot of changing to do, but he still loves Tracy". ""If Tracy wants to find a better man, isn't that her business?" Levi couldn't hold back a smirk. "A better man? Benson, you're kind of guy who sleeps around. Doug ain't much, but at least he's stayed true. As for you, how many other Tracys have there been? How many will come after her?" Enough. Steve landed a punch on Levi's jaw. The big man absorbed the blow without taking a step, but his glasses went flying. He didn't retaliate. He just stood there, sadness in his eyes [13, c. 414–415]. Алюзія на біблійні мотиви «Давид і Вірсавія», а також «Десять Заповідей», де попереджається про небезпеку перелюбу, асоціюється з темою гріха. Леві застерігає Стіва від стосунків із Трейсі, називаючи це причиною переслідування драконом, мовляв, через цей гріх дракон полонив Стівена. Прагматичний ефект можна вважати неуспішним, оскільки реакція головного персонажа почалася від емоцій і слів, а закінчилась рукоприкладством. Причиною такої реакції є те, що Леві порушив культурні норми, оскільки розмови про особисте життя вважаються порушенням правил етикету.

Отже, біблійні образи-символи, художньо втілені у містичних трилерах Френка Перетті у персонажних біблійно-маркованих контекстах, сприяють прагматичному (перлокутивному) ефекту, який виявляється у вербальній, невербальній і змішаній формах та може бути успішним або неуспішним. Успішний перлокутивний ефект зумовлюють такі умови, як конгруентність учасників спілкування, очікуваність (передбачуваність) спілкування, релевантність ситуації спілкування й узгодженість із нормами культури поведінки, серед яких найбільш вагомою умовою успішності перлокутивного ефекту мовленнєвих актів, у яких лінгвально репрезентовано біблійні образи-символи, визначено конгруентність учасників комунікації, насамперед, їх обізнаність із релігійним дискурсом і налаштованість служити Богу. Неуспішний перлокутивний ефект зумовлюється такими чинниками, як інконгруентність учасників комунікації, неочікуваність (непередбаченість) результатів спілкування, нерелевантність ситуації спілкування та неузгодженість із нормами культури поведінки, серед яких найбільш вагомим чинником неуспішності перлокутивного ефекту мовленнєвих актів, у яких лінгвально репрезентовано біблійні образи-символи, виявилася інконгруентність учасників комунікації. Найбільш вагомим чинником як успішного, так і неуспішного перлокутивного ефекту контекстної реалізації біблійних образів-символів у мовленневих актах визначено конгруентність / інконгруентність учасників спілкування, при цьому конгруентність учасників спілкування як умова успішності мовленнєвого акту зумовлюється схожістю комунікантів у поглядах, настановах, життєвому досвіді, соціальному становищі, психологічному й емоційному стані, а чинником неуспішності мовленнєвого акту постає лише інконгруентність учасників спілкування як результат відсутності порозуміння між комунікантами у сфері біблійного дискурсу, зокрема, неналаштованість одного з них служити Богу. Але, як показали результати проведеного дослідження, не розбіжність у поглядах учасників комунікації, а саме відсутність розуміння ними біблійного контексту найбільше впливають на неуспішність перлокутивного ефекту мовленнєвих актів. у яких лінгвально репрезентовано біблійні образи-символи.

Список використаної літератури

- 1. Austin J.L. How to Do Things With Words [Електронний ресурс] / J.L. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1962. Режим доступу: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2271128/component/file_2271430 (останне звернення 21.09.2019).
- 2. Carston R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication / R. Carston. Cornwall: Wiley-Blackwell, 2002. 432 p.
- 3. Cutting J. Pragmatics: A Resource Book For Students / J. Cutting. London and New York: Routledge, 2015. 298 p.
- 4. Howard J.R. Vilifying the Enemy the Christian-Right and the Novels of Peretti, Frank / J.R. Howard // Journal of Popular Culture. 1994. Vol. 3. No. 23. P. 193–206. DOI: 10.1111/j.0022-3840.1994.2803 193.x.
- 5. Huang Y. The Oxford Handbook of Pragmatics / Y. Huang. Oxford: Oxford University Press, 2017. 711 p.

- 6. Llera J.A. Mourning, (Post)Expressionist Image and Biblical Intertext: an Interaction of "Iglesia Abandonada (Balada de la Gran Gerra)", by Frederico Garcia Lorca / J.A. Llera // Signa-Revista de la Asociacion Espanola de Semiotica. 2014. No. 24. P. 43–64. DOI: 10.5944/signa.vol24.2015.14729.
- 7. Mazzone M. Cognitive Pragmatics: Mindreading, Inferences, Consciousness / M. Mazzone. Berlin: De Grunter Moution, 2018. 201 p.
- 8. Popko L. Biblical Symbols, Universal Language: For a Theology of the Two Testaments Anchored in the Human Sciences / L. Popko // Revue Biblique. 2018. Vol. 125. No. 2. P. 274–277. DOI: 10.2143/RBI.125.2.3285121.
- 9. Rychter E. Some Recent Biblical Re-Writings in English and the Contemporary "Canonical" Images of the Bible / E. Richter // American and British Studies Annual. 2017. Vol. 10. P. 117–135.
- 10. Searle J.R. A Classification of Illocutionary Acts [Електронний ресурс] / J.R. Searle. Режим доступу: http://www.jstor.org/stable/4166848 (останнє звернення 21.09.2019).
  - 11. Peretti E.F. Prophet / E.F. Peretti. Wheaton: Crossway books, 1986. 376 p.
  - 12. Peretti E.F. Piercing the Darkness / E.F. Peretti. Westchester: Crossway books, 1989. 441p.
  - 13. Peretti E.F. The Oath / E.F. Peretti. Dallas: Word Publishing, 1995. 545 p.
- 14. Peretti E.F. This Present Darkness / E.F. Peretti. Westchester. Illinois: Crossway Books, 1986. 376 p.
  - 15. Peretti E.F. The Visitation / E.F. Peretti. Nashvill: WestBow Press, 2003. 600 p.
- 16. Waldman N.M. The Wealth of Mountain and Sea the Background of a Biblical Image / N.M. Waldman // Jewish Quarterly Review. 1981. Vol. 71. No. 3. P. 176–180. DOI: 10.2307/1454391.
- 17. Wilson D., Sperber D. Relevance and Meaning / D. Wilson, D. Sperber. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 401 p.
- 18. Селіванова О. Лінгвістична енциклопедія / О. Селіванова. Полтава: Довкілля-К, 2011. 844 с.

PRAGMATIC EFFECT OF THE SPEECH-ACT REALIZATION OF BIBLICAL IMAGES-SYMBOLS IN FRANK PERETTI'S MYSTICAL THRILLERS

Polina S. Khabotniakova, Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: pkhabotniakova@gmail.com DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-22

Key words: speech acts, biblical images-symbols, Frank Peretti, mystical thriller, pragmatic effect, verbal, nonverbal and mixed effect, successful and unsuccessful effect, perlocution.

The article deals with the specificity of the pragmatic effect of the speech-act realization of biblical images-symbols in the mystical thrillers by Frank Peretti, the American postmodernism writer, whose worldview is based on Protestantism (Christianity). Biblical images-symbols artistically embodied into the mystical thrillers are biblical intertexts. Implemented in literary texts by lexical means, the biblical images-symbols as biblical intertexts embody archetypal (biblical) representations and, at the same time, author's associations while expressing the most significant ideas and guidelines for fictional texts

The pragmatic analysis of the speech acts made it possible to develop a typology of pragmatic (perlocutionary) effects of the speech-act realization where biblical images-symbols are artistically embodied. The pragmatic effect is revealed in such statements, as representative, directive, comissive, and expressive. The pragmatic effect can be successful or unsuccessful, and manifested in verbal, nonverbal, and mixed forms.

The perlocutionary effect can be considered as successful if it reaches the speaker's goal. The unsuccessful perlocutionary effect is a situation where the result of communication does not meet the expectations of the speaker. The verbal successful pragmatic effect is expressed by the verbal behavior of the addressee, which corresponds to the intentions of the interlocutor. This reaction may be explicit or implicit. The explicit reaction is the use of clichéd forms of communication that are acceptable to a particular social group. The implicit response is the concealment of the implicit meanings that underlie the recipient's verbal response to a particular message. The nonverbal successful pragmatic effect is expressed by the nonverbal behavior of the addressee, who silently obeys the speech intention of the interlocutor.

The mixed successful perlocutionary effect is manifested in both nonverbal and verbal speech behavior of the addressee, which corresponds to the intentions of the interlocutor.

The verbal unsuccessful pragmatic effect is expressed by speech behavior of the addressee, that does not meet the intentions of the interlocutor. This reaction may be explicit or implicit too. The nonverbal unsuccessful pragmatic effect is expressed by the nonverbal behavior of the addressee. The mixed unsuccessful pragmatic effect is manifested simultaneously in the nonverbal and verbal speech behavior of the addressee, that does not meet the intention of the interlocutor, thus, the perlocutionary effect is exacerbated by both reactions. The analysis of the characters' biblically-marked contexts, which implemented different types of speech acts, revealed the factors of success / failure of the perlocutive effect, which may be as follows: congruity / incongruity of participants of communication, expectedness (predictability) / unexpectedness (unpredictability) of the results of communication, relevance / irrelevance of the communication situation, congruence / incongruence with the norms of culture of behavior.

References

- 1. Austin, J.L. How to Do Things With Words. Oxford, Clarendon Press, 1962. Available at: https://pure.mpg.de/rest/items/item 2271128/component/file 2271430 (Accessed 21 September 2019).
- 2. Carston, R. Thoughts and Utterances: The Pragmatics of Explicit Communication. Cornwall, Wiley-Blackwell, 2002, 432 p.
  - 3. Cutting, J. Pragmatics: A Resource Book For Students. London & New York, Routledge, 2015, 298 p.
- 4. Howard, J.R. Vilifying the Enemy the Christian-Right and the Novels of Peretti, Frank. In: Journal of Popular Culture, 1994, vol. 3, no. 23, pp. 193-206. DOI: 10.1111/j.0022-3840.1994.2803_193.x.
  - 5. Huang, Y. The Oxford Handbook of Pragmatics, Oxford, Oxford University Press, 2017, 711 p.
- 6. Llera, J.A. Mourning, (Post)Expressionist Image and Biblical Intertext: an Interaction of "Iglesia Abandonada (Balada de la Gran Gerra)", by Frederico Garcia Lorca. In: Signa-Revista de la Asociacion Espanola de Semiotica, 2014, no. 24, pp. 43-64. DOI: 10.5944/signa.vol24.2015.14729.
- 7. Mazzone, M. Cognitive Pragmatics: Mindreading, Inferences, Consciousness. Berlin, De Grunter Moution, 2018, 201 p.
- 8. Popko, L. Biblical Symbols, Universal Language: For a Theology of the Two Testaments Anchored in the Human Sciences. In: Revue Biblique, 2018, vol. 125, no. 2, pp. 274-277. DOI: 10.2143/RBI.125.2.3285121.
- 9. Rychter, E. Some Recent Biblical Re-Writings in English and the Contemporary "Canonical" Images of the Bible. In: American and British Studies Annual, 2017, vol. 10, pp. 117-135.
- 10. Searle, R.J. A Classification of Illocutionary Acts. Available at: http://www.jstor.org/sta-ble/4166848 (Accessed 21 September 2019).
  - 11. Peretti, E.F. Prophet. Wheaton, Crossway books, 1986, 376 p.
  - 12. Peretti, E.F. Piercing the Darkness. Westchester, Crossway books, 1989, 441p.
  - 13. Peretti, E.F. The Oath. Dallas, Word Publishing, 1995, 545 p.
  - 14. Peretti, E.F. This Present Darkness. Westchester & Illinois, Crossway Books, 1986, 376 p.
  - 15. Peretti, E.F. The Visitation. Nashvill, WestBow Press, 2003, 600 p.
- 16. Waldman, N.M. The Wealth of Mountain and Sea the Background of a Biblical Image. In: Jewish Quarterly Review, 1981, vol. 71, no. 3, pp. 176-180. DOI: 10.2307/1454391.
- 17. Wilson, D., Sperber, D. Relevance and Meaning. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 401 p.
- 18. Selivanova, O. *Lingvistychna entsykpoledia* [The Linguistic Encyclopedia]. Poltava, Dovkillia-K Publ., 2011, 844 p.

Одержано 17.09.2019.

УДК 811.112.3'160.14

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-23

О.М. ШУМ'ЯЦЬКА,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Львівського національного університету імені Івана Франка

ЕМФАТИЧНЕ ВИБАЧЕННЯ У НІМЕЦЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

У пропонованій статті вибачення розглянуто як мовленнєвий жанр (далі МЖ), що являє собою сукупність лінгвопрагматичних значень, характерних для реалізації вибачення у німецькій мові. В основі такого МЖ — прагматична інтенція або сукупність прагматичних причин, притаманних досліджуваному МЖ.

За причиною висловлення у пропонованому дослідженні розрізняємо такі підтипи МЖ вибачення: 1) емфатичне вибачення — а) вибачення в інтересах мовця; б) вибачення в інтересах слухача; в) вибачення у спільних інтересах); 2) етикетне вибачення; 3) офіційне вибачення.

Емфатичним вважаємо вибачення, головними факторами якого виступають високий ступінь серйозності завданої адресату шкоди; усвідомлення мовцем своєї відповідальності за скоєну малефактивну дію; психологічний дискомфорт, який відчуває адресант внаслідок здійсненого негативного вчинку; бажання адресанта загладити свою провину перед адресатом та відновити баланс у їхніх стосунках. Комунікативною метою мовця виступає у такому випадку його бажання виразити негативне ставлення/негативну оцінку власної малефактивної дії та взяти на себе відповідальність за ситуацію, до якої призвела його поведінка.

Від етикетного чи офіційного емфатичне вибачення відрізняється тим, що в ситуації емфатичного вибачення мовець експлікує свої почуття з приводу події, яка відбулася та завдала шкоди адресатові. У центрі емфатичного вибачення перебувають мовець, який щиро прагне, щоб адресат пробачив йому, та його емоції, а саме, глибокий психологічний дискомфорт та визнання своєї відповідальності за здійснений ним негативний учинок.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, емфатичне вибачення, висловлення, мовець, адресат, малефактивна дія.

Статья посвящена исследованию эмфатического извинения как одного из подтипов речевого жанра извинения. Представлены главные характеристики эмфатического извинения. Путем анализа практического материала предложена классификация и выделены причины реализации исследуемого речевого жанра в современном немецком языке.

Ключевые слова: речевое жанр, эмфатическое извинение, высказывание, говорящий, адресат, малефактивное действие.

лтон Джон співав в одній зі своїх найпопулярніших пісень: «Sorry seems to be the hardest word». Чому ж інколи слова вибачення так важко підібрати? У повсякденному житті часто зустрічаються випадки, коли особа, здійснивши негативний учинок, прагне уникнути негативних наслідків, але не вміє правильно висловити почуття власної провини, а отже, відновити баланс у стосунках зі співрозмовником, якого вона образила. Причини виникнення труднощів у реалізації вибачення можуть бути різноманітні, як і підстави для висловлення вибачення, що відіграють вирішальну роль у побудові правильного висловлювання.

У пропонованій розвідці вибачення розглядаємо як мовленнєвий жанр (далі МЖ), що являє собою сукупність лінгвопрагматичних значень, характерних для реалізації вибачен-

ня у німецькій мові. В основі такого МЖ — прагматична інтенція або сукупність прагматичних причин, притаманних досліджуваному МЖ. Аналізуючи МЖ вибачення, можна чітко прослідкувати, що його природа за різних обставин відрізняється. Основу пропонованої класифікації МЖ вибачення складає причина висловлення, яка впливає на перебіг комунікації, тобто спричиняє певну послідовність комунікативних ходів, повідомлення від початку розмови мовцем до зміни мовця [1, с. 80], і яка визначає тематику МЖ вибачення.

Тематика міжособистісного спілкування сьогодні надзвичайно актуальна. Широку палітру праць присвятили дослідженню особливостей міжкультурної комунікації М. Лохер, Т. Мілборн, М. Нігауз, Е. Огірманн, В. Ущина, С. Хастінгс, Г.Л. Шівер [5; 7; 8; 9; 11; 14; 15]. Разом із тим комунікативна ситуація конфлікту і багатоаспектний феномен вибачення, тісно пов'язаний з цією ситуацією, залишаються й досі недостатньо дослідженими.

Т. Винокур виокремлює два основні інваріанти людської поведінки — інформативний і фатичний. Інформативне спілкування сприяє отриманню нових знань про зовнішній і внутрішній світ. Мета фатичної комунікації полягає у встановленні, підтриманні й регулюванні мовленнєвих та соціальних стосунків [2, с. 139].

За причиною висловлення у пропонованому дослідженні розрізняємо такі підтипи МЖ вибачення.

- 1. Емфатичне вибачення:
- а) вибачення в інтересах мовця;
- б) вибачення в інтересах слухача;
- в) вибачення у спільних інтересах.
- 2. Етикетне вибачення.
- 3. Офіційне вибачення.

Мета статті – проаналізувати і здійснити прагматичний опис емфатичного вибачення як одного з підтипів МЖ *вибачення*; виокремити відмінності емфатичного вибачення від інших підтипів досліджуваного МЖ.

Емфатичним вважаємо вибачення, головними факторами якого виступають високий ступінь серйозності завданої адресату шкоди; усвідомлення мовцем своєї відповідальності за скоєну малефактивну дію; психологічний дискомфорт, який відчуває адресант внаслідок здійсненого негативного вчинку; бажання адресанта загладити свою провину перед адресатом та відновити баланс у їхніх стосунках. Комунікативною метою мовця виступає у такому випадку його бажання виразити негативне ставлення/негативну оцінку власної малефактивної дії та взяти на себе відповідальність за ситуацію, до якої призвела його поведінка.

Емфатичне вибачення поділяємо на вибачення в інтересах мовця, слухача та у спільних інтересах обох інтерактантів. Головним критерієм розмежування цих трьох підтипів емфатичного вибачення вважаємо напрям зацікавлення або ж необхідності вибачення. Вибачення, у якому мовець висловлює свою провину за здійснену малефактивну дію та бажання виправити ситуацію, називаємо вибаченням в інтересах мовця. У такій ситуації вибачення мовець щиро шкодує і хвилюється з приводу неприємного як для нього, так і для слухача випадку. Адресант просить вибачення і потребує прощення з боку адресата, оскільки отримання прощення — це єдиний спосіб для мовця віднайти внутрішній душевний спокій.

Приклад (1) представляє інтереси мовця та його бажання змінити негативну оцінку виконаної ним дії, що склалася в адресата, на позитивну. Кестер їхав автомобілем, постійно перевищуючи дозволену швидкість, щоб привезти лікаря до хворої подруги його друга. Побачивши обурення лікаря з приводу їхньої поїздки, Кестер просить вибачення у професора і пояснює причину свого поспіху:

(1) Der Professor kam heraus. Ich stand auf. «Verdammt will ich sein, wenn ich noch einmal mit Ihnen fahre», sagte er zu Köster.

«Entschuldigen Sie», sagte Köster, «es ist die Frau meines Freundes» [13, S. 197].

Висловлюючи вибачення в інтересах адресата, мовець прагне не допустити виникнення у свого співрозмовника негативного емоційного стану або ж, якщо такий виник, то змінити його на позитивний.

Наступний приклад вибачення здійснюється в інтересах адресата. Адресант просить вибачення у співрозмовника за те, що не впізнав його, чим намагається змінити його негативний емоційний стан:

(2) «Isabelle», wiederhole ich. «Erkennst du mich nicht? Ich bin doch Rudolf».

«Rudolf?» wiederholt sie. «Rudolf – wie, bitte?»

Ich starre sie an. «Wir haben oft miteinander gesprochen», sage ich dann.

Sie nickt. «Ja, ich war lange hier. Ich habe vieles davon vergessen, entschuldigen Sie. Sind Sie auch schon lange hier?» [12, S. 419–420].

Наступний підтип емфатичного вибачення називаємо вибаченням у спільних інтересах, тобто вибачення, метою якого є висловлення своєї провини за здійснену малефактивну дію, бажання виправити ситуацію, не допустити виникнення в адресата негативного емоційного стану або, у разі виникнення, змінити його на позитивний. Вибачення цього типу висловлюється в інтересах і мовця, і слухача, наприклад:

(3) «Es war wirklich schrecklich, wenn wir nach Hause kamen, und die Kinder rochen es. **Aber es war meine Schuld, dass auch du trankst**».

«Es geht mir nicht darum, festzustellen, wer an irgendetwas schuld ist». Sie stellte den Teller weg und trank einen Schluck Bier. «Ich weiß nicht, werde nie wissen, ob du schuld bist oder nicht, Fred. Ich will dich nicht kränken, Fred, aber ich beneide dich» [3, S. 139].

У наведеному прикладі чоловік реалізує вибачення перед дружиною, визнаючи себе винним у проблемах сім'ї. Це висловлення здійснюється в інтересах як мовця (чоловіка), так і слухача (дружини), оскільки вони обоє зацікавлені у позитивному результаті висловленого вибачення.

Очевидно, що емфатичне вибачення, яке згідно з аналізом корпусу найчастіше зустрічається у сучасній німецькій мові, характеризується різноманітною тематикою, оскільки воно реалізується в різних типах комунікативної ситуації та характеризується різними причинами висловлювання. Проведений аналіз практичного матеріалу дозволяє виділити такі причини емфатичного МЖ вибачення.

Заподіяння матеріальної шкоди. Ситуації заподіяння матеріальної шкоди, які підлягають законному врегулюванню, вимагають, зазвичай, матеріального відшкодування, наприклад, накладення штрафу на винуватця. Проте часто у таких випадках, крім матеріального відшкодування завданих збитків, мовець реалізує ще й вибачення за свою провину. Приклад (4) ілюструє розмову двох подруг, у якій Сара повідомляє Луїзі, що зіпсувала позичену в неї сукню. Реалізуючи вибачення, дівчина висловлює жаль з приводу власного негативного вчинку та отримує порозуміння від співрозмовника (In Ordnung):

(4) Sarah: **Es tut mir leid**. ich hab dein Kleid zerrissen.

Luise: Schade!!

Sarah: Bitte entschuldige!

Luise: In Ordnung [взято з анкети опитування].

Аналіз практичного матеріалу показав, що у таких ситуаціях мовець зазвичай реалізує вибачення, оскільки усвідомлює свою провину, відчуває відповідальність за виникнення негативної ситуації та прагне зберегти баланс у стосунках зі співрозмовником. Проте збереження хороших стосунків залежить не лише від висловлення вибачення, але й від серйозності завданої шкоди та характеру адресата. Зображена вище ситуація може мати інший перебіг:

(5) Sarah: Luise, ich muss dir etwas sagen, aber sei nicht böse, ok.

Luise: Ok, was ist denn?

Sarah: Ich habe mir doch neulich ein Kleid von dir geliehen, für die Party, wir waren ja draußen grillen und ich bin an der Holzbank hängen geblieben... Entschuldige bitte... Wir kaufen dir ein neues.

Luise: Ach Mann, Sarah, das war mein Lieblingskleid, ich werde dir nichts mehr leihen... [взято з анкети опитування].

Сара, ненавмисно зіпсувавши позичену в подруги сукню, повідомляє Луїзі неприємний випадок, перепрошує за свій негативний учинок і пропонує купити нову сукню. Характер та настрій Луїзи тут відіграють також важливу роль. Сара не відразу розповідає їй про неприємність, яка мала місце, а таким чином, готує співрозмовника до неприємної новини, просить не сердитись на неї (Luise, ich muss dir etwas sagen, aber sei nicht böse, ok). Проте подруга не приймає вибачення, мотивуючи, що це була її улюблена сукня.

Цікавими є ситуації дорожньо-транспортних пригод, у яких можливе відшкодування збитків третьою стороною:

(6) Olaf ist beim Parken seines Autos mit einem anderen Auto zusammengestoßen. Was sagen die beiden Fahrer einander?

Olaf: **Entschuldigung**, ich habe Ihr Auto angefahren.

Fahrer des beschädigten Autos: So ein Pech!

Olaf: Es tut mir leid.

Fahrer des beschädigten Autos: Die Versicherung wird es in Ordnung bringen [взято з анкети опитування].

У наведеному прикладі мовець, визнаючи свою провину, просить вибачення у співрозмовника за те, що пошкодив його автомобіль (Entschuldigung, ich habe Ihr Auto angefahren). Серйозності ситуації додає негативний стан водія пошкодженого транспортного засобу (So ein Pech!), що збільшує почуття провини в адресанта та спонукає його підсилити висловлене вибачення (Es tut mir leid). Адресат правильно розуміє інтенцію мовця і, оскільки в Німеччині для водіїв транспортних засобів є обов'язковим страхування від відповідальності за заподіяння шкоди, то зрозуміло, що матеріальне відшкодування здійснює третя сторона, що підтверджує репліка адресата у відповідь (Die Versicherung wird es in Ordnung bringen).

Заподіяння нематеріальної шкоди розглядаємо як групу причин, які не призводять до матеріального відшкодування. Сюди зараховуємо порушення домовленостей, образу. Такі порушення домовленостей як недотримання обіцянки або невиконання зобов'язань викликають в адресата негативну оцінку дій мовця, внаслідок чого у слухача може виникнути думка про мовця як про ненадійну людину. Вибаченням мовець може протидіяти цьому. Для висловлення вибачення важливим є усвідомлення мовцем та слухачем порушення домовленості. Якщо слухач не сприймає серйозно, а отже, не оцінює негативно порушення домовленості мовцем, то мова йде про етикетне вибачення. Якщо ж мовець образився або міг образитися на співрозмовника за порушення домовленості, то вибачення посилюють поясненнями.

(7) Katrine: Es tut mir Leid, dass es länger gedauert hat.

Bjarte: Ich hab' versucht, dich im Hotel zu erreichen.

Katrine: Stell dir vor: **Der Auftrag war schneller erledigt als ich dachte – und da bin ich nach Deutschland gefahren** [8, S. 50].

У пропонованому прикладі мовець перепрошує співрозмовника за те, що порушив домовленість з ним і не прийшов вчасно (Es tut mir Leid, dass es länger gedauert hat), наводячи причину свого спізнення (da bin ich nach Deutschland gefahren).

Отже, до порушення домовленостей належить також *спізнення*. Згідно зі стереотипом німці пунктуальні, тому спізнення у німецькій культурі потребує реалізації вибачення.

Результати аналізу практичного матеріалу показують, що у ситуаціях порушення домовленостей мовець, крім вибачення, зазвичай, обґрунтовує свою поведінку та пропонує (або запитує, чи він може) виправити ситуацію, що склалася. Наприклад, у ситуації, коли мовець забув принести книгу, яку обіцяв позичити знайомому, винуватець здебільшого так перепрошує: 1) Sorry, es tut mir Leid, aber ich habe das Buch zu Hause vergessen, zu wann benötigst du es denn? 2) Entschuldigen Sie bitte, doch ich habe heute das Buch zu Hause vergessen, kann ich es Ihnen morgen geben? 3) Tut mir leid, dass ich das Buch vergessen habe. Ich bringe es morgen.

Наступною причиною реалізації вибачення є *образа*. Усвідомлюючи, що своєю поведінкою або словами міг образити співрозмовника, мовець перепрошує його та намагається таким чином зменшити почуття образи адресата і відновити гармонію у стосунках з ним.

(8) Ungehalten brüllte Dr. Diebel los. Unvermittelt begann ich zu weinen.

«Was hast du denn, mein Gott, so habe ich es doch nicht gemeint», rief er im nächsten Augenblick. «Es tut mir leid. Komm, bitte vergiss, was ich gesagt habe» [6, S. 104–105].

У наведеному прикладі лікар образив свою колегу, накричавши на неї, внаслідок чого та розплакалася. Розуміючи, що своїм криком, сам того не бажаючи (Was hast du denn, mein Gott, so habe ich es doch nicht gemeint), скривдив співрозмовника, мовець висловлює жаль

з приводу власної неправильної поведінки (Es tut mir leid) і просить адресата забути сказане ним (bitte vergiss, was ich gesagt habe).

Зібраний практичний матеріал показує, що для реалізації вибачення за завдання образи співрозмовнику мовець послуговується такими словами: Tut mir sehr leid, ich wollte Sie nicht beleidigen. Es tut mir leid, das war nicht so gemeint. Es tut mir leid, es sprudelte einfach so aus mir heraus. Ich hoffe, du bist mir nicht böse? Entschuldige bitte. Verzeihen Sie (bitte).

Помилки, які призводять до негативних наслідків, вимагають також реалізації вибачення. Визнання допущеної помилки, з одного боку, принижує статус мовця, а з іншого — показує його гідною і ввічливою особистістю та сприяє відновленню/збереженню хороших стосунків з адресатом.

(9) ///: Ich bin schließlich schuld daran.

Der Lehrer: Schuld?

III: Ich habe Klara zu dem gemacht, was sie ist, und mich zu dem, was ich bin, ein verschmierter windiger Krämer. Was soll ich tun, Lehrer von Güllen? Den Unschuldigen spielen? Alles ist meine Tat, die Eunuchen, der Butler, der Sarg, die Milliarde. Ich kann mir nicht mehr helfen und auch euch nicht mehr [4, S. 99].

У прикладі (9) мовець визнає свою провину та усвідомлює, що його помилки у минулому мають зараз негативні наслідки для нього та близьких. У таких ситуаціях важливий часовий момент визнання провини. У наведеному прикладі мовець вважає, що занадто пізно визнав свою провину і почувається безпомічним для себе та інших.

Неправильна поведінка часто є також причиною реалізації вибачення, оскільки вона може негативно вплинути на оцінку адресата дій мовця та загрожує їхнім стосункам. У прикладі (10) мовець не хоче, щоб у адресата склалося негативне враження про нього, тому він просить вибачення за свою поведінку і за запитання, яке адресат може негативно оцінити:

(10) «Entschuldigen Sie bitte, dass wir etwas erstaunt sind», sagte Nick langsam, «aber gestatten Sie mir die Frage, was Mr. van Mieren und vor allen Dingen Sie dazu bewogen hat, diesen Schritt zu tun?» [10, S. 804].

Дослідження МЖ *вибачення* дозволяє дійти висновку, що залежно від умов ситуації спілкування, досліджуваний МЖ реалізується в мові у різних підтипах.

За умови реалізації емфатичного МЖ вибачення мовець не лише визнає заподіяння адресату певної шкоди, реальної або потенційної, моральної, фізичної або матеріальної, а й цілковито усвідомлює серйозність виконаної ним малефактивної дії. За допомогою висловлення вибачення мовець демонструє своє прагнення отримати прощення від адресата.

Емфатичне вибачення відрізняється від етикетного чи офіційного тим, що в ситуації емфатичного вибачення мовець експлікує свої почуття з приводу події, яка відбулася та завдала шкоди адресатові. У центрі емфатичного вибачення перебувають мовець, який щиро прагне, щоб адресат пробачив йому, та його емоції, а саме, глибокий психологічний дискомфорт та визнання своєї відповідальності за здійснений ним негативний учинок.

Список використаної літератури

- 1. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. К.: Академія, 2004. 344 с.
- 2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1993. 172 с.
- 3. Böll H. Und sagte kein einziges Wort / H. Böll. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1992. 170 S.
- 4. Dürrenmatt Fr. Der Besuch der alten Dame. Eine tragische Komödie / Fr. Dürrenmatt. Zürich: Diogenes Verlag, 2012. 160 S.
- 5. Hastings S.O., Milburn T. Olfaction and emotion: The quest for olfactory restoration in two speech communities / S.O. Hastings, T. Milburn // Journal of International and Intercultural Communication. England, Oxon: Taylor & Francis LTD. 2019. Vol. 12. Issue 2. P. 190–207.
- 6. Jöhnk A. Diesmal werde ich es schaffen / A. Jöhnk. Bergisch Gladbach: Bastei Lübbe, 2001. 287 S.

- 7. Locher M.A. Introduction: Politeness and impoliteness in computer-mediated communication / M.A. Locher // Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture. Berlin: de Gruyter. 2010. Vol. 6. Issue 1. P. 1–5.
- 8. Mass G., Tölle Chr. Zwei Leben / G. Mass, Chr. Tölle. 2012. 116 S. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.stichwortdrehbuch.de/sites/stichwortdrehbuch.de/files/drehbuecher/zweileben.pdf (останне звернення 02.09.2019).
- 9. Niehaus M. Interkulturelle Dinge / M. Niehaus // Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. S. 33–48.
- 10. Neuhaus N. Unter Haien [E-Book] / N. Neuhaus. Münster; Berlin: Prospero Verlag, $2009.-1011~\mathrm{S}.$
- 11. Ogiermann E. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests / E. Ogiermann // Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture. 2009. Vol. 5. Issue 2. P. 189–216.
- 12. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk / E.M. Remarque. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. 500 S.
- 13. Remarque E.M. Drei Kameraden / E.M. Remarque. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2000. 398 S.
- 14. Schiewer G.L. Kooperation und Wettbewerb ein Widerspruch? Verständigung und Übersetzung im Blickfeld ökonomischer Emotionsforschung / G.L. Schiewer // Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. S. 127–144.
- 15. Ushchyna V. Cognitive dynamics of Stancetaking in risk discourse situation / V. Ushchyna // Advanced Education. 2019. Issue 12. P. 142–149.

EMPHATIC APOLOGY IN GERMAN LINGUACULTURE

Oleksandra M. Shumiatska, Ivan Franko Lviv National University (Ukraine)

E-mail: shykitka@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-23

Key words: speech genre, emphatic apology, utterance, speaker, addressee, malicious act.

In the proposed article, apology is considered as a speech genre (hereinafter SG), which is a set of lingua-pragmatic meanings typical of the implementation of apology in German. At the heart of such SG lies the pragmatic intention or set of pragmatic reasons inherent in the SG under investigation.

For the reason given in the proposed study, we distinguish the following subtypes of SG of apologies:

- 1) emphatic apology (a) apology in the interests of the speaker; b) an apology in the interests of the listener; c) an apology in the common interests)
  - 2) etiquette apology
  - 3) formal apology

The purpose of the article is to analyze and implement a pragmatic description of emphatic apology as one of the subtypes of SG of apology; to distinguish the differences of emphatic apology from other subtypes of the studied SG.

The main factors of emphatic apology are considered to be the high degree of seriousness of the harm done to the addressee; the speaker's awareness of his or her responsibility for the action taken; psychological discomfort experienced by the addressee as a result of a negative act; the desire of the addressee to plead guilty and to restore the balance in their relationship. In such a case, the speaker's communicative purpose is to express his/her negative attitude/negative evaluation of his or her own action and to take responsibility for the situation that led to his/her behavior.

Emphatic apology is divided into apology in the interests of the speaker, the listener, and in the mutual interests of both interactors. The main criterion for distinguishing between these three subtypes of emphatic apology is the direction of interest or the need for apology.

An emphatic apology is distinguished from etiquette or official apology by the fact that in a situation of emphatic apology, the speaker expresses his feelings about the event that occurred and caused harm to the addressee. At the center of the emphatic apology there is a speaker who sincerely seeks to have the addressee forgive him and his emotions, namely deep psychological discomfort and recognition of his responsibility for his negative act.

References

- 1. Batsevich, F.S. *Osnovy komunikatyvnoi lingvistyky* [Foundations of Communicative Linguistics]. Kyiv, Academy Publ., 2004, 344 p.
- 2. Vinokur, T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener: Variants of Speech Behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 172 p.
- 3. Böll, H. *Und sagte kein einziges Wort* [And Never Said a Word]. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1992, 170 p.
- 4. Dürrenmatt, Fr. *Der Besuch der alten Dame. Eine tragische Komödie* [The Visit]. Zürich, Diogenes Verlag, 2012, 160 p.
- 5. Hastings, S.O., Milburn, T. Olfaction and emotion: The quest for olfactory restoration in two speech communities. In: England, Oxon, Taylor & Francis LTD, 2019, volume 12, Issue 2, pp. 190-207.
- 6. Jöhnk, A. *Diesmal werde ich es schaffen* [I`ll do it this time], Bergisch Gladbach, Bastei Lübbe, 2001, 287 p.
- 7. Locher, M.A. Introduction: Politeness and impoliteness in computer-mediated communication. In: Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture, 2010, volume 6, issue 1, pp. 1-5.
- 8. Mass, G., Tölle, Chr. (2012). Zwei Leben [Two Lives], 2012, 116 S. Available at: http://www.stichwortdrehbuch.de/sites/stichwortdrehbuch.de/files/drehbuecher/zweileben.pdf (Accessed 02 September 2019).
- 9. Niehaus, M. *Interkulturelle Dinge* [Intercultural things]. *Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik* [Intercultural Germanic Studies Journal], 2010, volume 1, issue 1, pp. 33-48.
  - 10. Neuhaus, N. Unter Haien [Under Sharks]. Münster; Berlin, Prospero Verlag, 2009, 1011 p.
- 11. Ogiermann, E. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. In: Journal of Politeness Research. Language, Behaviour, Culture, 2009, volume 5, issue 2, pp. 189-216.
- 12. Remarque, E.M. *Der schwarze Obelisk* [The Black Obelisk]. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 1989, 500 P.
  - 13. Remarque, E.M. Drei Kameraden [Three Comrades]. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 2000, 398 p.
- 14. Schiewer, G.L. Kooperation und Wettbewerb ein Widerspruch? Verständigung und Übersetzung im Blickfeld ökonomischer Emotionsforschung [Cooperation and competition a contradiction? Understanding and translation in the field of economic emotion research]. Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik [Intercultural Germanic Studies Journal], 2010, volume 1, issue 1, pp. 127-144.
- 15. Ushchyna, V. Cognitive dynamics of Stancetaking in risk discourse situation. In: Advanced Education, 2019, issue 12, pp. 142-149.

Одержано 5.09.2019.

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

УДК: 81'25:81'373.423

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-24

T.E. PYSMENNYI,

Lecturer, English Philology and Translation Department, Alfred Nobel University (Dnipro)

A.A. PLIUSHCHAI.

Senior Lecturer, English Philology and Translation Department, Alfred Nobel University (Dnipro)

M.Y. ONISHCHENKO,

Senior Lecturer, English Philology and Translation Department, Alfred Nobel University (Dnipro)

INTERLINGUAL HOMONYMS IN SPANISH AND ITALIAN: **FALSE FRIENDS – REAL ENEMIES OF TRANSLATORS**

In modern philological science, similar in sound but different in meaning words are called interlingual homonyms or, as they are often called in the circles of philologists and translators, "false friends". Such "false friends" are "real enemies" for translators. However, there is no difference whether translation is carried out between related language groups or into other foreign languages. In this work, we will study and disclose the problems of translation and interpretation of interlingual homonyms in Spanish and Italian, being part of the group of Romance languages. The problem posed is one of the most complicated touching important aspects of the activities of modern translators. And the goal of this work is to analyze the problem of translating interlingual homonyms with the subsequent proposal to simplify understanding and study the phenomenon of homonymy. It is assumed that the list of Spanish-Italian homonyms presented in the research can be of substantial help in the practice of teaching these languages for both foreign students from European countries and students who are fluent in Italian or Spanish. In the future, our methodological developments can form the basis of a special textbook on Spanish-Italian vocabulary, oriented primarily for European students and taking into account the problem of interlingual interference. In addition to the list of interlingual homonyms, the authors created a bilateral dialogue between native speakers of Spanish and Italian, where a simple, at first glance, conversation from life that leads to unpredictable unfolding and to no less unexpected ending, perfectly demonstrates what ignorance can lead to misunderstandings without clear interpretation of certain words. The authors propose to use a visual demonstration of interlingual homonyms in such situational dialogues, which will help students and translators to clearly understand the differences between certain words, and, accordingly, facilitate the perception of the material under consideration.

Key words: interlingual homonyms, Spanish, Italian, translation problems, bilateral dialogue, homonymy.

У сучасній філологічній науці схожі за звучанням, але різні за значенням слова отримали назву міжмовних омонімів або, як їх нерідко називають у колах філологів і перекладачів, «хибні друзі». Такі «хибні друзі» є «справжніми ворогами» для перекладачів, хоча нема різниці, чи здійснюється переклад на споріднені чи інші мови. У цій статті досліджено і розкрито проблеми перекладу та інтерпретації міжмовних омонімів в іспанській та італійській мовах, які входять в групу романських. Проблема, що висвітлюється, є однією з найбільш складних у розв'язанні, а також важливою серед аспектів діяльності сучасних перекладачів. Метою цієї статті є аналіз проблеми перекладу

© T.E. Pysmennyi, A.A. Pliushchai, M.Y. Onishchenko, 2019

міжмовних омонімів з подальшою пропозицією спрощення розуміння і вивчення явища омонімії. Передбачається, що наведений перелік іспано-італійських омонімів може надати істотну допомогу в практиці викладання цих мов як для іноземних учнів з європейських країн, так і студентів, які досить добре володіють італійською або іспанською. Методичні розробки можуть лягти в основу навчального посібника з іспано-італійської лексики, призначеного в першу чергу для європейських здобувачів, з урахуванням проблем міжмовної інтерференції. Крім списку міжмовних омонімів, авторами було розроблено білатеральний діалог між носіями іспанської та італійської, де наочно продемонстровано просту, на перший погляд, розмову з життя, яка призводить до непередбачуваного розвитку і не менш несподіваного фіналу, що чудово показує, до чого може призвести незнання специфіки трактування тих чи інших слів. Автори пропонують використовувати міжмовні омоніми в подібних ситуативних діалогах, що допоможе здобувачам і перекладачам чітко розуміти відмінності між тими чи іншими словами і, відповідно, простіше засвоювати матеріал.

Ключові слова: міжмовні омоніми, іспанська мова, італійська мова, проблеми перекладу, білатеральний діалог, омонімія.

В современной филологической науке схожие по звучанию, но различные по значению слова получили название межъязыковых омонимов или, как их нередко называют в кругах филологов и переводчиков, «ложных друзей». Такие «ложные друзья» являются «настоящими врагами» для переводчиков, при этом нет различия, осуществляется ли перевод между родственными языковыми группами или на другие языки. В данной статье исследованы и раскрыты проблемы перевода и интерпретации межъязыковых омонимов в испанском и итальянском языках, которые входят в группу романских. Поставленная проблема является одной из наиболее сложных в разрешении, а потому важной среди аспектов деятельности современных переводчиков. Целью данной статьи является анализ проблемы перевода межьязыковых омонимов с последующим предложением упрощения понимания и изучения явления омонимии. Предполагается, что приведенный перечень испано-итальянских омонимов может оказать существенную помощь в практике преподавания этих языков как для иностранных учащихся из европейских стран, так и студентов, которые достаточно хорошо владеют итальянским или испанским языками. В дальнейшем наши методические разработки могут лечь в основу учебного пособия по испано-итальянской лексике, предназначенного в первую очередь для европейских учащихся и учитывающего проблему межъязыковой интерференции. Помимо списка межъязыковых омонимов, авторами был разработан билатеральный диалог между носителями испанского и итальянского языков, где наглядно продемонстрирован простой, на первый взгляд, разговор из жизни, который приводит к непредсказуемому развитию и не менее неожиданному финалу, показывающему, к чему может привести незнание специфики трактовки тех или иных слов. Авторы предлагают использовать наглядную демонстрацию межъязыковых омонимов в подобных ситуативных диалогах, которые помогут учащимся и переводчикам понимать различия между теми или иными словами, и, соответственно, проще усваивать материал.

Ключевые слова: межъязыковые омонимы, испанский язык, итальянский язык, проблемы перевода, билатеральный диалог, омонимия.

n the realities of the modern world, translators of foreign languages often encounter specific difficulties in interpreting certain expressions, phraseological units, phrases, sentences, and sometimes even simple words. It is undeniable that the languages of one group, for example, Romance or Germanic, have a number of similar in sound and spelling, but different in interpretation and translation of words. In modern philological science, such similar words are called interlingual homonyms or, as they are often called in the circles of philologists and translators, "false friends". Such "false friends" are "real enemies" for translators. However, there is no difference whether translation is carried out between the related language groups or into other foreign languages.

The aim of this work is to analyze the phenomenon of homonymy in Spanish and Italian, followed by the development of a method of situational dialogue, as an option to simplify the study of interlingual homonyms for university students.

The objectives of this work are to analyze the phenomenon of homonymy in Spanish and Italian; to offer bilateral situational dialogues as a method and way to simplify the study and understanding of the phenomenon under study; to analyze interlingual homonyms in Spanish and Italian.

The method of bilateral situational dialogues presented in this work, according to the author, is able to interest modern students in the study of the phenomenon of homonymy, as well as to simplify significantly the task of understanding and interpreting them in the context of interlingual communication.

In this work we will study and disclose the problems of translation and interpretation of interlingual homonyms in Spanish and Italian being part of the group of Romance languages. The problem posed is one of the most difficult to resolve, reflecting the important aspects of the modern translator's activity. And the goal of this work is to analyze the problem of translating interlingual homonyms with the subsequent proposal to simplify understanding and studying the phenomenon of homonymy as such.

The relevance of this theme is indicated by its popularity in the scientific community. The theme of interlingual homonyms was investigated by Armstrong B.C., Zugarramurdi C., Cabana A., Lisboa J.V., Plaut D.C. [1], Carrol G., Littlemore J., Dowens M.G. [2], Al-Wahy A.S. [3], Brumme J. [4], Dominguez P.J.C., Nerlich B. [5], Sabate-Carrove M., Chesnesvar C.I. [6], Breitkreuz H. [7], Topalova A. [8].

It is assumed that the list of Spanish-Italian homonyms presented in the research can be of substantial help in the practice of teaching these languages for both foreign students from the European countries and the students who are fluent in Italian or Spanish. In the future, our methodological developments can form the basis of a special textbook on Spanish-Italian vocabulary, intended primarily for European students, sorting out the problem of interlingual interference.

In addition to the list of interlingual homonyms, the authors created a bilateral dialogue between the native speakers of Spanish and Italian, where a simple, at first glance, conversation from life has unpredictable unfolding and no less unexpected ending which perfectly demonstrates that a lack of knowledge in specificity of interpretation of certain words can lead to the most diverse situations. The authors suggest to use a visual demonstration of interlingual homonyms in such situational dialogues, which will help students and translators to clearly understand the differences between certain words, and, accordingly, to master the material easier.

False translator's friends are lexical units that are similar in spelling or sounding in the original language and in the target language but differ in their semantic content and direct the translator along the wrong path. False translator's friends or interlingual homonyms (interlingual paronyms) are pair of words in two languages, similar in spelling and/or pronunciation, often having a common origin, but differing in meaning.

According to K.G. Gottlieb, "false friends" are words of two (possibly several) languages that, due to the similarity of their form and content, can cause false associations and lead to an erroneous perception of information in a foreign language, and when translated, to distortions of content, errors in lexical compatibility, inaccuracies in the transmission of stylistic coloring, as well as in usage [9].

At the end of the 19th century, "false friends of translator" first attracted the attention of linguists, but then they did not receive a terminological designation, since they were not deeply studied. A systematic and extensive study of such cross-language correspondences in 1928 was first conducted on the material of the French-English and English-French parallels by the French lexicographers M. Kesler and J. Derokigny. They introduced the terms "faux amis du traducteur" ("false friends of translator"), which became common. M. Kessler and J. Derokigny in their work *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais*, under the literal translation of "false friends of the translator," meant translation only by the sound similarity of words of two languages [10, p. 112].

In our country, similar dictionaries of "false friends of translator" appeared only in the late 60s and early 70th of the 20th century [3, p. 108]. Since then, many other names have appeared to denote this category of words in different languages.

In philological science, this interlingual correspondence received the following terminological notation: false analogs; false analogues; dialects; interlingual homonyms; interlingual analogisms; false equivalents; false lexical parallels; pseudo-international words/pseudo-internationalisms; quasi-international words/quasi-equivalents; imaginary friends of translators [11].

Scholars introduced various definitions and classifications of these units based on the similarity of their forms and meanings. Thus, V.N. Manakin defines the interlingual homonyms as "words genetically related or borrowed (internationalisms) that are close or identical in form, but not related to each other in meaning" [12, p. 162].

E.A. Suprun also subdivides the interlingual homonyms into full and partial. The second type is characterized by the presence of a common basic meaning with a difference in its shades (emotionally expressive or functional stylistic) [13, p. 36–38]. Thus, the connotative connections of interlingual homonyms are different, which complicates their use in the same situations.

V.V. Akulenko distinguishes three categories of units: interlingual synonyms, interlingual paronyms and interlingual homonyms. Interlingual synonyms are the words of two languages that fully

or partially coincide in meaning and usage. Interlingual paronyms include the units that have different meanings and are not quite similar in form, but, nevertheless, cause false associations for people. Interlingual homonyms are the words of two languages, "similar to the degree of identification by sound and / or graphic form" and having different meanings [14, p. 372]. According to the scientist, errors while translating or learning of foreign languages can be associated with each category [15].

It is well-known that both Spanish and Italian languages originate from the language of all languages – Latin. With the separation of languages, the science of translation studies began to emerge, which, as it developed, covered an increasing number of problems and controversial provisions. Trying to answer the question "how to translate?" the researchers focus on various objects of translation, which are often the sources of conflicting opinions and different views and approaches to their interpretation.

In recent years, researchers have an increased interest in the category of words called "translator's false friends" in the translation literature, as well as interlingual relative synonyms of a similar kind, interlingual homonyms and paronyms. When translating this category of words, false identifications can occur, since interlingual analogies have some graphic (or phonetic), grammatical, and often semantic similarity. The analysis of examples of "false words of translator" shows that the greatest number of errors occurs translating international vocabulary. International parallels are characterized by a common semantic structure and are therefore easily identified in translation. However, as a result of such identifications, false equivalents often arise, since along with generality in their semantic structures there are also significant differences, which the translator can often forget about.

Based on the foregoing, the relevance of this topic lies in the fact that it is quite widespread, and the number of errors that are made not only by ordinary people, but also by the translators themselves is quite high.

The role of interlingual synonyms is played by the words of both languages that fully or partially coincide in meaning and usage. They are equivalent in translation. Interlingual homonyms can be called the words of both languages, similar in degree of identification of the sound (or graphic) form but having different meanings. Finally, the words of comparable languages, which are not quite similar in form, but which can cause false associations and identify with each other, despite the fact that their meanings diverge, should be attributed to interlingual paronyms.

All these semantically heterogeneous cases are united by the practical circumstance that words, associated and identifiable (due to similarities in terms of expression) in two languages, in terms of content or in use, do not fully correspond or even completely do not correspond to each other.

In principle, one should distinguish between "false friends of translator" in oral and written forms of speech. This requirement is mandatory in the case of a comparison of languages with completely different scripts or, conversely, in the case of languages with a common script, but phonemic dissimilar vocabulary [16].

Historically, "false friends of translator" are the result of the interplay of languages, in a limited number of cases they can arise as a result of random coincidences, and in related, especially closely related, languages are based on the related words that come from the common prototypes in the basic language.

Translation is the interpretation of the meaning of the source text in one language and the creation of a new, equivalent text in another language so that the translated text carries the semantic load of the source text. There are two types of translation: written translation, which consists in the written transfer of meaning from one language to another and oral translation, which consists in the transfer of meaning in the oral from one language to another [17].

Some of pairs of interlingual homonyms of the Spanish and Italian languages with their translation were gathered and reflected in a situational dialogue between two speakers of Romance languages: Spanish and Italian. Within the framework of this conversation, the relevance of the problem of translation and understanding of interlingual homonyms in practice, that is, in a real life situation, will be shown.

In order to display the meanings and characteristics of mutual understanding, all replicas of this communication were translated into Russian, adapting Italian and Spanish to a Russian-speaking native speaker.

A Spanish speaker Carlos, who came to Rome for a summer vacation, will be represented in a bilateral dialogue, and Monica, representing the Italian language, will speak with him.

Table 1

Bilateral Spanish-Italian dialogue with translation into Russian

Carlos: ¡Joder! ¡Qué difícil es entender a estos italianos! Y dicen que estas lenguas son similares. No entiendo nada. Pensaba que vendría a Italia, me divertiría mucho, hablaría con italianas chulas y ahora me siento como un idiota ¡Ay, qué mierda!	Карлос: Ужас! Как же сложно понимать этих итальянцев! А еще говорят, что эти языки похожи. Ничего не соображаю. Думал, приеду в Италию, круто проведу время, пообщаюсь с классными итальянками, а теперь чувствую себя каким-то идиотом! Ай, полный отстой!	
Monica: Ciao, ragazzo, posso aiutarti? Vedo che hai alcuni problemi?	Моника: Молодой человек, могу ли я тебе чем-то помочь? Я вижу, что у тебя какие-то проблемы?	
Carlos: ¿Problemas? Sí, sí. Tienes razón que hay un montón de problemas. ¡He perdido el camino completamente!	Карлос: Проблемы? Да-да. Вот именно, что куча проблем. Я сбился с пути и совсем потерялся!	
Monica: Stai cercando un camino? Ma perché hai bisogno di un camino? Ora siamo in estate e c'è il caldo infernale per la strada!	Моника: Ты ищешь камин? Но зачем тебе камин? Сейчас же лето и на улице адская жара!	
Carlos: ¡Qué buena idea! Tengo hambre y me apetece comer caldo con gambas. ¿Vamos a comer?	Карлос: Кстати, это мысль! Я проголодался и совсем не против съесть бульон с креветками . Пойдем, поедим?	
Monica: Ah, quindi le tue gambe sono congelate e per questo hai bisogno di un camino. Ma in questo momento non riesci a trovare un camino funzionante a Roma. Posso offrire qualcosa da bere. Come ti pare l'idea?	Моника: А, так у тебя замерзли ноги и вот для чего тебе камин. Но в такое время ты вряд ли найдешь работающий камин в Риме. Могу предложить выпить чего-то горячительного. Как тебе идея?	
Carlos: ¿Beber algo? De acuerdo. Un vaso de whisky sería genial.	Карлос: Выпить? Я только «за». Стаканчик виски был бы кстати.	
Monica: Beh, non so di un intero vaso di whisky, ma c'è un negozio vicino e ci possiamo comprare qualcosa lì.	Моника: Ну, я не знаю на счет целой вазы виски, но тут недалеко есть один магазин и там можно что-нибудь купить.	
Carlos: ¡Guay! Tienes tu propio negocio de alcohol. ¡Ay, qué bien que te he conocido! ¡Vamos, vamos!	Карлос: Круто ! У тебя свой алкогольный бизнес . Ай, как хорошо, что я тебя встретил! Пойдем.	
Monica: Ma no, che guai? Il fatto che ci sia un negozio in città è normale, no? A proposito, c'è un ristorante accanto, la cui specialità è melanzane arroste con burro.	Моника: Нет, какая беда? То, что в городе есть магазин — это нормально, разве нет? Кстати, там по соседству есть ресторан, фирменное блюдо которого запеченные на гриле баклажаны с маслом.	
Carlos: No creo que el arroz con manzanas y además con burro sea buenos entremeses para el whisky. ¿Tal vez sea mejor ir a la tasca, donde podemos comprar los bocadillos con mantequilla y caballa?	Карлос: Не думаю, что рис с яблоками и тем более ослом — это хорошая закуска к виски. Может, лучше пойдем в таверну, где можно взять бутерброды со сливочным маслом и скумбрией?	
Monica: Da quale tasca hai intenzione di prendere una cavalla? E come ne farai un panino?	Моника: Из какой это сумки ты собрался достать кобылу? И как из нее ты собираешься сделать бутерброд?	
Carlos: ¡Sí, sí, claro! ¡Será chulo! Y por cierto, ¿tienes una cámara? Capturemos nuestro nudo de amistad en la foto.	Карлос: Да-да, правильно! Будет круто! И кстати, у тебя есть фотоаппарат ? Давай запечатлеем наши дружеские узы на фото.	
Monica: Cosa vuol dire, amici nudi nella camera? Che mi fai imbarazzo!	Моника: В смысле, голые друзья в комнате? Ты что? Ты меня смущаешь!	
Carlos: ¿Cuáles son los embarazos para tomar una foto? Vamos a acostarnos en el césped. Y tu hermoso pelo brillará al sol. ¡Resultará una foto maravillosa!	Карлос: Какие могут быть препятствия, чтобы сделать фото? Давай ляжем на газон. Как раз твои красивые волосы будут блестеть на солнце. Получится классная фотка!	
Monica (pensando): È un po' strano! Suggerisce di accostarci nudi sul prato e allo stesso tempo essere fotografati. E perché lui ha detto della bellezza dei miei peli? Mi sembra che bisogna domandare qualcosa a lui. (a Carlos): voglio domandare una cosa! Sei un maniaco?!	Моника (думает про себя): Какой-то он странный! Предлагает ласкаться раздетыми на газоне и при этом фотографироваться. И при чем здесь красота моих волос на теле? Мне кажется, что нужно коечто у него узнать (к Карлосу): Хочу у тебя кое-что спросить! Ты маньяк?!	
Carlos: ¡Basta, basta! ¡No soy maníaco! No hay necesidad de demandar contra mí! ¡Malditos, locos italianos!	Карлос: Стоп-стоп! Я не маньяк! Не нужно возбуждать против меня дело! Кошмар, чокнутые итальянцы!	

To visually illustrate the difficulty of recognizing and revealing in practice the interlingual homonyms of the Spanish and Italian languages, the author proposes a combined table of 10 pairs of "false friends of the translator" with a mutual interpretation and etymological analysis, presented below.

Analysis of interlingual homonyms in Spanish and Italian

Table 2

The etymology of the word "caldo" originates from the Latin "calidus", which means "hot". In Spanish, this word has acquired the meaning of "hot broth"; while in Italian it has retained its original interpretation as "heat". Such a mismatch causes problems in understanding translation in the process of intercultural communication.

The etymology of the word "guay/guai" originates from the German exclamation of the wáwa, which is used to express painful sensations. In Spanish, this word has acquired an antonym meaning and is translated as "cool", while in Italian it has retained a close interpretation and translated as "trouble". Such a mismatch causes problems in understanding translation in the process of intercultural communication.

The etymology of the word "burro" originates from the Latin "butyrum", which translates as "butter". From it came the Italian word "burro", which also means "butter". In Spanish, the word burro comes from another Latin word "borrico", which means "donkey". Such a mismatch causes problems in understanding translation in the process of intercultural communication.

The etymology of the word "nudo" originates from the Latin "nudus", which translates as "naked". From him came the Italian word "nudo", which is also interpreted as "naked". This word has a similar meaning in Spanish, but there is also a different meaning presented in the dialogue – "knot" or "tie", which originates from the Latin "nodus". Such a mismatch causes problems in understanding translation in the process of intercultural communication.

The etymology of the word "domandare" originates from the Latin "demandare", which translates as "demand". From which there is the Italian word "domandare", which is interpreted as the verb "ask". In Spanish, the word "demandar" also comes from the Latin "demandare", but has received a different connotation and means "sue" or "institute criminal proceedings". Such a mismatch causes problems in understanding translation in the process of intercultural communication.

Analyzing the bilateral dialogue presented in this work using the interlingual homonyms of the Spanish and Italian languages, we can conclude that only good knowledge of the translation of "false friends" can help to modern translators to recognize and correctly interpret them in practice. The method of situational dialogues proposed by the authors can facilitate understanding of homonymy in Spanish and Italian, making the study of this phenomenon simpler and more accessible for students.

In the example shown, it is clearly visible what the incorrect interpretation of interlingual homonyms can lead to misunderstandings. And, as it is seen, a usual situation in everyday life can lead to an unpredictable conclusion. That is why this topic is very relevant in the modern world and is interesting to study both for native speakers and translators.

Translators should be able to deliver the intended meaning written in the source language to the target language without changing the purpose of the source text at all [18, p. 11]. The "false friends" of translators project an incorrect understanding and, subsequently, an incorrect interpretation of a word or a conversation. At a subconscious level, the translator uses the interpretation that is similar in sound to the translated word, which often leads to a distortion of the true meaning of what was said. And if we are talking about native speakers of related languages, as seen in the considered pair of Spanish and Italian, this situation is quite common.

In order to avoid such incorrect situations with distorted perception and transmission of the meaning of what was said, one should thoroughly study the phenomenon of interlingual homonyms and clearly demonstrate to future translators the contextual cases of interpreting "false friends", as has been shown in the bilateral dialogue between native speakers of Spanish and Italian.

Bibliography

1. Armstrong B.C., Zugarramurdi C. Relative meaning frequencies for 578 homonyms in two Spanish dialects: A cross-linguistic extension of the English eDom norms / B.C. Armstrong,

- C. Zugarramurdi, A. Cabana, J.V. Lisboa, D.C. Plaut // Behavior Research Methods. 2016. Vol. 48. Issue 3. P. 950–962. DOI: 10.3758/s13428-015-0639-3.
- 2. Carrol G., Littlemore J. Of false friends and familiar foes: Comparing native and non-native understanding of figurative phrases / G. Carrol, J. Littlemore, M.G. Dowens // Lingua. 2018. Vol. 204. P. 21–44. DOI: 10.1016/j.lingua.2017.11.001.
- 3. Al-Wahy A.S. Semantics and pragmatics of false friends / A.S. Al-Wahy // Canadian journal of linguistics-revue canadienne de linguistique. 2010. Vol. 55. Issue 2. P. 257–259. DOI: 10.1353/cjl.2010.0001.
- 4. Brumme J. "False friends": Portuguese-German, German-Portuguese / J. Brumme // Zeitschrift fur romanische philology. 2003. Vol. 119. Issue 4. P. 784–785.
- 5. Dominguez P.J.C., Nerlich B. False friends: their origin and semantics in some selected languages / P.J.C. Dominguez, B. Nerlich // Journal of pragmatics. 2002. Vol. 34. Issue 12. P. 1833–1849.
- 6. Sabate-Carrove M., Chesnesvar C.I. False friends in English-Spanish translations in computer science literature / M. Sabate-Carrove, C.I. Chesnesvar // Perspectives-studies in translatology. 1998. Vol. 6. Issue 1. P. 47–60. DOI: 10.1080/0907676X.1998.9961322.
- 7. Breitkreuz H. Italian false friends Ferguson, R / H. Breitkreuz // IRAL-international review of applied linguistics in language teaching. 1997. Vol. 35. Issue 3. P. 226–227.
- 8. Topalova A. "'False-friends" in translation work: An empirical study / A. Topalova // Perspectives-studies in translatology. 1996. Vol. 4. Issue 2. P. 215–222. DOI: 10.1080/0907676X.1996.9961288.
- 9. Акуленко В.В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В.В. Акуленко. М.: Советская энциклопедия, 1969. 384 с.
- 10. Koessler M., Derocquigny J. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs / M. Koessler, J.Derocquigny. Paris: Vuibert Publ., 1928. 424 p.
- 11. Басманова А.Г. Именные части речи во французском языке / А.Г. Басманова. М.: Просвещение, 1991. 164 с.
  - 12. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. К.: Знанння, 2004. 327 с.
- 13. Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков / А.Е. Супрун. Минск: Издво БГУ, 1983. 47 с.
- 14. Апетян М.К. Ложные друзья переводчика в английском языке / М.К. **Апетян // Мо**лодой ученый. 2014. № 14. С. 91—93.
- 15. Краснокутская Н.В. Проблема межъязыковой омонимии в преподавании русского языка как иностранного европейским учащимся [Електронний ресурс] / Н.В. Краснокутская // Интернет-журнал «Мир науки». Педагогика и психология. 2018. Т. 6 (1). Режим доступу: https://mir-nauki.com/46PDMN118.html (последнее обращение 07.10.2019).
  - 16. Борисова Л.И. Ложные друзья переводчика / Л.И. Борисова. М.: НВИ-Тезаурус, 2010. 211 с.
  - 17. Казакова Т.А. Теория перевода / Т.А. Казакова. М.: Восток-Запад, 2009. 224 с.
- 18. Napu N., Hasan R. Translation problems analysis of students' academic essay / N. Napu, R. Hasan // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. 2019. Vol. 2. issue 5. P. 1–11. DOI: 10.32996/ijllt.2019.2.5.1.

INTERLINGUAL HOMONYMS IN SPANISH AND ITALIAN: FALSE FRIENDS – REAL ENEMIES OF TRANSLATORS

Taras E. Pysmennyi, Alfred Nobel University, Dnipro (Ukraine)

E-mail: taraspismenniy@gmail.com

Aleksander A. Pliushchai, Alfred Nobel University, Dnipro (Ukraine)

E-mail: pliuschaimariopau@gmail.com

Marianna Yu. Onishchenko, Alfred Nobel University, Dnipro (Ukraine)

E-mail: bagatelle09@rambler.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-24

Key words: interlingual homonyms, Spanish, Italian, translation problems, bilateral dialogue, homonymy.

In modern philological science, similar in sound but different in meaning words are called interlingual homonyms or, as they are often called in the circles of philologists and translators, "false friends". Such "false friends" are "real enemies" for translators. However, there is no difference whether translation is carried out between related language groups or into other foreign languages. In this work, we will study and disclose the problems of translation and interpretation of interlingual homonyms in Spanish and Italian, being part of the group of Romance lan-

guages. The problem posed is one of the most complicated touching important aspects of the activities of modern translators. And the goal of this work is to analyze the problem of translating interlingual homonyms with the subsequent proposal to simplify understanding and study the phenomenon of homonymy. It is assumed that the list of Spanish-Italian homonyms presented in the research can be of substantial help in the practice of teaching these languages for both foreign students from European countries and students who are fluent in Italian or Spanish. In the future, our methodological developments can form the basis of a special textbook on Spanish-Italian vocabulary, oriented primarily for European students and taking into account the problem of interlingual interference. In addition to the list of interlingual homonyms, the authors created a bilateral dialogue between native speakers of Spanish and Italian, where a simple, at first glance, conversation from life that leads to unpredictable unfolding and to no less unexpected ending, perfectly demonstrates what ignorance can lead to misunderstandings without clear interpretation of certain words. The authors propose to use a visual demonstration of interlingual homonyms in such situational dialogues, which will help students and translators to clearly understand the differences between certain words, and, accordingly, facilitate the perception of the material under consideration.

References

- 1. Armstrong, B.C., Zugarramurdi, C., Cabana, A., Lisboa, J.V., Plaut, D.C. Relative meaning frequencies for 578 homonyms in two Spanish dialects: A cross-linguistic extension of the English eDom norms. In: Behavior Research Methods, 2016, vol. 3, issue 48, pp. 950-962. DOI: 10.3758/s13428-015-0639-3.
- 2. Carrol, G., Littlemore, J., Dowens, M.G. Of false friends and familiar foes: Comparing native and non-native understanding of figurative phrases. In: Lingua, 2018, volume 204, pp. 21-44. DOI: 10.1016/j. lingua.2017.11.001.
- 3. Al-Wahy, A.S. Semantics and pragmatics of false friends. In: Canadian journal of linguistics: revue Canadian of linguistics, 2010, vol. 55, issue 2, pp. 257-259. DOI: 10.1353/cjl.2010.0001.
- 4. Brumme, J. "False friends": Portuguese-German, German-Portuguese. In: Zeitschrift fur romanische philology, 2003, vol. 119, issue 4, pp. 784-785.
- 5. Dominguez, P.J.C., Nerlich, B. False friends: their origin and semantics in some selected languages. In: Journal of pragmatics, 2002, vol. 34, issue 12, pp. 1833-1849.
- 6. Sabate-Carrove, M., Chesnesvar, C.I. False friends in English-Spanish translations in computer science literature. In: Perspectives-studies in translatology, 1998, vol. 6, issue 1, pp. 47-60. DOI: 10.1080/09 07676X.1998.9961322.
- 7. Breitkreuz, H. Italian false friends Ferguson, R. In: IRAL: international review of applied linguistics in language teaching, 1997, vol. 35, issue 3, pp. 226-227.
- 8. Topalova, A. "False-friends" in translation work: An empirical study. In: Perspectives: studies in translatology, vol. 4, issue 2, pp. 215-222. DOI: 10.1080/0907676X.1996.9961288.
- 9. Akulenko, V.V. Anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' "lozhnikh druzei perevodchika" [English-Russian and Russian-English Dictionary of "False Translator Friends"]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1969, 384 p.
- 10. Koessler, M., Derocquigny, J. *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs* [False friends or foes of English vocabulary. Tips for translators]. Paris, Vuibert Publ., 1928, 424 p.
- 11. Basmanova, A.G. *Imennyie chasti rechi vo franzuzskom yazike* [Named parts of speech in French]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1991, 164 p.
  - 12. Manakin, V.N. Sopostavitelnaya lexicologiya [Comparative lexicology]. Kiev, Znaniya Publ., 2004, 327 p.
- 13. Suprun, A.E. *Lexicheskaya tipologiya slavyanskikh yazikov* [Lexical typology of Slavic languages]. Minsk, BGU Publ., 1983, 47 p.
- 14. Apetyan, M.K. Lozhnie druzya perevodchika v angliyskom yazike [False translator friends in English]. Molodoy ucheniy [Young Scientist], 2014, no. 14, pp. 91-93.
- 15. Krasnokrutskaya, N.V. *Problema mezhyazikovoi omonimii v prepodavanii russcogo yazika kak inostrannogo evropeiskim uchaschimsya* [The problem of interlingual homonymy in teaching of Russian as a foreign language to European students]. *Internet zhurnal "Mir nauki"*. *Pedagogika I Psikhologiya* [Internet magazine "World of Science". Pedagogy and psychology], 2018, vol. 6 (1). Available at: https://mir-nauki.com/46PDMN118.html (Accessed 07 October 2019).
- 16. Borisova, L.I. *Lozhnie druzya perevodchika* [False translator friends]. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2010, 211 p.
  - 17. Kazakova, T.A. Teoria perevoda. [Translation theory]. Moscow, "Vostok-Zapad" Publ., 2009, 224 p.
- 18. Napu, N., Hasan, R. Translation problems analysis of students' academic essay. In: International Journal of Linguistics, Literature and Translation, 2019, vol. 2 issue 5, pp. 1-11. DOI: 10.32996/ijllt.2019.2.5.1.

Одержано 5.09.2019.

УДК 81'336

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-25

н.м. сопилюк,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри романської філології та перекладу Чернівецького національного університету імені Ю. Федьковича

І.О. ЦАРЕНКО,

кандидат економічних наук, магістрант кафедри романської філології та перекладу Чернівецького національного університету імені Ю. Федьковича

КОМПАРАТИВНИЙ АНАЛІЗ СИСТЕМ МАШИННОГО ПЕРЕКЛАДУ ЕКОНОМІЧНОГО ДИСКУРСУ (на прикладі французько-українських мовних пар)

У статті продемонстровано компаративний аналіз систем машинного перекладу франкомовного економічного дискурсу українською мовою, враховуючи зростаючі тенденції до зовнішньоекономічної діяльності вітчизняними підприємствами та посилення кооперації в межах ринку праці. Компаративістика охоплює сферу машинного перекладу з точки зору розвитку комп'ютерної лінгвістики та зростання попиту на сервіси з перекладацьких послуг. Дослідження зосереджено на аналізі перекладу французько-української мовної пари економічного дискурсу за допомогою існуючих систем машинного перекладу. Проаналізовано історію виникнення перших систем машинного перекладу. Визначено основні підходи до класифікації таких систем, зокрема, абсолютно автоматизований машинний переклад, машинний переклад за участю людини, переклад, який виконує людина з використанням ЕОМ, та інший підхід — системи, які працюють завдяки використанню правил, статистичні системи машинного перекладу та гібридні системи.

Проведено опитування серед респондентів, щоб визначити найбільш поширені системи серед економістів-практиків та викладачів економічних дисциплін. У результаті, встановлено, що найпоширенішими системами машинного перекладу ε «Google-Translate», «Яндекс.Перевод» та «PROMT».

Шляхом лінгвістичного аналізу (на морфологічному, лексичному та синтаксичному рівнях) виявлено переваги та недоліки машинного перекладу онлайн-системами Google Translate, Яндекс та PROMT.

Серед основних переваг машинного перекладу виділено такі: швидкість; доступність; досить широкий спектр вибору еквівалентних відповідників. Серед недоліків відзначено такі: дослівний переклад; непередбачуваність у прийнятті рішень і виборі еквівалента; при перекладі система машинного перекладу не враховує широкий контекст. Визначено причини виникнення перекладацьких помилок та необхідність використання постредагування для поліпшення якості перекладу.

Ключові слова: машинний переклад, економічний дискурс, онлайн-системи машинного перекладу, оцінка якості машинного перекладу, синтаксичний рівень, морфологічний рівень, лексичний рівень.

В статье продемонстрирован компаративный анализ систем машинного перевода франкоязычного экономического дискурса на украинский язик с учетом растущей тенденции к внешнеэкономической деятельности отечественных предприятий и усилению кооперации в пределах рынка труда. Компаративистика охватывает сферу машинного перевода с точки зрения развития компьютерной лингвистики и роста спроса на сервисы переводческих услуг. Исследование сосредоточено на анализе перевода французско-украинской языковой пары экономического дискурса с помощью существующих систем машинного перевода. Проанализирована история возникновения первых систем машинного перевода. Определены основные подходы к классификации таких систем, в частности, абсолютно автоматизированный машинный перевод, машинный перевод при участии человека, перевод, выполняемый человеком с использованием ЭВМ, и другой подход — системы, работающие благодаря использованию правил, статистические системы машинного перевода и гибридные системы.

Проведен опрос среди респондентов с целью определения наиболее распространенных систем среди экономистов-практиков и преподавателей экономических дисциплин. В результате установлено, что наиболее распространенными системами машинного перевода являются «Google-Translate», «Яндекс.Перевод» и «PROMT».

Путем лингвистического анализа (на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях) выявлены преимущества и недостатки машинного перевода онлайн-системами Google Translate, Яндекс и PROMT.

Среди основных преимуществ машинного перевода выделены следующие: скорость; доступность; достаточно широкий спектр выбора эквивалентных соответствий, тогда как среди недостатков отмечены следующие: дословный перевод; непредсказуемость в принятии решений и выборе эквивалента; при переводе система машинного перевода не учитывает широкий контекст. Определены причины возникновения переводческих ошибок и необходимость использования постредактирования для улучшения качества перевода.

Ключевые слова: машинный перевод, экономический дискурс, онлайн-системы машинного перевода, оценка качества машинного перевода, синтаксический уровень, морфологический уровень, лингвистический уровень.

Учас прискореного розвитку науки та технологій, поглиблення процесу інформатизації та діджиталізації усіх сфер суспільного життя не лишилась осторонь і сфера перекладознавства. Саме процес комп'ютеризації наприкінці 1990-х років вплинув на появу кардинально нового напряму в лінгвістиці, а саме — комп'ютерної, серед проблемних аспектів якої одне з досить важливих місць займає машинний переклад.

Впродовж останнього часу машинний переклад набув досить значної популярності у всіх сферах життя — від повсякденної до професійної, адже поглиблення зовнішньоекономічної діяльності підприємств, розширення зв'язків вплинуло на появу товарів та послуг іноземного виробництва, розширило можливість доступу до широкої бази контентів іноземною мовою тощо. Таким чином, потреба розуміння сутнісного змісту іноземного контенту стала досить важливою.

Проблемам дослідження аспектів особливостей машинного перекладу присвятили праці вчені-лінгвісти різних країн, зокрема, А. Бут і У. Локк [1], Т. Скоробогатова [3], Ю. Марчук [2], Ж. Мацак [3], А. Міщенко [4], В. Хатчинс [7] та ін. Наприклад, праці А. Міщенко [4] та П. Кьоена [8] було присвячено дослідженню статистичних та гібридних систем машинного перекладу. Проте найбільшу цінність з точки зору емпіричності щодо мети нашого дослідження мають наукові доробки П. Хроменкова [5], Д. Арнольда [6] та С. Ніренбурга [10] стосовно якісного рівня вихідного результату систем машинного перекладу.

Окрім фахівців-філологів, вирішенням проблем, пов'язаних із машинним перекладом також займаються представники відомих компаній, таких як SYSTRAN Software IncAlis Technologies Inc., Toshiba Corp., Compu Serve, Logos Corp., Globalink Inc., Fujitsu Corp., TRADOS Inc., PROMT, SAP AG та ін.

Проте аналіз особливостей машинного перекладу документів економічного дискурсу досліджено недостатньою мірою, що й обумовило вибір мети цього дослідження. Крім того, з огляду на те, що більшість досліджень пов'язані з аналізом мовної пари англійська-українська, нами було обрано іншу вхідну мову, а саме, французьку. Отже, основною метою дослідження є проведення компаративного аналізу наявних систем машинного перекладу та висвітлення основних помилок при перекладі економічних текстів.

Точкою відліку появи машинного перекладу слід вважати Джорджтаунський експеримент 1954 р., результатом якого стала публічна демонстрація результату перекладу за допомогою електронно-обчислювальної техніки. Експеримент мав на меті здійснити переклад 60 речень з російської мови на англійську, вибір мовних пар пов'язаний з періодом холодної війни. Враховуючи той факт, що речення були простими, вихідний результат вважався успішним.

Загалом етимологія поняття машинного перекладу не має однозначного перекладу, проте більшість дослідників погоджуються, що це процес перекладу вихідного тексту з використанням спеціального програмного забезпечення, встановленого на електронно-обчислювальній техніці.

3 огляду на різноманітність підходів до тлумачення поняття, логічним є те, що не існує єдиного підходу до класифікації систем машинного перекладу.

Одним із загальноприйнятих підходів до класифікації є поділ систем за рівнем автоматизованості, який у 1990 р. було запропоновано Л. Чайлдсом. Він передбачає зокрема такі категорії машинного перекладу.

FAMT (Fully-automated machine translation) — абсолютно автоматизований машинний переклад передбачає, що до системи вноситься текст однією мовою, остання, опрацювавши його, виводить вихідний результат іншою мовою.

Основними перешкодами цього типу систем машинного перекладу є в першу чергу велика ймовірність дослівного перекладу ідіоматичних конструкцій та неправильне визначення частин мови. Вважається, що основною мірою якості систем повністю автоматизованого машинного перекладу є можливість вирішення проблеми розуміння природної мови.

HAMT (Human-assisted machine translation) — машинний переклад за участю людини передбачає, що остання здійснює опрацювання тексту, скорочуючи довгі речення, усуваючи неясності та можливий двозначний переклад, складні конструкції. Зазвичай людина, яка використовує цей тип повинна володіти граматикою та мати значний запас слів.

МАНТ (Machineassisted human translation) — переклад, який виконує людина з використанням ЕОМ. Цей тип перекладу повністю виконує людина, а електронно-обчислювальна машина здійснює виключно перевірку термінології, пошук відповідностей у словнику та порівняння з іншими перекладами. Досить часто такі системи перекладу називають ТМ-програмами (від англійського словосполучення «translation memory» — пам'ять перекладу) і вони поширені виключно серед професіональних перекладачів [3].

Ще одним підходом до класифікації є правила, а саме їх використання у процесі перекладу.

Відповідно до цієї класифікації прийнято розрізняти:

- 1. Системи, які працюють завдяки використанню правил (Rule-Based Machine Translation—RBTM). Такі системи працюють за правилами, які були розроблені професійними експертами та передбачають фіксацію вихідної мови цільовою. Безперечно залучення людини є перевагою та відображається у високій якості вихідного продукту, проте, з іншого боку, це призводить до необхідності постійного оновлення таких систем, а також збільшує часовий проміжок процесу перекладу;
- 2. Статистичні (Statistical Machine Translation SMT) системи машинного перекладу системи, які використовують комп'ютерні алгоритми при здійсненні перекладу, що значно підвищує його якість. Статистичні системи містять «базу даних» із слів та фраз, які автоматично було вивчено та запозичено з двомовних паралельних речень. Основною перевагою статистичних систем машинного перекладу є рівень їх автоматизованості при побудові нової системи, при цьому наявна можливість машинного навчання, в результаті чого, більш швидка дія та нижча вартість обчислювальної потужності, яка необхідна для побудови та експлуатації моделей, в основу яких покладено статистичний алгоритм. Однак варто відзначити наявність значного недоліку «ефекту розбавлення даних», який спричинено дефіцитом даних, що підходять для здійснення «навчання».
- 3. Гібридні (Hybrid Machine Translation HMT hybrid) системи машинного перекладу поєднують у собі переваги двох попередніх та доповнені новими технологіями та алгоритмами, які спрямовані на поліпшення якості та подолання часових обмежень. Проте варто відзначити притаманні таким системам витрати у зв'язку з появою додаткових складнощів керування [4].

3 огляду на стрімкий розвиток технологій, останніми роками виник абсолютно новий алгоритм, який здійснює переклад на більш якісному рівні, ніж попередні, а саме, дає змогу усунути недоліки традиційних систем машинного перекладу, які здійснюють його «пофразово», це стало можливим за рахунок того, що в основу системи було покладено штучну нейронну мережу — нейронний машинний переклад (NMT).

Далі вважаємо за необхідне здійснити аналіз результату перекладу економічних документів з французької мови на українську за допомогою систем машинного перекладу.

У зв'язку з тим, що нині існує широкий спектр таких систем, нами було проведено дослідження серед респондентів, щоб визначити найбільш поширені системи серед економістів-практиків та викладачів економічних дисциплін.

Таке опитування було здійснено шляхом проведення анкетування. В результаті нами було опитано 156 респондентів та виявлено такі результати: 61 особа використовують онлайн-перекладач Promt (39,1 %), 48 респондентів користуються послугами перекладача Google-Translate (30,8 %), 32 особи — машинним перекладачем Яндекс (20,5 %), 13 осіб користуються іншими системами машинного перекладу (8,3 %) і лише (1,3 %) 2 особи використовують друковані словники та здійснюють переклад вручну (рис. 1).

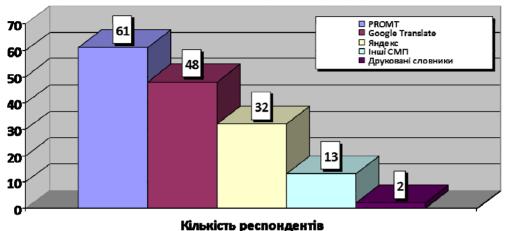

Рис. 1. Результати опитування респондентів щодо систем машинного перекладу

У результаті встановлено, що найпоширенішими системами машинного перекладу серед економістів є «Google-Translate», «Яндекс.Перевод» та «PROMT». Далі вважаємо за необхідне провести безпосередньо аналіз результатів їх роботи. Матеріалом для дослідження було обрано публікації на офіційному сайті Світового банку — Mettre fin à la pauvreté, investir dans les opportunités та Le rapport annuel du Haut Conseil de stabilité financière [9].

При здійсненні перекладу фрагмента економічного документа було отримано такі результати.

Оригинал

AU TOTAL, 62,3 MILLIARDS DE DOLLARS de prêts, dons, prises de participation et garanties en faveur de pays partenaires et d'entreprises privées. Le montant total inclut les projets multirégionaux et mondiaux. La répartition par région tient compte de la classification des pays par la Banque mondiale.

Google:

ВСЬОГО 62,3 млрд дол. США в позиках, пожертвах, капітальних вкладеннях та гарантіях для країн-партнерів та приватних компаній. Загальна сума включає мультирегіональні та глобальні проекти. Розбиття за регіонами враховує класифікацію країн Світовим банком.

Yandex:

В цілому 62,3 млрд дол. Загальна сума включає в себе міжрегіональні та глобальні проекти. В розбивці по регіонах враховується класифікація країн Світового банку.

Promt:

У загальній складності, 62,3 мільярда доларів позичок, дотацій, участі і гарантій на користь партнерських країн і приватних підприємств. Загальна сума включає multiregionalnyye і світові проекти. Розподіл регіоном приймає до уваги класифікацію країн світовим банком.

Авторський переклад:

Країнам-партнерам та приватним компаніям були надані позики, гранти, інвестиції в акціонерний капітал та гарантії на загальну суму 62,3 млрд дол. США. Загальна сума включає міжрегіональні та глобальні проекти. Розподіл по регіонах відображає прийняту у Світовому банку класифікацію країн.

У ході проведення аналізу та виявлення помилок були помічено такі закономірності.

Граматичні трансформації на словотвірному рівні

Використання великої літери:

Розподіл регіоном приймає до уваги класифікацію країн світовим банком./ Розподіл по регіонах відображає прийняту у Світовому банку класифікацію країн.

Відповідно до правопису української мови установи державного значення пишуться з великої літери, що не враховує при перекладі машина.

Граматичні трансформації на морфологічному рівні

Категорійна заміна відмінка:

Розподіл регіоном приймає до уваги класифікацію **країн світовим банком**. / Розподіл по регіонах відображає прийняту **у Світовому банку** класифікацію країн.

При машинному перекладі маємо додаток в орудному відмінку, при авторському—у місцевому. Розподіл **регіоном** приймає до уваги класифікацію країн світовим банком. / Розподіл **по регіонах** відображає прийняту у Світовому банку класифікацію країн.

Машинний переклад використовує орудний відмінок, що призводить до помилкового сприйняття змісту речення (сприймаємо, що центральний поділ здійснюється регіоном, а не по його частинах), а в авторському перекладі — місцевий відмінок.

Категорійна заміна числа:

62,3 мільярда доларів **позичок /** Країнам-партнерам та приватним компаніям було надано **позики**

Машинний переклад здійснює переклад іменника в однині у жіночому роді, а при авторському — у множині.

Граматичні трансформації на синтаксичному рівні

Вилучення:

У загальній складності, 62,3 мільярда доларів позичок, дотацій, **участі** і гарантій на користь партнерських країн і приватних підприємств. / Країнам-партнерам та приватним компаніям було надано позики, гранти, інвестиції в акціонерний капітал та гарантії на загальну суму 62.3 млрд. дол. США

При авторському перекладі вилучено іменник, адже так нагромадженність речення стає значно меншою, а зміст від цього не зазнає проблемного розуміння.

Зміна синтаксичного зв'язку у реченні:

У загальній складності, 62,3 мільярда доларів позичок, дотацій, участі і гарантій на користь партнерських країн і приватних підприємств. / Країнам-партнерам та приватним компаніям **було надано** позики, гранти, інвестиції в акціонерний капітал та гарантії на загальну суму 62,3 млрд. дол. США

При машинному перекладі маємо односкладне речення називного типу, а при авторському — односкладне безособове, що, по-перше, допомагає читачу зрозуміти зміст речення, по-друге, використання безособових речень є ознакою наукового та офіційноділового стилів мовлення.

Структура речення при машинному перекладі порушує прямий порядок слів в українській мові, тому ми вважаємо за доцільне змінити його на прямий, адже так читач зможе зрозуміти зміст речення в повному обсязі, оскільки при машинному перекладі незрозумілий суб'єкт, який виконує дію.

Зміна порядку слів у реченні:

Розподіл регіоном приймає до уваги **класифікацію країн світовим банком.** / Розподіл по регіонах відображає прийняту у **Світовому банку класифікацію країн.**

Неадекватність перекладу:

Загальна сума включає **multiregionalnyye** і світові проекти./ Загальна сума включає **міжрегіональні** та глобальні проекти.

Неспроможність системи здійснити переклад слова «міжрегіональні» можна пояснити лише відсутністю останнього у словнику вищезазначеної системи машинного перекла-

ду. Така ситуація може виникати й з іншими словами, тому вважається, що переклад, який виконує людина, є більш досконалим та усуває ймовірність виникнення подібних ситуацій.

Одержані в результаті детального лінгвістичного аналізу дані дають змогу стверджувати таке: машинний переклад (незалежний від людини) на сьогоднішній день є неможливим, однак результати процесу здійснення перекладу системами машинного перекладу є зручними та корисними для здійснення поверхневого ознайомлення з змістовим сенсом за умови, що текст використовується як сигнальна інформація і не потребує ретельного редагування.

Для повноцінного ж перекладу необхідне постредагування тексту з урахуванням виявленої типології помилок машинного перекладу. Слід відзначити, що нами було виокремлено лише найбільш поширені помилки машинного перекладу, і цей список може бути, безсумнівно, продовжений для текстів економічного профілю.

Таким чином, за підсумками аналізу машинного перекладу обраних нами матеріалів було зроблено такі висновки.

По-перше, було виявлено переваги машинного перекладу, а саме: швидкість; доступність; досить широкий спектр вибору еквівалентних відповідників, що дає змогу перебудови структури речення.

Переклад зрозумілий, дотримується еквівалентність перекладу на рівні мети комунікації, не було виявлено серйозного спотворення сенсу. Однак слід зауважити: специфічні абревіатури не можуть бути правильно перекладені за допомогою машинного перекладу.

Варто зазначити, що для кожної мови спостерігаються свої особливості. Так, наприклад, якість перекладу для мовної пари французька—українська значно нижча, аніж для мовних пар, які є більш спорідненими між собою.

Серед основних недоліків машинного перекладу слід відзначити такі.

- 1. Дослівний переклад. Незважаючи на те, що система машинного перекладу вдається до трансформацій, у більшості випадків переклад буквальний, у ньому зберігаються синтаксичні конструкції оригіналу.
- 2. Непередбачуваність у прийнятті рішень і виборі еквівалента. Відзначається велика кількість випадків, коли вибір тієї чи іншої лексичної одиниці не мотивований або нерелевантний, що призводить до порушення лексичної сполучуваності або спотворення змісту речення, що пояснюється роботою алгоритмів системи нейронного машинного перекладу, яка приймає рішення про вибір того чи іншого слова.
- 3. При перекладі система машинного перекладу не враховує широкий контекст. Переклад здійснюється на рівні речення, тому в одному тексті одне і те ж слово або словосполучення може бути перекладено по-різному. Усі ці фактори знижують якість перекладеного тексту. Крім того, було виявлено, що для машинного перекладача існують різні обмеження. Наприклад, наявність у тексті оригіналу слів мовою, відмінною від заданої, ускладнює переклад, і в результаті цього такі слова залишаються не перекладеними. Ще одним обмеженням для систем машинного перекладу є рідкісні слова, наприклад, імена людей.

Таким чином, з введенням систем нейронного машинного перекладу якість машинного перекладу значно зросла. Завдяки таким системам машинний переклад став більш «природним», знизилася кількість помилок, що веде до скорочення часу, необхідного для постредагування тексту і виправлення помилок. Такий переклад викликає більшу довіру, і в майбутньому перекладачі та звичайні користувачі, наприклад, спеціалісти в економічній сфері, все частіше будуть вдаватися до автоматичного перекладу.

Розглянувши типові помилки на прикладах, ми дійшли висновку, що жодна з систем не є досконалою на цьому етапі, всі вони потребують доопрацювання. Перспективою подальших наукових розвідок є пошук шляхів усунення найбільш поширених помилок систем машинного перекладу при здійсненні перекладу економічного дискурсу.

Список використаної літератури

- 1. Бут А.Д. Историческое введение / А.Д. Бут, У.Н. Локк // Машинный перевод. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 15–32.
  - 2. Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода / Ю.Н. Марчук. М.: Наука, 1983. 201 с.

- 3. Мацак Ж.І., Скоробогатова Т.І. Машинний переклад та його специфіка / Ж.І. Мацак, Т.І. Скоробогатова. 2009. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.rusnauka.com/31 ONBG 2009/Philologia/54653.doc.htm (останнє звернення 12.08.2019).
- 4. Міщенко А.Л. Машинний переклад у контексті сучасного науково-технічного перекладу / А.Л. Міщенко // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Серія «Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов». 2013. —№ 1051. С. 172—180
- 5. Хроменков П.Н. Анализ и оценка эффективности современных систем машинного перевода: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / П.Н. Хроменков. М., 2000. 170 с.
- 6. Arnold D. Machine Translation: An Introductory Guide / D. Arnold. London: NCC Blackwell, 1994. 240 p.
- 7. Hutchins W.J. Current and potential applications of machine translation. –2012. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.hutchinsweb.me.uk/Aslib-2012.pdf (останне звернення 12.08.2019).
- 8. Koehn P. Statistical Machine Translation / P. Koehn. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 433 p.
- 9. Mettre fin à la pauvreté, investir dans les opportunités та Le rapport annuel du Haut Conseil de stabilité financière. 2019. [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://www.banquemondiale.org/fr/about/annual-report#anchor-annual (останне звернення 12.08.2019).
- 10. Nirenburg S. Progress in Machine Translation / S. Nirenburg. Amsterdam: IOS Press, 1992. 223 p.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MACHINE TRANSLATION SYSTEMS OF ECONOMIC DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF FRENCH-UKRAINIAN LANGUAGE PAIRS)

Nataliia M. Sopyluk, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: natalyasopyluk@gmail.com

Ilona O. Tsarenko, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: ilonka.tsarenko@gmail.com DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-25

Key words: machine translation, economic discourse, online machine of translation systems, quality assessment of machine translation, syntactic level, morphological level, linguistic level.

The paper is devoted to the research of the comparative analysis of the machine translation systems of French-language economic discourse in Ukrainian, taking into account the growing tendencies in the foreign economic activity of domestic enterprises and increasing the cooperation within the labor market. The comparative research covers the field of machine translation in terms of the development of computer linguistics and the growing demand for the translation services. The research focuses on the analysis of the translation of the French-Ukrainian language pair of economic discourse by using the existing machine translation systems.

The history of the appearance of the first machine translation systems is analyzed. The authors identified the main approaches to the classification of machine translation systems, in particular: Fully-automated machine translation, Human-assisted machine translation, Machineassisted human translation; Rule-Based Machine Translation, Statistical Machine Translation, Hybrid Machine Translation. The main peculiarities of which were named. The neural machine translation system as the one of most perfect type of machine translation system was analyzed at the current stage.

A survey was conducted among the respondents (specialist-economists and scientists of economic sphere) regarding the most used machine translation systems. As a result, the following results were found: 61 respondents use Promt (39.1%), 48 respondents use Google Translate services (30.8%), 32 respondents use Yandex (20.5%), 13 respondents use other machine translation systems (8.3%) and only (1.3%) 2 respondents use the printed dictionaries and translate manually.

Through the linguistic (at the morphological, lexical and syntactic levels) analysis, the advantages and disadvantages of machine translation by using the online systems Google Translate, Yandex and PROMT are revealed. Among the main advantages of machine translation are the following: speed; availability; fairly wide range of choice of equivalent matches, then, among the shortcomings, the following are noted: the literal translation; unpredictability in decision making and choice of equivalent; when translating, the machine translation system does not take into account a wide context. Besides the grammatical transfor-

mations at the word-formation and syntax levels are analyzed by using of the indicated machine translation systems. In addition, the authors' translations were suggested.

The causes of translation errors and the necessity to use the post-editing for improving the quality of the translation are determined.

References

- 1. But, A.D., Lokk, U.N. *Istoricheskoe vvedenie* [Historical introduction]. *Mashinnyj perevod* [Machine translate]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury Publ., 1957, pp. 15-32.
- 2. Marchuk, Yu.N. *Problemy mashinnogo perevoda* [Machine Translation Issues]. Moscow, Nauka Publ., [1983], 201 p.
- 3. Matsak, Zh.I., Skorobohatoho, T.I. *Mashynnyj pereklad ta joho spetsyfika* [Machine translation and its specificity], 2009. Available at: http://www.rusnauka.com/31_ONBG_2009/Philologia/54653.doc.htm (Accessed 12 August 2019).
- 4. Mischenko, A.L. Mashynnyj pereklad u konteksti suchasnoho naukovo-tekhnichnoho perekladu [Machine translation in the context of modern scientific and technical translation]. Visnyk KhNU im. V.N. Karazina. Romano-germans'ka filologija. Metodika vikladannja inozemnih mov [Bulletin of KhNU named after V.N. Karazin. Romano-Germanic philology. A methods of foreign languages teaching], 2013, no. 1051, pp. 172-180.
- 5. Khromenkov, P.N. Analiz i otsenka effektivnosti sovremennykh sistem mashinnogo perevoda. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The analysis and assessment of efficiency of modern machine translation systems. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2000, 170 p.
  - 6. Arnold, D. Machine Translation; An Introductory Guide, London, NCC Blackwell, 1994, 240 p.
- 7. Hutchins, W.J. Current and potential applications of machine translation, 2012. Available at: http://www.hutchinsweb.me.uk/Aslib-2012.pdf (Accessed 12 August 2019).
  - 8. Koehn, P. Statistical Machine Translation. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 433 p.
- 9. Mettre fin à la pauvreté, investir dans les opportunités ma Le rapport annuel du Haut Conseil de stabilité financière [Annual Report 2019 Ending Poverty. Investing in Opportunity]. Available at: https://www.banquemondiale.org/fr/ about/annual-report#anchor-annual (Accessed 12 August 2019).
  - 10. Nirenburg, S. Progress in Machine Translation. Amsterdam, IOS Press, 1992, 223 p.

Одержано 5.09.2019.

НАШІ АВТОРИ

Анненкова Олена Сергіївна — доктор філологічних наук, професор кафедри світової літератури та теорії літератури Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова (м. Київ).

Аслан Зенфіра Музаффар кизи — докторант кафедри азербайджанської літератури Бакинського Державного Університету (Азербайджан).

Асланова Нігяр Галіб кизи — провідний фахівець відділу науки та інновацій Азербайджанського державного педагогічного університету (м. Баку).

Білик Наталія Леонідівна — доктор філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Гайдаш Анна Владиславівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської філології Київського університету імені Бориса Грінченка.

Давтянц Ірина Ігорівна — старший викладач кафедри іберо-американських досліджень в галузі мови, перекладу та міжкультурної комунікації Південного федерального університету (Російська Федерація).

Коврига Юлія Володимирівна — викладач кафедри мовних дисциплін Харківського національного аграрного університету імені В.В. Докучаєва.

Лепетюха Анастасія Вікторівна — кандидат філологічних наук, докторант кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди.

Лімборський Ігор Валентинович — доктор філологічних наук, професор, старший науковий співробітник Інституту літератури імені Т.Г. Шевченка Національної академії наук України (м. Київ).

Мамедова Мелек Хідаят кизи — кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри азербайджанської мови та технології її викладання Азербайджанського Державного Педагогічного Університету (м. Баку).

Нарівська Валентина Данилівна — доктор філологічних наук, професор кафедри зарубіжної літератури Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара.

Оляндер Луїза Костянтинівна — доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри слов'янської філології Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки (м. Луцьк).

Онищенко Маріанна Юріївна — старший викладач кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Паламар Наталя Ігорівна — кандидат філологічних наук, асистент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Львівського національного університету імені Івана Франка.

Патлань Юлія Валеріївна — провідний науковець відділу архівів Національного центру народної культури «Музей Івана Гончара» (м. Київ).

Педченко Олена Василівна — кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри слов'янської філології та перекладу Маріупольського державного університету.

Письменний Тарас Євгенович — викладач кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Плющай Олександр Олександрович – старший викладач кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Полежаєва Тетяна Вікторівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки (м. Луцьк).

Проценко Ігор Юрійович — кандидат філологічних наук, професор факультету гуманітарних наук Університету дель Норте (м. Асунсьон, Парагвай).

Синило Галина Веніамінівна — кандидат філологічних наук, професор кафедри культурології, доцент кафедри зарубіжної літератури Білоруського державного університету (м. Мінськ, Білорусь).

Сопилюк Наталія Михайлівна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри романської філології та перекладу Чернівецького національного університету імені Ю. Федьковича.

Сухенко Інна Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри зарубіжної літератури Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара.

Тимощук Наталія Миколаївна — кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та іноземних мов Вінницького національного аграрного університету.

Томіленко Людмила Миколаївна — кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник відділу лінгвістики Українського мовно-інформаційного фонду НАН України (м. Київ).

Хаботнякова Поліна Сергіївна — викладач кафедри англійської та німецької філології і перекладу імені І.В. Корунця Київського національного лінгвістичного університету.

Царенко Ілона Олександрівна — кандидат економічних наук, старший викладач кафедри економіки, менеджменту та комерційної діяльності, магістрант кафедри романської філології та перекладу Чернівецького національного університету імені Ю. Федьковича.

Шумяцька Олександра Михайлівна — кандидат філологічних наук, асистент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Львівського національного університету імені Івана Франка.

Яловенко Ольга Вікторівна — кандидат філологічних наук, викладач кафедри англійської мови та методики її навчання Уманського державного педагогічного університету імені П. Тичини.

OUR AUTHORS

- **Yelena S. Annenkova** Doctor of Philology, Full Professor, National Pedagogical Dragomanov University (Kyiv, Ukraine).
  - **Zenfira M. Aslan** PhD Doctorant, Baku State University (Azerbaijan).
- **Nigar G. Aslanova** The Leading Expert of Science and Innovations Department, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan).
- **Natalia L. Bylyk** PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Philology of Taras Shevchenko Kyiv National University (Ukraine).
  - Irina I. Davtiants Senior Lecturer, Southern Federal University (Russian Federation).
- **Anna V. Gaidash** PhD in Philology, Associate Professor, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).
  - Polina S. Khabotniakova Lecturer, Kyiv National Linguistic University (Ukraine).
- **Yuliya V. Kovryha** Lecturer, Kharkiv national agrarian university named after V.V. Dokuchayev (Ukraine).
- **Anastasiia V. Lepetiukha** PhD in Philology, Associate Professor, Grygoriy Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University (Ukraine).
- **Igor V. Limborsky** Doctor of Philology, Full Professor, Shevchenko Institute of Literature of the National Academy of Science of Ukraine (Kyiv, Ukraine).
- **Melek Kh. Mamedova** PhD in Philology, Associate Professor, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan).
- **Valentyna D. Narivska** Doctor of Philology, Full Professor, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).
- **Luiza K. Oliander** Doctor of Philology, Full Professor, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Ukraine).
  - Marianna Yu. Onyshchenko Senior Lecturer, Alfred Nobel University (Dnipro, Ukraine).
- **Natalya I. Palamar** PhD in Philology, Associate Professor, Ivan Franko National University of Lviv (Ukraine).
- **Julia V. Patlan** Leading Scientific Associate, National Center of Folk Culture "Ivan Honchar Museum" (Kyiv, Ukraine).
- **Elena V. Pedchenko** PhD in Philology, Associate Professor, Mariupol State University (Ukraine).
  - Oleksandr O. Pliuschay Senior Lecturer, Alfred Nobel University (Dnipro, Ukraine).
- **Tetiana V. Polezhaieva** PhD in Philology, Associate Professor, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Lutsk, Ukraine).
  - Igor Yu. Protsenko PhD in Philology, Full Professor, University of North (Paraguay).

Taras Ye. Pysmennyi – Lecturer, Alfred Nobel University (Dnipro, Ukraine).

- **Oleksandra M. Shumyatska** PhD in Philology, Associate Professor, Ivan Franko National University of Lviv (Ukraine).
- **Galina V. Sinilo** PhD in Philology, Full Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus).
- **Nataliia M. Sopyluk** PhD in Philology, Associate Professor, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).
- **Inna M. Sukhenko** PhD in Philology, Associate Professor, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).
- **Liudmyla M. Tomilenko** PhD in Philology, Ukrainian Lingua-Information Fund, The National Academy of Science of Ukraine (Kyiv, Ukraine).
- **Ilona O. Tsarenko** PhD in Economics, Master in Philology, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).
- **Nataliia M. Tymoshchuk** PhD in Philology, Associate Professor, Vinnytsia National Agrarian University (Ukraine).
- **Olha V. Yalovenko** PhD in Philology, Lecturer, Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University (Ukraine).